

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ

ВЫПУСК 5

Новосибирск
2003

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 5

Ответственный редактор
доктор философских наук
Ю. В. Пошков

НОВОСИБИРСК
2003

Работа издается в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 20 по решению Ученого совета Института философии и права СО РАН

Редакционная коллегия

канд. филос. наук *А. М. Аблажей*, *Г. С. Гончарова*, канд. филос. наук *Е. А. Ерохина* (отв. секретарь),
канд. филос. наук *В. Г. Костюк*, д-р филос. наук *Ю. В. Попков* (отв. редактор),
канд. филос. наук *Е. А. Тюгашев*, канд. филос. наук *И. В. Удалова*, канд. филос. наук *Д. В. Ушаков*

Рецензенты

д-р филос. наук *Т. О. Бажутина*
д-р ист. наук *М. Н. Колоткин*

Э 91 **Этносоциальные** процессы в Сибири: Тематический сборник / Под ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Вып. 5. – 266 с.
ISBN 5–94356–121–8

Основу сборника составляют материалы VI международного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», организуемого Институтом философии и права СО РАН. В пяти разделах книги рассматриваются три основные группы проблем: вопросы теории, методологии, методики и организации этносоциальных исследований; проблемы миграции, социального, экономического, демографического и духовного развития народов Сибири и межэтнических отношений; вопросы политико-правового регулирования этносоциальных процессов.

Сборник адресован специалистам в области этносоциологии, социальной философии, этнологии, этнографии, демографии, истории, работникам сферы управления.

Ethno-social processes in Siberia: Subject anthology / Ed. by Yu. V. Popkov. – Novosibirsk: NSU, 2003. – Issue 5. – 250 p.

In the anthology are represented the materials of the VI international seminar «Ethno-social processes in Siberia». The seminar is organised by the Institute of Philosophy and Law SD RAS. Three main problematic groups are considered in five parts of the book: theory, methodology, techniques and organization of ethno-social investigations; problems of migration, social, economical, demographical, and spiritual development of peoples in Siberia and their interrelations; problems of political and legal regulation of ethno-social processes.

The anthology is addressed to ethnosociologists, social philosophers, ethnologists, ethnographers, demographers, historians, supervisors of administrative departments.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основу настоящего выпуска тематического сборника составляют материалы VI международного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», проходившего в сентябре 2001 года в г. Улан-Удэ. Организаторами семинара выступили Институт философии и права СО РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Правительство Республики Бурятия при поддержке Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики (Минфедерации) РФ, межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», администраций Агинского Бурятского и Усть-Ордынского Бурятского национальных округов, Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-03-14043).

Этносоциальные процессы в Сибири в начале XXI в. отражают, с одной стороны, противоречивость мирового развития, с другой – сложную динамику современной России. Нарастание в мире глобализационных процессов, унифицирующих этнокультурные отношения, усиливает прямо противоположную тенденцию локализации и фрагментации в различных своих проявлениях, в частности широкое распространение национализма как одной из наиболее мощных идейных и политических сил современности. Неустойчивость, кризисность нынешнего положения, неопределенность перспектив и, как результат, нарастание катастрофичности бытия вызывают активизацию усилий в поиске защитных механизмов человеческого существования. Этническая мобилизация принадлежит к числу наиболее значимых из них. Важным следствием оживления этничности выступает нарастание социальной напряженности и конфликтности в обществе. Даже тогда, когда конфликты имеют экономическую или политическую природу, они нередко принимают ярко выраженную этническую окраску. Манипуляция этничностью активно используется определенными социальными группами в целях завоевания и удержания властных позиций.

Эта общая тенденция в России усиливается последствиями системного кризиса последнего десятилетия. В условиях, когда произошло резкое снижение степени организованности социальных отношений, возросла фрагментация отдельных сфер жизнедеятельности, деградация систем социального управления и усилилась обособленность индивидуального существования, этническая принадлежность людей превратилась если не в единственный, то наиболее субъективно значимый фактор, гарантирующий минимальную социальную защищенность. И хотя чувство защищенности нередко имеет иллюзорный характер, оно играет важную роль в функционировании общественного и индивидуального сознания, а также в регуляции человеческого поведения.

Кризисная ситуация активно повлияла не только на духовную, но и на материальную составляющую этносоциального развития. Можно отметить несколько негативных тенденций, наносящих серьезный ущерб потенциалу отдельных народов: усиливающаяся стратификация, стремительный рост незанятости населения и масштабов бедности; повсеместная деградация традиционных и индустриальных отраслей хозяйства; массовый возврат сельского и отчасти городского населения к натуральному хозяйству и традиционному природопользованию нерегулируемого характера; формирование экономики примитивного выживания в качестве основы существования; существенное сокращение объемов земледелия, отгонного животноводства и оленеводства как основы сохранения традиционного природопользования, культуры и мировоззрения, наиболее отвечающих задачам устойчивого развития; снижение роли данных видов хозяйства в структуре денежных доходов населения; массовое перемещение наиболее энергичной и способной части сельского населения, прежде всего молодежи, в крупные населенные пункты, деградация села (в то время как мигранты в крупных населенных пунктах часто оказываются без законных средств существования и вынуждены уходить в теньевую экономику и преступные структуры).

Разбалансировка материальных и духовных составляющих этносоциального развития – деградация первых и оживление вторых – создает дополнительную негативную нагрузку на состояние внутреннего потенциала отдельных народов. Не случайно социологические исследования фиксируют высокую степень озабоченности населения относительно перспектив своего развития: многие считают, что будущее их этносов находится под угрозой. Исследование противоречивых тенденций современного этносоциального развития народов Сибири является важной задачей научного сообщества.

Хотелось бы выразить искреннюю благодарность Президенту – Председателю Правительства Республики Бурятия Л. В. Потапову, а также сотрудникам Института монголоведения, буддологии и тибетологии во главе с Б. В. Базаровым за большую организаторскую работу по подготовке и проведению VI международного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири».

Ю. В. Попков,
руководитель семинара
«Этносоциальные процессы в Сибири»
тел.: (383-2) 30-22-40, e-mail: popkov@philosophy.nsc.ru

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Е. А. Тюгашев
(г. Новосибирск)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ДИСКУРС ПРАВА*

Демографическая проблема и национальный вопрос

В комплексе глобальных проблем, вставших перед человечеством, ведущее место, бесспорно, занимает демографическая проблема. Ограниченность планетарных ресурсов производна не только от уровня ресурсопотребления, но и от масштабов демографического давления на биосферу. Для Земли, по расчетам некоторых ученых, демографический оптимум составляет примерно 500–800 млн человек, и он был достигнут около двух тысяч лет назад. Тогда и появились первые опыты в области глобалистики. Так, китайский философ Хань Фэй (умер в 233 г. до н. э.) писал: «В древности мужчины не пахали, а для пропитания хватало диких трав и древесных плодов, женщины не ткали, а для одежды хватало звериных шкур. Усилий не прилагали, а для жизни хватало, народ был многочисленным, а запасов было в избытке, поэтому в народе не было борьбы. Поэтому не применялось строгих наказаний, а народ управлялся сам собой. Ныне иметь 5 детей не считается слишком много, а у каждого из них имеется еще 5 детей, дед еще не умер, а имеет 25 внуков. Поэтому народ такой многочисленный и испытывает недостаток в припасах; трудится изо всех сил, а пропитания на всех не хватает. Поэтому в народе идет борьба. И даже удвоив награды и ужесточив наказания, не избежать смут»¹

Неравномерно протекавшие процессы возникновения права народов и интенсивного государствообразования были тесно связаны с истощением демографической емкости среды в различных частях ойкумены, а следовательно, с миграционными процессами, перераспределявшими население на Земле. Великое переселение (и перенаселение) народов было эпохой вымирания одних народов и зарождения других.

Возрастная структура прогрессирующих этносов характеризуется высокой долей молодого, обладающего высокой энергетикой населения. Пассионарные этносы сохраняют стабильную социальную структуру, выплескивая избыточную энергетику молодежи в процессах миграции, колонизации, войны и террора. Демографический рост, относительное перенаселение создают эффект пассионарности и порождают национальный вопрос – вопрос о праве народов на жизнь²

Стоит отметить историко-географическое совпадение национальных движений и центров демографического роста³ Обозначенный Т. Мальтусом локальный демографический взрыв в Западной Европе хронологически был тесно связан с национально-освободительными движениями XIX в. По-видимому, демографический взрыв и взрыв этничности – взаимообусловленные процессы.

Указанную взаимосвязь можно проследить на российском материале. Этнический состав населения России в 90-е гг. XX в. характеризовался наиболее высокими темпами прироста народов Северного Кавказа (ингуши, чеченцы, аварцы), затем тувинцев и якутов, бурят и башкир, а также татар. Остальные коренные этносы практически не увеличили или даже сократили свою численность⁴ Очевидно, изменение этнодемографического баланса, пассионарность быстрорастущих этносов породили острые национальные конфликты.

Война и генезис нации

Из-за осязаемого *давления жизни* малейшее нарушение этнодемографического баланса переживается крайне болезненно. Несчастный случай, смертельная болезнь, любая понесенная потеря воспринимается как невосполнимая утрата, снижающая демографический потенциал родоплеменной общи-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 20 «Этнокультурное взаимодействие народов Евразии».

сти. С течением времени разность демографических потенциалов смежных этнических общностей мультиплицируется и потерпевшая сторона выдавливается из занятой экологической ниши. Ползучая экспансия может осуществляться целенаправленно: в этом случае говорят о применении *демографического оружия*.

Война компенсирует понесенные потери, выравнивает территориальный этнодемографический баланс и восстанавливает справедливость. Большинство войн в древнем обществе начиналось из-за взаимных обвинений в колдовстве, а также из-за похищения женщин, случайных убийств и обид⁵. Война, таким образом, «осуществлялась по праву». «Сколько существует судебных исков, столько же источников войны», – писал Гуго Гроций⁶. «Частные войны в первичном быту практиковались очень часто и заменяли дело суда, – указывал известный русский юрист И. Я. Фойницкий. – Из войн образовались и меры наказания: это были меры победителя над побежденным»⁷. Военная деятельность формировалась как внутреннее опосредование правовой деятельности, а затем дифференцировала последнюю.

Как и в любой сфере занятости, в военном деле имела место профессионализация деятельности. Проходящие инициацию группы молодежи обособлялись в отряды воинов-холостяков, защищавшие под началом вождя своих соплеменников при чрезвычайных обстоятельствах. Военно-спортивная подготовка и разбойничьи упражнения составляли основную программу школы молодых воинов.

Позднее обособляется группа привилегированных воинов – боевой отряд стоящих вне закона и над законом людей. Членам этого сообщества во имя общего блага было позволено нарушать обычаи. Они не работали, не заботились о семье, были безбрачны. Община кормила их в обмен на выполнение ими воинского долга. То, что было постыдным для человека обычного, для них становилось источником славы⁸.

Воинское братство состояла из лиц самого разного племенного происхождения. Вечные воины, по словам Ф. Кардини, составляли «воинский интернационал», «интербригады». В отличие от племени, организация которого как единого целого воссоздавалась в посвячительных церемониях возрастной инициации, воинское братство связывало людей на поле боя в иной тип исторической общности – нацию.

Исследователями признается исключительная роль армии в генезисе нации. Так, Х. Ортега-и-Гассет идентифицирует нацию с армией: «Мера армейской мощи и совершенства – есть мера, которая точно определяет моральную и жизненную крепость нации»⁹. По оценке А. Ф. Шульговского, особое положение армии, в рядах которой состояли представители различных классов, слоев общества, создавало благоприятные условия для влияния на нее идей национализма: «В головах немалого числа военных это обстоятельство создает почву для иллюзорных представлений об армии как особом институте, который как бы аккумулирует и синтезирует все национальные, духовные ценности, представляет интересы всех слоев населения, выступая, таким образом, как гарант существования нации, ее монолитности. Именно национализм – своего рода исходный фактор, своеобразная точка отсчета для осознания большинством военных своего места в обществе»¹⁰.

Нация рождается на поле боя. Принято считать, что русская нация родилась на Куликовом поле, а сербская – на Косовом поле. Как отметил В. Ильин, история войн играет огромную роль в конструировании границ этнических полей: «Дело в том, что история конфликтов – это прекрасный материал для конструирования границ этнического поля и формирования атмосферы сплоченности, патриотизма, национализма. В этих войнах – источник вдохновения для последующих поколений: в одних случаях они стимулируют национальную гордость как строительный материал этнической границы (“мы” победили “их” в таком-то году), в других формируют отчуждение, недоверие, обиду (“они” “нас” когда-то грабили и угнетали)...»¹¹. И школьники из поколения в поколение изучают детали былых сражений.

Армия – нация – государство

Общая слава в прошлом и общая воля в настоящем, воспоминания о свершенных великих делах и готовность к дальнейшим – таковы условия для создания нации. Позади – наследие славы и раскаяния, впереди – общая программа действий. Жизнь нации – это ежедневный плебисцит. Формула Ренана неявно вводит правовое понимание нации.

Эксплицитно понятие нации в терминах права определил Э. Геллнер: «Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию»¹².

Юридическая концепция нации более известна по формуле «нация – государство». Государство есть всеобщая личность, имеющая как физическое, так и юридическое лицо. Нация как коллективная личность отождествляется с личностью государства, в связи с чем возникает основной вопрос теории нации: что первично, а что вторично – нация или государство?

Факт развертывания национально-освободительных движений и последующего создания национальных государств на базе государствообразующей нации свидетельствует, казалось бы, о первичности нации по отношению к ее государственности. Вместе с тем в этносоциальной истории, особенно Центральной Азии, немало примеров того, что этнически однородный (в пределах континуума) тюркоязычный массив дифференцируется национально-территориальным делением и реинтегрируется в границах формально определенной государственности. Таким образом, в «плавильном котле» государственности образуется новая нация.

По мнению Н. Г. Дебольского, единство государства всегда предшествует образованию национального единства. Насилие создает для известной части человечества некоторую общую судьбу, сближает ее перед лицом предстоящей опасности, формирует общие интересы. Государственный союз может остаться и конгломератом, но может превратиться «из механического в органическое целое, в союз одухотворенный, связанный не давлением власти, а добровольным решением граждан». Такое одухотворение государства Н. Г. Дебольский предлагает называть *национальностью*¹³. Формирование национальности завершается, когда граждане сознают свои права и обязанности и полны решимости соблюдать их.

Национальность как нацеспособность – способность принадлежать к определенной нации – выковывается в армии и посредством армии. По ту стороны этнической границы армия – сборище преступников. По эту сторону армия есть правовое сообщество, связывающее воинов под началом вождя узами обетов, клятв, присяги, воинского кодекса чести. Предводитель требует от воинов дисциплины, дает установления.

Если членами рода становятся рожденные женщиной, принадлежащей данному роду, то «сыновьями» вождя можно стать благодаря ритуалу «рождения» при помощи специфического военного атрибута – оружия. Усыновление вождем создает взаимосвязанную систему прав и обязанностей отца и сына «по оружию», равную той, которая действует внутри семьи. И прежде всего, разумеется, право-обязанность кровной мести¹⁴.

Постепенно берсеркры превращаются в воинов, способных усмирить и очеловечить свой древний гнев, сохраняя при этом его позитивные возможности. Так, написание «Русской Правды» мотивировалось необходимостью урегулирования конфликтных отношений княжеской дружины и местного населения. Феодальная раздробленность личными усилиями князей обеспечила практическую реализацию норм «Русской Правды» на всей территории Руси. Единое правовое поле Земли Русской, определенной общностью судьбы, предопределило и выбор судьбы, свершившейся на поле Куликовской битвы.

Дискурс права¹⁵

По обычному праву, судьба – высший суд. Выбор судьбы и есть первый акт самоопределения нации, акт, в котором нация идентифицируется и ограничивается реализацией возможностей конкретно-исторического существования. Как и всякая социальная общность, нация имеет пространственно-временную определенность, с ее внешним и внутренним характером. В масштабе истории рождение нации есть акт внешнего определения. И в силу акта рождения все нации имеют право на жизнь. Право наций на самоопределение реализует право нации на смерть, доказывающее право на жизнь.

Обсуждая вопрос о сути права наций на самоопределение, В. И. Ленин сформулировал методологическую альтернативу: «Искать ли ответа в юридических дефинициях (определениях), выведенных из всяческих “общих” понятий права? Или ответа надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений?»¹⁶ В юридических ли определениях суть дела или в опыте национальных движений всего мира? Не играя в юридические дефиниции, не «сочиняя» абстрактных определений, а изучая историко-экономические условия национальных движений, В. И. Ленин пришел к выводу, что самоопределение наций есть государственное отделение их от чуженациональных коллективов, образование самостоятельного национального государства¹⁷.

Окончательное решение национального вопроса В. И. Ленин все же формулировал в традиционном дискурсе права: «Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций – этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России»¹⁸. Привилегии одной из наций или одного из языков В. И. Ленин рассматривал как остаточную форму феодального угнетения наций¹⁹.

Вместе с тем юридическое равенство наций не означает их фактического, объективно-правового равенства. Различая *великие* и *малые* нации, В. И. Ленин уточнял, что первая должна допускать свободу отделения для остальных наций, а самоопределение второй должно состоять в свободе государственного присоединения к великой нации. Поэтому логика самоопределения нации необходимо включает не только ее отделение, но и присоединение.

Самый утонченный и абсолютный, до конца доведенный национализм программы культурно-национальной автономии В. И. Ленин видел именно в свободе присоединения: «...Каждый гражданин

записывается в ту или иную нацию, и каждая нация составляет юридическое целое, с правом принудительного обложения своих членов, с национальными парламентами (сеймами), с национальными «статс-секретарями» (министрами)»²⁰

Как указывает Н. А. Бутинов, папуа-новогвинеец в течение своей жизни мог несколько раз поменять родоплеменную принадлежность, проходя в инициациях процедуры символического порождения духами предков²¹. В воинском коллективе – микронации – присяга принимается, как правило, один раз. Даже мертвые (и предатели) бок о бок с живыми в сражении, от исхода которого зависит общее дело²². Поэтому нация объединяет живые, умершие и нерожденные поколения. Существо нации – в солидарности поколений. «Пока этого чувства солидарности целого с отдельными поколениями не существует в людях, они еще не народ, не нация, – писал Л. А. Тихомиров. – Если это чувство было, но исчезло, эта нация умершая или разлагающаяся. Политика ничего не может предложить такому разлагающемуся труп: она не для мертвых. Но политика знает, что если что-либо способно еще пробудить замершую жизнеспособность в таких павших нациях, то разве какие-нибудь страшные коллективные несчастья, которые наглядно покажут развратившейся толпе, что жить в одиночку поколение не может и что, оторвавшись от солидарности с дедами и внуками, оно неизбежно погибает и само»²³

Внешнее самоопределение наций и отдельных индивидов, отделение дочернего государства от материнского равносильно отнятию части организма, его предков и потомков, т. е. началу войны. Поскольку по отношению к внешнему миру архаический коллектив выступал как целостное тело, постольку враждебные действия по отношению к коллективной личности (или по отношению к старшему, олицетворявшему целое) понимались как покушение на отторжение части тела у живого человека и осознавались в понятиях увечья, боли. Младший (город, государство) не имел своего облика как целого: он мыслился частью облика старшего в виде органов его тела (рук, ног, глаз). Нормальное существование облика было невозможно без «руки» и «глаза», как невозможно существование «руки» отдельно от облика как целого. Отсюда ликвидация агрессии понималась в качестве уничтожения облика врага во имя сохранения облика старшего²⁴

Логика борьбы необходимо включает восполнение утраченных сегментов государственного организма. «Германцы не сомневались, что лучший способ отомстить противнику и возместить ущерб – “заключить” противника в группу жертвы, – пишет Ф. Кардини. – К тому же подобный способ улаживать конфликт подчас совпадал с намерением самого обидчика овладеть не только силой, но и личностными чертами, признаками жертвы, в известном смысле превратиться в убитого, чтобы избежать мести с его стороны, ибо самому себе он не станет вредить. Итак, цель заключалась в том, чтобы как можно быстрее “воскресить” в себе самом поверженного противника»²⁵

Право наций на самоопределение есть право войны, процессуально доказываемое фактической возможностью вести войну. Поэтому не случайно боееспособные национально-освободительные движения признавались мировым сообществом как полномочные представители колониальных народов²⁶. Армия конституирует нацию как юридическое целое, рекрутируя в свои ряды гражданское население, поддерживая единство нации, историей побед и поражений конструирует нацию как историческую общность, способную к выживанию и трансформациям. Таким образом, основной вопрос теории нации – вопрос о генетической связи нации и государства – решается выделением армии как первоначала.

Примечания

¹ Цит. по: Дрейер О. К., Лось В. А. Экология и устойчивое развитие. М., 1997. С. 57.

² О демографическом взрыве и миграционной активности в очаге этногенеза см.: Гумилев Л. Н., Иванов К. П. Этносфера и космос // Космическая антропоэкология: техника и методы исследований (Материалы Второго Всесоюзного совещания по космической антропоэкологии. Ленинград, 1984). Л., 1988.

³ Обзор см.: Федюкин И. Политическая демография и натальный национализм // <http://user.cityline.ru/~linko/rus/intros/ifed.htm>.

⁴ Божьявленский Д. Д. Этнический состав населения России // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 91.

⁵ См.: Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шницерман В. А. Война и мир в ранней истории человечества: В 2 т. М., 1994.

⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 187, 188.

⁷ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. С. 11, 12.

⁸ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 116.

⁹ Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 34.

¹⁰ Шульговский А. Ф. Национализм и вооруженные силы // Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М., 1976. Гл. 6. С. 181.

¹¹ Ильин В. И. Теория социального неравенства (структуралистско-конструктивистская перспектива). М., 2000. Лекция 10. Онлайн-версия: <http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/neravenstvo/convert.htm>.

¹² Геллнер Э. Нации и национализм // Вопр. философии. 1989. № 7. С. 124.

- ¹³ Дебольский Н. Г. Начало национальностей в русском и немецком освещении // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. № 2. С. 187.
- ¹⁴ Кардини Ф. Указ. соч. С. 131.
- ¹⁵ О правовом контексте предистории термина «нация» см.: Сухачев В. Ю. «Права народов», этнические меньшинства и я-идентичность // <http://anthropologia.spbu.ru/ru/texts/sukhach/rights.html>.
- ¹⁶ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258.
- ¹⁷ Там же. С. 259.
- ¹⁸ Там же. С. 320.
- ¹⁹ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 132.
- ²⁰ Там же. С. 131.
- ²¹ Бутинов Н. А. Народы Папуа-Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству). СПб., 2000. С. 177.
- ²² Кардини Ф. Указ. соч. С. 132.
- ²³ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 586.
- ²⁴ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982. С. 12, 13.
- ²⁵ Кардини Ф. Указ. соч. С. 132.
- ²⁶ См.: Грушкин Д. В. Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идеи // <http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/Chapter2.htm>.

М. А. Широкова
(г. Барнаул)

ВОСТОК И ЗАПАД В ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ РАННИХ СЛАВЯНОФИЛОВ

Давний спор славянофилов и западников, начавшийся еще во второй четверти XIX в., сохраняет свою актуальность и поныне. Сегодня в общественном сознании прочно утвердилось мнение, что Россия вновь находится на распутье и возможен сознательный выбор дальнейшего пути, суть которого сводится к следующей дилемме: двигаться России к «мировой» (во времена славянофилов говорили «европейской») цивилизации или идти своим путем, сохраняя самобытность. Не обсуждая вопрос о том, насколько данная дилемма соответствует сложным реалиям нашего времени, приходится признать, что она является одним из важнейших факторов, определяющих идейно-политическую жизнь современной России. Понятие «русская идея» прочно вошло в политический лексикон, хотя оно, подчас, наполняется существенно разным смыслом. Обычно и обращение к славянофильству, заслугой которого является выработка классической концепции «русской идеи» в рамках религиозной философии и постановка в связи с этим многих актуальных политических проблем, а именно: движущие силы политического процесса, роль государства в жизни общества, соотношение церкви и государства, место России в мире и, главное, социально-политический идеал, соответствующий внутреннему складу русского народа.

Классическое славянофильство – явление конкретно-историческое, прекратившее свое существование около 140 лет тому назад. Но трудно согласиться с утверждением, что «славянофильские сочинения, когда-то злободневные, гонимые цензурой и запрещенные к распространению в России, сейчас интересны немногим специалистам»¹ Славянофильское наследие в современных условиях приобретает особую значимость. В настоящее время российское общество в поисках «объединительной» идеологии, которая обосновывала бы дальнейшие пути социально-политического и духовного развития страны, обращается к не востребованным ранее идеям и концепциям прошлого.

Славянофильская философия имела явную идейно-политическую направленность, которая с особой силой выразилась в антитезе «Восток – Запад». Значение понятия «Восток» в славянофильском употреблении исчерпывающе точно объяснил Ю. Ф. Самарин: «Это значит: не Китай, не Исламизм, не Татары, а мир Славяно-православный, нам единоплеменный и единовенный, вызванный к сознанию своей силы явлением *Русского государства* (курсив наш. – М. Ш.). В отличие от него Запад знает мир Романо-Германский или Католическо-Протестантский»².

В работах А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина настойчиво проводилась мысль о принципиальном превосходстве Востока (а точнее – России) перед Западом. Но нужно подчеркнуть: речь идет о *принципиальном*, а не конкретно-историческом содержании восточных и западных «первичных начал» и, значит, о *возможном*, а не реальном превосходстве русского госу-

дарства над европейскими. По воспоминаниям А. П. Григорьева, А. С. Хомяков «...говорил часто, что Англия – лучшее из *существующих* государств, а Россия – лучшее из возможных, но вслед за тем со злою и грустною ирониею прибавлял всегда, что, может быть, она так и останется лучшим из *возможных*»³ Поэтому распространенное в литературе утверждение о том, что у славянофилов «возникло противопоставление *реальной* Западной Европы, где недостатки выдвигались на первый план, и *идеальной* России»⁴ следовало бы уточнить. Идеальной, по мысли славянофилов, Россия была «в стремлении», «в возможности», тогда как Запад, считали они, такими возможностями уже не обладал.

Для уяснения оснований противопоставления Востока и Запада в политической доктрине ранних славянофилов необходимо рассмотреть трактовку ими вопроса о возникновении политического начала и его роли в истории человечества. Данный вопрос является неотъемлемой частью славянофильской философии истории. Роль политики в общемировом историческом развитии обсуждалась членами славянофильского кружка наряду с важнейшими философско-историческими проблемами: цели и смысла человеческой жизни и смысла исторических событий; исторических законов; прогресса и промысла; роли личности, массы и народности в историческом процессе. К ним можно прибавить вопрос о том, что является движущим началом истории.

Западничество и славянофильство выдвинули две совершенно разные концепции историзма: рационалистический историзм западников, понимающий историю как процесс развития сознания и рационализации общественных отношений, и иррационально-романтический историзм славянофилов, направленный против любых форм рационализма, хотя и использующий его методологический аппарат⁵. Первый из них основывался на идеалах либерализма и Просвещения, в то время как второй критиковал либеральный подход к истории, рассматривая его как своего рода искажение исторического процесса. Первая концепция допускала резкие скачки исторического развития. Не случайно именно на почве западничества сформировался революционный демократизм русских социалистов, выдвинувших идею народной революции. Впрочем, и западники-либералы были сторонниками достаточно резкой ломки общественных отношений в форме революции «сверху». Вторая концепция абсолютизировала непрерывность исторического времени, в резких скачках видела разрыв с «историзмом», понимаемым в данном случае как внутренняя норма развития каждого конкретного общественного организма.

К началу XIX в. философско-историческая проблематика была уже достаточно основательно разработана во многих европейских странах, прежде всего в Германии. В трудах немецких философов Гердера, Шеллинга, Шлегеля, Гегеля зародилась и нашла обоснование идея органического понимания истории, ценности традиций, связанных с народной жизнью, значения религии и искусства в духовной истории народов. Однако А. С. Хомяков, внесший наибольший вклад в формирование славянофильской философско-исторической концепции, признавался, что взявшись за написание труда по всемирной истории его побудила неудовлетворенность всеми существовавшими до него разработками в этой области. В частности, он критиковал «Философию истории» Гегеля, прежде всего за европоцентризм, пристрастную интерпретацию истории германцев. В схеме Гегеля Пруссия XIX в. выступала как выразитель абсолютного духа. Этот вывод не мог, конечно, удовлетворить А. С. Хомякова, который считал его искусственным. В отличие от Гегеля, А. С. Хомяков решил разработать схему изложения всемирной истории, в которой жизнь всех племен земного шара должна быть поставлена в надлежащее отношение, чтобы, во-первых, славянскому племени было возвращено подобающее ему место и, во-вторых, было видно действие тех внутренних сил, обуславливающих ход исторического развития разных народов, и в особенности главнейшей из этих сил – религии.

Однако, несмотря на явное противопоставление своего подхода гегелевскому, зависимость Хомякова от философско-исторических идей немецкого философа была гораздо большей, чем признавал это сам автор «Семирамиды». Данная зависимость выражается прежде всего в том, что А. С. Хомяков, как и Гегель, рассматривал историю через призму борьбы свободы и необходимости. Но и тут следует отметить отличие позиции русского философа. Гегель считал, что во всемирной истории совершается прогресс в сознании свободы, а Хомяков связывает движение истории не с прогрессом свободы, а с ее утратой⁶. Человечество было свободно в доисторические времена «золотого века», который в его представлении ассоциировался с монотеизмом и единством человеческого рода. Историческим грехопадением человечества он мыслил Вавилонское столпотворение, в результате которого произошел раскол человечества на враждующие племена. Но этот «внешний» раскол был подготовлен расколом «внутренним» – формированием в духовной жизни людей двух противоположных религиозных начал – религии, поклоняющейся свободно творящему духу, и религии, почитающей вещественную необходимость. Первое из этих начал А. С. Хомяков назвал *иранством*, второе – *кушитством*. Их борьба и определила всю дальнейшую историю человечества. Племена, населяющие земной шар, делятся, по мнению автора «Записок», на те же группы, что и религии: на иранские и кушитские племена. Следует заметить, что, с его точки зрения, практически не существует чисто иранских или чисто кушитских народов, однако в религии каждого племени преобладает либо иранское, либо кушитское начало.

После раскола по верам и племенам произошел третий раскол – по государствам, связанный с возникновением политического, властного начала, истоки которого содержатся в кушитской религии. Этот раскол окончательно нарушил бывшее единство и поделил человеческий род на искусственные объединения, враждующие между собой. Первые политические объединения – государства – были созданы кушитами и используются ими для завоевания и порабощения своих братьев. В борьбе против них иранцы были вынуждены создавать свои государства.

Итак, три произошедших один за другим раскола – по вере, племенам и государствам – явились веками на пути отхода человечества от свободы. Для того чтобы вернуть себе утраченную свободу, людям необходимо воплотить в жизнь идеал соборного общества – общества, представляющего собой братство народов, религиозное, социальное и политическое единство отдельных людей.

Действие в истории политического начала, по мысли А. С. Хомякова, начинается с так называемого периода «одностихийности» народов. То было время уже после Вавилонского столпотворения, время, когда уже произошли три величайших раскола человечества. Но политическое начало еще не обнаружило тогда своей губительности для развития свободного творчества духа и не было использовано кушитскими племенами в жестоких завоевательных войнах.

А. С. Хомяков считал эту историческую эпоху эпохой мирного расселения и сосуществования народов. Земля представляла собой «обширную пустыню, богатую лесами и пажитями». Немногочисленные древние народы составляли «людские оазисы в безлюдном пространстве». Каждый народ, будучи изолированным от других, с полным основанием мог быть назван «семья человеческая». Единство, уже нарушенное на уровне всего человечества, еще сохранялось на уровне отдельного народа, не было «дробления в понятиях и чувствах», характерного для позднейшей эпохи, «которое следует за разменом просвещений и столкновением народов»⁷

Политическому началу, нашедшему свое развитие в те времена преимущественно внутри «народного духа» Китая, как и прочим «односторонним стихиям», присущим духу других народов, были свойственны «глубокая энергия», «величественная прелесть» и «творческая простота». А. С. Хомяков называл поиск китайцами наилучшей формы «государственного построения» «безумием», потому что «наука государственная» в Китае создавалась не с помощью отвлеченного рассудка, а с помощью поэзии. Ее создание не преследовало утилитарных, прагматических целей, оно было продиктовано «детским, но теплым чувством, заставлявшим китайцев искать решения высокой задачи – государства нравственного, развитого разумно». Такое государство не имеет ничего общего с государством, представляющим собой олицетворенную идею пользы, «которая более или менее управляет всеми народами, современными нам»⁸

А. С. Хомяков находит в древности одно, и только одно, государство, воплощавшее идею пользы, государство, в рамках истории которого гипертрофированно развитое политическое начало успело продемонстрировать все свои выгоды, но и все свои пороки. Это государство – «суровый, железный Рим»⁹ Мыслитель считал Рим исключением во всемирной истории, особым типом общества, чуждым другим древним народам. «Начало всех его действий был расчет выгод государственных». Односторонняя направленность на политику позволила Риму опередить в своем развитии все другие народы и дала ему «чудесную крепость, победившую всех его соперников». Стремясь объяснить феномен Рима в истории человечества, А. С. Хомяков выдвигает один из основополагающих тезисов славянофильской философии политики: политическое начало торжествует там и тогда, где ослабевает начало религиозное, где теряет свое значение не только истинная вера, но даже религиозное заблуждение. Рим – «это город без предков, следовательно, без святости», город, богами которого стали «вещественная польза и самосохранение». В Римской империи искусственное, механическое единство, противоположное единству духовному, развилось до своих классических форм, обозначив крайний предел разобщения между людьми и народами.

Не случайно именно в недрах Римской империи зародилась христианская религия – залог будущего единства отдельных людей внутри каждого народа и братства всех народов внутри единой семьи – человечества. Появление христианства, по мнению исследователя, сделало раз и навсегда невозможным повторение государства, ориентированного единственно на «вещественную пользу и самосохранение»: «после христианства нет уже возможного Рима»¹⁰. Но так как на Западе христианство – чисто иранская религия – было отягощено примесью кушитства, политика продолжает занимать слишком большое место в жизни западных народов, идея пользы «более или менее управляет» ими. По словам А. С. Хомякова, Рим «отзывается» в жизни всех стран Европы.

Западная Европа оказалась не способна к тому, чтобы осуществить христианский идеал общества, поскольку она переоценила политическое начало, основанное на рациональной идее пользы, она предпочла форму содержанию, «внешнее устройство» жизни ее внутреннему смыслу.

Но и Россия не смогла воплотить этот идеал по той причине, что полная и всеобъемлющая истина, хранившаяся в ней, не получила должного оформления. Славянофилы пришли к выводу, что формой для идеального общества должно стать нравственное, разумно развитое государство. Создав его, рус-

ский народ осуществит свою великую миссию и станет в центре деятельности мировой цивилизации. История дает России такое право, ибо принципы, которыми она руководствуется, есть принципы истинного христианства. Право воплощения в жизнь общественного идеала дается не народу, а именно государству, а на его граждан возлагаются особые обязанности. Россия стремится не к тому, чтобы стать «самым богатым или самым грамотным или даже самым умственно развитым» государством, «России надобно быть или самым нравственным, т. е. самым христианским из всех человеческих обществ, или ничем, но ей легче вовсе не быть, чем быть ничем»¹¹.

Славянофилы осмысливали европейскую и русскую цивилизации и культуры, используя термин «просвещение». Особенно много занимался этой темой И. В. Киреевский. В одной из своих ранних статей под названием «Девятнадцатый век» он определил «просвещение» не как «отдельное развитие нашей особености», но как «участие в общей жизни просвещенного мира»¹².

Главный тезис Киреевского заключался в следующем: ход истории России принципиально отличен от истории Европы, потому что отличны их вероисповедания, хотя корень у них и общий. Начала западного просвещения исчерпали себя – теперь главную роль в просвещении человечества должна играть Россия. Киреевский отмечал, что отсутствие веры и торжество «самовластвующего рассудка» привело западного человека к безосновательной уверенности в том, что он «собственным отвлеченным умом сможет сейчас же создать себе новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на преобразованной им земле»¹³. Эта уверенность породила «страшные, кровавые опыты рационализма» – политические революции. Все они не принесли ожидаемых результатов. Но даже «целая вечность неудачных попыток» не могла бы поколебать самоуверенности рационализма, если бы отвлеченный разум сам «не дошел до сознания своей ограниченной односторонности». Философ настойчиво проводит мысль о неспособности западных ученых извлечь уроки из реальной политической жизни. В этом вопросе он следует в русле всей славянофильской критики рационалистической гносеологии – критики, основанной на том, что рационализм никогда не сможет познать действительную жизнь, он оторван от нее и замкнут в кругу собственных отвлеченных логических построений. Поэтому необходимо было, чтобы логический разум, достигнув высшей степени своего развития и уяснив себе законы собственной деятельности, осознал бы, насколько ограничены его возможности.

Наконец, западный человек, вследствие развития разума утративший веру во все свои прежние убеждения, утратил и последнюю веру – веру во всемогущество разума. Теперь он был вынужден «довольствоваться состоянием полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов»¹⁴. Это сделали многие. А из тех, кто не смог так жить, «каждый начал в своей голове изобретать для всего мира новые общие начала жизни и истины». Но созданные ими «безрассудные системы с искусственным благообразием их гнилой красоты» лишь подчеркивали кризис европейской образованности. Для западного человека осталось одно, к чему он продолжал относиться серьезно – это экономика, промышленность. «Промышленность управляет миром без веры и поэзии, – констатирует И. В. Киреевский. – Она – действительное божество, в которое верят нелицемерно и которому повинуются»¹⁵. Славянофилы считали, что все социальное и политическое развитие европейского общества определяется корыстными, материальными интересами. Пользуясь терминологией А. С. Хомякова, начало вещественной необходимости там окончательно восторжествовало над началом духовной свободы.

Тезис об омертвлении духовной жизни в Западной Европе является лейтмотивом философского творчества славянофилов. В 1847 г. его высказал А. С. Хомяков в статье «По поводу Гумбольдта»: «Отжили не формы, но начала духовные, не условия общества, но вера, в которой жили общества и люди, составляющие общество. *Внутреннее омертвление людей высказывается судорожными движениями общественных организмов* (курсив наш. – М. Ш.), ибо человек – создание благородное: он не может, не должен жить без веры»¹⁶. Здесь заключена основополагающая для славянофильства мысль: вакуум, созданный отсутствием веры, неизбежно заполняет политика – «судорожные движения общественных организмов». Эта мысль находит свое развитие в историософии А. С. Хомякова.

Преобладание экономической и политической сфер жизни общества над духовной означает, что Европа ничего больше не сможет дать миру в смысле просвещения. «Европа высказалась вполне», – пишет И. В. Киреевский. Иное дело – Россия, в которой христианская религия сохранила свою первоначальную чистоту.

Славянофилы признавали возможность и необходимость использования политики как средства ускорения естественно-исторического процесса и достижения идеального, соборного общества. Оно сможет существовать только в государстве, основанном на принципах христианской нравственности. Такое государство должно быть создано не с помощью революции или переворота, но с помощью долгого и постепенного «воспитания общества», внушения ему «науки общественного быта», сочетающей в себе религиозные, социальные и чисто политические идеалы. Попытки совершенствования государственного и общественного устройства путем насильственных переворотов, по мнению славянофилов, характерны для западного рационализма. Это связано с особенностями западного общест-

ва, где живое, органическое единство было вытеснено единством формальным. «Оттого, – пишет И. В. Киреевский, – в обществе искусственном, основанном на формальном сочетании интересов, каждое улучшение совершается вследствие какого-нибудь преднамеренного плана... каждое постановление насильственно изменяет прежнее, развитие совершается... по закону переворотов – сверху вниз или снизу вверх, смотря по тому, где торжествующая партия сосредоточила свои силы и куда торжествующее мнение их направило»¹⁷

Революционным путем нельзя достичь идеала, но на Западе революции иногда приносят «частные улучшения в жизни». В России такой путь недопустим, ибо русское общество есть «общество, устроенное естественно из самобытного развития своих коренных начал». Для России «каждый перелом есть болезнь более или менее опасная». «Закон переворотов» вместо того, чтобы быть условием жизненных улучшений, «есть для нас условие распада и смерти», так как развитие русского общества «может совершаться только гармонически и неприметно, по закону естественного возрастания в одномысленном пребывании»¹⁸ Нельзя не признать, что в философии истории славянофилов явно прослеживаются антиреволюционная направленность и консервативное отношение к реформированию общества. Революционный и эволюционный пути развития человеческого общества славянофилы рассматривают в свете антитезы «Россия – Запад», которая является основой всей их диалектики. Применяя, вслед за Гегелем, диалектический метод в истории, славянофилы выделяли целый ряд противопоставлений: свободы и необходимости, духовного и вещественного, рационализма и «живого знания», индивидуализма и соборности, государства и общества, «юридизма» и нравственности, и т. д. – и все они сводились в конечном счете к противопоставлению России и Европы, Востока и Запада.

Но борьба противоположностей должна завершиться их единством в воплощенном идеальном обществе. Это будет общество целостной православной культуры, в котором, собственно, уже нет места для развития, для истории. Наступление ожидаемой славянофилами новой эпохи мыслилось не как синтез православия и духовности Запада, но как создание новой всечеловеческой культуры, органически развивающейся из основ православия. Славянофилы верили, что все подлинные ценности Запада уцелеют, хотя окажутся вписанными в совершенно иной духовный и социально-политический контекст.

Примечания

¹ См.: Цимбаев Н. И. Никто из нас не доживет до жатвы // Свободная мысль. 1993. № 16. С. 74.

² Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1877. Т. 1. С. 98.

³ Григорьев А. П. Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина // Григорьев А. Собр. соч. СПб., 1876. Т. 1. С. 485.

⁴ Егоров Б. Ф. Поэзия А. С. Хомякова // Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 28.

⁵ Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджее Валицкого: Реф. сб. М.: ИНИОН РАН, 1992. Вып. 2. С. 183.

⁶ См.: Благова Т. И. А. С. Хомяков, И. В. Киреевский. Жизнь и философское мировоззрение. М., 1994. С. 56.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Там же. С. 77.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 3. С. 337.

¹² Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 76.

¹³ Там же. С. 202.

¹⁴ Там же. С. 203.

¹⁵ Там же. С. 257.

¹⁶ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 1.

¹⁷ Киреевский И. В. Указ. соч. С. 228.

¹⁸ Там же.

А. В. Иванов
(г. Барнаул)

ЕВРАЗИЙСТВО И ПСЕВДОЕВРАЗИЙСТВО

В настоящее время евразийские идеи становятся весьма популярными не только среди интеллектуальной и властной элиты стран бывшего СССР, но также в ряде европейских и восточных стран. При этом совершенно ясно, что евразийское мировоззрение не может не претерпевать серьезных трансформаций, изменяясь в соответствии с политическими, этническими, религиозными и социокультурными условиями своего приложения. При всей естественности такого **единства в многообразии** – а по-настоящему действенное мировоззрение иным и быть не может – есть все-таки стержневые идеи, утрачивая которые, евразийское мировоззрение перестает быть таковым и искажается до неузнаваемости. В сущности, такова судьба всех великих идей, но дело их подлинных носителей – спокойно и твердо размежевываться с принципиальными идейными противниками и мнимыми соратниками. Это тем более необходимо делать, поскольку существуют давно известные и ныне хорошо отработанные «пиаровские» приемы: если хочешь подорвать опасные для тебя идеи – их надо или замолчать, или высмеять, или же – коль скоро они получили широкое распространение и поддержку в обществе – искусственно «накачать» фигуру какого-нибудь псевдоидеолога, с чьим обликом и мнением эта система идей отныне должна будет полностью отождествиться.

Увы, в случае с евразийством мы имеем дело и с его явными идейными оппонентами (**антиевразийство**); и с оппонентами неявными, тенденциозно подменяющими его ключевые тезисы и оставляющими от него разве что название (**лжеевразийство**), и, наконец, с мнимыми соратниками (**псевдоевразийство**). Последний случай наиболее опасен, и мы уделим ему в статье особое внимание.

Антиевразийство нагляднее всего воплощает позиция З. Бжезинского в небезызвестной книге «Великая шахматная доска», в которой евразийское мировоззрение открыто рассматривается в качестве весьма опасной для США системы идей, угрожающей американским интересам на евразийском пространстве. Для него это учение об «особой духовной и миссионерской роли русского народа на обширных пространствах Евразии»¹, созданное кучкой русских интеллигентов-эмигрантов в качестве идейной имперской то ли альтернативы, то ли дополнения к большевизму. С подачи Бжезинского целый цикл антиевразийских статей был впоследствии напечатан в главном журнале американской внешней политики – «Foreign Affairs». Главный аргумент против евразийства состоял в том, что это – ретроградная, ксенофобская и мистическая система идей, противостоящая идеалам свободы, научного прогресса и объективным процессам политико-экономической глобализации под эгидой западных стран во главе с США. Никакого реального политического будущего за евразийством никогда не было и нет, так как его скрытая имперская суть может вызвать лишь отторжение у народов бывшего СССР. Сходные антиевразийские констатации можно встретить и в отечественной либерально-прозападной периодике. Вот один из последних примеров подобного рода, принадлежащий перу некоего Дмитрия Быкова: «...Никакого евразийства нет и не было в помине... Евразийство есть в чистом виде уступка большевизму, попытка увидеть в реставрации Империи некую новую зарю, мессианическое предназначение»². Показательно, что суть евразийства здесь тенденциозно и уничижительно перетолковывается и сводится чаще всего к навешиванию поверхностных ярлыков типа: «евразийский соблазн», «интеллигентская утопия», «ностальгия русского имперского сознания», «разновидность русского национализма» и т. д. При этом совершенно ясно, что столь серьезные политические фигуры, как З. Бжезинский, ничего не говорящие и не пишущие просто так, никогда не будут тратить время на развенчание никчемных и утопических проектов. Уничжительные замечания подобного рода – самый зримый знак того, что **верно понятие и умело практически примененное евразийское мировоззрение есть реальная и мощная идейная основа консолидации сил, противостоящих унифицирующей идеологии и практике «золотого миллиарда», а еще точнее – типичной техногенно-потребительской линии мирового развития, олицетворяемой ныне развитыми странами Запада.**

Лжеевразийство в завуалированной форме представлено в турецком журнале «ДА. Диалог Евразия», издаваемом с 2000 г. на нескольких языках (в том числе на русском) и распространяемом на территории бывшего СССР. Ключевая геополитическая идея этого журнала – тезис о том, что понятие «Евразия» является пока недостаточно определенным, но есть смысл рассматривать его как синоним территорий, населенных тюркским этнокультурным субстратом. «Я считаю, – пишет один из авторов этого журнала Токтамыш Атеш, – что Евразия образует географический регион, в который входит зона использования тюркских языков и диалектов»³. Поскольку Турция является самой экономически мощной страной тюркоязычного мира, а исторически евразийский характер носила Османская империя, то Турция в не меньшей, если не в большей степени, чем Россия, имеет право именовать евразийской державой. Ее цивилизационную миссию после распада СССР журнал видит в

несении европейского света «гражданского, цивилизованного и экономически развитого общества»⁴ всем тюркоязычным народам бывшего Советского Союза. Цель сотрудничества на постсоветском пространстве в соответствии с концепцией журнала – создание евразийского аналога европейского экономического сообщества под геополитической и экономической эгидой Турции.

Вопреки подобной позиции следует совершенно определенно заявить, что понятие «Евразия» в отечественной геополитической и историософской традиции имеет два весьма четких смысла. **Узкий** – культурный и геополитический, обозначающий внутреннее континентальное пространство Старого Света, в целом совпадающее с территорией бывшего СССР и отличающееся целым комплексом объективных – географических, климатических, культурных, исторических – надэтнических характеристик, позволяющих отграничить Евразийский культурно-географический мир и от Запада, и от Востока. **Широкий** – собственно географический: весь Евразийский материк или Старый Свет. При обеих трактовках отчетливо проступающие в журнале идеи пантюркизма являются крайне опасными, способными лишь перессорить тюркоязычные народы со славянским, монгольским или угро-финским населением бывшего СССР, а в перспективе – с европейскими народами, Китаем и Монголией (если иметь в виду огромную массу турок, ныне проживающую в Европе, тюркское население Сяньцзян-Уйгурского автономного округа Китая и казахских аймаков в Монголии).

Совершенно ясно, что тюркский мир представляет собой определенное культурно-языковое единство, равно как этноязыковое единство представляет собой и славянский мир. Эти единства, безусловно, необходимо изучать и культурно укреплять, однако им ни в коем случае нельзя придавать самодовлеющего геополитического и геоэкономического характера. Пантюркизм и панславизм должны быть органически сняты, говоря языком Гегеля, в рамках целостного евразийского мировоззрения, которое несовместимо: а) с узкими и чреватými кровавыми потрясениями этнических оснований консолидации Евразии; б) с идеей экономической европеизации евразийского пространства, а еще точнее, с тотальным включением территориально-ресурсного потенциала стран бывшего СССР в орбиту западного влияния. Принятие правил мировой финансово-экономической «игры» пока ничего не принесло евразийским народам, кроме обнищания, культурной деградации и постепенной утраты политической самостоятельности.

Таким образом, призывы к евразийским этносам дружно встраиваться в мировую цивилизацию по западным образцам, как и абсолютизация этноязыковых оснований их самоидентификации, – все это не имеет ничего общего с подлинным евразийством. Это типичное лжеевразийство.

Псевдоевразийство в наиболее явном виде представлено многочисленными работами А. Г. Дугина. Особенно показателен принадлежащий его перу манифест «Евразия превыше всего», легший в основу создания общественно-политического движения с аналогичным названием.

Увы, ничего конструктивного о сущности евразийства читателям манифеста А. Г. Дугина, так же как и других его писаний, почерпнуть не суждено. По его мнению, главная евразийская черта России – это ее православное и имперское противостояние католическому и протестантскому Западу.

Но, во-первых, критика Запада и его противопоставление России – совсем не главная тема для евразийцев. Русская культура еще задолго до них дала непревзойденные образцы подобной критики. Достаточно вспомнить до сих пор актуальные «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского и «Былое и думы» А. И. Герцена, причем гении русской культуры всегда уважали подлинные культурные достижения Запада и не позволяли себе опускаться до уровня ругательств, как это делает А. Г. Дугин, именуя Запад «безбожным и эгоистическим наростом на человечестве».

Во-вторых, А. Г. Дугин откровенно искажает существо критики Запада евразийцами, подменяя ее собственными историософскими домыслами в духе тотальной борьбы с пресловутым атлантизмом. Так, все евразийцы именно в европейском (а точнее – в романо-германском) мире видели исток и оплот техногенно-потребительской цивилизации Запада, его базовых ценностей и приоритетов, а США рассматривали в качестве одной из ветвей единого западного культурно-географического древа. В такой трактовке Запада они не только следовали традиции отечественной историософии, но и сходились с наиболее пронизательными западными критиками, будь то Юнг, Хайдеггер или Фромм. С этих позиций, откровенно антиевразийский характер имеют следующие утопические пассажи А. Г. Дугина: «Евразийская Россия должна выступить в роли освободительницы Европы от американской политической, экономической и культурной экспансии». Спрашивается: как можно освободить Европу от ее собственных извечных ценностей рационализма и индивидуализма, интенции на экономическое и культурное господство, лишь максимально откровенно и грубо явленных со второй половины XX в. имперской политикой США? Разве не европейцы дружно бомбардировали православную Сербию? Разве не европейцы проявляют сегодня наибольшее рвение в защите чеченских бандитов и навязывании нам пресловутых европейских прав человека? И вообще – пусть А. Г. Дугин назовет хоть одну ценность западного мира, которая была бы оригинально американской, а не имела явных европейских корней.

В-третьих, никакого отношения к наследию евразийцев и сегодняшнему прочтению их идей не имеют его рассуждения о том, что Россия «активно усваивала западный опыт, перенимала его наиболее эффективные модели и методики с целью противопоставить Западу его же оружие. На современном языке это называется модернизация без вестернизации... Евразийцы утверждали: для России одной только верности традиции недостаточно. Ей необходимо уникальное сочетание консервативного и революционного начал. Россия должна активно модернизироваться. Развиваться, частично открываться окружающему миру и при этом укреплять свою собственную идентичность». Начнем с того, что вся эта фраза – сплошное абстрактное словоблудие, ибо традиции и новации, консервации и модернизации могут быть диаметрально противоположными – как евразийскими, так и антиевразийскими. Однако если, мучаясь комплексом неполноценности, заимствовать с Запада модели, чтобы ему же их потом и противопоставлять, – то это и означает неизбежно попасть в кабалу к Западу и вестернизироваться. По убеждению крупнейших теоретиков евразийства, как раз такие – прозападные «догоняющие модернизации» – и привели Россию в состояние тяжелейшего кризиса, завершившегося Октябрьской революцией. **Обгонять Запад следует не догоняя его, а играя по принципиально иным правилам цивилизационной игры, которые должна задать сама Россия – Евразия, причем не только для себя самой, но в перспективе для всей мировой цивилизации.**

С этих позиций и большевистскую Россию евразийцы оценивали во многом положительно совсем не потому, что она противостояла Западу, «как худшему из зол», а потому, что ей удалось нащупать и частично воплотить вполне позитивные евразийские экономические (идея планового ведения хозяйства), социальные (дух коллективизма) и политические (власть Советов) формы организации общественной жизни, предвещающие переход к какому-то новому типу общества, нежели тот, который Запад столетиями (и чем далее – тем более агрессивно) навязывает всему остальному миру. **К сожалению, именно о подобных – по-настоящему содержательных и актуальных – идеях евразийцев А. Г. Дугин ничего не говорит, подменяя их собственной псевдоевразийской, а по сути – европоцентристской политической риторикой.**

Более того, если обратиться к его ранее изданной книге⁵, то становится очевидным, что мы имеем дело не только с псевдоевразийством⁶ и псевдопротивостоянием Западу⁷, но со скрытой идеологией тоталитаризма в евразийской упаковке. А как же иначе расценивать его тезисы о том, что «понятие “народ” должно быть взято как основная юридическая категория», что «гражданин, индивидуум юридически ответствен перед своим народом» и что особое внимание Государство (он везде подчеркнуто пишет это слово с большой буквы) должно уделить «восстановлению основ религиозной юридической морали, сближающей конфессиональные, социальные и нравственные нормативы и придающей законодательной области вероисповедальный и этический характер»⁸ Тут недалеко не только до средневековой инквизиции, но и до беспощадной выбраковки негодного евразийского человеческого материала, если только учесть, что «сами народы в лице своих полномочных элитных инстанций юридически подотчетны высшему стратегическому руководству геополитического блока – верховному органу евразийской федерации»⁹ Тоталитарные контуры дугинского псевдоевразийства проступают еще более отчетливо, если учесть, что он считает категорическим императивом евразийца **«лояльность евразийскому Государству»** (выделено нами. – А. И.). Для воспитания такой лояльности необходимо создание «виртуальной Евразии» – «системы интерактивных СМИ, консолидированно проводящих информационно-аналитическое, психологическое и культурное **внедрение** (выделено нами. – А. И.) принципов евразийского сознания»¹⁰.

Вокруг евразийских идей сегодня ведется серьезная и творческая полемика, но с провокационным псевдоевразийством А. Г. Дугина надо совершенно четко и определенно идейно размежеваться, ибо к отечественной евразийской традиции оно не имеет ровным счетом никакого отношения. Напротив, оно выполняет очевидный идеологический – и, похоже, сугубо западный – заказ: **не дать теоретически откристаллизироваться и практически состояться подлинной евразийской духовно-экологической цивилизационной альтернативе**¹¹. Последняя может быть сведена к ряду принципиальных стратегических идей:

1. Россия является особым евразийским культурно-географическим миром – **не Востоком и не Западом. Это своеобразный многонациональный мир-материк, единство и специфика которого обуславливаются:**

– единством природно-географических условий внутреннего континентального пространства евразийского материка, совпадающего с территорией бывшего СССР плюс Внешняя Монголия до китайской стены. В географическом единстве этой территории убедиться достаточно легко. Если проехать, к примеру, от псковских земель до Алтая, то везде можно встретить приблизительно одну и ту же фауну, флору, весьма близкий тип ландшафта и формы хозяйственной деятельности;

– единством духовно-мифологических корней и ценностных представлений, а также психологической совместимостью (комплиментарностью – по выражению Л. Н. Гумилева) различных этносов, населяющих пространства России – Евразии (тюркского, славянского, угро-финского, монгольского и т. д.);

– специфическими историческими законами развития – или точнее «месторазвития», по выражению П. Н. Савицкого – этого пространства. Например, законом чередования периодов государственной интеграции и дезинтеграции Евразии; законом культурно-хозяйственного и политического взаимодействия леса и степи, установленных П. Н. Савицким и Г. В. Вернадским;

– единством исторических судеб евразийских этносов, которые не отрывны друг от друга. В этом плане невозможно написать объективную историю только русского, только украинского или только татарского народов, так же как историю славянского или тюркского этносов. С этих позиций объективной и целостной может быть только общая история всех народов России-Евразии, написанная с евразийских методологических позиций.

2. Западные рыночно-либеральные рецепты экономического реформирования для России попросту смертельны. Они несовместимы ни с ее природными условиями (гигантские территории, суровый климат), ни с ее общинно-артельными традициями социальной взаимовыручки, ни с нравственными устоями жизни (примат духовных ценностей над материальными, нравственных оснований жизни над правовыми, почитание Земли как величайшей святыни, стремление к личной праведности бытия и справедливому государственно-политическому устройству общества и т. д.). По мнению евразийцев, подвергнувших «воинствующий экономизм» европейской техногенно-потребительской цивилизации сокрушительной критике, на смену культу наживы и рынка, как и одностороннему государственно-экономическому администрированию, должно прийти **целостное хозяйство** – гармоничное воспроизводство человека и окружающей среды (социальной и природной) его существования. Подлинный хозяин заботится не столько об экономической прибыли (идеал современной economics!), сколько о социальном ладе, т. е. гармонии взаимоотношений между непосредственными участниками производства, а также о ладности, органической встроенности хозяйственной деятельности в структуру мирового целого¹² Евразийцы не только совершенно справедливо противопоставили западную разрушительную экономику, ориентированную на удовлетворение иррациональных материальных потребностей, евразийскому идеалу нестяжательства и гармоничного хозяйствования¹³; но одними из первых подчеркнули важность развития континентального рынка для России – Евразии, а также поставили вопрос об экологических основах хозяйствования. Фактически еще в 1920-е гг. ими была провозглашена необходимость перехода к **ноосферной** – неистощительной и сбалансированной с природой, объединяющей и коллективную, и частную формы собственности – хозяйственной модели развития, адекватной природно-географическим и культурным условиям жизни России – Евразии. **На фоне глобального экологического кризиса и резкого повышения значения ресурсов девственной природы, которыми еще так богата Россия, разве это не твердая теоретическая почва для стратегического экономического планирования и борьбы за установление принципиально новых мировых правил хозяйственной игры?**

3. Евразийцы были одними из самых последовательных и точных критиков либеральных ценностей. Л. П. Карсавин еще в 1927 г. так писал о западном демократическом устройстве государственно-политической жизни: «*Вся государственная власть сконцентрирована в небольшом и оторванном от народа правящем слое, на авансцене которого вертятся парламентарии и журналисты, а за кулисами вертят чуть ли не всем банкиры. Но благодаря существованию многолюдного парламента, учреждения неработоспособного, сконцентрированная в небольшой социальной группе государственная власть, по существу олигархическая, по имени демократическая, оказывается совершенно неорганизованной*»¹⁴ Его слова звучат исключительно актуально в контексте того, что сегодня творится в России.

В противовес «демократически-механической» евразийцы развили учение об «органической государственности», основанной не на «свально-всеобщем» голосовании за мало кому известных в обществе людей, а на **территориально-корпоративном делегировании снизу вверх**, в высшие законодательные органы государственной власти лучших, уже проверенных в конкретном деле, представителей народа, способных адекватно выражать и отстаивать его волю и интересы. С этих позиций они положительно оценивали многие элементы советской политической системы, адекватные этнокультурному своеобразию России – Евразии. Разве сегодняшний профессиональный и безумно дорогой парламент, совершенно оторванный от своих избирателей, не подтверждает правоту евразийцев о недопустимости механического переноса западных политических ценностей на чуждую им евразийскую культурную почву?

К безусловно сильным сторонам политологического и государственно-правового наследия евразийцев следует отнести также подчеркивание духовно-нравственных, идеократических, оснований власти. Евразийская идеократия здесь напрямую смыкается с понятием **агиократии** («власти святынь») у выдающегося русского теоретика права П. И. Новгородцева. Последний, лично знавший многих евразийцев и оказавший на них в эмиграции серьезное идейное влияние, пророчески писал в своей последней гениальной работе «Восстановление святынь»: «Мы ставим теперь на место ... демократии, народо-властия агиократию, власть святынь. Не всеисцеляющие какие-либо формы спасут нас, а благодатное просвещение душ. Не превращение государственного строительства в чисто внешнее устройство челове-

ческой жизни, а возвышение его до степени Божьего дела... Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святых народный дух!»¹⁵

4. Действенным способом идейной консолидации многонациональной России – Евразии является формирование **чувства общеевразийского патриотизма**, предусматривающее борьбу со всеми формами как космополитизма, так и национализма. «Нужно, чтобы братство народов Евразии, – писал в этой связи Н. С. Трубецкой, – стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место»¹⁶ Разве это утверждение общеевразийской духовной и исторической общности не является самым действенным противоядием против разного рода пантюркистских и панславистских лжеевразийских соблазнов, а также тупиковых путей сугубо конфессиональной духовной консолидации?

5. В силу эмпирического закона смещения культурных центров цивилизации из районов более теплых к районам с более низкими годовыми температурами, П. Н. Савицкий предсказал культурно-политический взлет двух регионов Земли во второй половине XX – начале XXI в.: США и Сибири. Его прогноз относительно США полностью подтвердился. Теперь же, в свете все более явственно проступающего заката США, особые исторические перспективы следует связывать именно с Сибирским регионом Евразии, пока еще сохраняющем в отличие от подавляющего большинства других регионов Земли и уникальные биосферные, и уникальные культурные богатства. Именно в этом стратегическом геополитическом регионе России – Евразии следует ожидать глобальных ноосферных (или духовно-экологических) прорывов, учитывая, что новый тип цивилизационных отношений никогда не возникает сразу и целиком на всем пространстве земного шара, а имеет первоначально точечную пространственную локализацию и эмбриональный период созревания.

6. Следовательно, историческая сверхзадача единого евразийского культурно-географического мира состоит вовсе не в конфронтации с Востоком и Западом, а в их объединении на принципиально новых – духовно-экологических – ценностных основаниях и правилах цивилизационной игры, преодолевающих конкурентно-конфликтную политическую идеологию и техногенно-потребительские соблазны настоящего времени.

И никакой иной, кроме как глобальной и всечеловеческой, задачи соборного единения и духовно-преображения Земли у России никогда не было и нет. Она – в лице своих гениальных творцов и в периоды высочайших исторических взлетов – всегда исповедовала **святых**, на основе которых произойдет консолидация России – Евразии, Старого Света, а вслед за ними и всего мира. Эти святые ценности просты и понятны, ибо образуют вполне очевидные общечеловеческие устои бытия, просто **лучше сохраненные в глубинах евразийской культурной памяти:**

- абсолютно ценны мир и кооперация между народами, ибо от них выигрывают все;
- бесценна сохраненная здоровой природа Земли, ибо в этом залог здоровья наших детей и внуков (процветающая экономика с больными людьми никому не нужна);
- неразменны сокровища науки, культуры и просвещения, ибо невежество и агрессивные предрасудки несовместимы со званием человека;
- свято материнство, ибо на нем держится жизнь на Земле;
- прекрасны умеренность и нестяжательство, ибо если разумные материальные потребности всегда конечны, то духовные могут расти бесконечно.

Борьба за утверждение в сознании людей и практическое воплощение этих базовых евразийских ценностей составляют основное содержание нынешней переходной эпохи. Этим объясняется и многообразие форм мнимого евразийства. Борьба идей здесь закономерна и неизбежна. В ней каждому предстоит сделать свой нелегкий выбор, ибо, воистину, **поле битвы – каждое сердце человеческое.**

Примечания

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 135.

² Русский журнал // www.russ.ru (от 31 мая 2001 г.).

³ См.: ДА. Диалог Евразия. 2000. № 1. С. 51.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Дугин А. Г. Наш путь. Стратегические перспективы России в XXI веке. М., 1999. С. 42.

⁶ Евразия для А. Г. Дугина – это Старый Свет (от Владивостока до Дублина, включая Японию и арабские страны), где задача России – служить центром общеконтинентального антиатлантического государственного объединения, причем Российское государство всегда-де на протяжении своей истории стремилось расширяться до размеров всего евроазиатского континента. Мало того, что данный тезис совершенно произвольно и бездоказательно отвергает классическое евразийское разделение Старого Света на Запад, Восток и Россию – Евразию, он выглядит откровенно провокационно с точки зрения международных отношений и перспектив межгосударственного евразийского сотрудничества.

⁷ Сам автор весьма красноречиво признается, что «финансово-экономическая система России не может игнорировать складывающуюся виртуальную экономику мирового уровня, перевод экономического потенциала в сферу информационных технологий и электронных бирж» (Дугин А. Г. С. 117). «Экономическая модель, наиболее соответствующая современной Евразии, ... это модель кейнсианская» (Там же. С. 111). Более того, почти все тупиковые линии развития современной техногенно-потребительской цивилизации (показательно, что А. Г. Дугин именует их «трендами») рассматриваются автором как естественные, которые следует принимать и лишь антиатлантически использовать в интересах Евразии (Там же. С. 93).

⁸ Там же. С. 125.

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ Там же. С. 125, 131.

¹¹ См. об основных характеристиках этой новой цивилизации, а также о механизмах перехода к ней в: *Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю.* Духовно-экологическая цивилизация: Устой и перспективы. Барнаул, 2001.

¹² См.: *Савицкий П. Н.* Хозяин и хозяйство // Россия между Европой и Азией. М., 1993.

¹³ Сегодня в русле этих идей, восходящих еще к наследию С. Н. Булгакова, успешно разрабатывается новая евразийская философия хозяйства. См. издающийся в течение ряда лет на экономическом факультете МГУ под редакцией Ю. М. Осипова журнал «Философия хозяйства».

¹⁴ *Карсавин Л. П.* Основы политики // Россия между Европой и Азией. Евразийский сблз. М., 1993, С. 201.

¹⁵ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 579, 580.

¹⁶ *Трубецкой Н. С.* «Евразийский национализм» // Там же. С. 97.

В. Г. Костюк
(г. Новосибирск)

СЛАВЯНО-ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ СИНТЕЗ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

В современных социальных исследованиях все чаще применяется цивилизационный подход – способ анализа социальных процессов на основе представлений и понятий о цивилизациях. Хотя эти представления и понятия у разных исследователей сильно различаются, имеется определенная «зона согласия», позволяющая, по крайней мере, понять того или иного автора, даже если он не определил в тексте понятие «цивилизация». Не вдаваясь в детальное рассмотрение цивилизационных теорий и отсылая интересующихся этим вопросом к соответствующей литературе на русском языке¹, отметим, что нам представляется содержательным определение этой «зоны согласия» Б. С. Ерасовым, а именно: «цивилизации действительно являются крупными социокультурными общностями с центральной, преобладающей системой культурных принципов и значений, что не исключает наличия инкорпорированных частей и элементов, имеющих инородный характер. Системность, целостность и интегрированность цивилизации могут быть весьма относительными, что становится одним из факторов ее усложнения и развития»². С этой позиции научно некорректно рассуждать о передовых и отсталых цивилизациях, цивилизованных и нецивилизованных народах и странах. Цивилизации – это, как правило, полиэтнические сгустки близких по истории и культуре народов, поэтому корректнее говорить, например, о русской или бурятской культуре, а не цивилизациях, так как они являются элементами (подсистемами) более крупных социокультурных общностей, обладающих определенной качественной различенностью и целостностью, – соответственно славянской и тюрко-монгольской (суб)цивилизацией. На наш взгляд, научно правомерно применение стадийного подхода в теории цивилизаций (как и культур) на основе критерия технологического развития или формационного членения истории (например, можно выделить феодальную эпоху западно-европейской цивилизации, традиционно-аграрную эпоху китайской цивилизации и т. п.).

В силу взаимосвязи человечества и отсутствия социокультурных границ между народами и странами, особенно в современный период развития средств информации и процессов глобализации, гра-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

(по языкам, религиям, культурам, менталитетам и т. д.) единством и цивилизации представляют собой первый, наиболее крупный, уровень такого различия. В связи с этим понятно, что в зависимости от совокупности критериев различения, цивилизации можно выделять разными способами: например, по географическому признаку (европейская, центральноазиатская, латиноамериканская и т. д.), по конфессиональному (исламская, буддистская, православная и т. д.), по этническому (китайская, индийская, тюрко-монгольская и т. д.), по типу хозяйственного уклада (кочевые, земледельческие и т. д.), по хронологическому признаку (древние цивилизации и т. д.) и др. Эти способы выделения могут взаимно пересекаться, и каждый из них представлен в научном плане, ибо отражает ту или иную грань цивилизационной паутины мира. Поэтому схоластичными нам представляются споры о числе цивилизаций в мире, цивилизованности того или иного народа, хотя ясно, что обозначение каждого этноса цивилизацией теряет научный смысл и носит скорее престижный характер.

Следующим, вторым уровнем различия могут рассматриваться этнические (национальные) культуры; далее – субкультуры внутри них и т. д. Подобный подход, на наш взгляд, является не только научно конструктивным, но и гуманным с мировоззренческих позиций сохранения этнокультурного разнообразия человечества как условия его выживания и развития.

Как типичный для археологических, этнологических и культурологических работ цивилизационный подход начинает в последние годы использоваться и в этносоциальных исследованиях, что обусловлено потребностью рассмотрения и понимания внутри- и межэтнических (межнациональных) процессов в широком социокультурном контексте регионального и (или) мирового масштаба в связи с усилением интегративных тенденций интернационализации и глобализации в современном мире, влияющих в той или иной мере на жизнедеятельность каждого народа.

В этом плане нам представляется продуктивным рассмотрение этносоциальных процессов в российском сибирском регионе в контексте евразийской цивилизации. В соответствии со взглядами идеологов евразийства – Н. Трубецкого, П. Савицкого, Г. Вернадского, Л. Гумилева, И. Орловой, В. Кожина³, которых мы придерживаемся, Евразия – это не субматерик Европа – Азия, а срединная, лесостепная равнинная часть этого субматерика, обрамленная с запада Карпатами и Дунаем, с юга – Кавказом, Памиром, Тянь-Шанем, Тибетом, простирающаяся на восток до Тихого океана, и это скорее геофизическое и геосоциокультурное понятие – «месторазвитие» тысячелетиями взаимодействующих здесь народов. По евразийской равнине в течение всей истории, включая современность, протекали большие миграции народов – перекатывались волны кочевников, происходила земледельческая колонизация степей, шло индустриальное освоение Сибири и других регионов. Вместе с этим развивались сложные, противоречивые процессы этнической интеграции и дифференциации, рождались и распадались народы и государства, менялась этническая и политическая география Евразии, а также складывалась экономико-географическая и культурная системная целостность истории народов, взаимодополняемость экономик и культур оседлого и кочевого населения. «Природа Евразии, – как отмечал П. Савицкий в статье «Географические и геополитические основы евразийства», – в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического и экономического объединения, чем мы наблюдаем то в Европе и Азии... Недаром в просторах Евразии рождались такие великие политические объединительные попытки, как скифская, гуннская, монгольская (XIII–XIV вв.) и др. Недаром над Евразией веет дух своеобразного «братства народов», имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различных рас – от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-манчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов»⁴.

Генезис евразийской цивилизации бурятский археолог Баир Дашибалов относит к глубокой древности – эпохе миграций кочевников-индоевропейцев. Он безусловно прав, отмечая, что «номады являлись посредниками между различными народами и культурами, создавая единую евразийскую цивилизацию», были связующим звеном в ней, но вряд ли обоснованно относить эту цивилизацию к прошлому времени, отмечая, что ее остатки «сохранились в разных частях евразийской ойкумены у многих народов»⁵. Евразийская цивилизация, как развивающееся социокультурное образование, имеет свое прошлое, настоящее и, надеемся, будущее. В древние века доминантой ее роста были кочевники, в средневековье – земледельцы, в современный период – представители индустриального и постиндустриального хозяйственно-культурного уклада. Предшествующие уклады не исчезают в структуре цивилизации вовсе, а в снятом виде сохраняются в материальной и духовной культуре, исторической памяти и менталитете народов. Хотя истоки евразийской цивилизации и восходят к седой индоевропейской древности, ее качественная определенность, сохраняющаяся и поныне в основных чертах, сложилась в эпоху становления славянских и тюрко-монгольских миров (субцивилизаций), как и взаимодействия между ними в срединной Евразии. В государственно-территориальном плане с XVII–XVIII вв. это в значительной мере территория России, но в евразийскую цивилизацию входят также народы Средней Азии, Монголии, тюркские и монгольские этносы Китая, Афганистана. Как открытая система, эта цивилизация имеет «зоны пересечения» с китайской и дальневосточной цивилизацией.

лизациями (Корея, Япония). У евразийской цивилизации сложная структура, сформировавшаяся в процессе ее роста и состоящая из подсистем (субцивилизаций) и элементов (этнических культур). И. Б. Орлова выделяет в ней славяносибирскую, транскавказскую и южноазиатскую подсистемы⁶. Основания для выделения именно этих подсистем ею не объясняются, но заметно, что доминирует географический признак. Нам представляется более продуктивным этнокультурный подход, членение по культурно-историческим типам, отражающим историческое родство народов. При таком подходе в структуре евразийской цивилизации можно выделить наиболее крупные подсистемы (субкультуры) – славянскую, тюрко-монгольскую и циркумполярную (народности Севера), а также отдельные этнические культуры, не представляющие собой цивилизации или генетически связанные с иными цивилизациями (осетины, финно-угорские народы, российские немцы и др.). В свою очередь, в субцивилизациях по определенным основаниям (язык, религия, тип хозяйствования) можно выделить другие подсистемы и элементы: в тюрко-монгольской – тюркскую, бурятскую, монгольскую подсистемы (культуры), в славянской – русскую, украинскую и др.

Основная часть населения евразийской цивилизации сосредоточена в России, поэтому можно говорить о российской цивилизации – евразийской по своему типу.

Около 80 % населения России – славяне (в основном русские), свыше 10 % – тюрко-монгольские народы, поэтому выделение славяно-тюрко-монгольской основы российской евразийской цивилизации вполне обосновано демографическим, экономическим и культурным потенциалами этих народов, что несколько не умаляет ценности других ее составных частей.

Как отмечал Н. Трубецкой в статье «О туранском элементе в русской культуре» (подразумевая под «туранцами» тюрков, монголов, народностей Севера, угро-финнов), «сожителство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великоросса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течет в жилах малороссов, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев. Между тем мы мало заботимся об этом. Мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличность в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента. С этим предрассудком пора покончить»⁷. Добавим к сказанному Н. Трубецким, что в силу взаимодействия туранства и славянства и в туранстве развивался «славянский элемент», и это более исследовано (в немалой степени из-за славяноцентристских и европоцентристских установок многих российских ученых и политиков в сфере культуры). В последние годы усилился, к сожалению, и «туранский предрассудок» – отрицание позитивной роли славян (русских) в развитии туранских народов, обвинение в русификации, неокOLONIALИЗМЕ, шовинизме, насильственной интернационализации и т. п.

Для анализа диалога цивилизаций и возникающих при этом существенных противоречий (дихотомий) во взаимодействии разных типов общества (западных и восточных, модернизированных и традиционных) нам представляются продуктивными предложенные Б. Ерасовым концепции симбиоза (минимального взаимодействия при сохранении относительно независимых традиций и современности), конфликта традиционности и современности (крайние его формы – столкновение, война) и синтеза культур (взаимное приспособление нового и традиционного)⁸.

На протяжении всей истории взаимодействия между славянами и тюрко-монголами имели место все три формы – и симбиоз, и конфликт, и синтез, однако доминирующим, в конечном счете, оказался синтез – взаимное приспособление культур. Само по себе понятие «модернизация» стало синонимом вестернизации, ориентации на приоритет западной цивилизации, только в новейшее время, а в более ранние периоды, как известно, Восток в культурном (а также технологическом) отношении превосходил Запад. Хозяйственный уклад кочевников-тюрко-монголов в X–XIV вв., например, в экономическом отношении был более эффективным, чем уклад земледельцев-славян, так что в этом плане модернизационные инициативы для славян исходили от тюрков и монголов, кроме того, имела место взаимодополняемость земледелия и животноводства – леса и степи, в диалоге славян и тюрко-монголов. В последующий период, особенно в процессе крестьянской колонизации Сибири, модернизационная инициатива перешла к земледельцам-славянам. Но, как известно, тюркские и монгольские народы заимствовали многие элементы земледельческой культуры славян, наделив их чертами своего менталитета (например, рационального природозащитного землепользования), т. е. включили в свою традиционную культуру. Русские и другие славяне также многое взяли из традиций хозяйственной жизни скотоводов-тюрко-монголов (упряжь, селекция скота, ямская почтовая связь и т. д.).

Взаимное приспособление, хозяйственный синтез славян и тюрко-монголов не могли не сказаться на синтезе их духовных культур и мировоззрений, менталитетов. Этот факт отмечали еще в XIX в. немецкие этнографы М. Эрман, А. Кастрен, русские ученые А. Щапов, Н. Ядринцев и др. «Везде, где русские смешивались с иноземными племенами, – писал «западник» А. Щапов, – они усвоили себе те

же умственные и нравственные черты, какие воспитывались и в туземных племенах, под влиянием местных физико-географических и этнографических условий... – флегматичный темперамент, патриархальную простоту нравов, гостеприимство»⁹

Проблематику взаимовлияния русского и бурятского населения в XIX в. на основе работ А. П. Шапова, Н. М. Ядринцева, Г. М. Осокина и других исследователей в настоящее время разрабатывают Ф. Ф. Болонев, О. В. Бураева, А. В. Атенев¹⁰, подтверждая фактологически концепцию славяно-тюрко-монгольского диалога культур, их синтеза.

Даже в эпоху империи Чингис-хана, трактуемую в российской историографии большинством западно ориентированных исследователей как «татаро-монгольское иго», хозяйственная и культурная жизнь на Руси не замерла. Выдающийся русский востоковед, глубокий знаток этого периода истории академик В. В. Бартольд отмечал, что в завоеванных странах монгольские ханы «заботились о восстановлении городской жизни, промышленности и торговли и оказывали покровительство тем наукам, которым предавали практическое значение: медицине, математике... и астрономии. Несмотря на варварство монголов, эпоха их владычества не была связана, как владычество германцев в Европе, с возвращением от денежного хозяйства к натуральному, от городской жизни к сельской»¹¹ Тем более не было регресса в экономическом и культурном взаимовлиянии славян и тюрко-монголов в Российской империи и Советском Союзе, когда сложился единый хозяйственный комплекс этих народов, появилась национальная интеллигенция, возникли новые виды занятий в сельском хозяйстве, промышленности, науке, новые виды в искусстве.

Еще Н. Трубецкой отмечал, что «по целому ряду вопросов русская народная культура примыкает именно к Востоку», приводя в качестве примеров сходство так называемой «пятитонной» гаммы обрядовых и свадебных песен, ритмов, танцев, орнамента, сюжетную близость эпосов и т. д.¹² В современный период проблематика синтеза духовных культур тюрко-монголов и русских исследуется В. В. Богомоловым, О. В. Бураевой, Э. О. Доболовой, немецким этнографом Й. Хэжелем¹³ на примерах орнаментики и тотемизма. О сходстве ценностных ориентаций в сферах труда, культуры и политики у тюркских и славянских народов в советский период свидетельствуют многочисленные труды Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой, М. Н. Губогло и других этносоциологов. К сожалению, в постсоветский период социологические исследования по этой проблематике проводятся редко, но из имеющихся следует, что несмотря на рост взаимного отчуждения народов в период «рыночных» реформ и «суверенизаций», у большей части как тюркского, так и русского населения России сохраняются дружеские отношения. Например, этносоциологические исследования в Башкортостане, проведенные в 1993 и 1995 г., показали, что 70–75 % и башкир, и татар в целом положительно оценивают роль русских в развитии других народов СССР¹⁴ И это несмотря на то что в среде части татарской интеллигенции получили распространение воззрения, подобные сформулированным государственным советником президента Татарстана, директором Института истории Татарстана Р. Хакимовым об «имперском вирусе» в государственном организме России, которая «незаконно обосновалась на исторической территории Золотой Орды», о стремлении мусульман интегрироваться скорее в европейское общество, чем в российское, и т. п.¹⁵ Политическое единство славян и тюрко-монголов в наибольшей степени проявилось в империи Чингисидов, Российской империи и Советском Союзе. Именно в Советском Союзе, в том числе Российской Федерации, сложилась оптимальная, на наш взгляд, форма политического единства и представительства национальных интересов – федеративное устройство на основе национально-государственной автономии, дополненное в последние годы автономией культурно-национальной.

Евразийская цивилизация поликонфессиональна, и основные ее религии – православие, ислам, буддизм, отличаются веротерпимостью и взаимным уважением основной части верующих. Это обусловило устойчивый синтез верующих и атеистов, людей разных религий в обществе, несмотря на отдельные попытки проявления религиозного фундаментализма и его политизации.

В наибольшей степени синтез цивилизаций проявляется в межэтнических браках, двуязычии, ассимиляционных процессах. В процессе многовековых контактов славян с тюрками и монголами многие бывшие славяне стали тюрками и наоборот. Достаточно вспомнить историю болгар, казаков, крещеных и «ясачных» в Сибири. Многие тюрко-монгольские слова вошли в русский язык, многие выдающиеся русские люди – Карамзин, Тютчев, Кутузов, Тургенев, Чаадаев и другие – имеют тюркское происхождение, а не только фамилию¹⁶

Евразийская цивилизация – это славяно-тюрко-монгольские «сиамские близнецы», сплав народов, культур, менталитетов. В менталитете (образе мышления) и для славян, и для тюрков, и для монголов типичным является приоритет коллективистского (общинного) начала над индивидуалистским, духовного над материальным, морального над правовым, естественности (простоты) над искусственностью (статусностью), интуитивности над рациональностью, порядка над свободой, скромности над достатком, семейно-родового над сословно-классовым, нестяжательства над накопительством, свободы труда над дисциплиной труда, т. е. многое из того, чем Восток отличается от Запада. Безусловно,

это самые общие дихотомии, и не только в каждой субцивилизации, культуре возможны инверсии этих дихотомий для отдельных социальных групп и индивидов, но и в искусстве, литературе, эпосе и образе жизни, поведенческих стереотипах славянских и тюрко-монгольских народов многими исследователями зафиксированы эти доминанты в менталитетах.

Многие исследователи отмечают факт ослабления экономических, культурных и политических связей между славянами и тюрко-монголами в российской (и евразийской в целом) цивилизации после развала Советского Союза и Совета экономической взаимопомощи. Но евразийское материальное и духовное пространство не исчезло.

Будущее европейской цивилизации зависит от ее способности противостоять современным вызовам – глобализации «по-американски», неспособности сохранить и развить ресурсы своей жизнедеятельности, потере самобытности или, наоборот, уходу в изоляционизм и т. п. Как и ранее, в XXI в. продолжится борьба между цивилизациями за ресурсы, в первую очередь энергетические и информационные. Эта борьба сейчас носит не более цивилизованный характер, чем в Средние века, и наибольшие опасности для народов таятся по линиям так называемых цивилизационных разломов, где соприкасаются разные (суб)цивилизации. Для России это Кавказ, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток. Антиевразийские, либерально-прозападно настроенные идеологические и политические силы внутри России и за ее рубежами стараются разрушить славяно-тюрко-монгольский синтез, спайку этих народов, реанимируя в их сознании «болевые точки» старых взаимных обид и создавая новые, стремясь заменить православно-исламо-буддийскую трудовую мораль иудео-протестантской этикой капитала. Поучителен для России в этом плане опыт Югославии, Боснии и Герцеговины, Косово.

Сравнительные этносоциальные исследования в Сибири – важнейшем регионе российской части Евразии, целесообразно проводить с учетом межцивилизационного и геополитического контекстов, фокусируя их на тех процессах, которые формируют общие ценности и элементы в культурах народов, цивилизаций.

Примечания

¹ См.: *Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия*. М., 1999; *Время мира*. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Новосибирск, 2001. Вып. 2: Структуры истории; *Тойнби А. Дж.* Постигжение истории. М., 2001; *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. М., 1999.

² *Сравнительное изучение цивилизаций*. С. 60.

³ *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М., 1999; *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М., 1997; *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М., 2000; *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993; *Кожин В. В.* История Руси и русского слова. Современный взгляд. М., 1998; *Орлова И. Б.* Евразийская цивилизация. М., 1998.

⁴ *Савицкий П. Н.* Указ. соч. С. 301, 302.

⁵ *Дашибалов Баир.* Кочевники – связующее звено евразийской цивилизации // *Правда Бурятии*. 1998. 1 июля.

⁶ *Орлова И. Б.* Указ. соч. С. 27.

⁷ *Трубецкой Н. С.* Указ. соч. С. 136, 137.

⁸ *Сравнительное изучение цивилизаций*. С. 486–492.

⁹ *Щапов А. П.* Сочинения. СПб., 1906. Т. 2. С. 466.

¹⁰ См.: *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*. Улан-Удэ., 2000. Т. 2. С. 292–297; 349–351.

¹¹ *Бартольд В. В.* Культура мусульманства. М., 1998. С. 89.

¹² *Трубецкой Н. С.* Указ. соч. С. 128–133.

¹³ См.: *Богомолов В. В.* Тюркские традиции в развитии костюма русских // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 1. С. 156.; *Бураева О. В.* Орнаментика в культуре кочевников и старообрядцев Забайкалья: архетипы традиционного сознания // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*. Улан-Удэ, 2000. Т. 2. С. 335–338; *Хкель И.* Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма). Томск, 2001. С. 68–71.

¹⁴ *Сафин Г.* Контуры этносоциальной жизни в Башкортостане // *Социологические исследования*. М., 2001. № 10. С. 95.

¹⁵ *Хакимов Р.* Ислам в татарском мире: История и современность. Казань, 1997. С. 4.

¹⁶ *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

М. Я. Рожанский
(г. Иркутск)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ В СИБИРИ: ТРУДНОСТИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ *

Сибирь – субрегион в России, логика развития которого и само сохранение в качестве российского определяется вторжением европейско-русского цивилизационного вектора в континентальный ландшафт Северной Азии. В XX в. это обернулось противоречием между экстенсивной индустрией (при неразвитой инфраструктуре) и истощаемостью природных ресурсов. Тюменский север и Якутия – ключевые зоны для разрешения этого общесибирского противоречия. Отнесение тюменских регионов к Уралу акцентирует их развитие как сырьевых, а в перспективе как индустриально-урбанистических. Включение Якутии в Дальневосточный округ связывает ее развитие с внешнеэкономическими устремлениями России. Собственно сибирские проблемы, налаживание внутрисибирской хозяйственной жизни, во внимание не приняты в который уже раз в соответствии с имперской геополитической традицией, не воспринимающей Сибирь как место возможной межцивилизационной встречи и не учитывающей потенциал этой встречи для России.

Решения, принимаемые в духе именно такой «геополитики», нашли продолжение в плане строительства железнодорожной магистрали, не учитывающей собственные хозяйственные потребности Сибири, игнорирующей ту инфраструктуру, которая здесь складывалась. Прошедшее столетие, на протяжении которого Транссиб так и остался основным агентом модернизации, привело не только к масштабному размещению производства в Сибири, но и к тому, что это экономическое наращивание обострило противоречия внутрисибирского развития до ситуации, которая воспринимается как тупиковая. Сложившееся состояние может быть охарактеризовано как экокультурный шок, но причины тупика (которые называются) лежат в сфере экономической, административной и социальной политики. Цивилизационные причины сегодняшних трудностей не вскрываются, ибо цивилизационный анализ не воспринимается как актуальный теми, кто участвует в активной политической деятельности. Сибирь не объединена сознанием единства интересов и судеб, поскольку на первом месте находятся отношения с «центром», а не с соседями – это касается и экономической, и политической, и интеллектуальной элиты, а также в целом городских сообществ сибирских «столиц». Общей интеллектуальной жизни или хотя бы информационного обмена между сибирскими «столицами» не существует. Второй, не менее весомый фактор сибирской разобщенности, рожденный гиперцентрализмом, – вторичная по сравнению с сибирскими «столицами» периферийность малых городов. И третий значимый фактор – безразличие к сибирской самоидентификации в «молодых» городах, где патриотизм может существовать как городской, но практически не заметен патриотизм региональный. Этот фактор также имеет прямое отношение к гиперцентрализации – «молодые» города во второй половине столетия возникли благодаря переброске к крупным размещаемым производствам выходцев из разных регионов страны.

Народы, пришедшие до появления Руси в Северную Азию, вписались в новый для себя ландшафт, а с приходом русских постепенно находили (когда вынужденно, когда взаимовыгодно) органичные формы сосуществования с преобразовательной цивилизацией, что единодушно отмечают этнологи. Как далеко зашли бы эти процессы, были ли у них перспективы, сейчас не скажешь – сегодня экофильные традиции и индустриально-преобразовательная ориентация представляются несоединимыми.

Самый значительный результат этой политики для Сибири – оторванность Севера от Юга, а точнее – абсолютная неадаптированность индустриального уклада к предельно хрупкой природной среде, фатальное отсутствие опыта совместного существования индустриальной цивилизации с экофильными культурами. Север и Юг – метафоры, но не более чем Запад и Восток. Экофильные народы живут и на севере и на юге Сибири, но северная природа особенно уязвима и жители Севера беззащитны перед массовидным вторжением будучи отрезанными от остального мира. Индустриальный уклад утверждался в Сибири с юга, от Транссиба, ставшего транспортной основой и основным катализатором модернизации. Энергия и ресурсы Сибири стали концентрироваться в точках пересечения Транссиба с великими реками, и эти точки в течение XX столетия вместе с бесчисленными поселками городского типа превратили Сибирь в край квазичивилизованной урбанизации.

* Статья выполнена в рамках проекта «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ» (Иркутский госуниверситет, при поддержке Фонда Форда).

В условиях острого и болезненного социально-экономического перелома обнажается хрупкость структур повседневности, казавшихся для индивида сложившимися и устойчивыми, происходит ломка жизненных траекторий.

Чрезвычайно остро встает вопрос о возможности постоянной жизни на Севере тех, чье пребывание связано там с добывающей индустрией и квазиурбанистическим образом жизни. Человек, продолжавший начатую его предками добровольную или вынужденную адаптацию к жесткой природной среде и часто привязанный к ее своеобразию, обнаруживает неестественность своего присутствия в ней. Если ранее это могло компенсироваться ощущением причастности к «преобразованию Севера» или решением жизненно важных индивидуальных задач (от возможности заработать до сохранения личностной независимости), то теперь почти весь спектр жизнеобразующих смыслов исчез, а с их исчезновением жизнь на Севере стала ощущаться как бессмысленное испытание.

Иная жизненная коллизия, резко выявляющая дисгармонию в отношениях человека с природой, наблюдается на огромной территории Сибири – от Забайкалья до Заполярья. Задана она таким детищем индустриальной цивилизации, как «монограды». Краснокаменск в Читинской области, Северск в Томской, Байкальск, Братск, Усть-Илимск в Иркутской, Лесосибирск в Красноярском крае, Яровое в Алтайском, Мирный в Якутии, газонефтегады на Тюменском севере – города разного размера, от 10 до 300 тыс. человек, и в основном «молодые», т. е. возникшие во второй половине XX в., но есть среди моноградов и старые малые города, решительно измененные размещением крупного добывающего или индустриального производства. Объединяет судьбы всех этих городов прежде всего зависимость повседневности и жизненных траекторий людей от производства, связанного с экстенсивной эксплуатацией природы. Но есть и еще одна черта, характерная для образа жизни жителей моноградов, выбравших в свое время Сибирь как место жизни или переехавших из сибирского села – активная жизнь в природе. В отличие от активности производства, это стремление к активному бытию в природе, а не к ее преобразованию, тесная связь с тайгой, рекой, озером или садовым участком. Эта связь оказалась существенной как один из ресурсов переживания кризисной ситуации, когда градообразующие предприятия оказались не в состоянии обеспечить ни своих работников, ни городские бюджеты достаточными средствами для поддержания жизни. И в то же время степень зависимости жизни людей от возможности восстановления и наращивания производства обнажилась в такой мере, что проблемы разрушения природной среды существования человека, а вместе с этим и его здоровья, сокращения длительности жизни стали для большинства жителей второстепенными. Подобная экзистенциальная ситуация ясно просматривалась и до кризиса. Достаточно наглядным примером этой коллизии стала судьба сибирских гидростроителей, когда крупнейшие ГЭС, воздвигнутые ими на Ангаре и Енисее и придавшие смысл испытаниям своих создателей, оказались под прицелом общественной критики, исходящей из экофильных кругов. Социально-экономический кризис практически повсеместно в Сибири выявил это глубинное противоречие, выбор между хозяйственными условиями «выживания» и сохранением природных основ человеческой жизни. Бескризисная ситуация позволила бы рассчитывать на изменение стратегии хозяйствования, перспективу разрешения этого противоречия, но ситуация кризиса не оставила возможности для выбора. Когда термин «выживание» будет исчезать из обихода, выбор не облегчится. Перспективы дальнейшего экономического развития Сибири неизбежно актуализируют экономический уровень противоречия между российской индустрией и уязвимой природной средой, но переход на режим природосберегающей экономики будет затруднен прежде всего инерцией хозяйственного мышления, в котором аккумулированы традиции экстенсивного хозяйствования. На стороне природы иные традиции – традиции экофильных народов Северной Азии и русской сибирской деревни.

Речь идет, конечно, не о реконструкции моделей хозяйства, а о возрождении экзотических ценностных комплексов в формальном и неформальном образовании личности, утверждении этих ценностей в обществе как естественных для человека, живущего в Сибири. Но решение этой задачи сталкивается с еще одной трудностью – трудностью восприятия культурного наследия как своего, личного, независимо от его этнического или цивилизационного происхождения. Здесь легко обнаруживается одна из ключевых характеристик европейского типа цивилизованности – отношение к непохожим культурам и способам жизни как к отсталым, нижестоящим на некоей общецивилизационной шкале. Но если в собственно европейском сообществе в последнее столетие происходило интенсивное преодоление симптомов подобного европоцентризма (а в науке и художественной культуре – его сути), то в России, даже в советской интернационалистской фазе ее развития, модернизация оказалась стимулятором цивилизационного высокомерия, ибо проходила через усиление преобразовательного пафоса, а не как обустройство человеческой жизни.

Сибиряки – это часть русского (или российского) этноса, становление которого совершается на основе прежде всего экстенсивных экономических и социальных процессов. Формирование сибирского населения неотъемлемо от расширения пространства этнического существования, за счет чего этнос пытался справиться со своими проблемами и кризисами – люди либо пытались уйти от трудно-

стей тупиковых к иным, казавшимся преодолимыми, либо забрасывались за Урал властью для решения экономических и социальных задач. В результате действовали два фактора, порождающие культурную «амнезию» (разделить их, конечно, возможно только аналитически). Один из них отметил А. А. Сусоколов, который прокомментировал (и достаточно убедительно) известное замечание В. Ключевского об отечественном обычае все начинать с чистого листа, будто не было опыта предков, как результат экстенсивного развития русского этноса¹. Добавим только, что культурная «амнезия» как порождается аффективным характером межличностных отношений, так и закрепляет преобладание таких отношений в повседневной жизни и историческом существовании этноса². Когда перемещение в пространстве – способ уйти от невыносимого мира вместо того, чтобы его менять, – тогда и не вырабатывается культура компромисса, которая очевидна, например, в поведении представителей оседлых сибирских народов. А в условиях развития, изменений культура компромисса предполагает и компромисс с предшествующими поколениями, невозможность разрывать отношения с предками. Уйти в другое пространство, чтобы жить иначе, – значит оказаться на чистом месте. Второй фактор – ощущение временности жизни «здесь», куда тебя забросила судьба, вечно временный характер сибирской жизни, когда пространство воспринимается как родина не навсегда, ибо большая, настоящая жизнь – «в России», на «Большой земле», «в райцентре», «области», «городе». Центр жизни все время где-то не там, где живет сибиряк, он остается «путешественником в собственной стране». Правда, Чаадаев писал о внимательном, интересующемся путешественнике, а в обычном случае внимание к собственной стране не слишком велико, оно больше обращено все туда же – в Центр, на «Большую землю», «большую политику». Естественно, что из такого внимания выпадает жизнь предшественников в локальном пространстве. И даже когда начинается конструирование традиции, истории, этноса (о чем речь чуть ниже), это конструирование касается не того, что было раньше в конкретном месте проживания индивида, а оставшихся где-то родовых или исторических (государственных, национальных, идейных) «основ». Даже областничество, конструируя сибирскую общность, «особый народ», не включало в достояние своей особой общности опыта, наследия автохтонных народов, которым областники заинтересованно симпатизировали.

Сродни культурной амнезии и другое свойство сибирской жизни – незнание непосредственных зарубежных соседей. Когда Сибирь, Азиатскую Россию определяют как «встречу Запада и Востока», не просто делают некую идеологическую натяжку, а отказываются видеть реальное отсутствие какой-либо «восточности» в облике городов, культурной жизни, человеческой повседневности, более того, сколько-либо выраженного интереса к культурам, находящимся рядом. Культуры эти предстают не только недоступными, но и опасными, особенно в те исторические периоды, когда внезапно умножаются повседневные контакты с зарубежной Азией. «Синдром желтой опасности» может рассматриваться, наверное, и как результат идейных спекуляций, но спекуляции не опираются на опыт межкультурного общения, а пользуются незначительностью такого опыта. Более того, дискурс идейных спекулянтов свидетельствует о напористой иррациональной составляющей их спекуляций – посмотрим ли мы тексты второй половины XIX в., предупреждавшие о буддистской экспансии, черносотенную истерику начала XX в., связывавшую идею «еврейского заговора» и «азиатского коварства», или нынешние «экспертные» и журналистские тексты, подпирющие неумелую административную политику в отношении китайской миграции суждениями о «геополитическом давлении» миллиардного Китая на Сибирь и несчитанных миллионах китайцев, заполняющих с недобрыми намерениями сибирские и дальневосточные города.

Не обсуждая вопроса (выходящего за рамки темы) – существует или нет опасность китайской экспансии в Сибирь, отметим, что сам смысл подобного обсуждения весьма сомнителен, учитывая уровень знаний о Китае, абсолютную степень неведения цивилизационных предпосылок, лежащих в основе жизненных стратегий и актуальных намерений китайских мигрантов. И если аналогичное неведение в геофилософских текстах (сегодняшних или вековой давности), упирающихся на чуждость цивилизаций, можно списать на издержки жанра и географию их написания, то традиция подобного незнания, неведения и невидения в сибирской интеллектуальной жизни свидетельствует о том, насколько в этой жизни не востребованы возможности пространства и насколько ненадежны основы ее самостоятельного существования.

Тоской по более надежным основам жизни можно объяснить и ту энергию, которая канализирована в конструирование прошлого, попытку привязать свою судьбу и свои жизненные ориентиры к стройным идейным каркасам, выстроенным на фундаменте метафизических понятий («народ», «вера», «предначертание» и т. д.) и придающим метафизический статус государственной истории и государственно оформленному пространству. В этой лексике и энергии еще и тоска по прозрачности человеческого мира – неслучайно первый этап конструирования прошел в ностальгической «деревенской» прозе. Сибирская деревня как способ хозяйства и образ жизни была опытом равновесного человеческого существования в природе, причем опытом, не перенесенным из иной географической среды, а заново обретенным. Деградация села в советское время была связана и с логикой мо-

дернизации, и с ее искусственно принудительными формами. В нашем регионе самый сильный удар ему был нанесен не коллективизацией и раскулачиванием, а в 1960-е гг. Политика укрупнения сел совпала с принесением деревни в жертву гидроэнергетике и появлением целой плеяды новых городов, особенно соблазнительных новизной и готовностью принимать в свой мир. Но вместе с урбанизацией уходит и ясность социальных предписаний, потеря которой особенно болезненно ощущается выходцами из деревни в больших городах – возникающий комплекс сложностей «вхождения» в город, «культуру» усугублен здесь тем, что, в отличие от городов новых, сибирские «столицы» не только маргинальны по населению, но еще и вырабатывали механизмы осуждения маргинальности. Иначе говоря, в городах, где получали образование и входили в профессиональную пишущую среду будущие авторы «деревенской прозы», существовало (и существует) достаточно напряженное поле для душевного беспокойства, самобытного творчества и в то же время для постоянной самоидентификации. Подобное напряжение вызывает к жизни не только идейные формулы как способ самоутверждения, но и обостренность идейных споров. Реакция на маргинальность культурного сообщества в Сибири, где каждый человек связан своим происхождением не только с социальной группой, территорией, национальной культурой, а сейчас реакция на пестроту новых миграций, оборачивается попыткой нарастить индивидуальное значение через публичное отождествление себя с этнической и государственной традицией. Стремление обрести индивидуальную идентичность выливается в задачу национальной идентификации страны и государства.

Конструирование прошлого – естественный компонент социальной жизни. Этноты рождаются заново или в процессе творения единой истории. Э. Фромм определял подобное создание общности как тягу к эмбриональному состоянию, способ уйти от неопределенности будущего, рисков свободы. Конечно, этот уход не предполагает возвращения в «золотой век» русской сибирской деревни, мыслится движение не в прошлое, а к будущему, соответствующему образу «святой Руси». Установление порядка в человеческих отношениях отождествляется с этнической однородностью и идейным единообразием. Носителем и гарантом такого рода порядка предстает православие, которое наделяется некоей безальтернативностью. В итоге трудности не снимаются и даже не осознаются, а переносятся в идейно-политическую сферу.

В Сибири, с ее многообразием цивилизационных оснований, претензия любого мировоззрения на доминирование, как бы исторически и социально оно ни было укоренено, может оказаться разрушительной и для структур повседневности, и для культурной жизни, и для самого мировоззрения. Церковь оказывается в постоянном выборе между пасторской миссией и использованием ресурсов светской власти, редко ищет опору в человеческой повседневности, социальном мире сибирского города (нелепо сводить социальную основу православия к уходящему деревенскому укладу). Эта ситуация православной церкви воспроизводит одну из основных проблем отечественной истории, которая, собственно, и прочитывается в каждой из обозначенных экзистенциальных трудностей – проблема преодоления «монизма» власти, мировоззрения, хозяйственных и социальных порядков.

Потенциал альтернативности – то культурное и антропологическое разнообразие, которое сбрасывали власть и история на российские окраины. Способность общества и власти опереться на это разнообразие дает исключительные шансы. Но, чтобы не пройти мимо них, придется искать основы стабильности и развития не в идейных доминантах, а в самостоятельности человека. Стремление мобилизовать социальную энергию идейными средствами оборачивается требованием идейной приверженности, т. е. четкой самоидентификации человека. Идеал монолитного общества, идейного единства власти и человека не обеспечивает социальный мир, а разрушает его. Гарантии социального мира в поликультурном социуме и состоят в том, что каждый дорожит именно многообразием традиций, с которыми связан, самостоятельностью своего опыта и опыта другого.

В сегодняшней ситуации взаимного наложения экокультурного кризиса и кризиса социального противоречия, о которых мы говорим, приняли особо острый характер. Они могут формулироваться как проблема национальная, социальная (например, о судьбе социализма), проблема о геополитическом самоопределении России (реже – Сибири), поиск формулы федерации (например, дилеммы губернизации и национального суверенитета или выборности и назначаемости исполнительной власти). На поверхности сибирской политической и идеологической жизни весь этот спектр вопросов представлен достаточно рельефно. Не в вопросах, не в ответах, не в позициях нет ничего специфически сибирского, пока они рассматриваются как идейно-политические. Сибирский аспект основных идейно-политических и государственно-правовых тем – прежде всего в их родословной. Это узлы российской истории, которые завязались на пути от Московии к России. Сибирь, если не завязывала их своим возникновением и существованием, то затягивала.

Социально-экономическая острота сужает возможный диапазон решений, а наложение кризиса социально-экономического на экокультурный не только мешает осознать глубинный характер противоречий, по сути, межцивилизационных, но и порождает иллюзии, что с изменением экономической конъюнктуры Сибири откроется дорога для стремительного роста. Однако реальные перспективы

зависят от культурного самоопределения, а оно происходит глубже – в основных тканях гражданского общества – образовании, культурных сообществах. Центральной проблемой культурного самоопределения и его следствий, по нашему мнению, является проблема совместимости европейского типа образованности и экоэтических традиций азиатских этносов, так как школа – основной и незаменимый институт культурно-антропологической репродукции, а в сегодняшней ситуации и основной элемент формирования гражданского общества.

Примечания

¹ Сусоколов А. А. Русский этнос в XX веке: этапы кризиса экстенсивной культуры // Мир России. 1994. № 2. С. 36.

² Преобладание аффективных отношений в развитии русского этноса раскрыто Ю. А. Морозовым в его работе «Пути России (модернизация неевропейских культур)». М., 1991. Вып. 1–4. В указанной выше статье А. А. Сусоколов связывает это преобладание с экстенсивным характером развития этноса (См.: Сусоколов А. А., Указ. соч. С. 26).

Б. Б. Дашибалов
(г. Улан-Удэ)

ИСТОРИЯ БУРЯТ (ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЗГЛЯД)*

Буряты – народ, сложившийся на той границе, где сходятся восточно- и западноазиатские миры евразийской степной зоны, протянувшейся через весь материк от Дуная до Шара-Мурэн. История их формирования является частью непростой и драматичной судьбы Великой степи, породившей много ярких и самобытных культур, вобравших в себя достижения Запада и Востока, Севера и Юга, культур, которые еще в глубокой древности восприняли единство евразийской цивилизации и неоднократно соединяли в одно целое это обширное пространство. Великая степь сталкивала разные культуры, народы, убеждения, и тогда рождалось новое мировоззрение, лишенное какого-либо центризма миропонимание, к которому человечество идет долгим, трудным и порой мучительным путем.

Автохтонная, местная линия бурятского этногенеза связана со средневековыми хори. В VI–XIV вв. на территории вокруг Байкала проживало население курумчинской культуры. В рунических надписях тюркских каганов они называются курыканами. В истории монгольской династии Юань-ши говорится уже о племени кули, обитающем в округе Ангола, который обозначался так по названию р. Ангары, причем подчеркивается, что кули это и есть те самые гулигань, о которых упоминалось в летописях танского времени. Арабоязычные авторы пишут о них как о кури или фури. За всеми этими именами, запечатленными на разных языках и письменностях: гулигань – кули и курыкан – кури, можно видеть самоназвание народа хори¹. Это подтверждают и материалы бурятского фольклора: судя по ним, здесь до появления бурят жили загадочные хори-монголы. По «Летописи хоринских бурят» древние хори, возглавляемые Баргу Батором вместе с сыном Бурту Чоно, прикочевали на Байкал из южных земель. Об этом также свидетельствуют молитвы шаманов балаганских бурят, у которых есть и онгон Борто: «Ну, а хори-монголы родом из далекой южной земли».

Рассмотрим археологические материалы и проверим, можно ли доверять сообщению летописца. Начнем с погребального обряда как наиболее консервативной и медленно меняющейся черте культуры. Провести здесь сопоставительные аналогии с целью генетических реконструкций с методической стороны более правомерно, чем, например, выявить сходство предметов материальной культуры, которое может быть обусловлено территориальной близостью, торговыми и иными контактами. Схожесть погребальных обрядов свидетельствует о каких-то более существенных и глубоких связях и общности духовных представлений, имевших единые истоки.

Курумчинские погребения делятся на две группы: погребения, обозначенные на поверхности каменной насыпью, и грунтовые захоронения без надмогильных конструкций. Если традиция курганных могил достаточно широко представлена в центральноазиатских памятниках, то обряд грунтовых захоронений весьма специфичен и требует специального рассмотрения.

Грунтовые могильники средневековых хори (Баянгол, Белые воды, Телятниково – все в Баргузинской долине) располагались рядом с рекой, причем выбирались открытые сухие возвышенности, сло-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 00-06-80374).

женные песчаными грунтами. Умершие лежали на правом боку в скорченной позе или на спине, ноги у них согнуты и завалены направо – эти позы характерны для памятников VI–X вв.

Аналогичный погребальный обряд мы наблюдаем у средневекового населения Дальнего Востока. Большинство изученных могильников здесь грунтовые, они также находятся рядом с водоемами, на песчаных реках. Поза погребенных – чаще всего на спине с подогнутыми в коленях ногами или скорченно на правом или левом боку.

Сопоставим погребальный материал из этих могил. Следует подчеркнуть схожесть, а порой и идентичность не только орудий труда и бытовых вещей, что вполне понятно, но и достаточно специфических и демонстрирующих мир религиозных верований, культовых предметов – бронзовые нашивные бляшки с зубчиками и массивные подвески с окончаниями в виде круглых бубенчиков, последние встречаются в корейских древностях. Один из излюбленных узоров хоринских ювелиров – спираль, она наносилась на серьги, височные украшения и подвески. Этот же мотив распространен у амурских мастеров. Хоринские женщины носили бронзовые пластинчатые несомкнутые кольца с отверстием на одном конце. Точно такие же кольца украшали руки амурских красавиц. В дальневосточном ареале сформировались железные наконечники с зигзагообразным сечением, здесь произошло становление и долотообразных стрел, весьма своеобразны и костяные стрелы с выемкой у черешка. Все эти типы стрел мы находим на памятниках средневековых хори. Неоспоримо убедительны и соответствия в предметах эпохи Когурё-Корё Древней Кореи с находками хори и сяньби Бурятии.

Жилища – полуземлянки, на Амуре сопровождалась хозяйственными погребями, аналогичная картина выявлена археологами на берегах Ангары. Рассматриваемые нами территории объединяет наличие городищ, имеющих общий архитектурный прием при строительстве – сооружение оборонительных стен из необработанных камней. Подобные городища известны на Дальнем Востоке, Енисее и в Корее, причем енисейские городища носят монгольское название Шибэ-Све (крепость, укрепление).

Наскальные рисунки хори также имеют сходство с петроглифами Сакачи-Аляна на Амуре, фигурами ритуальных коней чжурчжэней и «летающими» всадниками, изображенными на гробницах корейских аристократов. Все это искусство выросло в одном культурном кругу и имеет единые корни.

Итак, археология хори самым убедительным образом доказала верность позднего хоринского летописца, который поместил свою прародину на юге, а точнее, это земли Внутренней Монголии и Дунбэя, отсюда древние монголы дунху (хоры) расселялись по Центральной и Восточной Азии. Сценны переселений нашли широкое отражение в искусстве этого региона.

Начиная с XI–XII вв. в курумчинской культуре происходят существенные изменения, хотя памятников этого периода сохранилось мало. Археологи отмечают увеличение, с одной стороны, лесных черт в погребальном обряде – захоронения в берестяных домовинах, а с другой – появляются признаки, характеризующие развитие скотоводство – находки берцовой ноги барана в изголовье или ногах умершего. Ранее в курумчинских могилах VI–X вв. костей животных не находилось.

В Центральной и Восточной Азии XI–XII вв. стали бурным временем «цепных» миграций разных народов. Новые правители Дальнего Востока – чжурчжэни, столкнули киданей, движение которых на запад породило массу этнических и политических перегруппировок, вплоть до берегов Черного моря.

В XIII–XIV вв. вновь произошла большая перегруппировка населения. Значительная часть старых этносов подверглась новому территориальному делению и была отдана под командование ближайшего окружения Чингисхана. Самовольные переселения были категорически запрещены.

Таким образом, монгольское государство заложило основы для следующего этапа этнических процессов в Центральной Азии и Южной Сибири, и контуры будущих сибирских народов были очерчены национальной политикой монгольских феодалов. Эти же процессы происходили в Баргуджин-Токуме, на Ононе и Керулэне. Здесь в XIII–XIV вв. появились погребения с конями, которые не были характерны для этой территории. Первый могильник с погребением коня в отдельной яме обнаружен в верховьях р. Лены в местности Сэгенут² В последующем захоронения коней исследованы в Приольхонье, несколько памятников раскопаны в Унгинско-Осинских степях³ Пока самым восточным пунктом могил с подобным обрядом являются окрестности села Усть-Борзя в излучине р. Онон⁴

Все эти памятники не одинаковы, они различаются ориентировкой умерших, расположением коня – в отдельной яме, на поверхности или сожжением вместе с покойным. Это свидетельствует о том, что этнический состав людей различался. Например, могилы в местности Улугуй на р. Онон имеют следующие особенности: северно-западная ориентировка, обмазывание гроба глиной, обнаружение останков коня (череп, передние и задние ноги) слева от умершего – все эти традиции получили распространение в кыпчак-половецкой среде.

В это же время на берега Байкала с запада переселяются и другие племена, причем кроме тюркской (очевидно, кимако-кыпчакской) основы у них прослеживается присутствие какого-то лесного пласта. На памятнике Сарма умершие были уложены в берестяную домовину и сруб, слева, рядом, размещался конь, все это затем подвергалось обряду сжигания⁵ О том, что эта традиция сохранилась у части западных бурят, можно судить по источнику XIX в.: «Кто умрет из братских мужеска или жен-

ска полу, нарежают умерших в лутчее платье, с ними кладут огниво, трут, трубку, платье летнее и зимнее, хотя бы у кого золото или серебро с ними же кладут, и отвозят в лес, обкладывают дровами и при них кладут лошадей по две или кто сколько богат и зажигают дрова, где мертвой совсем сгорает»⁶

Надо сказать, что сходные обычаи – завертывание в бересту, обкладывание деревянными рамами и обжигание – были характерны для населения Западной Сибири. Исследователи считают, что это памятники местных самодийских народов, подвергшихся тюркскому влиянию⁷

Лесная (самодийская) линия в культуре средневекового населения Байкальской Сибири отмечена с появлением бронзовых антропоморфных подвесок, круглодонной керамики, а у бурят ярким показателем этих связей служат лапчатые подвески.

О том, что пришлые племена, смешавшись с населением автохтонной курумчинской культуры, образовали новые этнические группы, уже собственно западно-бурятские, свидетельствуют археологические материалы могильников Усть-Талькин, Шэбуты, Усть-Ида. Они распространены в Унгинско-Осинских степях, т. е. там, где чуть позже русские казаки застают булагатские роды бурят. Курительные трубки – ганза, железный ковш, оловянные бляшки, наконечники стрел – весь материал этих погребений характерен для XVI–XVII вв. Особенностью местной курумчинской традиции является наличие каменных ящиков, сооруженных в могилах, способ положения тела на правом боку с поджатыми ногами и северо-восточная ориентировка умерших.

Итак, археологические данные указывают, что традиция погребения с конем пришла к нам с запада, вероятно, с Саяно-Алтая и Обь-Иртышского междуречья и связана с тюрками. О том, что некоторые из этих племен говорили на тюркском языке, можно судить по тому, что они же были поселены в Якутии, где до XVIII–XIX вв. сохранили свои старые обычаи: западная ориентировка умерших и погребения коней. Следовательно, мы можем говорить о двух компонентах (хоринском и кыпчакском), связывающих якутские и бурятские народы.

Рассмотрим материалы других наук. Исследования антропологов показали, что из западных бурят особенно близки якутам ангарские булагаты. Материалы языка западных бурят свидетельствуют о его непосредственной связи с «тюркской языковой стихией». Не исключено, что значительное распространение тюркских топонимов в Предбайкалье (Хашхай, Манхай, Идыга, Куда) связано с этим и более ранними тюркскими движениями.

Вновь пришедшие группы начали смешиваться с монголоязычными хори. Об этом говорят факты присутствия хоринских родов почти среди всех основных западно-бурятских подразделений⁸ На ранних этапах сложения бурятского народа активно взаимодействовали два языка – тюркский и монгольский. Свидетельством этого являются двойные топонимы: Байкал – Далай, Хамар – Дабан, Куль-Нур, где значение слова передано на двух языках. Так как древняя история хори прошла на берегах Тихого океана (а об этом свидетельствует, в частности, и то, что у бурят есть обозначения кита, китового уса), конечно, у них было понятие «море, океан» – *далай*. А вновь пришедшие тюрки, очевидно, сформировались на континенте и с морем не были знакомы, поэтому очень большой водоем они называли «Байкуль» – Великое озеро. Якуты и сейчас о Северном Ледовитом океане говорят «Мус Байгал» (досл.: *холодный Байкал*). А Хамар-Дабан на якутском языке означает «хамар» – *переваливать, переходить*, то же значение имеет слово «дабан» на бурятском языке. Слово «куль-нур» означает «озеро» на обоих языках.

Где же происходило первоначальное формирование бурятских родов? Фольклор, записанный на берегах Ангары, чаще всего указывает на Алтай. Этнонимы булагачи и бурят также тяготеют к Саяно-Алтайскому региону. Интересно, что в составе киргизов Тянь-Шаня имеются группы булагачи, вышедшие из Северо-Западной Монголии, т. е. с Алтая. Сюда примыкают и наименования бурят – бурут, пурут. Сходные этнонимы имеются у киргизов, хакасов, алтайцев. В XV–XVI вв. движения групп с этими именами было связано с западными монголами – ойратами, в составе которых велика роль кыпчакского компонента.

Интересно, что на кыпчакскую линию указывает и слово «хубаа», встречающееся среди западных бурят как обращение. «Хубаа» на тюркском языке значит «светлый, желтоватый», т. е. сходное значение – антропологический признак европеоидности, какой лег и в основу появления этнонимов кубакуманы, половцы. И среди хори бурят есть роды, указывающие на более ранние, очевидно, тюркские связи – это близкородственные группы – хоацай и шарят. «Хуа» и есть тюркское «хубаа», а «шарят» означает у бурят «желтый», т. е. в состав хоринцев когда-то вошли группы с европеоидными чертами в облике, что и отразилось в их этнонимике. Кстати, в родословной агинских шаряд отмечено тюркское имя Манхай.

О двух линиях бурятского этногенеза и об их слиянии уже в одно целое свидетельствует эпос «Аламжи-Мэрген», в сюжетах и героях которого переплелись непростые пути формирования бурятского народа, связанного, с одной стороны, с Алтаем, а с другой – с берегами океана. Аламжи-Мэрген рождается на дальнем северо-востоке, «где дремлет море-океан». Но с другой стороны, его хоронят на Алтае, там же, пасется и набирает силы конь богатыря. Собираясь на битву с врагом, Агамжи-

Мэрген надевает сапоги из рыбьей кожи – обувь, характерную для дальневосточных культур. Важно выяснить, кто скрывается за именем главного противника бурятского героя – Мангатхай. Исследования ученых показали идентичность этнонимов мангу – мэngu и монголы. Вспомним, что опорой Чингисхана был род манхутов – мангутов. Получается, что врагами нашего эпического героя были мангатхай – монголы. Очевидно, в эпосе нашел отражение противоречивый и не простой процесс формирования бурятского народа, слияния его тюркской и монгольской ветвей.

В XVI–XVII вв. возвращаются хори, бывшие во владении тумэтских ханов. В последующем в связи с маньчжуро-китайской экспансией в Центральной Азии в Бурятию прибывает большое количество новых монгольских переселенцев. Бурятия входит составной частью в Россию, и Россия интегрирует евразийское пространство в одно целое и устанавливает в империи порядок, столь необходимый всем. Значительная часть бурятских родовичей присягает на верность русскому царю, и в границах Российского государства происходит их окончательное объединение в единую бурятскую народность.

Примечания

¹ Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. С. 128.

² Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. М., 1958.

³ Николаев В. С. Средневековые погребения с конем в Приангарье // Цыбиковские чтения. Улан-Удэ, 1993.

⁴ Ковычев В. Е., Беломестнов Г. И. Погребения с конем из Поононья: хронология и этническая принадлежность // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ, 1988.

⁵ Зайцев М. А., Харинский А. В., Свинин В. В. Погребение с трупосожением у поселка Сарма // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995.

⁶ Татаринов М. Описание о братских татарах сочинения морского корабельного флота штурмана ранга капитана Михаилом Татариновым. Улан-Удэ, 1958. С. 20, 21.

⁷ Могильников В. А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 191.

⁸ Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995. С. 169, 170.

Н. В. Абаев
(г. Кызыл),
Б. Д. Дондоков
(г. Улан-Удэ)

БУДДИЗМ, ХРИСТИАНСТВО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ БУРЯТ: «ЕВРАЗИЙСКИЕ» АСПЕКТЫ

И слово вещее – не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.
И, развиваясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.

Вл. Соловьев. «Ex oriente lux»

Хотя в стихотворении великого русского философа Вл. Соловьева «Свет с Востока», строки из которого вынесены в качестве эпиграфа нашей статьи, речь идет о христианстве, оно вполне применимо к другой мировой религии – буддизму, сыгравшему не менее (если не более) значительную роль в становлении и развитии евразийской духовной культуры. Последний, как известно, представляет собой метакультурный и интерэтнический феномен, соединивший в себе западные и восточные культурно-исторические традиции, а на Востоке – в Бурятии, многонациональный народ, который тоже сформировался в процессе взаимодействия различных этнокультурных и этноконфессиональных традиций, в том числе буддизма и христианства.

В полной мере влияние буддийского культурно-исторического наследия на формирование «русской идеи» еще предстоит оценить. Здесь же мы попытаемся охарактеризовать роль буддизма в ста-

новлении бурятской национальной идеи по аналогии с тем, как Вл. Соловьев находит истоки русской идеи в христианстве. Для такой аналогии есть, по меньшей мере, пять оснований:

1) буддизм сыграл столь же важную роль в дальнейшей консолидации различных этнических групп бурят и формировании общего национального самосознания, как и христианство на Руси;

2) буддизм, как и православие, являясь такой же развитой мировой религией, базирующейся на универсалистских принципах, содействовал преодолению этнокультурной ограниченности и приобретению к общечеловеческим ценностям;

3) в Бурятии, Туве и Калмыкии буддизм стал широко распространяться среди «кочевых» родов и племен почти одновременно с началом христианизации «западных» бурят и алтайцев, вступив в интенсивное взаимодействие с русским православием, временами перераставшее в соперничество, но в целом носившее мирный характер, в результате чего обе религии оказали сильное, хотя и неодинаковое, влияние на этническую культуру аборигенов Байкальского региона и Саяно-Алтая;

4) буддизм и христианство имеют не только общие стадияльно-типологические характеристики и соприкасающиеся, переплетающиеся и нередко перекрещивающиеся исторические судьбы, но и общие историко-генетические истоки в той части, в которой на их генезис оказали влияние архаические индоарийские и древнеиранские, а также эллинистические этноконфессиональные традиции;

5) обе религии носят поистине мировой, «вселенский» (как определял христианство Вл. Соловьев в статье «Русская идея») характер и в силу своего универсализма, толерантности и открытости к диалогу с инокультурными иноэтничными общностями в течение длительного времени сосуществуют друг с другом, причем в Бурятии христианство стало вероисповеданием части западных бурят, а буддизм – русскоязычного населения, что свидетельствует о комплиментарности не только двух этносов, но и их основных конфессий.

Рассмотрим эти положения подробнее. Говоря о консолидирующей роли обеих мировых религий в этногенезе и этнической истории двух народов, необходимо напомнить, что крещение Киевской Руси в конце X в. (ок. 988 г.) ускорило процесс ликвидации остатков родового строя, способствовало окончательному сплочению различных родоплеменных групп и союзов племен (полян, древлян, вятичей, дреговичей и др.) в рамках одного государства, их интеграции в этнокультурную общность. Однако затем, как известно, процесс дальнейшей христианизации Руси в XI в. совпал с началом длительного периода феодальной раздробленности, и только к исходу первой четверти XIV в., когда Московское княжество значительно усиливается, отдельные княжества и земли, находившиеся в вассальной зависимости от Золотой Орды, начинают постепенно консолидироваться вокруг Москвы. При этом исключительно важную, нередко определяющую, роль в реинтеграции складывающейся этнокультурной общности, образовании нового, централизованного государства и формирования на его территории русского суперэтноса сыграла православная церковь, авторитет которой особенно возвысился деяниями и откровениями Сергия Радонежского. Именно к XIV в. относится формирование цивилизованной культуры России, и цементирующей идеей новой, особой цивилизации, вобравшей в себя достижения многих культур Востока и Запада и творчески переработавших их в себе, стали представления о Святой Троице как единстве церкви, государства и общества.

Если крещение и дальнейшая христианизация Руси совпали с завершающими стадиями этнокультурной интеграции и государственно-цивилизованного строительства, то распространение среди бурят буддизма в XVII в. ознаменовало начальный этап этнической консолидации разрозненных родоплеменных и социально-политических объединений, позднее интегрировавшихся в бурятскую этнокультурную общность. В силу этих причин роль буддийской церкви в консолидационных процессах была аналогичной роли христианства на Руси, но вместе с тем в некоторых аспектах еще более значительной, ибо, хотя процессы этногенеза этих родоплеменных групп начались гораздо раньше указанного времени и уходят в глубь веков, в Бурятии отсутствовал такой мощный этноконсолидирующий фактор, имевшийся на Руси, как собственная государственность, вследствие чего эти процессы протекали в более сложных условиях и носили очень противоречивый характер. Поэтому буддийская церковь зачастую выполняла в бурятском обществе многие этноконсолидирующие функции, которые в других странах брало на себя государство и иные социальные институты, а потому роль буддизма в формировании национального самосознания, национальной идеи бурят была гораздо более значительной, чем в странах с сильной национальной государственностью.

В силу этого буддизм из-за отсутствия поддержки со стороны национального государства (кстати, эту роль в некоторой степени добровольно брало на себя Российское государство из-за своих геополитических интересов в странах Центральной и Восточной Азии, к которым примыкала Бурятия, представляя собой удобный «мост», или «ворота», для развития взаимовыгодных отношений) распространялся среди разных этнических групп бурят неравномерно, с разной степенью глубины и интенсивности влияя на их этническую культуру.

Особый интерес представляет вопрос об удивительном сходстве некоторых положений буддизма и христианства. Аналогии между буддизмом и христианством были давно замечены учеными и дали

повод для самых смелых гипотез. В жизнеописании Будды много ситуаций, весьма сходных с рассказами о жизни Христа в Евангелии. Например, Будда – сын князя, Христос происходит из рода царя Давида. Мать Будды, Майя, не понесла плод, как обычная женщина, но была оплодотворена чудесным образом. Бог сам вошел в ее лоно, чтобы позднее родиться. Так же и мать Иисуса, Мария, была оплодотворена святым духом. После долгой жизни, в которой были и неприятности и даже покушения на жизнь Учителя завистливого ученика Девадатты (некто вроде новозаветного Иуды), Будда умер в Кисинагра, отравившись свининой, которой угощал его кузнец Чувда. В минуту его смерти затряслась земля и боги в трауре появились перед его учениками. Легенды о житии Будды содержат немало историй с описанием чудесных происшествий, рассказанных живым, ярким языком, в которых Будда, как и Христос, совершает чудеса, причем оба великих Спасителя человечества часто выступают как целители, врачеватели телесных и духовных недугов. И Будду, и Христа предал один из учеников. И Будда, и Христос боролись со жрецами, представлявшими господствующую в их время религию. Прежде чем начать свою деятельность, Христос удаляется в пустыню, где постится и где его искушает Сатана. Подобным образом (обещанием власти над миром) был искушаем Будда, когда на него снизошло откровение, стал он «Знающим», «Пробужденным» от тьмы «Неведения», «Просветленным», т. е. «Буддой». Познав истину, он решил объявить ее людям и вызволить их из убожества прежнего существования. Тогда подошел к нему дух зла Мара и стал его искушать, уговаривая отказаться от спасения «живых существ», точно так же, как Иисус сказал служителю Дьявола в ответ: – Отойди от меня, сатана; написано: «Господу богу твоему поклоняйся, и ему одному служи» (Лука, гл. 4, с. 5–8). Что касается внутренней близости обоих учений (христианского и буддийского), то следует признать их огромное сходство, вплоть до некоторых деталей, хотя это обстоятельство еще не дает нам права утверждать, что буддизм имел реальное влияние на развитие нравственных воззрений в Палестине ранее христианской эры.

Когда возникает христианство, такое влияние становится вполне возможным, так как, во-первых, известно, что раннее христианство синтезировало в себе многие заимствования из древнеиранских, египетских и других религий; во-вторых, в древнетибетских текстах обнаружены следы пребывания Иисуса Христа в Тибете, где он обучался в какой-то монастырской школе до того, как начал проповедовать в Иерусалиме (это косвенно подтверждается библейскими легендами о волхвах с Востока и воссиявшей как знамение о его пришествии в качестве мессии звезде на Восточном небосклоне).

В последние годы в связи с процессом духовного и культурного возрождения народов России, восстановления утраченных этнокультурных и религиозных традиций начался бурный процесс возрождения тибетского буддизма в Бурятии и в целом по России. Восстанавливаются старые и строятся новые храмы, создаются различные объединения светских последователей буддизма, активно развивается издательская и культурно-просветительская деятельность буддийских организаций. В межконфессиональных и межэтнических отношениях буддизм проявляет такие изначально присущие ему качества, как веротерпимость, миролюбие и гибкость, уважительное отношение к иным религиозным и этнокультурным традициям. Буддийское духовенство постоянно подчеркивает необходимость тесного взаимодействия и сотрудничества с русской православной церковью по всем важным проблемам общественно политической и культурной жизни республики, поддержав, в частности, негативную позицию православного духовенства по отношению к «новым», нетрадиционным для Бурятии религиозным течениям восточного и западного происхождения.

Особенностью этноконфессиональной ситуации в современной Бурятии является и то, что наряду с традиционным доминированием школы гелугпа стали развиваться другие направления тибетского буддизма – кармана, нигмапа и т. д. Предпринимаются также попытки внедрения школ и направлений махаянского буддизма не тибетского или монгольского, а китайского, японского и корейского происхождения, и даже немахаянских, тхеравадинских школ из Тайланда, Шри-Ланки и других стран Южной и Юго-Восточной Азии. Появляются также новые синкретические религиозные объединения, содержащие элементы буддизма, индуизма и других учений, наподобие «Общества последователей Шри Чинмоя», «Рериховского общества» и т. д.

Таким образом, процесс возрождения бурятского буддизма носит конструктивный характер и способствует установлению здоровых межэтнических отношений в республике и регионе, укреплению международных и межрегиональных связей, что в конечном итоге содействует дальнейшему развитию науки, культуры и образования, разработке и реализации стратегии устойчивого развития республики. В настоящее время резко усилилась роль буддизма как национальной религии бурят, оказывающей мощное влияние на процессы возрождения этнокультурных ценностей и традиции и выступающей как важнейший фактор консолидации, сохранения, укрепления и дальнейшего развития этнической общности. Вместе с тем усиливается и несколько противоречивая роль буддизма, как мировой интерэтнической религии, способствующей не только приобщению бурят к культурно-историческому наследию других народов мира, дальнейшему развитию процессов диалогического взаимодействия, взаимовлияния, взаимообогащения культур Востока и Запада, но и стиранию, ниве-

лировке национальных различий. В целом же оценивая общую этнополитическую роль буддизма в современной Бурятии, можно заключить, что наряду с христианством он является одним из главных гарантов сохранения мира, стабильности и гражданского согласия многонационального народа республики.

Развернувшийся в постперестроечный период процесс духовного и культурного возрождения народов России, в том числе Бурятии, с новой остротой поставил вопросы этногенеза бурят и роли буддизма в их этнической истории, поднятых в свое время обновленцами. Острополитическую актуальность приобрела и выдвинутая бурятскими учеными и просветителями проблема реформации, модернизации и трансформации буддийской церкви с учетом изменений, происходящих в бурятском обществе, и негативных явлений в среде духовенства, вызвавших в свое время наиболее резкое неприятие и критику обновленцев: невежество, стяжательство, корыстолюбие, забвение национально-государственных интересов, пренебрежение своим долгом перед мирянами, пьянство, разврат и т. д.

Многие из указанных обновленцами негативных явлений вновь наглядно проявились среди некоторых представителей молодых лам и хуvaraков, что не могло не озаботить как нравственно здоровую и здравомыслящую часть буддистов-мирян, особенно представителей научной и творческой интеллигенции, примкнувших к «Объединению буддистов-мирян», «Ассоциации буддистов Бурятии» и религиозной общине «Дхарма» и хорошо знающих историю буддизма в странах Центральной Азии, его доктринальные и культовые особенности, в том числе историю и идейные основы обновленческого движения. Указанные вопросы приобрели особую актуальность ввиду того, что рост самосознания двух самых крупных народов республики – бурятского и русского, тесно связанный с возрождением традиционных для них конфессий, снова придал этим процессам ярко выраженный этнополитический характер.

Дискуссия о роли религии в этнической истории народов Бурятии и современных этнополитических процессах, в частности, выявила широкий спектр принимающих очень острые формы, зачастую прямо противоположных, взаимоисключающих точек зрения на сей счет. Так, некоторые представители бурятской национальной интеллигенции (Т. М. Михайлов, Д. С. Дугаров и др.), явно недооценивая роль буддизма и христианства в социально-культурных, в том числе этнополитических процессах, пытаются доказать, что шаманизм и другие языческие верования сыграли решающую роль в этногенезе бурятского народа, и превратить его в национальную религию аборигенного населения.

А некоторые сторонники Бурят-монгольской народной партии видят истоки своей национальной самобытности в культурно-историческом наследии народов Центральной Азии, в том числе в буддизме, отождествляя бурят с монголами и фактически консолидируясь с панмонголизмом на основе панбуддизма, но не в его чистом виде как универсалистской наднациональной мировой религии, а этически окрашенной и язычески переосмысленной, эклектически смешанной с традиционными архаическими верованиями и шаманизмом, притом в сильно политизированной форме.

Самая опасная тенденция в этих этнополитологических и историко-культурологических «поисках» заключается в том, что в них предпринимаются попытки противопоставления друг другу различных, восточных (центрально-азиатских) и западных (русско-европейских), этнокультурных, в том числе этноконфессиональных, компонентов, оказавших влияние на формирование многонационального, многоконфессионального народа Бурятии.

Если следовать концепции и терминологии Л. Н. Гумилева, то культурно-исторически и этногенетически буряты тоже являются подразделением монгольского суперэтнуса, а после вхождения в Россию они стали уже составной частью российского. Вместе с тем два суперэтнических образования (монголы и русские) были и остаются составными частями евразийской общности (не в государственно-политическом смысле, разумеется, а по культурно-историческим связям и менталитету).

Таким образом, многонациональный народ Бурятии в настоящее время переживает переходную, причем завершающую, стадию формирования суперэтнуса, хоть количественно и не очень крупного, но имеющего основные присущие ему признаки: наличие субэтнических подразделений разного порядка (социальные, этнические и этноконфессиональные группы, сохраняющие связи с другими суперэтнусами – прежде всего российским и монгольским, а если иметь в виду этногенетические корни, то с тюркским и тунгусо-маньчжурским, разные расовые типы и т. д.).

При этом принципиально важное значение имеют не чисто количественные показатели, а качественные, т. е. уровень развития различных этнокультурных компонентов, принявших участие в этно- и культурогенезе *

Л. Н. Гумилев в таких случаях, когда речь идет о качественных параметрах этноса или, тем более, суперэтнуса, глубоко прав, утверждая, что их нельзя сводить к понятиям «раса», «популяция», «общество» и др., которые могут измеряться количественно. Но при этом он, как известно, в основу качественных показателей положил энергию пассионарности, которая превращает консорции в этнос, а затем и в суперэтнос, и которая, по нашему мнению, тоже, в сущности, является несколько формализованным количественным показателем, к тому же преимущественно экстремативным (т. е. направ-

ленным вовне). Уровень развития этнокультурной традиции должен определяться не только (и не столько) интенсивностью и масштабностью противопоставления другим социально-культурным и этническим общностям, степенью резистентности в терминологии Гумилева, но и степенью интроверсии, т. е. глубиной самопознания, и одновременно разновекторностью приложения энергетического поля культуры, воплощения в разнообразных культурных формах как результатов интроверсивного опыта, так и творческого освоения иных культур. Можно сказать, что идеалом такого устройства, с которым согласились бы и бурятские обновленцы, усматривавшие в буддизме «убежище национальной души», истоки «национальной идеи бурят», является «христианско-буддийская семья народов». О том, что буддизм, его социальная этика и политическая культура, содержат в себе огромные потенции для демократизации общественных структур, форм и методов политической деятельности, свидетельствует как история обновленческого движения в Бурятии, так и модернистские течения во многих других странах Востока, которые начались значительно позже и тоже базировались на обязательных для всех буддийских школ принципах «ненасилия».

В настоящее время необуддисты стран Азии, отстаивающие идеи модернизации буддизма, подчеркивают, что, хотя буддизм демократичен и призывает к борьбе народов за социальное равенство, демократию, свободу и независимость, марксистская теория классовой борьбы, социальной революции и диктатуры пролетариата противоречит буддийскому учению, которое допускает только эволюционный путь решения всех противоречий и считает, что все противоречия, острые проблемы современности должны решаться не насилием или кровопролитием, а «демократическими методами – обсуждением, содружеством и согласием».

Однако пойдет ли дальнейшее развитие по демократическому пути, зависит в значительной степени от того, в какой мере будут осознаны пророческие слова Вл. Соловьева, которыми завершается выбранное эпиграфом данной работы стихотворение «Свет с Востока»:

О Русь! В предвиденьи высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким ты хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

Будущее России и Бурятии – в творческом взаимодействии и сотрудничестве этноконфессиональных и культурных традиций Востока и Запада, которые в конечном итоге историко-генетически восходят к Востоку Христа, Будды, Мухаммеда, Зороастра («Заратуштры») и других древних основоположников евразийской духовной общности. Историческая миссия России в этом свете заключается в соединении, органичном синтезе и творческом развитии на уровне новой космической, вселенской духовной культуры всех этноконфессиональных, культурно-политических, культурно-экологических и других компонентов западной и восточных цивилизованных культур, а Бурятии, как составного элемента российско-евразийской цивилизации, – в распространении в Евразии и остальном мире историко-культурного наследия буддизма, его соединения с достижениями культур других народов России, в том числе с восточно-христианскими (православными), греко-эллинскими, славянскими, романо-германскими, исламскими и другими традициями.

Примечание

* Подробнее об этом см.: Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 12 и след.

В. Р. Фельдман
(г. Кызыл)

КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

В социально-философской, социологической, политологической и исторической востоковедческой литературе генетическую структуру категории «цивилизация» многие российские и зарубежные ученые связывают исключительно с традиционными земледельческими обществами древности и средневековья (см. работы А. Кребера, Ш. Эйзенштадта, В. Каволиса, М. Мелко, Д. Уилкинсона, Э. Калло, Б. С. Ерасова, К. С. Гаджиева, М. С. Кагана и др.).

В 1990-е гг. некоторые российские историки распространили в своих трудах на кочевое общество, с определенного периода его исторического развития, термин «цивилизация» (см. работы А. И. Мартынова, Н. В. Абаева, Е. Б. Баторовой, А. М. Буровского, Е. К. Митуповой, Н. Н. Крадина, Ю. Б. Рандалова, Г. Л. Санжиева, Л. Л. Абаевой и др.).

В 2000 г. на международной конференции в г. Улан-Удэ по проблемам истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии был поставлен вопрос о необходимости теоретического обоснования цивилизационного статуса кочевых обществ.

В предлагаемой статье обобщаются результаты нашего исследования данной проблемы на основе эмпирических материалов из истории центральноазиатского средневековья, а также социально-философской и исторической литературы последнего десятилетия¹.

О переходе кочевников к цивилизации можно говорить в связи со значительными изменениями кочевого общества в сфере власти, системе социального управления, социальной структуры населения, хозяйства, а также духовной культуры. Такое внутренне и внешне изменившееся кочевое общество и являлось эмпирическим объектом, представленном в понятии «кочевая цивилизация». Следует признать убедительность вывода А. И. Мартынова, что начало перехода кочевых народов к цивилизации следует связывать с эпохой «скифо-сибирского мира»², так как именно в это время кочевые общества приобрели или начали приобретать черты цивилизации.

О каких значительных изменениях кочевых обществ идет речь? Прежде всего, следует отметить, что эти изменения были связаны с неолитической революцией, зарождением и развитием производящего хозяйства в двух основных исторических формах: земледелии и скотоводстве. В исторической литературе обращается внимание на то, что ко времени образования кочевых конфедераций и империй, которые были политическими формами существования кочевых цивилизаций, значительно изменилась социальная структура кочевых обществ. В ней выделилась кочевая аристократия, которая сконцентрировала в своих руках огромные богатства и монополизировала власть. Таким образом, в мире кочевников складываются социально-хозяйственные предпосылки государственности³.

В кочевых обществах население фактически делится на управляющих и управляемых, что является одной из характерных черт социального развития на стадии цивилизации.

Говоря о значительных изменениях в кочевых обществах, следует отметить, что эти изменения не смогли полностью преобразовать облик социальной организации кочевников, вывести ее по всем параметрам за пределы первобытности. Например, в обществе существовала выборность вождя, а сама власть так и не смогла отделиться от системы кровнородственных связей.

Далекое историческое прошлое и современность переплетались, взаимопроникали в кочевом обществе на стадии цивилизации, придавая ему специфические черты. Власть в кочевых империях, связанная с интересами кочевой аристократии и базирующаяся на кровнородственных связях, функционировала постоянно, реализовывая себя в качестве негэнтропийного механизма социального управления, а не только как средство организации грабительских походов в более или менее отдаленные страны.

Важным признаком цивилизации является сознательная целенаправленная нормотворческая деятельность, благодаря которой социальная система внутренне организуется и приобретает способность к самоорганизации во всех сферах жизнедеятельности людей. Процессы нормотворческой деятельности сопровождаются кодификацией норм права, на базе которых осуществляется государственное управление и поддерживаются режимы законности и правопорядка.

Кочевые общества уже на стадии перехода к цивилизации шли по пути перехода от обычного права к правовым обычаям и, наконец, к специфическим кодифицированным системам⁴.

Переход кочевых обществ к цивилизации осуществлялся во взаимодополняющих процессах сознательного целенаправленного управления и самоорганизации. Одним из проявлений социальной самоорганизации является самодисциплина населения во всех сферах деятельности людей. Самодисциплина – одна из характерных черт общества на стадии цивилизации и одно из проявлений социальной самоорганизации.

«Социальная самоорганизация» – это категория социальной философии, которая интегрирует в своем сущностном содержании по меньшей мере пять проявлений социальной спонтанно-рациональной активности: организацию организации (становление социальной системы); самоорганизацию организации (поддержание основных параметров системы); совершенствование организации; стремительное (по историческим меркам) преобразование системы, вошедшей в фазу крайней неустойчивости; социальную регенерацию.

Сущность социальной самоорганизации заключается в том, что она представляет собой спонтанно-рациональную, эмоционально окрашенную активность социальных субъектов без внешних побудительных управленческих воздействий, активность негэнтропийного характера в историческом существовании социальной системы (преодоление или уменьшение хаотичности системы) или активность, связанную с образованием новой системы.

Мы выделяем две группы мотиваций социальной самоорганизации. Первая включает содержание этнического менталитета (исторически сложившийся ценностно-нормативный комплекс). Вторая группа мотиваций социальной самоорганизации объединяет материальные интересы субъектов исторического процесса, а также некоторые субъективно-личностные влечения, потребности, эмоции (жажда власти, тщеславие, соперничество, потребность в самореализации, зависть, злоба, страх, любовь и др.).

Критериями социальной самоорганизации выступают способность социальной системы уменьшать внутри себя энтропийные проявления и тенденции; саморазвиваться, самосовершенствоваться; формировать в процессе собственной трансформации новые, относительно устойчивые элементы и подсистемы социальной организации; регенерировать деформированные или разрушенные составляющие собственной структуры.

Говоря о кочевниках, обычно акцентируют внимание на внутренне присущем им стремлении к свободе, что связано прежде всего с хозяйством, основанном на разведении скота (отгонное скотоводство). Однако в кочевых обществах на стадии цивилизации кроме особого духа вольности существовала и жесткая самодисциплина, связанная с исторически сложившимися ценностно-нормативными комплексами, материальными потребностями и санкциями за отклонение от нормы.

Самодисциплина, в частности, проявлялась во взаимоотношениях кочевых властителей и их подданных. Ее глубинным источником являлись религиозные представления кочевников, идея о том, что свою власть кочевые харизматические вожди получают от особой духовной деперсонифицированной сущности – Неба. В малой надписи в честь Кюль-Тегина, в частности, говорится следующее: «Рожденный Небом, сам подобный Небу, я, Бильге-каган, теперь над тюрками воссел – так слову моему внимайте до конца, вы, сыновья мои и младшая родня, народы, племена, крепящие свой эль, вы, беки и апа, что справа от меня, тарканы и чины, что слева от меня»⁵

Генетическая структура кочевой цивилизации включает период становления ее социокультурных предпосылок, историческое время перехода цивилизации из «возможности» в «действительность», период ее относительно автономного существования и развития в конкретных политических формах и, наконец, период вхождения кочевых обществ в традиционные земледельческие цивилизации с последующим качественно определенным историческим развитием. Возможность выделения последнего исторического периода в структурогенезе кочевой цивилизации связана с огромной устойчивостью ментальной ценностно-нормативной содержательности, которая является основой не только сохранения самобытной культуры кочевых народов, но и регенерации тех ее элементов, которые якобы исчезли или претерпели существенные изменения.

С переходом кочевых обществ к цивилизации в их историческом развитии все возрастающую роль играет письменность, либо сложившаяся автохтонно, в процессе самоорганизации, либо заимствованная из стран с земледельческими культурами.

Переход кочевников к цивилизации нашел разнообразные проявления в духовной культуре кочевых обществ, выразился в архитектуре, скульптурных изображениях, произведениях искусства, эстетических взглядах, нравственных ценностях, размышлениях философского характера и др.

А. И. Мартынов выделяет следующие признаки перехода кочевых обществ к цивилизации: монументальная архитектура погребальных сооружений, монументальное искусство каменных изваяний, высокоразвитое искусство звериного стиля и др.⁶

Эстетические представления кочевников были связаны с женской красотой и красотой лошади, игравшей огромную роль в их жизни. В тофаларском сказании «Саян-Мерген» о прекрасной девушке говорится так: «Грудь полная, лицо округлое – невиданной среди смертных красоты»⁷

Глубоким жизненным оптимизмом проникнуты размышления мыслителей кочевых цивилизаций о судьбах человека, смысле его существования и мудрости как одной из главных социальных ценностей⁸

Таким образом, цивилизационный статус кочевых обществ мы связываем с возникновением кочевых конфедераций и империй; переходом к производящему натуральному (нередко многоукладному) хозяйству; социальной и имущественной дифференциацией населения; фактическим разделением населения на управляющих и управляемых, что было вызвано монополизацией власти кочевой аристократией; существованием религиозной системы «тэнгрианство»; утверждением во всех сферах деятельности людей самодисциплины; появлением и развитием письменности; возникновением монументальной архитектуры и изваяний, искусства звериного стиля и др.

Примечания

¹ См.: *Поэзия древних тюрков*. М.: Раритет, 1993; *Колчан сердечных стрел*. Любви лирика: Героические сказания и легенды о любви сибирских тюрков. Красноярск, 1995; *Абай*. Книга слов / Пер. с казахского К. Сернакбаева, Р. Сейанбаева. Рукопись. Б. м., Б. г.; *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти*. М.: Наука, 1993; *Моисеев Н. Н.* О механизмах самоорганизации общества и месте Разума в его развитии // Социально-политический журнал. 1993. № 8; и др.

² *Мартынов А. И.* Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2000. Т. 1. С. 82.

³ *Конрад Н. И.* Избранные труды: История. М.: Наука, 1974; *История Европы*. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. Т. 2; *История Тувы*. М.: Наука, 1964. Т. 1; *Гумилев Л.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Аст, 2000.

⁴ *Ульмжиев Д. Б., Ням-Осор О.* О «Великой Ясе» («Их засаг») Чингис-хана. Улан-Удэ, 2000.

⁵ *Поэзия древних тюрков...* С. 23.

⁶ *Мартынов А. И.* Указ. соч. С. 82.

⁷ *Колчан сердечных стрел...* С. 210.

⁸ *Поэзия древних тюрков...* С. 64–96.

Е. Ф. Фурсова
(г. Новосибирск)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ: ПРОБЛЕМЫ ИХ ИДЕНТИФИКАЦИИ И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Переживаемая нами эпоха, с одной стороны, характеризуется появлением новых историко-культурных общностей благодаря протекающим сегодня процессам миграции, метисации и пр., а с другой – ростом этнического самосознания у давно сложившихся этнокультурных групп, в их числе обладающих сознанием своей обособленности (субэтнотосов). Среди русских, относящихся к наиболее крупным этносам мира (более 100 млн человек), отмечается культурное разнообразие, обусловленное своеобразием этапов этнической истории, природно-географической спецификой мест проживания и т. д.

В советском государстве целенаправленно (на уровне идеологии) поддерживался процесс нивелирования культурных различий. В научной литературе был распространен взгляд, заключающийся в том, что усиление гомогенности русского народа обусловлено сближением субэтнических групп с основной массой русского населения, т. е. протеканием так называемых процессов внутриэтнической консолидации¹. В последние годы в связи с восстановлением православной церкви, возрождением, казалось бы навсегда забытых, народных праздников и обрядов мы можем наблюдать обратные процессы, которые в зарубежной литературе окрестили «взрыв этничности». Таким образом, в силу ряда объективных причин за последнее десятилетие культурная неоднородность населения возросла. В вопросе этнического ренессанса нельзя не отдать должное вновь создаваемым национально-культурным центрам, фольклорно-этнографическим объединениям и творческим коллективам, целью деятельности которых стала популяризация фольклора, народных традиций одежды, ремесел и др. Интересно отметить, что повышение этнической составляющей в жизни общества идет в противовес процессам стандартизации, вестернизации, американизации русской (и в целом российской) культуры под влиянием средств массовой информации.

В состав многих народов входят субэтнотосы или этнографические группы, возникшие вследствие консолидационных, ассимиляционных и прочих процессов. В этнографии к настоящему времени стал очевидным факт сосредоточения максимально выраженных этнических свойств у таксономически низких подразделений этноса – в малых этнографических и этнических группах (в этой связи вспомним высказывание В. О. Ключевского: «Единство – больше на этнографических связях, чем на общих политических идеях или интересах»). В основе общности этнографической или этнической группы, как и этноса в целом, лежат комплексные представления о «своих», которые включают общность происхождения и судеб, культурно-бытовых особенностей, вероисповедания (в данном случае мы не указываем на общность территории, языка, которые сами собой подразумеваются). Не поставленной и, естественно, не решенной на сегодня проблемой является выявление критерия, согласно которому каждая этнокультурная группа идентифицирует и сохраняет себя, а также обозначает символические «границы» разделения общности.

Все группы восточнославянского населения Сибири имеют свою историческую родину, этническую информацию из которой они выносят в процессе миграций и дольше или меньше сохраняют. Можно констатировать, что пока не нашли должного освещения вопросы этнических эволюций и

трансформаций культур групп-мигрантов по отношению к исходной модели (первичному материалу), причин и следствий ослабления или разрушения «границ», динамики и направленности их взаимодействий.

Изложенные выше проблемы в какой-то степени можно разрешить на основе использования материалов конкретного региона Западной Сибири. Многочисленность русского и в целом восточноевропейского населения Западной Сибири обусловила образование здесь своеобразных этнографических и этнических групп населения. Что касается сравнительно густонаселенной Новосибирской области, то большая часть населения прибыла сюда в конце XIX – начале XX в. В силу того что представители русского, а также украинского и белорусского народов составляют здесь 94 %, группы германских (немцы, голландцы), финских (мордва, чуваша, вепсы), тюркских (барабинские татары) и некоторых других народов оказались втянутыми в интенсивные процессы межэтнической интеграции и ассимиляции. Таким образом, специфика динамики этнокультурных процессов заключается здесь в том, что последние охватывали не этносы, но их большие или малые группы, проживающие на компактной территории юга Западной Сибири. В силу этих условий этнокультурная ситуация в данном регионе наилучшим образом подходит для исследования природы и свойств таксономически низких подразделений этносов. Для многих представителей других этносов сибирская земля стала родной, а своеобразный топоним «сибиряк», который давно получил статус престижного, активно используется в качестве самоназвания сибирской макрообщины представителями всех славянских и прочих народностей. В среду сибиряков, обладающих, несомненно, общностью этнокультурных черт и большей частью русским самосознанием, включены, таким образом, более или менее компактные группы разной степени обрусения нерусского и неславянского происхождения. Многие из изучаемых групп старообрядческого вероисповедания (жержаки, курганы, двоеданы) связаны сознанием общности не только веры, культурно-бытовых особенностей, но и своего происхождения; представители старшего поколения отличаются нацеленностью на эндогамные браки (ориентируя таким же образом молодежь).

На данном этапе необходимо добиться решения следующих задач:

- дать этнографическое описание состава сельского населения Обь-Иртышского и Обь-Томского междуречий на протяжении последнего столетия;
- выделить и обосновать существование этнокультурных групп восточнославянских и других народов в данном земледельческом регионе;
- изучить основные элементы системы традиционного жизнеобеспечения (пища, жилища, одежда);
- выполнить картографирование особенностей традиционно-бытовой культуры согласно выявленным культурным комплексам;
- проследить векторы взаимодействий между различными этнографическими группами и субэтносами, выявив их направленность.

Специфически этнографический метод включенного наблюдения позволяет конкретизировать реальное существование тех или иных групп населения, не прослеживаемое по данным других источников (например, в архивных источниках почти не зафиксированы белорусы в Новосибирской области, которые тем не менее проживают здесь и компактными, и рассеянными поселениями; то же самое можно сказать о голландцах-меннонитах и пр.). Неформальные методы интервьюирования позволяют проследить проявление этничности «внутри», полнее выяснить направленность протекания этнических процессов.

В связи с исследованием проблем этноэволюции и трансформации тех или иных общностей важнейшее значение приобретает предложенная нами методика сравнительного полевого исследования, заключающаяся в сборе необходимого этнографического материала не только на местах современного проживания представителей этнокультурных групп, но и предположительной или достоверной прародины их прадедов. Практическое применение подобного метода уже позволило собрать необходимый этнографический материал, предоставляющий большие основания для того, чтобы принять или отвергнуть высказанные ранее утверждения (например, спорные в отношении «жержаков», «чалдонов»). Методика сравнительного полевого исследования, несомненно, имеет ряд преимуществ перед письменными памятниками, так как позволяет включить в работу гораздо более многообразный спектр проявлений традиционно-бытовой культуры и, следовательно, надеяться на большую убедительность выводов.

Внимание к микротническим подразделениям основных этнических общностей в плане описания их культурно-бытовых особенностей обнаружилось у этнографов в отечественной науке еще в конце XVIII–XIX вв. (см. труды о «каменщиках», «поляках» Алтая П. Палласа, И. П. Фалька, Г. И. Спасского, С. И. Гуляева, А. Принца, Н. М. Ядринцева и др.). В большинстве современных работ основное внимание также уделялось сравнительно-историческим исследованиям традиций материальной и духовной культуры этнографических групп².

Вместе с тем в отечественной литературе уже в 1960-х гг. появились труды, посвященные типологии, происхождению и динамике развития этнических общностей разного таксономического уровня³.

Интерес к развитию теории типов этнических общностей в то время в значительной степени подогревался стремлением рассматривать эти общности в рамках историко-стадиального подхода с характерной для него привязкой к большим историческим эпохам, социально-экономическим формациям⁴. По той же причине исследователями уделялось мало внимания внутренней дифференциации народов и наций, т. е. развитию синхронного направления. Поэтому первые попытки осмыслить этнические общности таксономически различных категорий или порядков некоторыми советскими учеными стали делаться позднее. Общности таксономически высокого порядка было предложено называть этнолингвистическими, более низкого – этнографическими⁵. В. И. Козлов считал, что еще не разработаны единые принципы выделения микроэтнических единиц, поэтому «классификация этносов по степени внутренней этнографической дробности крайне затруднительна»⁶. Одними из первых и наиболее весомых разработок, которые легли в основу современного понимания природы этих групп, создали терминологию, были работы Ю. В. Бромлея 1970–1980-х гг.⁷ Ученый считал нужным показать классификационные различия между этническими и этнографическими общностями (группами), которые видел в наличии самосознания у первых и отсутствии такового у вторых. Он выделил условия, при которых возможно появление субэтнотипов и этнографических групп, подчеркнул динамичность и тех и других. Сегодня становится очевидным общий характерный для этих работ недоучет влияния фактора религии при формировании микроэтнических общностей. Так, в работе С. А. Токарева говорится о том, что религиозный признак с ходом исторического развития нарастает, а потом убывает⁸, что весьма нехарактерно для старообрядческих этнографических групп как прошлого, так и настоящего.

Если в середине XX в. советские авторы-этнографы указывали на не разработанность в зарубежной этнографической науке проблем классификации этнических общностей и их подразделений, связывая это с общей слабой теоретической базой, то в настоящее время зарубежные исследователи активно изучают вопросы существования и самоидентичности этнографических групп⁹.

В настоящее время благодаря многолетним полевым исследованиям 1981–1999 гг. сделано описание этнографических и этнических групп Обь-Иртышского и Обь-Томского междуречий. В ряде опубликованных работ¹⁰ было намечено и обосновано существование различных этнических подразделений сибиряков, проведен сравнительно-исторический анализ особенностей их культуры. Свообразные экзо- и эндоэтнонимы этих групп, как правило, связаны с их происхождением (этнонимом), исторической родиной (чаще с гидронимами) или отражают исторические события в прошлом. Как показали исследования, большинство не только этнических, но и этнографических групп региона в большей или меньшей степени обладают элементами самосознания. Таким образом, если этнокультурная группа характеризуется присущими только ей культурно-бытовыми особенностями, то имеет место и самоидентичность. Предлагаемая классификация этнографических групп опирается на их происхождение, т. е. носит качественный характер (сразу заметим, что она нуждается в дальнейших уточнениях и проверке «полем»):

- 1) группы, образовавшиеся в результате ассимиляции народом иноэтнической группы;
- 2) группы, выделенные из родного этноса в результате определенных исторических событий;
- 3) группы, в своем происхождении сочетающие описанные выше характеристики.

Каждая конкретная этнографическая/этническая группа имеет тот «стержень», вокруг которого она сформировалась. Если для сибиряков-старожилов (в том числе «чалдонов») важным для обозначения своей общности было сходство культурно-бытовых черт, а также представление об общности происхождения («с Дона»), то для старообрядческих групп на первом месте стояла приверженность староверию, что было даже более актуально, чем этничность (предпочтение могло отдаваться бракам с перекрещенными аборигенами, нежели с русскими – сторонниками официальной церкви). Российские переселенцы второй половины XIX – начала XX в., несмотря на то что обычно селились и жили областными общностями (курскими, рязанскими, могилевскими, черниговскими и пр.), наоборот, в меньшей степени стремились сохранить свою обособленность. По-видимому, здесь срабатывал механизм выживания вновь прибывших выходцев из европейской части России, которые стремились наиболее быстрыми темпами приспособиться к жизни в Сибири. Это объясняет тот хорошо наблюдавшийся этнографами факт, что материальная культура российских переселенцев подверглась значительным изменениям, в то время как духовная сохранила много специфических черт.

Примечания

- ¹ Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. С. 80, 81.
- ² Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995; *Полесье*. Материальная культура. Киев, 1988; *Русские*. Серия «Народы и культуры». М., 1997. С. 107–118.
- ³ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983; Болонев Ф. Ф. Семейские. Улан-Удэ, 1985; Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // *Вопр. философии*. 1964. № 11. С. 43–53; Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // *Сов. этнография*. 1967. № 4; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985. С. 29–36; Козлов В. И. О классификации этнических общностей (состояние вопроса) // *Исследования по общей этнографии*. М., 1979. С. 14.
- ⁴ Арский И. В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе // *Учен. зап. ЛГУ. Сер. исторических наук*. 1941. № 12.
- ⁵ Чебоксаров Н. Н. Указ. соч. С. 118.
- ⁶ Козлов В. И. Указ. соч. 1979. С. 12.
- ⁷ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 45–63; *Он же*. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57–87; *Он же*. Этносоциальные процессы... С. 81.
- ⁸ Токарев С. А. Указ. соч. С. 45.
- ⁹ Anatoly M. Khazanov. After the USSR. Ethnicity, Nationalism, and Politics in the Commonwealth of Independent States. ., 1995; Anthony D. Smith. National Identity. Rebo; Las Vegas; L.
- ¹⁰ Фурсова Е. Ф. Семицко-троицкие обычаи и обряды восточных славян Приобья второй половины XIX – 30-х годов XX в. // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 3. С. 45; *Старообрядцы-«курганы»*: к вопросу о микроэтнических общностях // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. Т. 5. С. 653–658; Фурсова Е. Ф. Белорусские переселенцы Приобья: проблемы культурной интерференции // *Там же*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. Т. 6. С. 536–542.

С. Н. Еремин, Ю. В. Попков
(г. Новосибирск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ И КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ (ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ) (ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ)*

Обоснование проблемы. Современные социальные процессы, протекающие на территории Евразии, генетически подготовлены всем ходом предшествующего взаимодействия населяющих ее народов. В настоящее время возможно говорить о качественном сдвиге в системе этих взаимодействий в условиях их перехода в интенсивную фазу изменений в евразийском социокультурном пространстве, для которого характерна новая конфигурация синтеза славянской (восточно-европейской), тюркомонгольской и, отчасти, палеоазиатской культур и соответствующих им мировоззрений и ценностных систем. Этот процесс уже по своей природе является противоречивым, порождает проблемные ситуации во всех сферах и на всех уровнях взаимодействия евразийских народов.

Формирование новой целостности как многообразного единства происходит также на территории Сибири и приграничных территориях, причем в стихийном режиме, усугубленном распадом прежних системообразующих институтов и структур. Более того, новые явления и процессы этого масштабного даже по историческим меркам события фактически научно не рефлексированы. Не вполне ясны и конкретные контуры формирующейся полиэтнической общности, ее внутренние характеристики. Вместе с тем современная практика установления новых и трансформации прежних отношений народов и культур Евразии все настоятельнее требует максимально возможного понижения существующего порога информационной и концептуальной неопределенности, что необходимо для проведения в жизнь более осмысленной, а значит более эффективной политики единения соответствующих народов и культур. Решение данной задачи предполагает в качестве одного из важных условий разверты-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

вание на систематической основе теоретических и прикладных этносоциологических исследований по широкому спектру имеющихся и вновь возникающих проблем.

Цель планируемой работы состоит в выявлении и анализе на основе результатов этносоциологических исследований ключевых проблем современного взаимодействия народов и культур Евразии, определении текущих и перспективных тенденций развития евразийского сообщества, концептуальной разработке политико-правовых принципов регулирования этносоциальных процессов и взаимодействий.

Задачи исследования определяются его целью и могут быть сформулированы в форме *подпрограмм* заявленной темы.

Подпрограмма 1. Противоречия процессов интернационализации общественной жизни и особенности их проявления у народов Евразии: история и современность. Интернационализация понимается как единство объективной и субъективной, внешней и внутренней рефлексии национальных общностей. Она является социальным феноменом, присущим всей человеческой истории, составляет существенную детерминанту становления локальных цивилизаций и отдельных этносоциальных общностей, формирования и развертывания всемирно-исторического процесса как противоречивой развивающейся системы, каждый элемент которой является условием существования всех других ее элементов. Таким образом, процессы интернационализации будут проанализированы как историческое явление, уходящее своими корнями в начальную стадию взаимодействия племен и народов Евразии. Формирующийся на новой основе процесс современной интернационализации рассматривается как ее специфическая форма и особый этап с особыми внутренними противоречиями, в значительной степени обусловленными сложными проблемами развития, взаимодействия и идентификации евразийских народов в настоящий период.

Подпрограмма 2. Этносоциальные процессы в Евразии в контексте глобализации общественной жизни. Определение места и роли этносоциальных процессов в Евразии в общем ходе мировой глобализации общественной жизни связано с осознанием, с одной стороны, интегрирующего характера взаимодействия народов и культур западной и восточной цивилизаций и формированием на этой основе новой, евразийской, этнокультурной целостности как единства многообразного, а порой и противоположного, с другой – несводимости интеграционных процессов к унифицирующей глобализации на принципах и ценностях западного общества. Данные теоретико-методологические положения будут взяты за основу анализа конкретных феноменов, процессов и тенденций, связанных с проявлением на территории Евразии общих тенденций процесса глобализации общественной жизни в ее различных формах и на разных структурных уровнях.

Подпрограмма 3. Роль межкультурных взаимодействий в межэтнической интеграции. Развитие межэтнической интеграции народов Евразии может быть рассмотрено и более глубоко понято под углом зрения взаимодействия особенных культур данных народов, взаимоположения и взаимопроникновения позитивных элементов их материального и духовного наследия, исторически сформировавшихся систем ценностей. Ценность полноты человеческой жизни, а также коэволюционного развития общества и природы – культурная основа нового духовного мира евразийских народов. Формирование этой культурной основы выступает одной из важнейших предпосылок синтеза западной и восточной цивилизаций. Эта сущностная проблемная ситуация нуждается в конкретном и углубленном изучении.

Подпрограмма 4. Факторы межэтнической интеграции. В процессе современной межэтнической интеграции народов и культур Евразии важно выделить основные факторы, существенно значимые для сохранения и развития евразийского единства. В этом аспекте анализу будут подвергнуты прежде всего такие социальные институты, как образование, наука и средства массовой информации. Их интегрирующий потенциал к настоящему времени фактически не изучен. В то же время именно данные социальные институты все больше определяют содержание и общий вектор межэтнической интеграции народов Евразии, их место и роль в общем цивилизационном процессе.

Подпрограмма 5. Динамика ценностных систем народов Евразии в современную эпоху. В настоящее время происходит интенсивная трансформация ценностных систем народов Евразии. Это связано, во-первых, с усиливающейся этнокультурной самоидентификацией народов, во-вторых – с расширением поля действия и ускорением проникновения общекультурных (общечеловеческих) ценностей и ценностей иных культур и цивилизаций. Не только в регионе в целом, но и у каждого из существующих здесь народов формируется сложная мозаика (и переплетение) разнородных ценностных систем в различных сферах проявления социальной активности – демографической, социально-экономической, культурной, политической. Одним из последствий данного процесса являются маргинализация массового сознания относительно базисных основ современного и будущего существования этносов, ценностная и психологическая дезадаптация у значительной части населения. Особое внимание должно быть уделено проблемам формирования и трансформации системы ценностей у молодого поколения в условиях глобализации.

Подпрограмма 6. Концептуальные принципы формирования политико-правового поля взаимодействия народов Евразии. Объективно складывающееся новое взаимодействие народов Евразии требует проведения в отношении доминирующих позитивных и негативных тенденций научно-обоснованной государственной политики, целенаправленно проводимой на всех уровнях власти. В свою очередь, это предполагает формирование единого правового поля, в рамках которого решаются текущие и перспективные вопросы регуляции и управления специфическими межэтническими и межкультурными взаимодействиями евразийских народов. Проблема поставлена в настоящее время лишь в поисковом варианте и поэтому нуждается в углубленном исследовании. Это предполагает помимо прочего анализ зарубежного опыта правового регулирования проблем, связанных с межэтническими взаимодействиями и их перспективным развитием.

В предлагаемой программе предметно выделены в качестве подпрограмм основные направления исследования настоящего и будущего развития евразийского сообщества в их исторической обусловленности. Вместе с тем каждое из данных направлений внутри себя структурировано и предполагает анализ более конкретных проблем. Естественно, что изучение той или иной проблемы включает, согласно логике научного познания, исследование сопряженного с ним социального контекста, так что в поле внимания окажутся и другие значимые явления и процессы. В свою очередь, наличие органической взаимосвязи между отдельными подпрограммами даст возможность получить в конечном счете результирующую – концептуальное системно-генетическое представление о развитии евразийского сообщества как органического целого, зафиксировать тенденции его развития в узловых, системообразующих точках и ситуациях. Для подтверждения соответствующих положений важное значение будут иметь данные статистики и результаты конкретно-социологических исследований.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

О. Л. Посух, Л. П. Осипова, Ю. О. Кашицкая, М. А. Губина, Л. Э. Табиханова
(г. Новосибирск)

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОХРАННОСТИ ЭТНОСА

Наблюдаемое в настоящий момент внутривидовое разнообразие *Homo sapiens* возникло за длительный период эволюции человека сначала в составе малочисленных территориальных и родовых общин, племен и племенных объединений, потом этнических групп (этносов), народов и наций. Применительно к современным популяциям человека в качестве исторически устойчивых популяционных формирований следует рассматривать этносы. В настоящее время существует достаточно много разнообразных определений этноса, как правило главными признаками рассматривают язык, культуру, территорию и этническое самосознание. Например, Ю. В. Бромлей определяет этнос как «группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение и, кроме того, обладающих комплексом обычаев, традиций, укладов жизни, отличаемых ею от таковых других»¹. Дополнительными условиями создания этноса может стать общность религиозных воззрений, близость расовых компонентов. Л. Н. Гумилев определяет этнос как способ существования человека в определенном географическом ландшафте, или способ его включения в биосферу².

В контексте популяционно-генетического изучения сообществ человека именно этнос может служить наиболее универсальной структурной единицей, и поэтому популяционная генетика человека в большинстве своих аспектов является генетикой этнической. основополагающими работами в этой области стали исследования Ю. Г. Рычкова.

Этнос, как правило, представляет собой сложную иерархическую структуру, в которой может существовать то или иное число субэтнических уровней, что зависит от исторических путей формирования этноса, его численности, размера территории и особенностей расселения. Подразделенность этноса может определяться хозяйственным укладом и историко-культурными особенностями той или иной группы, его составляющей. Устойчивые этнические характеристики возможно получить, лишь располагая данными о локальных популяциях, «поскольку такие популяции вне этноса не существуют, поскольку сам этнос является эндогамной популяцией и поскольку на любых стадиях развития общества этнос, меняя форму (племя, народность, народ, нация), по своей сути и роли остается самим собой»³.

Этнический и генетический процессы, протекающие в народонаселении и имеющие совершенно различную природу (первый – социальную, второй – биологическую), оказываются теснейшим образом взаимосвязаны⁴. В этническом процессе создается структура народонаселения – его популяционная система, а генетический процесс, протекая на каждом этапе создания этой системы в ее элементарных ячейках – популяциях, создает их генетическое своеобразие, в котором отражаются история построения системы и ее внутренние связи. Таким образом, генетическое разнообразие популяций, будучи связанным с их этнической историей, «обретает свойство и функцию генетической памяти о пройденных этапах развития»⁵.

Популяционно-генетическими исследованиями охвачена значительная часть населения разных районов мира. Обнаружено и проанализировано огромное пространственное разнообразие генов, контролирующих различные биохимические и иммунологические признаки человека, закономерности распределения которых связаны с историей расселения человеческих сообществ, а также с различными длительными воздействиями условий окружающей среды на генофонд и генетическую структуру популяций человека – широкого спектра изменчивости, сложившегося в ходе его естественной истории. Под термином «генетическая структура популяции» понимают прежде всего неоднородное распределение аллелей и их частот в одной популяции или системе родственных популяций, возникшее в результате пространственной подразделенности популяции и действия факторов эволюции: мутационного давления, естественного отбора, миграций, генного дрейфа, изолирующих факторов (географические, языковые, социоэкономические, религиозные и другие барьеры), неслучайного объединения гамет в результате брачной ассортативности и т. д.

Теория и методы популяционной генетики человека во многих случаях позволяют оценить время дифференциации этнических групп, реконструировать становление той или иной популяции в хроно-

логическом отношении. Сведения о популяционно-генетической структуре современных человеческих групп оказываются весьма полезными в решении сложных и многогранных вопросов этногенеза.

Стабильное существование этноса, его демографическое и социальное воспроизводство – основа для передачи новому поколению языка, культуры, хозяйственно-бытовых традиций, характера демографического и репродуктивного поведения. Во многом это обеспечивается этнически однородными (этнически эндогамными) браками. Современные условия жизни (социальный прогресс, рост миграционной подвижности населения, расширение круга брачных связей) предопределяют все возрастающее число межэтнических контактов и межэтнических браков, и эта проблема имеет массу разнообразных аспектов – политических, демографических, этнокультурных, социально-психологических, экологических и в том числе генетических, ибо конечным результатом межэтнического смешения является трансформация структуры генетического разнообразия, присущего тому или иному этносу. Теоретически крайним выражением межэтнического смешения является будущее слияние всех этносов в единую популяцию, т. е. состояние полной панмиксии. В связи с этим в популяционной генетике человека обсуждается проблема аутбридинга (объединение генофондов ранее изолированных популяций). С одной стороны, широко распространено представление о том, что этот процесс благоприятен, так как приводит к «обогащению наследственности», гетерозису, уменьшению числа патологий с рецессивным наследованием. С другой – высказано опасение, что аутбридинг может привести к разрушению адаптивных комплексов генов, повышению уровня рекомбинационной изменчивости⁶. На практике даже в многонациональных городских популяциях доля межэтнических браков не достигает величины, ожидаемой при панмиксии, поскольку ряд условий существования этноса (социально-политические, экономические, территориальные, религиозные и т. д.) предопределяет ту или иную долю этнически эндогамных браков, т. е. и сохранность этноса в определенной степени.

Структура генетического разнообразия народонаселения может трансформироваться не только в результате этнически дифференцированных потоков, но и за счет межэтнических различий в плодовитости. Показано, что те этнические группы, которые обладают высокой плодовитостью, в то же время отличаются высокой степенью внутритнической ассортативности (казахи, киргизы, туркмены, узбеки в отличие от белорусов, русских, литовцев и др.), причем корреляция между этими двумя параметрами может быть во многом объяснена конфессиональными различиями⁷.

В процессе межэтнического смешения так или иначе происходит «размывание» генетических характеристик, присущих той или иной этнической общности. В случае малочисленных этнических групп временной фактор (момент популяционно-генетического исследования) становится чрезвычайно актуальным, так как на фоне активных метисационных процессов существует реальная вероятность получить смещенные генетические характеристики этноса.

Существенное воздействие на степень сохранности этноса оказывает изменение среды его обитания. Резкие, кризисные изменения вызывают нарушение гомеостаза этноса, подрыв традиционных форм жизнеобеспечения и жизнедеятельности, резкое ухудшение демографического воспроизводства и, как следствие, кризис духовной и психологической жизни этноса. Очевидно, что чем малочисленнее этнос (этническая группа) и чем специфичнее характер форм его жизнеобеспечения и жизнедеятельности, тем менее стабильны его целостность и существование.

В последние десятилетия образ жизни, основы хозяйственной жизнедеятельности, культура коренных малочисленных народов Сибири подвергаются значительным изменениям, часто весьма радикальным. Для некоторых народов напрямую ставится вопрос об их выживании в связи с нарастающими процессами ассимиляции, «растворения» среди окружающих этносов и резких изменений образа жизни и хозяйствования. Проблема эта неоднозначна, и для ее решения требуются комплексные исследования, которые охватили бы максимально широкий круг ее аспектов.

Начиная с 1973 г. в Институте цитологии и генетики СО РАН (г. Новосибирск) проводятся популяционно-генетические исследования коренных народов Сибири: нганасан, лесных и тундровых ненцев, эвенов Якутии, юкагиров, эскимосов, северных селькупов, алтайцев, казахов Алтая, кетов. Эти исследования, опирающиеся на тщательный генеалогический анализ, включали в себя как оценку основных генетико-демографических параметров (численность, половозрастная структура, степень метисации, интенсивность миграций, репродуктивные параметры и т. д.) популяций, так и оценку уровня изменчивости различных биохимических, иммуногенетических и молекулярно-генетических маркеров крови. Собран огромный фактический материал в области как генетических, так и социально-демографических исследований. Созданы уникальные коллекции образцов крови и ДНК. Выявлены и охарактеризованы особенности генофондов этих этнических групп, проанализирована их генетическая структура. Таким образом, на основе полученной информации имеется возможность в какой-то степени прогнозировать сохранность того или иного этноса, рассматривая в этом контексте сохранение его генетической специфики.

В настоящей статье эта проблема будет обсуждаться на примере двух крайне малочисленных сибирских этносов – юкагиров и кетов.

Юкагиры характеризуются комплексом антропологических признаков, свойственных байкальскому типу североазиатской расы. Юкагирский язык занимает особое, изолированное, место в группе палеоазиатских языков. В прошлом юкагирам принадлежала обширная территория от низовьев р. Лены на западе до бассейна р. Анадырь на востоке и от побережья Северного Ледовитого океана на севере до верховий рек Яны, Индигирки и Колымы на юге. Впоследствии юкагиры были вытеснены или ассимилированы тунгусскими племенами и предками якутов⁸ Число юкагиров в XVII в., по данным Б. О. Долгих⁹, составляло около 4 500 человек. Однако в дальнейшем их численность и занимаемые территории резко сократились вследствие эпидемий оспы, голода и давления со стороны тунгусов, находившихся на более высоком уровне общественного развития. Уже к концу XIX в. юкагиры представляли собой ряд групп, вкрапленных в массивы эвенского, якутского и русского населения. Прямых потомков юкагиров, сохранивших родной язык, самосознание и некоторые черты культуры, осталось в конце XIX в. около 150–200 человек, принадлежавших к двум кочевым группам юкагиров – верхне- и нижнеколымской 10. Однако в связи со строгими экзогамными запретами и эти юкагиры, видимо, находились в родстве с эвенами, якутами и русскими 11. Таким образом, к началу XX в. от юкагирского этнического пласта остались лишь отдельные островки, окруженные пришлым населением. В настоящее время сохранились только две компактные и крайне немногочисленные группы: тундровые юкагиры – пос. Андрюшкино (Нижне-Колымский р-н Якутии) и таежные юкагиры – пос. Нелемное (Верхне-Колымский р-н Якутии), разделенные несколькими сотнями километров. Часть юкагиров расселена дисперсно (отдельными семьями и единично) в других поселках Якутии и Магаданской области. Две основные группы юкагиров не поддерживают между собой регулярных контактов и говорят на сильно различающихся диалектах юкагирского языка – верхне- и нижнеколымском, так что с лингвистической точки зрения было бы правильнее говорить о двух юкагирских языках 12.

Полевые исследования в пос. Андрюшкино проводились в 1987 г., в пос. Нелемное – в 1990 г. Таким образом, к сожалению, основные демографические параметры этих групп характеризуют их состояние на период исследований (11–14 лет назад), и в этих группах в настоящее время могли произойти существенные изменения.

Популяция Андрюшкино (общая численность на 1987 г. составляла 1 000 человек) характеризуется многокомпонентностью этнического состава: юкагиры, эвены, якуты, эвенки, чукчи и европеоидное население – русские, украинцы и пр. Нами была поставлена достаточно сложная в связи с многоэтничностью населения поселка задача – максимально полно вычленив и описать генофонд юкагиров в этой популяции. Использование официальных данных (похозяйственные книги сельского совета, статистические материалы) о национальной принадлежности жителей позволило приблизительно очертить круг лиц, записанных как юкагиры. Надо отметить, что ряд социальных льгот, предоставляемых государством представителям малочисленных народов Севера (в данном случае юкагирам и эвенкам), обусловил преимущественный выбор официальной самоидентификации в пользу этих национальностей. Только тщательно собранные генеалогические сведения, полученные путем прямого и перекрестного опроса взрослых лиц обоего пола (выясняли фамилию, имя, отчество, этническую принадлежность, год и место рождения, количество браков, родственные связи по прямым и боковым линиям), и анализ расширенных родословных на каждую семью (три-пять поколений) позволили выяснить с большой долей достоверности истинную этническую принадлежность обследуемых.

Предварительный сбор генеалогической информации и верификация на ее основе этнической принадлежности индивидуумов, на наш взгляд, являются абсолютно необходимыми «инструментами» для анализа популяций со сложным многокомпонентным этническим составом, в особенности, когда ставится задача охарактеризовать генофонд той или иной этнической группы: тогда опираться лишь на официальные сведения оказывается явно недостаточным.

На рис. 1 а приведена половозрастная структура (с учетом степени метисации) выборки населения пос. Андрюшкино, которая включает в себя как «этнически чистых» юкагиров, так и потомков от смешанных браков юкагиров с представителями другой этнической принадлежности (эвенами, якутами, чукчами, эвенками, русскими, украинцами и др.), составляющими так называемую метисированную часть выборки. Генеалогические сведения позволили вычленив условную «долю юкагирской крови» у каждого из представителей этой части выборки – от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{4}$ (и менее). Благоприятные демографические параметры – растущий тип популяции (о чем, в частности, свидетельствует широкое основание «половозрастной пирамиды» – большая доля лиц дорепродуктивного и репродуктивного возрастов), отсутствие резко выраженной эмиграционной подвижности населения – позволяют предполагать прогрессивное развитие численности этой группы. Гаметный вклад юкагиров («доля юкагирского генофонда») в популяцию, оцененный на основе данных о степени метисации, составляет около 36 %. Надо отметить, что в возрастной категории до 20 лет уже практически нет «этнически чистых» юкагиров.

Таким образом, воспроизводство этой юкагирской группы будет происходить в основном за счет ее метисированной части, включающей эвенские, якутские, чукотские и европеоидные (русские, ук-

раинские и др.) этнические компоненты (специальный анализ особенностей метисаций юкагиров с представителями той или иной этнической принадлежности здесь не приводится).

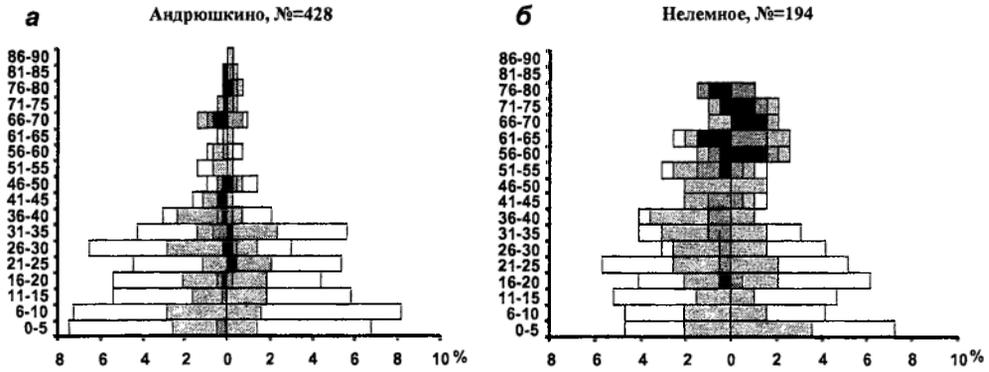

Рис. 1. Половозрастное распределение с учетом степени метисации в популяциях юкагиров: а – популяция Андрюшкино; б – популяция Нелемное. По оси ординат – возрастная категория (годы), по оси абсцисс – доля возрастной категории (%): 1 – «этнически чистые» юкагиры; 2 – юкагиры на 3/4; 3 – юкагиры на 1/2; 4 – юкагиры на 1/4 и менее

Для последующего генетического обследования представилось возможным выделить выборку для наиболее точной характеристики, насколько это возможно было сделать, юкагиров популяции пос. Андрюшкино, численностью 77 человек (но часть из них так или иначе являются метисами юкагиров в основном с эвенами). Общая численность населения в другой юкагирской группе (пос. Нелемное) на 1990 г. составляла 287 человек, из них записано юкагирами – 144 человек, эвенами – 9, якутами – 79 и прочими (русские, украинцы) – 55 человек. Кроме того, нами были учтены и немногочисленные юкагиры-мигранты из пос. Нелемное, временно или постоянно проживающие в близлежащих пос. Зырянка и Верхнеколымское.

Генеалогический анализ, проведенный аналогичным образом, как в пос. Андрюшкино, позволил уточнить этнический состав популяции (см. рис. 1 б). Оказалось, что в пос. Нелемное только около 8 % населения являются потомками нескольких юкагирских родов, издавна обитающих в верховьях Колымы. Поэтому выборка, характеризующая юкагиров из этой популяции, крайне малочисленна (48 человек) и включает в себя значительную долю юкагиро-якутских метисов. Гаметный вклад юкагиров составляет около 47 %, но «этнически чистые» юкагиры представлены только в старшей возрастной категории. Тенденции невозобновления юкагирского генофонда в пос. Нелемное так же отчетливо выражены, как и в пос. Андрюшкино.

В дальнейшем были выявлены характерные особенности генофонда юкагиров и генетическая структура их популяций. Генетические данные по варибельности генетических маркеров крови (группы крови, изоферменты, белки, иммуноглобулины), полученные для популяций юкагиров, сопоставлены с таковыми для других популяций коренных народностей Сибири¹³. На рис. 2 представлена так называемая генетическая карта, где на основе распределения частот аллелей и гаплотипов различных генетических систем крови демонстрируется степень сходства и различия ряда исследованных по этим признакам популяций.

История юкагиров как древнейшего пласта населения северо-востока Сибири, прошедшего через опустошающие эпидемии и голод, претерпевшего за последние три столетия резкое сокращение численности (вплоть до полного исчезновения отдельных локальных групп и ассимиляции другими этносами) привела как к глубоким различиям в традиционном хозяйстве, языке и культуре, так и большой генетической дифференциации двух сохранившихся на момент исследования групп юкагиров (см. рис. 2). Генетические различия между двумя юкагирскими группами определяются ярко выраженными эффектами дрейфа генов, отсутствием контактов между ними, а также условиями жизни в несколько различном этническом окружении.

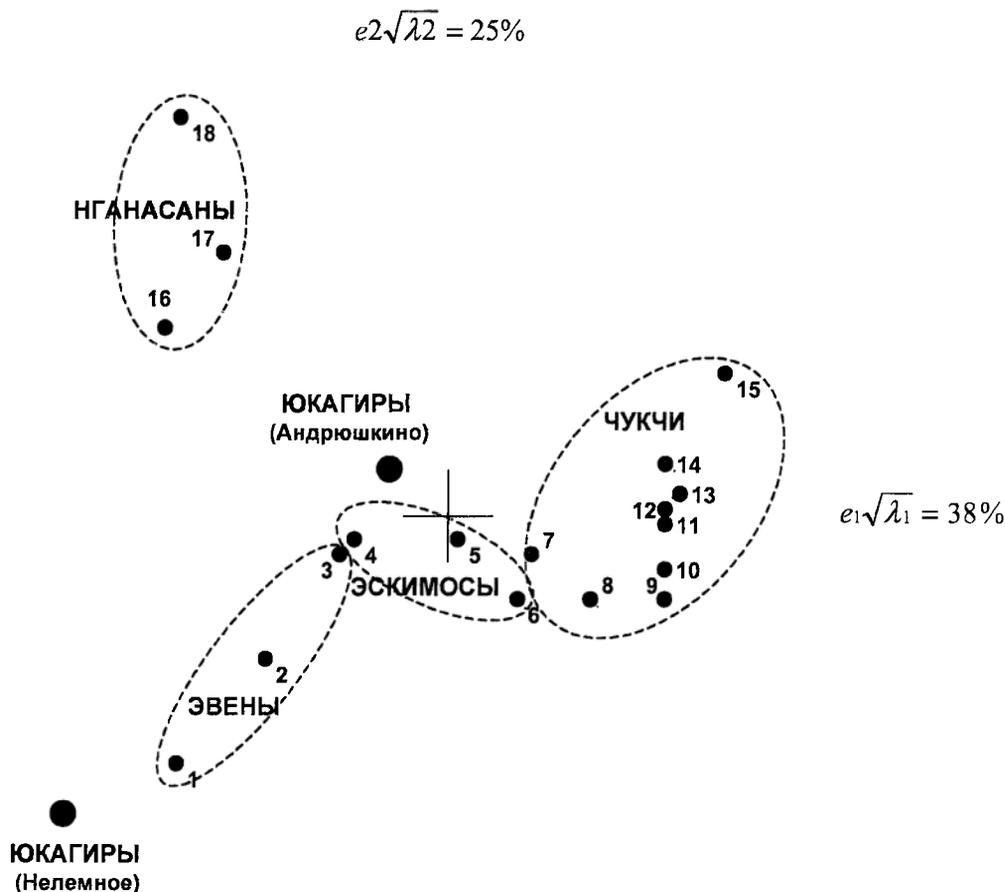

Рис. 2. «Генетическая карта», показывающая взаиморасположение популяций в пространстве двух главных компонент¹⁴). Данные о частотах аллелей и гаплотипов ($N = 20$) получены для юкагиров¹⁵; эвенов (1–3)¹⁶; эскимосов (4–6) и чукчей (7–15)¹⁷; нганасан (16–18)¹⁸

Кеты. Численность кетов, по данным переписи 1989 г., составляет около 1 100 человек. Кеты относятся к особому антропологическому типу, известному в литературе как енисейский¹⁹. В целом они обнаруживают сходство с народами уральской и южносибирской рас Западной и Южной Сибири, приближаясь по одним признакам к первым, а по другим – ко вторым; отчетливо отличаются почти по всем признакам от народов байкальской расы, но имеют некоторые черты сходства с центральноазиатскими монголоидами или с народами, живущими во внутренних районах Сибири, южное происхождение которых не вызывает сомнения. В лингвистическом отношении кетский язык занимает изолированное положение и представляет собой отдельную семью языков, которую называют енисейской. Ранее к этой семье принадлежали и другие языки, ныне исчезнувшие.

В настоящее время большинство кетов расселено на территории Туруханского района Красноярского края по притокам Енисея и в пос. Суломай Байkitского района Красноярского края. С учетом исторической информации об этапах заселения кетами современной территории их проживания²⁰ условно выделяются три основные группировки кетов: туруханская (поселки северной части Туруханского района – Туруханск, Сургутиха, Бакланиха, Горошиха, Мадуйка, Верещагино и др.), елогуйская (пос. Келлог) и подкаменнотунгусская (пос. Суломай, Бор, Сумароково). Наиболее далеко отстоящие друг от друга поселки разделяют несколько сотен километров. Нами были обследованы кеты практически на всем ареале их расселения. Полевые исследования проводились в 1991, 1997, 2000 и 2001 г. Обобщающие результаты генетико-демографических и популяционно-генетических исследований в настоящее время готовятся к печати. В связи с поставленной в нашей статье проблемой остановимся лишь на некоторых результатах, непосредственно связанных с нею.

Анализ миграционных процессов показал, что миграции за пределы основной территории расселения кетов ограничены, а между поселками, где живут кеты, существуют, хотя и незначительные, миграционные потоки, что позволяет (в отличие от юкагирских групп) говорить о единой популяции кетов, имеющей определенную субпопуляционную структуру. Это подтверждается как полученной конкретной информацией о местах рождения обследуемых, проживающих ныне в том или другом поселке, так и осведомленностью многих из них об имеющихся родственниках в других поселках,

часто разделенных значительными расстояниями. Связующей транспортной нитью на территории расселения кетов в недавнем прошлом являлся Енисей с его притоками.

Анализ половозрастной и брачной структуры кетских групп и данные об их этническом составе, полученные на основе детальной генеалогической информации (рис. 3 а, б, в), позволили отнести кетские группы к популяциям растущего типа, о чем свидетельствует большая доля лиц дорепродуктивного и репродуктивного возрастов, среднее количество детей на брак (2,4 человек), однако рост численности кетской популяции будет происходить в основном за счет ее метисированной части, в первую очередь так называемых «европеоидных» метисов – потомков от браков кетов с русскими, украинцами и пр. Подобный прогноз относительно будущего кетской популяции дает и В. П. Кривоногов: «...кеты будут сплошь метисами, среднее поколение – наполовину европеоидами, дети – на 3/4»²¹ Таким образом, наблюдается отчетливая тенденция к разрушению «этнического ядра» кетской популяции.

Рис. 3. Половозрастное распределение с учетом характера метисации в группах кетов: а – подкаменнотунгусская группа (на 2001 г.); б – елогуйская группа (на 1997 г.); в – туруханская группа (на 2000 г.). По оси ординат – возрастная категория (годы), по оси абсцисс – доля возрастной категории (%): 1 – «этнически чистые» кеты (в их родословных не прослеживаются представители другой этнической принадлежности); 2 – «монголоидные» метисы кетов (потомки от смешанных браков кетов с селькупам, эвенками); 3 – метисы кетов с коренным и европеоидным населением; 4 – «европеоидные метисы кетов (потомки от смешанных браков кетов с русскими, украинцами и пр.)

Это неминуемо должно отразиться и на общих генетических характеристиках кетского этноса. Наглядная демонстрация уже начавшегося изменения «генетического портрета» кетской популяции приведена на рис. 4. На этой «генетической карте» группа «этнически чистых» кетов и метисированные кетские группы наряду с «общей кетской популяцией» рассмотрены в сопоставлении с монголоидными популяциями Северо-Восточной Сибири (эвены, юкагиры, эскимосы, чукчи, нганасаны), европеоидными популяциями русских и популяциями, имеющими как монголоидные, так и европеоидные характеристики (лесные и тундровые ненцы, коми, удмурты, манси, чуваша, южные алтайцы). Анализ изменчивости ряда генетических маркеров крови показал, что генофонд «этнически чистых» кетов, как и «общей кетской популяции», имеет смешанные монголоидно-европеоидные характеристики, что может свидетельствовать об участии европеоидного субстрата в их этногенезе. В связи с этим на «генетической карте» (см. рис. 4) все условно сформированные нами кетские выборки занимают промежуточное положение между европеоидными популяциями русских и монголоидными популяциями северо-востока Сибири, но не примыкают к кластеру популяций других монголоидно-европеоидных популяций, что показывает своеобразие соотношения «монголоидных» и «европеоидных» черт у кетов. «Этнически чистые» кеты и южные алтайцы достаточно близки друг другу, что соответствует имеющимся сведениям о некоторых общих моментах в их этногенезе и свидетельствует в пользу южного происхождения кетов²². Выборка «европеоидных метисов» кетов существенно отличается от группы «этнически чистых» кетов и генетически более близка к европеоидным популяциям русских. Генетические различия «монголоидных» метисов кетов и «этнически чистых» кетов не столь существенны. Учитывая усиливающиеся тенденции метисации кетских групп, для которых характерно интенсивное смешение именно с европеоидным населением (см. рис. 3 а, б, в), можно предположить, что современная популяция кетов со временем будет приобретать все более и более отчетливо выраженные европеоидные генетические характеристики.

$$e2\sqrt{\lambda_2} = 14\%$$

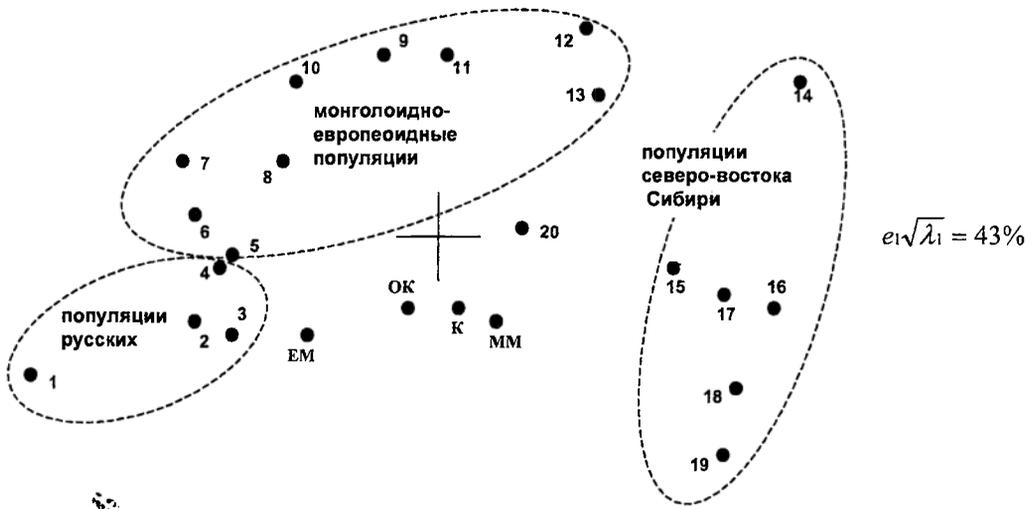

Рис. 4. «Генетическая карта», показывающая взаиморасположение популяций в пространстве двух главных компонент. Данные о частотах аллелей и гаплотипов ($n = 24$) в популяциях из: русские (1–4)²³; коми (6–9)²⁴; удмурты (5), чувашы (10), манси (11)²⁵; тундровые ненцы (12)²⁶; лесные ненцы (13)²⁷; нганасаны (14)²⁸; юкагиры (15, 16)²⁹; эвены (17)³⁰; эскимосы (18) и чукчи (19)³¹; южные алтайцы (20)³². К – «этнически чистые» кеты (в их родословных не отмечено присутствие представителей другой этнической принадлежности); ЭМ – «европеоидные метисы» (потомки от смешанных браков кетов с русскими, украинцами и пр.); ММ – «монголоидные метисы» (потомки от смешанных браков кетов с селькупам, эвенками); ОК – «общая кетская популяция», включающая группы «этнически чистых» кетов, «европеоидных» и «монголоидных» метисов кетов

Авторы выражают искреннюю благодарность В. П. Вибе, Т. Г. Дужак, А. В. Бгатову, Т. Ю. Баймак, А. В. Пепеляеву за участие в сборе первичного материала и обработке полученных данных.

Примечания

- ¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
- ² Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.
- ³ Балановская Е. В., Рычков Ю. Г. Этническая генетика: этногеографическое разнообразие генофондов мира // Генетика. 1990. Т. 26. № 1. С. 114.
- ⁴ Рычков Ю. Г., Яцук Е. В. Генетика и этногенез // Вопр. антропологии. 1980. Вып. 60. С. 23–39.
- ⁵ Рычков Ю. Г., Яцук Е. В., Веселовская Е. В. Генетика и этногенез (о генетической преемственности систем коренного населения Северной Азии и Америки) // Вопр. антропологии. 1982. Вып. 69. С. 3–18.
- ⁶ Алтухов Ю. П. Генетические процессы в популяциях. М., 1989.
- ⁷ Курбатова О. Л., Победоносцева Е. Ю. Генетико-демографические процессы в многонациональных популяциях // Успехи современной генетики. М., 1996. Вып. 20. С. 38–61.
- ⁸ Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М., 1956.
- ⁹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Труды Ин-та этнографии АН СССР. М., 1960. Т. 55; Карафет Т. М., Посух О. Л., Осипова Л. П. Популяционно-генетические исследования коренных жителей сибирского севера // Сибирский экологический журнал. 1994. Т. 1. № 2. С. 113–127.
- ¹⁰ Гурвич И. С. Юкагирская проблема в свете этнографических данных // Юкагиры (историко-этнографический очерк) / Под ред. А. П. Окладникова. Новосибирск, 1975. С. 12–83.
- ¹¹ Гурвич И. С. Была ли известна юкагирам экзогамия? // Сов. этнография. 1969. № 2.
- ¹² Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1992.
- ¹³ Посух О. Л. Генетико-демографическое изучение популяций эвенов и юкагиров Якутии. Автореф. дис. канд. биол. наук. Новосибирск, 1991; Посух О. Л., Осипова Л. П., Кашиная Ю. О. и др. Особенности генофонда русских староверов Сибири на основе изучения полиморфизма групп крови, изоферментов и сывороточных белков // Генетика. 1998. Т. 34. № 4. С. 535–543.
- ¹⁴ Для построения «карты» использовался метод Г. Харпендинга и Т. Дженкинса: *Harpending H. C., Jenkins T.* Genetic distances among Southern African populations // *Methods and theories of anthropological genetics*. Albuquerque: Univ. New Mexico Press, 1973. P. 177–199.

- ¹⁵ Посух О. Л. Указ. соч.
- ¹⁶ Посух О. Л., Вибе В. П., Сукерник Р. И. и др. Генетическое и экологическое изучение коренных жителей северо-востока Сибири. Сообщение IV. Генофонд и генетическая структура трех современных популяций эвенов Якутии // Генетика. 1990. Т. 26. № 9. С. 1628–1636.
- ¹⁷ Sukernik R. I., Lemza S. V., Karaphet T. M., Osipova L. P. Reindeer Chukchi and Siberian Eskimos: studies on blood groups, serum proteins, and red cell enzymes with regard to genetic heterogeneity // Amer. J. Phys. Anthropol. 1981. Vol. 55. P. 121–128.
- ¹⁸ Karaphet T. M., Sukernik R. I., Osipova L. P. and Simchenko Yu. B. Blood groups, serum proteins and red cell enzymes in the Nganasans (Tavghi) – reindeer hunters from Taimir Peninsula // Amer. J. Phys. Anthropol. 1981. Vol. 56. № 2. P. 139–145.
- ¹⁹ Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1978.
- ²⁰ Алексеенко Е. А. Кетская проблема // Этногенез народов Севера / Под ред. И. С. Гурвича. М., 1980. С. 118–140; Алексеенко Е. А. Кеты // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 99–117; Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика / Под ред. Е. А. Алексеенко. Л., 1982.
- ²¹ Кривоногов В. П. Русскоязычные метисы // Народы Сибири: Права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 148–161; Кривоногов В. П. Кеты на пороге III тысячелетия. Красноярск, 1998.
- ²² Потатов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Указ. соч. С. 398–406.
- ²³ Шнейдер Ю. В., Тихомирова Е. В., Шильникова И. Н. Материалы по изучению генофонда народов России и сопредельных стран: Русское население Тверской области // Генетика. 1994. Т. 30. № 3. С. 419–427; Посух О. Л., Осипова Л. П., Кашиная Ю. О. и др. Генетический анализ структуры популяции южных алтайцев пос. Мендур-Соккон (Республика Алтай) // Генетика. 1998. Т. 34. № 1. С. 106–113.
- ²⁴ Шнейдер Ю. В., Тихомирова Е. В., Шильникова И. Н., Рычков Ю. Г. Генетический полиморфизм и геногеография коренного населения Уральского региона. I. Генетическая структура народов Уральского региона // Генетика. 1995. Т. 31. № 4. С. 560–572; Осипова Л. П., Посух О. Л., Ивакин Е. А. и др. Генофонд коренных жителей Самбургской тундры // Генетика. 1996. Т. 32. № 6. С. 830–836.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Осипова Л. П., Посух О. Л., Ивакин Е. А. и др. Генофонд коренных жителей Самбургской тундры...
- ²⁷ Sukernik R. I., Osipova L. P., Karaphet T. M., Abanina T. A. Studies on blood groups and other genetic markers in forest Nentsi: variation among the subpopulation // Hum. Genetics. 1980. Vol. 55. № 3. P. 397–404.
- ²⁸ Karaphet T. M., Sukernik R. I., Osipova L. P. and Simchenko Yu. B. Blood groups...
- ²⁹ Посух О. Л. Генетико-демографическое изучение популяций эвенов и юкагиров Якутии...
- ³⁰ Посух О. Л., Вибе В. П., Сукерник Р. И. и др. Генетическое и экологическое изучение коренных жителей северо-востока Сибири...
- ³¹ Sukernik R. I., Lemza S. V., Karaphet T. M., Osipova L. P. Reindeer Chukchi and Siberian Eskimos: studies on blood groups, serum proteins, and red cell enzymes with regard to genetic heterogeneity // Am. J. Phys. Anthropol. 1981. Vol. 55. P. 121–128.
- ³² Посух О. Л., Осипова Л. П., Кашиная Ю. О. и др. Генетический анализ структуры популяции южных алтайцев пос. Мендур-Соккон (Республика Алтай) // Генетика. 1998. Т. 34. № 1. С. 106–113.

В. Г. Логинов
(г. Екатеринбург)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА*

Приполярная перепись 1926–1927 гг. выявила в примерных границах Ханты-Мансийского АО (Березовский, Кондинский, Самаровский и Сургутский районы по административному делению на 1.01.1927 г.) 15 105 человек представителей малочисленных народов Севера. С момента этой переписи можно проследить динамику численности коренного населения округа (табл. 1).

* Статья подготовлена при финансовом содействии гранта РФФИ, проект № 00-06-80257.

Таблица 1

Динамика общей численности населения и малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского АО

Показатель	1926–1927 гг.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.
Всего населения, человек	36 886	92 900	123 926	271 157	570 763	128 236	1 383 500
В том числе МНС*	15 105	18 841	17 929	19 846	18 378	19 598	28 400
Удельный вес МНС, %	41	20	15	7,3	3,2	1,5	2,0

* Малочисленные народы Севера

Следует отметить, что в настоящее время учет численности народов Севера в округе ведут: Комитет по вопросам малочисленных народов Севера, имеющий свой банк данных на основе созданного регистра национального населения, Окружное территориальное медицинское управление по своим каналам и Комитет гос. статистики Ханты-Мансийского АО (учет сельского населения на основе хозяйственных книг сельских и поселковых администраций). В связи с этим имеются некоторые различия как в численности коренного населения в целом по округу, так и по городской и сельской местности.

Вплоть до начала 1990-х гг. количество малочисленных народов Севера оставалось стабильным, что обусловило на фоне быстрого роста населения округа, особенно в 1970–1980-е гг., неуклонное снижение их доли в общей численности населения округа с 41 % в 1920-е гг. до 1,5 % в 1989 г. Наиболее значительные изменения в численности коренных народов округа произошли в первой половине 1990-х гг., когда наблюдался быстрый рост малочисленных народов Севера (табл. 2).

Таблица 2

Изменение численности МНС по районам Ханты-Мансийского АО (человек)

Районы	1989 г.	1995 г.	1995 г. в % к 1989 г.	Прирост			Удельный вес, %
				общий	естеств.	искусст.	
Белоярский	2 007	2 675	133	+668	+202	+466	17,4
Березовский	4 316	6 018	139	+1 702	+400	+1 302	21,6
Кондинский	2 947	4 660	158	+1 713	+391	+1 322	28,4
Нижне-Вартовский	1 611	2 106	131	+495	+98	+397	18,9
Октябрьский	1 316	1 857	141	+541	+47	+494	26,6
Сургутский	2 497	2 650	106	+153	+267	–	–
Ханты-Мансийский	1 049	1 484	141	+435	+111	+324	21,8

Увеличение численности аборигенного населения по районам округа в этот период было вызвано главным образом искусственными причинами, так как оно шло в результате смены национальности, в связи со льготами, которые получили представители коренных народов. В общем приросте населения естественный прирост за период 1989–1994 гг., когда отмечался интенсивный рост численности коренных народов, составил от 8,7 % в Октябрьском районе до 30,2 % в Белоярском. Исключение – Сургутский район, где весь прирост населения был обеспечен за счет естественного. Доля искусственного прироста аборигенного населения в его общей численности по административным районам была определена на основе предложенного нами коэффициента метисации, представляющего собой величину удельного веса лиц, поменявших национальность на коренную в связи с получением дополнительных льгот для малочисленных народов Севера.

В результате данного процесса произошел размыв этнической целостности коренных народов, так как значительная часть их представителей (от 17,4 до 28,4 % от общей численности) до этого времени не отождествляла себя таковыми.

Несмотря на небольшую численность и незначительный удельный вес в населении, народы Севера широко расселены по территории округа. В сельском населении отдельных районов они занимают значительный удельный вес, например в Березовском районе – 35,7 %, в Белоярском районе – 26,7 %. Из 173 сельских населенных пунктов округа (на 1.01.2000 г.) представители народов Севера не проживали лишь в 17.

Сельские населенные пункты в настоящее время являются базовыми в развитии традиционных отраслей хозяйства. Высокий удельный вес национального населения позволил сохранить здесь традиционный образ жизни и культуру северных народов. Именно в этих поселениях сосредоточена наиболее здоровая в нравственном и физическом плане часть хантов, манси и ненцев: они в значительно меньшей степени подвержены алкоголизации, люмпенизации и метисации, чем проживающие совместно с пришлым населением представители народов Севера в крупных поселках и городах.

В округе к ним относятся следующие территории районов проживания малочисленных народов Севера: Белоярский район – Казымская и Полноватская территории;

Березовский район – территории сельских и поселковых администраций за исключением поселков Светлый, Приполярный, Хулимсунг, рабочих поселков Березово и Игрим;

Кондинский район – Кондинская, Алтайская и Карымская территории;

Нефтеюганский район – Лемпинская территория;

Нижневартовский район – территории Б.-Ларьякской, Корликовской, Аганской и Варьеганской сельских администраций;

Октябрьский район – Б.-Атлымская и Нижнеарыкарская территории;

Сургутский район – территории Русскинской и Угутской администраций;

Ханты-Мансийский район – Назымская и Согомская территории.

По данным ежегодного учета сельского населения округа, на 1.01.2000 г. из общего числа представителей малочисленных народов Севера в пунктах с населением до 300 тыс. жителей проживали 3 057 человек (18,9 %), в населенных пунктах от 300 до 500 жителей – 2 210 (13,6 %), от 500 до 1 000 – 3 976 (24,5 %), в крупных поселениях свыше 1 000 жителей – 6 965 человек (43 %).

Следует отметить, что такая градация в отдельных случаях является довольно условной, так как население, особенно ведущее кочевой образ жизни или проживающее на отдаленных стойбищах и в юртах, может быть приписано к крупным населенным пунктам (например, кочующее население Русскинской сельской администрации приписано к д. Русскинская – 1 497 жителей). Сказанное относится и к проживающим на родовых угодьях в мелких поселениях в лесу, общее количество которых составляет 2 522 человека (17,7 % от численности сельского населения и 9 % от общей численности народов Севера в округе).

Большая часть данной категории населения (70 %) проживает на территории Сургутского района – 1 785 человек, в Нижневартовском районе – 411, в Белоярском – 197, в Нефтеюганском – 53, в Ханты-Мансийском – 46, в Березовском – 30 человек. Помимо этого 106 человек постоянно находятся в 14 оленеводческих бригадах (Белоярский и Березовский район – 76 и 30 человек соответственно). По информации Комитета по вопросам малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского АО на родовых угодьях (т. е. вне населенных пунктов) на 1.01.2000 г. проживали 3 443 человека (21 % сельского национального населения).

Исторически сложившаяся система расселения коренных народов за последнюю четверть века претерпела значительные изменения, обусловленные главным образом разработкой природных ресурсов и урбанизацией территории округа, что вольно или невольно способствовало увеличению числа горожан среди хантов, манси и ненцев за счет миграции сельских жителей во вновь появившиеся города и рабочие поселки.

Вследствие этого шел процесс постепенного сокращения абсолютного числа и удельного веса сельского населения, доля которого в округе уменьшилась с 97 % в 1939 г. до 65 % в 1989 г., абсолютная численность за этот период сократилась с 18,4 до 12,8 тыс. человек. В целом по округу удельный вес городских жителей среди народов Севера в 1979 г. составил 24,1 %, в 1989 г. – 34,6, на начало 1999 г. – 43,0 %.

Так как в этом процессе большую активность проявляло женское население (в силу более высоко-го, чем у мужчин, образовательного уровня, возможности найти приемлемую работу и устроить свою судьбу), изменилось соотношение полов как в местах традиционного проживания коренного населения, так и в городских поселениях.

В городах округа в наиболее активном трудовом возрасте (16–39 лет) в настоящее время доля женщин составляет 60 % и выше от общего числа проживающих здесь представителей коренных национальностей.

По данным Окружного территориального медицинского управления, возрастная структура выглядела следующим образом (на 1.01.2000 г.): общая численность коренного населения составила 27 886 человек, из них численность детей до 16 лет – 10 559 человек (38,2 %), школьников – 5 770 человек, в том числе 1 221 человек (21,2 %) – учащиеся в интернатах. Население в трудоспособном возрасте и старше насчитывает 17 157 человек, в том числе 3 477 человек (20,3 %) – пенсионеры по возрасту и другим причинам, 564 человека – инвалиды, из них 162 человека – дети до 16 лет. Численность женщин среди взрослого населения составляла 8 263 человека (48,2 %), из них 5 988 человек – фертильного возраста.

На протяжении последней четверти века естественный прирост малочисленных народов, проживающих на территории округа, был положительным (табл. 3).

Таблица 3

Динамика демографических процессов в целом по округу (промилле)

Год	Уровень рождаемости		Уровень смертности		Младенческая смертность		Естественный прирост	
	всего	МНС	всего	МНС	всего	МНС	всего	МНС
1980	21,7	28,8	6,5	14,7	25,7	48,1	15,2	14,1
1990	16,7	30,4	4,1	10,5	17,0	32,9	12,5	19,7
1994	11,3	19,8	7,5	13,5	16,1	35,6	3,8	6,3
1995	10,5	17,3	6,6	12,1	21,1	48,6	4,0	5,2
1996	10,5	16,6	6,9	12,5	16,1	22,9	3,6	4,1
1997	10,8	18,9	6,2	14,0	12,6	49,8	4,6	4,9
1998	11,3	20,4	6,6	13,4	12,0	36,3	4,7	7,0
1999	10,9	17,2	6,1	10,3	11,7	20,0	4,8	6,9

Снижение рождаемости и повышение смертности среди коренного населения округа в первой половине 1990-х гг. было обусловлено условиями переходного периода, спадом производства в традиционных отраслях хозяйства, ростом безработицы и другими причинами. Во второй половине 1990-х гг. уровень общей смертности на некоторых территориях округа превышал уровень рождаемости. Депопуляционные процессы могут проявляться в отдельные годы и в ближайшей перспективе. По-прежнему сохраняется высокий уровень детской смертности, который в разные годы от 2 до 4 раз превышал данный показатель в целом по округу. Структура смертности по возрастам представлена в табл. 4. Более 50 % смертей среди коренного населения приходится на население в трудоспособном возрасте.

Таблица 4

Структура смертности по возрасту, %

Возраст, лет	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	В среднем 1996–1999 гг.
До 1 года	3,4	8,0	5,5	3,2	5,0
1–14	3,0	3,1	4,1	4,7	3,7
15–19	4,4	2,4	4,1	2,5	3,3
20–39	33,0	33,1	17,4	31,0	28,6
40–59	37,0	39,4	34,8	22,3	33,4
60 и старше	19,2	14,0	34,3	36,3	26,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
20–50	50,8	56,0	32,2	44,9	46,0
20–55	60,3	65,0	42,0	48,9	54,0

В целом по данным табл. 4 трудно выявить изменение сложившейся тенденции в структуре возрастной смертности малочисленных народов Севера, этому не способствует и краткость временного периода. Однако следует отметить происшедшее в последние два года снижение не только удельного веса, но и абсолютных показателей в возрастной категории 20–55 лет и соответственно повышение доли старшей возрастной группы.

Со второй половины 1990-х гг. в целом по национальному населению наметилось незначительное увеличение естественного прироста, с 1997 г. идет процесс снижения младенческой смертности.

Высокий удельный вес умерших по причине несчастных случаев среди малочисленных народов Севера отмечался и в предыдущие годы, однако он нивелировался высоким уровнем рождаемости, что обуславливало положительный прирост населения. Снижение рождаемости в последние годы привело в отдельных сельских населенных пунктах к отрицательному естественному приросту среди малочисленных народов Севера. Это было выявлено нами в результате исследований, проводившихся в 1997–1999 гг. в Березовском, Кондинском и Сургутском районах округа.

Негативные социально-демографические явления обусловили рост социально-неблагополучных семей (в целом по округу таких 442), отмечено большое число неорганизованных детей и подростков (16,4 % от их общей численности) и детей-сирот.

В отличие от других этносов изменение численности народов Севера зависит не только от естественного воспроизводства и миграции населения, но и от факта выбора национальной принадлежно-

сти детей, родившихся в этнически смешанных семьях. Влияние последнего фактора ощущается тем сильнее, чем меньше этнос и больше доля национально-смешанных браков.

Появление молодых холостых мужчин в районах проживания малочисленных народов Севера способствовало росту этнически смешанных семей, так как женщины коренной национальности предпочитали и предпочитают брак с молодыми людьми другой национальности. Зачастую этот брак не регистрируется, что обуславливает высокий уровень внебрачной рождаемости.

Этот процесс охватил всю территорию проживания народов Севера, различия наблюдаются только в его интенсивности. В настоящее время этнически чистыми остаются только семьи кочевого населения и немногочисленных мононациональных поселений, главным образом на территории Сургутского района. В связи с активизацией контактов с другими народами нашей страны, ростом культурного и образовательного уровня подрастающего поколения эти процессы имеют тенденцию к расширению, что способствует ассимиляции малочисленных народов Севера.

В настоящее время в поселках, где совместно проживают представители коренного и пришлого населения, удельный вес этнически смешанных семей составляет до 50 % и выше от общего числа семей малочисленных народов Севера в этих пунктах.

Наибольший удельный вес таких семей среди административных районов округа отмечается в Кондинском районе. Здесь также наблюдается самая высокая доля (как и абсолютное число) лиц, поменявших прежнюю национальность на коренную.

Самоидентификация национальной принадлежности лиц, родившихся в межэтнических семьях, зачастую является формальной. В частности, это обычно стимулируется стремлением пользоваться официально предоставляемыми народам Севера льготами и материальной поддержкой.

Несовершенство способов оказания помощи и предоставления льгот в современных условиях отмечают многие исследователи, нередко отмечают серьезные негативные стороны, порождая социально-психологические драмы маргинальных личностей, закрепляющие иждивенческую психологию у некоторой части лиц из коренных национальностей, а также вносящие известный разлад в межэтнические отношения.

Процесс национальной самоидентификации, хотя и не оказывает уже влияния на изменение численности малочисленных народов Севера, продолжается и в настоящее время. Так как дети, появившиеся на свет в этнически смешанных семьях, уже определились в своей принадлежности к коренной национальности, основными претендентами на смену национальности являются лица, чьи дедушка или бабушка являлись по паспорту манси или ханты. При этом они проходят сложную юридическую процедуру – на первом этапе необходимо изменить национальность своих родителей, которые считали себя русскими или представителями другой некоренной национальности, и только затем они могут получить статус манси или ханты. Таким образом, смена национальности наряду с естественным воспроизводством населения и миграцией является одним из факторов изменения численности малочисленных народов Севера в округе.

На перспективную численность коренного населения округа окажет влияние существующий в настоящее время режим его воспроизводства: высокий уровень общей смертности и относительно низкий уровень рождаемости. На изменение уровня рождаемости населения будет оказывать влияние сложившаяся в предшествующий период времени половозрастная структура населения, главным образом число женщин в наиболее активном детородном возрасте (20–29 лет), на который приходится более половины всех рождений. Высокий уровень рождаемости среди коренного населения в 1980-е гг. в ближайшее десятилетие обусловит увеличение числа женщин в этой возрастной группе, что будет способствовать росту общей рождаемости. В случае сохранения тенденции высокой смертности по причине несчастных случаев будет отмечен высокий уровень общей смертности. В целом сложившаяся демографическая половозрастная структура населения позволит в перспективе обеспечить только его простое воспроизводство.

Теоретически на изменение численности коренного населения может повлиять и изменение в законодательстве, например отмена льгот для коренных жителей, что может обусловить обратный процесс в смене национальностей. Но это маловероятно, так как на федеральном и региональном уровнях особый статус коренных малочисленных народов закреплен принятыми нормативно-правовыми актами. Это касается не только нашей страны, но и всего мирового сообщества. Приняты важнейшие правовые документы в отношении народов, ведущих племенной и кочевой образ жизни, такие как Международная конвенция № 169 Международной организации труда (МОТ) (1989 г.), ратифицированная рядом государств, Декларация Кари-Ока и Хартия аборигенных народов мира (1992 г.).

Д. Д. Нимаев
(г. Улан-Удэ)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ БУРЯТСКОГО ЭТНОСА

О положении, в котором сейчас находится бурятский этнос, его традиционная культура и язык, написано уже много и с разных позиций¹. В последнее время в Бурятии развернулось активное движение за возрождение национальной культуры и языка. О каких-либо коренных переменах в этой сфере пока говорить не приходится. Но проблемы в этом направлении обозначились достаточно четко: отсутствие необходимого навыка работы в новых условиях, недостаточное финансирование, нехватка квалифицированных кадров, учебно-методической литературы и т. д. Несмотря на самоотверженные усилия со стороны работников Министерств культуры, образования и других учреждений, все это дело пушено на самотек, держится на энтузиазме отдельных людей.

Имеется, на наш взгляд, и другое объяснение сказанному. Как всем известно, после упорного, но непродолжительного периода перемен в сторону демократизации и гласности в обществе, грянула новая «революция» (или «контрреволюция») со всеми вытекающими последствиями. Перед каждым рядовым членом общества встала проблема элементарного выживания. Как говорится, уже не до высоких материй. Подобный прагматизм в мышлении и поведении² в основном обусловлен тем, что основные элементы традиционно-бытовой культуры, взращенные в недрах патриархально-родового строя, оказались не в состоянии удовлетворять интересы представителей современного общества как в плане материальных потребностей, так и духовных запросов.

К тому же необходимо учесть, что для эффективного осуществления комплекса мер в этом направлении необходимы соответствующие условия. Например, касаясь путей и перспектив развития бурятского этноса, ряд исследователей ратует за «центральноазиатскую стратегию развития», т. е. за возрождение принципов древней самобытной цивилизации, основанной преимущественно на идеях культурного релятивизма, за всемерное внедрение старомонгольского письменного языка и т. д.³ А для решения этой задачи необходимо, во-первых, углубление и расширение связей с населением Монголии, во-вторых, регулярное общение с народами и странами Центральной и Восточной Азии. Как можно убедиться, подобные предложения, несмотря на их обоснованность, могут быть восприняты на данном этапе лишь в качестве общих рекомендаций, рассчитанных на благоприятную перспективу, например на коренную переориентацию культурно-национальной политики государства не только в рамках Республики Бурятия, но всей Российской Федерации в целом. То же самое можно утверждать и в отношении Концепции правового обеспечения культурной деятельности в Республике Бурятия, разработанной проектно-аналитической группой под руководством В. А. Гуружапова в 1992 г.⁴ Вместе с тем такого рода изыскания были вполне закономерны и уместны в начале 1990-х гг. – в то время, когда только нащупывались пути и методы деятельности в новых условиях, и значимость их в смысле определения некоторых принципиальных ориентировок и методологических установок трудно переоценить.

Нет необходимости доказывать то очевидное положение, что плодотворная реализация любой программы действий предопределяется точным и объективным анализом конкретной обстановки. Основные причины и обстоятельства, которые привели к сложившейся ситуации в отношении бурятского этноса, в целом хорошо известны: утрата традиционных этнических связей; осуществляемый в годы советской власти курс на всемерную индустриализацию, коллективизацию, интернационализацию; политические репрессии; территориально-административное раздробление этноса в 1937 г.; неоправданная реформа в сфере преподавания бурятского языка в начале 1970-х гг. и т. д. Однако здесь важно попытаться выявить конкретные результаты, оценить глубину и степень обратимости (или необратимости) последствий каждого из названных факторов.

На наш взгляд, в настоящее время буряты в своем этнокультурном развитии весьма далеко отошли от исконных этнических истоков, поэтому попытки масштабной реанимации элементов традиционной культуры и восстановления былых общественных функций родного языка сопряжены с трудно преодолимыми препятствиями, если они вообще состоятельны. Многое обусловлено тем, что индустриализация, урбанизация, процесс интернационализации, унификации культуры – явления объективные, закономерные, происходящие во всем мире. Положение усугубляется тем, что процесс интернационализации, особенно в советский период, являлся внедрением культуры преимущественно западного образца, культуры чуждой по духу и содержанию для аборигенного населения Сибири.

Еще одна специфическая особенность – жизнедеятельность бурятского этноса осуществляется в условиях численно преобладающего иноэтнического окружения. Такая этнически неблагоприятная обстановка начала складываться в результате административной реформы 1937 г. Если по данным переписи 1926 г. доля бурят по отношению к численности всего населения республики составляла 44 %, то в 1939 г. – только 21 %. Для сравнения можно привести аналогичные показатели по некоторым другим народам Восточной Сибири, где этноязыковая ситуация выглядит в целом вполне благополучной. Так, по данным переписи 1979 г. якуты составляли 46,4 % от численности всего населения Якутии, тувинцы – 57 % всего населения Тувы.

Одним из существенных факторов, объективно препятствующих процессу возрождения элементов традиционной культуры и, в частности, языка бурят, является их территориально-административная разобщенность, сохранение все еще заметных локально-диалектных различий. В сложившейся ситуации наиболее эффективно функционировать способны только те компоненты, которые соответствуют интересам и запросам преобладающей части населения. Поэтому в ситуации, когда литературный бурятский язык еще не сумел стать общенациональным и когда практически все бурятское население владеет русским в качестве второго языка, именно последний выступает средством общения между представителями разных территориально-этнографических групп. Более того, в настоящее время порой создается ощущение, что одновременно с общим подъемом чувства национального самосознания, ростом интереса к истокам своей этнической истории складываются благоприятные предпосылки и для усиления центробежных устремлений – консолидация по родоплеменным признакам, интенсивное строительство дацанов, дуганов в каждой местности, проведение массовых празднеств Цагалгана по принципу принадлежности к тому или иному району и др.

В свете сказанного неизбежно возникает вопрос о возможных путях и перспективах дальнейшего развития бурятского этноса. Наиболее реальными представляются два основных, но не взаимоисключающих друг друга варианта. Первый – следование в русле тех процессов, которые происходили на протяжении, по крайней мере, всего прошлого столетия – дальнейшая интернационализация, унификация культуры с преимущественным внедрением элементов западного образца, активное приобщение к достижениям современной науки и техники, условиям рыночной экономики. Иными словами, буряты, утратив все основные компоненты традиционной культуры и вытеснив родной язык из сферы активного обихода, переходят на качественно новую стадию этнического развития. Главным и, вероятно, единственным этнодифференцирующим показателем останется этническое самосознание и соответствующее тому самоназвание.

Второй вариант развития условно можно обозначить как «центральноазиатский». Этот путь, безусловно, более сложный, трудоемкий, требующий известных материальных издержек, так как связан с преодолением достаточно мощной инерции прошлых лет. Здесь очень важно прежде всего определить в отношении того, что еще можно и важно сохранить и развить нам из традиционного культурного наследия, что и каким образом приспособить к современным условиям. При этом необходимо учесть, что степень утраты элементов традиционной культуры и языка далеко не одинакова среди разных территориально-этнических групп. Диаметрально противоположна, например, в этом отношении ситуация в двух автономных округах – Агинском и Усть-Ордынском. Весьма различной выглядит этническая ситуация и в разных районах Бурятии. Особняком стоят те буряты, которые находятся за пределами какого-либо территориально-административного образования.

Думается, что выбор того или иного пути развития во многом будет определяться такими категориями, как внутренний, духовный потенциал нации, ее этнический менталитет и психология. В этой связи уже высказывалось, например, мнение о том, что «под влиянием идеологии и новой мифологии социалистической нации у целых поколений бурят сформировался менталитет титульной нации и, как следствие, особое отношение к государственности и своему положению в ней», что привело к «приглушению чувства страха перед опасностью денационализации и стремления к самосохранению себя как этноса»⁵ Другие исследователи склонны рассматривать современное состояние и перспективы развития бурят с несколько иных позиций. Согласно такому видению, бурятский этнос, несмотря на «значительную глубину и масштабность» происходящих преобразований, «сохранив всю этничность, ...находится на фазе пассионарного подъема, ...на этапе дальнейшего цивилизационного роста»⁶ В то же время «этнос в лице своих лидеров, идеологов должен сознавать, что он находится в русле общих интеграционных процессов, что ему не уйти от дальнейшего влияния индустриальной цивилизации со всеми ее последствиями, ...будет актуализация социокультурных мотивов, ценностей и санкций для формирования индивидуальной идентичности, а не этнической»⁷

Реальность и правомерность подобных умозаключений, очевидно, подтверждает время. Разумеется, этнические процессы развиваются согласно своим объективным законам, но, как свидетельствуют исторические факты, роль человеческого, личностного фактора в них бывает весьма ощутимой, а порой и определяющей. В целом не приходится сомневаться в наличии в Бурятии достаточного потенциала – и материально-технического, и интеллектуального. Требуется более четкая и полная коорди-

нация сил и средств, выбор конкретных и приоритетных направлений деятельности на основе точной информации о состоянии этноса. Приведем некоторые результаты оценки демографических процессов среди бурят⁸, позволяющие охарактеризовать в общих чертах этническую ситуацию. За предыдущие несколько десятилетий наблюдался неуклонный рост численности бурят. Например, с 1959 по 1989 г. их численность увеличилась на 66,5 %. Правда, как показали результаты микропереписи населения Республики Бурятия в 1994 г., намечилось, причем довольно ощутимое, снижение естественно-го прироста бурят.

В последние десятилетия советского периода прослеживалось, возможно и не очень заметная внешне, тенденция к возрастанию доли выезжающих на постоянное жительство за пределы территории исконного проживания бурят. Так, если в 1959 г. на территории Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей проживало 97,3 % всех бурят страны, то в 1970 г. – 96,4, в 1979 г. – 95, в 1989 г. – 93,5 %. По данным 1989 г., бурят проживало: в Якутии – 8 471 человек, Магаданской области – 1 579, Красноярском крае – 1 463, Москве – 1 496, Туве – 570 человек. Однако есть основание предполагать сокращение данного потока за последнее десятилетие. Появились признаки возвратной этнической миграции.

Следующая тенденция более очевидна – это движение бурят из соседних областей Республики Бурятия. С одной стороны, свидетельствует тому – неуклонное повышение доли бурятского населения в республике. Если в 1959 г. доля бурят в республике равнялась 20 %, то в 1989 г. – 25, а в 1994 г. – 28,6 %. По-видимому, отмеченный факт нельзя объяснить только за счет более высокого уровня естественного прироста бурятского населения. Другое подтверждение сказанному – снижение доли проживающих в соседних областях бурят относительно к их общей численности. Так, если в 1959 г. в Иркутской области проживало 27,9 % от общей численности бурят, то в 1979 г. – 20,2, в 1989 г. – 18,4 %. Правда, по Читинской области ситуация в этом отношении выглядит более стабильной: в 1958 г. – 15,8 %, в 1979 г. – 16, в 1989 г. – 15,8 %. Отмеченное обстоятельство, очевидно, свидетельствует не только о сравнительно небольшом количестве эмигрантов из Читинской области, но и об относительно высоких темпах естественного прироста среди местного бурятского населения.

По Иркутской области одновременно наблюдалось сокращение доли бурят по отношению к численности населения всего региона – от 3,2 % в 1970 г. до 2,7 % в 1989 г. Если за рассматриваемый период прирост населения области в целом составил 22,1 %, то у бурятского населения – 5,4 %. Своеобразная картина наблюдалась по Усть-Ордынскому автономному округу. С одной стороны, доля бурятского населения здесь последовательно увеличивалась: 1970 г. – 32,7 %, 1979 г. – 34,5, 1989 г. – 36,3 %. Однако такое положение складывалось на фоне отрицательного прироста населения округа в целом – 148 тыс. человек в 1970 г. и 136 тыс. человек в 1989 г., т. е. 8,1 %. Чистый прирост бурятского населения округа составил всего 2,1 %, что существенно уступает аналогичному показателю среди бурят, проживающих вне округа и имеющих прирост 12,0 %.

Вырисовывается весьма показательная этнодемографическая картина в регионе, если ее рассматривать в несколько ином хронологическом срезе. Так, с 1959 по 1979 г. прирост бурят по округу составил 1,1 %, а внеокружное бурятское население за этот период увеличилось всего на 11 человек, т. е. составило практически нулевой прирост. А в период с 1970 по 1979 г. прирост бурятского населения оказался отрицательным: 3,8 % по области и 5,9 % по округу. Поскольку нет оснований говорить о каких-либо катаклизмах в естественном приросте местных бурят за рассматриваемый период, постольку остается ссылка на миграцию населения. Основная масса выезжающих, согласно статистике, пришлось на жителей округа, при этом миграционный поток распределялся по двум направлениям: а) остальная часть Иркутской области; б) Бурятская АССР. Характерно, что эмигранты в основном оседают в крупных городах, где имеются соответствующие условия для их трудоустройства и жизнеобеспечения. А причины демографического всплеска с 1979 по 1989 г. или, вернее, ослабления эмиграционного оттока населения (8,7 % прироста бурят по области и 9,8 % по округу) требуют специального рассмотрения. Вполне возможна обусловленность данного феномена теми новыми явлениями, которые привнесли начавшаяся перестройка и демократизация общества.

В Читинской области, в отличие от Иркутской, происходило, некоторое увеличение доли бурят по отношению ко всему населению региона: с 4,5 % в 1970 г. до 4,8 % в 1989 г.; по округу эти показатели составили соответственно 50,4 и 54,9 %. Если численность всего населения области за рассматриваемый период выросла на 22,1 %, то численность бурят – на 29, все население округа увеличилось на 17,3, а бурятское – на 27,9 %. Таким образом, вопреки ожиданию демографическая ситуация среди бурятского населения вне округа выглядит вполне благополучной.

Однако картина существенно меняется при рассмотрении этих данных в ином хронологическом ракурсе. Так, с 1959 по 1979 г. численность бурят за пределами округа увеличилась на 20 %, в то время как по округу – на 53 %. Следовательно, ситуация начала меняться с конца 1970-х гг., когда намечился отток в город и поселки городского типа. Это прежде всего такие поселки, как Первомайский, Золоторечинск, Ясногорск, где открывались новые промышленные предприятия и рудники. Например, в Оловянинском районе только с 1979 по 1989 г. бурятское население увеличилось на 23 %.

Вполне очевидным стал факт концентрации бурят в областном центре – Чите: их численность за период между двумя последними Всесоюзными переписями возросла на 53 % (4 626 человек). Таким образом, если раньше наблюдалась отчетливо выраженная тенденция к перемещению бурятского населения области в автономный округ, то с начала 1980-х гг. направление внутриобластной миграции поменялось в обратную сторону.

Подавляющее большинство переселенцев в Бурятию оседает в г. Улан-Удэ. Например, с 1979 по 1989 г. численность бурят здесь увеличилась на 57,3 % (78 697 человек), в то время как по республике в целом – на 20,6 %. За последнее десятилетие поток мигрантов-бурят в Республику Бурятия, по нашим наблюдениям, еще более усилился, а также резко увеличился приток бурятского населения из сельских районов республики. Эти переселенцы, как правило, заселяют окраины г. Улан-Удэ, самовольно застраиваясь при этом по принципу землячества.

Примечания

¹ См., напр.: *Этносоциальные общности* в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. Улан-Удэ, 1989; *Современное положение бурятского народа и перспективы его развития*: Мат-лы научно-практ. конф. Улан-Удэ, 1996. Вып. 2, 3; *Республика Бурятия – государство в составе Российской Федерации* (к 75-летию образования). Улан-Удэ, 1998; *Вернуть название «Бурят-Монголия» – «Буряад-Монгол» нэрье нэргээхэ*. Улан-Удэ, 1998; *Материалы «Круглого стола»* и выездного заседания комитета Народного Хурала Республики Бурятия по международным и региональным связям, национальным вопросам, делам общественных организаций и религиозных объединений по вопросам «О ходе реализации Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия (предпринятые действия, проблемы и пути дальнейшей реализации)». Улан-Удэ, 1999.

² *Урбанова И. С.* Эзотерические знания, проблемы души и пути народа // *Наука и культура региона: концепции развития*. Улан-Удэ, 1993. С. 44.

³ Там же; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Возрождение бурятской народности в контексте развития монгольского мира // *Материалы «Круглого стола»...; Он же.* Бурят-Монголы: История и современность. Улан-Удэ, 2000.

⁴ *Гуружапов В. А.* и др. Концепция правового обеспечения культурной деятельности в РБ // *Наука и культура региона... Улан-Удэ, 1993.*

⁵ *Елаев А. А.* Бурятский этнос: внутренняя структура и государственность // *Современное положение бурятского народа и перспективы его развития*. Улан-Удэ, 1996. Вып. 2. С. 59.

⁶ См.: *Михайлов Т. М.* Национальное самосознание и менталитет бурят // *Современное положение бурятского народа и перспективы его развития*. Вып. 3; *Он же.* Бурятский этнос: история, современность и проблемы // *Материалы «Круглого стола»...*

⁷ *Михайлов Т. М.* Бурятский этнос в свете современных социальных изменений // *Республика Бурятия – государство в составе Российской Федерации... С. 145.*

⁸ Представленные сведения составлены, главным образом, по материалам всесоюзных переписей населения и микропереписи Республики Бурятия в 1994 г.

Г. С. Гончарова
(г. Новосибирск)

ЦЕННОСТИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ У НАРОДОВ ТУВЫ И ХАКАСИИ*

Социально-экономические преобразования, происходящие в России, существенным образом влияют на режим воспроизводства ее населения. Значительно снизились рождаемость и брачность, повысилась смертность, увеличились разводимость, доля незарегистрированных браков и число детей у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке. Эти процессы отрицательно сказываются на семейной структуре населения и способствуют увеличению доли неполных семей, состоящих в основном из женщин с детьми. Изменяются также взгляды и ценностные установки на семью и брак.

Процессы изменения структурных характеристик семьи и появления новых форм семейной жизни в обществе отмечены многими исследователями. Этим процессам присущи заслуживающие внимания региональные и этнические особенности, выражающиеся в разной степени интенсивности изменений семейно-брачных отношений и в разной степени сохранения традиций.

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Институтом философии и права СО РАН совместно с Тувинским госуниверситетом и Хакасским НИИ языка, литературы и истории с целью анализа происходящих изменений и выяснения комплекса причин, оказывающих негативное влияние на семейно-брачные отношения и воспроизводство населения в Республиках Тыва и Хакасия, в 2000 г. было проведено социологическое обследование по анкете «Семья – брак – родители – дети», разработанной нами (руководитель исследования – профессор Ю. В. Попков, соруководители: по Республике Тыва – профессор З. Ю. Доржу, по республике Хакасия – профессор В. Н. Тугужекова). Социологическое обследование проводилось среди тувинцев, хакасов и русских, проживающих в семьях различного типа. В Республике Тыва было опрошено 542 человека (из них 68 % – тувинцы, 28 – русские и 4 % – представители других национальностей), проживающих в 224 семьях, а в Республике Хакасия – 650 человек (59 % – хакасы, 35 – русские и 6 % – представители других национальностей), проживающих в 358 семьях. Цель обследования заключалась главным образом в выявлении тенденций и особенностей изменения семейно-брачных отношений в рамках этнических групп.

Отношение к семейным ценностям основывается на жизненном опыте, который формируется под действием таких основных демографических событий, как брак, развод, рождение детей, и демографических событий, связанных с ближайшим окружением (семья, в которой вырос; семейная жизнь родственников). Существенную роль играют также глобальные и локальные экономические условия, народные традиции.

Важными дифференцирующими факторами в формировании взглядов индивида на семью и брак являются возраст, пол и состав семьи. Отношение к семейным ценностям и браку также тесно связано со структурными характеристиками семьи, прежде всего с количеством поколений в семье и с тем, к какому поколению принадлежит сам индивид. Для подробного анализа взглядов на семью и брак были выделены семейные поколения с учетом наличия родственных связей в семье и возраста. Семейные поколения разделялись на младшее, среднее и старшее. Младшее поколение в основном еще не вступило в брак и не имеет собственного опыта семейной жизни. Его взгляды на семейно-брачные отношения имеют прожективный характер. В среднем и особенно в старшем поколениях практически все имеют опыт семейно-брачной жизни.

Исследование динамики взглядов представителей разных этносов на семейно-брачные отношения – сложная проблема, включающая в себя множество аспектов. В настоящей статье рассматриваются только некоторые из них.

Ценностные ориентации современных женщин. В современных условиях женщина все больше оказывается включенной в общественную жизнь, что ограничивает ее возможности в сфере семейно-брачных отношений. Поэтому важен анализ мнений, касающихся отношений современных женщин к семье и браку, производственной и общественной деятельности. Исследовались мнения женщин и мужчин о ценностных ориентациях современных женщин (женщины о себе и мужчины о женщинах). Вопрос в анкете был сформулирован так: «Как Вы считаете, что наиболее важно для современной женщины?». Было предложено оценить различные стороны жизни, в том числе включающие семейно-брачные отношения. По каждой из характеристик предполагался ответ, учитывающий степень важности («не важно», «не очень важно», «очень важно»). Для анализа были выбраны ответы «очень важно». Такой анализ позволил определить место семейно-брачных ценностей и расставить приоритеты в системе других ценностей, выявить особенности отношений у различных народов к семье и браку (табл. 1).

Таблица 1

Ценностные ориентации современных женщин Тувы и Хакасии, 2000 г. (%)

Считают очень важным	Республика Тыва		Республика Хакасия		Места			
	Тувинцы (Т)	Русские (РТ)	Хакасы (Х)	Русские (РХ)	(Т)	(РТ)	(Х)	(РХ)
Иметь семью	88	78	88	74	1	2	1	1
Иметь детей	84	67	83	61	2	6	2	3
Быть замужем	70	54	57	41	6	7	7	7
Хороший заработок	77	80	76	62	3	1	3	2
Работа	75	78	72	56	4	3	5	4
Получить хорошее образование	72	69	74	52	5	5	4	6
Иметь профессию	65	73	71	55	7	4	6	5
Воспитывать детей не работая и будучи обеспеченной мужем	33	26	38	28	8	8	8	8
Участвовать в бизнесе	26	22	19	17	9	9	9	9
Быть лидером в обществе	19	17	13	12	10	10	10	10
Жить свободно без детей и мужа	7	13	5	10	11	11	11	11

Семья, по мнению тувинцев, хакасов и русских, в Хакасии для современной женщины представляет самую большую ценность. Русские, живущие в Туве, на первое место поставили хороший заработок, на второе – семью. Расхождения не велики (всего 2 %), они могут иметь статистический характер. Поэтому можно считать, что, по мнению русских, для современной женщины одинаково важны семья и хороший заработок.

Дети, по мнению тувинцев, хакасов и русских, в Хакасии в системе ценностей занимают второе место. По мнению русских, в Республике Тыва иметь детей для современной женщины менее ценно, чем хорошую работу, хорошее образование и достойную профессию. Тувинцы и хакасы в большей степени, чем русские, считают очень важным для современной женщины иметь детей (различия составляют 17 и 22 % соответственно). Такое различие во мнениях базируется на традиционных взглядах тувинцев, хакасов и русских на количество детей в семье и согласуется со средними показателями рожденных детей на 1 000 женщин у тувинцев и русских в Туве (2 836 против 1 942), а также у хакасов и русских в Хакасии (2 396 против 1 954), приведенных по материалам микропереписи 1994 г.¹ Замужество в обеих республиках ценится в меньшей степени, чем возможность иметь хороший заработок, работу, хорошее образование и профессию. Отрицание семейно-брачных отношений (желание жить свободно без детей и мужа) в системе ценностей для современной женщины стоит на последнем месте.

Замужество для современной женщины считают очень важным 70 % тувинцев, около половины хакасов и русских, оно занимает 6–7-е место в системе ценностей. Это явление можно считать выходящим за рамки традиционных представлений о семье и браке. Рождение детей и замужество традиционно стояли рядом. Женщины, как правило, стремились выйти замуж, чтобы создать семью и родить детей. Теперь на первом месте стоит семья, затем дети и на последнем месте в системе семейно-брачных ценностей – замужество. Возможно, брак в какой-то мере начинает терять свое значение, связанное с воспроизводством населения. Значительные различия при анализе мнений о ценностных ориентациях современных женщин наблюдаются у разных семейных поколений. В табл. 2 представлены ценности, описывающие семейно-брачные отношения.

Из табл. 2 видно, что различия мнений по поколениям значительные. Иметь семью, детей и быть замужем – важность этих ценностей для современной женщины зависит от поколения, к которому принадлежит респондент: чем младше поколение, тем меньше доля считающих эти ценности очень важными. Исключение составляют русские в Хакасии – их взгляды на семью и наличие детей таковы: чем старше поколение, тем меньше доля считающих эти характеристики очень важными. Можно предположить, что такое отношение у русских старшего поколения сложилось из-за их неблагоприятного положения в семьях. Этот факт требует специального исследования. Вероятнее всего, такое мнение сложилось в последние десятилетия. Снижение ценности брака связано не только с двойной ответственностью женщин перед детьми и мужем, но и с возросшей активностью женщин за пределами семьи.

Таблица 2

Семейно-брачные ценности современных женщин в зависимости от поколения и национальности респондента, 2000 г. (%)

Считают очень важным	Национальность	Семейные поколения			Все
		Старшее	Среднее	Младшее	
Иметь семью	Тувинцы	93	88	82	88
	Хакасы	90	89	73	88
	Русские в Туве	92	75	58	78
	Русские в Хакасии	66	75	77	74
Иметь детей	Тувинцы	90	84	71	84
	Хакасы	92	82	55	83
	Русские в Туве	74	66	58	67
	Русские в Хакасии	50	62	62	60
Быть замужем	Тувинцы	83	69	55	70
	Хакасы	73	54	45	57
	Русские в Туве	63	51	50	54
	Русские в Хакасии	56	39	23	41

Мнения мужчин и женщин о ценностных ориентациях современных женщин имеют существенные различия, связанные с изменяющейся ролью женщины в обществе, стремлением женщины к независимости. Мужчины-тувинцы склонны традиционно видеть женщину в семье, замужней и имею-

щей детей. Это соответствует 1, 2 и 3-му местам. У женщин-тувинок эти ценности занимают 1, 3 и 7-е место. У них на 2-м месте стоит хороший заработок, а замужество – после работы, образования и профессии. Русские мужчины также считают, что для современной женщины очень важны семья и дети, а замужество занимает в системе ценностей 6-е место и стоит после заработка, работы и профессии. Русские женщины семейно-брачные ценности ставят на 5, 6 и 7-е места после заработка, работы, профессии и образования. Если русские мужчины переставили в своих приоритетах только замужество, то у русских женщин семейно-брачные ценности оказались вытесненными полностью.

У тувинцев и русских основные различия в ценностных ориентациях для современных женщин особенно проявляются во взглядах мужчин и женщин на ценности, связанные с производством. Наибольшие различия во взглядах мужчин и женщин на ценностные ориентации современных женщин наблюдаются среди тувинцев по поводу хорошего заработка (21,1 %), работы (17,9), а у русских – относительно возможности получить хорошее образование (24,6), профессию (19,5 %). Женщины в большей степени, чем мужчины, стремятся к независимости и самостоятельности (табл. 3).

Таблица 3

Мужчины и женщины о ценностных ориентациях современных женщин, Тува (%)

Считают очень важным	Тувинцы					Русские				
	Пол		Места		Разли- чие (1)–(2)	Пол		Места		Разли- чие (3)–(4)
	Муж- чины (1)	Жен- щины (2)	(1)	(2)		Муж- чины (3)	Жен- щины (4)	(3)	(4)	
Иметь семью	90,1	86,5	1	1	3,6	83,9	75,0	1	5	8,9
Иметь детей	84,9	82,8	2	3	2,1	69,6	65,6	2	6	4,0
Быть замужем	75,7	66,0	3	7	9,6	57,1	52,1	6	7	5,1
Работа	64,5	82,3	4	4	-17,9	67,9	84,4	4	2	-16,5
Хороший заработок	64,5	85,6	5	2	-21,1	67,9	86,5	3	1	-18,6
Получить хорошее образование	62,5	78,1	6	5	-15,6	53,6	78,1	7	4	-24,6
Профессия	55,9	72,1	7	6	-16,2	60,7	80,2	5	3	-19,5
Воспитывать детей не работая и будучи обеспеченной мужем	38,2	28,8	8	9	9,3	26,8	25,0	8	8	1,8
Участвовать в бизнесе	18,4	30,7	9	8	-12,3	21,4	21,9	9	9	-0,4
Быть лидером в обществе	15,1	21,9	10	10	-6,7	19,6	15,6	10	10	4,0
Жить свободно без детей и мужа	4,6	8,8	11	11	-4,2	8,9	14,6	11	11	-5,7

Мужчины-хакасы тоже хотели бы видеть современную женщину в семье, имеющую детей, но замужество ставят на 6-е место. Они считают, что более важно получить образование, иметь работу и заработок. Женщины-хакаски, так же как и русские, на 1-е место поставили только семью, наличие детей – на 3-е место, а замужество – на 7-е место, после образования, работы и профессии. Русские мужчины, как и мужчины-хакасы, считают наиболее важным для современной женщины иметь семью и детей. Замужество они оценили еще ниже, поставив его на 7-е место.

В Хакасии мужчины и женщины (хакасы) по-разному оценивают участие женщин в производственной деятельности. Наибольшее различие во взглядах наблюдается по поводу хорошего заработка (22,4 %) и профессии (17,6 %). Желание женщин-хакасок иметь профессию и хороший заработок свидетельствует об увеличивающейся социализации женщин и стремлении к экономической независимости (табл. 4).

Женщины в обеих республиках хорошие заработки поставили на 1 и 2-е места. Это косвенно свидетельствует о низком уровне жизни, который искажает ценностные ориентации и отодвигает на второй план такую глобальную ценность, как материнство.

Все женщины поставили замужество на 7-е место. Вытеснение ценности брака у женщин другими социализирующими ценностями вызывает некоторую тревогу. Эта переориентация способствует откладыванию сроков вступления в брак, приводит к снижению брачности и увеличению внебрачной рождаемости. Такие тенденции особенно сильно проявляются в Республике Тыва: в 1998 г. доля детей у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе родившихся² составляла 55 %.

Таблица 4

Мнения мужчин и женщин о ценностных ориентациях современных женщин, Хакасия (%)

Считают очень важным	Хакасы					Русские				
	Пол		Места		Разли- чие (1)-(2)	Пол		Места		Разли- чие (3)-(4)
	Мужи- ны (1)	Женщи- ны (2)	(1)	(2)		Мужи- ны (3)	Женщи- ны (4)	(3)	(4)	
Иметь семью	89,4	87,6	1	1	1,8	74,1	73,2	1	1	0,9
Иметь детей	85,0	81,8	2	3	3,2	61,2	59,9	2	3	1,3
Быть замужем	61,3	53,3	6	7	7,9	43,5	38,7	7	7	4,8
Работа	63,1	79,1	4	5	-16,0	57,6	55,6	4	4	2,0
Хороший заработок	62,5	84,9	5	2	-22,4	58,8	62,7	3	2	-3,9
Получить хорошее образование	66,3	80,0	3	4	-13,8	50,6	52,8	6	6	-2,2
Профессия	60,6	78,2	7	6	-17,6	54,1	54,9	5	5	-0,8
Воспитывать детей не работая и будучи обеспеченной мужем	38,1	38,2	8	8	-0,1	31,8	26,1	8	8	5,7
Участвовать в бизнесе	13,8	22,2	9	9	-8,5	20,0	15,5	9	9	4,5
Быть лидером в обществе	10,0	14,7	10	10	-4,7	15,3	9,2	10	10	6,1
Жить свободно без детей и мужа	6,3	3,6	11	11	2,7	12,9	8,5	11	11	4,5

Мотивы вступления в брак. Снижение ценности замужества по сравнению с возможностью иметь семью и детей может свидетельствовать об изменениях в требованиях к браку и его социальному значению. Анализ мотивов вступления в брак позволит описать ценностные ориентации у различных поколений, национальностей с выделением их приоритетности. Были выделены характеристики, описывающие психологические особенности личности (уход от одиночества, забота и внимание со стороны супругов), экономические условия (материальное и бытовое благополучие), общественные условия (статус, традиции), демографические показатели (здоровье, рождение детей).

В табл. 5 приведены данные, характеризующие мнения тувинцев, хакасов и русских о мотивах вступления в брак.

Из табл. 5 видно, что национальность существенно влияет на мнение о ценностях брака. Только у тувинцев на первом месте стоит рождение детей, у других национальностей самой большой ценностью считается забота и внимание со стороны супруга. Рождение детей стоит на 2-м месте. Вступление в брак русскими и хакасами рассматривается в первую очередь как союз, обеспечивающий психологическую поддержку друг друга. У тувинцев среди характеристик мотивов вступления в брак на последнем месте – уход от одиночества, у русских и хакасов на последнем месте стоят решение жилищных вопросов и материальное благополучие.

Таблица 5

Мнения о мотивах вступления в брак, 2000 г. (%)

Мотив вступления в брак	Республика Тыва			Республика Хакасия		
	Тувинцы	Русские	Всего	Хакасы	Русские	Всего
Рождение детей	82	76	80	82	64	76
Забота и внимание со стороны супруги (а)	76	84	79	90	71	83
Поддержание здоровья	72	59	68	65	36	55
Решение жилищного вопроса	45	28	39	39	21	33
Традиции	43	32	39	36	32	34
Решение бытовых проблем	36	36	36	42	24	36
Материальное благополучие	36	34	35	30	24	28
Уход от одиночества	32	41	35	33	34	33

Мнения по поводу ценности вступления в брак различаются у старшего, среднего и младшего семейных поколений. Особенно явно это отслеживается по таким мотивам, как рождение детей, общественная традиция и уход от одиночества.

Из табл. 6 видно, что доли считающих очень важными эти характеристики у тувинцев, хакасов и русских, проживающих в Туве и Хакасии, уменьшаются от поколения к поколению. Чем моложе семейное поколение, тем меньше считающих эти характеристики очень важными. Младшее семейное поколение по сравнению со старшим в меньшей степени ориентировано при вступлении в брак на

рождение детей. Это видно даже у тувинцев, считающих рождение детей самой высокой ценностью при вступлении в брак.

Снижение по поколениям ценности рождения детей при вступлении в брак вместе со снижением ценности у современной женщины быть замужем при высоких приоритетах иметь детей (2-е место) подтверждает и то, что акценты в функциях брака изменяются. Кроме того, у всех национальностей изменяются представления о браке как общественной традиции в сторону ее ослабления. Особенно заметно это у молодых тувинцев. Уход от одиночества при вступлении в брак старшим поколением ценится выше, чем младшим. Это вполне естественно, так как у старшего поколения с возрастом сужается круг общения.

Таблица 6

Различия мнений о некоторых мотивах вступления в брак по поколениям, (%)

Националь- ность	Семейные поколения	Мотивы вступления в брак		
		Рождение детей	Общественные традиции	Уход от одиночества
Тувинцы	Старшее	92	73	51
	Среднее	81	38	30
	Младшее	73	22	18
	Все	82	43	32
Русские в Туве	Старшее	87	37	39
	Среднее	73	33	44
	Младшее	67	8	17
	Все	76	32	41
Хакасы	Старшее	87	48	43
	Среднее	81	33	31
	Младшее	82	36	18
	Все	82	36	33
Русские в Хакасии	Старшее	59	44	31
	Среднее	66	31	35
	Младшее	54	15	31
	Все	64	32	34

Соотношение ролей мужчины и женщины в семье. По Конституции РФ мужчина и женщина в обществе имеют равные права. Интересно было бы узнать, как эти права реализуются в семьях у различных народов. Вопросы равенства тесно связаны с распределением семейных обязанностей и главенством в семье, соотношением прав и обязанностей, главенства и прав, главенства и обязанностей. Целесообразно отдельно рассматривать права, обязанности и главенство мужчин и женщин в семье, учитывая традиции. Распределение обязанностей и контроль за их выполнением тесно связаны с главенством, так как этот контроль входит в функции главенства. Рассмотрим распределение мнений о семейных ролевых функциях в Республике Тыва, выделив тувинские, русские и этнически смешанные семьи. Анализ по этой сложной, очень интересной проблеме основан на результатах пока одного вопроса в анкете, который был сформулирован следующим образом: «Как Вы считаете, каково положение женщины в Вашей семье?». Варианты возможных ответов по этому вопросу представлены в табл. 7 и 8.

Как видно из табл. 7, в Республике Тыва около 2/3 мужчин и женщин в тувинских, русских и этнически смешанных семьях считают, что у них в семье женщина имеет равные права с мужчиной. В то же время почти 10 % тувинцев и 15 % русских мужчин в этнически однородных семьях традиционно не признают равноправие женщин, считая, что она не имеет прав, у нее только обязанности.

Мнения мужчин и женщин по вопросам о главенстве и контроле над выполнением семейных обязанностей существенно различаются. В тувинских и русских семьях доля мужчин, считающих себя главой семьи, значительно выше, чем доля женщин, признающих это. Мужчины в меньшей степени, чем женщины, связывают главенство с материальным обеспечением семьи, что не соответствует традиционным представлениям о мужчине как добытчике. В этом сказывается влияние происходящих перемен. Мужчины также склонны переоценивать свою роль в контроле над выполнением семейных обязанностей.

Таблица 7

**Распределение ролевых функций мужчин и женщин в однородных
и этнически смешанных семьях в Туве, 2000 г. (%)**

Ролевые функции в семье	Тувинские семьи		Русские семьи		Этнически смешанные семьи	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Женщина имеет равные права с мужчиной	62	70	64	65	65	73
Женщина не имеет прав, у нее только обязанности	9	5	15	9	5	3
Глава семьи – мужчина, а женщина ему подчиняется	33	16	31	18	15	17
Глава тот, кто обеспечивает достаток в семье	19	27	5	17	30	7
В семье распределены обязанности, и женщина контролирует их выполнение	17	27	9	39	15	23
В семье распределены обязанности, и мужчина контролирует их выполнение	15	7	20	11	15	0
«Домостроевские отношения»	57	28	66	38	35	20

В этнически смешанных семьях женщина считает, что у нее больше прав, чем в однородных, и контроль за распределением обязанностей выполняет только она. Мужчины же в таких семьях считают, что контроль за распределением обязанностей осуществляется в одинаковой степени и что глава семьи в основном тот, кто обеспечивает достаток.

Просуммируем ответы тех, кто считает, что женщина не имеет прав, у нее только обязанности или что глава семьи – мужчина, а женщина ему подчиняется, мужчина также осуществляет контроль за выполнением распределенных обязанностей. Назовем этот комплекс отношений в семье «домостроевскими отношениями». Такое название согласуется с определением домостроя в словаре Даля.

В предисловии к книге «Домострой» отмечено, что понятие «домострой» получило незаслуженно отрицательную окраску и в качестве подтверждения приводится определение из словаря Даля: «Домостройство – наблюдение за порядком в дому, а домострой – письменное наставление домохозяину, как жить в семье наладить, повелевать и воспитывать, обнову справить, стол для гостя накрыть и убогого не обидеть»³ Из определения видно, что все наставления даются домохозяину, т. е. мужчине. Правила хорошие, но плохо то, что власть полностью закреплена за женщиной. Сейчас, когда женщина, так же как и мужчина, участвует в производственной деятельности, она не хочет мириться со своим подчиненным положением в семье.

Как видно из табл. 7, мужчины во всех семьях, признавая равноправие женщин в семье, на самом деле оставляют за собой больше прав. Однако женщины имеют другую точку зрения на свое положение в семье. Наименьшие разногласия у мужчин и женщин наблюдаются в этнически смешанных семьях. Разногласия мужчин и женщин по поводу их ролей в семье приводят к конфликтам в семейных отношениях.

Национальные различия проявляются в том, что в русских семьях «домостроевские отношения» распространены чаще, чем в тувинских. В русских семьях поведение мужчины более авторитарно, чем в тувинских и этнически смешанных.

Рассмотрим распределение мнений о семейных ролевых функциях в Республике Хакасия, выделив хакасские, русские и этнически смешанные семьи и сравним его с распределением в Республике Тыва.

Из табл. 8 видно, что около 2/3 мужчин и женщин в хакасских (как и в тувинских) семьях считают, что женщина в семье имеет равные права с мужчиной. А среди мужчин и женщин в русских семьях, живущих в Хакасии, так считает только половина. В этнически смешанных семьях 2/3 женщин и около половины мужчин считают, что у женщин равные права с мужчиной.

Таблица 8

Распределение ролевых функций мужчин и женщин в однородных и этнически смешанных семьях в Хакасии, 2000 г. (%)

Ролевые функции в семье	Хакаские семьи		Русские семьи		Этнически смешанные семьи	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Женщина имеет равные права с мужчиной	65	70	53	53	56	66
Женщина не имеет прав, у нее только обязанности	3	2	3	3	0	7
Глава семьи мужчина, а женщина ему подчиняется	18	8	27	4	16	7
Глава тот, кто обеспечивает достаток в семье	25	29	16	24	23	22
В семье распределены обязанности, и женщина контролирует их выполнение	10	27	12	28	12	19
В семье распределены обязанности, и мужчина контролирует их выполнение	9	2	14	0	26	3
«Домостроевские отношения»	30	12	44	7	42	17

В Хакасии «домостроевские отношения» в наибольшей степени проявляются у мужчин в русских и этнически смешанных семьях, в значительно меньшей степени по сравнению с мужчинами в тувинских и русских семьях в Туве. Женщины Хакасии и Тувы в меньшей степени, чем мужчины, признают «домостроевские отношения», причем женщины в Хакасии – в меньшей степени, чем женщины в Туве.

По-видимому, такая эмансипированность женщин Хакасии объясняется большей урбанизацией Хакасии по сравнению с Тувой. Городское населения в Хакасии и Туве составляло 71 и 48 % соответственно ⁴ Таким образом, в Туве и Хакасии положение женщины в семье при декларировании равноправия с мужчинами носит оттенок «домостроя». Женщины более склонны считать главой семьи того, кто обеспечивает достаток в доме. Это распространяется на всех женщин, кроме женщин в этнически смешанных семьях в Туве.

Желаемая семья. Характеристики желаемой семьи разделены на качественные и количественные. Среди качественных характеристик семьи, которые считаются очень важными, на первом месте стоят психологические, способствующие укреплению связей в семье. Это прежде всего взаимопонимание супругов, их взаимная поддержка, забота друг о друге. Затем следуют здоровье членов семьи и материальное благополучие. Справедливое распределение обязанностей оценивается в меньшей степени, чем другие качественные характеристики семьи (табл. 9).

Таблица 9

Ценность качественных характеристик семьи, 2000 г. (%)

Характеристики семьи	Республика Тыва			Республика Хакасия		
	Тувинцы	Русские	Всего	Хакасы	Русские	Всего
Взаимопонимание, поддержка, забота	87	96	90	95	92	94
Здоровье членов семьи	87	95	89	91	83	88
Есть достаток	66	82	71	76	72	76
Справедливое распределение обязанностей	54	66	57	44	53	48
В целом по всем характеристикам (среднее значение)	74	85	77	77	75	76

Из табл. 9 видно, что приоритеты качественных характеристик семьи в обеих республиках в целом и у выделенных национальностей расставлены одинаково. В Республике Тыва в среднем доля считающих очень важными указанные характеристики среди русских в целом выше, чем среди тувинцев (85 против 74 %). Наибольшие различия у тувинцев и русских по отношению к достатку в семье: тувинцы его ценят меньше.

В Республике Хакасия уровень претензий к качественным характеристикам у хакасов и русских примерно одинаков. Наибольшие различия у хакасов и русских выявляются по отношению к справедливому распределению обязанностей: русские в большей степени склонны к справедливому распределению обязанностей в семье. В то же время русские в Хакасии меньше внимания уделяют распределению справедливых обязанностей в семье, чем русские в Туве.

У русских в Республике Тыва более высокий уровень претензий к качественным характеристикам семьи в целом и достатку и справедливому распределению обязанностей в семье в частности.

Перейдем к анализу количественных характеристик, к которым отнесены число членов семьи, число поколений в семье (с учетом родственных связей) и число детей в семье. Сравним желаемое количество человек в семье с реальным (табл. 10).

Таблица 10

Распределение по желаемому количеству человек в семье, 2000 г. (%)

Желаемое количество человек в семье	Республика Тыва			Республика Хакасия		
	Тувинцы	Русские	Итого	Хакасы	Русские	Итого
До 3 человек	5	15	8	9	10	10
4	30	57	38	36	58	44
5	32	18	29	36	27	32
6 человек и более	33	10	25	19	5	14
Средняя желаемая величина семьи (человек)	5,4	4,2	5,0	4,8	4,3	4,6
Средняя реальная величина семьи (человек)	4,5	3,5	4,2	3,6	3,0	3,4

В республиках Тыва и Хакасия в целом и у различных национальностей живущих там желаемое число человек в семье больше реального. У тувинцев и хакасов сохраняется желание жить в большой семье. Доля желающих иметь большую семью (6 человек и более) у тувинцев составляет 33 %, а доля реального количества семей из 6 человек и более составляет 25 %. У хакасов доля желающих иметь большую семью всего 19 % против реальной доли 8 %. У русских в Хакасии больших семей нет вообще и только 5 % хотели бы их иметь. В Туве 6 % русских имеют большие семьи и 10 % хотели бы их иметь.

По-видимому, национальные различия в желании иметь большую семью объясняются влиянием традиций, а региональные отличия можно объяснить разными экономическими и социальными условиями в республиках.

В Республике Тыва при ответе на вопрос: «Кто, по Вашему мнению, должен входить в состав желаемой семьи?», в основном было высказано желание иметь в семье детей, жену, мужа, родителей и других родственников. При анализе были выделены основные составляющие семьи: брачная пара, дети, родители, родственники. Рассматривались число поколений в семье и их состав.

Анализ состава желаемой семьи по количеству детей выявил следующее: без детей и не ответили – около 5 %, хотели бы иметь одного ребенка – 4 %, двух детей – 18 %, трех детей – около 9 %, четырех и более детей – около 7 и 55 % просто хотели бы иметь детей без указания их количества. Среди указавших количество детей (их 45 %) среднее желаемое число детей составляет 2,8. Среднее количество детей, рожденных живыми, составляет 2,3. Среднее идеальное количество детей – 3,1. У тувинцев оно выше на 0,3, а у русских ниже на 0,68. Средние значения количества детей в цепочке «реальное – желаемое – идеальное» «2,3 – 2,8 – 3,1» дают представление о возможностях для пополнения населения. Можно сказать, что при улучшении условий жизни и достижении условий для создания идеальной семьи в Туве число детей в семье может быть больше, чем в настоящее время.

Соотношение желаемого и реального числа поколений имеет вид: два поколения – 82 % против 74 %, три поколения – 10 % против 12 %. Желаемый состав семьи из одного и четырех поколений обнаружили всего около 1,5 %. Реально состав семей из одного поколения составляет 12 %, из четырех поколений – 2 %. Есть желание иметь больше семей из двух поколений, меньше семей из трех поколений и особенно семей из одного поколения.

В ответах на вопрос о желаемом составе семьи особенно ярко прослеживается связь, относящаяся к супружеству. Хотели бы жить с мужем (женой) – 92 % и только 1 % хотели бы жить без мужа (жены).

В Хакасии распределение по количеству желаемых детей следующее: без детей и не ответили – около 4 %, хотели бы иметь одного ребенка – 5 %, двух детей – 5 %, трех детей – около 3 %, четырех и

более детей – около 1 %. А 82 % ответили, что хотели бы иметь детей, но не указали их количество. В Хакасии среднее реальное число детей (число детей, рожденных живыми) составляет 1,92 при среднем идеальном количестве детей 2,59 и среднем желаемом 1,96. Причем у хакасов среднее идеальное количество детей выше средних значений по Хакасии на 0,19, а у русских ниже на 0,36. В Хакасии наблюдаются небольшое расхождение между реальным и желаемым количеством детей и значительные расхождения между идеальным количеством. По-видимому, в Хакасии не следует ожидать увеличения количества детей в семье в ближайшее время.

Соотношение желаемого и реального числа поколений имеет вид: два поколения – 91 % против 73 %, три поколения – 5 % против 8 % и одно поколение около 1 % против 19 %. В Хакасии больше проявляется желание иметь семью из двух поколений, меньше – из трех или одного поколения.

В Республике Хакасия, так же как и в Туве, по числу желаемых поколений в семье и по отношению к супружеству наблюдаются похожие тенденции. Анализ показывает, что всюду наиболее желаемой является семья, состоящая из супругов и детей. Мнения о количестве детей различны. Супружество, как и дети, является практически неотъемлемой частью желаемой семьи. Вместе с тем замужество для женщины важно в меньшей степени. В этом проявляется противоречивое положение современной женщины в обществе и семье – ее стремление занять достойное место в обществе, принося в жертву замужество.

Желаемый образ супруга. Для определения качественных характеристик супруга был сформулирован вопрос: «Какие характеристики личности Вы считаете предпочтительнее при выборе супруга?». Предложены характеристики, описывающие его личностные, психологические особенности (любовь, доброта, заботливость, целеустремленность, здоровье, внешняя привлекательность), приобретенные качества (образованность, культура поведения, отсутствие вредных привычек), материальное благополучие (обеспеченность, наличие жилья). В табл. 11 приведены данные, характеризующие мнения тувинцев, хакасов и русских относительно желаемого образа супруга.

Таблица 11

Образ супруга, 2000 г. (%)

Очень важные характеристики личности супруга	Республика Тыва				Республика Хакасия			
	Тувинцы		Русские		Хакасы		Русские	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Доброта и заботливость	93	92	95	96	94	96	89	87
Любовь	88	87	91	92	84	82	68	67
Здоровье	77	80	80	74	78	83	67	63
Культура поведения	73	73	73	81	75	81	40	51
Целеустремленность	67	73	61	79	71	87	49	62
Отсутствие вредных привычек	66	62	64	60	67	67	51	57
Внешняя привлекательность	53	40	53	31	48	33	54	33
Образованность	49	60	30	40	33	46	22	33
Обеспеченность	29	52	29	49	22	36	19	39
Наличие жилья	26	52	27	46	24	43	19	30
Оценка образа супруга в целом (сумма)	621	671	603	648	596	654	478	522

В обеих республиках среди очень важных характеристик личности при выборе супруга у всех на первом месте стоят доброта и заботливость. Женщины при выборе супруга в среднем наиболее требовательны: у них суммарная оценка образа супруга выше, чем у мужчин. Самыми требовательными являются тувинские мужчины и женщины. Такая высокая требовательность нередко мешает заключению брачного союза.

Женщины больше внимания уделяют образованности, обеспеченности, наличию жилья, будущим условиям. Хотя в общей иерархии ценностей качеств личности супруга эти характеристики занимают последние места и не являются определяющими. Мужчины больше внимания уделяют внешней привлекательности будущей супруги. Отношение к этой характеристике у мужчин превышает аналогичные показатели у женщин: различия составляют от 13 до 22 %.

Отношение к любви при выборе супруга все респонденты, кроме женщин-хакасок, рассматривали как вторую очень важную характеристику. У женщин-хакасок на втором месте стоит целеустремленность. Если представлять целеустремленность как одну из главных характеристик, обеспечивающих карьерный рост, то женщины-хакаски ориентированы на карьеру супруга в большей степени, чем ос-

тальные. Отношение к этой характеристике у хакасов превышает аналогичные показатели у тувинцев на 14 %, а у русских в Хакасии и Туве на 25 и 8 % соответственно.

Анализ характеристик личности при выборе супруга показывает, что основную ценность при ориентации представляют личностные, психологические особенности, затем следуют приобретенные качества и материальная обеспеченность. Существуют естественные различия во взглядах на ценности у мужчин и женщин.

Взаимоотношение родителей и детей в момент вступления в брак. Рассмотрим степень влияния старшего поколения родителей на детей при вступлении в брак. Вопрос в анкете был сформулирован так: «Насколько важно, по Вашему мнению, для молодых людей участие родителей в их семейной жизни?». Был выделен только период вступления в брак как начальный и поэтому крайне ответственный. Всем респондентам предлагалось выразить отношение к необходимости одобрения родителей при выборе супруга и мнение по поводу совместного проживания (табл. 12).

Таблица 12

**Одобрение родителей при вступлении в брак
в зависимости от национальности, 2000 г. (%)**

Совет и согласие родителей на вступление в брак	Республика Тыва			Республика Хакасия		
	Тувинцы	Русские	Все	Хакасы	Русские	Все
Советоваться с родителями при выборе мужа (жены)	31	35	31	27	15	23
Получить согласие родителей на брак	52	41	49	35	29	32
Молодая семья должна жить отдельно	85	87	86	86	83	85

Около 1/3 респондентов в Туве считают, что нужно советоваться с родителями при выборе супруга. При вступлении в брак 52 % тувинцев и 41 % русских считают, что необходимо получить согласие родителей на брак. В Хакасии доля считающих, что нужно советоваться с родителями при выборе мужа и получить согласие родителей на брак, ниже, чем в Туве, на 8 и 17 % соответственно. Русские в Туве и Хакасии в меньшей степени, чем тувинцы и хакасы, считают, что нужно получить согласие родителей на брак.

Большинство респондентов Тувы и Хакасии ориентировано на то, чтобы молодая семья проживала отдельно (85–86 %).

При одинаковых представлениях о раздельном проживании наблюдаются различия в мнениях о получении согласия на брак у разных народов. Это в определенной степени свидетельствует о существующем влиянии родителей на детей. У тувинцев влияние родителей сильнее, чем у хакасов и русских.

Отношение к национальности супруга. Последнее десятилетие в России выделяется сменой общественного устройства государства и широкомасштабными реформами, которые затронули основы бытия многих народов. Процесс реформирования России способствовал активности населения и сопровождался ростом различных объединений, в том числе националистических. Рост национального самосознания у народов выражается не только ростом интереса к национальным традициям, языку, культуре своего народа, но и некоторыми негативными явлениями, агрессивным отношением к другим национальностям. Это привело к миграции русских и других народов из республик бывшего СССР. Причем часто выезд носил вынужденный характер и сопровождался экономическими потерями. Все это оказало немалое влияние на заключение браков между представителями различных народов. Этнически смешанные браки в ряде мест попали в тяжелую ситуацию. Российское многонациональное общество существовало на основе взаимопроникновения культур, которое выражалось не только в знании языка, обычаях и традиций различных народов, но и в росте числа этнически смешанных браков. Из-за возникшего межэтнического напряжения, а также массовой миграции во многих регионах произошли существенные изменения в этнической структуре населения. Все это не могло не оказать влияния на отношение к национальности при выборе супруга.

Рассмотрим отношение к национальности супруга. Для этого выберем тех, кто считает, что супруги должны быть одной национальности (табл. 13).

Из табл. 13 видно, что в Туве младшее семейное поколение тувинцев мужчин и женщин в меньшей степени, чем старшие поколения, ориентировано на этнически однородные браки. Доля ответивших, что супруги должны быть одной национальности, на 15 % у мужчин и на 19 % у женщин меньше, чем у среднего семейного поколения. У русских аналогичные показатели различаются – на 35 % у мужчин и 15 % у женщин.

Таблица 13

Важна ли национальность при выборе супруга, 2000 г. (%)

Семейные поколения	Республика Тыва				Республика Хакасия			
	Тувинцы		Русские		Хакасы		Русские	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Старшее	46	60	45	56	28	43	33	31
Среднее	46	43	55	44	35	31	22	20
Младшее	31	24	20	29	20	17	33	14

В Туве выделяются среднее поколение русских мужчин и старшее поколение русских женщин. У них самая высокая доля считающих, что супруги должны быть одной национальности (55–56 %). Эти поколения в основном состоят или состояли в браке. Поэтому они в меньшей степени могут оказать влияние на будущие тенденции, оказывая только косвенное влияние на своих младших родственников. Но этот факт означает то, что отношение к другим национальностям у русских за последнее время изменилось. Ведь этнически смешанные браки повсеместно в основном имели вид «русский(ая) и другая национальность». По-видимому, это следует считать реакцией русских на отношение со стороны некоторых представителей других народов, а также ответом на реально возможное экономическое и социальное неравенство.

В Хакасии младшие поколения хакасов (мужчин и женщин) и русских женщин в меньшей степени, чем старшие, ориентированы на этнически однородные браки. Выделяются мужчины-хакасы среднего поколения (у них доля сторонников этнически однородных браков выше, чем у старшего и младшего поколений, на 7 и 15 % соответственно) и русские мужчины младшего поколения (у них доля сторонников этнически однородных браков выше, чем у среднего поколения, на 11 %). В Хакасии среди мужчин-хакасов среднего поколения и русских мужчин младшего поколения, как и в Туве среди русских мужчин среднего поколения, наблюдается относительно негативная реакция на выбор супругов другой национальности.

Сравнение ценностных ориентации при выборе супруга в Хакасии и Туве показывает, что ориентация на этническую однородность в Республике Тыва выше, чем в Республике Хакасия, практически по всем рассматриваемым группам. Предпочтение этнически однородным бракам при выборе супруга среди всех респондентов в Республике Тыва составляет 44 %, а в Республике Хакасия – 29 % (превышение в 1,5 раза).

Следует отметить, что, по данным микропереписи населения 1994 г., доля этнически смешанных браков в Республике Хакасия была в 2 раза выше, чем в Республике Тыва (14,7 против 6,2 %) ⁵ Этот факт согласуется с ориентациями на национальность при выборе супруги(а) для всех респондентов в целом (без деления по семейным поколениям).

Практически все младшие поколения в меньшей степени, чем старшие, ориентированы на этнически однородные браки. Можно предположить, что если национальные отношения не будут ухудшаться и если соотношение основных национальностей в республиках Тыва и Хакасия кардинально не изменится, то доля этнически смешанных браков в обеих республиках будет увеличиваться.

Примечания

¹ Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи 1994 г.). М., 1994. С. 163.

² Демографический ежегодник: 1999. М.: Госкомстат России, 1999. С. 174.

³ Домострой. СПб.: Лениздат, 1992.

⁴ Демографический ежегодник... С. 28.

⁵ Типы и состав домохозяйств в России (по данным микропереписи 1994 г.). М., 1995. С. 76, 77.

Л. Т. Толубаева, Г. В. Вяткина
(г. Горно-Алтайск)

СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРНО-АЛТАЙСКА)

Реформы, проводимые Россией в 90-е гг. XX столетия, коснулись населения Республики Алтай, в частности жителей ее столицы – Горно-Алтайска. Как проходят изменения в жизни жителей города, каково их восприятие перемен, происходящих в последние годы? Своеобразным барометром на происходящие реформы является положение семьи, ее самочувствие, поскольку семья – это такое социальное образование, через которое практически проходит каждый человек. Поэтому переоценить роль семьи в изучении социальных и других аспектов жизни общества невозможно.

К рубежу XX–XXI вв. численность населения г. Горно-Алтайска составляла 50,6 тыс. человек, число семей – более 11 тыс. Город входит в число малых городов России, но при этом имеет статус столичного. Эти два момента накладывают важный отпечаток на жизнь горожан. С одной стороны, как малый город, Горно-Алтайск не располагает достаточными ресурсами для экономического развития. Это ведет к весьма ограниченному полю экономической деятельности горожан. С другой – столичный статус предполагает создание довольно обширной сферы обслуживания и включения в нее горожан. Конечно, эти факторы не единственные, влияющие на жизнь горноалтайцев, но их роль довольно велика.

Предлагаемый анализ положения семьи в условиях реформ на примере горноалтайцев основан на вторичном изучении статистических данных, материалов различных социальных служб, имеющихся в городе, а также на результатах социологических исследований, проведенных авторами статьи в апреле–мае 2000 г. по проблемам «Экономическое положение семьи в г. Горно-Алтайске» и «Жилищные условия горноалтайцев».

Определение выборочной совокупности было сделано на основе квотно-территориального метода. Количество выборочной совокупности определено в 4,5 % от генеральной совокупности, что составило 500 единиц наблюдения (единицей наблюдения в исследовании выступала семья). Выборочная совокупность была максимально приближена к репрезентативной.

Анализ материалов исследования позволяет отметить, что по целому ряду показателей в жизни горноалтайцев проявляются те же процессы, что и по России. Так, весьма четко проявляется тенденция снижения числа браков и рост числа разводов, о чем свидетельствует табл. 1.

Таблица 1

Число браков и число разводов в г. Горно-Алтайске с 1989 по 1996 г.

Годы	Браки	Браков на 1000 населения	Разводы	Разводы на 1000 населения
1989	517	10,0	193	3,7
1990	487	9,2	205	3,9
1991	464	8,7	227	4,3
1992	407	7,7	229	4,2
1993	439	8,4	222	4,2
1994	448	8,5	257	4,9
1995	386	8,1	253	5,3
1996	308	6,4	201	4,2

Сложное экономическое положение горноалтайцев приводит к тому, что рождение ребенка – недоступная «роскошь». Начиная с 1995 г. естественный прирост населения имеет отрицательный показатель. Некоторое положительное изменение наблюдается в 1998 г. – число родившихся увеличилось на 25 человек, однако вряд ли можно говорить о наметившейся тенденции на улучшение (табл. 2).

Такая ситуация весьма неблагоприятно скажется на демографической ситуации, обнаруживая постарение населения города. Надо отметить, что отрицательный показатель в естественном приросте населения города не уменьшил его численности. Характерно, что если в 1994 и 1995 г. миграция в город происходила из других регионов России, особенно из ближайшего зарубежья, то в последние годы основной приток обеспечивают районы Республики Алтай. Этот процесс свидетельствует о том, что для мигрантов из других регионов России Горно-Алтайск утратил свою привлекательность. И как раз в сфере экономической деятельности горноалтайцы больше, чем на других территориях России,

ориентированны на деятельность в бюджетной сфере. Так, из 24,3 тыс. занятых горожан 63,8 % работают на крупных и средних муниципальных предприятиях и учреждениях.

Таблица 2

Число родившихся и число умерших в г. Горно-Алтайске с 1990 по 1997 г.

Годы	Число родившихся, человек	Число умерших, человек	Естественный прирост, человек
1990	688	574	+114
1995	581	677	-96
1996	569	710	-141
1997	578	669	-91

Анализируя материально-бытовые условия горожан, прежде всего необходимо отметить, что половина проживает в благоустроенных квартирах. Однако в 1990-е гг. среди горноалтайцев быстрыми темпами шел процесс расслоения на богатых и бедных. На вопрос: «Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?», только 15 % оценили его как «хорошее», 21,5 % ответили, что их материальное положение «скорее хорошее, чем плохое», 41,8 % – «скорее плохое, чем хорошее» и 21,5 % дали ответ, что материальное положение их семьи «плохое».

При таком положении проведение жилищно-коммунальной реформы в городе будет сопряжено с дальнейшим ухудшением положения необеспеченных или просто бедных семей. Уже сейчас это отражается на жилищных условиях горожан. Так, отказаться от благоустроенной квартиры и поменять ее на частный дом высказали желание 50 % проживающих в четырехкомнатных квартирах, 30,6 % проживающих в трехкомнатных квартирах, 33 % проживающих в двухкомнатных квартирах и 29 % проживающих в однокомнатных квартирах. То есть процесс расслоения горожан на бедных и богатых будет выталкивать необеспеченные семьи в менее удобные и престижные районы города, а также приведет к большой скученности проживающих на меньшей площади. Особенно это скажется на положении алтайской семьи, так как традиционно она является более многодетной, чем русская. В наших исследованиях не акцентировалось внимание на положении алтайской семьи. Но визуальные наблюдения, подкрепленные данными микропереписи, проводимой в России, в том числе в Республике Алтай, в 1994 г., свидетельствуют, что для алтайских женщин, состоявших в браке, характерно следующее распределение по числу рожденных детей: двое детей – 31,2 %, трое детей – 21,4 %, один ребенок – 17,1 %, четверо детей – 10,7 %, более четырех детей – 13,9 % *

Причинами своего желания отказаться от трех- и четырехкомнатных квартир, поменяв их на меньшие или частный дом, респонденты называли: «Высокая квартплата» – 44,4 %, «Иметь огород как помощь экономическую» – 64,2 %, «Легче прожить» – 24,7 %, и т. д.

Анализ материалов исследования позволяет заметить, что основным источником доходов для семей горноалтайцев является зарплата. Эта тенденция четко проявляется для всех категорий семей. Довольно значительное место в доходах занимает пенсия у семей, полагающих, что материальное положение «плохое» (в основном это одинокие пенсионеры) – 14,3 %, а также в семьях, считающих, что их материальное положение «скорее хорошее, чем плохое» – 13,3 %, и «скорее плохое, чем хорошее» – 9,9 %.

В семьях, считающих свое положение «плохим», важной составной частью являются детские пособия. Их отметили 13,3 % таких семей.

Определенную роль в доходах семьи играют и детские пособия у тех, чье материальное положение «скорее плохое, чем хорошее». Этот источник назвали 6,3 % таких семей. Практически не считают детские пособия составляющей бюджета обеспеченные семьи.

Бизнес как источник дохода отсутствует у семей, имеющих «плохое» и «скорее плохое» материальное положение. Бизнес как источник дохода указали 14,7 % семей с хорошим материальным положением и 3,1 % семей с материальным положением «скорее хорошим, чем плохим».

Таким образом, анализ материального положения семей горноалтайцев и источников их доходов подтверждает, что основным источником дохода семей являются бюджетные средства. Объем части доходов, получаемых в результате деятельности горноалтайцев в сфере личного бизнеса, невелик.

Между тем 32,3 % от всех опрошенных хотели бы заняться собственным бизнесом, точнее, допускают мысль о том, что можно было бы заняться бизнесом, но этому мешает целый ряд обстоятельств.

На первом месте среди причин, мешающих заняться «своим» делом, по мнению респондентов, стоит отсутствие материальных средств. Этот показатель очень высок у всех категорий городских семей. У тех, кто считает свое материальное положение «хорошим», отсутствие материальных средств мешает заняться бизнесом 52,8 % респондентов, «скорее хорошим, чем плохим» – 97,1 %, «скорее плохим, чем хорошим» – 99, «плохим» – 89 %. При этом наиболее высокий процент желающих

занияться бизнесом у тех, кто оценивает свое материальное положение как «хорошее» и «скорее хорошее, чем плохое» – 53 и 34,7 % респондентов соответственно. Значительно ниже он среди тех, кто ощущает, что их материальное положение «скорее плохое, чем хорошее» – 21,5 %. Несколько неожиданным выглядит число желающих заняться бизнесом среди тех, кто ощущает свое материальное положение как «плохое» – 37,6 %.

Анализ того, как отражается «отсутствие опыта и знаний в сфере бизнеса», показывает, что эта причина становится более весомой по мере ухудшения материального положения семей. Довольно высокий процент занимают и такие причины, как «отсутствие информации о том, где развернуть собственный бизнес» (у тех, кто ощущает, что их материальное положение «скорее плохое, чем хорошее» – 58,5 % опрошенных) и «отсутствие деловых связей» (у названной выше категории респондентов эта причина присутствует у 36,6 %). Среди прочих причин, мешающих заняться бизнесом, респонденты называли: «высокие налоги», «несовершенное налоговое законодательство», «нет помощи», «запрет заниматься бизнесом по месту работы», «нет поддержки со стороны городской администрации», «невозможно оформить ссуду» и т. д.

Процесс дальнейшего расслоения горноалтайцев на богатых и бедных увеличивает поляризацию горожан, что прослеживается при изучении крупных покупок, совершенных различными семьями за последние три года (табл. 3).

Таблица 3

Покупательная способность групп с разным уровнем материального положения (%)

Покупки	Материальное положение			
	Хорошее	Скорее хорошее	Скорее плохое	Плохое
Холодильник	35,3	13,3	8,3	3,1
Автомобиль	35,3	13,3	3,1	2
Телевизор	39,7	18,4	18,2	8,2
Стир. машина	29,4	17,3	10	3,1
Пылесос	17,6	14,3	4,7	2
Муз. центр	26,5	6,1	3,6	1
Квартира	13,2	4,1	1,6	3,1
Другое*	7,4	8,2	4,7	4,4
Ничего	19,1	20,4	57,8	79,6

* Среди других покупок назывались: мебель, земельные участки, садовые участки, дом и пр.

Так, из числа обеспеченных семей только 19,1 % не сделали никаких крупных покупок за последние три года. Остальные приобрели холодильники, автомобили, квартиры, телевизоры и др. Значительно снизилось количество крупных покупок в семьях с материальным положением «скорее хорошее, чем плохое», однако показатели у этих семей остаются весьма высокими. В то же время увеличивается количество семей, не купивших ничего в последние три года (20,4 % семей). Резко увеличилось количество семей, не сделавших крупных покупок за последние три года, среди семей, чье материальное положение «скорее, плохое, чем хорошее» – 57,8 % и «плохое» – 76,6 %. Хотя и в этих семьях покупки дорогостоящих товаров имели место.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в последние три года горожане чаще всего покупали телевизоры: семьи с материальным положением «хорошо» – 39,7 %, «скорее плохо, чем хорошо» – 18,2 %, «плохо» – 8,2 % семей. Подавляющее большинство горожан считает, что в последние три года жизнь ухудшилась. Так считают 75,4 % от числа опрошенных.

Среди причин, повлиявших на ухудшение жизни, горожане на первое место ставят удорожание коммунальных услуг. Так считают 63,9 % из числа тех семей, которые оценивают свое материальное положение как «хорошее», 86,4 % – «скорее хорошее, чем плохое», 79,2 % – «скорее плохое, чем хорошее», 87,5 % – «плохое».

На второй и третьей позиции стоят такие причины, как «высокие цены на продукты» и «высокие цены на товары первой необходимости». Такие причины, как «потерял работу», «понижилась зарплата» также называются различными категориями семей, но количество назвавших их значительно меньше числа, указавших первые три причины. Это свидетельствует о том, что горожан сегодня прежде всего волнует проблема содержания жилья, грядущее увеличение квартплаты, растущие цены на необходимые продукты и товары первой необходимости.

Социологический анализ показывает, как изменяется экономическое самочувствие семьи по мере увеличения количества детей в семье. Только в одной категории семей считают свое материальное положение хорошим – при наличии одного ребенка. Но появление второго, третьего ребенка и более ухудшало благополучие этих семей. Так, из 39,7 % семей с «хорошим» материальным положением

имеющих двоих детей 11,1 % относят свои семьи к необеспеченным, из 11,8 % семей с тремя детьми 100 % считают себя необеспеченными, как и 8,8 % семей с четырьмя детьми и более. Но и из тех семей, в которых отсутствуют дети (а в этой категории таких семей 10,3 %), 14,3 % относят себя к неблагополучным в материальном отношении, хотя в целом они оценивают свое экономическое положение как «хорошее». Резко увеличилось количество семей, считающих свое материальное положение неблагополучным в связи с увеличением числа детей. Доля таких семей колеблется от 90 до 100 %. Наблюдается тенденция уменьшения количества детей в более младших возрастных группах по сравнению со старшими возрастными группами.

Анализ информации, полученной в ходе социологических исследований, позволяет также провести корреляционные связи между расходами семьи на питание и доходами на одного члена семьи.

Таким образом, изложенный анализ дает возможность сделать ряд выводов о перспективах жизни семей горноалтайцев:

1. Расслоение на богатых и бедных в обществе ведет к дальнейшей дифференциации в положении семей горноалтайцев. Это дает возможность выделить такие типы семей, как маргинальная, кризисная, благополучная и семья с высоким доходом, позволяющим реализовать большое количество платных услуг. Не оставляя без внимания все типы семей, особую заботу следует проявлять по отношению к таким семьям, как кризисные, ибо они составляют большинство. Нерешение проблем подобных семей в ближайшие годы самым отрицательным образом будет сказываться во всех сферах жизнедеятельности города. Закономерной будет «самозащита» этих семей, которая проявится в отказе от рождения детей, что отразится на дальнейшем постарении населения. А это приведет к необходимости увеличения затрат на пенсии, социальную поддержку горожан в престарелом возрасте. Постарение ведет к снижению доли трудоспособного населения и, как следствие, к уменьшению его экономической активности. Результат такого положения – явное уменьшение всех доходных экономических показателей для города.

2. Снижение числа браков и рост числа разводов является отражением неблагополучного положения семьи, что, в свою очередь, нередко ведет к ее разрушению, потере нравственных качеств в поведении ее членов, пьянству, алкоголизму, утрате многими людьми трудолюбия.

3. В основу семейной политики города необходимо закладывать новую идеологию. Прежде всего, она должна коснуться переноса центра тяжести в системе социальной помощи семьям с денежных выплат на оказание прямых социальных услуг. В «кризисной» семье важной является активизация жизненного потенциала семьи. Иными словами, необходимо помогать семье самой решать собственные проблемы, однако сохраняя при этом систему поддержек в виде:

- расширения рабочих мест с учетом интересов семей с малолетними детьми;
- пропаганды через средства массовой информации модели выживания и развития семьи;
- обучения работающих членов семьи новым профессиям;
- поиска реальных возможностей вхождения в собственный бизнес;
- помощи со стороны общественных и благотворительных организаций;
- разработки справедливой и одобряемой большинством горожан налоговой политики;
- создания целевых социальных программ;

4. Для городской администрации необходимо иметь ясное представление о работе, направленной на поддержку семьи. В связи с этим следует:

- постоянно проводить экспертизы административных решений с точки зрения их воздействия на жизнедеятельность семьи (фамилистическая экспертиза);
- предпринимать исследование масштабов бедности среди городских семей, а также выявлять факторы, отбрасывающие семью за черту бедности;
- разрабатывать модели по стратегии выживания семьи;
- вести профилактику ранней алкоголизации подростков;
- проводить системный анализ процесса развития семьи с выявлением многоуровневого функционирования: «семья – внесемейные социальные группы и корпорации», «семья – личность».

Главный акцент в семейной политике должен быть перенесен с краткосрочной политики поддержания семьи на среднесрочные программы (4–5 лет), поддерживающие каждую семью в ее стремлении к самодостаточности и самообеспечению.

Приложение

* См.: Статистический сборник. М., 1995. С. 161.

А. П. Топчина
(г. Новосибирск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.*

В отечественном семейведении имеется весьма ограниченное число работ, посвященных исследованию региональных особенностей эволюции института семьи. Кроме того, большинство данных работ относится к регионам европейской части России. Это обстоятельство связано прежде всего с тем, что по данной территории имеется наиболее подробная и надежная статистическая информация за длительный период. Недостаток, а порой и отсутствие подробных статистических данных по азиатской части России, особенно этнических характеристик, усложняют исследование развития семьи в данном регионе. Между тем в развитии семьи в отдельных российских регионах до настоящего времени обнаруживаются значительные различия. Сохранение среди полиэтничного населения нашей страны культурных, конфессиональных и других особенностей обуславливает региональную и этническую специфику эволюции семьи.

Одним из субъектов Российской Федерации, выделяющихся своеобразием развития демографических и семейно-брачных процессов является Республика Алтай. Глубокие изменения в социальном развитии общества в XX в. оказали сильное воздействие на трансформацию структуры семьи населения Горного Алтая, ее численный и родственный состав. Ретроспективный анализ материалов переписей населения дает представление об основных тенденциях и закономерностях этого процесса. Общие для всей республики процессы изменения качественных характеристик семьи протекали среди населения Горного Алтая неравномерно, своеобразно преломляясь через этнические традиции и нормы.

В Горном Алтае во второй половине XX столетия по данным переписей населения основная масса людей жила в семьях. Абсолютное число семей в Горном Алтае имело тенденцию к увеличению. Число семей росло более быстрыми темпами, чем численность населения (табл. 1).

Таблица 1

Рост числа семей в Горном Алтае

Год	Число семей, тыс.	Темпы роста	
		числа семей	численности населения
1959	37,8		
1970	39,4	1,04	1,07
1979	43,6	1,11	1,02
1989	49,5	1,13	1,11

Примечание: расчеты сделаны по данным переписей населения.

Семейное состояние населения Горного Алтая во второй половине XX в. не претерпело значительных изменений. В табл. 2 приведены данные о семейном состоянии населения Горного Алтая в рассматриваемый период.

Семейное состояние населения Горного Алтая во второй половине XX в. претерпело наиболее заметные изменения в период между переписями 1970 и 1979 г. В этот межпереписной период наблюдалось сокращение удельного веса членов семей, проживающих совместно с семьей, как в городской, так и в сельской местности. Однако на момент следующей переписи (1989 г.) их доля вновь возросла за счет сокращения членов семей, проживающих отдельно от семьи.

Более низкий удельный вес семейного населения в городской местности был обусловлен преобладанием здесь отдельно живущих членов семей и одиноких. Категория членов семей, проживающих отдельно от семьи, имела тенденцию к постепенному сокращению за весь рассматриваемый период. Так, достигнув в 1959 г. максимальных во второй половине XX в. показателей – 6,1 %, ее удельный вес уменьшался и составил в 1989 г. 4,0 %. Доля данной категории среди городского населения была выше, чем среди сельского. В 1959 г. ее доля в городских поселениях составляла 12,9 %, в то время как в сельских поселениях – 4,5 %. В дальнейшем их доля также сокращалась и достигла в 1989 г. соответственно 10,0 и 1,9 %.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ № 01-03-00388, РФФИ № 01-06-80469.

Таблица 2

**Семейное состояние населения Горного Алтая
(по данным переписей населения)**

Годы переписей	Тыс. человек			% от численности населения		
	Члены семей проживающие		Одинокие	Члены семей проживающие		Одинокие
	совместно с семьей	отдельно от семьи		совместно с семьей	отдельно от семьи	
Все население						
1959	140 563	9 533	5 906	90,1	6,1	3,8
1970	153 091	6 280	9 790	90,5	3,7	5,8
1979	154 272	8 481	9 287	89,7	4,9	5,4
1989	172 711	7 713	10 407	90,5	4,0	5,5
Городское население						
1959	24 529	3 836	1 296	82,7	12,9	4,4
1970	33 188	3 157	4 319	81,6	7,8	10,6
1979	38 487	5 450	3 266	81,5	11,5	7,0
1989	42 951	5 180	3 518	83,2	10,0	6,8
Сельское население						
1959	116 034	5 697	4 610	91,8	4,5	3,7
1970	119 903	3 123	5 471	93,3	2,4	4,3
1979	115 785	3 031	6 021	92,7	2,4	4,9
1989	129 760	2 533	6 889	93,2	1,9	4,9

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 434–435; Число и состав семей в РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М., 1974. С. 14, 20, 26; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. Т. 6. Число и состав семей. Число рожденных детей. Ч. 1. Численность членов семей и одиночек. Число и размер семей. С. 16, 17; Горный Алтай. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Горно-Алтайск, 1990. Ч. 1. С. 250.

Анализ семейного состояния населения показывает, что доля одиноких была выше в городских поселениях, а не в сельских. Наибольший процент одиноких среди городского населения отмечен в 1970 г. – 10,6 %. Обращает на себя внимание то, что в рассматриваемый период удельный вес одиноких среди населения возрастал. Так, если одиноких в 1959 г. было 3,8 %, то в 1989 г. – 5,5 %.

Во второй половине XX в. в Горном Алтае неуклонно возрастал удельный вес городского населения. Перемещение сельского населения в город обусловило увеличение числа городских семей. Самый интенсивный темп роста городских семей наблюдался в 1970 г., когда единовременно на фоне увеличения числа городских семей было отмечено уменьшение числа семей в сельской местности. В описываемый период в Горном Алтае наиболее урбанизированной частью населения являлся русский этнос. Так, удельный вес алтайского и казахского этносов в составе городского населения в 1959 г. составлял 8,7 %, а в 1989 г. – 13,6 %¹ Поэтому большинство городских семей составляли русские. С повышением в составе городского населения удельного веса алтайских и казахских семей доля русских семей снизилась с 88,0 % в 1959 г. до 76,2 % в 1989 г.²

В рассматриваемый период по этническому составу большинство семей Горного Алтая было гомогамным. В этнически однородных семьях проживало более 80 % всех членов семей, живущих совместно с семьей. Но удельный вес этнически однородных семей снижался. Так, с 1970 по 1989 г. их доля уменьшилась с 89,2 до 85,2 %. Соответственно доля этнически смешанных семей увеличилась с 10,8 до 14,8 %. В городских поселениях темпы роста этнически смешанных семей были выше, чем в сельских.

Во второй половине XX в. численный состав семьи населения Горного Алтая вследствие интенсивного сокращения в предшествующие годы доли «расширенных» семей преимущественно стал зависеть от «детности» семьи. Падение уровня рождаемости в рассматриваемый период непосредственно сказалось на величине среднего размера семьи.

Сопоставление материалов переписей населения Горного Алтая послевоенных лет показывает, что в регионе шло постепенное снижение средней численности семей. Средний размер семьи находился все время в динамике. Так, средний размер семьи с 1959 по 1989 г. уменьшился с 3,7 до 3,5 человек (среди городского населения – с 3,6 до 3,2, сельского – с 3,7 до 3,6). Лишь в 1970 г. наблюдалась тенденция к увеличению среднего размера семьи, которая достигла 3,9 человек (в том числе в городе 3,5 человек и на селе 4,0 человек). Однако в последующие годы средний размер семьи вновь снизился и более не увеличивался.

Материалы переписей населения дают представление о заметной дифференциации среднего размера семьи как городского, так и сельского населения Горного Алтая. Причем процесс изменения среднего размера семьи среди городского и сельского населения шел неодинаковыми темпами. Ясно просматривается тенденция неуклонного сокращения среднего размера городской семьи. Хотя средний размер сельской семьи также трансформировался в сторону уменьшения, указанный процесс протекал на селе менее интенсивно.

В зависимости от этнической принадлежности средний размер семьи существенно варьировал. Материалы каждой переписи населения рассматриваемого периода фиксировали значительную этническую дифференциацию показателей среднего размера семьи. Так, если в 1959 г. средний размер алтайской семьи составлял 3,8 человек, то русской – 3,6. Обращает на себя внимание тот факт, что средний размер городской семьи (как алтайской, так и русской) был одинаков и составлял 3,6 человек на семью. Различия наблюдались среди сельских семей, где некоторый перевес в среднем размере семьи имело алтайское население – 3,8 человек, а у русских – 3,7 человек. В данном случае можно говорить о том, что перепись населения 1959 г. представила небольшую амплитуду колебаний показателей среднего размера семьи этносов Горного Алтая.

Перепись населения 1970 г., напротив, показала значительную дифференциацию показателей среднего размера семьи населения Горного Алтая в зависимости от этнической принадлежности. Перепись зафиксировала продолжение тенденции сокращения среднего размера русской семьи. Так, на русскую семью в городской местности в среднем приходилось 3,5 человек, а в сельской – 3,6. Средний размер алтайской семьи, напротив, увеличился и составил в городской местности 3,8 человек, а в сельской – 4,6. Однако наибольшие показатели среднего размера семьи на момент переписи имел казахский этнос. В целом для всего казахского населения средний размер семьи составлял 5,8 человек. В городской и сельской местности средний размер казахских семей составлял 5,3 и 5,9 человек соответственно.

Перепись 1970 г. отразила наиболее любопытную динамику процесса изменения семьи в Горном Алтае. После этой переписи ни одна из последующих двух переписей населения не продемонстрировала столь высоких показателей среднего размера семьи ни у одного из этносов в Горном Алтае. Средний размер семьи у них стал заметно уменьшаться. По переписям населения 1979 и 1989 г. отмечается сокращение среднего размера семьи уже не только среди русского, но и других этносов Горного Алтая. На момент обеих переписей населения средний размер русской семьи стабилизировался на уровне 3,2 человек. Хотя средние размеры алтайской и казахской семей обнаружили тенденцию к уменьшению, их показатели намного превышали показатели русских семей. Так, в 1979 г. средний размер алтайской семьи составил 4,1 человек, а в 1989 г. – 3,8, средний размер казахской семьи 5,3 и 4,3 человек соответственно.

Рассмотренные данные переписей населения показывают, что постепенное уменьшение среднего размера семьи во второй половине XX в. было характерно для всех этносов Горного Алтая. Однако процесс снижения среднего размера семьи наиболее бурно протекал среди русского этноса. Снижение среднего размера алтайской и казахской семьи шло более неравномерно, периодически то ускоряясь, то замедляясь. Также по данным переписей четко просматривается то обстоятельство, что для сельских семей, по сравнению с городскими, была характерна более высокая величина среднего размера семьи, независимо от их этнической принадлежности.

В составе семей населения Горного Алтая во второй половине XX в. преобладали семьи, состоящие из двух-четырех человек. На протяжении всего описываемого периода указанная группа семей среди населения имела тенденцию к росту. В 1959 г. они составляли 72,7 %, в 1970 г. – 70,0 %, в 1979 г. – 79,5 % и в 1989 г. – 79,7 %. Семьи из двух, трех и четырех человек были наиболее распространены и росли довольно быстрыми темпами среди городского населения. Так, если в 1959 г. доля семей из двух-четырех человек среди горожан составляла 76,6 %, то в 1989 г. уже 87,2 %. Среди сельского населения их удельный вес был несколько ниже и в 1959 г. составлял 71,9 %, а в 1989 г. – 77,0 %.

Несмотря на постепенное возрастание удельного веса семей, состоящих из двух-четырех человек, в Горном Алтае заметную группу семей составляли и семьи из пяти-шести человек. В 1959 г. последние составляли 22,2 %, в 1970 г. – 21,2 %, в 1989 г. – 17,0 %. Как видим, удельный вес этой группы семей постоянно снижался. Эти семьи были более характерны для сельского населения, и их доля среди сельских семей снижалась более медленными темпами, чем среди городских семей. С 1959 по 1989 г. их доля снизилась в сельской местности с 22,6 до 19,0 %, а в городской – с 20,2 до 11,6 %.

Семьи из семи и более человек в рассматриваемый период постепенно становятся редкостью. Так, их доля, составлявшая в 1959 г. 5,1 %, к 1989 г. сократилась до 3,3 %. Лишь на момент переписи населения 1970 г. было зафиксировано увеличение числа больших семей до 8,8 %. Анализ данных переписи показал, что рост числа больших семей на тот период времени произошел благодаря увеличению доли многочисленных семей в сельской местности до 10,8 %. В городской же местности удельный вес больших семей не переставал снижаться.

Исследование численного состава семей показало, что во второй половине XX в. многочисленная семья была характерна прежде всего для алтайского и казахского этносов, у которых чаще, чем среди русских, встречались средние и большие семьи (табл. 3).

Таблица 3

Распределение семей отдельных этносов Горного Алтая по размеру по данным переписей населения (в % от общего числа семей)

Этносы	Год	Размер семьи (число человек)						Средний размер семьи
		Два	Три	Четыре	Пять	Шесть	Семь и более	
Алтайцы	1959	24,9	23,7	20,7	14,8	9,2	6,7	3,8
	1970	20,4	19,0	16,0	14,0	11,0	19,6	4,5
	1979	24,5	22,1	19,6	13,3	8,5	12,0	4,1
	1989	23,7	22,4	25,0	15,6	7,4	5,9	3,8
Русские	1959	26,3	25,9	22,4	14,2	7,0	4,2	3,7
	1970	28,4	25,7	22,6	13,2	6,1	4,0	3,6
	1979	34,4	29,3	22,5	8,6	3,2	2,0	3,2
	1989	36,1	24,4	25,2	9,8	2,9	1,6	3,2
Казахи	1970	8,9	13,1	14,0	11,2	11,2	41,6	5,8
	1979	13,5	16,2	17,4	14,1	10,6	28,2	5,3
	1989	12,7	20,9	27,5	19,7	10,9	8,3	4,3

Источники: ГАРА, ф. 61, оп. 9, д. 18, л. 55–56, 61, 62, 67, 68; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 250–251; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 6. Ч. 2. С. 174, 175; Всесоюзная перепись населения 1989 г. 1990. Ч. 1. С. 268, 269.

В рассматриваемый период среди русского этноса преобладала семья, состоящая из двух-четырех человек. Еще в 1959 г. на долю таких семей приходилось 74,6 %. В последующие годы число таких семей среди русского населения неуклонно возрастало и в итоге в 1989 г. достигло 85,7 %. Удельный вес средних семей из пяти-шести человек, составлявший у русских в 1959 г. 21,2 %, напротив, со временем уменьшался и в 1989 г. составил 12,7 %. Для русских Горного Алтая, по сравнению с соседними этносами, были менее всего характерны многочисленные (большие) семьи. Если в 1959 г. их доля среди русских семей составляла 4,2 %, то в 1989 г. всего 1,6 %.

В конце 1950-х гг. большинство алтайских семей также состояло из двух-четырех человек. Доля таких семей не намного уступала аналогичным показателям русской семьи и составляла 69,3 %. Однако в последующие годы в составе алтайских семей не наблюдалось повышения удельного веса семей из двух-четырех человек, как это было среди русских семей. Напротив, перепись 1970 г. отметила снижение доли указанных семей до 55,4 %. В дальнейшем доля алтайских семей из двух-четырех человек стала нарастать и в 1989 г. составила 71,1 %. На протяжении всего описываемого периода для алтайской семьи были характерны примерно одинаковые показатели удельного веса семей, состоящих из пяти-шести человек. С течением времени среди алтайского населения не произошло резкого уменьшения таких семей. По данным переписей населения послевоенного периода доля алтайских семей из пяти-шести человек никогда не составляла менее 20 % (в 1959 г. – 24 %, в 1970 г. – 25 %, в 1979 г. – 21,8 %, в 1989 г. – 23,0 %). Семьи, насчитывавшие семь и более человек, среди алтайского населения в 1959 г. составляли 6,7 %. В 1970 г. их доля в составе семей возросла до 19,6 %, однако затем уменьшилась и в 1979 г. составила 12 %, а в 1989 г. уже 5,9 %.

Во второй половине XX в. казахские семьи в Горном Алтае опережали по численному составу все соседние этносы. Обращает на себя внимание тот факт, что в 1970-е гг. для казахского населения было характерно относительно равномерное распределение семей по числу их членов. Поэтому не удивительно, что ни одна из двух переписей 1970-х гг. не показала превалирования у казахов доли семей, состоящих из двух-четырех человек. В 1970 г. доля таковых среди казахского населения составляла всего 36 %. Хотя их удельный вес с течением времени нарастал, однако этот процесс шел очень медленными темпами. В 1979 г. на долю семей из двух-четырех человек приходилось 47,1 %. В составе казахских семей был достаточно весом удельный вес семей, состоящих из пяти-шести человек. В противовес тенденции снижения доли таких семей среди населения региона, охватившей прежде всего русское население, среди казахского этноса наблюдалось постепенное увеличение доли семей, насчитывавших пять-шесть членов. Так, с 1970 по 1989 г. их доля увеличилась с 22,4 до

30,6 %. В 1970-е гг. казахское население обладало преимуществом в распределении семей по числу членов свыше семи человек. Наибольший удельный вес таких семей наблюдался в 1970 г. – 41,6 %, а в 1979 г. таких семей было 28,2 %. Примерное равновесие в распределении семей по их численному составу среди казахского населения было нарушено в 1980-х гг. Это произошло за счет увеличения доли семей из двух-четырёх человек, на которые в 1989 г. стало приходиться уже 61,1 %, и существенного снижения удельного веса семей, включавших семь и более человек, до 8,3 %.

Трансформация семьи этносов Горного Алтая, сопровождавшаяся снижением ее средней величины и уменьшением «детности», сформировала в Горном Алтае определенные типы семей. Распределение семей по типам согласно материалам переписей 1970 и 1989 г. позволяет проследить основные тенденции ее изменения (табл. 4).

Из приведенных сведений видно, что в течение всего рассматриваемого периода в Горном Алтае доминирующей тенденцией являлась нуклеаризация семей. Так, по итогам переписей населения основным типом семьи, распространенным и в городской, и в сельской местности, являлись семьи, живущие только одной брачной парой. В рассматриваемый период удельный вес полных нуклеарных семей увеличился с 62,5 % в 1970 г. до 71,7 % в 1989 г. Материалы переписей показывают, что доля нуклеарных семей в сельской местности была выше, чем в городе. Одним из факторов, сдерживавших процесс нуклеаризации в городской местности, являлась острая жилищная проблема: не каждая молодая семья имела возможность отделиться от родителей.

Таблица 4

**Распределение семей по типам в Горном Алтае,
согласно данным переписей населения
(% от общего числа семей)**

Типы семей	Городское население		Сельское население		Все население	
	1970 г.	1989 г.	1970 г.	1989 г.	1970 г.	1989 г.
1. Брачная пара с детьми и без	60,9	68,4	63,0	73,0	62,5	71,7
2. Брачная пара с детьми и без, с одним из родителей супругов и другими родственниками	17,05	11,3	13,9	10,1	14,7	10,4
3. Две и более брачные пары с детьми и без, с одним из родителей супругов и другими родственниками	3,7	2,8	1,3	1,1	1,9	1,6
4. Мать (отец) с детьми	11,9	12,3	15,2	11,3	14,4	11,6
5. Мать (отец) с детьми, с одним из родителей и другими родственниками	3,9	1,8	4,4	1,3	4,3	1,5

Источники: Число и состав семей в РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М., 1974. С. 314; Горный Алтай. Всесоюзная перепись населения 1989 г. 1990. Ч. 1. С. 252–265.

Рост удельного веса нуклеарных семей приводил к изменениям в соотношении различных типов семей. Со временем доля остальных типов семей существенно сокращалась. В семейной структуре населения Горного Алтая в рассматриваемый период заметно выделялись семьи, состоявшие из брачной пары с детьми и без, с одним из родителей супругов и другими родственниками (сложная семья). На долю таких семей в 1970 г. приходилось 14,7 %, в 1989 г. – 10,4 %. Удельный вес сложных семей был выше среди городского населения.

Среди населения Горного Алтая отмечался относительно высокий удельный вес семей, где не было второго супруга. Поэтому достаточно распространенную группу семей составляли семьи, состоящие из матерей (отцов) с детьми (неполная нуклеарная семья). В большинстве семей, состоящих из одного родителя с детьми, отсутствовали отцы. Удельный вес этих семей среди всего населения также имел тенденцию к сокращению: с 14,4 % в 1970 г. до 11,6 % в 1989 г. Однако среди городского населения доля таких семей нарастала: если в 1970 г. их было 11,9 %, то в 1989 г. – 12,3 %.

Следствием роста удельного веса нуклеарных семей явилось все большее сокращение доли расширенных семей. Материалы переписей демонстрируют тенденцию все большего упрощения струк-

турно-поколенного состава семей. По данным переписей семьи с двумя брачными парами имели наименьший удельный вес: в 1970 г. – 1,9 %, в 1989 г. – 1,6 %.

Анализ развития института семьи у населения Горного Алтая позволяет говорить о том, что во второй половине XX в. этническая дифференциация семейной структуры населения уменьшается. Тенденциями, характерными для всего населения Горного Алтая, стали нуклеаризация семей, уменьшение ее среднего размера, упрощение как численного, так и родственного состава.

Примечания

¹ Республика Алтай в 1999 году (Статистический ежегодник). Горно-Алтайск, 2000. С. 37.

² Там же.

В. И. Дятлов
(г. Иркутск)

ВНЕШНИЕ МИГРАЦИИ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА В XXI в.

Давать прогнозы общественного развития – дело зыбкое и не очень благодарное. Особенно если речь идет о возможности прогноза развития далекой окраины распавшейся империи (термин империя используется не как оценочный). Последняя находится сегодня в мучительных поисках новой социальной, экономической, политической и духовной модели своего устройства. Это происходит в контексте радикальных геополитических перемен в мире. Рядом гигантский, стремительно (до катастрофизма) развивающийся Китай, с которым у России традиционно очень не простые взаимоотношения. Его будущая судьба также не очень ясна – но все варианты его развития неизбежно окажут огромное воздействие на состояние нашего региона.

Таким образом, количество переменных слишком велико для прогнозирования. Тем не менее при всех возможных вариантах и поворотах можно попытаться найти некие неизменные факторы и параметры.

Одним из них является, на наш взгляд, переселенческий характер обществ Сибири и Дальнего Востока. Это задано историей, всей суммой экономических, социальных и геополитических факторов. Восточные районы России формировались как переселенческие общества, массовые трудовые миграции всегда были важнейшим фактором их геополитического, социального, экономического и культурного развития.

Можно уверенно прогнозировать, что и дальнейшее их развитие (а следовательно, сохранение их в качестве интегральной части России) невозможно вне этого контекста. Без постоянного и мощного притока мигрантов невозможно развитие региона, освоение его гигантских ресурсов, просто самодостаточность существования.

В то же время потенциал внутригосударственной миграции (прежде всего из Европейской России, Украины, Белоруссии), который был основным, а иногда и монопольным резервуаром, исчерпан или близок к исчерпанию. Надежды на привлечение значительного потока вынужденных переселенцев и беженцев из стран СНГ утопичны. Конечно, все эти миграционные потоки возможны, но их масштаб ни в коей мере не будет соответствовать потребностям региона.

Наиболее реальны два возможных «донора» – Китай и Центральная Азия, обладающие гигантскими, практически неисчерпаемыми трудовыми ресурсами, причем избыточными. Китай уже сейчас, а Центральная Азия в недалекой перспективе – миграционные «доноры» мирового масштаба. Давление населения на ресурсы там так велико, что его миграция происходит и будет происходить при любой политике собственных властей и принимающих обществ. Россия вообще и ее восток в частности – на пути этих потоков.

Думается, что основным ограничителем будут не различного рода запреты и административные препятствия, а масштабы спроса на дешевую и не очень квалифицированную рабочую силу. Но именно в Сибири и на Дальнем Востоке это вскоре может стать наиболее дефицитным товаром. Поэтому чрезвычайно остро стоит проблема внешних миграций в качестве инструмента, важнейшего

ресурса развития региона. Формирующийся рынок труда уже предъявляет и будет предъявлять во все расширяющихся масштабах спрос на дешевую, хотя и не слишком квалифицированную рабочую силу. В условиях рыночной экономики и отсутствия «железного занавеса» на границах страны это формирует мощный притягивающий фактор для миграционного притока.

При стратегии развития общества как рыночного и открытого, проблемы выбора – использовать или нет в больших масштабах труд иностранных гастарбайтеров – просто не будет. Поэтому уже сейчас необходимо проанализировать возможные источники потоков миграции, создавать законодательную и институциональную базу для регулирования и рационального использования этого ресурса развития.

Понятно, что на первых порах основная масса мигрантов будет приезжать на время с целью обеспечить свои семьи, оставленные на родине. Но мировой опыт показывает, что вскоре сформируются и постоянные общины. Их рост приведет к возможности самостоятельного развития диаспор, будет препятствием для ассимиляции и даже аккультурации.

Все это может радикально изменить этносоциальную структуру принимающего общества, привести к серьезным трудностям, проблемам и даже катаклизмам. Совершенно очевидно, что появление большого количества временных мигрантов и укоренение части из них могут привести к значительным, а возможно, и радикальным переменам в этнокультурном составе населения востока России и серьезным геополитическим сдвигам. Мы оказываемся перед дилеммой, сформулированной еще в начале XX в.: без массированного экономического освоения региона, невозможного без труда китайцев, Россия потеряет Дальний Восток, но и «окитаивание» может привести к тому же исходу. Таким образом, проблема трансграничной трудовой миграции становится проблемой национальной безопасности.

Пока это лишь тенденция – но тенденция вполне оформившаяся, реальная. Уже сейчас потоки внешних миграций не просто возникли, они стали важной частью социально-экономической и социокультурной динамики востока России. Создана инфраструктура проникновения, оседания и экономической интеграции. Это крайне серьезный вызов – и судьба будущего нашего края будет напрямую зависеть от стратегии ответа на него.

Уже сейчас в общественном мнении и политике властей сформировалось несколько моделей такой стратегии. Они могут быть пока не сформулированы в этом качестве, даже не очень осознаны и вербализованы – но они существуют. Чем раньше наше общество их осознает, проанализирует, поймет их позитивные и негативные стороны (попутно решив для себя в этом контексте вечный вопрос: «Что такое хорошо и что такое плохо»), тем лучше.

Одна из таких моделей – изоляционизм. Логика ее проста – коль скоро процесс внешних миграций чреват серьезными проблемами и трудностями – надо его пресечь, в идеале – свести к нулю. История показала, что в принципе это возможно – но в условиях тоталитарного общества, командной авторитарной экономики и полной закрытости от внешнего мира. Путь тупиковый и для современной России вряд ли возможный. Даже небольшие отступления от этих принципов создают ситуацию, когда любые административные ограничения и запреты оказываются полностью неэффективными.

Подобные попытки решить эту проблему в условиях рыночной экономики изначально обречены; единственным результатом станет уход миграционного потока за пределы правового пространства со всеми вытекающими из этого последствиями: тотальной криминализацией иммигрантских сообществ, их полной непроницаемостью для властей, массовой коррумпированностью представителей последних, огромными потерями госбюджета от неполученных налогов и сборов, утечкой капиталов, деформацией рынка труда и др. Логическим следствием станут межэтнические конфликты. Миграционный процесс все равно будет существовать, но в нелегальных и, следовательно, предельно криминализованных формах.

Противоположная модель – отказ общества и властей от осознанной стратегии, равнодушие к проблеме, реакция на свершившиеся факты. В последние годы эта модель демонстрировалась довольно часто. Так, после паники начала 1990-х гг. снизилось внимание к проблеме китайской миграции. Причины этого понятны – поток уменьшился и стабилизировался, общество и власти привыкли, наиболее острые проблемы так или иначе решаются. Но что же будет в случае новой массовой волны, сопровождающей процесс экономического роста? Между тем ликвидирована Федеральная миграционная служба – потенциальный инструмент государственного регулирования. Начался миграционный поток титульных жителей Центральной Азии, особенно таджиков, а общество и власти до сих пор его просто не замечают. Он даже не отражен в государственной статистике.

Оптимальный, но и самый трудный вариант – управление процессом. Он строится на реалистичном понимании того, что процесс внешних миграций неизбежен, более того, необходим в качестве инструмента развития региона. Он сопровождается массой рисков, к которым надо заранее готовиться. Для этого – опять же заранее – необходимо готовить общество, формировать общественное мнение, создавать законодательную и институциональную базу. Эта стратегия может включать в себя:

- тщательный и постоянный мониторинг процесса;
- поощрение диверсификации миграционных потоков, использование максимально большого количества источников иностранной рабочей силы, создание ситуации постоянной конкуренции на рынке труда;
- создание комплексной системы социокультурной адаптации, аккультурации, иногда ассимиляции мигрантов и их детей;
- создание механизма натурализации, которая могла бы стать инструментом воспитания лояльного и законопослушного жителя (возможно, гражданина России);
- создание гибкой, всеобъемлющей и внутренне непротиворечивой законодательной базы, прежде всего миграционного законодательства;
- совершенствование институциональной системы (и в этом контексте, в частности, ликвидация Федеральной миграционной службы выглядит шагом, мягко говоря, непродуманным);
- эффективная государственная защита гражданских и трудовых прав гастарбайтеров (в противном случае их демпинговый труд изуродует рынок труда вообще);
- жесткая борьба с нарушителями российского законодательства;
- продуманное разделение прав и полномочий в регулировании этого процесса между центральными и местными властями;
- максимально возможная легализация труда гастарбайтеров, что позволит государству контролировать ситуацию, собирать налоги, сводить масштабы криминальности иммигрантских сообществ и уровень коррумпированности госаппарата к социально приемлемому уровню.

Все это только небольшая часть стратегии управления процессом, но и перечисление данных мер показывает, насколько она сложна и труднореализуема. Она требует огромной, часто незаметной, неэффективной, кропотливой и, главное, повседневной работы. Однако только она может послужить залогом устойчивого развития Сибири и Дальнего Востока как неотъемлемой части России.

Скорее всего, в позиции общества и политике властей будут присутствовать элементы всех трех стратегий. Вопрос в их соотношении. Многое будет зависеть от уровня и характера регионализации, соотношения стратегий местных и центральных властей. Возможная стратегия последних, направленная на всемерное уменьшение прав и полномочий местных властей, игнорирование реальных интересов местных элит, отказ от комплексного социально-экономического развития Сибири и курс на сохранение ее в качестве «российской кладовой», откуда можно на неэквивалентной основе черпать якобы «неисчерпаемые богатства», является реальной угрозой единству страны. А без Сибири и Россия будет уже чем-то принципиально иным.

Но при этом, катастрофическом по своим последствиям, но возможном варианте уже совершенно по-иному встанут вопросы переселенческого характера сибирского общества, роли в нем мигрантов, возникших на их основе диаспоральных сообществ, характера взаимоотношений с соседями, прежде всего с Китаем. Тут и возможен вариант, когда сибирская многонациональная общность будет формироваться и развиваться уже не только на базе русского, более широко – славянского компонента. Тогда это будет качественно иное, чем сейчас, сообщество.

Если такая перспектива не радует, необходимо комплексно и уже на рыночной основе развивать Сибирь. Это, в свою очередь, вряд ли возможно без мигрантов, без применения их физических и интеллектуальных усилий.

Очень многое будет зависеть от траектории развития Китая. Возможный социально-экономический и политический кризис в этой стране, новые потрясения чреватые чудовищными для соседей последствиями – в частности неконтролируемым и неудержимым потоком мигрантов.

Таким образом, притом, что сибирское общество останется переселенческим по своему характеру, само это качество может принять разнообразные формы. И выбор происходит уже сейчас, осознаем мы это или нет.

Н. Н. Аблажей
(г. Новосибирск)

РЕЭМИГРАЦИЯ ИЗ КИТАЯ НА ТЕРРИТОРИЮ РОССИИ И КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. *

Послевоенное десятилетие отмечено мощными миграционными потоками, связанными с движением перемещенного во время войны населения. В годы войны почти 60 млн человек лишились прежнего места проживания и потеряли собственность, 20–30 млн всех беженцев и перемещенных лиц оказались в Европе. Юридическим основанием репатриации стало решение, принятое в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции СССР, США и Англией, в соответствии с которым все советские граждане, находившиеся за рубежом, подлежали репатриации. Агентство по делам перемещенных лиц ЮНРРА (The United Nations Relief and Rehabilitation Agency) было создано в 1943 г., и именно этот орган в первые послевоенные годы занимался репатриацией. В СССР органы репатриации были созданы в октябре 1944 г. и действовали до марта 1953 г. Процедура репатриации касалась преимущественно граждан СССР – военнопленных, интернированных и жителей приграничных территорий. За первые послевоенные годы в СССР было репатрировано 4,5 млн человек, из них более 1 млн 150 тыс. человек впоследствии были перемещены внутри СССР. В конце 1940 – начале 1950-х гг. было создано Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, а в 1951 г. принята Конвенция о статусе беженцев. СССР не присоединился к Конвенции, не признавая таким образом беженцев как политическое и социальное явление. По данным органов репатриации на начало 1952 г. за границей продолжало оставаться более 450 тыс. советских граждан¹.

Послевоенная репатриация коснулась и российской эмиграции. Начиная со второй половины 1940-х гг. произошел резкий, почти в 10 раз, рост численности советской диаспоры в Китае, за 1946–1947 гг. более 150 тыс. человек подали прошения о предоставлении советского гражданства². Массовая советизация российской эмиграции пришла в основном на период военного присутствия СССР в Китае, но продолжалась и после вывода советских войск в мае 1946 г. Репатриация стартовала летом 1947 г. после заявления советского руководства о готовности разрешить въезд в страну 3 тыс. советским гражданам, проживающим в Китае. Однако уже в 1948 г. советские консульства столкнулись с нежеланием большинства бывших россиян возвращаться в СССР и даже отказом от советского гражданства. В ответ на противодействие возвращению под давлением СССР Китай ввел ограничения на выдачу эмигрантам вида на жительство. Одновременно с репатриацией имело место массовое перемещение русскоязычного населения с тихоокеанского побережья Китая, в первую очередь из Шанхая, в США, Австралию, Канаду, пик которого пришелся на 1949 г., когда накануне занятия Шанхая Народно-освободительной армией в начале лета 1949 г. страну покинуло около 5,5 тыс. человек.

На начало 1950-х гг. число советских граждан на территории КНР, без учета Синьцзяна, составляло более 60 тыс. человек; из них в Харбине – 28,5 тыс., на ст. Маньчжурия – около 26 тыс., в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Циндао и Мукдене – около 6 тыс. человек³. Следует отметить, что в ряде китайских источников (данные переписи 1953 г. не публиковались в открытой печати) количество русских в КНР занижено и оценивается всего в 20 тыс. человек, в том числе в Синьцзяне 13 тыс.⁴ В то же время численность мигрантов – казахов, бурят, тунгусов, эвенков, тувинцев (мончаков), в Китай из приграничных национальных районов Российской империи, а затем СССР пока не поддается даже приблизительной оценке. До середины XX в. в Синьцзяне было сконцентрировано 99 % всех уйгуров, казахов, киргизов, таджиков, узбеков и татар, живших в КНР. Что касается приводимой китайскими источниками численности русских в Синьцзяне на данный период, то она достаточно высока, что свидетельствует о высокой миграционной активности русскоязычного населения в регионе. Так, отток населения на северо-восток Китая в первой половине 1930-х гг., связанный с мусульманским восстанием 1932 г. и советским военным присутствием, усилившимся с 1933 г., компенсировался новой волной нелегальных переселенцев из СССР, вызванной в первую очередь коллективизацией.

Со второй половины 1940-х гг. в Синьцзяне обострились межэтнические отношения, произошла серия националистических выступлений уйгуров и казахов, что привело к созданию в 1945 г. в Кульджинском, Тарбагайском (центр Чугучак) и Алтайском округах независимых администраций, получивших фактически политическую автономию от центра и ратовавших за улучшение отношений Синьцзяна с СССР. С конца 1949 г. в регионе сложились благоприятные условия для развития всесторонних дружеских отношений с северным соседом. В октябре 1949 г. были установлены дипломати-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РАН, проект № 367 (Постановление Президиума РАН № 123 от 24 апреля 2001 г.) и РГНФ (грант № 02-01-00317).

ческие отношения, а в феврале 1950 г. между СССР и Китаем был подписан договор о дружбе и взаимопомощи.

Изменение стратегии советской репатриационной политики пришлось на середину 1950-х гг. Наряду со смягчением политического режима в СССР это было продиктовано экономическими соображениями. В связи с нехваткой трудовых ресурсов в аграрном секторе, связанном с изменением баланса сельского и городского населения в СССР и одновременно курсом руководства на экстенсивное развитие сельскохозяйственного производства за счет освоения целинных и залежных земель в Казахстане, Сибири и на Урале, страна нуждалась в привлечении дополнительной рабочей силы. Репатрианты из Китая и стран Восточной Европы должны были размещаться во вновь организованных совхозах, которых только на казахской целине к весне 1954 г. было создано более сотни. В соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 18 апреля 1954 г. № 751-329с на территорию СССР разрешался въезд советским гражданам и членам их семей, изъявивших желание выехать из КНР для работы на целине.

Въезд для тех, кто направлялся на целину, разрешался по коллективным визам, при этом государство брало на себя затраты по приему, транспортировке переселенцев и провозу багажа от границы СССР до места назначения, а также обязательство трудоустроить переселенцев. Лица, которые заявили о своем нежелании работать в совхозах, могли въезжать в СССР только по индивидуальным визам, и советское государство отказывалось нести любые затраты.

Один из потоков переселенцев, преимущественно с северо-запада Китая (Маньчжурии), направлялся по железной дороге до ст. Отпор Забайкальской железной дороги, где на транспортировке переселенцев было задействовано 34 эшелона. По плану эшелоны должны были комплектоваться из нормы загрузки в 700 семей, что составляло примерно 2 500–2 800 человек. Переселенцы из Кульджинского округа Синьцзяна направлялись автотранспортом (грузовиками) к пограничному пункту Хоргос-Галды Курганской области, затем до Панфилово и, наконец, до ст. Сары-Озек Туркестано-Сибирской железной дороги. Автотранспорт был задействован на перевозке материалов для советско-китайских акционерных обществ, а возвращался в СССР с переселенцами. Далее переселенцы перевозились по Турксибу эшелонами, в каждом из которых находилось до 100–120 семей (350–450 человек)⁵ Еще один поток переселенцев следовал водным транспортом, одновременно караваном до 10 барж по 500 и 300 человек, принадлежащих Балхаш-Илийскому пароходству, из китайского города Сандоходзе по р. Или до Илийска, затем грузовым транспортом до железнодорожной станции Или Туркестано-Сибирской железной дороги. Транспортировка осуществлялась также по шоссейной трассе Чугучак–Бахты до ст. Аягуз Семипалатинской области Казахской ССР и далее по Турксибу. Прием велся и на киргизо-китайской границе через г. Нарын. Затем репатрианты с приграничных пунктов доставлялись до места назначения в целинные области РСФСР, Казахской и Киргизской ССР.

Прием и устройство переселенцев легли первоначально на Министерство сельского хозяйства СССР, а затем в связи с реструктуризацией отрасли – на Министерство совхозов. Процесс приема включал в себя доставку, размещение и трудоустройство переселенцев. Кроме того, Министерство лесного хозяйства СССР должно было заранее обеспечить отгрузку типовых стандартных домов совхозам, принимавшим переселенцев, но сроки и план поставок постоянно срывались. Весьма привлекаемыми являлись финансовые условия репатриации. При въезде на территорию СССР переселенцам выплачивалось денежное пособие в размере 3 тыс. р. на главу семьи и по 600 р. на каждого ее члена. С 1956 г. особо нуждающимся репатриантам выплачивалось безвозвратное пособие в размере до 500 р. на человека, всем без исключения оплачивались суточные за время следования по территории СССР из расчета 10 р. в сутки на человека⁶. Накануне возвращения многие из репатриантов спешно свертывали свое хозяйство, распродавая скот и уменьшая посевные площади. Компенсировалась также стоимость провоза багажа в размерах 2 т на семью. После прибытия Сельхозбанк должен был предоставлять репатриантам льготные кредиты до 10 тыс. р. на индивидуальное строительство и 2–3 тыс. р. на покупку скота.

Государство несло значительные расходы на переселенцев из Маньчжурии, переправляемых по железной дороге до пограничной ст. Отпор и далее до мест расселения. Расходы в среднем составили: на главу семьи до 1 700 р. и около 400 р. на каждого члена семьи. Переселение из Синьцзяна обходилось дешевле, и все расходы, включая доставку автотранспортом от границы до ст. Аягуз, составляли около 140 р. на человека. Перевозка людей водным и далее авто- и железнодорожным транспортом обходилась в 142 р. на человека⁷ Однако государство в полной мере не смогло обеспечить бесперебойное снабжение переселенцев всем необходимым, поэтому были организованы торговые точки для продажи продуктов питания и товаров первой необходимости.

Прибытие первых партий репатриантов пришлось на начало июля 1954 г. Только за лето 1954 г. в СССР въехало 4 005 семей переселенцев общим числом почти в 20,5 тыс. человек. По национальному составу преобладающее большинство переселенцев первых партий составляли русские. Так, в числе 500 семей (2 462 человек), прибывших летом 1954 г. из Синьцзяна в Хоргос, русские составили

78,1 %, казаки – 10,3, татары – 4,8, уйгуры – 4,1, узбеки – 1,2 %⁸. Всего из КНР в 1954 г. выехало 6 005 семей (27 216 человек): из г. Харбина – 2 157, со ст. Маньчжурия – 1 820, г. Дальнего – 500, г. Кульджи – 500, г. Мукдена – 325, г. Пекина – 268, г. Шанхая – 222, г. Тяньцзина – 213 семей⁹

В составе первых партий переселенцев преобладали специалисты с высшим и средним образованием по специальностям, в большинстве своем не имевшим применения в сельскохозяйственном секторе. Приблизительно половина переселенцев первоначально была размещена в сельских районах Южного Урала и Сибири. Нецелесообразность использования в сельском хозяйстве высококвалифицированных трудовых ресурсов предопределила выезд многих переселенцев в города и другие населенные пункты, где они могли быть трудоустроены по специальности. После анализа состава прибывающих посольству СССР в Китае были даны указания выдавать разрешения на выезд преимущественно трудоспособным гражданам и членам их семей, которые могут быть использованы на работах прежде всего в сельском хозяйстве.

Постановление Совета Министров СССР не определяло для переселенцев из КНР ограничения в правах, но потребовался ряд специальных постановлений для региональных властей относительно правового положения «возвращенцев», в первую очередь права выезда за пределы тех областей, где они были первоначально размещены, и выбора места работы. Это было связано с тем, что в конце 1940 – начале 1950-х гг. большинство переселенцев размещалось в лагерях для заключенных. Подобные случаи были и в 1954 г., когда часть репатрированных советских граждан была размещена в бывших исправительно-трудовых лагерях Казахской ССР, в окружении бывших заключенных¹⁰. Это получило огласку в среде репатриантов в Синьцзяне, пошла волна слухов, что репатрируемых советских граждан размещают в концлагерях. Для предотвращения подобных инцидентов Генеральным консульством СССР в Урумчи были отправлены соответствующие просьбы в МИД СССР на имя В. М. Молотова и лично Н. С. Хрущеву. МВД СССР поручалось разработать порядок перемещений по территории СССР для граждан, прибывших из Китая.

В соответствии с Постановлениями Совета Министров СССР от 19 января 1955 г. № 126-67с и от 15 февраля 1955 г. № 238-143с СССР должен был принять 10 тыс. семей советских граждан из КНР, что могло составить 45–50 тыс. человек. Из указанного количества 8 тыс. семей должны были разместиться в совхозах Казахской ССР, 1 500 семей – в РСФСР и 500 семей в Киргизской ССР. На начало 1955 г. МИД разрешил выезд около 13 тыс. семей: из Кульджи – 4 400, Маньчжурии – 3 000, Харбина – 2 700, Чугучака – 1 800, Кашгара – 200, Урумчи – 200, Алтайского округа – 200, Шанхая – 160, Дальнего – 130, Мукдена – 110, Пекина и Тяньцзина – 100 семей¹¹. Однако к концу года количество репатриантов достигло рекордной цифры в 15 тыс. 417 семей, что составило в целом 87 тыс. 836 человек (преимущественно из Синьцзяна). Из Пекина и Тяньцзина выехало 92 семьи (263 человека), из Кантона – 12 (32 человека), Шанхая – 167 (537 человек), Харбина – 2 073 (8 100 человек), Дальнего – 97 (233 человека), Мукдена – 108 (290 человек), Маньчжурии – 3 017 (13 223 человека), Кульджи – 5 850 (38 378 человек), Чугучака – 2 958 (18 531 человек), Алтайского округа – 363 (3 764 человека), Урумчи – 305 (2 015 человек), Кашгара – 378 (2 469 человек)¹².

Судя по документам, выезжали преимущественно казахи, русские, татары, узбеки и уйгуры. Этнический состав 15 тыс. репатриантов, проследовавших с апреля по июнь 1955 г. из китайского города Сандоходзе по р. Или до Илийска, был следующим: русских – 33,8 %, казахов – 25,8, уйгуров – 30,4, татар – 5,3, узбеков – 3, киргизов – 1,3, других национальностей – 0,4 %¹³. В составе партии переселенцев из 11,5 тыс. человек из Чугучака, пересекших границу с апреля по июнь 1955 г. по трассе Бакты–Аягуз, доминировали казахи – 63 %, далее шли русские – 25,3, татары – 9,4, узбеки – 2,2, уйгуры – 0,1 %¹⁴. В целом в составе 10 тыс. семей переселенцев русские составляли 58,4 %, казахи – 23,3, уйгуры – 9,7, татары – 4,7, узбеки – 1,6, другие национальности – 2,3 %¹⁵. Из числа трудоспособных репатриантов более 70 % ранее занимались сельским хозяйством, будучи земледельцами, скотоводами или разнорабочими.

По данным советского посольства только за первые два года массовой репатриации из Китая выехало более 114 тыс. человек. Из них из Кульджи – 6 354 семей (40 849 человек), ст. Маньчжурия – 4 857 (23 843), Харбин – 4 282 (17 061), Чугучак – 2 958 (18 531), Алтай – 363 (3 764), Кашгар – 378 (2 469), Дальний – 570 (2 322), Пекин и Тяньцзинь – 556 (1 625), Урумчи – 305 (2 015), Шанхай – 384 (1 084), Мукден – 436 (1 206), Кантон 12 (32)¹⁶. Среднее количество переселенцев в русскоязычных семьях, ранее проживавших в городах, составляло 3,5–4 человека, из сельской местности – около 5 человек, в национальных семьях – 6,5 человек и более. При исчислении размера компенсационных выплат государство исходило из расчета 4,9 человек на одну семью. Средний состав семей, прибывших из КНР, составлял 5,2 человек. Советские консульства в Кульдже, Кашгаре, Урумчи отмечали, что из Китая уезжают целыми родами. В 1955 г. еще около 200 тыс. человек, в большинстве своем казахи и уйгуры, проживавшие в Синьцзяне, запросили гражданства и репатриации в СССР, в том числе в Казахстан.

Массовый отток населения из Китая в СССР вызвал серию протестов МИД КНР и ответные меры китайского правительства по ограничению миграции казахов и уйгуров, так как только из Синьцзяна

за 1955 г. выехало более 65 тыс. человек. В 1956 г. МИД СССР пришлось заявить, что массовой репатриации советских граждан из Синьцзяна не будет. Тем не менее признавалось, что наиболее подходящим контингентом для отбора на репатриацию будут советские граждане, проживающие именно в Синьцзяне. Поэтому основной поток репатриантов и в следующем году был именно из этого региона.

11 января 1956 г. было принято очередное постановление Совета Министров СССР № 37-26с «О порядке репатриации советских граждан, находящихся за границей, и трудоустройстве их в СССР». В 1956 г. Министерство совхозов СССР столкнулось с финансовыми проблемами, связанными с огромными затратами по переброске трудовых ресурсов из-за границы, и отказывалось брать на себя обязательства по трудоустройству прибывающих советских граждан, ранее не занятых в сельском хозяйстве. Одновременно признавалось, что министерство испытывает большую потребность в трудовых ресурсах, которые могут быть использованы в животноводстве. На 1956–1957 гг. по запросу Министерства совхозов была сформирована партия из 10 тыс. семей переселенцев для использования их на работе в животноводстве, из них 8 500 семей – в совхозах Казахской ССР и 1 500 семей – в РСФСР. Практика приема репатриантов из КНР оправдывала себя гораздо больше, чем размещение в Казахской ССР советских граждан из Болгарии, из числа которых на целине оставалось не более 16 % от прибывших¹⁷ Со своей стороны МИД обещал, что будет учитывать потребности в сельскохозяйственной рабочей силе и соответственно формировать количество и контингент репатриантов.

Судя по переписке Консульского управления МИД с советскими генконсульствами в Китае, можно утверждать, что план репатриации из Хэйлуцзянской провинции (Сахалян) мог быть осуществлен преимущественно за счет лиц без гражданства или имеющих гражданство КНР. Отсутствие полных данных о масштабах репатриации в 1956 г. не позволяет в полной мере оценить миграционную динамику. Согласно разрядке на 1956 г., только совхозам Казахской ССР требовалось около 10 тыс. семей. В мае–июле 1956 г. в СССР въехало порядка 300 семей советских граждан, прием которых был произведен через Гродеково и Благовещенск. Переселенцы были размещены в сельской местности Приморского и Хабаровского краев. Известно, что в 1956 г. из Кульджи выехало 2 227 семей (14 456 человек), из них было казахов – 61 %, уйгуров – 16,6, русских – 11,8, киргизов – 3,7, узбеков – 3,4, татар – 2,1, дунган – 1,3, китайцев – 0,1 %. В 1956 г. в СССР прибыла группа старообрядцев, оформивших советское гражданство. Распределение этой партии по республикам в целом соответствовало национальному составу переселенцев. Так, в Казахстан было направлено 81,2 %, в Киргизию – 8,1, в Узбекистан – 5,5, в РСФСР – 3,3, в другие республики – 1,9 %. К моменту выезда только 1 % репатриантов имел китайское гражданство, остальные – советское. Но в дальнейшем советские консульства были вынуждены согласовывать с китайской стороной объем репатриации. Возможно, именно поэтому в 1957 г. она практически сошла на нет. Одновременно, начиная со второй половины 1950-х гг., наблюдается активное переселение этнических китайцев из южных районов Китая в Синьцзян-Уйгурский автономный район, преимущественно в северные приграничные районы.

По консульской разрядке к плану на 1958 г. количество переселенцев из КНР должно было составить 46 150 человек, в том числе из Кульджи – 44 000 человек, Харбина – 1 500, Урумчи – 500, Пекина, Шанхая и Дальнего – 150 человек. Плановые показатели 1959 г. были еще выше – 10 тыс. семей, или 60–65 тыс. человек¹⁸ Всего за 1958–1959 гг. КНР покинуло 11 705 семей, или более 75 тыс. человек. По-прежнему весьма приблизительными остаются оценки численности эмигрантов-уйгур. Согласно переписи населения СССР 1959 г., их численность оценивалась в 95 тыс. человек. Избыточный прирост вследствие иммиграции начала 1960-х гг. мог составить порядка 40 тыс. человек¹⁹ Одновременно имеются данные, что только в мае–июне 1962 г. из Синьцзяна в СССР бежало более 67 тыс. жителей провинции²⁰, после чего советско-китайская граница была закрыта. За 1953–1964 гг. вследствие эмиграции в КНР уменьшилась численность казахов, киргизов, узбеков, татар. Из страны выехало подавляющее большинство русских. Данные национальные меньшинства имели отрицательный прирост численности, что, по мнению китайских демографов, явилось следствием массовых перемещений за рубеж. Эмиграция из Китая была направлена в первую очередь в СССР, а также в соседний Афганистан и Пакистан. Из КНР в СССР в 1950-е гг. выехало более 200 тыс. человек.

За период со второй половины 1960 до конца 1970-х гг. численность русских, согласно официальным данным китайской стороны, постоянно сокращалась, достигнув критической отметки в 600 человек. По данным переписи 1982 г. в КНР проживало уже около 3 тыс. русских, подавляющее большинство (более 91 %) – в Синьцзян-Уйгурском автономном округе, остальные – в провинции Хэйлуцзян. Таким образом, за период 1978–1982 гг. прирост численности русского населения достиг рекордного показателя (увеличение в 5 раз), что явилось следствием общегосударственной политики, направленной на восстановление национального статуса представителей национальных меньшинств. В 1980-е гг. процесс выявления и реидентификации ряда национальностей продолжался. Согласно четвертой переписи населения КНР, проведенной в 1990 г., численность русских составила около 14 тыс. человек. Среднегодовые темпы роста за десятилетие составили более

360 %²¹ Очевидно, прирост происходил за счет восстановления и исправления национального статуса. Сегодня большинство русских – это потомки от смешанных браков, которые ранее по политическим соображениям предпочитали считать себя представителями других национальностей. За последних четыре десятилетия произошел значительный рост казахов в Китае. По официальным данным на конец 1999 г. их насчитывалось около 1,3 млн человек, они являлись третьей по численности этнической группой на территории Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР (СУАР), составляя 7,4 % общей численности его населения.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. миграционная ситуация на востоке России существенно изменилась, что было обусловлено нормализацией отношений с КНР. С конца 1980-х гг. начался приток корейцев и китайцев на российский Дальний Восток, численность которых составила 250–300 тыс. человек. После распада СССР и образования на постсоветском пространстве в Центральной и Средней Азии независимых государств произошло оживление трансграничных потоков. К середине 1990-х гг. в Казахстане незаконно проживали уже 300 тыс. китайцев.

На фоне современной миграционной ситуации в регионе в 1990-е гг. началась новая волна репатриации. Массовая репатриация этнических казахов активно поощряется правительством Казахстана. В своей репатриационной политике Казахстан исходит прежде всего из реально существующей критической демографической ситуации в стране. До 1993 г. в Казахстане имела место трудовая иммиграция, которая практически не контролировалась. С 1993 г. в Казахстане начали разрабатываться основы миграционной политики и масштабы репатриации стали законодательно регламентироваться, существует ежегодная миграционная квота. Следующим шагом явилось принятие в 1997 г. Закона «О миграции населения» и проработка механизмов его реализации. Согласно закону, под понятием «репатриант» (оралман) стало подразумеваться лицо коренной национальности, изгнанное за пределы исторической родины и лишенное гражданства в силу актов массовых политических репрессий, незаконных реквизиций, насильственной коллективизации и т. п., добровольно переселяющееся в Республику Казахстан с целью постоянного проживания. Этот статус получили и его потомки. В силу того что для казахского этноса на протяжении последней четверти XIX – первой половины XX в. была характерна высокая миграционная активность, такая формулировка позволяла рассматривать любого переселенца из Монголии и Китая как оралмана.

За счет оралманов в стране на 5 % увеличилась численность титульной нации. С 1991 по 2001 г. в Казахстан въехало более 200 тыс. этнических казахов. Основной поток репатриантов дали Монголия, Афганистан, Иран, Турция, Пакистан, Туркменистан, Узбекистан и Китай. В первой половине 1990-х гг. усилился процесс миграции китайских уйгуров в Казахстан. В случае разрастания этнического конфликта на северо-западе страны поток беженцев (в первую очередь уйгуров и казахов, ведь в СУАР проживает большая казахская диаспора) в приграничные с Казахстаном области может многократно возрасти. Численность резмигрантов из Китая до последнего времени не превышала 1 % от общего количества репатриантов²². Такие низкие темпы репатриации были связаны, с одной стороны, с лучшими условиями жизни в Синьцзяне по сравнению с Казахстаном, а с другой – с опасениями относительно роста преступности и проникновения в регион исламского экстремизма.

Сегодня Казахстан реально является буфером, который отделяет Россию от взрывоопасного конгломерата государств Центральной Азии. До 90 % нелегальных мигрантов попадают в Россию через границу с Казахстаном. Стабилизация внешних миграционных процессов в регионе пока невозможна из-за растущей напряженности в странах Центральной Азии.

Примечания

¹ См.: Земсков В. Н. Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социс. 1991. № 4.

² АВПРФ, ф. 100, оп. 34, д. 48, л. 58.

³ Там же, оп. 43, д. 53, л. 21–24.

⁴ Дикарев А. Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. М., 1996. С. 15.

⁵ РГАЭ, ф. 7803, оп. 7, д. 345, л. 110.

⁶ Там же, д. 392, л. 54.

⁷ Там же, д. 369, л. 25, 27; Там же, д. 372, л. 253.

⁸ Там же, д. 372, л. 48, 49.

⁹ АВПРФ, ф. 100, оп. 47, д. 42.

¹⁰ РГАЭ, ф. 7803, оп. 7, д. 372, л. 16.

¹¹ Там же, д. 345, л. 24, 59.

¹² АФПРФ, ф. 100, оп. 42, д. 15.

¹³ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 7803, оп. 7, д. 372, л. 254.

¹⁴ АВПРФ, ф. 100, оп. 48, д. 49; РГАЭ, ф. 7803, оп. 7, д. 372, л. 227.

¹⁵ РГАЭ, ф. 7803, оп. 7, д. 372, л. 382.

¹⁶ АВПРФ, ф. 100, оп. 42, д. 15.

¹⁷ РГАЭ, ф. 7803, оп. 3, д. 392, л. 13, д. 365, л. 15.

¹⁸ Подсчитано по: АВПРФ, ф. 100, оп. 44, д. 19.

¹⁹ Дикарев А. Д. Демографические проблемы национальных меньшинств... С. 25.

²⁰ Рахимов Т. Р. Судьбы нехапских народов в КНР. М., 1981. С. 81.

²¹ Дикарев А. Д. Демографические проблемы национальных меньшинств... С. 28, 35.

²² См.: Садовская Е. Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: Основные тенденции и перспективы. Алма-Ата, 2001.

Р. Г. Рафиков, В. А. Крюков
(г. Красноярск)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕНИСЕЙСКОМ РЕГИОНЕ В 1990-е гг.

Енисейский регион Восточной Сибири уникален по многим параметрам. Географически он тянется вдоль всего енисейского меридиана от Саянских горных хребтов в Туве на российско-монгольской границе до арктических зон Таймырского полуострова на побережье Северного Ледовитого океана. Общая площадь Енисейского региона составляет почти 2,6 млн км², или 15,1 % территории России. По отдельным субъектам площадь территории колеблется от 862 тыс. км² в Таймырском АО до 62 тыс. км² в Республике Хакасия (табл. 1).

Таблица 1

Основные характеристики Восточно-Сибирского региона

Субъект Российской Федерации	Территория		Население *		Плотность населения (человек/км ²)
	тыс. км ²	удельный вес. (%)	тыс. человек	удельный вес. (%)	
Республика Тыва	170,5	1,00	310,7	0,21	1,8
Республика Хакасия	61,9	0,36	581,3	0,39	9,4
Красноярский край	2 339,7	13,70	3 039,3	2,10	1,3
В том числе:					
Таймырский АО	862,1	5,05	44,1	0,03	0,05
Эвенкийский АО	767,6	4,50	19,4	0,01	0,03
Итого	2 572,1	15,06	3 931,3	2,70	1,55

* Примечание: По состоянию на 1 января 2000 г.

Енисейский регион охватывает пять субъектов, четыре из них являются национальными. Это: две республики (Тыва и Хакасия), один край (Красноярский) и два северных автономных округа (Таймырский и Эвенкийский). Разноуровневый административно-территориальный состав региона и его сложная подчиненность обусловили непростые политические взаимоотношения между ними, особенно по вертикали «край–автономный округ». Последние территориально входят в состав Красноярского края, но в то же время являются самостоятельными субъектами Российской Федерации. Отметим также, что ранее (до июля 1991 г.) в состав Красноярского края входила и Республика Хакасия на правах автономной области.

Общая численность населения Енисейского региона достигает почти 4 млн человек, варьируя по отдельным субъектам от 3,1 млн человек в Красноярском крае до 19 тыс. человек в Эвенкийском АО. Демосоциальная специфика региона заключается в очень низкой физической плотности населения (1,55 человек/км²) и в устойчивой тенденции снижения его численности из-за естественной убыли населения и отрицательного коэффициента миграции.

Национальный состав региона представлен, согласно переписи населения 1989 г., более чем 120 различными этносами. На долю нерусских народов приходится 705 тыс. человек, или 20 % населения региона. Показательно, что русское население по численности абсолютно преобладает не

только в Красноярском крае (87,6 %), но и в трех «национальных» субъектах: Республике Хакасия (79,5 %), Таймырском (67,1 %) и Эвенкийском (67,5 %) АО (табл. 2). И лишь в Республике Тыва русскоязычное население составляет меньшинство (32 %). Только здесь имело место на рубеже 1980–1990-х гг. вытеснение русского населения за пределы национальной республики.

Таблица 2

Движение населения в Енисейском регионе (тыс. человек)

Субъект	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Республика Тыва	308	313	306	306	306	306	308	309	310	310	311
Республика Хакасия	569	575	577	581	583	584	584	586	585	584	581
Красноярский край	3 040	3 170	3 161	3 159	3 140	3 117	3 106	3 095	3 080	3 063	3 039
В том числе:											
Таймырский АО	56	54	53	51	50	48	47	46	45	44	44
Эвенкийский АО	24	25	25	25	24	23	21	20	20	20	19
Итого	3 917	4 048	4 044	4 046	4 029	4 007	3 998	3 990	3 975	3 957	3 931

Вынужденная миграция

С начала 1990-х гг. миграционные процессы в Енисейском регионе оказались тесно связаны как с политической, так и с экономической обстановкой в стране и граничащих с ней государствах. Одним из наиболее трагических последствий распада СССР стало такое исключительное по своим масштабам и напряженности явление, как вынужденная миграция.

С 1992 по 1999 г. в обмене населением субъектов Енисейского региона со странами СНГ и Балтии сохранялся положительный миграционный баланс (главным образом за счет Красноярского края). Максимальное число мигрантов из этих государств было зарегистрировано в 1994 г., после чего их количество начинает существенно сокращаться (рис. 1, табл. 3). Связано это не только с уменьшением численности наиболее мобильной части потенциальных мигрантов, но и с совершенствованием российского законодательства о гражданстве, заключением двусторонних межведомственных соглашений по вопросам социального и пенсионного обеспечения, что сняло острую необходимость выезда в Россию.

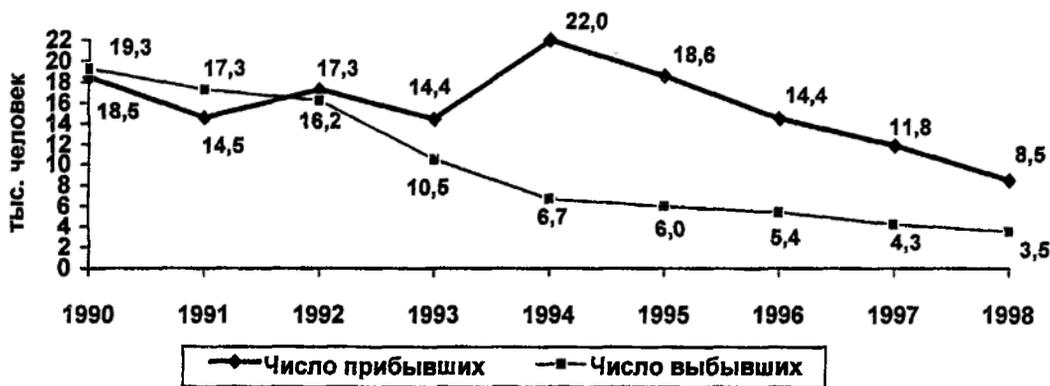

Рис. 1. Вынужденная миграция в Красноярский край из стран СНГ и Балтии

Отсутствие или несовершенство законодательства бывших республик СССР в области защиты основных прав и свобод граждан, создающее возможность дискриминации лиц некоренной национальности по признаку расы, вероисповедания и языка, способствовало возникновению проблемы вынужденной миграции на их территории.

Вынужденный и практически нерегулируемый (до 1992 г.) характер миграции со странами СНГ и Балтии, ее стихийность и высокая интенсивность потребовали от Правительства Российской Федерации принятия экстренных мер по упорядочению данного процесса. В первую очередь это коснулось таких вопросов, как разработка и совершенствование законодательной базы, создание региональных миграционных служб, открытие пунктов и центров первичного приема и временного размещения мигрантов и т. д.

**Вынужденная миграция в Красноярский край
(из стран СНГ и Балтии)**

Год	Число прибывших (тыс. человек)	Число выбывших (тыс. человек)	Общий прирост (тыс. человек)	Получили статус беженцев и вынужденных переселенцев	Число беженцев и вынужденных переселенцев в % к прибывшим
1992	17,4	16,2	1,2	1,2	6,9
1993	14,4	10,5	3,9	1,95	13,5
1994	22,0	6,7	15,3	4,2	19,0
1995	18,6	6,0	12,6	5,1	27,4
1996	14,4	5,4	9,0	2,2	15,5
1997	11,8	4,3	7,5	1,8	15,6
1998	8,5	3,5	5,0	1,8	21,7
Итого	107,0	52,6	54,6	18,3	17,1

В соответствии с принятыми федеральными законами «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах» часть мигрантов, прибывших из стран СНГ и Балтии, стала получать соответствующий статус, что в какой-то мере способствовало их адаптации к новым условиям. В частности, в Красноярском крае регистрация вынужденных мигрантов началась с июля 1992 г. На начало 1999 г. в крае (исключая Таймырский и Эвенкийский АО) проживало 16,7 тыс. человек, имевших официальный статус беженцев и вынужденных переселенцев. За 1992–1998 гг. в потоке межреспубликанской миграции в край прибыло почти 107 тыс. мигрантов, из них статус беженцев и вынужденных переселенцев получили 18,3 тыс. человек (17,1 %). За этот же период было снято с учета в связи с утратой статуса или выезда в другие регионы России на новое место жительства 1,6 тыс. вынужденных мигрантов.

До 20 марта 1993 г. статус беженцев и вынужденных переселенцев не был дифференцирован. Впоследствии, с введением в действие законов «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах», миграционные службы стали вести отдельный учет каждой категории. На начало 1999 г. в Красноярском крае органами статистики было зарегистрировано 1 676 беженцев и 15 015 вынужденных переселенцев*. На начало 2000 г. миграционная служба Красноярского края давала цифры в 15 704 человек (6 456 семей) вынужденных переселенцев и 1 675 человек (691 семья) беженцев.

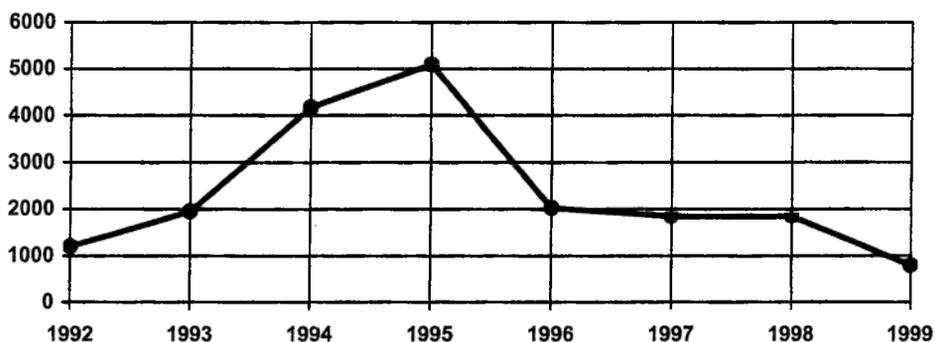

Рис. 2. Регистрация вынужденных мигрантов миграционной службой Красноярского края с 01.07.1992 по 01.01.2000 г.

Из рис. 2 видно, что основной пик вынужденной миграции падает на 1994–1995 гг., что связано с ведением военных действий в наиболее крупных очагах национальных и межнациональных конфликтов на территории бывшего СССР (Абхазия, Молдова, Нагорный Карабах, Таджикистан). Прекращение военных действий в этих зонах привело к тому, что начиная с 1996 г. численность вынужденных мигрантов стабилизируется на уровне 2 тыс. человек, а к 1999 г. падает до минимальной отметки в 0,8 тыс. человек.

* К числу беженцев отнесены лица, которые вынуждены оставить место жительства вследствие различных угрожающих обстоятельств и прибыли на территорию другого государства. Лица, отнесенные к вынужденным переселенцами, имеют те же признаки, что и беженцы, но являются гражданами Российской Федерации.

Подчеркнем, что данные процессы протекают в Енисейском регионе в рамках общероссийской тенденции. Вне ее рамок происходит всплеск внутрирегиональной миграционной активности, связанный с обострением межнациональной напряженности в начале 1990-х гг. в Республике Тыва. В то же время первая и вторая чеченские войны практически не отразились на активности вынужденной миграции в Енисейском регионе.

Со второй половины 1990-х гг. география выбытия беженцев и вынужденных переселенцев существенно меняется, хотя и остается достаточно пестрой. Начинают преобладать лица, выезжающие из относительно спокойных регионов Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Так, по Красноярскому краю около половины (46 %) всех беженцев и вынужденных переселенцев являются выходцами из Казахстана, более трети (37 %) – из среднеазиатских государств (табл. 4).

Таблица 4

Распределение вынужденных переселенцев и беженцев в Красноярском крае по месту прежнего постоянного жительства на конец 1999 г. (человек)

Территория	человек	%	Территория	Человек	%
<i>Всего</i>	<i>15,791</i>	<i>100,0</i>	<i>гос-в Средней Азии</i>	<i>5,827</i>	<i>36,9</i>
из них постоянно проживали на территории:			Киргизии	1,637	10,4
			Туркмении	115	0,7
Белоруссии	3	0,0	Узбекистана	2,069	13,1
Казахстана	7,235	45,8	Таджикистана	2,006	12,7
Молдавии	425	2,7	гос-в Закавказья	1,480	9,4
Украины	56	0,4	Азербайджана	644	4,1
			Армении	74	0,5
России	507	3,2	Грузии	762	4,8
В том числе:			гос-в Балтии	258	1,6
Республики Ингушетия	3	0,0	Латвии	170	1,0
Чеченской республики	498	3,2	Литвы	28	0,2
Респ. Северная Осетия	6	0,0	Эстонии	60	0,4

Рассчитано по: Миграция населения Красноярского края в 1999 году: Стат. бюлл. Красноярск, 2000.

Теперь основными побудительными мотивами вынужденной миграции становятся не только и не столько опасение за жизнь и здоровье, сколько усиливающаяся социальная изоляция и снижение социального статуса некоренного населения, резкое ухудшение материального благосостояния, незнание национального языка, бытовой национализм, ограничение сфер применения русского языка и возможностей для трудоспособного населения найти квалифицированную работу, а для молодежи получить полноценное образование на родном языке. Все эти причины выезда из стран ближнего зарубежья указывают вынужденные мигранты при оформлении документов, необходимых для получения статуса вынужденного переселенца.

Анализируя состав беженцев и вынужденных переселенцев (табл. 5), в качестве особенностей данной категории в сравнении с местным населением выделим следующие аспекты:

– специфика национального состава. Большинство беженцев и вынужденных мигрантов представлены русскими, однако удельный вес прочих национальностей превышает региональный уровень в 1,4 раза. Мигранты представлены 38 национальностями: среди них наиболее многочисленны (по убывающей) украинцы, татары, немцы, армяне, белорусы, грузины, азербайджанцы, таджики, узбеки и молдаване;

– оптимальная возрастная структура. На долю молодежи среди вынужденных мигрантов приходится 30,9 %, на людей старше трудоспособного возраста – 11,8 %. По Енисейскому региону аналогичные показатели составили 22,9 и 16,9 % соответственно;

– повышенный удельный вес женщин – 54,3 % против 52,0 % по Енисейскому региону;

– более высокий образовательный уровень. На каждую тысячу мигрантов в возрасте 16 лет и старше приходится 144 лица с высшим образованием и 344 с незаконченным высшим и средним специальным. По региону аналогичные показатели скромнее – 119 и 258 человек соответственно;

– изменение уровня материальной обеспеченности. В 1996–1999 гг. среди вынужденных переселенцев Красноярского края удельный вес социально незащищенных (одинокие или семьи из пенсионеров и инвалидов, одинокие родители, многодетные семьи) колебался от 25 до 34 % при среднерегиональном уровне в 19,4 %.

Таблица 5

**Распределение вынужденных переселенцев и беженцев
в Красноярском крае по национальности на конец 1999 г. (человек)**

Национальность	Вынужденные мигранты		Нац. состав края по данным микропереписи 1994 г. (%)
	всего (человек)	% к общему числу	
Всего	15 791	100,0	100,0
В том числе:			
русские	13 472	85,3	89,4
украинцы	522	3,3	2,8
татары	423	2,7	1,5
немцы	270	1,7	1,4
армяне	232	1,5	0,1
белорусы	152	0,9	0,8
грузины	102	0,6	0,0
азербайджанцы	91	0,6	0,3
таджики	98	0,6	0,0
узбеки	60	0,4	0,1
молдаване	58	0,4	0,1
чуваши	28	0,2	0,6
другие национальности	283	1,8	2,9

Рассчитано по: Миграция населения Красноярского края в 1999 г.

Первые потоки вынужденных мигрантов (1992–1995 гг.), как отмечают специалисты миграционной службы, составляли наиболее состоятельные и дальновидные люди, чей уровень доходов позволял им в тех условиях обеспечить своим семьям нормальное обустройство в регионе. Постепенно под давлением ухудшающихся условий жизни в республиках бывшего СССР к миграции вынуждены были прибегнуть и менее обеспеченные слои населения.

Внутренняя миграция

Миграция в Енисейском регионе России не является столь масштабной как в центральных или южных районах. В 1990-х гг. наблюдается небольшой, но устойчивый отток населения в западные территории Российской Федерации и страны дальнего зарубежья (табл. 6).

Другой отличительной чертой стало несоответствие динамики миграции Енисейского региона общероссийским тенденциям. Действительно, в Республике Тыва максимальные показатели оттока населения приходятся на 1990–1992 гг., что было связано с обострением межнациональных отношений в этом районе. В Красноярском крае пик так называемой немотивированной миграционной убыли приходится на 1994 и 1999 г. В Эвенкии и на Таймыре наибольшую активность уезжающие проявляли в 1992–1994 гг. Причины миграционного всплеска у северян следует искать в экономической плоскости – отъезд обусловлен резким ухудшением уровня жизни в этих районах.

Таблица 6

**Миграционный прирост (убыль)
в субъектах Енисейского региона в 1991–1999 гг. (тыс. человек)**

Территория	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Республика Хакасия	4,6	5,6	4,1	2,4	3,8	3,6	1,6	1,8	1,2	1,0
Республика Тыва	-12,3	-4,7	-3,9	-2,2	-0,4	-0,5	-1,1	-0,9	-0,6	-0,6
Красноярский край	-5,3	-7,5	-4,0	-6,5	-9,8	2,1	1,0	-3,8	-5,3	-8,7
Таймырский АО	-1,2	-1,5	-2,0	-1,9	-1,6	-0,8	-0,9	-1,7	-1,2	-0,8
Эвенкийский АО	-0,2	-0,5	-1,1	-1,2	-1,2	-0,6	-0,5	-0,4	-0,4	-0,5

Наконец, в Республике Хакасия в отличие от всех других субъектов региона отмечен постоянный миграционный прирост. Причины этого феномена кроются, по-видимому, в более благоприятных природно-климатических условиях жизни. Однако в Хакасии значительно ниже уровень материального благосостояния, чем в соседнем Красноярском крае. По этой причине показатели миграционной активности и механического прироста населения республики постепенно нивелируются (табл. 7).

Таблица 7

**Коэффициенты миграционного прироста (убыли)
в субъектах Енисейского региона в 1990–1998 гг. (на 1 000 населения)**

Территория	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Республика Хакасия	2,4	3,5	3,8	4,8	6,5	6,2	2,7	3,1	2,1
Республика Тыва	-39,7	-15,3	-12,7	-7,2	-1,3	-1,6	-3,5	-2,9	
Красноярский край	-1,7	-2,5	-1,3	-3,0	-3,1	0,7	0,3	-1,2	-5,3
В том числе:									
Таймырский АО	-22,2	-30,1	-42,6	-34,0	-39,4	-17,1	-19,5	-26,6	
Эвенкийский АО	-4,0	-20,2	-49,6	-43,3	-82,9	-24,3	-19,9	-20,3	

Судя по относительным данным (коэффициентам миграционного прироста-убыли), именно Хакасия и Красноярский край наименее подвержены негативным воздействиям миграционных процессов. Напротив, весьма остро эти проблемы стоят в северных округах. Так, Таймырский АО за 1990-е гг. покинули 13,6 тыс. человек. Поэтому, несмотря на постоянный естественный прирост населения, число жителей округа за последнее десятилетие XX в. уменьшилось с 56 до 44 тыс. человек, или на 21,4 %. Количество жителей Эвенкии сократилось за тот же период на 20,8 %. По отдельным районам потери оказались еще значительнее: население Тунгуссо-Чунского района Эвенкии уменьшилось на одну треть, а Диксонского района Таймырского АО – в 4 раза. Для сравнения, население Красноярского края уменьшилось в эти годы на 4,0 %, Республики Тыва – на 0,7 %, а население Хакасии, напротив, увеличилось на 1,8 %.

География межрегиональной миграции весьма разнообразна (табл. 8). Из Красноярского края, например, убыль в другие районы составила за последние три года в среднем по 11,5–12,2 тыс. человек. Наиболее привлекательны для красноярцев Центральный район (ежегодная убыль – 3,5 тыс. человек), Поволжский, Уральский и Западно-Сибирский районы (по 1,2–1,7 тыс. человек). Вместе с тем Красноярский край достаточно интересен для мигрантов из субъектов Восточной Сибири и Дальнего Востока (ежегодная прибыль по 1,2–1,5 тыс. человек).

Представляет интерес и национальный состав мигрантов Енисейского региона. Среди них преобладают, конечно, русские. Но в целом национальный состав мигрантов существенно отличается от национального состава субъектов региона. К примеру, в Красноярском крае на долю русского населения приходится 87,5 % населения, а среди уехавших из края за последние два года они составляют 70 %. В Республике Тыва на долю русских мигрантов приходится от 80 до 90 %, хотя их удельный вес в республике не превышает 30 %.

Таблица 8

Миграция населения Красноярского края по регионам Российской Федерации (человек)

Район	1997	1998	1999
Северный	-71	-115	-119
Северо-Западный	-753	-921	-898
Центральный	-3,504	-3,375	-3,378
Волго-Вятский	-998	-816	-868
Центрально-Черноземный	-791	-906	-1,170
Поволжский	-1,218	-1,276	-1,096
Северо-Кавказский	-1,632	-1,395	-1,650
Уральский	-1,712	-1,345	-1,300
Западно-Сибирский	-1,326	-1,260	-1,172
Восточно-Сибирский	1,529	1,537	1,146
Дальневосточный	1,188	1,365	1,188
Калининградская обл.	-165	-151	-84
Всего	-9,453	-8,658	-9,401

Составлено по: Миграция населения Красноярского края в 1999 г.; Миграция населения Красноярского края в 1998 г.: Стат. бюл. Красноярск, 1999, март.

Среди других особенностей этнического состава мигрантов выделим положительный баланс миграции среди представителей титульных наций в Туве и Хакасии, а также среди кавказских диаспор (азербайджанцы, армяне, чеченцы, дагестанцы). В меньшей степени это относится к среднеазиатским

этносам (таджики, узбеки, киргизы). Устойчивая миграционная убыль отмечена среди славянских диаспор (белорусы и украинцы) и народов Поволжья (татары, мордва, марийцы, чувашы) (табл. 9).

Таблица 9

**Миграционный прирост (снижение) численности мигрантов
Енисейского региона по национальности в 1998, 1999 гг.**

Национальность	Красноярский край		Республика Тыва		Республика Хакасия	
	1998 г.	1999 г.	1998 г.	1999 г.	1998 г.	1999 г.
Всего	-5289	-8711	-619	-637	1241	1025
В том числе:						
азербайджанцы	527	220	-	-	38	6
армяне	179	117	11	11	2	2
белорусы	-174	-222	-	-	4	-3
евреи	-64	-96	-	-	-2	-3
казахи	57	1	-	-	-1	0
киргизы	35	14	34	17	31	-10
молдаване	-36	-58	-	-	2	2
мордва	-73	-29	-	-	23	-4
народы Дагестана	49	-21	-	-	7	11
немцы	-905	-936	-	-	-314	-407
осетины	-33	-45	-2	-1	-2	-4
русские	-3798	-6215	-648	-517	1171	1146
таджики	119	75	-	-	9	11
татары	-237	-294	9	-8	6	0
тувинцы	-4	-1	57	28	12	16
украинцы	-378	-1019	-16	-15	81	80
хакасы	-70	-86	-20	-34	150	172
чеченцы	-	23	-1	-	-2	2
чувашы	-161	-178	7	-4	4	-11

Составлено по: Миграция населения Красноярского края в 1999 г.; Миграция населения Красноярского края в 1998 г.; Миграция населения Республики Тыва (По талонам прибытия и выбытия). Форма № 19-20. Кызыл, 1999, 2000; Население Республики Хакасия: 1985–1998 годы.

Побудительные мотивы для мигрантов Енисейского региона (табл. 10) в целом схожи с общероссийскими. Но есть и отличия. На первое место отъезжающие из Красноярского края и Республики Тыва ставят причины личного, семейного характера (43–47%), на второе-третье – причины, связанные со сменой работы или возвращением к прежнему месту жительства. Однако если для мигрантов Красноярского края данные причины практически равноценны, то для выезжающих из Тувы значимость хорошей работы упоминается в 3,5 раза чаще необходимости возвращения на родину. Слишком остро в этой республике стоят проблемы с трудоустройством и уровнем материального благосостояния.

Показательно также, что на экологическое неблагополучие или несоответствие природно-климатическим условиям указывает менее 0,5% уезжающих. А на обострение криминогенной обстановки или межнациональных отношений – вообще единицы.

В то же время в плане межнациональной стабильности Красноярский край оказался достаточно привлекательным для многих приезжих. Среди последних причину смены жительства из-за обострения межнациональных отношений указали 771 человек (1,2%) в 1998 г. и 451 человек (0,7%) в 1999 г. В основном это выходцы из Казахстана, частично – из Узбекистана и Таджикистана.

Таблица 10

**Причины смены жительства среди мигрантов (в числе выбывших)
в возрасте 16 лет и старше по Енисейскому региону в 1998 и 1999 г.**

Причины	Красноярский край		Республика Тыва	
	1998 г.	1999 г.	1998 г.	1999 г.
Всего выбыло	69 892 100,0 %	70 169 100,0 %	3 529 100,0 %	7 406 100,0 %
В том числе по причине:				
в связи с учебой	9 622 13,8 %	9 458 13,5 %	426 12,1 %	1 539 20,8 %
в связи с работой	12 296 17,6 %	10 434 14,9 %	1 140 32,3 %	1 990 26,9 %
возвращение к прежнему месту жительства	13 532 19,4 %	14 634 14,9 %	324 9,2 %	530 7,2 %
из-за обострения межнациональ- ных отношений	24 0,03 %	12 0,01 %	20 0,6 %	29 0,4 %
из-за обострения криминогенной обстановки	19 0,02 %	16 0,02 %	1 0,02 %	5 0,1 %
экологическое неблагополучие	172 0,2 %	225 0,3 %	2 0,1 %	2 0,02 %
несоответствие природно- климатическим условиям	362 0,5 %	537 0,8 %	7 0,2 %	18 0,2 %
причины личного, семейного характера	32 355 46,3 %	33 427 47,6 %	1 557 44,1 %	3 162 42,7 %
иные причины	1 510 2,2 %	1 426 2,0 %	52 1,5 %	131 1,8 %

Составлено по: Миграция населения Красноярского края в 1999 г.; Миграция населения Красноярского края в 1998 г.; Миграция населения Республики Тыва (по талонам прибытия и выбытия). Форма № 19-20.

Международная миграция

Внешняя миграция представлена в Енисейском регионе двумя потоками: эмиграцией и иммиграцией. На рубеже 1980–1990-х гг. относительно стабильная картина миграционного обмена населением между Россией и странами ближнего зарубежья существенно изменилась. Возросло влияние факторов, связанных с политическим переустройством в постсоветском пространстве, шоковыми для этнических россиян изменениями в национальной политике бывших союзных республик, глубоким социально-экономическим кризисом на всей территории бывшего СССР (табл. 11).

И как следствие – резкое сокращение выезда российского населения в государства ближнего зарубежья. В то же время встречные миграционные потоки в Россию, в основном русскоязычного населения, оставались достаточно стабильными. Напротив, эмиграция в государства дальнего зарубежья в настоящее время не имеет остропроblemного характера, как в советское время, когда оно сдерживалось по политическим мотивам. В настоящее время жесткое регулирование (квотирование) приема иммигрантов способствует ограниченному оттоку мигрантов в эти страны. Исключение составляет Литва, которая всячески популяризирует идею «собираания нации», предоставляя иммигрантам существенные льготы. Однако «агитация за выезд» среди литовцев Енисейского региона малоэффективна. Эмиграционные настроения здесь носят, скорее, единый характер.

В отличие от внутрироссийской миграции, имеющей для Енисейского региона отрицательный баланс, международная миграция фиксирует стабильную прибыль населения.

Среди региональных особенностей международной миграции отметим следующее:

- постепенное снижение общей прибыли населения от международной миграции: 1997 г. – 5,8 тыс. человек, 1998 г. – 3,8 тыс. человек, 1999 г. – 0,5 тыс. человек;
- положительное сальдо международной миграции со странами СНГ и Балтии, имеющее тенденцию к снижению (1997 г. – 8,0 тыс. человек, 1998 – 6,0, 1999 – 2,7 тыс. человек), и устойчивое отрицательное сальдо со странами дальнего зарубежья (1997–1999 гг. по 2,2 тыс. человек);
- постепенное изменение национального состава мигрантов. Если в 1993 г. удельный вес прибывших в Красноярский край русских от общего итога мигрантов составлял 69,5 %, то в 1996 г. – 84,5 %, а в 1999 г. – 81,7 %;
- преобладание среди приезжих женщин, а также постепенная тенденция оптимизации половой структуры: в 1992 г. женщины составляли 59 %, а в 1999 г. – 51 %;

- высокий удельный вес среди мигрантов трудоспособного населения (от 50 до 62 %), на долю лиц старше трудоспособного возраста приходится 11–14 %, остальные мигранты – дети до 15 лет;
- высокий образовательный ценз у прибывших: среднее общее (полное и неполное) образование имеют от 46 до 50 %, высшее – от 13 до 15 %, незаконченное высшее и среднее специальное образование – от 30 до 40 %;
- ярко выраженная «южная» география миграции. Основной поток мигрантов прибывает из Казахстана, далее идут Азербайджан, Армения, Таджикистан, Узбекистан, Украина и Киргизия. Причем по всем этим странам, за исключением Узбекистана, имеется тенденция к снижению наплыва мигрантов, а с Украиной в 1999 г. складывается уже отрицательное сальдо.
- устойчивый характер эмиграции населения (главным образом немцев) Енисейского региона в Израиль, США и особенно в Германию. На долю последней приходится свыше 80 % региональной эмиграции.

Таблица 11

Международная миграция населения Енисейского региона (человек)

Показатель	Годы	Красноярский край	Республика Тыва	Республика Хакасия
Международная миграция (всего)	1997	5,710	126	-83
	1998	3,369	121	356
	1999	690	63	-303
В том числе:				
со странами СНГ и Балтии	1997	7,520	127	300
	1998	4,954	133	887
	1999	2544	65	92
со странами дальнего зарубежья	1997	-1,810	-1	-383
	1998	-1,585	-12	-531
	1999	-1,854	-2	-395

Составлено по: Миграция населения Красноярского края в 1999 году; Миграция населения Красноярского края в 1998 г.; Миграция населения Республики Тыва (По талонам прибытия и выбытия). Форма № 19-20; Население Республики Хакасия: 1985–1998 гг.

Положительный баланс международной миграции в Енисейском регионе в определенной степени стимулируется трудовой иммиграцией из стран бывшего СССР (без Балтии) и Юго-Азиатского региона. Причем многие из них являются незаконными иммигрантами. Так, в Красноярском крае паспортно-визовая служба в 1999 г. зарегистрировала почти 6 тыс. иностранных граждан, прибывших в основном из Китая, Кореи, США и Германии. Из них 575 человек приехали в частном порядке, 484 – в качестве туристов, остальные – неизвестно. По мнению органов УВД последняя категория иммигрантов занимается незаконной трудовой деятельностью.

Неуправляемая трудовая иммиграция и незаконная миграция негативно отражаются на состоянии криминогенной обстановки в регионе, наносят ущерб национальной безопасности страны, вызывают осложнение социально-экономической обстановки, особенно в сфере формирования трудовых ресурсов. В Енисейском регионе данные проблемы стоят не столь остро, как в Забайкалье или на Дальнем Востоке, где местные власти (Амурская, Иркутская, Сахалинская области) были вынуждены принимать жесткие законы антииммиграционной направленности, выходя при этом за рамки федерального законодательства.

Государственные органы власти Красноярского края наибольшую угрозу для региона видят в проблеме роста правонарушений со стороны иммигрантов. В 1998 г. краевой паспортно-визовой службой совместно с другими подразделениями органов внутренних дел было привлечено к административной ответственности 2 790 иностранцев, 656 иммигрантов было выдворено за пределы края и РФ, в том числе 8 под конвоем. В 1999 г. милицией проведено 4 150 оперативно-профилактических мероприятий, выдворено за пределы края 649 иностранцев, из них 389 китайцев и 236 корейцев.

Таким образом, миграционные процессы в Енисейском регионе, сложившиеся в последнем десятилетии XX в., развиваются в целом по ухудшенному по сравнению с РФ сценарию. Это обусловлено специфическими для сибирских субъектов особенностями. Наличие устойчивых негативных тенденций требует незамедлительного комплексного решения миграционных проблем как на федеральном, так и на региональном уровнях.

А. А. Стороженко
(г. Кызыл)

УЧАСТИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УРЯНХАЙСКОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ XX в.

Развитие поселенческой структуры Урянхайского края в первые десятилетия XX в. можно проследить по массовым статистическим данным. Это комплекс разнородных материалов, зачастую фрагментарных и не вполне достоверных. На основе их анализа можно делать только самые общие выводы. Для нашей работы ценность подобных источников заключается в наличии сведений, касающихся интегрирующих нас сторон развития старообрядчества в регионе. Анализу подверглись результаты подворных обследований, проводившихся переселенческими органами в 1913–1914 и 1918–1919 гг., «Ведомость русских поселений в пределах Урянхайского края и Усинского округа», составленная инженером Родевичем в 1907–1908 гг., отчет заведующего устройством русского населения в Урянхайском крае М. В. Шкунова за 1915 г. и «Книги водворения на участках», выделенные переселенческими органами под населенные пункты за 1917 г. Важно то, что эти документы позволяют оценить степень участия старообрядцев в процессе формирования поселенческой структуры Урянхайского края в начале XX в. и определить общее количество населенных пунктов, основанных ими.

Согласно «Ведомости русских поселений», всего в Урянхайском крае в 1907–1908 гг. в 96 поселках и 3 деревнях (Уюк, Туран, Себи) насчитывалось около 1 800 душ обоего пола, на приисках – 300 человек. Под поселками подразумевались следующие населенные пункты: собственно поселки, а также торговые заведения – фактории, несколько усадеб и заимки. Последние являлись преобладающим типом поселений, поэтому их перечень занимает большую часть документа. Составители «Ведомости» под заимкой понимали малодворное поселение – обычно один-два двора, расположенное недалеко от более крупного населенного пункта – деревни или поселка. Прослеживается аналогия с другими районами Сибири, в которых название «заимка» распространилось на всевозможные небольшие (обычно сезонные) угодья и поселения¹.

Анализ содержания документа «Русские населенные пункты Усинского пограничного округа и Урянхайского края по данным подворного обследования 1918–1919 гг.» показал, что русскоязычное население Урянхайского края общим числом 11 958 душ обоего пола проживало в 340 населенных пунктах. Вся территория Урянхия была условно разделена на семь районов. Но, к сожалению, в нашем распоряжении оказались данные только по пяти районам: Хемчикском, Малоенисейском, Подхребтинском, Тожинском, Турано-Уюкском (терминология источника). В настоящее время это территория следующих районов: Хемчикский – Дзун-Хемчикский, Барун-Хемчикский, Бай-Тайгинский; Малоенисейский – Каа-Хемский; Подхребтинский – Тандинский, Чеди-Хольский; Тожинский – Тоджинский; Турано-Уюкский – Пий-Хемский. Общее количество русского населения этих районов составило 9 339 человек обоего пола, а населенных пунктов было зарегистрировано 263. При этом все населенные пункты можно разделить на три большие группы: поселки (23,95 %), заимки (55,51 %) и прочие поселения – фактории, прииски, зимовья, маральники, мельницы (20,53 %). Закономерным явлением, как нам кажется, является меньшая распространенность поселков по сравнению с заимками – 63 и 146 соответственно. Но при этом в поселках было сосредоточено подавляющее большинство населения – 7 597 человек, или 81,35 % от общего числа жителей указанных районов. Несмотря на распространенность заимок по всей рассматриваемой территории, в 1918 г. в них проживало всего 1 194 человека, или 12,79 %. «Первые заимки на местах, занятых Тураном и Уюком, появились в конце 70-х прошлого столетия между 1880–85 гг.²». Почти в каждом районе поселения типа заимок численно преобладали: в Хемчикском районе насчитывалось 56 заимок и 12 поселков; в Малоенисейском – 20 и 13 соответственно; в Тожинском – 19 и 8 соответственно; в Турано-Уюкском – 39 и 14 соответственно (табл. 1). Исключение составляет Подхребтинский район, где их соотношение почти одинаковое – 16 поселков и 12 заимок.

Таблица 1

Распределение русского населения Урянхайского края по поселкам и заимкам в 1918 г.

Район	Всего поселков		Всего заимок		Население в поселках		Население на заимках	
	абс.	%	абс.	%	человек	%	человек	%
Кемчикский	12	14,63	56	68,3	263	37	341	48
Малоенисейский	13	31	20	47,62	1 907	89,5	177	8,3
Подхребтинский	16	43,24	12	32,43	3 286	94,2	103	3
Тожинский	8	22,22	19	53	219	42	156	30
Турано-Уюкский	14	21,31	39	59,1	1 922	77,5	417	17
Итого	63	23,95	146	56	7 597	81,4	1 194	12,8

Как способ освоения русскими переселенцами территории Тувы система заимок оказалась очень эффективной, ибо вновь создающееся поселение сохраняло длительную хозяйственную взаимосвязь с ранее освоенными местами³. Действительно, многие усинские и алтайские старообрядцы «заводили домашность» в Урянхае, при этом поддерживая тесные связи со своими земляками. Это позволяло им сохранять приемлемый уровень воспроизводства своего хозяйства. Владельцами заимок, расположенных в Малоенисейском и Турано-Уюкском районах, были в большинстве своем крестьяне. Отличительной чертой заимочных поселений по р. Кемчик (р. Хемчик в настоящее время) являлась их принадлежность торговцам.

В качестве определения сущности заимочного типа хозяйствования русских в Урянхае наиболее подходит наблюдение П. А. Голубева, который писал: «Слово “заимка” в Сибири означает не только совокупность земли, состоящей в чьем-либо исключительном пользовании, но и всякую жилую или полужилую постройку, расположенную вдали от города, деревни или другого подобного населенного пункта»⁴.

Для Урянхайского края, как и для других регионов Сибири, на начальном этапе освоения был характерен заимочно-захватный тип землепользования. «На стадии первоначального освоения земель в Сибири новые поселения обычно основывались на свободных землях, не включенных жителями какого-либо населенного пункта в хозяйственную деятельность. Именно так и осуществлялся и свободный выбор участка под заимку, получивший название “захвата”. Сущность заимочно-захватной системы заключалась в почти неограниченном праве крестьянина выбирать для своего пользования любое количество земли в соответствии с его хозяйственными силами»⁵. Благоприятными условиями для развития этого варианта освоения русскими новых сельскохозяйственных угодий Урянхайского края явились следующие: наличие огромного земельного фонда и низкая плотность местного населения. Первопоселенцы, а в Малоенисейском районе это чаще всего были старообрядцы, имели возможность выбора наиболее подходящих мест. Поэтому, несмотря на очевидные трудности первых лет, они зачастую оказывались в более выигрышных условиях, чем присоединившиеся к ним позднее односельчане. Детально механизм основания новыми русскими населенных пунктов в Урянхае описал в своем отчете М. В. Шкунов: «Русские селились в Урянхае все и всегда по частным соглашениям редко с нойоном или чиновником, чаще с зажиточным сойотом, получая права рыбной ловли, пастбы скота, покоса или распашки. Предприимчивый русский получает все или одно из перечисленных выше прав и строит землянку за услуги или подарки, на второй год строит избу, производит пробную распашку или сенокосение и стараются пристроить здесь же родственников или знакомых. С каждым годом число русских засельщиков этого поселка растет. Через пять-шесть лет возникает значительная деревня и русские живут в дружбе с сойотами и ту часть земли, которую обрабатывают, уже не оплачивают подарками и платой»⁶. Именно таким образом получил свои земли пользовавшийся большим доверием и уважением тувинцев старообрядец Спрыгин Пимен Евграфович (1866 г. рожд.), выходец из с. Усинского, один из старейших жителей Малоенисейского района. Его заимка в 1907 г. считалась самым верхним русским поселением по Малому Енисею.

С точки зрения хозяйственного назначения среди заимок преобладали сельскохозяйственные. Наблюдается их специализация по районам. В Малоенисейском районе (всего 7 заимок) при определяющей роли сельского хозяйства с такими отраслями, как хлебопашество, коневодство, скотоводство, наблюдается его сочетание с торговлей. В Турано-Уюкском районе была схожая ситуация, но в комплексе с мараловодством и местами с рыболовством. На р. Уюк упоминается водяная мельница А. Н. Сафьянова. Население заимок Тожинского района занималось торговлей с урянхайцами (преимущественно скупка мехов), рыбной ловлей, охотой, мараловодством, заготовкой сена. В гораздо меньшей степени было развито сельское хозяйство в силу природно-климатических особенностей данного района. Отмечаются лишь опыты посева хлеба и огородничества на заимке Скобеева на пра-

вом берегу р. Хамсары в 8 верстах от ее устья. По течению р. Хемчик большое распространение получили торговые заведения (всего 15 с 24 домами). Русскоязычным поселенцам в этом районе было запрещено заниматься земледелием, поэтому была широко развита торговля, в том числе скотом, а также скотоводство, коневодство, маслоделие, огородничество⁷ Комплексное хозяйство, созданное старообрядцами, наиболее полно отвечало их интересам, удовлетворяло их потребностям в условиях зоны рискованного земледелия, каковым являлся Урянхайский край.

Считалось, что старообрядцы предпочитали селиться на заимках, первоначально удаленных от основных поселений. По течению Малого Енисея в 1907–1908 гг. источники примечают девять населенных пунктов: восемь заимок и деревню Новую, а также усадьбу дворянина Н. М. Черневича. Заимки, зафиксированные в 1918 г., располагались гораздо выше по течению Малого Енисея, возникли в период с 1910. по 1918 г. Поселенческая система находилась на стадии формирования, намечались только ее общие контуры. Она была очень подвижна, постоянно изменялась. Учитывая, что владельцы многих заимок были старообрядцами, можно объяснить подобную мобильность отчасти эсхатологическими мотивами. Возможно, именно они в тесной связи с экономическими причинами заставляли носителей «старой веры» искать новые места.

Месторасположение большинства старообрядческих (и не только) населенных пунктов было определено наличием поблизости источников воды – реки, озера. Кроме того, немаловажным фактором для старообрядцев являлась относительная недоступность и по возможности малоизвестность их поселения. Поэтому их привлекал район верховьев Малого Енисея, его гористый рельеф, нехоженная, дремучая тайга.

Возникнув на этапе первоначального освоения, со временем большинство старообрядческих заимок по Малому Енисею превратилось в деревни, к 1918 г. их насчитывалось только в Малоенисейском районе семь: Мокеевка, Даниловка, Медведевка, Грязнуха, Федоровка, Шаоновка, Знаменка. Только Шаоновка не существует в настоящее время. Отличительной чертой процесса их возникновения была изначальная стационарность, а не сезонность, как в Западной Сибири. Отчасти это можно объяснить удачным выбором и выгодным месторасположением заимок, пригодных для ведения комплексного хозяйства, обеспечивающего основные жизненные потребности. «Население проживает или в поселках или же ведет заимочное хозяйство, причем оказывается, что некоторые районы как Кемчикский, Точжинский и частью Уюкский заселены главным образом заимочниками, с другой стороны, Элегест и Малый Енисей имеют население почти исключительно в поселках. На долю заимок (и факторий) приходится около 1 300 душ обоого пола (не считая Усть-Брени)»⁸ Если учесть, что общее количество русского населения в Урянхайском крае в 1915 г. составляло 5 565 душ обоого пола, то окажется, что на заимках проживало 23,36 %. Заведующий устройством русского населения в Урянхайском крае М. В. Шкунов в своем отчете за 1915 г. подчеркнул: «Как особенность считаю нужным дополнить, что выходы из Усинского округа устраивались большею частью на заимках, выходы же из “Мира”, т. е. из Минусинского уезда и других губерний, устраивались в поселках»⁹ По материалам подворного обследования 1913–1914 гг. учтенных усинских переселенцев насчитывалось 19,57 %, а количество выходцев из различных волостей Минусинского уезда составляло приблизительно 28,42 %. Доля переселенцев из Томской губернии достигала 39,05 % от их общего числа¹⁰

Ограниченное количество источников, их отрывочность и фрагментарность нередко вынуждают обращаться к дополнительным методам исследования. Иногда восстановить ход событий становится возможным только на основе интеграции всех доступных способов. В условиях недостаточности прямых фактов и указаний особое значение приобретает применение методики изучения путей перемещения населения и формирования поселенческой структуры по данным ономастики, с использованием антропонимических ойконимов, т. е. географических названий населенных пунктов, образованных от фамилий, имен и прозвищ переселенцев. Этот метод с успехом был применен Т. С. Мамсик при изучении аналогичных процессов на Алтае.

При анализе особенностей поселенческой структуры Урянхайского края в начале XX в. необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, формирование современной поселенческой структуры Тувы, основанной на оседлом образе жизни и стационарных круглогодичных поселениях – городах, поселках и деревнях, тесно связано с хозяйственным освоением ее территории русскими переселенцами и старообрядцами в том числе. Во-вторых, некоторые населенные пункты имеют двойное название: русское и тувинское. Причем последнее нередко связано с особенностями ландшафта местности (расположение у реки, ручья, в степи и т. д.). «Поселки располагаются обычно на берегу Енисея при впадении в него боковых речек, и имя свое получили отчасти от названия этих речек»¹¹ Первое зачастую отражает имя русских первопоселенцев.

Всего с 1878 – дата основания п. Джакуль (п. Чаа-Холь в настоящее время) – до 1918 г. включительно в Туве было основано около 37 стационарных населенных пунктов, в том числе нынешняя столица Республики Тыва г. Кызыл (г. Белоцарск в 1914 г.). Схема их расположения легла в основу формирования современной поселенческой структуры. В условиях, когда русские крестьяне, осваи-

вавшие сибирские земли, сами выбирали участки под поселение и разрабатывали землю вокруг них, большое значение имело указание имени основателя, владельца или владельцев участка¹². Названия подавляющего большинства населенных пунктов, обозначенных в «Ведомости 1907–1908 гг.» как заимки, образованы по антропонимическому признаку – заимка С. Потылицына, Ф. Шепелина, Вавилина и др., т. е. по имени владельца или основателя.

Как было установлено нами, по крайней мере восемь населенных пунктов Малоенисейского и Подхребтинского районов в начале XX в. основали старообрядцы и антропонимы были зафиксированы в четырех случаях (табл. 2). Рассмотрим подробнее те поселения бассейна Малого Енисея, в названии которых остались имена и фамилии их первопоселенцев – старообрядцев.

Таблица 2

Населенные пункты, основанные старообрядцами в начале XX в.

Год основания	Ф. И. О. основателя	Название поселка (русское)	Название поселка (тувинское)	Перевод с тувинского языка на русский
1901	Казанцев Мокей Герасимович	Мокеевка	в настоящее время не существует	–
1908	Потылицын Данила Феоктистович	Даниловка	Дерзиг-Аксы	«Устье свирепой реки»
1907	Медведев Ефим Прохорович	Медведевка	Кок-Хаак	«Голубая верба»
1908	Шепелин Федор Григорьевич	Федоровка	Кундустуг	«Места, изобилующие выдрой»
1905	Потылицын Степан Феоктистович	Грязнуха	Усть-бурень	«В избытке, в достатке»
1912	Тараканов Е. Л., Черноусов А. И.	Шаоновка	Шан, в наст. время не существует	«Ток», «пшеничное поле»
1911	Кудрявцев К. А., Мамонтов Е. В.	Сосновка	–	–
1914	Петенев Федор Афанасьевич	Максимовка	–	–

Поселок Мокеевка был основан в 1901 г. старообрядцем Мокеем Герасимовичем Казанцевым, «инородцем» Уймонской инородческой управы Томской губернии (1853 г. рожд.), проживавшего с 1882 г. в Урянхайском крае. Всего в его семье было шесть человек – четверо мужчин и две женщины, а также выделившаяся семья его сына – Никифора Мокеевича Казанцева (1883 г. рожд.), состоящая из четырех человек: трех мужчин и одной женщины. Только сам Мокей Герасимович в 1913 г. обрабатывал 15 дес. орошаемой пашни и имел 47 голов крупного и мелкого скота. В. И. Дулов относит Мокеевку к числу наиболее зажиточных крестьянских поселений на Малом Енисее, объясняя это тем, что данная группа сложилась здесь еще до массового притока колонистов и ее могущество выросло и держалось за счет эксплуатации тувинских аратов и русских крестьян – новоселов. Начальник Усинского пограничного округа А. Х. Чакиров характеризует М. Г. Казанцева как «человека недалеко-видного и первое время тормозившего заселение Малого Енисея русскими и лишь благодаря неприятному для него случаю удалось двинуть русских на Малый Енисей. Мокею Казанцеву было запрещено в течение года, за его скверное поведение, проживать на Малом Енисее и вот в это время и двинулся русский люд на Малый Енисей»¹³. Необходимо отметить, что в 1913 г. из десяти хозяйств пос. Мокеевка девять были старообрядческими по происхождению (56 душ обоего пола, или 88,88 %). Восемь семей переселились из Томской губернии и считались «инородцами» Коксинской волости, с. Уймон, д. Горбуновой. Лишь представители семейства Т. А. Лоанчакова (четыре человека) были выходцами из с. Усинского. Именно в пос. Мокеевка в 1914 г. зафиксирован старообрядческий поп (терминология источника) Филип Минеевич Блинов (1874 г. рожд.), «инородец» Бийского уезда, Коксинской волости, д. Горбуновой, проживающий в Урянхае с 1909 г.

Поселок Даниловка в 1913 г. был единственным полностью старообрядческим населенным пунктом – 164 душ обоего пола (100 %). Он основан старообрядцем Данилой Феоктистовичем Потылицыным в 1908 г., крестьянином с. Усинского (1864 г. рожд.). Данила Феоктистович в 1913 г. имел 3 дес.

пашни и двенадцать голов крупного и мелкого рогатого скота. По степени состоятельности и зажиточности крестьяне-старообрядцы Даниловки в большинстве своем относились к середнякам и почти все были выходцами из разных волостей Минусинского уезда.

В пос. Федоровка соотношение старообрядцев и православных было примерно одинаковое – 58,18 и 41,81 % соответственно. Основатель Федоровки – старообрядец Федор Григорьевич Шепелин (1868 г. рожд.), крестьянин из с. Усинского, он появился в долине р. Малый Енисей одним из первых, наряду с Вавилиным, Ведерниковыми и Медведевыми, и основал в 1908 г. торговую заимку, ставшую основой для будущего поселка. В 1914 г. в поселке была земская квартира, староста и сельская русская полиция. Благодаря выгодному месторасположению, обильно орошаемой пашне, Федоровка привлекала многих переселенцев и очень быстро стала экономически самостоятельным поселком. Старообрядцы Федоровки также были выходцами из различных волостей Минусинского уезда.

Поселок Медведевка, основанный в 1907 г. усинским старообрядцем Ефимом Прохоровичем Медведевым (1868 г. рожд.), относился к числу беднейших деревень Каа-Хемского бассейна. Беднейшая часть крестьянства составляла в Медведевке до 3/5 всех крестьянских дворов. Даже в материалах подворного обследования 1913–1914 гг. Медведевка фигурирует как заимка, и это несмотря на то что ее первопоселенец также относился к пионерной группе тех, кто осваивал долину р. Каа-Хем и был зажиточным. Из 32 жителей Медведевки в 1913 г. старообрядцы составляли подавляющее большинство – 30 человек. В материалах подворного обследования 1918 г. Медведевка фигурирует уже как старообрядческий центр наряду со Знаменкой. В ней проживало уже 55 семей с общим количеством населения 311 человек. Опираясь на информацию, полученную от наших информаторов – старообрядцев г. Кызыла, мы предполагаем, что в Медведевке были сконцентрированы старообрядцы австрийского толка, некоторые из них впоследствии переехали в г. Кызыл.

Примечательной особенностью поселенческой структуры Урянхайского края в начале XX в. было то, что некоторые населенные пункты имели также весьма характерные «прозвища». Например, Медведевку в народе называли «Бутузовка», Бояровку – «Оторвановка», Даниловку – «Налимовка», Успенку – «Нахаловка». Самое большое село – Знаменка, имело их даже несколько – Шершеневка, Бесштановка, Косошаровка, Малоенисеевка. Несмотря на то что оно было основано в 1904 г. православным крестьянином Федосеем Петровичем Проскураковым, выходцем с. Усинского, в нем в 1913–1914 гг. оказалось сосредоточено 45,63 % всех малоенисейских носителей «старой веры». Впервые это поселение упоминается в 1907 г. как д. Новая в качестве бывшей заимки Мокея Казанцева. Инженер Родевич оставил ее интересное описание: «В 1908 г. в ней было 15 домов, в 1909 г. – 24, в 1910 г. – до 30. Деревня эта получила официальное название Малоенисейская и местное название Шершеневки. Жители в ней, точно осы, живут далеко не мирно, ссорятся из-за земли и воды, доходит до драк... Население деревни на редкость мешанное: там и коренные сибиряки, и хохлы, и латыши, и староверы, и великороссы»¹⁴

Кроме того, достоверно известно, что старообрядец Степан Феоктистович Потылицын в 1905 г. основал д. Грязнуху, а его единоверцы Евдоким Леонтьевич Тараканов и Афанасий Иванович Черноусов в 1912 г. – д. Шаоновку (впоследствии слилась с д. Знаменкой). Степан Феоктистович Потылицын (1849 г. рожд.) был также выходцем с. Усинского и главой большой разделенной семьи. Вместе с семьями трех своих сыновей – Фокея, Александра и Ивана – их клан в 1913 г. составлял 18 человек. Только у самого Степана Феоктистовича было стадо в 51 голову крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей и маралов. В Малоенисейском районе эта семья, одна из немногих, успешно занималась разведением маралов. В общей сложности Потылицыны владели стадом маралов в 24 головы. Из 82 жителей пос. Грязнухи старообрядцев насчитывалось 71 человек, или 86,6 %, а православных – 11 человек, или 13,4 %.

Крестьяне д. Шаоновка Е. Л. Тараканов (1855 г. рожд.) и А. И. Черноусов (1879 г. рожд.), как и большинство старообрядцев Малоенисейского района, были выходцами с. Усинского. Занимались они больше скотоводством, чем земледелием. Шаоновка также полностью являлась старообрядческим населенным пунктом – из 15 ее жителей только один был православным.

Таким образом, в первое десятилетие XX в. в Малоенисейском районе старообрядцами было основано шесть населенных пунктов с общим количеством населения 466 человек. Старообрядцы составляли большую часть – 399 человек, или 85,6 %.

К 1915 г. в Малоенисейском районе заимки появились на р. Терсик «верстах в 10–15 от Енисея и, наконец, далеко выше устья р. Бельбея в таежной долине среднего течения Малого Енисея в числе двух-трех на большом расстоянии друг от друга раскиданы одиночные избышки русских пионеров, они в учет не попали совершенно и сведений кроме факта существования пока не имеется»¹⁵ Вероятнее всего, речь идет о старообрядческих скитах (поселениях). В 1918 г. именно в этих местах в верховьях Енисея возникли старообрядческий монастырь и целая сеть поселений вокруг него.

По свидетельству М. В. Шкунова, в 1915 г. в Подхребтинском районе жители «все христиане, причем на долю старообрядцев, проживающих главным образом в пос. Сосновка (19 дворов из 32) прихо-

дится 14,5 %»¹⁶ В 1913 г. из 750 поселенцев района старообрядцев насчитывалось 203 человек, или 27,06 %. При этом в большинстве своем это были старообрядцы Сосновки – 191 человек, т. е. 94,1 %.

Деревня Сосновка возникла в 1911 г. Одним из первых ее жителей предположительно стал старообрядец Евстигней Викулович Мамонтов (1871 г. рожд.), уроженец д. Горбуновой, Усть-Коксинской волости, Томской губернии. В Урянхайском крае он проживал с 1899 г. В 1913 г. он был главой одной из самых больших семей в Сосновке – 14 человек (9 мужчин и 5 женщин). Они занимались хлебопашеством и имели 22 головы скота. К. Д. Минцлова оставила следующую интересную характеристику населения «староверского поселка»: «Жители Сосновки – переселенцы из Томской губернии Уймонской волости – считаются здесь народом неприятным и беспокойным... Мужики они солидные, работающие; живут домовито; хлебопашеством, правда, занимаются мало: виной тому, как и вообще по всему Урянхаю, ранние морозы, но скота у них много; сена косят огромное количество, занимаются выделкой масла и кож и много охотничают. Причина, благодаря которой они прослыли “нехорошим народом”, – их вечное стремление к поискам лучшего, новых мест – словом, земли обетованной... Землепроходцы, как зовут в Сибири таких людей, являются в сущности ценным элементом для государства, ищущим новые места и культивирующим отдаленные окраины»¹⁷ К 1918 г. д. Сосновка превратилась в самое крупное по численности населения поселение в Похребтинском районе – 538 душ обоего пола.

Особо следует остановиться на рассмотрении еще одного старообрядческого поселка этого района – Максимовке. Происхождение его названия пока остается не выясненным. Из бесед с нашими информаторами-старообрядцами нам удалось представить некоторые особенности процесса возникновения названий русских поселений в Урянхайском крае в начале XX в. Первый способ – это закрепление в названии населенного пункта имени или фамилии первопоселенца. Второй способ зависел от церковного календаря, в котором почти каждый день связан с именем какого-либо святого или религиозным праздником. Возможно, названия поселков Подхребтинского района – Максимовка, Успенка, Ильинка, Владимировка, возникли в результате реализации второго варианта. Одним из первых жителей Максимовки был мещанин г. Бийска Томской губернии Федор Афанасьевич Петенев, который приехал в Урянхай в 1913 г. и занимался хлебопашеством. Возникнув в 1914 г., пос. Максимовка уже к 1918 г. насчитывал 295 жителей и состоял из двух поселков. Собственно сама Максимовка насчитывала в 1917 г. семь хозяйств и 41 жителя (23 мужчины и 18 женщин). Из них старообрядцами считалось 33 человека, а православными – восемь. В 1918 г. количество хозяйств увеличилось до 14. На примере Максимовки, опираясь на архивные документы, можно подробно рассмотреть процесс превращения небольшого «участка, выделенного под поселок», в крупное стационарное поселение. Первые жители поселка, в подавляющем большинстве выходцы из Томской губернии, сохраняли тесную связь со своими земляками. После того как первая партия переселенцев обосновалась на новом месте, к ним в 1917 г. присоединились еще одиннадцать семей в количестве сорока шести человек (25 мужчин и 21 женщина). Все они вероисповедания «старообрядческого поморского брачного согласия с нами единоголосные»¹⁸ К 1918 г. в Максимовке насчитывалось по разным данным от 47 до 53 семей с общим количеством населения 295 человек и большинство их переселилось в этом году. В материалах подворного обследования 1918 г. указано, что пос. Максимовка состоял из двух населенных пунктов. Собственно в Максимовке в 1917 г. было семь хозяйств, старообрядцев 33 человека, или 80,5 %, а православных – восемь человек, или 19,5 %. Тот факт, что этот поселок был по преимуществу старообрядческим, подтверждается также прошением его жителей к делегатам Четвертого краевого съезда не населять Максимовку представителями «разной религии», а только старообрядцами поморского брачного единого согласия «с разрешения общества»¹⁹ Подобной привилегией пользовались только те поселки, в которых доля старообрядцев и степень их влияния на сельском сходе были значительны.

Приблизительное количество старообрядцев в поселках Сосновка и Максимовка Подхребтинского района в 1914–1917 гг. равнялось 224. Учитывая то, что суммируются очень разновременные сведения, а также предполагая тенденцию увеличения количества старообрядцев вообще и концентрацию их в данных поселках в частности, можно определить полученные данные как низшую границу возможного числа носителей «старой веры» на тот момент.

Таким образом, старообрядцы сыграли особую роль в формировании поселенческой структуры Урянхайского края. Основание ими новых населенных пунктов, многие из которых существуют и в настоящее время, свидетельствует об их экономической самостоятельности, хозяйственной смекалке, устойчивости, крепости семейно-родственных и конфессиональных связей.

Успешность развития заимочной системы в Урянхайском крае стала возможной благодаря широкому распространению традиции совместного владения заимкой кланом родственников. К таким можно отнести старообрядческие семьи Потылицыных, Спрыгиных, Кудрявцевых, Шепелиных, Медведевых, Казанцевых и др. Для старообрядцев это обстоятельство являлось решающим и имело особое значение. Определяющим фактором для них была возможность свободного отправления религи-

озных нужд, которую можно было реализовать в полной мере, проживая «в заграничном Засаянском крае». Присущий старообрядческим семьям дух корпоративности, выработанный за долгое время преследований со стороны официальной церкви и государства, позволил им не просто выжить в инонациональной, инокультурной и иноконфессиональной среде. Им удалось оптимизировать свои трудовые навыки для создания принципиально иной системы хозяйствования, которая оказалась адекватной местным природно-климатическим условиям. Участие старообрядцев в процессе формирования поселенческой структуры Урянхайского края, основанной на стационарных поселениях, явилось естественным продолжением процесса хозяйственного освоения территории Южной Сибири русскими переселенцами.

Примечания

- ¹ *Липинская В. А.* Заимки Западной Сибири конца XIX века как сезонные поселения // *Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX века.* М., 1979. С. 147.
- ² *Рукописный фонд ИГИ РТ, д. № 560, л. 5.* (Шкунов М. В. Отчет заведующего устройством русского населения в Урянхайском крае).
- ³ *Липинская В. А.* Заимки Западной Сибири... С. 144.
- ⁴ Цит. по: *Липинская В. А.* Заимки Западной Сибири... С. 147; *Голубев П. А.* Землевладение на Алтае // *Юридический вестник.* 1892. Т. 10.
- ⁵ *Липинская В. А.* Заимки Западной Сибири... С. 149.
- ⁶ *Рукописный фонд ИГИ РТ, д. № 560, л. 36 об.*
- ⁷ Там же, № р-1053, л. 1–10.
- ⁸ Там же, д. № 560, л. 24.
- ⁹ Там же, л. 5 об.
- ¹⁰ *ЦГА РТ, ф. 123, оп. 2, д. 4, л. 2–248.*
- ¹¹ *Рукописный фонд ИГИ РТ, д. № 560, л. 16 об.*
- ¹² *Липинская В. А.* Заимки Западной Сибири... С. 150.
- ¹³ *Фонды МКМ им. Н. М. Мартыанова, оп. 2, д. 35, л. 12 об.*
- ¹⁴ *Родевич Вс.* Очерк Урянхайского края. СПб., 1910. С. 49, 50.
- ¹⁵ *Рукописный фонд ИГИ РТ, д. № 560, л. 16 об.*
- ¹⁶ Там же, л. 11.
- ¹⁷ *Мицлова К. Д.* Далекий край. (Пг, 1915). Кызыл, 1993. С. 40–42.
- ¹⁸ *ЦГА РТ, ф. 123, оп. 3, д. 104, л. 4–6 об.*
- ¹⁹ Там же, ф. 29, оп. 1, д. 18, л. 1, 2.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Ч. Г. Андреев
(г. Улан-Удэ)

ВОСПРОИЗВОДСТВО МАТЕРИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Во второй половине XIX – начале XX в. произошли существенные изменения в скотоводческом хозяйстве коренных народов Восточной Сибири, связанные с развитием капиталистических отношений в Сибири и возрастанием связей традиционного хозяйства с рынком, постепенным переходом бурят, хакасов, якутов к занятию земледелием. Развитие товарности скотоводства последних проявлялось как в изменении состава стада, так и в способах содержания скота. Статистико-экономические обследования конца XIX – начала XX в. установили, что в общем составе стада сибирских «инородцев» произошло сокращение количества лошадей и увеличение доли крупного рогатого скота и овец¹. Буряты, якуты, хакасы стали развивать товарные способы скотоводства, требовавшие для поддержания продуктивности скота более совершенные способы содержания. В технике скотоводства наблюдался переход к стойловому содержанию и сокращению кочевания.

Одной из причин сокращения числа лошадей и роста поголовья крупного рогатого скота был недостаток свободных пастбищ и кочевьев. Коневодство требовало пастбищ значительно более обширных, причем частой их смены. Лошади в поисках вкусных трав в течение сезона проходят огромные пространства. Вместе с тем к концу XIX в. коневодство у сибирских «инородцев» приняло более культурный характер. Как отмечали современники, «редко ходят лошади дикими табунами. Кони содержатся в огороженном месте или под навесами»².

Изменение структуры стада в изучаемый период можно проследить по следующим данным: с 1889 по 1916 г. количество лошадей у иркутских бурят уменьшилось с 103 043 (21,7 %) до 77 487 (17,3 %), а количество крупного рогатого скота увеличилось с 174 988 (36,8 %) до 228 875 (51,0 %); у забайкальских бурят с 1897 по 1916 г. количество лошадей уменьшилось с 217 670 (14,2 %) до 165 203 (12,4 %), а крупного рогатого скота с 643 515 (41,9 %) до 551 620 (41,4 %)³. Такое положение объяснялось тем, что забайкальские буряты в своем большинстве, в отличие от иркутских, продолжали ведение кочевого хозяйства. В то же время количество свиней в указанный период возросло у иркутских бурят с 4 410 (0,9 %) до 18 268 (4,1 %), у забайкальских – с 1 647 (0,1 %) до 4 977 (0,4 %)⁴.

У хакасов поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 75 091 голов в 1890 г. до 113 744 голов в 1917 г., т. е. на 33 %⁵. Коневодство сократилось с 73 355 голов в 1890 г. до 70 865 голов в 1917 г.⁶ Поголовье овец увеличилось с 160 301 в 1890 г. до 269 804 в 1917 г., количество коз увеличилось с 7 575 в 1890 г. до 10 719 в 1910 г.⁷ У якутов количество крупного рогатого скота увеличилось с 236 890 голов в 1886 г. до 482 000 в 1917 г., а количество лошадей уменьшилось со 116 168 в 1886 г. до 106 501 в 1910 г.⁸

Важным экономическим явлением, вызванным в жизни бурят, якутов и хакасов увеличением размеров стад рогатого скота, стала потребность в сенокосных угодьях и возникновение на рынке новой меновой ценности в виде сена. Развитие сенокосения вызывалось необходимостью подкормки скота в зимнее время и влиянием примера русских крестьян.

До сенокосения скот аборигенов Восточной Сибири круглый год находился на подножном корму. В конце XVII в. отмечены факты сенокосения у иркутских бурят, в XVIII в. начинает развиваться сенокосение у забайкальских бурят⁹. У хакасов до присоединения к России сенокосение не было распространено. Вплоть до середины XIX в. хакасы подбрасывали по островам на ветвистые чернотальники нарезанную пучками траву. К этим своеобразным стогам зимой подводили кормиться молодняк и обессиленный крупный рогатый скот¹⁰. Тальниковыми ветками кормили скот и якуты. В широких размерах сенокосение у народов Восточной Сибири получило развитие лишь в конце XIX в. с момента замены косы-горбуши на косу-литовку¹¹.

Сенокосение и заготовка сена считались ответственными этапами в хозяйственной деятельности скотовода. Они относились к числу наиболее трудоемких операций, требовавших приложения максимума усилий, сноровки и умения. У народов Восточной Сибири сенокосные работы выполнялись в те же сроки, что и у русских крестьян, хотя в зависимости от местных погодных условий сроки могли отклоняться в ту или другую сторону на несколько дней. Сеноко старались начинать не позже Проклятья дня — 8 июля¹². Заканчивалась сеноуборка до 25 августа, по крайней мере к Успенью, 28 августа, все должно было завершиться. У якутов сенокос затягивался до середины сентября¹³ «Население от мала до велика работает на сенокосе не покладая рук, — писал исследователь жизни якутов В. Серошевский. — Не досыпают и не доедают, лишь бы собрать и сберечь лишнюю горсть сена. Запасы сена, их доброкачественность и количество составляют гордость и мерило благосостояния хозяев. Ловкость и неутомимость в косье считаются качествами, ради которых прощают человеку другие его недостатки»¹⁴

В сенокосение и заготовку сухих кормов для скота коренные народы Восточной Сибири внесли ряд новшеств. В статье «Бурятское хозяйство» декабрист Н. Бестужев обращал внимание на присадку кос бурятами. Он писал: «Косьевище делается очень легкое: ручка, за которую хватают правой рукой, не вдальблывается, но делается особенная двойная и сгибается из мягкого талового дерева около косьевища, а потом стягивается ремешком, и таким образом принимает такое положение, в отношении правой руки, какое ловче косцу, как вышину косья, так и в косвенном положении, как удобнее»¹⁵

Во второй половине XIX в. получает распространение система орошения сенокосов. Орошение производилось путем отвода воды из близлежащих рек и речек. У бурят, якутов и хакасов были мастера «по водопроводной части», которые брали подряды по устройству больших и малых каналов, поднятию воды с устройством запоров и др.¹⁶ У селенгинских бурят длина водопроводных канав составляла 360 верст. В «Материалах комиссии Куломзина» отмечалось, что «орошением кроме обводнения сухих лугов достигается еще другая цель: при помощи его до известной степени осушаются болотные сенокосы, лежащие в вершинах речек»¹⁷

Хакасы «мочили» покосы в мае-июле по несколько раз в зависимости от погодных условий. Мочажный покос давал самый большой укос сена. С одной десятины покоса собирали лесного сена 20–25 копен, лугового — 50, а мочажного — 60 копен¹⁸ Якутам, живущим в суровых природно-климатических условиях, не хватало сенокосных угодий. Требовалась постоянная забота о расширении лугов путем выпуска воды из озер, осушки болот и удаления кустарников¹⁹ Одновременно с расширением площади лугов якуты проводили и некоторую работу по улучшению их качества. Ранней весной устраивали палы и выжигали прошлогодние травы²⁰

Несомненным достижением коренных народов Восточной Сибири необходимо считать удобрение ими своих сенокосов. Удобренные сенокосы у бурят назывались утугами. Краевед Н. С. Щукин в середине XIX в. отмечал, что «унаваживание» лугов бурятами «дает им возможность обратить в лучший сенокос такую землю, на которой прежде ничего не росло... Они пекутся о своей земле, и навоз, скопившийся в течение зимы, разгребают по лугу и тем утучают этот последний»²¹ Утужная система значительно повышала урожайность естественных сенокосов и улучшала состав травостоя и качество сена. На утугах рождалась густая трава, и урожай достигал до 300 пудов с десятины²² Во многих местах утуги еще и орошались, наряду с обычными неудобренными сенокосными угодьями. Орошение производилось путем отвода воды из близлежащих рек и речек. Где не было речек и ручьев или не хватало речной воды, там устраивались снежные каналы. Снег в них собирался с зимы и в начале весны орошал утуги.

В 1896 г. на Всероссийской Нижегородской выставке утужные хозяйства бурят были представлены как большое достижение. В одной статье из Нижнего Новгорода отмечалось, что «в группе сельского хозяйства особое внимание публики привлекают экспонаты, характеризующие хозяйство бурят. Их удобряемые покосы, утуги, расчистки тайги и камня под покосы, искусственное орошение покосов, способы владения и пользования этими утугами — все это представляет для специалистов, да и для большинства публики глубочайший интерес»²³

У хакасов к концу XIX в. по р. Уйбату, Нине и Туиму тоже появились удобряемые покосы²⁴. Заливные галечные террасы осенью засыпали навозом. Затем на следующий год весной боронили, разравнивали и пускали воду. Года через два-три этот покос уже можно было косить. Однако несмотря на значительное распространение сенокосения у коренных народов Восточной Сибири, часть из них (например, чистые кочевники — агинские буряты) продолжала еще пользоваться тебеневкой, т. е. зимней пастьбой скота по ветошам²⁵

Во второй половине XIX в. скотоводство аборигенов Восточной Сибири в значительной степени было втянуто в рыночные отношения. Основными рынками сбыта мяса и продуктов скотоводства у забайкальских бурят были местные заводы, золотые прииски, расквартированные здесь войска. Мясо в замороженном виде вывозилось в соседнюю Иркутскую губернию и на Амур, а скот сбывался также

в Китай²⁶ Забайкальские буряты Хоринского ведомства ежегодно продавали быков и яловых коров гуртами в 10–30 голов за наличные деньги без посредников.

Буряты Иркутской губернии сбывали мясо и продукты животноводства содержанием многочисленных постоянных дворов, расположенных по Московскому тракту, почтовых и обывательских станций, а также на всех базарах, существовавших в русских крупных селах²⁷. Мясо и сало также поставлялось на Олекминские и Витимские золотые прииски, находившиеся в Якутской области²⁸ Из бурятских улусов поступали на рынок «сырые скотские кожи, которые обрабатывались в изделия на местных кожевенных предприятиях (от 35 до 50 тыс. кож в год) и отчасти вывозились на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарку»²⁹

Товарное производство развивалось и в скотоводческом хозяйстве якутов. Последние в начале XX в. ежегодно сбывали в Бодайбо и другие золотые прииски около 60 тыс. голов рогатого скота. По трем южным уездам Якутии в 1917 г. забивалось в среднем 100 тыс. голов скота для продажи на рынке³⁰ Продукты животноводства вывозились не только на прииски, но и в города и обменивались в самих якутских улусах. Ежегодная продажа населению продуктов животноводства в среднем (данные 1911 г.) характеризовалась следующими цифрами: 60 тыс. голов скота, что составляло 360 тыс. пудов мяса; 15 тыс. пудов масла, 32 433 штук кож³¹

У хакасов связь с рынком осуществлялось в значительной степени за счет продажи рогатого скота. В 1909–1910 гг. было продано 25 022 голов крупного рогатого скота и 24 135 голов овец³². Хакасы являлись поставщиками рабочих лошадей для всего Минусинского округа и ближайших золотых приисков, при этом средняя цена на лошадь составляла 20–30 р.³³ В начале XX в. хакасское скотоводство ежегодно выбрасывало на рынок мяса и других продуктов на сумму более 2 млн р.³⁴ До середины XIX в. хакасы стригли овец один раз в год (апрель–май)³⁵ В конце XIX в. овец стали стричь еще и в начале сентября. Весенняя шерсть стоила по 3–6 р. за пуд, осенняя шла до 10 р. В начале XX в. козье молоко почти не употребляли и держали в основном из-за мягкого пуха, идущего на собственные нужды и продажу³⁶

Товарное направление приняло и сенокосение. Как отмечали современники, «заготовлять большие запасы сена хакасов заставляет обилие скота, опасение снежной зимы и выгодные условия сбыта сена в Минусинск, Абаканский солеваренный завод, ближайшие прииски»³⁷ Очень много сена продавали буряты. Основными сенными рынками для них являлись г. Иркутск, Верхнеудинск, Кяхта, отчасти Чита и Нерчинск, а также многочисленные постоянные дворы, расположенные на всем протяжении Московского, Якутского и Ундургинского торговых трактов³⁸. В конце XIX в. иркутские буряты Кудинского и Капсальского ведомств ежегодно продавали 916,7 тыс. пудов сена, или 63,2 % валового сбора³⁹. Причем буряты сбывали в большинстве случаев утужное сено, которое отличалось высоким кормовым качеством и в некоторой степени заменяло овес⁴⁰

Развитие товарно-денежных отношений, связь с рынком вынуждали полуфеодалную верхушку коренного населения интенсифицировать хозяйство, вводить новшества в традиционных отраслях. В конце XIX в. некоторые хакасские бай стали заводить небольшие конные заводы, выписывать для улучшения местного коневодства производителей английской, русской рысистой и кузнецкой пород⁴¹ Для породистых заграничных рысаков строили специальные конюшни. Такие лошади покупались хакасскими баями в Красноярске, Кузнецке и Томске по 70–80 р.⁴² Из 100 лошадей в хозяйстве продавались обычно 10–20 голов⁴³ В начале XX в. в хозяйстве богатых хакасов В. Алексеева и Н. Четверикова развели мериносовую породу овец. Здесь стадо мериносов, ввезенное в 1910–1911 гг. в количестве около 9 тыс. штук, возросло до 42 тыс. в 1916 г.⁴⁴

В 1895 г. забайкальские буряты С. Добданов и Н. Дамдинов совершили поездку в Европейскую Россию для ознакомления с правильным ведением молочного хозяйства и приготовлением сыров⁴⁵ Они осмотрели «фермы в Тверской, Ярославской и Вологодской губерниях, где в качестве рабочих на практике познакомились с приемами правильного ухода, выкармливания и содержания молочного скота, а потом тщательно изучили способ приготовления различных сортов масла и сыров»⁴⁶. После возвращения домой они немедленно приступили к организации молочных ферм «Торгового дома П. А. Бадмаева». В мае 1896 г. впервые в Забайкалье были открыты две фермы: вблизи Хоринской Степной думы и около Читы⁴⁷ В 1908 г. забайкальский бурят Б-Д. Очиров открывает в Агинской степи первое в области кредитное товарищество. Последнее вскоре было преобразовано в потребительский кооператив, который по инициативе Очирова выписывает породистых производителей (коров и лошадей) для улучшения местных пород, устраивает показательную ферму⁴⁸

Чтобы увеличить товарность животноводства, богатые якутские хозяйства С. Г. Барашкова (Восточно-Кангаласский улус), П. А. Афанасьева (Дюпсинский улус), В. П. Слепцова (Таттинский улус), М. Суздалова (Намский улус) и других стремились улучшить содержание и особенно породность скота, ввозя из центра жеребцов- и быков-производителей для метисации⁴⁹. В 1914 г. в Олекминском и Якутском округах насчитывалось около 400 комолых животных, в 1915 г. в Олекминском округе уже

было «трудно отыскать в больших хозяйствах местной породы животных без помеси комолого скота»⁵⁰ В Якутском округе в хозяйстве В. В. Кардашевского (Восточно-Кангаласский улус) из 300 лошадей около 200 было улучшенной породы⁵¹.

Порой представители коренного населения обращались с просьбами к местным властям оказать содействие в их хозяйственных инициативах. Характерна в этом отношении докладная записка начала XX в. богатого иркутского бурята Н. А. Ханхасаева из Верхоленского уезда⁵². Последний просил власти организовать среди бурят курсы по молочному хозяйству. Ходатайствовал, чтобы в улусе Шохтой открыли случный пункт от конного завода, отпускали по более низкой цене племенных поросят из Жердовской сельскохозяйственной школы. В записке указаны все товарные направления бурятского скотоводческого хозяйства.

Полуфеодалная верхушка коренного населения проявляла хозяйственную инициативу и в орошении земель, которые использовались для скотоводства. Например, в 1891 г. на средства хакасских баев Асочакова и Чудогашева был построен водный канал от р. Есь до с. Аппахов⁵³. За пользование каналом население платило баям деньги. В 1912 г. бай Доможаков провел канал из р. Уйбат и продавал 1 дес. орошаемой земли за 10 р.⁵⁴

Большой удар скотоводству коренных народов Восточной Сибири в особенности бурятов и хакасов нанесла землеустроительная политика царизма начала XX в. Не учитывая скотоводческого характера хозяйства, землепользование бурят и хакасов ограничило наделом в 15 дес. на душу мужского пола. Изъятие земель скотоводов под лицемерным лозунгом «перевода кочевников на оседлое состояние» длилось с 1908 по 1914 г. и проводилось грабительскими методами – аборигенов сгоняли с занимаемых земель, сносили их жилье и хозяйственные постройки, отнимали сенокосы, пастбища⁵⁵.

Хозяйство аборигенов постепенно деградировало: уменьшилось поголовье скота – основа материального благополучия большинства коренного населения. У иркутских бурят число голов скота на 100 душ населения сократилось с 381 в 1897 г. до 184 в 1917 г., или на 51,3 %⁵⁶. В 1897 г. забайкальским бурятам принадлежало свыше половины всего скота учтенного в Забайкалье⁵⁷. Последующую судьбу бурятского скотоводческого хозяйства можно проследить по следующим данным (на 100 душ обоего пола приходилось голов скота)⁵⁸:

Уезд	1897 г.	1916 г.	1917 г.
Баргузинский	1 210	825	717
Верхнеудинский	1 131	860	881
Селенгинский	691	602	577
Читинский	1 650	1 423	1 389
В общем по четырем уездам:	1 105	893	885

Обеспеченность скотом упала по всем уездам от 13 до 40 %. У хакасов до землеустройства в 1909 г. было лошадей 90 960 голов, после землеустройства в 1917 г. – 68 765, крупного рогатого скота в 1909 г. – 155 189 голов, в 1917 г. – 110 792; овец и коз в 1909 г. – 377 450, в 1917 г. – 269 804⁵⁹.

Сокращение поголовья скота привело к ухудшению положения инородческих хозяйств. Кризис переживало прежде всего табунное скотоводство, требующее обширных пастбищ, что особенно наглядно видно на примере чистых кочевников – агинских бурят в Забайкалье. Так, в 1915 г. в четырех северных и западных булуках Агинской волости эмиграция в Монголию достигла 16,2 %, в пяти южных степных булуках – 32,5 %⁶⁰. Чаще всего откочевывали зажиточные хозяйства, которые были еще в состоянии подняться и обосноваться на новом месте. Например, в 1912 г. хакасские баи Азраковы перевели своих коней в Туву. Мано Азраков перегнал через Саяны 1 200 голов, Роман Азраков – 300, Каприн Азраков – 500⁶¹.

Примечания

¹ РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 32.

² АРАН (СПб. о.), ф. 135, оп. 2, д. 139, л. 33.

³ Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск, 1925. С. 90.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. Красноярск, 1921. С. 8, 9, 72–79.

⁶ Там же, С. 72–79.

⁷ РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 25об.

⁸ Якутия. Л., 1927. С. 504.

⁹ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 283–285.

¹⁰ Минусинский филиал государственного архива Красноярского края (МФ ГАКК), ф. 71, оп. 3, д. 62, л. 40.

- ¹¹ Серошевский В.Л. Якуты. М., 1993. С. 266.
- ¹² АРГО, разр. 64, оп. 1, д. 59, л. 21.
- ¹³ Там же, разр. 64, оп. 1, д. 65, л. 49.
- ¹⁴ Серошевский В. Л. Указ. соч. С. 272.
- ¹⁵ Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975 С. 60, 61.
- ¹⁶ РГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 88, л.17.
- ¹⁷ Материалы комиссии Куломзина. СПб., 1898. Вып. 13. С. 137.
- ¹⁸ МФ ГАКК, ф. 71, оп. 3, д. 51, л. 69.
- ¹⁹ Обзор Якутской области за 1884 г. Якутск, 1885. С. 5.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Щукин Н. С. Буряты // Журнал МВД. 1849. № 25. С. 456.
- ²² РГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, л. 139.
- ²³ Восточное обозрение. 1896. № 117.
- ²⁴ Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.). Абакан, 1987. С. 37.
- ²⁵ Материалы комиссии Куломзина. СПб., 1898. Вып. 13. С. 19.
- ²⁶ Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века. Улан-Удэ, 1963. С. 376–377.
- ²⁷ Там же. С. 364.
- ²⁸ Там же. С. 364.
- ²⁹ Там же. С. 370.
- ³⁰ Соколов М. П. Якутия по переписи 1917 г. Иркутск, 1925. С. XXXIII.
- ³¹ РГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 94, л. 8.
- ³² Там же, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 27.
- ³³ ГАРХ, ф. И.-2, оп. 1, д. 344, л. 6.
- ³⁴ Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. С. 45.
- ³⁵ ГАРХ, ф. И.-2, оп. 1, д. 325, л. 4.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Аргунов П. А. Очерки сельского хозяйства Минусинского края. Казань, 1892. С. 101.
- ³⁸ Асалханов И. А. Указ. соч. С. 384.
- ³⁹ Там же. С. 385.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Бутанаев В. Я. Указ. соч. С. 32.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Рукописный фонд Хакасского НИИ языка, литературы, истории, инв. № 709, л. 20.
- ⁴⁵ Асалханов И. А. Указ. соч. С. 70.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ ГАЧО, ф. 56, оп. 3, д. 419, л. 86.
- ⁴⁹ РГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 104, л. 173.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Отдел памятников письменности Востока Бурятского научного центра (ОППВ БНЦ), инв. № 528, л. 270.
- ⁵³ МФ ГАКК, ф.71, оп. 3, д. 53, л. 104.
- ⁵⁴ ГАРХ, ф. И-5, оп. 1, д. 37, л. 11.
- ⁵⁵ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 7. л. 64; Андреев Ч. Г. Влияние столыпинской переселенческой политики на традиционное хозяйство бурят // Отчий край: Сборник статей. Улан-Удэ, 1998. Вып. 3. С. 190.
- ⁵⁶ ГАИО, ф. 25, оп. 9, к-194, д. 3671, л. 5.
- ⁵⁷ Серебренников И. И. Указ. соч. С. V.
- ⁵⁸ Там же. С. VI.
- ⁵⁹ Шнейдер А. Р. Эволюция скотоводства и земледелия у минусинских инородцев за последние 30 лет (1890–1920) // Енисейский кооператор. 1922. № 16–17. С. 17.
- ⁶⁰ НАРБ, ф. 131, оп. 1, д. 469, л. 33 об.
- ⁶¹ ГАРХ, ф. И.-5, оп.1, д. 37, л. 12.

С. И. Доржсинкевич
(г. Москва)

ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В настоящее время в 27 северных субъектах Российской Федерации проживает около 200 тыс. представителей 30 коренных малочисленных народов. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее КМНС) представляют особую группу этносов, отличающуюся тем, что проживают в местах своего традиционного расселения и занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности. Им присуще: своеобразие языка, культуры, хозяйствования и в целом образа жизни, несущего на себе отпечаток природных условий и исторического пути развития.

Они адаптированы к жизни на Севере, который для европейского населения является регионом с экстремальными природно-климатическими условиями. Коренные жители естественно воспринимают перепад температур от -60 до $+40$ °С, полярные ночь и день, выработали сбалансированное питание при двухмесячном летнем периоде. Имеют традиционные способы лечения. Каждый народ обладает неповторимой культурой и системой управления, передаваемыми из поколения в поколение. Традиционное хозяйство коренных народов не нарушает природное равновесие.

Раньше КМНС жили в основном по нормам первобытного строя. Вторая половина II тысячелетия была отмечена периодом стихийных и добровольных связей аборигенов с русским населением. XX в. ознаменовался плановой политикой воздействия на образ жизни и процессы расселения аборигенов, стремлением активно воздействовать на жизнедеятельность коренных жителей Севера с целью вовлечения их в общий процесс развития страны. Интенсивно проводилось объединение в колхозы и совхозы, сселение в более крупные поселения, в которых можно было обеспечить комплекс социально-бытовых услуг: школа, магазин, фельдшерско-акушерский пункт, дом быта, клуб и т. д. Основными этапами этой политики стали борьба с неграмотностью в 20-е гг., образование национальных округов в 20–40-е, коллективизация 30-х гг., организация поселков с переводом на оседлость в 50-х гг., интенсивное промышленное освоение в 50–60-х, переход к рыночным отношениям в 90-х гг.

В конце 80-х гг. коренные малочисленные народы Севера включились в процесс демократических преобразований в стране. Были образованы региональные ассоциации коренных малочисленных народов Севера, а также всесоюзная организация, которая в 1993 г. была преобразована в ныне действующую Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Проводит свою работу и Международная лига малочисленных народов и этнических групп. Депутаты из числа коренных народов Севера активно участвуют в формировании российского и регионального законодательства.

Для оказания государственной поддержки коренных малочисленных народов Севера с 1991 г. действовала Государственная программа развития экономики и культуры малочисленных народов Севера в 1991–1995 гг., с 1996 г. – Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 г.». В настоящее время принята Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2010 г.». Однако в целом, с учетом сохранения этнического своеобразия, несмотря на активную позицию государства, опыт подъема социально-экономического уровня КМНС России при наличии ряда позитивных результатов имеет много нерешенных проблем, таких как рост безработицы, алкоголизм, высокая смертность, снижение продолжительности жизни, низкий уровень обеспеченности социально-бытовыми услугами и др. Это можно объяснить тем, что при реализации федеральных программ и выполнении других мероприятий больше внимания уделялось решению социальных проблем КМНС за счет бюджетных средств, а не созданию основ для саморазвития национальных поселений и районов.

Естественно возникает вопрос о необходимости на государственном уровне заниматься решением проблем 0,1 % населения страны. В этой связи важно отметить, что аборигены Севера России – это народы, имеющие многотысячелетнюю историю развития, аккумулирующие в себе колоссальные богатства социальной, генетической, психологической и других свойств эволюции, позволяющие им жить в экстремальных условиях Севера. Сегодня они являются носителями опыта, позволяющего выживать человеку в XXI в. Соответственно перед российским государством стоит задача развития северных этносов во всем их разнообразии.

Однако в настоящее время сохранение народов как этносов (и это весьма важный, с нашей точки зрения, акцент) возможно только при условии развития экономики этих народов, опирающейся на традиционные отрасли хозяйствования (далее ТОХ) в районах их проживания.

Согласно сформировавшейся двести лет назад классической экономической теории (А. Смит, Д. Рикардо, Т. Мальтус и др.) благополучие народов есть монотонная функция их материального богатства. В соответствии с этим все народы можно расположить по степени их цивилизованности на одной временной оси, отражающей различные стадии одного и того же процесса развития. Считалось, что более цивилизованные европейские народы прокладывают путь, по которому в будущем неизбежно должны пройти остальные «отсталые» народы. Многочисленные попытки внедрить эту теорию применительно к коренным малочисленным народам Америки, Австралии и другим не привели к положительным результатам, хотя были затрачены немалые средства.

Противоположная точка зрения свойственна идеологии традиционализма народов «третьего» и «четвертого» миров, она изложена в работах ряда западно-европейских ученых (С. Латуш, Ф. Парган, М. Перро, Ж. Платто и др.). Ее сторонники ставят под вопрос линейный характер социально-экономического развития общества и само понятие «отсталости» народов. В современных условиях «отсталые» народы уже не могут повторить путь, пройденный европейской цивилизацией.

Известным российским ученым А. И. Пикой¹ предложена концепция «неотрадиционализма», предусматривающая сочетание старого и нового в развитии коренных малочисленных народов Севера России. При этом главенствующее значение придается сохранению их экологической культуры, прежде всего традиционного природопользования. Аналогичные взгляды на концепцию развития коренных малочисленных народов Севера изложены в работах Е. Е. Сыроечковского, К. Б. Клокова, А. Н. Чилингарова, Е. М. Кокорева и др.²

Предлагаемая технология социально-экономического развития КМНС в современных рыночных условиях опирается на следующие основные положения.

1. Для сохранения народа как этноса необходимо сохранение национального языка. А для этого должно быть устойчивое развитие традиционных отраслей хозяйствования, ибо только в процессе осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности создаются естественные условия для сохранения национальных языков.

Развитие традиционных отраслей с использованием достижений цивилизации (снегоходы, средства связи, транспорта, энергетики и т. д.) возможно при вхождении их в систему рыночных экономических отношений. Только при непосредственной привязке к территориям традиционного проживания коренных народов будут созданы условия для сохранения традиций, обычаев, культуры, а значит, и народа как этноса.

Только вхождение ТОХ в современные рыночные отношения позволит создать экономические основы для реального самоуправления, а не оплачиваемого кем-то (вышестоящий бюджет). Именно так будут созданы рабочие места, будет выплачиваться заработная плата, что оживит товарообменные процессы, обеспечит уплату налогов, создаст основы местного самоуправления.

2. Для вхождения традиционных отраслей в рыночную экономику необходимы товары (услуги), пригодные для товарообмена. Поэтому приоритетными сегодня являются задачи выявления и создания северного товара, организации его производства, продвижения на рынки, организации товарообмена и т. д. Северные товары должны завоевать свое место на межрегиональном и международных рынках.

Это задачи двух взаимно переплетающихся направлений:

1) рыночного – с задачами собственно исследования рынка, выявления северных товаров (услуг), формирования рыночной стратегии и тактики по продвижению их на рынок, оперативного контроля за изменениями рынка (мониторинг ситуации);

2) производственного – с задачами организации производства северных товаров (услуг) и участия их (северных товаров) в товарообмене.

Рыночное направление включает новые задачи, которые являются ключевыми в рыночных отношениях, поскольку производить надо не просто какой-то товар (услугу), а только тот, который можно сегодня продать. Товар (услугу), который купит местное население, население других регионов России и зарубежья. Для этого необходима продуманная система рекламных мероприятий. Работы по исследованию рынка носят непрерывный характер, так как постоянно должны обеспечивать прогноз изменения ситуации по ценам, объемам продаж, имеющимся и новым рынкам в зависимости от изменения социально-экономического положения, инфляционных процессов и т. д. Это направление на первых порах является затратным, ибо нет товара, нет его производителя, кроме того, отсутствует и потребность в такой информации. Сегодня для развития этого направления требуются, очевидно, бюджетные или спонсорские средства. Но это стоит того, так как делается первый шаг вхождения традиционных отраслей хозяйствования в рыночную экономику.

В производственном направлении очевидна роль фактории. Только не той, в которой осуществлялся простой товарообмен сырья, добываемого коренными народами Севера, на необходимые им ружья, порох, соль и т. д., а созданной с учетом требований современных рыночных отношений. Та-

кая фактория должна иметь, кроме складских помещений и холодильников, современные цеха по переработке продукции ТОХ и производству северного товара, а также средства транспорта и связи.

Да и вообще, говоря сегодня о фактории, для обеспечения ее жизнеспособности нужно предусматривать систему факторийного товарообмена, прототипом которой может служить система кооперативной торговли.

Роль фактории в такой ситуации не только экономическая, но и этническая, поскольку фактория станет буфером между нетоварными традиционными отраслями хозяйствования и товарными рыночными отношениями. Создадутся условия, когда коренные народы смогут участвовать в привычном для них товарообмене, а сами фактории станут участниками рыночных отношений.

Система факторийного товарообмена должна предусматривать:

- наличие выездных или стационарных торгово-заготовительных пунктов, увязанных с транспортной схемой и схемой хранения собираемой продукции и товаров, предназначенных для обмена;
- связь с районными или региональными базами товарообмена;
- возможность самостоятельно или через районные и региональные базы товарообмена пользоваться услугами региональных или федерального информационно-рыночных центров, которые занимаются изучением рынка северных товаров, а также разработкой программ продвижения этих товаров на различных рынках.

3. Путь социально-экономических преобразований должен быть пройден каждым из народов и инициирован его лидерами. При этом ключевым моментом является понимание того, что свои проблемы человек, семья, народ должны решать самостоятельно. Это необходимо для того, чтобы говорить о реальных возможностях народов на самоуправление. Разве это самоуправление, если за него платит кто-то другой?

«За чужой счет» невозможно создать систему, позволяющую народам решать свои проблемы. Только создание условий для экономической самостоятельности даст возможность решить задачи социально-экономического развития народов Севера.

4. Поселение – это минимальная единица планирования социально-экономического развития. Понятие социально-экономического развития включает все аспекты жизнедеятельности: школы, поликлиники, больницы, магазины, дома культуры и т. д.; связь, коммуникации, сети, транспорт (личный, местный, междугородний, межрегиональный) и т. д.; финансовую инфраструктуру, межбюджетные отношения и др. Минимальной единицей социально-экономического развития может быть только поселение при определенной численности населения, позволяющей планировать развитие социальной инфраструктуры.

Изучать социально-экономическое развитие КМНС можно, занимаясь социально-экономическим развитием поселений в районах проживания этих народов.

5. Отдельной проблемой является подготовка кадров из числа КМНС. Опыт изъятия детей от родителей для обучения в интернатах не оправдал себя по многим известным причинам. По-видимому, необходимо организовывать обучение, по крайней мере, в начальных классах, не отрывая их, особенно в летний период, от участия в процессах традиционного хозяйствования. В дальнейшем желающие и способные могут продолжить обучение в средних и высших учебных заведениях с целью подготовки национальных кадров инженеров, врачей, ветеринаров, предпринимателей.

Кроме того, очень важно сегодня обратить внимание на подготовку предпринимателей, обладающих инновационным (новаторским) мышлением. Для этого следует организовать специальные бизнес-школы, а в качестве преподавателей должны приглашаться, в том числе, и руководители малых предприятий, достигнувших успеха в наших условиях. Слушателями этих школ могут быть только высококвалифицированные специалисты со стажем практической работы. Лишь в этом случае можно ожидать успешной работы новых современных факторий.

Технология социально-экономического развития КМНС в современных рыночных условиях может быть успешно реализована только при использовании системного подхода в решении проблем КМНС. Это может быть обеспечено в процессе разработки и реализации специальных программ социально-экономического развития разного уровня с учетом местных условий, а также отдельных проектов для конкретных общин или предприятий, которые в дальнейшем могут стать частями общей программы.

6. Современное понятие программы социально-экономического развития, с нашей точки зрения, включает две противоречивые составные части.

С одной стороны, программа – это нормативный плановый документ, направленный на достижение единой цели, увязанный по срокам, ресурсам и исполнителям. Соответственно программа – это очень жесткий и реалистичный документ, направленный на решение конкретных задач.

С другой стороны, социально-экономическое развитие – это бесконечный процесс совершенствования, описываемый показателями, перечень которых с каждым днем увеличивается.

Поэтому мы предлагаем программой социально-экономического развития называть периодически корректируемый документ, который определяет согласованные действия различных ветвей власти, предпринимателей и населения и состоит из двух частей:

1) модели социально-экономического развития (модель СЭР), учитывающей максимально возможное количество показателей жизнедеятельности региона, района, поселения и позволяющей обосновывать сценарии развития в зависимости от принимаемых решений или действий, выбирать приоритетные направления развития, оценивать проекты с учетом влияния на приоритетные показатели;

2) пакета проектов, для которых разработаны ТЭО (бизнес-планы), позволяющие привлечь средства, увязанные по ресурсам, и которые решают конкретные задачи по приоритетным направлениям социально-экономического развития.

Модель СЭР представляет собой базу данных, работа с которой организовывается действующими информационно-аналитическими подразделениями администраций. Пользователями модели СЭР выступают специалисты администраций, имеющие компьютеры, объединенные в локальную сеть. Модель имеет перечень целевых показателей, характеризующих желаемый уровень жизни для данного региона, который может быть выявлен в результате социологического опроса, включает базу данных по показателям предыдущего периода, обеспечивает периодическое обновление показателей текущего периода (мониторинг состояния). При этом показатели увязаны математическими зависимостями как по вертикали, так и по горизонтали, что обеспечивает учет взаимных влияний. Для выбранных проектов определяются меры государственной поддержки: доля бюджетных средств, гарантии для привлечения кредитов, налоговые кредиты и т. д.

По мере выполнения проектов в модель СЭР вносятся коррективы, обосновываются новые приоритетные направления, инициируются новые проекты. Таким образом разрабатывается новая программа.

7. Программы социально-экономического развития КМНС должны разрабатываться с учетом:

– возобновимых природных ресурсов территорий, на которых коренное население осуществляет традиционные виды хозяйственной деятельности, и минимизации отрицательного воздействия на окружающую среду;

– менталитета коренных народов Севера, живущих в конкретном поселении; желаний и возможностей населения в процессе обсуждения с ними перспектив реализации проекта или проектов.

Принципиальная важность приоритетной разработки программ социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера заключается в том, что можно просчитать баланс возобновимых ресурсов территорий традиционного природопользования, привязанных к поселению (или имеющихся в районе, регионе), количество произведенного товара и потребностей в средствах для жизнеобеспечения проживающего населения и на основании этого формировать ценовую политику при продвижении северных товаров на рынки.

Если первичным является отдельный проект, то ставится задача его максимальной прибыльности. Проблемы же социально-экономического развития проживающего населения откладываются на второй план.

В идеальном случае программы социально-экономического развития должны быть разработаны для каждого поселения, тогда любые проекты (объекты строительства, мероприятия) приобретают целевую направленность и приоритетность с точки зрения решения проблем коренных малочисленных народов Севера (одного человека (семьи) или поселения, национального предприятия, района). Но одновременно для всех поселений сделать это не представляется возможным, так как требуются предпосылки и волеизъявление большинства жителей поселения в пользу выбора такого пути, а также наличие инициативных руководителей органов местного самоуправления, предприятий, понимающих напряженность и длительность пути, необходимость проведения непопулярных мероприятий.

В конкретной ситуации экономического развития данного региона положительную роль играют параллельный процесс и разработки программ социально-экономического развития разного уровня, разработки и реализации конкретных проектов для определенных общин или предприятий, которые в дальнейшем могут стать составными частями программ.

Поэтому технология социально-экономического развития предполагает следующую последовательность действий:

– проявление волеизъявления жителей национальных поселений и районов;

– разработка программы СЭР: выявление приоритетных направлений; исследование рынка (маркетинговые исследования), разработка проектов, оказывающих максимальное влияние на улучшение приоритетных показателей; меры поддержки проектов; нахождение предприятий, которые будут реализовывать проекты или создание новых предприятий; разработка и проведение мероприятий по при-

влечению средств; запуск проектов; оценка изменений социально-экономического положения населения; корректировка программы с учетом реализованных проектов и новый цикл;

разработка проектов, инициированных общинами или национальными предприятиями; исследование рынка (маркетинговые исследования); меры поддержки проектов; разработка и проведение мероприятий по привлечению средств; запуск проектов; оценка изменений социально-экономического положения населения; инициирование разработки программы СЭР с учетом реализуемых и реализованных проектов.

В заключение необходимо обратить внимание на **ключевые проблемы социально-экономического развития КМНС**, имеющие межрегиональное значение и требующие инициативы органов власти федерального, регионального и местного уровней, а также бюджетных средств. Основными из них следующие.

Исследование рынка северных товаров и создание системы современного факторийного обмена. Эти два взаимно переплетающихся направления позволят создать рыночную инфраструктуру в районах проживания малочисленных народов Севера, способствующую развитию местного предпринимательства. По вопросам, связанным с исследованием рынка северных товаров, целесообразно создание соответствующего информационно-аналитического центра с филиалами в регионах. На первых порах финансирование и инициирование решения этого вопроса – задача федеральных органов исполнительной власти. Отработка системы факторийного товарообмена требует нескольких экспериментальных проектов, инициированных и финансово поддерживаемых администрациями северных субъектов РФ. Актуальным является ведение переговорного процесса по вопросу **выделения территорий традиционного природопользования**. Несомненно, собственно переговорный процесс требует выработки процедуры, документальной поддержки, средств, но он позволит снять завесу неопределенности и предоставить возможности инициативным лидерам. Важно, чтобы выделение территорий совпало с разработкой проектов и программ развития.

Создание условий для подготовки кадров предпринимателей, обладающих инновационными (новаторскими) способностями, также позволит обеспечить рентабельную работу новых факторий, а также других местных малых предприятий.

Примечания

¹ Пика А. И. Неотрадиционализм на Российском севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11; *Неотрадиционализм на Российском Севере* / Отв. ред. А. И. Пика, Б. Б. Прохоров. М., 1995.

² Клоков К. Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития. Этнографические исследования. СПб.: Изд-во НИИ географии СПбГУ, 1996. Вып. 5; Чилингаров А. Н., Кокорев Е. М. Размышления о российском Севере. М.: Янус-К, 1997.

В. В. Мархинин
(г. Сургут),
И. В. Удалова
(г. Новосибирск)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА НАРОДОВ СЕВЕРА И НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА*

Проблемы взаимоотношений традиционного хозяйства народов Севера и нефтегазового комплекса имеют сложный многоплановый характер. Это проблемы законодательно-правовые, экономические, социокультурные, социально-психологические. Особенно актуальны они в Ханты-Мансийском округе – основном нефтегазодобывающем регионе страны. Одностороннее видение ситуации приводит зачастую к мнению о том, что традиционное хозяйство в принципе несовместимо с нефтедобывающей промышленностью, ведущей свою деятельность на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов.

Проблемы во взаимоотношениях работников традиционного хозяйства и предприятий нефтегазодобывающего профиля обозначились еще со времени, когда начался и интенсифицировался процесс

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22.

промышленного освоения северных регионов: они приобрели к настоящему времени весьма актуальное звучание.

Основой для постановки задач в настоящей статье явилось задание Управления социально-политических исследований Администрации губернатора Ханты-Мансийского автономного округа и окружных Комитета по делам малочисленных народов Севера и Комитета по нефти, газу и минеральным ресурсам. Эмпирической базой исследования являются данные социологического опроса экспертов и массового опроса населения, работников традиционного хозяйства в ходе социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Сургутского и Нефтеюганского районов Ханты-Мансийска.

Массовый социологический опрос проводился в пос. Тромаган, национальном пос. Пим (г. Лянтор), пос. Нижнесортымский, д. Русскинская Сургутского района, пос. Лемпино, д. Чеускино Нефтеюганского района. В число опрошенных были включены владельцы родовых угодий, постоянно проживающие на стойбищах на территориях соответствующих сельсоветов. Данная работа опирается также на предыдущие наши исследования современных проблем образа жизни коренного национального и русского старожильческого населения, которые проводились в сельских районах Ханты-Мансийска на протяжении 1990-х гг.

Взаимоотношения традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса к настоящему времени являются во многом неблагоприятными, так как они остаются во многом неотрегулированными. Об этом свидетельствует высокая степень социально-психологической напряженности в данной сфере, выявленная в ходе нашего массового социологического опроса. На вопрос о том, «Какие отношения сложились у Вас с нефтегазодобытчиками, геологами?», 18 % наших респондентов-владельцев родовых угодий ответили, что эти отношения являются в основном отношениями сотрудничества, но 22,5 % охарактеризовали их как в основном конфликтные; 43,2 % владельцев родовых угодий считают, что в их отношениях с нефтяниками есть и сотрудничество, и конфликтность («всякое бывает»); 16,2 % респондентов не дали ответа на этот вопрос, поскольку не соприкасались с деятельностью нефтяников (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение по национальностям в анкете массового опроса
ответов на вопрос: «Какие отношения сложились
у Вас с нефтегазодобытчиками, геологами?»
(n = 111 *, количество человек, %)**

Вариант ответа	Всего по массиву		Лица из народов Севера		Русские		Лица других национальностей	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Отношения сотрудничества	20	18,0	16	18,4	3	13,0	1	100,0
Отношения конфликтные	25	22,5	21	24,1	4	17,4	0	0,0
Всякое бывает	48	43,2	37	42,5	11	47,8	0	0,0
Не соприкасаюсь с ними	18	16,2	13	14,9	5	21,7	0	0,0

* Общее количество респондентов, ответивших на данный вопрос.

Таким образом, доля владельцев угодий, оценивающих свои отношения с нефтяниками как конфликтные, больше, чем доля тех, кто оценивает эти отношения в основном как отношения сотрудничества. Причем, так или иначе, наличие конфликтности отмечают все владельцы родовых угодий, соприкасающиеся с деятельностью нефтегазового комплекса. Оценки представителей народностей Севера, как видно из табл. 1, не очень отличаются от оценок русских владельцев родовых угодий; среди русских лишь несколько меньше доля тех, кто дает резко полярные оценки (т. е. отношения с нефтяниками оцениваются либо только как конфликтные, либо как отношения сотрудничества) и соответственно больше доля тех, кто считает, что в этих отношениях «всякое бывает».

Высокая степень социально-психологической напряженности в сфере взаимоотношений традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса, диагностируемая на основе результатов массового опроса, подтверждается и оценками наших экспертов: 30 % участников экспертного опроса оценивает взаимоотношения традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса в основном как отношения сотрудничества; 42 % экспертов – в основном как конфликтные; и только 24 % экспертов дали оценку «всякое бывает». Затруднились ответить на этот вопрос 4 % экспертов. Как видно, эксперты даже еще более определенно, чем участники массового опроса, констатировали высокую степень социально-психологической напряженности в рассматриваемой сфере.

Небезынтересно заметить, что и среди работников нефтегазовой промышленности, входящих в состав экспертов, большая часть (55,6 %) оценили взаимоотношения традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса также в основном как конфликтные.

Оценки владельцами родовых угодий характера отношений с работниками, предприятиями нефтегазового комплекса опираются на реальный жизненный опыт традиционного природопользования в местах нефтегазового освоения. Преобладание оценок этих отношений как конфликтных над оценками их как отношений сотрудничества объясняется не в последнюю очередь тем, что большая часть владельцев родовых угодий лично понесли какой-либо урон от деятельности нефтегазодобывающих и геологоразведочных предприятий. На вопрос: «Были ли в вашей жизни случаи, когда Вы (Ваша семья) непосредственно пострадали от деятельности нефтегазодобытчиков, геологов?», утвердительно ответили 54,6 % респондентов из числа опрошенных владельцев родовых угодий. Ответ «Нет» дали соответственно 45,6 % опрошенных.

Среди представителей народностей Севера доля лиц, лично пострадавших от деятельности нефтяников, оказалась заметно большей, чем среди русских владельцев родовых угодий, а именно: среди первых эта доля составила 58,8 %, среди вторых – 40,9 %. Вероятно, русские владельцы менее остро переживают ситуации, которые можно расценить как наносящие урон им, их семьям. Возможно, этим объясняется и тот факт, что русские владельцы родовых угодий дали меньше полярных оценок своим отношениям с нефтяниками, чем представители малочисленных народов Севера, чаще склоняясь к оценке «всякое бывает».

Отметим также, что и наши эксперты свои оценки отношений между традиционным хозяйством и нефтегазовым комплексом тоже дают, опираясь на личное знание ситуации, личный опыт. Так, 72 % экспертов сообщили, что лично были участниками (или свидетелями) конфликтных ситуаций во взаимоотношениях традиционного хозяйства и нефтегазодобывающего комплекса и соответственно только 28 % не были сами участниками (или свидетелями) таких ситуаций.

Участникам массового опроса вслед за названным выше вопросом был задан открытый (т. е. без заранее предусмотренных опросником вариантов ответов) вопрос о том, о каких случаях урона идет речь. Те из владельцев родовых угодий, которые лично пострадали от деятельности нефтегазодобытчиков, геологов, указали на следующие случаи: вырубка леса – 18,6 % респондентов указанной категории повреждение леса техникой – 20,3 %, загрязнение речной воды – 23,7 %, загрязнение почвы разливами нефти и нефтепродуктов – 11,9 %, другие нарушения экологии – 20,3 %, ущерб оленеводству – 11,9 %, нарушение запрета персоналу промобъектов на охоту на родовых угодьях – 22 %, бесконтрольное завышение площадей промышленно используемых земель, лесных массивов – 3,4 %, неполное выполнение экономических соглашений – 13,6 %, обман при заключении экономических соглашений – 5,1 %.

При этом представители народов Севера и русские владельцы родовых угодий называют примерно одинаковые доли случаев того или иного рода, когда им был нанесен урон. Заметное различие в этом плане состоит в том, что лица из народов Севера называют среди этих случаев ущерб оленеводству, о чем русские совсем не упоминают (это понятно, так как оленей держат почти исключительно аборигены). А русские заметно чаще называют случаи вырубки леса. Характерно также то, что русские назвали в целом относительно больше случаев причиненного им нефтяниками урона, чем представители народов Севера: в среднем на каждого русского таких случаев приходится 1,8, а на аборигена – 1,5. В этом можно видеть подтверждение высказанной выше мысли о том, что представители народов Севера острее переживают ситуации, которые можно расценить как нанесенный урон.

Проблемы экологии, возникающие в связи с деятельностью нефтегазодобывающих предприятий, как показывают наши исследования в округе, всегда воспринимались населением национально-смешанных поселений (независимо от национальности) как одни из самых острых проблем в местах их проживания. То же самое обнаруживается и по результатам нашего последнего социологического опроса.

Из всей совокупности опрошенных жителей большинство (58,5 %) считает, что загрязнение, разрушение окружающей среды под воздействием нефтегазовой промышленности является самой острой проблемой в жизни их поселений. Близкими к ней по остроте респонденты сочли только проблемы безработицы – 55,0 % и пьянство – 53,0 %. Далее в порядке убывания остроты они расположили следующие: распространение бедности и нищеты – 25,5 %, недостатки в работе органов управления – 10,5 %, сокращение рождаемости и рост смертности – 9,5 %, преступность – 9,5 %, напряженность в межнациональных отношениях – 4,0 %, другие проблемы – 1,0 %. Как видим, экологическую проблему, созданную нефтегазовым освоением, жители обследованных поселений выдвинули на первое место по остроте из довольно широкого круга проблем местной жизни.

Вообще проблемы, называемые респондентами среди самых острых, находятся в определенной связи. Так, проблема пьянства обусловливается, с одной стороны, экологической проблемой, поскольку разрушение природной среды обитания подрывает традиционный образ жизни и культуру, а с другой – социальными проблемами безработицы и распространением бедности и нищеты. Кроме

того, надо учесть, что все названные проблемы находятся в некоем единстве «подвижного баланса», определяемом взаимоотношениями традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса: деятельность нефтегазового комплекса, конечно, порождает негативные экологические последствия для территорий традиционного природопользования, но в то же время, по крайней мере хотя бы отчасти, снижает в местных поселениях остроту проблем безработицы (часть населения получает работу на предприятиях нефтегазового комплекса) и препятствует падению уровня жизни (за счет компенсаций владельцам родовых угодий за промышленную эксплуатацию участков угодий).

Мы поставили перед нашими респондентами и такой вопрос: «Были ли в Вашей жизни случаи, когда Вы (Ваша семья) получали помощь со стороны нефтегазодобытчиков, геологов?», около половины владельцев родовых угодий (48,2 %) признали получение помощи от нефтяников. Тем не менее помощь средствами и услугами, хотя она и важна, является не единственным фактором установления благоприятного социально-психологического климата во взаимоотношениях работников традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса.

Рассмотрим иные возможные перспективы состояния взаимоотношений традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса. Несмотря на довольно высокую степень социально-психологической напряженности во взаимоотношениях традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса в настоящее время, в перспективе, если судить по настроениям работников традиционного хозяйства, положение вполне может измениться в благоприятную сторону (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение по национальностям ответов на вопрос анкеты массового опроса:
«Что Вы думаете по поводу того, как в будущем должны складываться Ваши отношения
с нефтегазодобывающими, геологическими предприятиями?»
(n = 110, количество человек, %)**

Вариант ответа	Всего по массиву		Лица из народов Севера		Русские	
	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
Необходимо взаимовыгодное сотрудничество	52	47,3	38	52,1	14	37,8
Их деятельность в местах традиционного природопользования надо ограничить	26	23,6	14	19,2	12	23,6
Их деятельность в местах традиционного природопользования надо прекратить	14	12,7	12	16,4	2	5,4
Затрудняюсь ответить	18	16,4	9	12,3	9	24,3

На вопрос: «Что Вы думаете по поводу того, как в будущем должны складываться Ваши отношения с нефтегазодобывающими предприятиями?», преобладающая часть владельцев родовых угодий высказала мнение, что в будущем необходимо взаимное сотрудничество – 47,3 %; заметно меньшая часть (23,6 %) респондентов считают, что деятельность предприятий нефтегазового комплекса на территориях традиционного природопользования следует ограничить (что тоже не исключает необходимости сотрудничества), и меньше всего тех, кто считает, что деятельность нефтяников на этих территориях надо полностью прекратить – 12,7 %. Затруднились ответить 16,4 % респондентов.

Если мы сравним эти ответы с характеризующими современное состояние взаимоотношений, то увидим, что доля желающих в будущем отношений сотрудничества в несколько раз превосходит долю тех, кто расценивает современные отношения как сотрудничество. Это говорит о большом потенциале возможностей для развития интересующих нас взаимоотношений в благоприятном направлении. Хотя нельзя не видеть и того, что и доля тех, кто настроен решительно против деятельности нефтегазового комплекса, все-таки достаточно заметна. Это признак серьезной проблематичности ситуации во взаимоотношениях традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса.

В национальном разрезе интересно то, что настроения представителей народов Севера и в плане мнений о перспективах развития взаимоотношений с нефтегазовым комплексом более контрастны, чем настроения русских владельцев родовых угодий: доля лиц из народов Севера больше и среди тех, кто желает отношений сотрудничества, и среди тех, кто хотел бы прекращения деятельности нефтегазодобывающих предприятий. Это еще раз свидетельствует о том, что представители народов Севера более эмоционально воспринимают рассматриваемую нами ситуацию.

Среди тех мер, которые следовало бы предпринять в целях совершенствования взаимоотношений между традиционным хозяйством и нефтегазовым комплексом, жители национально-смешанных по-

селений в местах традиционного природопользования ставят на первое место природоохранные меры (табл. 3).

Большинство респондентов, выбирая из десяти возможных направлений совершенствования взаимоотношений традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса, первоочередным из них назвали такую меру, как уточнение размеров компенсаций нефтяных предприятий за ущерб природной среде (45,0 %). Причем в этом единодушны и лица из народов Севера – 44,0 %, и русские – 46,2 %.

Третью, четвертую и пятую позиции в порядке очередности мер, которые необходимо принять с указанной целью, респонденты отвели также мерам экологического характера: подготовка кадров специалистов в сфере природоохраны из числа народов Севера – 30,5 % респондентов из всей совокупности; рекультивация (восстановление) земель после промышленного использования – 25,5 %; наделение работников традиционного хозяйства правом контроля за состоянием земельных угодий – 24,0 % соответственно.

Таблица 3

Распределение по национальностям и районам ответов на вопрос анкеты массового опроса: «В каких направлениях в первую очередь следует усилить работу по совершенствованию взаимоотношений между традиционным хозяйством и нефтегазовым комплексом?», % (n = 195) (респонденты могли называть не более трех первоочередных направлений)*

Вопрос анкеты	Весь массив	Лица из народов Севера	Русские	Сургут. район	Нефтег. район
Уточнение размеров компенсаций нефтяных предприятий за ущерб природной среде	45,0	44,0	46,2	46,7	43,2
Уточнение размеров платы за промышленную эксплуатацию территорий традиционного природопользования	31,5	34,0	26,9	35,2	27,4
Подготовка кадров специалистов в сфере природоохраны из числа народов Севера	30,5	32,6	25,0	24,8	36,8
Рекультивация (восстановление) земель после промышленного их использования	26,5	22,7	38,5	34,3	17,9
Наделение работников традиционного хозяйства правом контроля за экологическим состоянием земельных угодий	24,0	21,3	28,8	15,2	33,7
Трудоустройство коренного населения на предприятиях нефтегазодобычи	22,5	27,7	11,5	21,0	24,2
Помощь предприятий нефтегазодобычи в строительстве жилья работникам традиционного хозяйства	22,0	22,0	19,2	13,3	31,6
Совершенствование формы экономического соглашения владельцев родовых угодий с предприятиями нефтегазодобычи	20,0	18,4	25,0	28,6	10,5
Помощь предприятий нефтегазодобычи в обустройстве поселений в местах традиционного природопользования	17,0	14,9	23,1	14,3	20,0
Другое	3,0	2,8	3,8	3,8	2,1

*Порядок расположения ответов в таблице не совпадает с порядком их расположения в анкете.

Заметим, что названные меры совершенствования взаимоотношений традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса вовсе не сулят местным жителям обернуться для них какими-либо конкретными материальными благами, являясь лишь предпосылками и условиями благополучного ведения традиционного хозяйства. И тем не менее они считают, что меры экологического характера являются еще более неотложными, чем даже те, которые помогли бы удовлетворить их очень насущные нужды – в трудоустройстве, жилье, обустройстве поселений. Данные нашего опроса показывают – и это, конечно, не новость, – что именно аборигены особенно чутко реагируют на экологические изменения, тонко чувствуя экологическую ситуацию, улавливая сложные экологические связи и зависимости.

Большая часть наших экспертов более прагматично, что ли, чем участники массового опроса, подошла к ранжировке очередности мер, которые надо было бы предпринять для совершенствования

взаимоотношений традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса. В качестве первоочередной меры они назвали не уточнение размеров компенсаций нефтегазовых предприятий за ущерб природной среде, а совершенствование формы экономического соглашения владельцев родовых угодий с этими предприятиями. Соответственно меры экологического характера эксперты, сравнительно с респондентами массового опроса – жителями местных поселений, в основном несколько отодвинули на задний план. Можно заключить, что мнения респондентов массового опроса и экспертов не исключают друг друга. Судя по всему, эксперты, будучи главным образом специалистами, управленцами, к вопросу о том, какие меры надо принять прежде других для совершенствования взаимоотношений между традиционным хозяйством и нефтегазовым комплексом, подходят к данному вопросу с установкой на определение технологически целесообразного порядка проведения этих мер в жизнь «здесь и сейчас», а местные жители – с установкой на выдвижение на первые позиции тех мер, которые особенно значимы с точки зрения перспектив развития традиционного хозяйства. Вероятно, правильно было бы по возможности не противоречиво совместить обе эти установки. Этого можно достичь, если одновременно с форсированием процесса совершенствования законодательной и нормативно-правовой базы договорных соглашений между работниками традиционного хозяйства и предприятий нефтегазового комплекса приложить усилия к принятию мер экологического характера, имея в виду в первую очередь их актуальность с точки зрения перспектив развития традиционного хозяйства. В частности, речь идет о следующих мерах.

Подготовка кадров специалистов в сфере природоохраны из числа народов Севера. К настоящему времени в корпусе специалистов из числа народов Севера преобладают, как это и было на протяжении многих десятилетий, учителя, врачи, работники культуры, ученые-гуманитарии. Многократно предпринимавшиеся попытки сделать распространенными у лиц коренных национальностей специальности технического профиля уже не раз заканчивались неудачей. Между тем аборигены – прирожденные экологи. Безусловно, многие из них уже в силу этого предрасположены и способны получить специальное экологическое образование, если уже в школе будет проводиться целенаправленная профессиональная ориентация. Специальность эколога органично совмещает в себе соответствие запросам современного общества вообще и потребностям деятельности по сохранению и развитию традиционного хозяйства в условиях его взаимодействия с нефтегазодобывающей промышленностью в частности. Однако до сих пор работа по профессиональной ориентации в национальных школах не ведется или ведется очень слабо. Специалистов-экологов из народностей Севера практически нет. На наш взгляд, сейчас эта задача, если думать о перспективах развития традиционного хозяйства, стала неотложной. Для ее решения в округе есть условия: в Сургутском государственном университете имеется экологическая специализация; вероятно, такую специализацию мог бы ввести и Югорский государственный университет в г. Ханты-Мансийске. Организационную работу по решению данной задачи мог бы взять на себя окружной Комитет по делам коренным малочисленных народов Севера.

Рекультивация земель после промышленного использования. При всем том, что за последние два-три года нефтегазовым компаниям удалось устранить загрязнения приблизительно половины площадей, занятых старыми месторождениями, все равно размеры загрязненных площадей продолжают увеличиваться быстрее (в отдельные годы в несколько раз быстрее), чем площади рекультивированных земель. Если эта тенденция сохранится, то традиционное хозяйство не только не будет иметь резервов в виде возобновляемых природных ресурсов для развития, но, напротив, лишится всякой перспективы. Необходима специальная программа рекультивации земель после промышленного использования на 10–20-летний период с тем, чтобы добиться такого положения, когда объемы площадей рекультивируемых земель будут расти быстрее, чем объемы площадей загрязнения. Разрабатывать и осуществлять (координировать осуществление) такую программу призван, конечно же, окружной Комитет по нефти, газу и минеральным ресурсам.

Наделение работников традиционного хозяйства правом контроля за экологическим состоянием земельных угодий. Такое право предусмотрено федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ст. 8, ч. 3). Тесно примыкает к этому право участвовать в проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах традиционного природопользования (ст. 8, ч. 6). Но проблема заключается в отсутствии механизмов реализации этих законодательно установленных прав. На наш взгляд, все попытки создать нормативно-правовые механизмы реализации данных (как и многих других) прав малочисленных народов будут паллиативными без наделения определенными компетенциями организаций, представляющих их интересы. Вполне эффективными эти механизмы оказались бы, по нашему мнению, если бы та или иная организация, – а если говорить о коренных малочисленных народах Севера – то к настоящему времени такой организацией реально может стать лишь Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, в округе – Ассоциация «Спасение Югры», – законодательно приобрела статус организации, полномоч-

но представляющей эти народы. Мы убеждены, что участие общественной организации народов Севера, полномочно представляющей эти народы, а также работников традиционного хозяйства, совместно с соответствующими государственными органами и службами в работе различных комиссий по контролю за экологическим состоянием территорий традиционного природопользования, по их экологической и этнологической экспертизам подняло бы эффективность работы таких комиссий на качественно более высокий уровень.

В перспективе, как нам представляется, необходима разработка законодательной и нормативно-правовой базы, целевым образом обеспечивающей регулирование взаимоотношений традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса. В этой связи мы поддерживаем имеющееся предложение о создании в округе специальной государственно-управленческой структуры, функцией которой было бы практическое регулирование данных взаимоотношений.

В. П. Пахомов, М. Н. Игнатьева, В. Н. Беляев, В. Г. Логинов, А. А. Литвинова
(г. Екатеринбург),
А. И. Райшев
(г. Ханты-Мансийск)

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ С ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ

В соответствии с Законом РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» исконной средой обитания малочисленных народов является исторически сложившийся ареал, в пределах которого малочисленные народы осуществляют культурную и бытовую жизнедеятельность и которая влияет на их образ жизни. Коренные малочисленные народы имеют в соответствии с законом довольно широкие права, в том числе на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба их исконной среде обитания.

Во многих субъектах федерации до принятия этого закона начался процесс закрепления земель за отдельными представителями коренных малочисленных народов или их сообществами (общинами). Так, в Ханты-Мансийском автономном округе в 1989 г. принято временное Положение о статусе территории приоритетного природопользования коренного населения. Для образования такого рода территорий предполагалось изъять некоторые территории из сферы деятельности промышленных и других предприятий. Выделенные земли, составившие треть площади округа, были закреплены за предприятиями традиционного сектора хозяйства (госпромхозами, коопзверпромхозами, оленеводческими совхозами, рыбколхозами и др.). Затем в пределах территорий приоритетного природопользования и помимо их стали создаваться родовые угодья коренного населения. Процесс возвращения коренным народам родовых угодий – территорий их исконного проживания, на которые они обладают приоритетными правами в отношении землепользования, начался с 1992 г.

Территории традиционного природопользования – это земельные участки вторичного пользования. Они подразделяются по статусу на три группы угодий: промысловые угодья коренного населения (рыбные, охотничьи, олени пастбища), родовые общинные и семейные угодья и особо охраняемые этнические территории (этноприродные парки).

Промысловые угодья передаются в пользование юридическим или физическим лицам, занимающимся традиционными видами деятельности. Пользователями промысловых угодий являются государственные хозяйства (совхозы), акционерные общества, национальные общины, физические лица коренной национальности, старожильческое население и новопоселенцы (если деятельность последних связана с традиционным хозяйством).

Родовые угодья передаются на правах пожизненного наследуемого владения. Владельцами родовых угодий являются отдельные семьи или родовые общины представителей малочисленных народов Севера. Размеры и границы родовых угодий определяются со слов коренных жителей, предки которых издавна занимались здесь оленеводством, охотой и рыбной ловлей по так называемому обычному праву. При этом не учитывались естественная продуктивность тех или иных угодий и кадастровая оценка природных ресурсов.

В связи с тем что институт родовых угодий не решил многие проблемы коренных народов, предлагается новая форма особо охраняемой территории – этноприродный парк. Основная цель его создания заключается в сохранении природной среды и развитии традиционного сектора хозяйства как экономической базы выживания малочисленных народов в условиях промышленно-транспортного

освоения Севера. В отличие от родовых угодий, этноприродные парки будут обладать более высокой степенью защиты малочисленных народов и окружающей среды от воздействия промышленного освоения, иметь свои органы самоуправления и полномочия в рамках их компетенции в отношении распоряжения и владения природными ресурсами, расположенными на их территории.

Одним из основных факторов, влияющих на экономическое и социальное положение малочисленных народов Севера, являются взаимоотношения их с хозяйствующими субъектами, главным образом с нефте- и газодобывающими предприятиями в процессе недропользования. Представители малочисленных народов, как правило, заинтересованы, чтобы в пределах их родовых угодий велись разработки углеводородного сырья. Это позволяет получать им компенсационные выплаты от нефтедобытчиков, величина которых значительно выше доходов, получаемых в традиционном секторе хозяйства.

В связи с тем что пока не разработан унифицированный проект Экономического соглашения между владельцами родовых угодий и хозяйствующими субъектами, возникает необходимость разработки типового договора, где должны быть прописаны все обязательства добывающих и других предприятий перед аборигенным населением.

Нами предлагаются два вида соглашений между хозяйствующими субъектами и представителями коренных малочисленных народов Севера, а именно:

1) договор на весь срок работ между пользователем промысловых угодий или владельцем родового угодья и подразделением хозяйствующего субъекта, занимающегося производственной деятельностью в пределах названных угодий;

2) экономическое соглашение, заключаемое ежегодно между пользователем промысловых угодий или владельцем родового угодья и подразделением хозяйствующего субъекта по поводу размера компенсационных платежей пользователям и владельцам за земельные участки, предоставленные для недропользования или иных нужд.

В настоящее время в действующей практике взаимоотношений коренных малочисленных народов и хозяйствующих субъектов в пределах территорий традиционного природопользования округа накоплен опыт по заключению договоров и экономических соглашений между владельцами родовых угодий и недропользователями (геофизические и геологические работы, разработка недр). Права пользователей промысловыми угодьями юридически не оформлены.

В экономических договорах между владельцами родовых угодий и нефтегазодобывающими компаниями кроме соглашения по социально-экономическим вопросам должно быть предусмотрено согласование процедуры размещения производственной инфраструктуры на территории родового угодья, т. е. решение чисто технических вопросов: размещение нефтедобывающих скважин, направление автодорог и нефтепроводов. Все это позволит снизить ущерб окружающей среде при разработке месторождений. В качестве экспертов по данному вопросу могут выступать владельцы родовых угодий, которые сами определяют расположение и направление производственных объектов и коммуникаций с учетом наименьшего вреда для ведения традиционного хозяйства.

Производственная (и иная) деятельность нефтегазодобывающих предприятий должна происходить только в рамках отведенных им площадей в пределах родовых угодий. В обязательном порядке должен быть предусмотрен контроль вахтовиков при отправлении на работу, чтобы предотвратить завоз на вахты охотничьего оружия, рыболовных снастей и спиртных напитков, а также собак.

При подписании соглашений аборигенное население вправе требовать использования новых технологий при разработке месторождений с учетом передового зарубежного опыта.

Более полному взаимопониманию владельцев родовых угодий и хозяйствующих субъектов препятствует отсутствие разработанной нормативно-правовой базы, определяющей механизм отвода земель родовых угодий для нецелевого использования, порядок и размер компенсации владельцам родовых угодий в случае отторжения земельных участков для промышленных и иных нужд.

В Институте экономики УрО РАН разработана методика оценки экономического ущерба, подлежащего возмещению владельцам родовых угодий в связи с изъятием земельных участков родовых угодий для хозяйственной деятельности и в связи с экологическими правонарушениями хозяйствующих субъектов в отношении природных комплексов родовых угодий.

Определение ущерба от изъятия земельных участков родовых угодий

Величина ущерба от изъятия земельных участков ($U_{и}$) родовых угодий складывается из убытков, упущенной выгоды и потерь владельцев родовых угодий:

$$U_{и} = U_{ос} + U_{в} + U_{с} + U_{з}, \quad (1)$$

где $U_{ос}$ – убытки, обусловленные необходимостью компенсационных затрат на возмещение утраты материальных ценностей (полная утрата или частичная порча основных фондов), р.; $U_{в}$ – упущенная

выгода, характеризуемая величиной недополученного дохода, р.; $Ус$ – убытки, определяемые размером дополнительных расходов, связанных с недополучением промысловых ресурсов, используемых для удовлетворения собственных хозяйственных и бытовых нужд, р.; $Уз$ – потери, определяемые размером компенсационных затрат на восстановление утраченных сельскохозяйственных угодий ($Уз_{(с/х)}$), оленьих пастбищ ($Уз_{(п)}$) и других земель ($Уз_{(др)}$), р.

Убытки ($Уос$), определяемые компенсационными затратами, предусматривают возмещение стоимости жилых домов, объектов культурно-бытового назначения, производственных и иных зданий и сооружений (охотничьих избушек и др.) или затрат по их переносу на новое место, а также незавершенного строительства.

Оценка жилых домов, объектов культурно-бытового назначения, производственных и иных зданий, расположенных на изымаемом земельном участке в границах родового угодья, характеризующая величину понесенных убытков, производится по сметной стоимости типовых проектов новых зданий и сооружений, соответствующих стоимости полезных площадей.

Оценка водных источников (прудов, скважин и т. д.) производится по сметной стоимости работ по строительству новых водных источников с соответствующим качеством воды, включая стоимость проектно-изыскательских работ.

Незавершенное строительство оценивается по фактически произведенным объемам работ и затратам на таковые в ценах на момент изъятия земельного участка.

Годовая упущенная выгода ($У_{вт}$) определяется суммарной величиной доходов, недополученных владельцем родового угодья, и может быть рассчитана двумя способами: исходя из экономической оценки ресурсов изымаемого участка и прямым счетом.

Расчет годовой упущенной выгоды на основе экономической ресурсной оценки производится по следующей общей формуле:

$$У_{вт} = \sum_{i=1}^{i=3} O_{it} \times S_{it} \times \alpha_{it} \times K_{it}, \quad (2)$$

где O_{it} – экономическая ресурсная оценка i -го ресурса в t -м году, р./га в год; S_{it} – площадь изымаемого участка i -го вида ресурса в t -м году, га; α_{it} – коэффициент, определяющий соотношение промысловой и потенциальной (биологической) продуктивности, доли единицы; K_{it} – коэффициент, определяющий соотношение ресурсов, предназначенный для реализации всего объема заготовок.

Расчет производится по дикоросам ($i = 1$), охотничьим ресурсам ($i = 2$), рыбьим ресурсам ($i = 3$).

Расчет упущенной выгоды прямым счетом выполняется на базе фактических объемов заготовки различных видов промысловых ресурсов с учетом соотношения доли продукции, идущей на реализацию и собственное потребление:

$$У_{вт} = \sum_{i=1}^{i=3} \sum_{j=1}^N (Ц_{ijt} - З_{ijt}) \times Q_{ijt} \times K_{ijt}, \text{ р./год}, \quad (3)$$

где $Ц_{ijt}$ – цена реализации j -го вида продукции i -го ресурса в t -м году, р./ед. в год; $З_{ijt}$ – затраты на заготовку, переработку, хранение, транспортировку и реализацию j -го вида продукции i -го ресурса в t -м году, р./ед.; Q_{ijt} – фактический объем заготовок j -го вида продукции i -го ресурса в t -м году, ед.; K_{ijt} – коэффициент, учитывающий долю реализации.

Общая величина упущенной выгоды за весь период изъятия и восстановления ресурсов изымаемых промысловых участков рассчитывается по формуле

$$У_{в} = \sum_{t=1}^T (У_{вт}) / (1 + E)^t, \quad (4)$$

где T – срок изъятия и восстановления ресурсов, лет; E – норма дисконта.

Годовые убытки ($У_{сг}$) владельца родового угодья определяются суммарной величиной убытков от недополучения продукции различных видов промысловых ресурсов, используемой для собственных нужд, и могут быть рассчитаны двумя способами: на базе экономических ресурсных оценок и прямым счетом.

На основе экономической ресурсной оценки расчет годовых убытков из-за недополучения природной продукции определяется как

$$У_{сг} = \sum_{i=1}^{i=3} O_{it} \times S_{it} \times \alpha_{it} \times (1 - K_{it}) \times K_{it}^H, \quad (5)$$

где O_{it} – экономическая ресурсная оценка i -го ресурса в t -м году, р./га в год; S_{it} – площадь изымаемого участка i -го вида ресурса в t -м году, га; α_{it} – усредненный коэффициент, учитывающий промы-

словую емкость угодий i -го вида ресурса в t -м году, доли ед.; K_{it} – усредненный коэффициент, учитывающий объем i -го вида ресурса, предназначенный для реализации в t -м году, в долях от общей величины заготовки i -го вида ресурса; K_{it}^{Π} – коэффициент, отражающий соотношение усредненной рыночной и оптовой (закупочной) цены на продукцию i -го вида ресурса в t -м году, доли ед.

Расчет прямых убытков владельца родового угодья при прямом счете выполняется на базе фактических объемов заготовки различных видов промысловых ресурсов с учетом соотношения доли продукции, идущей на реализацию и собственное потребление:

$$Y_{Ct} = \sum_{i=1}^{i=3} \sum_{j=1}^N (\Pi_{ijt} \times Q_{ijt}) \times (1 - K_{ijt}), \quad (6)$$

где Π_{ijt} – закупочная цена (оптовая или рыночная) j -го вида продукции i -го ресурса в t -м году, р./ед.

Общая величина убытков, связанных с недополучением промысловых ресурсов, используемых для собственных нужд, за весь период изъятия и восстановления ресурсов изымаемых промысловых участков определяется как

$$Y_C = \sum_{t=1}^T (Y_{Ct}) / (1 + E)^t, \text{ р.} \quad (7)$$

При изъятии или временном занятии земельных участков в границах родовых угодий под промышленное освоение имеют место потери сельскохозяйственных угодий ($Y_{3(CX)}$), оленьих пастбищ ($Y_{3(\Pi)}$) и земель других категорий ($Y_{3(DP)}$).

Потери, вызванные сокращением и безвозвратной потерей сельскохозяйственных угодий, оленьих пастбищ и земель других категорий и повлекшие выбытие этих земель из оборота системы традиционного хозяйства, возмещаются в целях сохранения уровня производства, среды обитания, экологического равновесия и пространственного ресурса в размерах затрат на восстановление этих земельных площадей до их первоначальной стоимости.

Оценка ущерба от изъятия сельскохозяйственных земель ($Y_{3(CX)}$) производится на основании экономической оценки земельных ресурсов, выполненной в соответствии с постановлениями Правительства РФ № 77 от 28.01.93 г. и № 1176 от 27.11.95 г. по нормативам освоения новых земель взамен изымаемых.

Оценка ущерба от изъятия оленьих пастбищ ($Y_{3(\Pi)}$) основывается на Постановлении Совета Министров РСФСР № 86 от 15.03.89 г. «О нормативах возмещения потерь сельскохозяйственного производства при изъятии, уничтожении или порче оленьих пастбищ» и Распоряжении Правительства РФ от 15.06.94 г., № 908-р.

Оценка ущерба от изъятия других земель определяется в соответствии с положениями, принятыми в конкретном регионе. В случаях, когда земля передана в собственность граждан и происходит изъятие таковых земельных участков, величина общего ущерба (формула 1) увеличивается на размер убытков (Y_5), которые несет собственник земельного участка и которые определяются как

$$Y_5 = \Pi^p * S^c, \text{ р./га}, \quad (8)$$

где Π^p – рыночная цена земли, р./га; S^c – площадь изымаемого участка земли, р./га.

Определение ущерба, обусловленного экологическим правонарушением

Природные комплексы, пострадавшие от негативного воздействия хозяйственной деятельности, могут быть подразделены на три уровня экологического неблагополучия в зависимости от степени нанесенного им вреда: участки (территории) экологического риска, участки (территории) экологического кризиса, участки (территории) экологического бедствия.

При оценке ущерба, подлежащего возмещению владельцам родовых угодий в связи с экологическими правонарушениями, учитываются экологические правонарушения, причиняющие вред природным комплексам в границах родовых угодий, за пределами отвода земельного участка для хозяйственной деятельности.

Величина ущерба, обусловленного экологическим правонарушением, складывается из убытков, упущенной выгоды и потерь владельцев родовых угодий (формула 1).

При расчете годовой упущенной выгоды, обусловленной снижением качественных и количественных параметров промысловых ресурсов в рамках загрязненного, разрушенного, затопленного земельного участка, находящегося в пределах родового угодья, в формулу (2) вводятся коэффициенты снижения экономической ценности природных ресурсов (m):

$$Y_{Bt} = \sum_{i=1}^{i=3} O_{it} \times m_{it} \times S_{it} \times \alpha_{it} \times K_{it}, \quad (9)$$

где m_{it} – коэффициент снижения экономической ресурсной оценка i -го ресурса в t -м году, доли ед.; S_{it} – площадь загрязнения, нарушения, затопления и т. п. в t -м году, га.

Расчет упущенной выгоды прямым счетом выполняется на базе фактического объема реализации заготовленных промысловых ресурсов и его изменения под воздействием неблагоприятных факторов (загрязнение, подтопление и др.). При этом формирование упущенной выгоды может происходить, во-первых, за счет снижения объемов заготовок промысловых ресурсов, в том числе за счет изменения соотношения различных видов промысловых ресурсов, во-вторых, за счет изменения естественных свойств промысловых ресурсов.

При расчете годовых убытков из-за недополучения природной продукции различных видов промысловых ресурсов, используемой для собственных нужд, на базе экономических ресурсных оценок следует использовать формулу (5) с введением коэффициентов снижения экономических ресурсных оценок (m_{it}).

Потери владельцев родовых угодий в связи с отрицательным воздействием хозяйственной деятельности на земли формируются за счет изменения качественных параметров сельскохозяйственных угодий, оленьих пастбищ и земель других категорий. Оценка потерь производится с учетом коэффициента снижения экономической ценности земельных ресурсов и срока, в течение которого наблюдаются изменения качественных характеристик этих земель.

Е. П. Мартынова

(г. Тула),

Е. А. Пивнева

(г. Москва)

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО ОБСКИХ УГРОВ И РЫНОК: ВОЗМОЖНОСТИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ *

Вопрос о возможности и перспективах существования традиционного хозяйства аборигенных народов в условиях рынка сегодня чрезвычайно важен. Настоящая статья основана главным образом на материалах, полученных нами во время экспедиций в Ханты-Мансийский АО, где проживают обские угры (ханты и манси). Однако высказываемые здесь суждения во многом можно отнести и к другим малочисленным народам Севера.

Западная Сибирь – территория проживания обских угров – богата природными ресурсами (лесом, рыбой, зверем, дикоросами), что предопределило развитие у них таких видов хозяйственной деятельности, как рыболовство, охота, оленеводство и собирательство. Эти отрасли составляют основу их жизнеобеспечения. Традиционное хозяйство данных народов в прошлом носило комплексный характер, сочетающий в зависимости от конкретных природно-географических условий и времени года различные занятия. По Оби, Иртышу, Северной Сосьве, а также в озерно-речных системах нынешних Кондинского, Березовского, Белоярского, Ханты-Мансийского, Сургутского районов наибольшее развитие имел рыбный промысел. В верховьях притоков Оби была распространена охота. У северных групп обских угров получило распространение оленеводство таежного типа. Повсеместно велся сбор дикорастущих (кедровые орехи, ягоды), что вносило разнообразие в обычный режим питания рыболовов, охотников и оленеводов.

Традиционная хозяйственная деятельность обских угров велась в основном для собственного потребления, часть продукции предназначалась для обмена и продажи. Отраслью, исторически первой включенной в систему обмена и торговли, стал охотничий промысел. Известно, что обмен и торговля имели в Зауралье давние традиции. По данным Строгановской летописи (XVII в.) «остяки и вогуличи привожаху... запасы от зверей и от птиц и от рыб и от скот велми множество... и от товаров драгих и от всяких мягкие рухляди. Тогда московские людие и казацы... всякими брашна изобилны быша и богатство себе приобретают множества и от товаров драгих и от всякие мяхкие рухляди»¹. В XVII–XVIII вв. пушнина была почти единственным товаром аборигенного населения. С конца XVIII в. товарообменные и денежные отношения стали проникать в рыболовный промысел. К середине XIX в. удельный вес

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 99-01-00025).

продуктов рыбодобычи вырос настолько, что в Нижнем Приобье муксун стал выступать в роли торгового эквивалента наряду с песцовыми и беличьими шкурками². В начале XX в. на северных рынках начали продаваться продукты оленеводства и ягодно-кедрового промыслов.

Необходимо отметить, что обские угры, особенно расселенные по руслу Оби, входили в число северных народов с наиболее развитыми товарными отношениями. Согласно материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг., товарная часть дохода составляла у них две трети валового (ханты – 66,0 %, манси – 67,5 %). Общая товарность всей продукции достигала у манси 65,3 %, у хантов – 53,7 %³.

Несмотря на наличие торгово-обменных отношений, хозяйство северных народов никогда не было ориентировано на рынок и не приносило прибыли. Отсутствие постоянного избыточного продукта сверх собственного потребления являлось одним из существенных факторов, ограничивающих развитие у них в прошлом товарно-денежных отношений. Существовавший у многих коренных народов Севера «внутренний» обмен не являлся собственно торговлей. Он происходил в самых простых, натуральных и прямых формах, в которых даже в XX в. усматривалось немало следов древних обычаев взаимного гостеприимства и взаимодарения. Конечно, под воздействием внешних торговых связей (торговля велась преимущественно с русскими купцами) происходило разрушение патриархального натурального хозяйства. Однако внешние экономические связи малочисленных народов, по словам М. А. Сергеева, «носили весьма ограниченный, односторонний характер и далеко не охватывали все хозяйство в целом... у многих групп они сводились исключительно к пушным операциям, которые и служили единственной связью хозяйства с рынком, единственным источником получения извне ограниченного набора немногих необходимых или привычных товаров (оружия, огнестрельных патронов, чая, табака)»⁴. На рынок поступала лишь незначительная часть продукции аборигенного хозяйства – от 14 до 37 %⁵. О слабом развитии у народов Севера товарных отношений свидетельствовало и ограниченное распространение у них денежного обращения, сделки по сбыту местных продуктов и приобретению привозных товаров происходили преимущественно в форме прямого (натурального) обмена. Такая форма сохранялась еще и после 1917 г. О сбыте коренными народами Тобольского Севера промысловой продукции А. А. Дунин-Горкавич в начале XX в. писал следующее: «Предметы, добытые инородцами путем промыслов, вымениваются у них местными торговцами, которые для этой цели съезжаются со своими товарами в известное время и в определенные пункты. В то же время и в те же пункты собираются инородцы со своими товарами для положения ясака, расчета за казенную муку, взноса земских повинностей и закупки необходимых в их обиходе предметов. Предметы острого промысла, кроме того, скупаются, т. е., собственно говоря, вымениваются, торговцами в одиночку и вне времени, назначенного для съездов-торжков. Избегая хотя и слабой конкуренции на торжках и ярмарках, установленных в некоторых пунктах, многие торговцы перед окончанием звероловных промыслов едут в места кочевок инородцев, и там по произвольной и весьма низкой цене они берут за долги или выменивают большую часть добываемых инородцами звериных шкур»⁶.

В наши дни традиционное хозяйство и типы природопользования обских угров служат важнейшим фактором сохранения их традиционного образа жизни, культуры, языка, психологии. От их состояния во многом зависит сохранность северных этносов. Несмотря на то что перечисленные выше отрасли хозяйства и поныне существуют у хантов и манси, в этом секторе экономики возникло много проблем. Под влиянием колхозов и совхозов они претерпели значительную трансформацию: была нарушена комплексность традиционной системы хозяйствования, изменились принципы организации промыслов. Переход страны от плановой экономики к рыночной поставил традиционные отрасли в новые чрезвычайно сложные для них условия.

Нелегкие времена переживает сегодня рыболовство: крупные рыбокомбинаты и рыбозаводы реорганизованы в мелкие акционерные общества; сократились объемы производства и численность работающих. Вылов рыбы в Ханты-Мансийском АО в 1998 г. составил 4 352,5 т, или 20 % от среднегодового улова в первой половине 1960-х гг. Многие рыбаки, среди которых преобладают представители коренных народов, оказались безработными. Хотя рыболовством сегодня по-прежнему так или иначе занимается все сельское коренное население, только для малой его части оно является основным видом профессиональной деятельности. Большинство ловят рыбу для личного потребления, продажи или обмена на продукцию широкого потребления.

Одним из важных занятий обских угров по-прежнему остается охота. До конца 1980-х гг. она приносила значительный доход в бюджеты колхозов, коопзверопромхозов и промыслово-охотничьих хозяйств. В настоящее время из-за низких закупочных цен, сокращения промысловых территорий, отсутствия рынков сбыта и других причин она превратилась в малорентабельную отрасль. Так же, как и в рыболовстве, лишь для малой части аборигенов занятие охотпромыслом является работой. Но в отличие от ситуации в рыбном промысле, охотой большая часть населения занимается эпизодически, пытаясь несколько разнообразить пищевой рацион семьи и хоть немного пополнить семейный бюджет.

Сбор дикоросов (клюква, брусника, кедровые орехи) сейчас осуществляется индивидуально. Ягоды и орехи реализуют самостоятельно, иногда сдают организациям, занимающимся приемом дикоросов. Переработка и сбыт ягод из-за отсутствия соответствующих предприятий представляют собой значительную проблему.

Сколько-либо существенных доходов сбор дикоросов не дает. Так, по оценке местных руководителей, хороший рыбак за год может заработать 30–40 тыс. р., охотник – 15 тыс. р. Одна из основных причин нерентабельности промыслов заключается в низких закупочных ценах. Так, в 2000 г. нельма принималась по 35 р., муксун – 25, щокур – 20, сырок – 5, щука – 4, язь, плотва, окунь, налим – 3 р. за 1 кг. Закупочные цены на пушнину были следующие: соболь – 200–300 р., лисица – 300–350 р., белка – 10 р. за шт.; на дикоросы: ягода (клюква, брусника – 15, орех кедровый – 20, чага – 25, шиповник – 40, брусничный лист – 50 р. за 1 кг) (Полевые материалы авторов, 2000 г.). Комитет по делам малочисленных народов Севера осуществляет дотацию на продукцию охотпромысла и сбора дикоросов, размеры которой примерно соответствуют закупочным ценам.

Основными причинами сокращения объемов добычи продукции в традиционных отраслях являются отторжение земельных угодий под промышленные нужды и загрязнение земель. В целях промышленного освоения для нужд нефтегазодобывающей отрасли во временное и постоянное пользование отводилось 20–30 тыс. га земель. Для строительства нефтепромысловых объектов изъято и предоставлено в постоянное пользование 86 тыс. га, во временное – 52 тыс. га. Общая площадь нарушенных земель в округе на 1.01.1998 г. составила 44,6 тыс. га.

До недавних пор рентабельной отраслью хозяйства северян являлось оленеводство. Однако общая численность поголовья оленей в Ханты-Мансийском АО имела отрицательную динамику, особенно явную с 1990-х гг. (1964 г. – 70 879 голов, 1974 г. – 55 657, 1984 г. – 52 107, 1994 г. – 39 277, 1998 г. – 32 309, 1999 г. – 31 722, 2000 г. – 27 833 головы). Таким образом, поголовье оленей в округе к 2000 г. по сравнению с 1960-ми гг. сократилось в 2,5 раза. В общественном секторе на 1.01.1999 г. оно составило 18 247 голов, что в 3,3 раза ниже, чем 30 лет назад. Основной причиной уменьшения общественного стада явилась деградация оленьих пастбищ в связи с промышленно-транспортным освоением территорий округа. Значительный урон стадам наносят набеги волков. На численности поголовья негативно отразились и ничем не обоснованные крупные забои животных, которые, согласно полевым материалам, проводились в округе в конце 1980 – начале 1990-х гг.

Сейчас оленеводство является низкорентабельной отраслью из-за высоких непроизводительных отходов и практически не приносит прибыли. Основная причина этого – отсутствие линий по переработке сырья. После забоя животных часто используются только мясо и панты, а шкуры гниют. Отсутствуют мощности для полной глубокой переработки продукции оленеводства. В бригады для обработки оленьего меха привлекают женщин, но они вручную в состоянии обработать только незначительную часть шкур, затем возникает проблема сбыта готовой продукции.

В последние годы в Ханты-Мансийском автономном округе прослеживается тенденция к развитию «частного» оленеводства. Удельный вес личных хозяйств в округе составлял: 1964 г. – 15,2%; 1974 г. – 21,6; 1984 г. – 24,2; 1994 г. – 31,2; 2000 г. – 47,9 %. Хоть и незначительно, но увеличивается поголовье оленей в личных хозяйствах: 1964 г. – 10 755; 1974 г. – 12 000; 1984 г. – 12 611; 1994 г. – 12 241; в 2000 – 13 335 голов. При этом отчетливо проступает тенденция развития именно традиционных черт хозяйствования. Владельцы стад прежде всего стремятся с помощью этой отрасли хозяйства сохранить традиционный уклад жизни, а не извлекать прибыль.

Таким образом, все отрасли традиционного хозяйства обских угров являются низкорентабельными, они практически не приносят прибыли. Все, с кем нам довелось беседовать во время экспедиций о современном состоянии традиционных отраслей хозяйства, высказывали единое мнение о том, что сейчас коренное население не заинтересовано добывать пушнину, мясо, рыбу, орехи, ягоды из-за того, что отсутствует разработанный механизм переработки и реализации продукции традиционных отраслей. В то же время нельзя не отметить стремление значительной его части заниматься именно этими, привычными для них занятиями. Некоторая часть аборигенов (прежде всего представители среднего и старшего возраста) ориентирована на традиционные виды деятельности, поэтому для них отсутствие возможности рыбачить, охотиться, пасти оленей означает утрату традиционного образа жизни. В этом плане показательно выступление одного старого рыбака из Нижневартовского района на конференции, посвященной 10-летию Ассоциации «Спасение Югры», который сказал: «Не платите мне хлебные деньги (дотацию на продовольствие, полагающуюся всем представителям коренных малочисленных народов Севера), дайте мне возможность сбыть выловленную рыбу. Я сам куплю все необходимое».

Нужно отметить, что традиционные отрасли экономики коренных народов никогда не являлись высокодоходными. В годы советской власти они функционировали в основном за счет государственных дотаций. В условиях прекращения государственного финансирования (с 1994 г.) традиционные

отрасли оказались в особенно тяжелом положении, многие специалисты оценивают их состояние как кризисное.

Одним из вариантов выхода из сложившейся ситуации в Ханты-Мансийском округе является создание «национальных» производственных предприятий – так называемых родовых общин (речь идет о производственно-поселенческих коллективах, ядром которых должны стать представители малочисленных народов Севера, занятые в традиционных промыслах). Такая форма хозяйствующих субъектов получила распространение в Березовском (10 общин), Белоярском (7) и Кондинском (6) районах. Эти общины отличаются по численности (от 5 до 78 человек), этническому составу (манси, ханты, коми-зыряне, русские), направлениям деятельности. Большинство сторон деятельности общин регламентируется местной и районной администрацией. Ни одна из них не представляет собой реально самоуправляющегося института. По своей сути это хозяйственные организации. Преобладающим видом деятельности общин является рыболовство, помимо которого они занимаются охотой и сбором дикоросов. Отметим, что во многих общинах основной доход дают нетрадиционные для аборигенов виды деятельности – строительство жилья, торговля, заготовка леса, содержание зимних дорог. Большая часть общин существует за счет дотаций, получаемых от районного отдела по делам народов Севера. Иллюстрацией к этому могут служить следующие данные, обнаруженные нами в архивном отделе Администрации Березовского района. В 1997 г. Комитет по делам народов Севера выделил общине «Сыгва» 65 млн р. на заготовку дикоросов; сдано кедровых орехов было на сумму 14,5 млн р. В том же году Березовский коопзверопромхоз получил на эти же цели 55 млн р.; в результате было сдано 2 200 кг орехов и 500 кг ягод на сумму 13 млн р. Дотация на пушнину коопзверопромхозу составила 75,3 млн р., о сданной пушнине в отчете вообще ничего не сказано.

Важно, на наш взгляд, отметить и то обстоятельство, что национальные предприятия, как и традиционные отрасли хозяйства в целом, имеют не столько экономическое, сколько социальное значение. Во-первых, они являются этносохраняющими, поскольку служат основой для поддержания традиционного образа жизни и культурных традиций. Во-вторых, они хоть в какой-то степени решают проблему безработицы. По оценке местных руководителей среди представителей коренных народов Севера уровень безработицы в последние годы составляет около 30 % от лиц трудоспособного возраста. В силу этого общины и другие формы национальных предприятий ориентированы на создание возможно большего числа рабочих мест. Этот фактор учитывается и при создании новых хозяйственных организаций, и при решении вопросов о закрытии существующих малозффективных. Проблема занятости остается острой даже при возрождении оленеводческих традиций. Так, Ханты-Мансийский районный отдел Севера в 2000 г. намеревался создать оленеводческую бригаду-общину из шести человек, поочередно выпасающих 100 оленей на своих «родовых угодьях». В прошлом такое поголовье содержала одна семья, да и в советские времена в условиях тайги их выпасал один пастух. По словам самих членов бригады, создание такой общины прежде всего предполагает решение проблемы безработицы.

В связи с тем что традиционные отрасли находятся в состоянии кризиса, возникает вопрос: могут ли они вообще сохраняться и развиваться при рыночной экономике? Мы присоединяемся к мнению тех, кто считает это проблематичным. Как заметил В. М. Куриков, «рынок и традиционное природопользование – системы, не имеющие ничего общего. Рыночные формы традиционного природопользования – нелепость, попытка совместить несовместимое»⁷

Многие черты, присущие традиционной хозяйственной деятельности обских угров, отличаются от рыночных принципов. Их хозяйство было нацелено не на получение прибыли, а на удовлетворение собственных потребностей. Отношение к добываемой продукции определялось принципом «что достаточно, то достаточно». В мировоззрении хантов и манси довольно четко прослеживается представление о том, что человек – часть природы и он должен бережно относиться к ее богатствам. Поэтому охотники и рыболовы никогда не стремились к получению «максимума», ограничиваясь необходимым для обеспечения семьи количеством зверя и рыбы.

Даже при торгово-обменных операциях северные народы не стремились к выгодным сделкам ради обогащения. Они продавали (или обменивали) продукцию промыслов, оленеводства для того, чтобы на вырученные средства приобрести необходимые в хозяйстве и быту вещи, которые они не могли произвести сами. Такой обмен нередко расценивался как неэквивалентный, не случайно авторы XIX в. писали о том, что купцы обманывают «инородцев», наживая состояния на торговле с ними. Между тем сами коренные жители считали такие сделки вполне приемлемыми.

Рыночное производство предполагает специализацию производителей, а традиционная система хозяйствования является недифференцированной, комплексной. То есть у обских угров не было разделения на рыболовов, охотников, оленеводов; каждый в зависимости от времени года чередовал эти виды занятий.

Кроме того, в традиционных отраслях практически невозможно свести к минимуму затраты на организацию промыслов, поскольку требуются и соответствующие орудия (сети, неводы, капканы, ружья), и экипировка, и боеприпасы. Приобретение всего этого требует немалых финансовых затрат. Так, охотнику только на боеприпасы нужно потратить 1,5 тыс. р. в год, лодочный мотор стоит от 4,5 до 15 тыс. р. Минимизация убытков – одно из условий выживания на рынке, но в традиционных отраслях невозможное.

Наконец, нужно остановиться и на вопросе землепользования. Рыночная экономика базируется на частной собственности. Традиционная система распределения угодий, по существу, основывалась не на праве собственности, а на праве пользования промысловыми и пастбищными угодьями. При этом у обских угров сочетались коллективные (общинные) и лично-семейные формы использования тех или иных территорий. Особо следует отметить то обстоятельство, что никто из членов общины не мог выделить свою долю угодий и распоряжаться ею по своему усмотрению. Да и в настоящее время, судя по полевым материалам, большинство представителей коренного населения выступает против частной собственности на землю. Даже владельцы родовых угодий считают, что посторонние могут рыбачить, охотиться, собирать ягоды, грибы, орехи в пределах их угодий при условии, если природе не будет нанесен ущерб.

Поэтому, как справедливо отмечает В. М. Куриков, «идея о переходе малочисленных народов к рыночным отношениям путем формирования товарно-денежных отношений вместо традиционных форм хозяйствования ничуть не лучше идеи втянуть малочисленные народы в социализм, которая приведет к не менее, если не более отрицательным последствиям»⁸. «Погоня за прибылью, сиюминутным материальным интересом, возможно, приведет их к материальному процветанию, но тем самым лишит их национальной самобытности, растворив их в окружающей цивилизации. Ценность для человечества представляет их особая, самобытная культура, построенная на гармоничном сосуществовании с природой, окружающей средой»⁹

Обских угров, в числе других малочисленных народов Севера с традиционной системой природопользования, можно назвать «вписывающимися в природу». Еще сегодня они могут считаться живущими в условиях «естественного равновесия»¹⁰. Опираясь на многовековой опыт предков, эти народы ведут природосберегающую хозяйственную деятельность – добывают дичи столько, сколько ее необходимо не только для собственного пропитания, но и для сохранения природных богатств; содержат такое поголовье оленей, какое могут прокормить ягельники; при необходимости на долгое время закрывают для рыбной ловли водоемы и переносят места рыбной ловли на другие, не освоенные прежде озера и реки; и т. п.

Законы рынка будут неизбежно диктовать новые правила отношений с природой. В целях получения прибыли при коммерческой направленности промысловых отраслей возникнет необходимость в расширении масштабов вылова рыбы, отстрела зверя и т. д., что не может быть беспредельным, так как ресурсы экологической ниши Севера имеют естественное ограничение. Неразумное вторжение новой технологии также может привести к серьезным последствиям для окружающей среды и традиционного природопользования. Уже сейчас мы имеем множество негативных примеров вмешательства человека в хрупкую северную природу, грозящего экологическим кризисом. Это и широкое использование наземного колесного и гусеничного транспорта, разрушающего ягельники, и замена растительных сетевых рыболовных материалов капроново-нейлоновыми, не способными биологически разлагаться, и добыча песка для активно ведущегося строительства методом гидронамыва, приводящего к замутиению рек и препятствующего заходу в них рыбы. Помимо всего прочего, процесс коммерциализации неизбежно будет сопровождаться вытеснением аборигенных народов с наиболее доходных мест пришлым населением, так как аборигенные народы психологически не приспособлены к жесткой рыночной конкуренции.

Приведенные выше обстоятельства приводят к убеждению, что традиционное хозяйство не может стать рыночным, речь может идти только о поиске каких-то форм сосуществования. В настоящее время реализация продуктов промыслов и оленеводства не в состоянии обеспечить нормальный уровень жизни, зачастую транспортные расходы на вывоз продукции от занятий традиционным хозяйством превышают полученные от ее реализации суммы. Коренные жители, занятые в традиционных отраслях, фактически живут за счет денежных средств родственников, имеющих постоянные источники доходов. Выход из существующего положения, видимо, следует искать не в бесконечных дотациях и субсидиях по этническому принципу, а в организации системы: производство – переработка – сбыт. Между тем в настоящее время в регионах Севера практически отсутствуют структуры, которые обеспечивали бы заготовку, переработку и реализацию добытой и произведенной коренными народами промысловой продукции и удовлетворяли их нужды в продовольствии, товарах народного потребления и производственно-технического назначения. Такими структурами сегодня призваны стать фактории.

Следует заметить, что русские купцы издавна создавали на Севере фактории, обеспечивая коренное население необходимыми товарами и приобретая продукцию оленеводства и промыслов. В ходе коллективизации 1930–1940-х гг. и дальнейших социально-экономических преобразований фактории практически прекратили свое существование. В настоящее время в Ханты-Мансийском АО вновь обратились к опыту прошлого, разработана и осуществляется окружная программа «Фактория», которая предусматривает создание 31 фактории с 3 000 рабочими местами. В зависимости от специализации часть из них ориентирована на ловлю и переработку рыбы, другие – на заготовку и переработку дикоросов, мяса диких животных и добычу пушнины, третьи – на переработку оленеводческой продукции.

«Фактория» рассматривается как интегральная снабженческо-сбытовая структура сельской экономики, которая организует обмен продукции аборигенов на орудия лова, снаряжение, другие товары, кредитует оленеводство и промысловиков под будущую поставку продукции¹¹. Предполагается, что современная «фактория» должна стать больше, чем просто торгово-закупочная и снабженческая организация, одна из ее функций – глубокая переработка продукции промысловых отраслей. При необходимости в рамках данной программы можно наладить бытовое обслуживание, обучение молодежи, организовать мастерские, занятые национально-художественными промыслами, и др. Высказывается также мнение, что фактории нового образца должны быть «либо коллективной собственностью этноса какой-то территории в целом, либо паевой собственностью ряда хозяйств», в отличие от времен нэпа, когда торговля с народами Севера осуществлялась на основе государственной собственности¹².

Однако, несмотря на принятую программу, адаптация традиционных отраслей хозяйства обских угров к рыночным условиям идет очень трудно. Эффективное сочетание процессов добычи, переработки и реализации продукции в единой технологической цепи требует значительных материальных затрат и организационных усилий самих северных народов.

Примечания

¹ *Сибирские летописи*. СПб., 1907. С. 32, 33.

² *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 76.

³ *Сергеев М. А.* Нскапиталистический путь развития малых народов Севера // Тр. Института этнографии. Нов. сер. М.; Л., 1955. Т. 27. С. 109.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ *Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. М., 1996. Т. 3. С. 97.

⁷ *Куриков В. М.* Природопользование и охрана северных территорий в условиях рынка. Томск, 1998. С. 3.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ *Итс Р. Ф.* Введение в этнографию. Л., 1991. С. 15–17.

¹¹ *Дегтярь А. И.* Организация факторийного товарообмена – путь ускоренного социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера // Бюл. Гос. комитета Российской Федерации по делам Севера. М., 2000. № 1. С. 23.

¹² *Куриков В. М.* Экономика северных этносов: базис и независимость. Томск, 1999. С. 11.

В. П. Кривоногов
(г. Красноярск)

КЕТЫ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В 2001 г. совместная экспедиция Красноярской лаборатории археологии и палеографии СО РАН и Красноярского государственного педагогического университета провела исследование среди кетов через десять лет после предыдущей экспедиции (1991 г.). Подробные данные будут получены после завершения компьютерной обработки материала, но некоторые предварительные выводы можно сделать уже сейчас. В ходе исследования был проведен массовый опрос кетского населения по анкете, включающей вопросы по современным этническим процессам, причем удалось опросить 99,5 % кетов, которые проживают на основной этнической территории.

Под этнической территорией кетов мы понимаем почти весь Туруханский район Красноярского края, кроме пос. Фарково (селькупский) и пос. Сов. Речка (эвенкийский). В эту территорию мы включили также не входящие в Туруханский район г. Светлогорск (Игарка), пос. Суломай (Байкитский район Эвенкии) и пос. Сым (Енисейский район). Назвать всю данную территорию кетской можно

лишь условно, так как собственно кеты здесь составляют менее 1/10 населения, остальные в основном русские.

На этой территории мы застали в 1991 г. 873 человека кетской национальности. Сколько здесь кетов сейчас? В местной прессе по этому вопросу проявлялась постоянная озабоченность; считалось, что в последние годы кеты «вымирают». Однако нам 10 лет спустя удалось обнаружить здесь 885 человек, т. е. налицо небольшой прирост. Каким образом складывались эти изменения за последние 10 лет? Мы не застали (по причине смерти) 141 человека из числа тех, кто проживал здесь в 1991 г., за это время родилось 142 ребенка. Таким образом, естественный прирост у кетов оказался фактически нулевым. Но естественное движение – не единственный фактор, влияющий на численность населения. Обратимся к внешним (по отношению к основной этнической территории) миграциям. За пределы этой территории в течение 10 лет выехало 62 кета, а приехало 43 человека. Отрицательное миграционное сальдо составило 19 человек. Есть еще одна причина, влияющая на численность населения, – колебания этнического самосознания многочисленных метисов. За 10 лет из числа сменивших свою этническую принадлежность 62 человека поменяли ее на кетскую, 32 – с кетской на русскую и др. Положительное сальдо – 30 человек. Благодаря этим причинам и получился небольшой прирост в 12 человек, что за 10 лет составило 1,4 % (а в год – около 0,1 %). Хотя прирост этот близок к нулю, однако и о «вымирании» говорить преждевременно. Можно сказать, что численность кетов за этот период практически не изменилась. А поскольку население России (в том числе русские) имеет отрицательный прирост с 1992 г., то выходит, что у кетов положение несколько лучше, чем у русских и по России в целом.

Если бы не повышенная смертность, то при существующей рождаемости кеты росли бы численно и в начале 1990-х гг., несмотря на социально-экономический кризис. О том, что смертность у них явно повышенная, свидетельствует и высокая доля умерших молодых людей и лиц среднего возраста. Особенно это относится к мужчинам. Среди тех мужчин, которые умерли за предыдущие 10 лет, 70,5 % не достигли даже полувекowego рубежа (среди женщин этот показатель тоже не мал – 38,2 %). Иначе говоря, до старости большинство кетов-мужчин не доживает. Пик смертности мужчин падает на возраст 30–39 лет, среди умерших они составили 29,2 %. Анализ причин смертности, проведенный в ряде поселков, показал чрезвычайно высокую долю так называемых неестественных или социальных причин, не связанных с медицинским фактором. К ним можно отнести убийства, самоубийства, переохлаждение, отравления, несчастные случаи и т. п. Среди умерших мужчин случаев неестественной смерти – 57,4 %, среди женщин – 35,3 %. Особенно высока доля таких причин среди умерших в молодом и среднем возрастах. Среди умерших мужчин 20–39 лет этот показатель составил 81,5 %. Причем причиной многих неестественных смертей стал алкоголь (напился – замерз или утонул, или совершил убийство собутыльника и т. д.). Используя информацию экспертов, нам удалось выяснить, что причины, так или иначе связанные с алкоголем, за 10 лет привели к гибели 49,2 % мужчин и 38,3 % женщин от числа умерших. Алкоголизация населения в настоящее время по многим признакам явно выше, чем в 1991 г., хотя и тогда этот уровень был чрезвычайно высок. Следует сделать вывод, что алкоголь – главная причина смертности кетов. Надо иметь в виду, что алкоголь снижает прирост, не только влияя на смертность, но и косвенно на рождаемость, так как разрушает кетскую семью. Ведь почти половина кетских мужчин брачного возраста не состоит в браке. Брачная недееспособность кетских мужчин вынуждает женщин искать партнеров в инонациональной среде. Это положение доказывает анализ полового состава кетов, состоящих в национально-смешанных браках – в них состоит 120 женщин и только 37 мужчин. А всего среди кетов супругов имеют 164 женщины и только 81 мужчина, притом, что общая численность мужчин и женщин брачного возраста среди кетов примерно одинакова.

За прошедшие 10 лет миграционные потоки внутри основной этнической территории привели к значительному перемещению кетов из поселков с высокой долей населения в большие населенные пункты (русские по составу), прежде всего в районный центр – пос. Туруханск, а также в пос. Бор и г. Светлогорск. Надо сказать, что чисто кетских поселков не было и раньше, лишь в трех населенных пунктах численность кетов доминировала, составляя в них около 2/3 населения, – это Келлог, Мадуйка и Сулома, треть численности кеты составляли в пос. Сургутиха и пос. Канготово, в остальных поселках доля кетов была ниже. Соотношение рождаемости и смертности, а также миграции привели к уменьшению численности кетов в «самых кетских» поселках: Келлоге – с 252 до 222, Суломае – с 154 до 129, Мадуйке – с 53 до 36, Сургутихе – с 91 до 56, Канготово с 21 до 10. Суммарно по пяти поселкам – с 571 до 453. В этих поселках в 1991 г. проживало 65,4 % всех кетов региона, сейчас 51,2 %. А вот в крупных русских поселках тенденция обратная: в Туруханске численность кетов возросла с 23 до 127 человек, г. Светлогорске – с 16 до 39, пос. Бор с 15 до 44. Суммарно в этих трех населенных пунктах в 1991 г. проживало 6,2 % кетов региона, сейчас – 23,7 %. Причем в этих трех населенных пунктах по отношению к остальному, пришлому населению, кеты и сейчас составляют ничтожно малый процент: в Туруханске – 2,7 %, Бору – 1,9, Светлогорске – 2,5 %. Это перемещение

кетов из относительно однородных в преимущественно русских поселков, несомненно, скажется на этнических процессах, если не в первом, то во втором поколении мигрантов, и приведет к усилению ассимиляционных тенденций.

Ассимиляционные тенденции проявляются, в частности, и в дальнейшем росте числа национально-смешанных браков. По данным Туруханского районного ЗАГСа за 10 лет зарегистрировано всего 5 этнически однородных и 35 национально-смешанных браков кетов. Но эти цифры не совсем точны, так как границы района не вполне совпадают с этнической территорией кетов, а кроме того, многие фактические браки кетов не оформлены в ЗАГСе. Поэтому обратимся к более полным данным нашей экспедиции. В 1991 г. однонациональных семей у кетов было 114, смешанных – 163, т. е. 58,8 %. Спустя 10 лет мы обнаружили 105 однонациональных и 187 национально-смешанных семей кетов, последние составили уже 64,0 %.

Обратимся также к показателям по брачным парам. В 1991 г. однонациональных супружеских пар было 51, смешанных – 141, сейчас 44 и 157 соответственно. Рост доли смешанных браков налицо. Среди женатых мужчин-кетов доля имеющих жену иной национальности составляла раньше 42 %, в настоящее время – 44,3 %. Среди замужних женщины мужа иной национальности в 1991 г. имели 67,1 %, в 2001 г. – 72,8 %. Среди однонациональных супружеских пар часть представлена метисами (один из супругов или оба), а антропологически однородных в 1991 г. было 28 (14,6 % всех супружеских пар кетов), в 2002 г. – лишь 14 (7,1 %).

За 10 лет распалось 86 брачных пар и возникло 94 новых. Среди распавшихся (развод, смерть одного или обоих из супругов) национально-смешанные составляли 69,8 %, среди вновь образованных – уже 79,8 %. Брачных пар, где оба супруга были бы «чистокровными» кетами, среди распавшихся было 15 (17,4 %), а среди вновь созданных только 2 (2,21 %).

Все это предопределяет дальнейшее этнорасовое смешение кетов, убыстряет процесс метисации и исчезновения генетического своеобразия кетов. Метисация возрастает по мере смены поколений. Среди 141 кета, умершего за прошедшее между экспедициями время, метисов оказалось 46, или 32,6 %, а вот среди появившихся на свет в этот период детей (142 человека) метисов оказалось 128, т. е. 90,1 %. Общие показатели метисации такие: в 1991 г. «чистокровных» кетов было 329 человек, или 38,8 % общей численности обследованных кетов, а в 2001 г. таковых стало только 224 человека, или 25,3 %. Среди смешанного населения есть кетско-селькупское, кетско-эвенкийское, но основную часть представляют русские метисы. Браки с русскими и другими европейскими национальностями изменяют генотип кетов, кетско-европеоидные метисы хуже знают родной язык и культуру, чем выходцы из кетско-селькупских или кетско-эвенкийских семей.

Выделим европеоидных метисов из числа кетов и покажем динамику усиления метисации, распределив показатели по возрастным группам в 1991 и 2001 г. (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Распределение доли европеоидных метисов
по возрастным группам в 1991 г. (%)**

Возраст, лет	Нет европеоидного компонента	Менее ½	½	Более ½
70 и старше	100	–	–	–
60–69	97,6	2,4	–	–
50–59	88,9	9,3	–	1,8
40–49	74,5	12,7	12,8	–
30–39	80,0	6,1	10,0	3,9
20–29	71,9	6,8	16,3	5,0
10–19	32,9	9,4	42,3	15,4
0–9	36,5	7,5	37,8	18,2

Усиление метисации связано с тем, что и 10 лет назад, и сейчас большая часть выходцев из смешанных семей вливается в кетский этнос – более 2/3 и это один из позитивных показателей этнического развития, так поддерживается численность этноса, препятствуя его депопуляции. Но следует иметь в виду, что отнесение метисами себя к той или иной национальности или этническая идентификация детей в смешанных семьях – понятие весьма условное. Смена этнического самосознания за 10 лет у более чем 90 человек – тому подтверждение. При ответе на вопросы об этнической принадлежности взрослые метисы или родители детей-метисов часто затрудняются или называют национальность наугад. Наши выборочные исследования позволили выявить, что такое «колеблющееся» этническое самосознание имеют 40 % кетов-метисов, в то время как 60 % более или менее уверены в

своим выборе. Это данные по тем кетам, которые все же причисляют себя к кетской национальности. Но есть в регионе, по нашим оценкам, еще 200–300 человек, которые определяют себя как русские (нами они не переписаны и в исследование не попали, так как мы за основной критерий принадлежности к кетскому этносу взяли этническое самоопределение или определение детей родителями).

Таблица 2

**Распределение доли европеоидных метисов
по возрастным группам в 2001 г. (%)**

Возраст, лет	Нет европеоидного компонента	Менее ½	½	Более ½
70 и старше	88,2	11,8	–	–
60–69	77,4	22,6	–	–
50–59	69,2	15,4	12,8	2,6
40–49	65,9	9,5	19,0	5,6
30–39	67,1	13,0	13,7	6,2
20–29	30,5	10,7	43,5	15,3
10–19	24,3	17,9	37,0	20,8
0–9	24,1	24,1	27,7	24,1

Обратимся к языковым процессам. В 1991 г. мы выявили стремительно идущий процесс языковой ассимиляции, а владеющих кетским языком оставалось очень мало. А поскольку знатоки языка были почти все пожилые люди, уже тогда можно было предположить дальнейшее понижение языкового показателя, что и произошло (табл. 3).

Таблица 3

Степень владения кетским языком в 1991 и 2001 г. (%)

Годы	Владеют кетским языком			Понимают, но не говорят	Не владеют
	Свободно	С некот. затруд.	Со значит. затруд.		
1991	21,9	7,6	12,5	23,1	34,9
2002	12,8	4,2	11,6	20,8	50,6

Данные табл. 3 указывают на то, что введение кетского языка в программы начальных классов ряда школ не привело к прекращению ассимиляционных процессов в языке. Мера эта, видимо, была принята слишком поздно, когда ассимиляционные процессы уже имели необратимый характер.

Языковая ассимиляция наступает на территорию кетов с юга и севера, здесь языковые показатели хуже, чем в центре. На севере (райцентр, Курейка) свободно владеющие кетским языком составили лишь 4,6 %, а совсем не знают его 68,7 %. На юге (Суломай, Бахта, Ворогово и др.) владеют свободно кетским языком 6,1 % кетов, совсем не знают его 55,0 %. В центре (Келлог, Сургутиха, В. Имбатск и др.) положение лучше: владеют свободно 23,9 %, совсем не владеют 34,0 %.

Наши предыдущие прогнозы о довольно быстром превращении кетов в группу русскоязычных метисов, по всей видимости, сбываются, и даже резкие изменения социально-экономической и политической ситуации в стране коренным образом на этот процесс не влияют.

И. В. Рассадин
(г. Улан-Удэ)

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ У ТОФАЛАРОВ

Тофалары – один из самых малочисленных тюркоязычных народов России (по переписи 1989 г. их насчитывалось 731 человек) со статусом народов Севера. Они являются одним из аборигенных народов Саян, издревле занимающихся охотой и оленеводством. До конца 20-х гг. XX в. тофалары вели кочевой образ жизни. В 1927–1932 гг. они были переведены на оседлость и расселены в трех поселках – Алыгджере, Нерхе и Верхней Гутаре, территориально входящих в Нижнеудинский район Ир-

кутской области РФ. Население этих поселков смешанное: тофалары составляют примерно половину всех жителей. В 1930–1931 гг. все тофалары были объединены в трех колхозах: «Красный охотник» (Алыгджер), им. С. М. Кирова (Нерха) и «Кызыл Тофа» (Верхняя Гутара). Хозяйственная деятельность колхозов состояла из оленеводства, охотпромысла, заготовки кедрового ореха и лекарственного сырья, кроме того, тофалары занимались коневодством, огородничеством и заготовкой дров. Оленеводство постепенно приобрело транспортное направление, обслуживая различные геологические и геодезические экспедиции, туристов. Плата за использование оленей и каюров поступала в бюджет колхозов. Транспортных оленей осенью раздавали охотникам в аренду на охотпромысел также за плату. Охотничий сезон длился с октября по март. Заготовкой кедрового ореха занимались обычно в сентябре. Пушнина и орехи давали тофаларским семьям их основной доход.

К 1967 г. указанные колхозы потеряли большие убытки и перестали справляться со своей задачей. Они были расформированы, а все их хозяйство вместе с территорией было передано образованным на их базе двум коопзверопромхозам: Верхне-Гутарскому и Алыгджерскому. Впоследствии, в 1971 г., судя по данным, полученным нами в районной администрации г. Нижнеудинска, они были объединены в Тофаларский коопзверопромхоз, который продолжил по сути дела ту же хозяйственную деятельность, развивая в основном охотпромысел, оленеводство и коневодство, заготовку кедрового ореха и лекарственного сырья, а также подсобные отрасли: заготовку дров и производство на месте пиломатериала, заготовку мяса диких копытных животных и птиц, рыболовство. В промхозе были открыты некоторые подсобные производственные цехи: сувенирный цех «Орешек», выпускавший сувениры из кедровых орехов, шишек и природных материалов; цех по выделке мехового сырья и пошиву меховых шапок; столярные мастерские.

Будучи государственным предприятием, промхоз поначалу развил активную производственную деятельность, в которой тофалары наряду с русскими приняли деятельное участие, но уже на правах наемных рабочих. При этом в силу разных объективных и субъективных обстоятельств получалось так, что представители русского населения – как потомки первых поселенцев тофаларских сел, так и многие вновь прибывшие, более грамотные и активные – занимали основные места работы в поселках: магазины, конторы промхоза и сельсоветов, райпо, детские учреждения, школы, клубы, библиотеки, фельдшерские пункты, почтовые отделения, аэропорты. Коренному населению оставались главным образом традиционные виды хозяйства – охота и оленеводство.

Как государственное предприятие, промхоз поначалу получил от государства мощный экономический стимул – госзаказ и устойчивый сбыт произведенной продукции. Была укреплена промбаза, выделена техника: трактора и автомобили. Как крупная государственная производственная единица, имеющая огромную территорию, определяемую в 2 425,5 тыс. га с населением более тысячи человек, промхоз был организован так, что в трех тофаларских поселках были созданы отделения, или производственные участки, во главе с управляющими – Алыгджерский, Верхне-Гутарский и Нерхинский. Все управление промхозом перевели в г. Нижнеудинск, где был создан Центральный производственный участок. Кроме того, на всей территории открылись еще шесть заготовительных пунктов.

Однако перевод управленческого аппарата с его учетными службами и расчетной частью бухгалтерии в город, до которого в силу его удаленности (свыше 300 км по прямой) было трудно добираться, привел к утрате оперативности управления и большой путанице в расчетах с охотниками и оленеводами за выполненную ими работу. Поскольку же тофалары были поставлены в основном на неквалифицированную и соответственно малооплачиваемую работу, то и заработки у них были мизерные. Из-за того что у них много однофамильцев, в бухгалтерии постоянно возникала путаница с расчетом оплаты. Для выяснения людям нужно было лететь (единственный транспорт – самолет или вертолет) в город, затрачивая на авиабилеты и проживание в гостинице немалые деньги. Все это вызвало большие нарекания и недовольство у тофаларов. Их материальное положение резко упало. Не спасали и сезонные заработки на охоте и кедровом промысле, так как результаты этих промыслов нестабильны и зависели только от природных условий. Участились случаи неурожая в тайге, что приводило к миграции пушных зверей и соответственно к отсутствию вообще какой-либо добычи; препятствовали охоте и лесные пожары, разливы горных рек, чересчур глубокий снежный покров. Все это делало неустойчивым не только материальное положение охотников и оленеводов, но и самого промхоза. Впоследствии оказалось, что промхоз, как прежде и колхозы, столкнулся с проблемой нестабильности доходов, получаемых от основных отраслей хозяйства. Частым стало невыполнение плана, что влекло за собой накопление различных задолженностей по расчетам. Большими оказались затраты на содержание в городе раздутого управленческого аппарата, чересчур много средств уходило на оплату авиаперевозок, поскольку связь управления с местными отделениями оказалось возможным осуществлять только с помощью авиации. Самолетами же и вертолетами приходилось забрасывать все до мелочей из города в поселки, а готовую продукцию вывозить в город. Авиатранспортом забрасывались и промышленники в тайгу. Все это требовало больших финансовых расходов. При

нестабильности доходов финансовое положение промхоза становилось все более шатким. Начались невыплаты зарплаты работникам промхозов. Положение стало катастрофическим, когда после распада СССР, ликвидации советской власти и установления в России рыночной экономики в стране начался финансовый развал, перестали финансироваться все основные отрасли народного хозяйства, в том числе сельского, включая промхозы. Не получая денег за сданную продукцию, не получая на нее госзаказа, промхоз попал в критическое финансовое положение.

С целью выправления ситуации коопзверопромхоз в 1993 г. акционировался, став АОЗТ (акционерное общество закрытого типа) «Тофаларский зверопромхоз», в котором 44 % акций принадлежало трудовому коллективу (эти акции держали 313 человек местных жителей), 44 % акций – Центросоюзу России, а 12 % – Иркутскзверопрому. Однако это не спасло положения промхоза, и он обанкротился в 1999 г. В 2000 г. был назначен внешний управляющий.

После установления в стране рыночных отношений и решения правительства развивать частное предпринимательство, включая фермерство в сельском хозяйстве, Иркутской областной администрацией было решено в порядке эксперимента создать фермерское хозяйство и у тофаларов. Таким образом, в начале 1990-х гг. в Алагджере было создано родовое фермерско-крестьянское оленеводческое хозяйство, названное «Уткум». Это название оно получило по местности Уткум, где протекает одноименная река. Место очень удобное для ведения хозяйства. В 1920-е гг. там даже начинали строительство культурбазы, где намеревались поселить кочевавших в том районе тофаларов. Но потом эту идею оставили, а тофаларов той группы поселили в пос. Алыгджер. Как охотничий участок, эта местность оставалась за семьей Кангараевых, кочевавших там ранее. Хозяйство «Уткум» объединило шесть человек из семей Кангараевых и Шибкеевых, оно получило помимо тайги площадью в 176,3 тыс. га также более сотни оленей, различный инвентарь. Возглавил хозяйство Сергей Николаевич Кангараев. Хозяйство показало реальность этой идеи, так как оно учитывает традиционный опыт ведения своих основных специфических отраслей – оленеводства и охоты, причем оленеводства традиционного, дающего продукцию. Производится также заготовка мяса копытных, дичи, рыбы, кедрового ореха, ягод, лекарственного и технического сырья (камедь). Принося некоторый доход, позволяющий удержаться в условиях рыночных отношений, хозяйство испытывает в то же время огромные трудности, связанные со сбытом своей продукции. Сложилась парадоксальная ситуация. Есть уникальная продукция, достаточно высокого качества, экологически чистая, но из-за трудностей доставки ее потребителям, причем не только городским, но даже и своим сельским, связанных с удаленностью, а также с очень высокими тарифами авиаперевозок, хозяйство порой терпит существенные убытки. Такая ситуация делает его финансовое положение весьма шатким.

Следует признать, что промхоз, как и колхозы, не выполнил своей цели обустроить и улучшить жизнь тофаларов. Вырванные из своего привычного образа жизни, лишённые своих оленей и лошадей, своей родовой земли, превратившиеся в наемных работников, целиком зависящих от воли работодателя (в прошлом колхоза, а ныне промхоза), не имеющие стабильных статей дохода, семьи тофаларов сегодня впадают в жалкое существование. Среди тофаларов очень много безработных – по данным Тофаларской сельской администрации до 60 % от числа трудоспособных. С банкротством промхоза, развалом потребкооперации их благополучие вообще стало проблематичным. Ситуация в промхозе сложилась весьма катастрофическая. Охотпромысел упал из-за того, что резко сократилось поголовье оленей, столь необходимых для выезда на зимнюю охоту и эффективного ее проведения. В Нерхинском производственном участке на данный момент практически вообще не осталось ни одного оленя. На остальных участках их количество невелико. Интересно, что в ежегодной справке Тофаларской сельской администрации, подаваемой в район, в 1999 г. отмечается, что оленеводство как одна из основных ранее отраслей хозяйствования практически ликвидировано. О постепенном падении этой отрасли в промхозе могут свидетельствовать данные по динамике численности оленей с 1993 по 1997 г., полученные нами в Тофаларской сельской администрации в 1999 г. (абс.):

	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Всего оленей	2 092	1 729	1 248	1 012	969
Приплод	450	406	347	241	?
Падеж (всего)	773	869	378	271	?
Из них молодняка	231	290	123	130	?
Реализовано на убой	40	18	205	13	?

* Нет данных

Таким образом, с 1997 г. на эту отрасль вообще перестали обращать внимание как на убыточную и прекратили вести учет движения численности поголовья.

В 1970-х гг. на озерах Агульское и Медвежье был создан государственный заказник «Тофаларский» площадью в 132,7 тыс. га федерального подчинения. Он помогал регулировать численность промысловых зверей и был в какой-то мере гарантом их сохранения, своего рода резерватом. Однако с 1998 г. охотуправление подчинило его охотинспектору Нижнеудинского района и сделало заказником районного подчинения. Это незамедлительно сказалось на эффективности его работы, так как резко сократились финансирование и штат. В современных условиях, когда промхоз обанкротился, население хищнически истребляет ценных промысловых зверей – белку, соболя и кабаргу, которые здесь бесконтрольно скупают коммерческие структуры, причем как местные, так и заезжие. Ясно, что такой заказник не может выполнять свои функции по сохранению численности популяций промысловых животных. Таким образом, если говорить о хозяйственной деятельности тофаларов в новых условиях, то следует отметить, что изменения происходят, но далеко не в лучшую сторону. Под большим вопросом стоит дальнейшая деятельность коопзверопромхоза, едва держится фермерское хозяйство «Уткум». Промхоз пока продолжает свою деятельность по заготовке пушнины, кедрового ореха и других дикоросов. Однако дальнейшая судьба его не ясна. В настоящее время промхоз имеет убытки в размере 1,8 млн р.

Предлагается много вариантов по поводу того, какую хозяйственную деятельность следует развить у тофаларов, чем занять население, причем не только коренное, которое в своей массе не признает никакой иной деятельности, кроме оленеводства и охоты. Так, есть мнение развивать на этой территории иностранный охотничий туризм, приносящий якобы неплохой доход в валюте, если, конечно, его правильно организовать. Высказывалось мнение сдать все охотугодья в аренду людям, имеющим навыки грамотной их эксплуатации. Эти лица будут пускать за плату охотиться в данных угодьях всех желающих и отвечать за обустройство охотугодий. Профессор В. Р. Алексеев (Институт географии СО РАН) и кандидат наук В. М. Парфенов (Иркутский территориальный центр Госкомсевера России) в 1998 г. предлагали создать на территории Тофаларии этнопарк, отмечая при этом, что при отсутствии существенной финансовой помощи со стороны государства Тофалария оказывается в катастрофическом положении.

Индивидуальная трудовая деятельность, как и прежде, связана с пушной и мясной охотой, добычей кедрового ореха, заготовкой дичи, ягод, лекарственного сырья. Все это либо сдается в заготовконторы промхоза, либо продается перекупщикам, ибо промхоз не имеет денег на выплаты людям за сданную продукцию. Из-за уменьшения поголовья оленей охотники вынуждены переходить на пешую охоту неподалеку от поселков или использовать лошадей, если позволяют природные условия. Дело в том, что тайга здесь высокогорная и во многих местах заболочена. В этих местах могут пройти только олени, мало угодий, где можно охотиться на лошадях. Все это ограничивает возможности промысловой охоты.

Сохраняется потребность в деятельности по заготовке дров, сенокосению. Однако лесосеки теперь значительно удалены от поселков, подчас за 30–50 км, что затрудняет вывоз дров.

Традиционная деятельность по домашней обработке шкур, выделке ровдуги и замши так и не смогла возродиться. С уходом лиц старшего поколения все необходимые навыки были забыты.

Относительно занятости населения и обеспеченности их работой удалось получить сведения из Нижнеудинской администрации лишь на 1995 г. Тогда, как свидетельствовал Центр занятости населения, из 553 трудоспособных не работали и не были зарегистрированы в Центре 144 человека, при этом в Алыгджере из 268 человек – 63 человека, в Верхней Гутаре из 189 человек – 58 человек, в Нерхе из 96 человек – 23 человека. Кроме того, по службе занятости зарегистрировано 32 безработных. Очень низка была средняя величина выплачиваемого пособия. В последующие годы безработица среди тофаларов еще более увеличилась, достигнув критического уровня.

Таким образом, в настоящее время у тофаларов очень остро стоит проблема занятости. Если до недавнего времени основными работодателями были промхоз, потребкооперация и бюджетная сфера, то сейчас в связи с банкротством промхоза, ликвидацией потребкооперации и заменой ее частными коммерческими структурами количество рабочих мест резко сократилось. Единственным местом, где люди могут найти работу, остаются пока бюджетные организации – больница, школа, детский комбинат, почта, сельская администрация. Но и здесь количество рабочих мест достаточно ограничено. В настоящее время тофалары просто брошены на произвол судьбы и лишены государственной поддержки, не имеют ни работы, ни постоянных средств к существованию, целиком зависят от случайных заработков. Их социально-экономическое положение крайне тяжелое. Им самим это положение не изменить. Необходимы кардинальные меры на государственном уровне.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ ЭВЕНКОВ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ: МНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ*

В рамках реализации программы комплексных сравнительных этносоциальных исследований «Народы Сибири в период трансформации общественной жизни», разработанной коллективом сотрудников сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН, осенью 1999 г. методом экспертного опроса¹ было проведено этносоциологическое обследование в Эвенкийском автономном округе. Опрос охватывал представителей всех этнических групп, но в настоящей статье для анализа были выбраны ответы только тех экспертов, которые сами себя отнесли к эвенкам². По формальным признакам эксперты распределились следующим образом: 22 % представляли сферу образования, 19 – здравоохранения, 37,5 % – органы власти и управления. Очень высоким оказался образовательный уровень: 2/3 респондентов имели высшее образование. Количество женщин среди экспертов было почти в два раза больше, чем мужчин.

Отвечая на вопрос о том, как изменились те или иные стороны жизни эвенков за годы реформ 1990-х, эксперты оценили ситуацию как критическую (более 90 % отрицательных ответов) в следующих областях: денежные доходы и занятость населения; пьянство и алкоголизм; состояние здоровья детей до 18 лет. Близко к критическому, судя по ответам, положение с состоянием здоровья населения в целом и обеспеченностью продуктами питания. Чуть менее катастрофично (отрицательных оценок больше, чем положительных или нейтральных «не изменилось»), по мнению экспертов, положение с уровнем общего и профессионального образования; квалификацией работающего населения; знанием эвенкийского языка; развитием эвенкийской духовной культуры; участием коренного населения в управлении местными и государственными делами в округе. Из приведенных данных видно, что в условиях социально-экономической ситуации, сложнейшей в округе, эксперты на первые места поставили положение в тех областях, от которых напрямую зависит даже не столько благосостояние, сколько просто физическое выживание коренного населения.

Для уточнения позиции экспертов их просили определить ранг той или иной проблемы, и таким образом была выстроена их иерархия (начиная с самой важной) в зависимости от степени влияния на положение коренного населения округа:

- 1) разрушение экономической и социальной основы жизни народа проводимыми реформами;
- 2) рост пьянства и алкоголизма;
- 3) снижение уровня жизни населения;
- 4) упадок оленеводства, охоты и других традиционных отраслей хозяйства;
- 5) высокий уровень безработицы;
- 6) недостаточное бюджетное финансирование со стороны федерального центра;
- 7) отсутствие единства среди национальных лидеров;
- 8) недостаточный уровень национального самосознания;
- 9) снижение интереса молодежи к труду, рост иждивенческих настроений;
- 10) необходимость более широкого привлечения иностранного капитала в экономику Эвенкии;
- 11) проблемы преподавания эвенкийского языка в школах;
- 12) рост национализма.

Хорошо видно, что и в данном случае эксперты, подавляющее большинство которых в силу своих профессиональных обязанностей ежедневно сталкиваются с повседневными нуждами людей, считают первоочередными проблемы физического выживания народа и сохранения основы его экономического, нравственного и культурного возрождения. Особое значение в этой связи приобретает возрождение традиционных отраслей хозяйства, прежде всего оленеводства, и проведение активных антиалкогольных мероприятий – успешный опыт их реализации на базе элементов традиционной культуры накоплен, например, коренным населением Канады³.

Не менее важной задачей явилось и выяснение того, каким образом в современных условиях возможно решение этих сложнейших проблем. Это тем более важно потому, что на сегодняшний день существует несколько концепций⁴ по выводу из кризиса экономики и социальной сферы северных регионов России и разрешению насущных проблем коренного населения. На основе анализа ответов экспертов на данный вопрос также была выстроена иерархия (начиная с самой важной) первоочередных мер по развитию эвенкийского народа:

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22.

- 1) подъем экономики и уменьшение безработицы;
- 2) сохранение и развитие традиционных отраслей хозяйства;
- 3) увеличение представительства эвенков в органах власти;
- 4) обеспечение доступности образования и работы для молодежи;
- 5) расширение связей с другими коренными народами Севера в России и за рубежом;
- 6) формирование слоя эвенкийских предпринимателей;
- 7) организация движения эвенкийской интеллигенции под лозунгом «Каждый эвенк знает свой родной язык и культуру народа».

Из ответов экспертов со всей очевидностью следует, что подъем экономики и уменьшение безработицы среди коренного населения немислим сегодня (и на перспективу) без развития традиционных отраслей хозяйства, что, в свою очередь, требует защиты интересов коренных жителей округа путем увеличения их представительства в органах власти и расширения связи с коренными народами России и мира. Менее злободневной эксперты считают задачу формирования слоя предпринимателей из эвенков, так же как и организацию сугубо культурного движения национальной интеллигенции.

Оценка накопившихся проблем в зависимости от того непосредственного эффекта, который может проявиться при их разрешении, существенно детерминирует и мнения экспертов о возможном положительном воздействии на благополучие эвенков. Поскольку в течение ближайших нескольких лет проблема выживания населения может быть решена только при условии прямой государственной помощи, постольку идею восстановления централизованного снабжения округа товарами первой необходимости положительно оценили 90,6 % экспертов. Почти на треть меньше было тех, кто связал будущее округа и его жителей с разработкой нефтяных месторождений – 62,5 %; около 60 % положительно относятся к восстановлению совхозов и кооперативных промысловых хозяйств (кооппрохозов). Скептическое отношение к перспективам получения больших доходов от разработки нефтяных месторождений у заметной части экспертов связано, по нашему мнению, с тем, что освоение нефтяных богатств Эвенкии требует больших первоначальных вложений и рассчитывать на них в ближайшее время не приходится (хотя результаты последних по времени губернаторских выборов в Эвенкии говорят о том, что крупнейшие нефтяные компании страны, в данном случае «ЮКОС», не оставляют округ своим вниманием). Что же касается задачи восстановления совхозов и кооппрохозов, то именно на них ложился (и лежит в ряде случаев до сих пор) основной груз проблем по содержанию социальной инфраструктуры отдаленных поселений и их восстановление, даже если оно и не вписывается в стратегию рыночных преобразований, однако имеет жизненно важное значение для большинства коренных жителей.

Существенная часть опроса касалась возможных путей миграции коренного населения как по территории округа, так и за его пределы. Подавляющее большинство экспертов связывают будущее эвенков с территорией их традиционного проживания: почти 94 % отрицательно относятся к выезду эвенков за пределы Эвенкии, в другие районы страны. Менее единодушны эксперты по отношению к перспективе переселения эвенков из сел в крупные населенные пункты (что активно делалось в советское время) – отрицательно к этому относятся 78 % респондентов. Не следует также упускать из вида то обстоятельство, что подобного рода стихийные миграции активно происходят в настоящее время и ведут в первую очередь к перенаселенности крупных поселений, прежде всего Туры, что автоматически влечет за собой безработицу, дополнительную нагрузку на службы социальной защиты населения, усиление социального паразитизма и т. д. Аналогично была оценена и перспектива выезда из округа представителей некоренных национальностей – отрицательно к ней относятся 3/4 экспертов.

Наибольшие затруднения и разброс мнений вызвал вопрос о возможности активного переселения эвенков из поселений в тайгу (на чем активно настаивает часть национальной, прежде всего художественной, интеллигенции): положительно ее оценили 28 % экспертов, отрицательно – 25 %, остальные затруднились с ответом. Обращает на себя внимание необычайно высокая доля тех, кто так и не сумел дать сколько-нибудь определенного ответа.

На наш взгляд, существование этих противоречий среди экспертов свидетельствует прежде всего о том, что отдельные представители национальной элиты имеют полярные точки зрения на будущее своего народа. Для одних оно выражается в лозунге «назад, в тайгу», что позволит, как они надеются, сохранить традиционное хозяйство, а значит, язык и другие исчезающие элементы культуры; другие склонны думать, что коренное население должно идти по тому пути, который успешно апробирован на зарубежном Севере (индейцы и эскимосы в Канаде и США, саамы в Швеции и Норвегии) и который предполагает соединение прошлого и настоящего, культурный симбиоз достижений современной цивилизации и традиционных ценностей материальной и духовной культуры аборигенов Севера. Кто окажется прав в этом споре, покажет будущее.

Примечания

¹ Опрос проводился в августе–сентябре 1999 г. Ю. В. Попковым и нами.

² Стоит отметить, что подобные опросы проводились также в Республике Хакасия и Республике Тыва, при этом отдельные вопросы «Анкеты эксперта» были изменены с учетом особенностей социально-экономического положения каждого из регионов.

³ Подробно об этом см.: *Андерсон Д.* Социальные аспекты алкоголизма в Сибири // *Сельское здравоохранение у малочисленных народов Севера Канады и России.* Новосибирск, 2002: Здоровье и здравоохранение; и другие материалы в том же издании.

⁴ Особенно популярны сегодня концепции возрождения традиционного хозяйства и культуры на базе взаимодействия с доминирующим обществом, получившие наименование «неотрадиционализма», «неокультуры» и т. д. См., например: *Лица А. И.* Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // *Социологические исследования.* 1996. № 11. С. 47–53; *Клюков К. Б.* Традиционное природопользование елоугейских кетов (опыт социально-экономического изучения процесса аккультурации). СПб.; М., 1999; и др.

Г. В. Колмаков
(г. Кызыл)

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА (1991–2001 гг.)

В Республике Тыва продолжается процесс серьезных социально-экономических преобразований. Создана нормативная база рыночной экономики, реформирована собственность, сформировался негосударственный сектор экономики, занимающий ведущую роль в хозяйстве. Усиливается конкуренция на рынке труда, в торговле, общественном питании, сфере услуг. Возрастает роль республики как субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления в решении социальных проблем.

Но, несмотря на богатейшие природные ресурсы, которыми обладает республика, а также меры правительства по интенсификации производства и совершенствованию структуры народно-хозяйственного комплекса, реформирование экономики сопровождается сложными социально-экономическими процессами. Наиболее острыми, непосредственно касающимися условий жизни населения республики кризисными явлениями являются спад производства во многих отраслях народного хозяйства, ухудшение финансового состояния предприятий, рост неплатежей и острый дефицит бюджетных средств.

Республика Тыва в значительно большей мере, чем другие регионы России, испытывает трудности, связанные с общим экономическим и социальным кризисом в стране. Это обусловлено крайне низким стартовым уровнем экономики республики при вхождении в рыночные отношения, экстремальными природно-климатическими условиями, дотационностью финансовой системы. Уровень дотационности бюджета продолжает оставаться высоким: сегодня республика имеет 30 % собственных доходов в бюджете, а 70 % составляют федеральные дотации.

В республике действуют дополнительные объективные факторы, создающие трудности при реформировании экономики, – территориальная удаленность, слабая транспортная освоенность территории, отсутствие железной дороги.

По большинству показателей социально-экономического развития Тува значительно отстает от других регионов Российской Федерации¹. Хотя государственная статистика не позволяет учесть этнические различия в этих показателях, можно допустить, что сказанное ниже относится ко всем народам Тувы. Среднемесячная заработная плата, денежные доходы и потребительские расходы здесь значительно ниже, чем в других административно-территориальных образованиях Восточно-Сибирского района. Средняя заработная плата на душу населения в марте 2001 г. по Республике Тыва отставала от подобного показателя по Российской Федерации в 1,5 раза, по Восточно-Сибирскому району – в 1,6 раза. Отставание же республики по среднедушевому уровню денежных доходов в связи с большим размером семьи и высокой долей занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве еще значительнее. Так, денежные доходы в расчете на душу населения в республике в марте 2001 г. были на 47 % ниже среднероссийского показателя.

Необходимым комплексом показателей, входящих в систему оценки уровня жизни², являются показатели жилищных условий семьи. Республика Тыва занимает одно из последних мест в Российской Федерации по обеспеченности населения жильем: в среднем на одного жителя здесь приходится 12,2 м² жилой площади, по Российской Федерации – 19,1 м². Кроме того, существенно более низким

остаётся здесь и уровень благоустройства жилого фонда, особенно в сельской местности. Недостаточно развита также материальная база просвещения, здравоохранения и культуры.

Достигнутый среднедушевой уровень потребления населением некоторых основных продуктов питания в настоящее время в республике ниже среднего уровня по Российской Федерации и не отвечает требованиям сбалансированного питания. По сравнению с уровнем по России в Туве примерно вдвое ниже размер потребления на душу населения картофеля, яиц, на треть – овощей и бахчевых культур, на четверть – фруктов и ягод, рыбы, на 25–40 % – мясомолочной продукции (при животноводческом направлении сельского хозяйства и мясной специализации всего хозяйственного комплекса республики). В целом по большинству показателей социально-экономического развития республика находится на 62–77 месте среди 89 регионов Российской Федерации.

Кризисное состояние экономики, ухудшение финансово-экономического положения повлияли на состояние социальной сферы общества: продолжается снижение уровня и качества жизни населения республики (доходы населения, расширение потребления семьями товаров и услуг, экономически справедливая оценка труда, социальные гарантии, социальная поддержка и т. д.), растёт масштаб бедности, усиливается имущественное расслоение и дифференциация населения по доходам, растёт безработица, ухудшается здоровье населения, уменьшается продолжительность жизни.

Уровень реальных денежных доходов населения Республики Тыва по сравнению с 1991 г. снизился на 50 %, уровень реальной оплаты труда – более чем в два раза. Низкие доходы населения в сочетании с высокими темпами роста потребительских цен привели к обнищанию значительной части населения. Причём в первую очередь страдает население с фиксированными доходами.

По данным Государственного комитета Республики Тыва по статистике более двух третей населения республики (76,4 %, или 237,5 тыс. человек) в 2000 г. имели денежные доходы, которые не позволяли удовлетворять основные потребности человека в приобретении продуктов питания, промышленных товаров и оплате услуг, т. е. ниже бюджета прожиточного минимума, который составил по республике в 1999 г. в среднем за месяц на душу населения 1 210,5 р. Более трети населения республики в течение 2000 г. находилось в состоянии глубокой бедности, их среднедушевой денежный доход не превышал 1/2 величины прожиточного минимума³

Одним из факторов, влияющих на динамику структуры доходов, является хроническая задолженность по заработной плате и социальным трансфертам, которая снижает фактически выплаченную заработную плату по сравнению с начисленной в среднем на 20 %.

Рост потребительских цен на непродовольственные товары и тарифов на платные услуги снизил покупательную способность денежных доходов, которые и так не обеспечивали прожиточного минимума. Если в 1991 г. в республике на наличные денежные доходы можно было купить в среднем более трех наборов товаров и услуг, входящих в прожиточный минимум, то в 2000 г. – менее двух наборов. Республика Тыва занимает одно из последних мест в Российской Федерации по покупательной способности денежного дохода. В целом резко снизился физический объём платных услуг населению. В 2000 г. он составил 11,1 % от уровня 1990 г. В структуре платных услуг уменьшилась доля бытовых услуг (до 16,8 %) и возросла доля жилищно-коммунальных (до 24,8 %), пассажирского транспорта (до 24,1 %), связи (до 11,9 %).

Для многих жителей республики оплата по труду по-прежнему является основным источником существования. К началу 2001 г. в структуре денежных доходов⁴ она занимала 37,4 %, социальные трансферты – 20,7 %, доходы от собственности и предпринимательской деятельности – 10,9 % (табл. 1).

Таблица 1

**Структура денежных доходов населения
Республики Тыва (%)**

	1991	1998	1999	2000
Денежные доходы	100	100	100	100
В том числе:				
Оплата труда	60,3	41,0	37,2	37,4
Социальные трансферты	22,0	20,0	23,0	20,7
Доходы от собственности	6,6	00,6	0,8	0,6
Доходы от предпринимательской деятельности	–	10,0	9,5	10,3

Источники: Республика Тыва в цифрах: Статистический сборник. Кызыл: Гос. комитет Республики Тыва по статистике. 2000. Т. 1. С. 31, 32, 34, 36, 38, 40, 41; Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь–декабрь 2000 г. Кызыл: Гос. комитет Республики Тыва по статистике, январь 2001 г. С. 7, 8, 10

Сохраняющаяся высокая доля расходов на питание в семьях рабочих и служащих Республики Тыва является бесспорным доказательством падения реальных доходов населения, несмотря на резкий рост их номинального размера. Если в 1990 г. на эту статью расходов приходилась четвертая часть общей суммы расходов, то в 1992 г. – 39,9 %, в 1999 г. – 56,6, в 2000 г. – 56,9 %. Уменьшилось потребление населением мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, масла животных, рыбы, овощей, фруктов и ягод. Питание, особенно в бедных семьях, состоит в основном из хлеба и картофеля. В результате – нехватка белков и витаминов, которая приводит к понижению физической активности и способности человека переносить значительные нагрузки. Около четверти населения Республики Тыва выживает за счет огородов, подработок на стороне и теневой экономики.

Ухудшение уровня и качества жизни населения республики отразилось на динамике ряда демографических показателей (рождаемость, смертность, заболеваемость населения, продолжительность жизни). В республике сохраняется высокий уровень младенческой смертности. Еще более высока смертность населения в трудоспособном возрасте (в 1,5 раза выше показателя по России) и в первую очередь мужчин в возрасте от 35 до 54 лет. За последнее время возросла смертность от болезней психического расстройства, а также от несчастных случаев, отравлений (в том числе отравлений алкоголем), травм, самоубийств, убийств (в 4 раза выше, чем в Российской Федерации), болезней эндокринной системы, расстройств питания и нарушения обмена веществ. Остается высоким уровень заболеваемости населения туберкулезом (в 5,2 раза выше среднего по России) и сифилисом (в 3,3 раза выше среднероссийского). Обобщающим показателем состояния здоровья населения является ожидаемая продолжительность жизни. Средняя продолжительность жизни с 1990 г. сократилась в Республике Тыва на 11,7 %; она значительно ниже, чем в Восточной Сибири и Российской Федерации в целом (на десять лет).

Важнейшей составляющей уровня жизни населения является степень его расслоения по уровню среднедушевых денежных доходов. Идет очень быстрое накопление богатства в руках относительно меньшинства и одновременное обнищание основной массы населения⁵. Доходы между крайними полюсами населения значительно разнятся друг от друга. По данным Государственного комитета Республики Тыва по статистике в 2000 г. в республике на долю 10 % наименее обеспеченного населения приходилось 3,6 % всех денежных доходов, в то время как в руках 10 % наиболее обеспеченного населения было сосредоточено 21,7 % всех денежных доходов. Невиданное по масштабам обогащение одних за счет обнищания основной массы населения произошло за ничтожно малый по историческим меркам промежуток времени⁶ (табл. 2).

Таблица 2

**Имущественное расслоение населения Республики Тыва,
границы и уровень бедности (тыс. р.)**

	1992	1998	1999	2000
Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника	4,1	917,0	1 110,0	1 582
Среднемесячный размер начисленной пенсии	3,4	412,1	478,9	696,4
Денежные доходы (в среднем на душу), в месяц	2,1	548,9	785,2	1081
Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения (порог бедности), в месяц	1,8	615,7	1 010,0	1 210,5
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума (тыс. человек)		213,4	244,2	237,5
в % к общей численности населения		(68,9 %)	(78,6 %)	(76,4 %)
Соотношение доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения, раз	5,4	9,6	8,8	8,9

Одним из следствий падения производства является безработица, которая также влияет на уровень жизни населения. В органах государственной службы занятости Республики Тыва на конец мая 2001 г. на учете состояло 8,3 тыс. граждан в трудоспособном возрасте, не занятых трудовой деятельностью, из них официально признаны безработными 7,3 тыс. человек. Жертвами спада промышленного производства и капитального строительства становятся в первую очередь женщины. В конце 2000 г. они составляли более 68 % официально зарегистрированных безработных, хотя их доля в общей численности экономически активного населения республики составляет 55 %. Более 60 % безработных – жители сельской местности.

Дальнейшее развитие социальной сферы и повышение жизненного уровня населения будет зависеть от хода экономических преобразований. Правительство республики считает, что экономический

суверенитет, благосостояние народа можно обеспечить только путем наращивания производства конечной продукции из собственного сырья, выхода с собственной продукцией на общероссийский и внешний рынки.

Предложения, направленные на сокращение масштабов бедности, уменьшение «расслоения» в обществе, коротко сводятся к следующему:

1. Необходимо добиваться существенного повышения реального размера заработной платы во всех отраслях экономики, пенсий, пособий, ликвидации диспропорций в оплате труда.

2. Следует поднять минимальную оплату труда до уровня, коррелирующего с прожиточным минимумом.

3. Необходимо усилить адресность социальной поддержки малообеспеченных групп населения на основе механизма выявления нуждаемости.

4. Необходимо пойти на увеличение налогообложения высоких доходов и крупных состояний физических лиц, при этом главное – резко повысить уровень собираемости налогов, выявить теневые капиталы.

5. Необходимо расширять создание предприятий малого бизнеса для уменьшения уровня безработицы в республике.

Примечания

¹ Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 2000 С. 97, 98, 107, 110.

² Уровень жизни населения Республики Тыва. Кызыл: Государственный комитет Республики Тыва по статистике, февраль 2000 г. С. 7, 10.

³ Республика Тыва в цифрах: Статистический сборник. Кызыл: Гос. комитет Республики Тыва по статистике. 2000. Т. 1. С. 31, 32, 34, 36, 38, 40, 41.

⁴ Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь–декабрь 2000 г. Кызыл: Гос. комитет Республики Тыва по статистике, январь 2001 г. С. 26, 29, 30, 47, 48, 54.

⁵ Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь–май 2001 г. Кызыл: Гос. комитет Республики Тыва по статистике, июнь 2001 г. С. 27, 28, 31, 35.

⁶ Ржаницына Л. Бедность в России: причины, особенности, пути уменьшения // Экономист. 2001. № 4. С. 71–77.

Ц. В. Раднаева
(г. Улан-Удэ)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ БУРЯТИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ В 1991–2000 гг.

На протяжении веков Монголия занимала одно из важных мест во внешней политике России на Востоке. Регион Восточной Сибири был той территорией, через которую осуществлялись дипломатические и иные связи с Монголией. В период существования Советского Союза двусторонние контакты между странами достигли наивысшего развития. При помощи и содействии своего северного соседа в Монголии к середине 1980-х гг. был создан агропромышленный комплекс с серией валютоемких предприятий экспортного направления. Из аграрной страны Монголия превратилась в государство с индустриальным потенциалом. «Настоящий инвестиционный бум начался в Монголии в 70-е гг. В 1971–1975 гг. за счет российских инвестиций было построено 147 крупных объектов разных отраслей, 97 из которых относились к аграрному комплексу. Строительство велось “под ключ”, 90 % всех инвестиций приходилось на СССР¹.

С распадом Советского Союза и началом рыночных преобразований в России и Монголии отношения между странами сильно ослабли. В июле 1991 г. перестал существовать СЭВ, в ноябре 1990 г. было подписано соглашение между правительствами СССР и МНР о переходе на новый механизм взаимных торгово-экономических отношений (с 1 января 1991 г. расчеты и платежи по всем торгово-экономическим отношениям должны были осуществляться в свободно конвертируемой валюте). По этим и другим причинам произошло снижение товарооборота между Россией и Монголией. В 1992 г. сумма товарооборота составила 338 млн дол., а в 1994 – уже 252,6 млн дол.².

Таким образом, распад СССР, переход на расчет в свободно конвертируемой валюте, резкое сокращение объема льготных кредитов, нарушение прежних связей оказали негативное влияние на весь спектр российско-монгольских отношений.

Либерализация внешнеэкономической деятельности – одна из закономерностей развития стран с переходной экономикой. Открытие рынков этих стран создает дополнительные импульсы для рационального использования ресурсов, расширения масштабов производства, оживления конкуренции. Политика открытых дверей, проводимая правительством Монголии, привела к тому, что теперь страна сотрудничает не только со своими соседями – Россией и КНР, но и с другими странами мирового сообщества.

Монголия, не имея достаточных средств для проведения реформы, вынуждена была опираться на помощь международных финансово-экономических организаций. С 1991 по 1998 г. Монголия получила иностранные кредиты на сумму 1 057,3 млн дол. Безвозмездная помощь составила 1 840,74 млн дол. Монголии оказали помощь такие страны, как Япония – 393,6 млн дол., США – 98,6 млн дол., ФРГ – 72,7 млн дол. К сожалению, Россия такой помощи не оказала³

Десятки иностранных фирм и компаний устремились на открывшийся монгольский рынок. Например, в 1994 г. зарегистрировано 401 совместное предприятие с привлечением иностранного капитала, из них 136 предприятий – совместных с Россией, 123 – с Китаем, 19 – с Гонконгом, 5 – США, 5 – с Японией, 5 – с Южной Кореей. На монгольский рынок вышли также деловые круги Кипра, Швеции, Англии, Лихтенштейна и Австрии⁴.

В этих условиях исключительно важное место во внешнеполитической стратегии России играла и играет Монголия как государство, расположенное между двумя великими державами – Китаем и Россией. Россия может разумно строить свою внешнюю политику только с учетом сохранения и развития накопленного потенциала связей с Монголией. Этого требует сложившаяся геополитическая обстановка в регионе.

Надо отметить, что несмотря на сокращение товарооборота между Монголией и Россией доля России во внешнеэкономических связях Монголии продолжает составлять значительный процент. Для сравнения: общее положительное сальдо в пользу СССР в 1986–1990 гг. составляло 50 % от общего товарооборота Монголии, а в 1998 г. – 22,3 %. В 1997 г. в Россию было ввезено товаров из Монголии на 39,93 млн дол. На территории Монголии в это время работало 141 российско-монгольское предприятие, самые крупные из них СП «Эрдэнэт», АО «Улан-Баторская железная дорога», СП «Монголросцветмет» (они существуют и поныне).

В процессе реформ экономические преобразования в Монголии коснулись и животноводства. Если в 1990 г. в стране насчитывалось 74 710 семейных животноводческих ферм, то в 1996 г. их стало 183 636. В 1990 г. всего пастухов было 147 508, в 1997 г. – 410 078, т. е. увеличение произошло в 2,8 раза⁵. На 1 января 1999 г. общее поголовье скота в стране составляло 32 820 тыс. голов. В основном они находились в частном секторе.

В этих условиях акцент в российско-монгольских экономических связях сместился в сторону региональных приграничных контактов. Приграничные взаимосвязи Бурятии и Монголии имеют давнюю историю. Не секрет, что с зарождения российско-монгольских отношений разнообразные формы экономических, дипломатических и культурных связей с монголами практически осуществляли прежде всего сибиряки. По мнению исследователей, еще в начале XX в., когда в сибирских регионах России начинают развиваться капиталистические отношения, значение и необходимость приграничных связей с Монголией возросли. Спектр этих связей был весьма обширен: использование пастбищ, покосов на территории Монголии; доставка и заготовка дров из Монголии; извозный промысел; ввоз скота и продуктов животноводства из Монголии и переработка такого рода монгольского сырья на салотопенных, мыловаренных и свечных предприятиях Бурятии; выделка кожи и овчины из Монголии на кожевенных заводах и овчинно-шубных предприятиях Бурятии. Сказанное касается также золотодобычи, разработки месторождений драгоценных камней, железной руды и других сфер хозяйственной деятельности⁶.

В советский период взаимоотношения Бурятии и Монголии развивались в различных сферах экономики и культуры. Немало бурятских специалистов работало на монгольских предприятиях. Бурятия экспортировала в Монголию продукцию топливно-энергетического комплекса, тяжелого машиностроения, продовольственные товары. Из Монголии ввозились мясопродукты, изделия из кожи и другие товары. Большое значение в перевозках играл «Автовнештранс», находившийся в Култуке (Тункинский тракт). Как вспоминают старожилы, в Монголию привозили от иголок до больших машин, а из Монголии в основном вывозили скот. Но, к сожалению, в перестроечные годы в условиях затяжного экономического кризиса эта организация практически развалилась.

В 1990-х гг. появились новые формы моноголо-бурятского сотрудничества. В 1992 г. было заключено 375 контрактов между предприятиями Бурятии и Монголии. Экспорт Бурятии составил 16 млн дол., а импорт – 16,17 млн дол. В 1992 г. торговля между Бурятией и Монголией велась по десяти наименованиям. В 1994 г. доля Монголии во внешнеторговом обороте Республики Бурятия составила 18,6 %⁷

Бурятия осуществляла поставки в Монголию автотракторной техники, проката черных металлов, электроэнергии, товаров народного потребления, консервированных продуктов питания и др. Импорт из Монголии в основном составляли мясопродукты и комбикорма, кожевенно-меховые изделия и ковры. В 1993 г. на ввоз товаров в Россию были введены высокие пошлины и налоги, что привело к сокращению поставок традиционных товаров из Монголии в Бурятию: с 37,5 до 5 %. Создавались совместные бурят-монгольские предприятия. В 1994 г. в Монголии их насчитывалось 38, а в Бурятии – 20. В основном эти предприятия занимались торгово-посреднической деятельностью. Тем не менее шел процесс налаживания новых связей и форм работы. В области сельского хозяйства приграничные районы использовали проверенные формы сотрудничества – заготовка кормов, содержание скота на территории Монголии. В 1993 г. из Тунки и Кяхты отправили на пастбищное содержание в Монголию более 4 тыс. голов скота⁸.

В монгольском экспорте в Бурятию одной из главных статей товарооборота являются продукты животноводства. Так, в 1996 г. в республику было ввезено мяса на сумму 12,8 тыс. дол., что составило всего 3,2 % от всего импорта Бурятии. Но эти показатели начиная с 1997 г. неуклонно растут. В 1997 г. было ввезено мяса на сумму 5 352,07 тыс. дол., что уже составило 86,35 % от общего импорта. В последующие годы импорт мяса в республику в основном был стабильным. В 1998 г. мяса ввезли на сумму 4 183,89 тыс. дол., в 1999 г. – на 4 415,50 и в 2000 г. – на 5 741,10 тыс. дол. (83,98; 93,16 и 94,20 % соответственно).

Основным товаром, экспортируемым Бурятией в Монголию, является продукция топливно-энергетического комплекса. В 1996 г. экспорт топлива составлял 18,0 % от общего экспорта республики, а в 1997 г. – 61,01 %, в 1998 – 59,39, в 1999 – 46,56 и в 2000 г. – 30,46 %.

Кроме того, вывоз древесины из Бурятии в 1997 г. составил 6,47 %, а вывоз черных металлов в 1998 г. – 3,4 %. Начиная с 1999 г. Монголия активно вывозит продовольственные товары: сахар, муку, крупяные и кондитерские изделия. В 1999 г. экспорт сахара и кондитерских изделий составил 5,44 %, муки и крупяных изделий – 4,89, в 2000 г. – 17,74 %.

Правительственные органы Монголии и России придают большое значение развитию региональных контактов между двумя странами. Благодаря своему географическому положению Бурятия играет важную роль в развитии региональных связей между Россией и Монголией. Этому способствуют и контакты народов Бурятии и Монголии в духовно-культурной сфере. Так, 4 июня 1991 г. был заключен договор о дружбе и сотрудничестве между Селенгинским аймаком Монголии и Республикой Бурятия. Начиная с 1992 г. работает Монголо-Бурятская межправительственная комиссия. Был заключен ряд региональных соглашений между этими республиками в области экономики и культуры. В январе 1995 г. Президент Бурятии Л. В. Потапов посетил Улан-Батор и встретился с Президентом Монголии П. Очирбатом. В том же году в г. Улан-Удэ состоялось третье заседание межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному строительству, на котором было решено активизировать сотрудничество в области энергетики и геологии, создать совместное предприятие по ремонту электродвигателей. В феврале 1999 г. было подписано новое соглашение об экономическом и приграничном сотрудничестве между Республикой Бурятия и Монголией.

Большое значение имело открытие в г. Улан-Удэ Генерального консульства Монголии. В республике работает общество дружбы «Бурятия – Монголия». В новых условиях переосмысливается накопленный опыт сотрудничества с учетом рыночных отношений и роли Бурятии как одного из крупных политических, экономических и культурных центров на границе с Монголией.

Наряду с Монголией Республика Бурятия поддерживает торгово-экономические и культурные связи с другими странами мирового сообщества. Динамика внешнеторгового оборота республики характеризуется следующими данными. За период с 1992 по 2000 г. экспорт в страны вне СНГ увеличился в 14,6 раз и в 2000 г. составил 106,3 млн дол. Экспорт товаров в государства СНГ после некоторого увеличения в 1996–1997 гг. остался на уровне 1992 г. и составил 3,1 млн дол. Значительными остались объемы бурятского экспорта в Китай и Монголию, которые являются основными торговыми партнерами, несколько оживилась торговля с Ираном и Японией. На долю Европы и Америки приходится примерно по 1 % всего экспорта. Реализация товаров, произведенных в Бурятии, в зарубежных странах развивалась сравнительно успешно, в 1992–1997 гг. она возросла в 4,8 раза, внешнеторговый оборот достиг к концу 1997 г. своего максимума – 182,2 млн дол.⁹ Возможность выхода на внешний рынок в 2000 г. использовали свыше 420 предприятий и организаций различных форм собственности. Крупнейшими экспортерами в республике являются АО «Бурятэнерго», «Байкальская лесная компания», ЗАО «Улан-Удэнская тонкосуконная мануфактура», АООТ «Селенгинский ЦКК». Кроме того, через республику осуществляется экспорт товаров, произведенных в других регионах России, – минеральных удобрений, нефтепродуктов, черных металлов и изделий из него, легковых и грузовых автомобилей, а также некоторых продовольственных товаров.

Несколько иное положение сложилось с импортом. Финансовый кризис на внутреннем рынке республики обусловил замедление темпов роста объемов импорта, что связано в основном с сокращением внешней торговли с государствами-участниками СНГ. В 2000 г. по сравнению с предыдущим импорт с этими странами сократился на 20 %. В целом объем импортной продукции увеличился на 1,6 % за счет активизации торговых отношений со странами вне СНГ, темпы роста по импорту составили 122 % по сравнению с предыдущим годом. В республику импортируются в основном продовольственные товары, машины и оборудование.

Снижение объемов промышленного производства в республике нашло отражение в динамике структуры импорта за последние годы. До 1997 г. доля продовольственных товаров в импорте в основном увеличивалась и составляла 49 %, в 1998 г. сократилась почти до 36 %.

Во внешней торговле с Республикой Бурятия задействованы 34 страны, включая 9 государств-участников СНГ.

Финансовый кризис 1997 г., потрясший рынок стран Азиатско-Тихоокеанского региона, повлек за собой снижение активности внешней торговли Республики Бурятия. Последовавший за ним августовский кризис 1998 г. также оказал существенное влияние на динамику внешнеторгового оборота: в 1998 г. по сравнению с 1997 г. он снизился на 37 %, а в 2000 г. по сравнению с тем же периодом – на 26 %.

Характерной чертой внешней торговли республики пореформенного периода является опережение темпов роста экспорта над импортом, вследствие чего изменилась структура внешнеторгового оборота. Если доля экспорта в 1992 г. составляла 27 %, то в 2000 г. она выросла до 81 %, доля импорта соответственно уменьшилась с 73 до 19 %.

Таким образом, Республика Бурятия в настоящее время ведет активную внешне-экономическую деятельность. Но пока в глазах зарубежных и отечественных инвесторов Бурятия еще не является благоприятным регионом. Изменить эти взгляды – одна из важнейших задач. Из показателей, составляющих инвестиционный потенциал, самый большой рост (6,5 пунктов) дал показатель потребительских способностей населения, затем производительный (5), несколько возросли инфраструктурный и интеллектуальный (оба на 3 пункта)¹⁰.

Бурятия как составная часть Российской Федерации и ее полноправный субъект должна выработать собственный подход к проблеме взаимодействия со странами Северо-Восточной Азии. В этом отношении весьма интересна попытка создания Ассоциации приграничных районов Бурятии и Монголии. С бурятской стороны в нее войдут Тункинский, Закаменский, Кяхтинский и Селенгинский районы, а с монгольской – Хубсугульский, Булганский и Селенгинский аймаки. Эта программа разрабатывается Правительством Республики Бурятия.

Если до недавнего времени российская внешняя политика ориентировалась на Запад, то в последние годы происходит заметный поворот в сторону стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Президент Российской Федерации В. В. Путин посетил с официальными визитами ряд азиатских государств – Китай, КНДР, Японию. В ноябре 2000 г. он побывал в Монголии. Российское и монгольское руководство придают приоритетное значение активизации разноплановых связей и взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами. В частности В. В. Путин отметил: «Мы с оптимизмом смотрим в будущее... Для России открываются новые восточные перспективы, которые мы будем безусловно развивать и активно участвовать в процессе превращения Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в наш “общий дом”»¹¹.

Таким образом, значение экономических факторов во внешней политике России возрастает, а взаимоотношения России и Монголии создают прочную основу для долговременного сотрудничества в будущем, продолжая то, что было заложено еще в советское время.

Глобальные изменения, произошедшие в АТР, постепенное превращение этого региона в один из центров концентрации мировой политики и экономики требуют от России решительных внешнеполитических шагов в этом районе. России нужно развивать отношения взаимозависимости со всеми ведущими странами Северо-Восточной Азии и региона Тихого океана. Ей необходимо нейтрализовать угрозу ослабления своих позиций в Азии. Это касается и сибирских регионов страны. Предстоит коренным образом улучшить инвестиционный климат, создать финансовую, транспортную и коммуникационную инфраструктуры в регионах и в Бурятии в частности.

Примечания

¹ Лиштованный Е. И. Россия и Монголия в XX веке: региональный опыт взаимоотношений (на материалах Восточной Сибири). Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Иркутск, 1998.

² Ганжуров В. Ц. Россия – Монголия (История, проблемы, современность). Улан-Удэ, 1997.

³ Текущий архив Министерства внешнеэкономических связей Республики Бурятия.

⁴ Лиштованный Е. И. Указ. соч.

⁵ *Enkhtuvshin B., Tumurjav M., Chuluunbaatar G.* Nomads: civilizations, culture and development // Nomads and use of Pastures today. Ulaanbaatar, 2000.

⁶ *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX века. Иркутск, 1994.

⁷ *Ганжуров В. Ц.* Указ. соч. С. 169.

⁸ Там же.

⁹ *Аналитическая справка* Госкомитета по статистике РБ «О внешнеэкономической деятельности предприятий Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2001.

¹⁰ *Санжиев С. Н., Аржигаров С. В., Балданов Б-М. Б.* Сравнительный анализ геополитической и геоэкономической ситуации Республики Бурятия и новых индустриальных стран Восточной Азии // Мат-лы «Цыбиковские чтения-7». Улан-Удэ, 1998.

¹¹ *Лиштованый Е. И.* Указ. соч.

К. Б. Митупов
(г. Улан-Удэ)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БУРЯТИИ (1990-е гг.)

Переход Бурятии к рыночным механизмам хозяйствования вызвал к жизни новые экономические и социальные процессы. Радикальные экономические реформы начала 1990-х гг. прежде всего отразились на положении человека в обществе, устранив уравнительное распределение благ и услуг и предоставив людям самим решать задачу обеспечения собственного уровня жизни. Вместе с тем этот этап обострил проблемы межнациональных отношений.

Растущую социальную напряженность, сказывающуюся на межнациональных отношениях, усиливала резкая дифференциация населения республики по уровню доходов. Если в 1992 г. в России среднедушевые денежные доходы у 10 % наиболее обеспеченного населения были в 8 раз выше, чем у такой же части наименее обеспеченного населения, то в Бурятии: в 10 раз. К 1998 г. это соотношение стало еще более неблагоприятным. Такое положение свидетельствовало о том, что общество становилось все беднее. Подтверждают это и следующие данные: если в марте 1998 г. среднедушевой денежный доход в целом по РФ составил 877 р., то в Республике Бурятия – 498 р. Анализ состава и использования денежных доходов населения позволяет утверждать, что в 1998 г. по сравнению с 1993 г. доля заработной платы в объеме денежных доходов уменьшилась на 23 %: с 65 до 42 %. Это свидетельствовало и о росте безработицы¹ Происходило падение реальной заработной платы, хотя минимальная заработная плата медленно, но росла.

Таким образом, денежные доходы у основной части населения значительно снизились, как и возможности для поддержания имевшегося уровня жизни. Сохранить его разные группы населения смогли в неодинаковой степени. Так, если в Бурятии реальные денежные доходы населения относительно предыдущего года росли и в 1993 г. они составляли 137,4 %, а в 1994 г. – 110,2 %, то в 1995 г. произошло снижение до 83,3 %, в 1996 г. – до 89,6 %. Определенная стабилизация отмечена в 1997 г. – 103,1 %, но в 1998 г. снова снижение – до 92,9 %.

В конце 1990-х гг. большая часть работников не обеспечивали достаточного дохода своей семье. Среднемесячная заработная плата в 1998 г. по республике составила 980 р., что в 2,4 раза выше официального прожиточного минимума (403 р.), который обеспечивал лишь элементарное выживание. По сути дела, прожиточный минимум определял верхнюю границу застойной бедности или попросту нищеты 483 тыс. человек, или 46 % общей численности населения республики. При этом образование и квалификация, вопреки нормам здравого смысла, чаще всего не улучшали, а ухудшали показатели оплаты труда. Если труд школьного учителя и врача в развитых странах оплачивается на одном уровне или выше, чем инженерно-технических работников, то у нас учитель и врач зарабатывают в два раза меньше.

В реальном исчислении денежные доходы на душу населения республики в 1997 г. по сравнению с 1991 г. снизились на 77 %, заработная плата – на 74 %, пенсия – на 91 %. По официальным данным средний размер назначенных пенсий увеличился с 4 тыс. р. в 1992 г. до 338 тыс. р. в месяц в 1996 г. С учетом индекса потребительских цен размер пенсий снизился примерно в два раза. В 1996 г. средний размер пенсии по отношению к среднему размеру зарплаты составил 42 %, к величине прожиточного уровня пенсионера – 125 %. По уровню соотношения пенсии и прожиточного минимума в 1996 г. Бу-

рятия заняла 45-е место среди 80 регионов. Кризис, разразившийся в 1998 г., примерно в три раза ухудшил положение пенсионеров².

Во второй половине 1990-х гг. покупательская способность жителей нашей республики была ниже среднероссийской в 1,7 раза. Среди регионов России по рейтингу покупательской способности, заработной плате Бурятия занимала 52-е место – на среднемесячную зарплату можно было купить 0,8 набора прожиточного минимума³.

Рассматривая структуру денежных расходов населения республики, необходимо отметить, что в 1990-е гг. происходили и другие изменения. Потребительские расходы на покупку товаров и оплату услуг возросли с 83,8 % в 1992 г. до 88,2 % в 1998 г. При этом расходы на питание за этот же период увеличились с 41,9 до 53,2 %. Это свидетельствовало о снижении уровня жизни, так как международная методика фиксирует, что при затратах на продукты питания свыше 50 % устанавливается крайне низкий уровень жизни. В рассматриваемый период затраты у городских семей на питание выросли с 42,0 до 55,9 %, а у сельских – с 37,5 до 47,4 %⁴.

В структуре потребительских расходов преобладали расходы на покупку хлеба и хлебных изделий, мяса и мясных продуктов. При этом по сравнению с 1992 г. расходы на хлеб возросли, а на мясо уменьшились. Это связано как с дальнейшим ростом цен, так и с непрекращающимся падением реальных доходов населения. Так, потребление фруктов, ягод, овощей, яиц в 1996 г. было ниже рекомендованных норм на 70–80 %, мяса и мясoproductов, молока и молочных продуктов, сахара и кондитерских изделий – на 40–50 %. Таким образом, можно констатировать, что структура питания населения смещается в сторону углеводной модели: в рационе питания преобладают картофель, хлеб и хлебобулочные изделия, потребление которых превышает рациональные нормы на 10–25 %⁵. Необходимо отметить, что к концу рассматриваемого периода высокообеспеченные семьи тратили на сахар и кондитерские изделия в 5,6 раза больше, чем бедные; на фрукты и ягоды – в 5,5 раза; на мясо и рыбу – в 4 раза; на алкогольные напитки – в 8,8 раза. Последний показатель демонстрирует не объем потребления спиртных напитков, а дороговизну качественных, а не суррогатных вино-водочных изделий. Беднейшие слои больше потребляют самогон и так называемую «катанку» – подпольно разлитую водку низкого качества.

Развитие рыночных отношений разрушило хрупкое равновесие в обществе, сохранявшееся в советский период. Сфера бесплатной раздачи дефицитных благ сильным мира сего значительно сузилась. Потребительский рынок наполнился импортными товарами, приобретаемыми только за деньги. Одновременно начала разрушаться система услуг населению, оказываемых государством: медицинских, образовательных, жилищных и др.

Подавляющее большинство рабочей силы республики, включая тех, кто числится безработными, а также занятых, но получающих ничтожную зарплату и ищущих вторую работу по совместительству, хлынуло в сферу разнообразной предпринимательской деятельности. Данная группа, представленная в основном мелким бизнесом, в значительной степени скрыта от налоговых и статистических учреждений, и это затрудняет ее изучение. Эта сфера «предпринимательской» деятельности чрезвычайно важна для населения. Она во многом выполняет функции его жизненного обеспечения, производя крайне необходимые в повседневной жизни товары и услуги. Сюда относятся производство и переработка сельскохозяйственной продукции, «челночная» деятельность и связанная с ней розничная торговля, выполнение разнообразных производственно-бытовых услуг, кустарное производство изделий и товаров народного потребления. В 1998 г. число занятых в индивидуальном и частном предпринимательстве в Бурятии увеличилось в 3,7 раза по сравнению с началом 1990-х гг.

Несовершенство методики учета безработных в России и Бурятии позволяет делать совершенно парадоксальные выводы. Исходя из 3 % безработных нашу республику можно считать достаточно благополучной. Но если принять во внимание существующие на предприятиях и учреждениях хронические формы простоя (неоплачиваемые отпуска, работа неполную рабочую неделю), то республика становится одной из наиболее отягощенных безработицей территорией – в 1996 г. насчитывалось 64,5 тыс. человек незанятых, или 17,5 % всего самодельного населения.

Необходимо отметить, что социальная общность, которую составляют незанятые жители, имеет сложную структуру и должна рассматриваться дифференцировано с учетом особенностей входящих в нее групп, а также проводимой политики.

В целом национальный состав безработных соответствует национальному составу республики: среди незанятых 70,3 % – русские, 26,9 – буряты, 8 % – лица другой национальности.

Наиболее активны среди безработных квалифицированные работники, имеющие высокий образовательный уровень, владеющие знаниями особенностей рыночной экономики. Работники, ориентированные на успех, готовы использовать весь свой интеллектуальный и трудовой потенциал для достижения поставленной цели. Таких в 1998 г. насчитывалось 38,5 % от общей численности безработных.

По уровню активности в поиске работы и решении жизненно важных проблем можно выделить три группы. Наиболее многочисленными являются безработные, проявляющие среднюю активность –

52 %. Здесь представлены работники средней возрастной группы со средним уровнем образования и квалификации, которые придерживаются умеренных, осторожных взглядов на проводимые реформы. Представители этого типа в силу своего реального положения, квалификации и способностей имеют меньшие возможности для быстрой адаптации к новым условиям. Для них переход к рынку сопряжен со значительными трудностями.

Наименее активные составляют 37 % от всего числа незанятых. Сюда входят те, кто испытывает опасения негативных последствий для себя и своей семьи от внедрения рыночных отношений. Здесь значительно больше тех, кто не удовлетворен своим социальным и материальным положением, для них характерна неуверенность в завтрашнем дне. В эту группу входит большинство людей старшего поколения, наименее образованные и квалифицированные. Степень активности по-разному проявляется у безработных различных национальностей. Русские составляют только 65,2 % в высокоактивной группе, в то же время среди недостаточно активных их насчитывается 74 %.

Безработные коренной национальности, наоборот, проявляют более высокую активность: при 26 % от общего числа населения в составе с высокой активностью их 35 %, а в группе с низкой активностью – всего 23 %. Исследования показывают, что безработные буряты более обеспечены в материальном плане и имеют более высокий уровень требований к материальному положению в будущем. Среди них значительно меньше тех, кто имеет доход меньше одной минимальной зарплаты.

Важным показателем является то, что ярко выраженное желание учиться среди тех, кто неудовлетворен своей профессией, проявляется у представителей коренной национальности. Так, количество бурят, испытывающих потребность в продолжении образования с целью получения новой профессии, составляет 56,2 %, у русских – 45,7 %.

Однако все еще остается значительная масса малоквалифицированной рабочей силы, которая не стремится войти в новые отношения. Поэтому достаточно остро в республике стоит проблема использования работников низкоквалифицированного труда.

Социально-экономический кризис стимулировал миграцию населения, которая оказывала негативные воздействия на процессы в составе населения. Так как в потоке мигрантов преобладало молодое поколение, наиболее мобильное, квалифицированное и быстро адаптирующееся к новым условиям, отток имел отрицательное воздействие на формирование и развитие населения Бурятии. За рассматриваемый период из республики выехало 215 275 человек, в том числе в Закавказье – 351 человек, в Среднюю Азию – 3 882 человека. За тот же период прибыло 198 640 человек, в том числе из Закавказья – 1 536 человек, из Средней Азии – 7 500 человек.

Изменение характера миграционных процессов прослеживается на всем протяжении 1990-х гг. Миграция населения активно реагировала на основные события этого периода – распад СССР, процесс суверенизации республик, экономический и политический кризисы. Достаточно большое число вынужденных переселенцев и беженцев изменили и акценты в развитии межнациональных отношений Бурятии. С прекращением государственного финансирования крупных промышленных объектов на территории Бурятии, завершением строительства БАМа, снижением темпов жилищного и производственного строительства изменились формы миграции – возросли спонтанные перемещения населения.

В этот период Бурятия понесла миграционные потери – 45 868 человек в обмене населением практически со всеми регионами РФ. Значительно увеличился отток населения на Украину – 4 925 человек, в Казахстан – 5 140 человек, т. е. именно в те районы, с которыми в 70–80 гг. республика поддерживала тесные миграционные связи. При этом среди мигрантов свыше 70 % составляли лица трудоспособного возраста и в основном русскоязычное население.

Надо отметить, что изменения в национальном составе населения в течение последнего десятилетия XX в. характеризовались увеличением числа мигрантов из ближнего зарубежья, в первую очередь из стран Закавказья и Средней Азии. По некоторым сведениям кавказские диаспоры в республике увеличились в 1,5–2 раза, в частности это касается азербайджанской и армянской диаспор.

Кроме мигрантов из республик бывшего СССР в Бурятии достаточно многочисленными группами становятся китайцы, монголы и вьетнамцы. По официальным данным количество представителей этих стран незначительно, но реальная оценка, особенно китайцев, гораздо выше. Так, по данным Государственного комитета по статистике за 1992–1998 гг. в Бурятию из дальнего зарубежья прибыло 2 469 человек, выбыло 847 человек. По приблизительным оценкам в республике проживает около 1 500 китайцев и около 1 000 монголов, кроме них существуют немногочисленная афганская и вьетнамская диаспоры.

Что касается внутриреспубликанских миграционных потоков, то в 1990-е гг. сохранялась тенденция увеличения притока сельского населения в г. Улан-Удэ. Миграционный приток шел прежде всего из тех районов, в которых преобладало сельскохозяйственное производство. Новые хозяйственные структуры села нестабильны в экономическом, финансово-организационном отношениях и не могут полностью поглотить избыточные трудовые ресурсы. Вследствие этого сельские мигранты выезжают

в город в поисках работы, на учебу и с другими намерениями. По некоторым данным численность населения столицы республики выросла до 450–480 тыс. человек. В течение последних нескольких лет в г. Улан-Удэ построено около 500 домов, в том числе 380 деревянных.

По приблизительным оценкам, активно переселяются в столицу республики большей частью буряты. Идет активное освоение пригородных районов, застройка в городской черте и близ городской черты становится обычным явлением.

Таким образом, сложилась ситуация, когда тенденция прироста населения в Бурятии неуклонно ослабевала под влиянием системного кризиса. За 1990-е гг. произошла смена режима воспроизводства населения. Воздействие этих факторов совпало с периодом снижения численности детородных групп населения. Снижение рождаемости при ухудшении социально-экономической ситуации вызвало повышение смертности. Все это обусловило кризисную демографическую ситуацию в республике. За 1990-е гг. общая численность ее населения снизилась с 1 059,4 человек в 1992 г. до 1 041,1 человек в 1999 г.

В докладе заместителя председателя Правительства Республики Бурятия Е. К. Ханхалаева на заседании Политического Консультативного Совета при Президенте Бурятии в феврале 2001 г. сделан следующий вывод: «Для многонациональной Бурятии важен учет этнического принципа в государственном строительстве и управлении. Он унаследован нами исторически. От нашего умения создать разумные гарантии национального представительства во многом зависит межнациональный мир и благополучие... В целом надо признать, что пока этнический фактор в республике недостаточно учитывается, в том числе с позиции представительства национальностей, их культуры, языка, истории, а также кадрового состава». Весьма критический вывод докладчик подтверждает, приводя противоречивые данные. Так, в 2000 г. в составе 7 130 абитуриентов четырех вузов г. Улан-Удэ насчитывалось 3 733 русских (52,3 %), 3 281 (46,0 %) бурят и 116 представителей других национальностей (1,7 %). Из них было зачислено в вузы по национальному составу: русских – 50,1 %, бурят – 48,4, других – 1,5 %. В составе профессорско-преподавательского состава этих вузов около 70 % бурят и 30 % русских, исключение составляет ВСГАКИ (Академия искусств), где соотношение – 49,3 и 43,5 % соответственно ⁶

В значительной степени это объясняется тем, что основная часть русскоязычной научной молодежи, получив более высокий социальный статус, т. е. став кандидатами или докторами наук, предпочитают закрепиться в центральных научных центрах. Кстати, не получив такого статуса, большая часть остается в европейской части России. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. из БНЦ СО АН СССР в Москву и Ленинград в аспирантуру было направлено 24 человека, в том числе 12 русских и 12 бурят. После завершения учебы в Бурятию вернулись 12 бурят и 1 русский. Надо отметить, что к концу 80-х гг. и даже в начале 90-х гг. эта ситуация стала незначительно меняться, что связано в первую очередь с возрастанием авторитета академической и вузовской науки республики в Сибири и России в целом.

Весьма сбалансировано соотношение национального состава руководящих работников республиканских органов власти. В исполнительной власти соотношение русских и бурят 50 на 50 %. В законодательной – русские составляют 56 %, буряты – 41, другие – 3,12 %. Судебная власть – 50 на 50 %, в местном самоуправлении 47,9 % глав МСУ русские, 52,1 % – буряты ⁷

Таким образом, несмотря на острый экономический кризис в республике, сложную социальную обстановку межнациональные отношения в целом характеризовались высокой степенью толерантности представителей всех диаспор, населяющих Бурятию. Традиционно дружеские отношения между бурятским и русским населением в этот период не изменились. Некоторое напряжение, создавшееся в ходе перехода к рыночным отношениям в связи с появлением дополнительного криминального компонента – этнических, преступных группировок, в целом не изменило доброжелательных отношений, хотя привнесло конфликтный элемент на уровне асоциальной группы населения.

Важной тенденцией прошедшего десятилетия является смещение акцента межнациональных отношений от устоявшихся национальных групп населения в сторону вновь появившихся диаспор – китайской, монгольской, а также кавказской и среднеазиатской. Борьба за занятие своей экономической ниши в республике велась в рамках группы предпринимателей и активно влияла на все население республики.

Примечания

¹ Денежные доходы и расходы Бурятии: Аналитическая записка. Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1998. С. 14.

² Денежные доходы и расходы населения Бурятии: Стат. сборник. Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1997. С. 37.

³ Социальное положение и уровень жизни населения Бурятии в сравнении с другими регионами России: Аналитическая записка. Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1997. С. 17.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Найданова С. Качество жизни населения в условиях реформ. Улан-Удэ, 1999. С. 45.

⁶ Доклад на заседании Политического Консультативного Совета при Президенте РБ заместителя Председателя Правительства Бурятии Е. К. Ханхалаева «Межнациональные процессы в Республике Бурятия и цивилизационный подход к их регулированию (по итогам работы II съезда народов Бурятии). С. 9.

⁷ Там же.

А. Л. Балданов
(г. Усть-Ордынск)

К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНСТВА БУРЯТСКОГО ЭТНОСА

Исследования социокультурных процессов в Предбайкалье в 1990–1994 гг., в том числе Усть-Ордынском Бурятском АО, показали, что «несмотря на низкий уровень экономических условий, социально-политическую нестабильность, потерю духовных ценностей, большинство из опрошенных жителей Предбайкалья сохранило любовь к своей земле, к своему народу»¹. Изучению межнациональных отношений в округе были посвящены исследования, проведенные в 1996–1997 гг. Собранные нами социологические данные показали, что межнациональные отношения в округе отмечаются высоким интернациональным характером, несмотря на существующую этническую стратификацию². В качестве одной из основных характеристик состояния и тенденции развития межнациональных отношений рассматривалась этническая, внутриэтническая солидарность как потребность в этнической принадлежности, которая проявляется через аффилиативные установки. В связи с этим была рассмотрена индикация этноаффилиативных и антиэтноаффилиативных тенденций как степень интернациональной основы общения. Данные исследования подтвердили выводы социологов Иркутского технического университета и показали, что бурятское и русское население проявляют сильные антиэтноаффилиативные стремления, которые можно рассматривать как крепкую интернациональную основу отношений, в округе продолжают сохраняться прежние межнациональные отношения, сложившиеся веками совместной жизни и основанные на общности этнопсихологических черт и исторических судеб³.

В то же время это подтверждает существующую тенденцию этнокультурной трансформации, этнической ассимиляции бурят округа. Причем атомизация бурятского этноса характерна и для бурятского населения округа. Административно-территориальное устройство региона закрепило за районами ранее существующее родоплеменное разделение бурят, обладающих своей историей взаимоотношений, самобытными поведенческими характеристиками. Естественная территориальная раздельность округа Ангарой: два района находятся на левом берегу реки, автомобильное сообщение между ними и столицей региона проходит более чем через пять областных муниципальных образований и областных городов, что оказывает влияние на характер внутриокружных отношений. Кроме того, через территорию округа проходят две федеральные дороги. Так или иначе, но достаточно долгое совместное существование в одной автономии, одном государственно-национальном образовании серьезно не повлияло на внутреннюю консолидацию бурят округа.

Априори бурятское население округа психологически продолжает находиться в состоянии фрустрации относительно своего дальнейшего существования и развития. Во-первых, стоит согласиться с А. А. Елаевым, что «структурирование этноса по территориальному и родовому признаку, сыгравшее в прошлом положительную роль в сохранении этничности, в настоящее время консервирует разобщенность и укрепляет субэтнические различия, служит препятствием для его этнической консолидации. Оно порождает клановость в общественных отношениях и политике, которая отодвигает на второй план общественно значимые цели и ценности, в том числе общэтнические»⁴. Причем это характерно как для бурят округа, так и для бурятского этноса в целом, подвергнувшегося многократному административно-территориальному разбиению и разделению. Во-вторых, национальная автономия в составе Иркутской области в советское время в полной мере не решила и объективно не могла решить задачи самоопределения бурят округа, так как они являлись национальным меньшинством в своем национально-территориальном образовании. В-третьих, вследствие социалистической экономической политики округ и в настоящее время фактически продолжает оставаться сырьевым придатком Иркутской области, официально значась самостоятельным субъектом Российской Федерации. Бюджет автономного округа на 87 % формируется из федеральных средств. Исторически сложившаяся экономическая зависимость округа наложила негативный отпечаток на психологию бурят. В-четвертых, усилению фрустрационного состояния бурятского населения округа способствуют две по-своему противоположные составляющие жизни региона: активная социально-культурная экспан-

сия со стороны этнической Бурятии – создание Боханского филиала БГУ, выездные вступительные экзамены в БГУ, ВСГУ, выделение квотных мест в БСХА и Академию культуры, установление новых и укрепление прежних культурных связей с Республикой Бурятия и Агинским Бурятским автономным округом, с одной стороны; и возрождение экономического мощи, улучшение благосостояния жителей Иркутской области, к которым ранее оно относилось и вполне может относиться сейчас, – с другой⁵

Существование бурятского населения округа в многомерном социально-культурном, социально-политическом пространстве с неустойчивой системой координат не позволяет ему выйти на качественно новый уровень национального самоопределения. Более того, невнятная государственная национальная политика и несовершенное государственное федеративное устройство деструктивно влияют на этническое развитие бурятского народа в целом.

Анализ исторического пути становления и развития бурятского этноса показывает, что на всем протяжении он подвергался неоднократному делению на административно-территориальные, национально-территориальные единицы государства как в Российской империи, так в советское время. Пик интенсивного переустройства, бесконечного передела административных границ территории проживания бурят пришелся на период строительства социалистического государства.

Происходившие административные изменения были обусловлены стремлением государства к сохранению своей целостности через активную дегтнизацию населения: в начале внедряя русификаторскую политику, затем интернационализацию и идеологию новой общности – советский народ. Тем не менее все это положительно повлияло на этническое развитие бурятского народа: вхождение в российское государство (колонизация, добровольное вхождение) способствовало «консолидации бурят в этносоциальную общность – бурятскую нацию»⁶, позже, в советский период, осуществление бурятским этносом права на самоопределение в форме автономий значительно повлияло на рост национального самосознания. По мнению Я. А. Пляйса, «надо признать, национально-территориальное устройство было хотя и вынужденным, но важным шагом вперед и носило в целом прогрессивный характер. Это шаг дал многим народам надежду на сохранение и развитие»⁷ Однако стоит отметить и негативную роль интеграции, навязанного «стирания граней между городом и деревней» и национальной унификации на внутриэтнические отношения бурятского народа. В конечном итоге бурятский этнос одновременно развивается по двум составляющим: западная и восточная, в трех субъектах федерации, построенных на основе советских национальных бурятских автономий, а в целом в пяти самостоятельных субъектах Российской Федерации. Учитывая фактическое отсутствие единой государственной национальной политики, субъекты федерации – автономные бурятские округа, при определенной самостоятельности республики, обладая возможностями, предоставленными государством, создают собственные истории⁸, как справедливо подчеркивает А. А. Елаев, с позиций обособленного видения общей истории народа⁹ Тенденции деформации в национальном самосознании народа способствует и форсированная, не подкрепленная взвешенной национальной политикой, реализация суверенных прав субъектов на законотворческую деятельность в этой области. Так, на основе анализа символов государственности Республики Бурятия и Усть-Ордынского Бурятского АО однозначно можно утверждать инациональность проживающих на их территории титульных этнических групп. Принятые законы о языках («О языках народов республики Бурятия» 1992 г., «О языках народов Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» 1999 г.) усиливают ощущение, что речь идет о двух разных бурятских языках (при безусловном диалектном различии).

В Республике Бурятия, в Усть-Ордынском Бурятском АО возрождаются национальные праздники «Сур-Харбан» и «Сагаалган», они справедливо объявлены официальными. Создаются национальные общественно-политические организации и объединения, проводятся съезды, форумы представителей бурятского народа. Все это не может не оказывать консолидирующее влияние на бурятский этнос.

Однако необходимо отметить, что отсутствие единой национальной политики, резко синиудальная активность бурятского населения в поисках путей самоопределения, стремлении объединения в единый народ на основе культурной или территориальной целостности не могут положительно влиять на национальное самочувствие прежде всего русских, а в целом на межнациональные отношения в регионах. Так, научно-практические конференции, состоявшиеся в округе среди учащихся и учителей, «Бурятское население Иркутской губернии в XX веке» в апреле и «Буряты Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке», проходившая в июне 2001 г., вполне могли быть проведены в рамках более представительных форумов «Буряты и русские автономного округа: история развития взаимоотношений».

В то же время немаловажным фактором фрустрации бурятского населения автономного округа является неоднозначный государственный статус региона: «субъект в субъекте». Экономический, политический кризис 1990-х гг. губительно сказался на экономических возможностях округа. Социальные проблемы аграрного региона обострились. Диспаритет в условиях развития округа и Иркутской области увеличился. При этом население округа принимает участие в выборах губернатора Ир-

кутской области и избирает двух депутатов Законодательного собрания Иркутской области. Различия в экономических условиях, идеи губернизации России умело используются политическими силами в пользу своих интересов, формируя общественное сознание так, что «подавляющее большинство жителей автономного округа высказывается “за!”¹⁰ При этом депутату Иркутской области от округа удалось провести большую работу в Законодательном собрании по объединению округа и области, так, что «мы наконец станем не просто “соседями”, а единым организмом в составе Российской Федерации»¹¹. Более того, соответствующий законопроект уже готов и ожидает своей очереди в Государственной Думе, или соответствующие предложения находятся у Президента Российской Федерации, как утверждают те или иные политики от автономии и области. Заслуживает внимания идея создания региональной национальной культурной автономии как внетерриториального объединения. Правовая основа для реализации данной идеи имеется в виде федерального закона «О национально-культурной автономии»¹². В то же время высказываются мнения о присоединении к округу Ольхонского района¹³, полном воссоединении бурятского этноса, возрождении единой Бурятии¹⁴.

Руководствуясь «благой» идеей инкорпорации округа в область и «государственными задачами укрупнения регионов», уже объединены налоговые органы (службы, полиция), контрольно-ревизионные управления с соответствующим сокращением окружных штатов. Этот процесс постепенно распространяется и на другие подразделения и ведомства окружного и федерального подчинения. Сокращение числа субъектов Российской Федерации за счет «экономически неразвитых» национальных автономий, безусловно, с точки зрения государственного управления упростит федеративные отношения. Однако существует опасность осложнения в будущем национальных проблем как на уровне межэтнических взаимоотношений, так и внутри этнических групп.

Исчезновение автономного округа как государственного начала, растворение его в области повлечет за собой процесс дальнейшего расщепления, атомизацию бурятского этноса, в конечном итоге приведет к аккультурации и этнической ассимиляции бурятского населения округа.

Субъектность автономии позволяет осуществлять собственную кадровую политику, основу которой объективно составляют молодые высококвалифицированные специалисты бурятской национальности. В округе создан достаточно широкий рынок труда востребованных современных специалистов, что, в свою очередь, стало привлекательным для молодежи с высшим образованием из числа коренных жителей. Приток в округ этой категории населения влечет за собой упрочение родственных, семейных отношений и синхронное закрепление в округе большей части бурятской молодежи. Таким образом, здесь складываются положительные предпосылки для дальнейшего развития бурятской автономии, национального самосознания и самоопределения. Объединение с Иркутской областью может остановить эти процессы.

Сохранение существующей самостоятельности автономного округа позволит в ближайшем будущем увеличить численность населения, что позволит решать проблемы региона, в первую очередь экономические.

При рассмотрении корней современного положения бурятского этноса, его раздельного существования и, как следствие, ирредентистских настроений у определенных групп, с одной стороны; конформизма относительно своего будущего как этнического сообщества – с другой, необходимо вновь обратиться к историческому пути развития народа, но уже в контексте ментальной истории.

До «российского этапа», в начале XVII в. буряты не представляли единого целого, их роды и племена были расселены на всей территории Предбайкалья, «...уместно отметить одну из важных сторон этногенеза бурят, связанную с девятивековой обшемонгольской историей и влиянием соседних цивилизаций: формирование собственных этнических черт бурят в монголоязычной этнокультурной среде»¹⁵. В силу этого стоит предположить, что у бурят не успел сформироваться единый архетип социализации, т. е. осознания себя членом всего бурятского этноса, а не только племени или союза племен, ибо «... лестница патриархально-родовых связей» существовала в действительности и хотя и не всегда прочно, но объединяла бурят, начиная с низовой единицы общества – патриархальной большой семьи и рода, кончая племенем и союзом племен»¹⁶. Это и легло в основу модуса бытия бурят, характеризующего их отношения к проблеме консолидации этноса, государственности народа. Отсутствием у бурятского этноса архетипа «народ» объясняется его конформизм по отношению к собственной судьбе, многократному дроблению, укрупнению и разделению автохтонного народа Прибайкалья в угоду складывающейся политической обстановке. Более того, архетип семьи и рода является сдерживающим фактором в этническом развитии народа: «В современных условиях личность воспринимает представителя даже своей этнической общности не в качестве сородича, а первую очередь как иноплеменника, а значит соперника и конкурента»¹⁷. Учитывая это, можно найти объяснение и аналогии различным государственным атрибутам республики и автономного округа в элементах ранних форм религии. В то же время перспективы развития бурятского этноса можно оценивать с точки зрения теории архетипов.

Архетипические идеи пребывают в двух плоскостях: коллективном бессознательном и индивидуальном или общественном сознании, как конкретное проявление этой тенденции в живом образе, мыслях, действиях людей.

С этой позиции ярким подтверждением рассмотренного выше состояния бурятского этноса является архетип героя. Для бурятского народа – это былинный богатырь Гэсэр, так как он не только центральный герой эпоса, но и самый популярный персонаж всего фольклора бурят. Гэсэр воплотил в себе идеальные черты народного богатыря. Это герой, лучший, храбрый и сильнейший представитель родового коллектива, вставший на защиту общих интересов народа, путь борьбы и ратных подвигов не ради славы и власти, а во имя избавления людей от бед и несчастий, чтобы дать им свободу и мирную жизнь.

Рассматривая проблемы противоречивого развития бурятского этноса, его разобщенности, стоит предположить, что народ находится в переходном периоде от одной этновозрастной фазы к другой. Согласно идеям Л. Н. Гумилева, этносы, не пережившие этот фазовый переход, просто прекращали свое существование как самостоятельные целостности. Поэтому, на наш взгляд, большое определяющее значение в судьбе целого народа должно сыграть сохранение Усть-Ордынского Бурятского АО как самостоятельного субъекта федерации, ибо с утратой бурятским населением округа собственной автономии опосредованно будет потеряна этногенетическая функция территории как гаранта культурного воспроизводства и политического символа народа.

Перспективой развития автономий и бурятского этноса должна стать глубокая разносторонняя теоретическая проработка проблем атомизации народа. На этой основе должна быть принята общенациональная бурятская политика в рамках четкой, сбалансированной по всем параметрам государственной национальной политики субъектов федерации. При этом, безусловно, должна сохраниться государственная политика выравнивания территорий и развиваться принципиально новая конфигурация межсубъектных взаимоотношений, закреплённая федеральным законодательством. Совокупность всех этих составляющих станет предпосылкой для избежания этнокультурной трансформации и этнической ассимиляции бурятского этноса.

Примечания

¹ *Социокультурные процессы* в Предбайкалье: Материалы социолог. исслед. / Под ред. Т. Г. Харнохоевой. Иркутск, 1996.

² Балданов А. Л. Межнациональные отношения в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе: Диплом. работа, 1997.

³ Балданов А. Л. Указ. соч.

⁴ Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М. 2000. С. 307–308.

⁵ Устав Иркутской области. Статья 6.1. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. С. 8.

⁶ Елаев А. А. Указ. соч. С. 98.

⁷ Пляйс Я. А. Государственность между прошлым и будущим // Электронная версия «НГ» (ЭВНГ). № 161. 1996. 30 авг.

⁸ История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М., 1995; Тумунов Ж. Г. Ага и агинцы. (1917–1990). Улан-Удэ. 1993.

⁹ Елаев А. А. Указ. соч. С. 11–13.

¹⁰ Грязные технологии // Губернские вести. 2001. 2 июля – 9 июля. С. 2.

¹¹ Там же.

¹² Боровский В.: Понимать друг друга ... // Рос. газета. 2001 г. 6 июля. С. 16.

¹³ Шпаков И. В. Предвыборная программа кандидата на должность главы администрации округа. 2000. Ноябрь; Панорама округа. 2001. 27 июля.

¹⁴ Иосифы в судьбе бурятского народа // Аргументы и факты в Бурятии. 1999. Июнь. С. 6; Взгляд на минувший век: что приобрели и что потеряли // Губернские вести. 2001 г. 26.06–3.07. С. 3.

¹⁵ Елаев А. А. Указ. соч. С. 58.

¹⁶ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 390, 391.

¹⁷ Елаев А. А. Указ. соч. С. 307.

В. Г. Костюк, Ю. В. Попков, Д. В. Ушаков
 (г. Новосибирск),
Н. М. Екеева
 (г. Горно-Алтайск)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ ЭЛИТА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ О СОВРЕМЕННЫХ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМАХ В РЕСПУБЛИКЕ *

С 1999 г. сотрудники сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН совместно с коллегами из национальных образований Сибири проводят социологическую экспертизу влияния современных рыночных реформ на этносоциальные процессы и развитие отдельных народов сибирского региона¹ (руководитель проекта Ю. В. Попков). В конце 2001 г. такая экспертиза была проведена в отношении народов Республики Алтай. Опрос проводился (руководитель исследования Д. В. Ушаков) при поддержке и непосредственном участии Горно-Алтайского государственного университета (Ю. В. Табакаев), Института Алтаистики им. С. С. Суразакова (Н. М. Екеева) и Правительства Республики Алтай (С. Ч. Пустогачева). В качестве экспертов выступила политическая, научная и образовательная элита Республики Алтай – представители республиканских законодательных и исполнительных органов власти (Курултай, министерства), научной и вузовской интеллигенции. Всего в г. Горно-Алтайске опрошено 49 экспертов, из них 19 алтайцев и 30 русских.

Для оценки характера изменения различных сторон жизни населения Республики Алтай за период реформ 1991–2001 гг. были выделены 27 параметров экономической, социальной, политической и духовной сфер жизнедеятельности. Экспертам предлагалось высказаться по поводу каждого из них, оценив ситуацию по шкале: «улучшилось – не изменилось – стало хуже – трудно оценить». Лишь по трем показателям – предпринимательская активность населения, национальное самосознание и тяга населения республики к традиционным верованиям – большинство и алтайских, и русских экспертов (60–80 %) отметили положительную динамику. Положение в сфере межнациональных отношений в эти годы половина экспертов оценивает как стабильное, хотя среди русских экспертов выше доля тех, кто считает, что они ухудшились, а не улучшились (33 и 7 % соответственно). Русские эксперты отмечают также некоторое улучшение ситуации с участием разных этносов республики в управлении государственными делами и местном самоуправлении. Большинство экспертов-алтайцев полагают, что ситуация в этих вопросах за годы реформ не изменилась.

Не однозначны и противоречивы оценки изменений по таким показателям, как уровень профессионального образования населения, знание родного языка. Более отчетливо преобладание негативных оценок изменений имеет место по следующим показателям духовной жизни: знание алтайцами родного языка (63 % экспертов-алтайцев полагают, что оно ухудшилось, лишь 16 % имеет противоположное мнение); квалификация работающего населения (37 и 16 % среди экспертов-алтайцев и 40 и 10 % среди экспертов-русских соответственно); развитие духовной культуры алтайцев (53 % и 32 % у экспертов-алтайцев).

Основная масса экспертов-алтайцев и экспертов-русских (свыше 50 %) отмечает ухудшение по 13 существенно значимым показателям – всем экономическим, социальным и некоторым духовным.

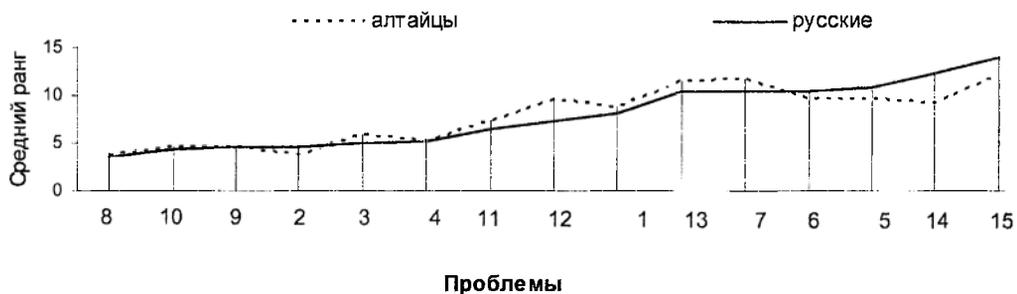
Так, все 100 % алтайских и русских экспертов отмечают ухудшение за годы реформ состояния сельскохозяйственного производства в Республике Алтай, соответственно 95 и 97 % из них – ухудшение положения дел в промышленности. Высокий уровень отрицательных ответов дают также респонденты при оценке ситуации с пьянством и наркоманией (95 и 97 % экспертов соответственно), состоянием психологического здоровья населения (90 и 83 %), занятости (84 и 90 %), преступности (79 и 80 %), жилищных условий (79 и 70 %), денежных доходов (79 и 60 %), экологических условий жизни (79 и 60 %). По мнению опрошенных, за анализируемый период ухудшилось и отношение населения республики к органам местной власти (так считают 68 % алтайских и 53 % русских экспертов). Закономерным обобщающим итогом является заметное снижение уровня социального оптимизма населения. Так, около 60 % алтайских и русских экспертов полагают, что за 1990-е гг. люди потеряли уверенность в благоприятном исходе своего будущего (положительно оценивают данный показатель лишь 10 % алтайских и 3 % русских респондентов).

В целом экспертные оценки отражают удручающую картину итога рыночных преобразований в Республике Алтай. Данную позицию можно рассматривать как вполне компетентную, поскольку она согласуется с объективными тенденциями изменения положения дел в различных сферах жизни, зафиксированных в цифрах официальной статистики. Например, численность населения с денежными

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

доходами ниже прожиточного минимума в 1999 г. здесь составляла 61 % от общей численности населения. Продолжается рост смертности (в том числе детской) при ее общем высоком уровне² По состоянию на август 2001 г., т. е. за несколько месяцев до экспертного опроса, Республика Алтай занимала одно из последних в Сибирском федеральном округе мест по уровню денежных доходов и последнее по потребительским расходам на душу населения³ В плачевном состоянии находится промышленное и сельскохозяйственное производство. В 2000 г. официально зарегистрировано 1 734 человека безработных (3 % от числа занятых)⁴ Но известно, что реально незанятых гораздо больше, чем показывает статистика: в сельских населенных пунктах их доля доходит до 80 % от числа трудоспособных.

Отмеченные объективные тенденции и оценки респондентов находят адекватное отражение в представлениях последних о наиболее острых проблемах жизни населения Республики Алтай в современных условиях. Исследователи попросили экспертов проранжировать эти проблемы по степени остроты и получили следующую (чем ниже ранг, тем острее проблема):

1. Недостаточная предприимчивость населения республики в условиях рынка.
2. Разрушение экономических и социальных основ жизни людей в результате рыночных реформ.
3. Рост алкоголизма и наркомании.
4. Высокий уровень безработицы.
5. Недостаточный уровень национального самосознания.
6. Отсутствие единства среди национальных лидеров.
7. Рост национализма.
8. Снижение уровня жизни населения.
9. Спад промышленного производства.
10. Упадок животноводства и других отраслей сельского хозяйства.
11. Недостаточное финансирование бюджетной сферы.
12. Снижение интереса молодежи к труду, рост иждивенческих настроений.
13. Выезд квалифицированных специалистов из республики.
14. Неблагоприятная экологическая обстановка.
15. Рост религиозной нетерпимости.

Самыми острыми проблемами признаны снижение уровня жизни населения, упадок животноводства и других отраслей сельского хозяйства, спад промышленного производства, разрушение основ жизни в результате рыночных реформ, рост алкоголизма и наркомании, высокий уровень безработицы. Мнения алтайцев и русских по этим вопросам практически не отличаются. Чуть менее острыми рассматриваются недостаточное финансирование бюджетной сферы, снижение интереса молодежи к труду. Среди проблем, которые не оцениваются как серьезные, эксперты-алтайцы отметили рост национализма, религиозной нетерпимости и выезд квалифицированных специалистов из республики, а эксперты-русские — недостаточный уровень национального самосознания, рост религиозной нетерпимости и неблагоприятную экологическую обстановку. Последнее по-разному оценивается экспертами: алтайцы в большей мере, чем русские, полагают, что экологическая ситуация не является благоприятной. Как следует из ответов респондентов, есть определенные проблемы и с наличием единства среди национальных лидеров. Общими группами экспертов этот вопрос не отнесен к числу наименее острых.

Таким образом, все эксперты из числа политической и научной элиты Республики Алтай наиболее острыми рассматривают экономические и социальные проблемы, порожденные рыночными реформами. При ранжировании первоочередных мер для решения этих проблем и развития Республики Алтай большинство алтайских и русских экспертов считают первоочередными подъем экономики и

уменьшение безработицы (84 % экспертов-алтайцев и 90 % экспертов-русских). Далее по степени важности те и другие выделяют сохранение и развитие села, обеспечение доступности образования и работы для молодежи, формирование слоя предпринимателей и бизнесменов, улучшение здоровья населения. Наименее значимыми обе группы экспертов считают меры политического порядка: по их мнению, не являются актуальными задачами пропорциональное представительство народов Республики Алтай в органах власти и самоуправления, увеличение этого представительства для своего этноса, расширение связей со славянскими или тюркскими народами.

Несмотря на предельно критическую оценку результатов влияния рыночных реформ на современное положение населения Республики Алтай, эксперты являются людьми здравомыслящими. При определении путей развития своей республики они не являются сторонниками той крайней позиции, которая, казалось бы, является оправданной в сложившихся условиях, а именно, позиции, отвергающей всякие рыночные преобразования. Эксперты стоят за разумные реформы, результатом которых стало бы оптимальное сочетание традиционной экономики и культуры с бизнесом и современной промышленностью. Так считают 75 % экспертов-алтайцев и 97 % экспертов-русских. Эта позиция соответствует современным представлениям о модернизационных процессах, согласно которым последние могут быть успешными только в том случае, если базируются на сложившихся в данном обществе традициях, а не отвергают их.

Четко проявляя себя сторонниками смешанной экономики, эксперты в то же время высказываются за вполне определенное сочетание коллективной и частной форм собственности. По мнению большинства, первая должна преобладать. Так, на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, необходимо предпринять властям всех уровней для успеха проведения нынешних реформ в Республике Алтай?», 47 % экспертов-алтайцев и 57 % экспертов-русских отметили ответ «Более решительно развивать предприятия и учреждения государственной и коллективной форм собственности». Предпочтение более решительному развитию частной собственности (в промышленности, сельском хозяйстве, сфере обслуживания) отдали лишь 21 % алтайских и 27 % русских экспертов. К идее купли-продажи земли политическая и научная элита Республики Алтай относится в своем большинстве отрицательно: так высказалось свыше 2/3 экспертов-алтайцев и 3/4 экспертов-русских. Причем такое отношение одинаково касается купли-продажи пахотных земель, пастбищ и сенокосов. Что касается охотничьих угодьев, то лишь 5–7 % экспертов полагают, что их целесообразно продавать и покупать, а 80–87 % высказались против купли-продажи этих территорий.

В пользу рыночного оборота пахотных земель, пастбищ и сенокосов высказалось 16 % алтайских и 13 % русских экспертов. Сторонники купли-продажи земли используют для аргументации своей позиции такие мотивы: «на земле будет хозяин», «это даст возможность дополнительных доходов», «это обеспечит финансовую базу для детей». Мотивы отрицательных ответов по данному вопросу в основном следующие: «это приведет к разбазариванию земель», «для приобретения земель у крестьян нет денег, поэтому их скупают спекулянты и мафия», «это противоречит традициям народов Горного Алтая».

95 % алтайцев и 80 % русских полагают, что при государственной поддержке (выделение кредитов, обеспечение налаженного сбыта продукции и др.) в Республике Алтай существуют перспективы развития родовых и фермерских крестьянских хозяйств. Но ни один эксперт не считает, что такие перспективы есть у тех форм организации и поддержки хозяйств, которые существуют в настоящее время.

Одним из часто обсуждаемых вопросов для Республики Алтай является вопрос о ее статусе. Свыше 75 % экспертов (и алтайцев и русских) полагают, что важную роль в развитии республики могли бы сыграть ее особый статус, обусловленный географическим положением и природно-климатическими условиями. Главное, на что все рассчитывают, – это получение некоторых привилегий в финансово-бюджетной политике со стороны федерального центра.

Другой серьезный вопрос – это вопрос о самоуправлении. Свыше 2/3 алтайцев и 1/2 русских положительно относятся к идее местного самоуправления. Однозначно отрицательную позицию занимают 20 и 30 % экспертов соответственно. Но эта идея понимается по-разному и отдельными лицами, и представителями разных национальностей. Так, при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, имеют ли органы местного самоуправления достаточно возможностей и самостоятельности, чтобы эффективно действовать в следующих сферах?», более-менее согласованное позитивное мнение прослеживается лишь в отношении таких сфер, как охрана окружающей среды и межнациональные отношения: по этому поводу положительно высказались 50–60 % и алтайцев, и русских, отрицательно – 15–20 % экспертов. По отношению к возможностям местного самоуправления в решении проблем здравоохранения, жилищных вопросов, социального обеспечения преобладают скептические оценки: негативные ответы дали 63 % алтайцев и 50 % русских. По остальным сферам жизни экспертные оценки достаточно противоречивы. Так, в отношении проблем занятости и трудоустройства, борьбы с преступностью, культуры и отдыха мнения алтайцев разделились: около 40 % экспертов полагают, что местное самоуправление может эффективно решать эти проблемы, столько же из них придерживаются проти-

воположного мнения. Лишь 10 % алтайцев отмечают возможную позитивную роль местного самоуправления в развитии экономики, а 68 % считают иначе. У русских экспертов позиция противоположная: 50 % дали позитивные ответы, 30 % – отрицательные. Аналогичная картина наблюдается в отношении социального обеспечения: среди алтайцев 26 % настроены положительно, 63 % – отрицательно; среди русских – 40 и 50 % соответственно.

Очевидно, что идея местного самоуправления как фактора социального развития республики требует более тщательной проработки и конкретного наполнения для каждой из сфер жизни населения. Только при этом условии она может быть положительно воспринята как политической и научной элитой, так и населением в целом.

В заключение отметим, что аналогичные социологические экспертизы, проведенные в Хакасии, Туве, Эвенкии, дали результаты, во многом сходные с описанными выше по Республике Алтай. При этом в указанных регионах экспертами выступали представители не только политической и научной элиты, но и более широкий круг интеллигенции и служащих: педагоги, врачи, работники торговли, предприниматели и др. Все это дает основание говорить о схожей позиции многих народов Сибири в отношении оценки российских рыночных реформ конца XX – начала XXI в.

Примечания

¹ См.: Костюк В. Г., Попков Ю. В., Туужекова В. Н. Проблемы развития хакасского этноса в условиях российских реформ 1990-х гг. (социологическая экспертиза). Абакан, 2000; Попков Ю. В. Проблемы этносоциального развития народов Центральной Азии в условиях современной модернизации // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. V межд. научн. конф. (20–24 сент. 2001 г. г. Ховд, Монголия). Томск: Изд-во ТГУ, 2001; Попков Ю. В. Взаимосвязь этносоциального развития с глобализацией, интернационализацией и национальной фрагментацией // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематич. сб. Новосибирск: НГУ, 2001. Вып. 4; Плюснин Ю. М., Калугина З. И., Соболева С. В., Попков Ю. В. Концепция устойчивого социального развития Алтай-Саянского экорегиона. Новосибирск: НГУ, 2002.

² Аналитическая записка Госкомстата Республики Алтай, подготовленная в 2000 году. Горно-Алтайск, 2001. С. 33

³ Социально-экономическое положение регионов Сибирского федерального округа в январе–сентябре 2001 года. Горно-Алтайск, 2001. С. 51.

⁴ Республика Алтай в 2000 году. Стат. ежегодник. Горно-Алтайск, 2001. С. 62

Э. Глендининг
(г. Абердин, Великобритания)

СЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА, МИГРАЦИЯ И БЛАГОПОЛУЧИЕ: НАСКОЛЬКО АКТУАЛЕН АНАЛИЗ ЖИЗНИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ИЗ СЕВЕРНОЙ ШОТЛАНДИИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ СИБИРИ *

Введение

В настоящей статье рассматриваются результаты интервью (в основном интервью с фокус-группами) с представителями сельской молодежи, которые затем сопоставляются с вопросами их миграции, благополучия. Мы будем опираться на данные исследований, проведенных в сельских районах Северной Шотландии, и попытаемся показать актуальность результатов этого исследования для молодежи сельских районов Сибири. В настоящей статье акцент делается на данных, полученных в результате опроса молодых людей 16–18 лет, так как именно в этом возрасте сельская молодежь Шотландии сталкивается перед выбором: продолжать образование или пойти на молодежный рынок труда, уехать или остаться в своей местности ¹. В статье анализируются выдержки из интервью, в которых молодежь рассуждает на темы, касающиеся их среды обитания, привязанности к родному дому, миграции. Эти темы в последние годы нашли широкое отражение в социологических исследованиях, посвященных анализу жизненного опыта и перспектив сельской молодежи.

Миграция. Исторически отъезд молодых людей с Северо-Шотландского нагорья считался ключевой проблемой ², однако и до сих пор она остается актуальной для современных шотландских исследователей ³, политиков ⁴ в сельских районах не только Северной Шотландии, но и Великобритании ⁵ и Западной Европы ⁶. Однако, согласно данным исследований сельской молодежи Ирландии, прове-

* Исследование финансировалось организацией Chief Scientist's Office, проект № NK/OPR/2/2/D28. Статья выражает мнение автора, а не финансирующей стороны. Аналогичные исследования проводились в Швеции и Норвегии (Глендининг и др., 2000).

денных Ni Laoire (2000) ⁷, причины отъезда молодых людей из сельских районов могут быть довольно многообразными. Некоторые уезжают из-за того, что не находят применения избранной карьере, другие хотят посмотреть мир, для третьих жизнь в селе представляется жизнью в замкнутом пространстве, для четвертых миграция – это шаг к независимости и «взрослости». Кроме того, существует вопрос и обратной миграции: возвращаться или нет домой к своим корням? В своем исследовании сельской молодежи Северной Норвегии ⁸ Дальстром (Dahlström) показал, что существуют как «притягивающие» факторы, связанные с образовательными возможностями, которые влекут молодых людей в большие города, так и «отталкивающие», связанные с распространенным мнением о том, что жизнь в сельских районах носит замкнутый характер, накладывает определенные ограничения и жесткий контроль и в эту жизнь не вписывается такая группа населения, как молодежь, в особенности молодые женщины.

Благополучие. Кроме проблемы оттока молодежи из сельских районов Северной Шотландии и других частей Западной Европы, а также связанной с этим социальной обстановкой, возникает вопрос влияния воспитания в условиях сельской местности на благополучие молодых людей. Наряду с идиллическими картинками детства в деревне, по крайней мере в Великобритании, сельская местность всегда считалась здоровой средой обитания для детей и молодежи. Некоторые исследователи ⁹ оспаривают данное утверждение, считая, что именно несоответствие между «идиллией» деревенского детства и реальностью деревенской жизни для взрослых является главной, непреодолимой проблемой для сельской молодежи. Кроме того, имеется мало прямых доказательств того, что деревенская жизнь молодежи имеет более здоровый характер, нежели жизнь в городе, поскольку в сельских районах Северной Шотландии также получили распространение сигареты, алкоголь, нелегальные наркотики, что едва ли говорит в пользу идиллии сельского воспитания ¹⁰ Связывая вопросы благополучия молодежи с ежегодно возникающими проблемами отъезда молодых людей из деревни в город, Джонс (Jones) и Джеймсон (Jameson) ¹¹ установили, что для молодежи сельских районов Шотландии существует дилемма: остаться или уехать. Более того, Элдер (Elder) и др. ¹² обнаружили, что на фоне «тяжелых времен» в сельских районах западных штатов Америки привязанность молодежи к своему дому и необходимость покинуть родные места имеют огромное влияние на чувство собственного «я» среди молодежи и на ее эмоциональное благополучие.

Методы

Широкомасштабное исследование было сконцентрировано в восьми сельских районах, разбросанных по всей Северной Шотландии, каждый из которых находился по крайней мере в 50 км от крупных населенных пунктов. Местность и социально-экономические условия этих поселений достаточно многообразны. Дополнительные интервью с фокус-группами, состоящими из молодых людей, были проведены в четырех из восьми поселений; они еще раз подчеркнули значительное разнообразие условий проживания в данных сельских поселениях.

Сельские поселения. Интервью с фокус-группами проводилось в следующих сельских поселениях:

1. Лервик (о-ва Шетланд (Shetland)) – располагается далеко к северу от основной островной части Шотландии. Между Лервиком и Абердином существует воздушное и паромное сообщение. Острова Шетланд когда-то являлись частью Норвегии, и как следствие, теперь имеют богатую историю и культурные традиции. Здесь находится главный город островов, а также многочисленные деревни и фермы, разбросанные по всему массиву островов. Здесь вы найдете лишь маленькие местные магазинчики. Торговля со стороны международных транснациональных фирм, таких как, например, Мак-Дональдс, здесь запрещена. Основными промыслами на островах являются рыболовство, фермерство, развит туризм, а с 1970-х гг. местная экономика стала развиваться за счет добычи нефти. Развитие нефтяной промышленности послужило толчком к усилению притока рабочей силы извне, а также привело к существенному улучшению инфраструктуры.

2. Гарлок – расположен на западном побережье Шотландии с ближайшим крупным городом Инвернес, находящимся в трех часах езды. Поблизости нет городов, а лишь маленькие деревушки вдоль побережья и разбросанные небольшие поселения и фермы. Местная экономика держится на рыболовстве, лесоустройстве, фермерстве, а главное, на туризме. В последние годы наблюдается значительный приток населения в данный регион с юга Шотландии, желающего открыть туристический бизнес, заниматься надомной работой или остаться на постоянное местожительство после выхода на пенсию. В прошлом национальным языком данной местности был галльский, а не шотландский или английский.

3. Турсо – расположен на окраине северного побережья Шотландии, в трех часах езды от ближайшего крупного центра Инвернес. Здесь имеются небольшие поселки, деревни, единичные поселения, фермы. Главные источники трудоустройства – местная атомная электростанция и завод по переработке радиоактивных отходов, построенные в 50-х гг. прошлого столетия. Хотя в данном регионе развиты рыболовство, фермерство, туризм, здесь наблюдается значительный уровень безработицы.

4. Абоин – крупная деревня на востоке Северо-Шотландского нагорья, находящаяся в непосредственной близости от крупного регионального центра – Абердин. Небольшая часть местного населения занята в сельском хозяйстве, туризме. Более значительная часть местных жителей представляет собой «средний класс», работающий в нефтяной промышленности и в городе. В Абердине ярко прослеживается тенденция «интрификации» – переселения состоятельных слоев населения из городов в сельскую местность.

Широкомасштабный опрос. В целях опроса были контактированы все молодые люди трех возрастных групп (12-ти, 13-ти и 16-ти лет) в восьми географических центрах. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на группе 16-летних респондентов, которые завершили четыре года обязательного неполного среднего образования. Примерно 1/5 часть данной группы респондентов уже покинула школьную скамью, примерно такая же часть покинула родные места. Те 16-летние подростки, которые вернулись, чтобы закончить курс полного среднего образования, были проконтактированы исследователями, занятыми в данном проекте, лично. С молодежью, покинувшей школу, исследователи связывались с помощью почтового опроса. В целом 90 % респондентов ответили на поставленные вопросы и возвратили анкеты. Этот процент увеличился более чем до 95 % среди школьников после повторных писем, звонков, визитов со стороны команды исследователей. Только 2/3 выпускников девятилетки, уже покинувших родные места, ответили на вопросы анкеты. Со стороны респондентов был проявлен искренний интерес, и большинство оставило дополнительные замечания, комментарии в конце опросника. Последующая проверка обнаружила, что неучастие в почтовом опросе не было связано с местом проживания молодых людей, их социально-экономическим статусом или фактом оставления родительского гнезда.

Дискуссии в фокус-группах. Программа исследования предполагала предварительные пилотажные интервью до начала стадии почтового опроса. Дискуссии в фокус-группах состоялись в четырех из восьми географических точках, отобранных для исследования. В каждой из них были отобраны по четыре фокус-группы, с которыми проводили интервью профессиональные исследователи. Каждое интервью длилось не менее одного часа. Беседа велась с 3–4 друзьями одного пола. Возраст участников колебался от 16 до 18 лет. Интервью проводились не только внутри, но и вне школ. Часто назначались повторные встречи по просьбе самих молодых людей вследствие большого интереса к исследованию.

Результаты интервью с фокус-группами

Вначале опыт и восприятие сельской жизни значительно отличались между группами респондентов в зависимости от места проживания и пола, но были также очевидны и общие черты во взглядах молодежи на данную тему. Например, что:

1) *«деревенский ребенок» окружен вниманием и заботой.* В групповых обсуждениях было выявлено, что детство, проведенное в сельской местности, имеет ряд отличительных особенностей: безопасная среда обитания, свобода для самовыражения. Молодые люди оценивали деревенское общество как сплоченное и заботящееся о человеке, со сложившейся системой социальной поддержки, не имеющее социальных и экологических проблем большого города;

2) *«там нечем заняться» и отсутствуют привычные городские удобства и услуги.* Тем не менее молодежь противопоставляет детство в деревне и деревенский образ жизни нынешнему своему положению. Деревенская жизнь хороша для детей, но не столь заманчива для тинэйджеров. Негативные представления часто были связаны с мнением, что «в деревне молодежи нечего делать». Общим представлением было недостающее количество услуг, возможностей для развлечений и отдыха сельской молодежи, проблемы с транспортом, социальная изоляция, ограниченное количество групп сверстников;

3) *«жизнь в золотой клетке» и проблемы контроля и вмешательства в личную жизнь в сельской местности.* Положительный образ сплоченного деревенского общества, где каждый знает друг друга, сочетается с оценкой этого сообщества как «золотой клетки» или аквариума для золотой рыбки, где все просматривается и поведение людей является предметом для обсуждения, контроля и социальных санкций. Молодые люди отмечали, что окружающие считали их источником проблем, не включали их в жизнь деревенского общества и не давали права голоса в решении местных проблем.

Остаться или уехать. Будущее молодых людей в деревне, вопрос остаться или уехать является еще одной определяющей чертой сельских сообществ, однако здесь картина не является однозначной. В некоторых районах, несмотря на трудности и страхи, отъезд воспринимается в положительном свете, как необходимое условие для дальнейшей учебы и работы или для того чтобы посмотреть мир. Часто молодые люди говорят о своих планах вернуться в родные места в будущем. В других районах значительное число молодых людей считают, что они, по-видимому, останутся в своей местности, но не всегда по положительным причинам. Третьи говорят, что они вынуждены уехать, так как им негде учиться и работать. В своих группах молодые люди обсуждали многие особенности деревенской

жизни (например, проведение досуга, культурные ценности), но главным при всех обсуждениях был все-таки переход от детства к юности в условиях села. Молодые люди представляют сельскую общину как поддерживающую их, с одной стороны, и ограничивающую – с другой. Все это связывалось с необходимостью учиться дальше и работать. Поэтому ставился вопрос: уезжать или оставаться. Те же самые вопросы были включены в широкомасштабный почтовый опрос, что дало возможность нарисовать общую картину, а также вопросы автономии, независимости, участия в местной жизни.

Результаты широкомасштабного почтового опроса

Пункты анкеты были отобраны на основе обсуждений в фокус-группах, чтобы с их помощью исследовать восприятие молодежью деревенской жизни, их самовосприятие и ощущение благополучия.

Сельская жизнь и привязанность к месту. Говоря о взаимосвязи между восприятием жизни в тесном сообществе и намерением мигрировать, анализ анкетного опроса показал, что отношение к «хорошему месту для воспитания детей» и для «молодых людей вроде меня» тесно связано с привязанностью к родному дому и намерением остаться или уехать. Эта связь была настолько сильной, насколько сильными были материальные и социально-экономические соображения молодых людей о перспективе остаться и найти трудоустройство и жилье у себя на родине. Представляет интерес и то, что такие факторы повседневной жизни, как проблемы с транспортом, отсутствие удобств и магазинов, не влияли на желание молодых людей уехать или остаться. Не имели влияния и такие факторы, как представление деревенского общества в качестве заботливого, оказывающего поддержку его членам и лишь иногда вторгающегося в личную жизнь и пускающего слухи. Эти факторы считались неотъемлемой частью жизни на селе. Зато такие факторы, как замкнутость деревенской жизни, несанкционированный контроль, невостребованность молодежи, чувство изолированности от внешнего мира, тесно связывались с желанием остаться или уехать.

Сельская жизнь и благополучие. Кроме проблемы оттока молодежи из сельских районов и ее влияния на обстоятельства и социальные условия жизни молодежи существует вопрос: какую роль детство, проведенное в деревне, играет в формировании чувства собственного «я» и ощущения благополучия. По крайней мере, в Шотландии деревенское детство предполагает здоровую среду обитания для подрастающего поколения. Данные опроса адресуют этот вопрос. В целях расшифровки в сознании молодых людей понятия благополучия в опросе использовались такие категории, как чувство собственного «я», самооценка, наличие беспокойства, депрессии, психосоматических симптомов, субъективного ощущения состояния здоровья. Опрос показал, что самовосприятие молодежи, их эмоциональное и физическое благополучие ассоциировались с: а) личным опытом жизни в деревне, как жизни либо в заботливом, оказывающем поддержку обществе, либо в такой среде, где процветают вмешательство в частную жизнь, контроль, наложение запретов и ограничений; б) опасениями за будущее, например перспективами трудоустройства по месту жительства. Интересно, что проблемы повседневной жизни, такие как недостаток удобств, магазинов, возможностей для отдыха и развлечения, не были связаны с уровнем эмоционального благополучия или самовосприятием молодежи.

Сельская жизнь, привязанность к месту, пол и благополучие. Важные различия, как в почтовом опросе, так и в интервью с фокус-группами, наблюдаются по признаку пола. В большинстве сельских районов именно женщины проявляли менее позитивный настрой, чем юноши, к тинэйджерской жизни на селе, хотя и юноши, и девушки в целом положительно описывали опыт детства. Девушки с большей готовностью воспринимали отъезд из родного дома. Юноши из фермерских семей и семей рабочего класса чаще изъявляли желание жить в деревне и быть частью своего сообщества; оставаясь приверженными местным ценностям. Молодые девушки, желающие покинуть родные места, непременно воспринимали местную жизнь как ограничивающую возможность для личного роста, навязывающую систему контроля. Девушки, выразившее желание остаться на родной земле, часто имели самую низкую самооценку и самый низкий балл по шкале эмоционального благополучия. Юноши, выразившие желание остаться, как правило, имели самые высокие баллы по шкалам самооценки и благополучия. Очевидно, что вопрос отъезда имел решающее значение для женской части участников исследования. И даже девушки, намеревающиеся остаться, не считали это позитивным шагом. В целом среди девушек и в некоторой степени среди юношей, собиравшихся покинуть родные места, наблюдалась заниженная самооценка, поскольку им либо жаль уезжать, либо они считали их нынешнюю ситуацию особенно трудной.

Обсуждение

В статье представлена эмпирическая картина жизни сельской молодежи Шотландии, основанная на собственных мнениях респондентов. Имеет ли эта картина какое-либо отношение к жизни молодежи в сельских районах Сибири?

Во-первых, мнения молодых людей свидетельствуют о том, что миграция из сельских районов связана как с «отталкивающими» факторами внутри сельского сообщества, так и с «притягивающими»

ми» факторами городской жизни, такими как образование, работа, карьера. Дальстром (Dahlström) (1996) в своих исследованиях подтверждает тот факт, что на севере Шотландии именно девушки чувствуют себя вынужденными уезжать, ибо они воспринимают сельскую жизнь как замкнутую, назойливую, ограниченную и ограничивающую. Элдер (Elder) и др. также подчеркивают, что женщины, не собирающиеся уезжать, находят свое положение двойственным, противоречивым, что оказывает влияние на их самовосприятие и эмоциональное благополучие. Однако для юношей, предпочитающих не уезжать из родных мест, так как они чувствуют себя комфортно в сельской местности с ее местной культурой и системой ценностей, будущее может оказаться не таким светлым, как это им представляется, что также может значительно повлиять на их дальнейшее здоровье и благополучие¹³

Пол играет важную роль в вопросе миграции в Шотландии и Северо-Западной Европе. Какова же картина в Сибири? Безусловно, добавочным фактором в восприятии молодежью сельской жизни в России является обязательная военная служба для мужчин, которой нет в Шотландии, но есть, например, в Греции. Данные исследований, проведенных Пилкингтон (Pilkington) (1996) и ее коллегами, рассматривающих взгляды и устремления молодых женщин России в эпоху экономических и социальных преобразований, к сожалению, не касаются изучения взглядов девушек села, хотя в последние годы явно наблюдается отток женщин из села, особенно молодых. Еще один возникающий вопрос выходит за рамки проблемы гендерных различий во взглядах и затрагивает отношение юношей и девушек села к своему дому и эпохе преобразований, затронувшей русскую деревню. Это может стать предметом изучения последующих исследований.

Изменяющаяся природа молодежных миграций¹⁴ была и остается центральной темой современных исследований как в Шотландии, так и в остальной Западной Европе. В этих исследованиях отмечается идея о том, что в период относительной общественной стабильности наблюдается усиленный процесс индивидуализации образа жизни молодежи и ее субкультуры¹⁵. В настоящей статье, конечно, невозможно осветить все аспекты проведенного нами исследования, но идея глобальных влияний и глобальной культуры, включающей также традиционные, местные, национальные культуры, образы жизни, нашли глубинное отражение в анализе молодежных дискуссий. Однако очевидно, что в одних регионах сельской Шотландии, особенно на северных островах, дискуссии обнаружили поляризацию во мнении молодежи: некоторые полностью идентифицировали себя с местом проживания, другие не проявляли никакого интереса к местной культуре.

В контексте России Пилкингтон, Омельченко, Флинн, Блюдина и Старкова (Pilkington¹⁶, Omelchenko, Flynn, Bliudina & Starkova) анализируют центрально-периферийную модель влияния мировой культуры. Ученые задают вопрос, насколько явления мировой культуры абсорбируются, ассимилируются и трансформируются в конкретной местности, и что при этом происходит с молодежной культурой. Однако, опять же, исследования Пилкингтон (Pilkington) и др. проводились среди городской молодежи, поэтому вопрос остается открытым: в какой степени мировое влияние и глобализация молодежной культуры очевидны в российской глубинке? В связи с этим интересно проанализировать и сравнить, например, способы проведения досуга среди сибирской молодежи и молодежи Северной Шотландии¹⁷

Следующей темой, которая обширно обсуждалась шотландской молодежью, была тема наркотиков¹⁸. Молодежь выразила широкий спектр мнений на эту серьезную тему, но главное, употребление наркотиков не считалось «нормальным» явлением на селе. Однако исследования показывают, что наркотики в сельской местности такое же привычное явление, как и в городах Шотландии в настоящее время¹⁹, и что наркотики являются серьезной проблемой в некоторых районах, например в рыбацких поселках на Северо-Востоке Шотландии²⁰. Озабоченность этой проблемой высказывается и в России. Но каково же истинное положение вещей в сельских районах России?

Отток молодежи из села воспринимается как очень болезненная проблема общества. Этот отток не был запланирован²¹. Следует отметить, что перспективы для оставшейся в деревне молодежи не являются радужными. Стоит сказать, что в последнее время Шотландию затронули большие изменения в социально-экономической сфере сельских районов, это повлияло на процессы притока и оттока населения из села в город. Например, наблюдается приток среднего класса, покидающего город и выбирающего местом жительства деревню. Поэтому сейчас картина сельского населения пестрая, многоликая и неоднозначная. В Шотландии решение остаться или уехать определяется многими факторами, включающими, например, наличие тесных семейных узлов, социальный класс семьи, в которой вырос молодой человек. Тем не менее Шакум (Shucksmith) считает, что многие молодые люди не чувствуют себя частью сельского общества, они не имеют голоса в решении сельских проблем. Это коррелирует и с результатами нашего исследования. В какой степени молодежь Сибири хочет остаться или покинуть родные места и чувствует ли она себя составной частью того общества, в котором живет? Насколько активно молодые люди влияют на политику и участвуют в построении гражданского общества по сравнению с советским периодом?

Наше исследование высвечивает важность понимания «сельских» проблем молодежи с привлечением их личного опыта. Некоторые исследования в Великобритании уже начали сосредотачивать свое внимание на главной проблеме сельской молодежи – несоответствии между ожиданиями и реальностью повседневной жизни в деревне. Насколько эти исследования актуальны для России? Например, считается ли, что детство, проведенное в деревне, способствует закладке крепкого здоровья и чувства социальной защищенности? До сих пор проводилось мало сравнительных исследований на тему здоровья и благополучия сельской и городской молодежи в Шотландии и остальной Европе. Поэтому важно было бы провести подобное исследование и в российском контексте.

Примечания

¹ В Великобритании молодые люди получают неполное среднее образование в возрасте 16 лет (по окончании 9-го класса). Большинство выбирает продолжение обучения в школе в течение года или двух лет. После этого выпускники средней школы либо поступают на работу, либо продолжают обучение в высших учебных заведениях.

² *Jedrej C., Nuttall M.* White Settlers: the impact of rural repopulation in Scotland. Luxembourg: Harwood Academic Publishers, 1996.

³ *Jamieson L.* Migration, place and class: youth in a rural area // *Sociological Review*. 2000. Vol. 48. P. 203–223; *Jones G.* 'The same people in the same places'? Socio-spatial identities and migration in youth // *Sociology*. 1999. Vol. 33. P. 1–22; *Stockdale A.* Towards a typology of out-migration from peripheral areas: a Scottish case study // *International J. of Population Geography* (forthcoming). 2002; *Idem.* Out-migration from rural Scotland: the importance of family and social networks. *Sociologica Ruralis* (forthcoming). 2000.

⁴ *Dey I., Jensch B.* Rural youth in Scotland: the policy agenda // *Youth and Policy*. 2000, Jan. P. 11–24.

⁵ *Shucksmith M.* Exclusive countryside? Social inclusion and regeneration in rural areas. York: Joseph Rowntree Foundation, 2000.

⁶ *Burnett J., Jensch B. & Shucksmith M.* Paypird 'Policies and Young People in Rural Development' – Final Report. The Arkelton Centre, University of Aberdeen: Aberdeen, 2001 [www.abdn.ac.uk/arkleton/paypird/].

⁷ *Ni Laoire C.* A matter of life and death?: men, masculinities and staying 'behind' in rural Ireland. *Sociologia Ruralis*. 2001. Vol. 41. P. 2.

⁸ *Dahlström M.* Young women in a male periphery – experiences from the Scandinavian north // *J. Rural Studies*, 1996. Vol. 12. P. 259–271.

⁹ *Mathews H., Taylor M., Sherwood K., Tucker F., Limb M.* Growing-up in the countryside: children and the rural idyll // *J. of Rural Studies*. 2000. Vol. 16. P. 141–153.

¹⁰ *Anderson K., Plant M., Plant M.* Associations between drinking, smoking, and illicit drug-use among adolescents in the Western Isles // *J. of Substance Misuse*. 1998. Vol. 3. P. 13–20.

¹¹ *Jones G., Jamieson L.* Young People in Rural Scotland: Getting Out and Staying On // CES Briefing. 13. University of Edinburgh: Edinburgh, 1997

¹² *Elder G., King V., Conger R.* Attachment to place and migration prospects: a developmental perspective // *J. Research on Adolescence*. 1996. Vol. 6. P. 397–425.

¹³ *Furlong A., Cartmel F.* Young people and social change: individualization and risk in late modernity. Buckingham: Open University Press, 1997.

¹⁴ *Wallace C., Kovatcheva S.* Youth in Society: the Construction and Deconstruction of Youth in East and West Europe. L.: MacMillan Press, 1998.

¹⁵ *Miles S.* Youth Lifestyles in a Changing World. Buckingham: Open University Press, 2000.

¹⁶ *Pilkington H.* 'Everyday' but not 'normal' drug use and youth cultural practice in Russia. 2001–2004. UK ESRC, R000239439 [www.regard.ac.uk].

¹⁷ *Roberts K., Fagan C.* Young people and their leisure in former communist countries: four theses examined. *Leisure Studies*. 1999. Vol. 18. P. 1–17.

¹⁸ *Galt M.* Illicit drug availability in rural areas and attitudes towards their use: young people talking // *Health Education J.* 1997 Vol. 56 P. 17–35.

¹⁹ *Barnard M., Forsyth A.* Drug use among school children in rural Scotland. *Addiction Research*, 1998. Vol. 14. P. 421–434.

²⁰ *Nuttall M.* Crisis, risk and deskilment in north east Scotland's fishing industry // *Fisheries Dependent Regions* / Ed. by D. Symes, Oxford: Blackwell Science, 2000.

²¹ *Ni Laoire C.* Conceptualising Irish Rural Youth Migration: a biographical approach // *International J. of Population Geography*, 2000. Vol. 6. P. 229–243.

ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В РАЗВИТИИ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА

С. А. Харитонова
(г. Улан-Удэ)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Человек – это кристалл культуры, ее концентрированное выражение, он же – душа культуры, ее источник, живительное начало. Легко понять, что это предполагает всестороннее развитие человека, гармонию разума и чувств, души и тела.

Культура несет в себе важнейшие для общества функции, напрямую связанные с педагогикой, основной задачей которой является формирование всесторонней культуры человека. Для достижения такой цели необходима культура воспитания и образования. Многие исследователи считают, что преобразования и изменения в культуре ведут к преобразованиям и изменениям во многих областях (науке, производстве, искусстве и, конечно, образовании). Подтверждением этого могут служить высказывания К. Шмидта, который подчеркивал, что цели культуры и образования едины. Он связывал духовные достижения в культуре и инновации в образовании: за новыми фазами всеобщего духовного развития всегда следовали педагогические перевороты в образовании. Ведь образование – неотъемлемая часть культуры, которая уходит корнями в глубокое прошлое. Взаимодействие образования и культуры (как части и целого) выступает фактором социальной жизни, ее нормой, заданной самим определением культуры, и одновременно – это аксиома культурологии.

В мире существует не один уровень культуры, к чему должны стремиться все народы, а множество «локальных» культур, каждая из которых характеризуется своими ценностями и уровнем развития. Можно говорить о самооценности культуры каждого народа, на каком бы этапе своего развития он ни находился, а также признании равноценности всех культур на земле.

М. Херсковиц, основоположник культурного релятивизма, считал, что каждую отдельную культуру нужно рассматривать как неповторимую уникальную модель, определяемую постоянной традицией, которая проявляется в присущих каждому народу специфических системах ценностей, часто не сопоставимых с ценностями других народов. В культуре каждого народа всегда есть некий «культурный фокус» – самая существенная черта этой культуры¹. В соответствии с этим подходом любая этническая культура, как и любой человек, уникальна и неповторима, являясь образом жизни отдельно человека или общества.

Рассматривая этническую (национально-специфическую) культуру, необходимо особо подчеркнуть, что она представляет лишь одну из сторон существования культуры и ее не следует смешивать с культурой этноса (нации) в целом. Культура любого народа – своеобразный итог деятельности его на всем протяжении развития, накопленный веками и тысячелетиями опыт, материализованный в предметах труда и быта; обычаи, традиции, нравственные, эстетические и другие духовные ценности. И именно (этническая) национальная культура включает в себя этнопедагогические традиции, к которым обращаются на современном этапе, когда происходит национально-культурное возрождение.

Национально-культурному возрождению в образовании способствует имеющаяся сегодня нормативно-правовая база, регламентирующая функционирование и развитие любого образовательного учреждения. Основные ее документы относятся к трем уровням: 1) международному, 2) федеральному, 3) республиканскому.

К важнейшим международным правовым актам отнесены «Всеобщая декларация прав человека», «Конвенция о правах ребенка», «Всеобщая декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей». В ст. 28–30 «Конвенции о правах человека» отмечено, что образование должно быть направлено на воспитание уважения к культуре, самобытности, языку и национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, и вместе с тем к культуре и языку других народов и мировой цивилизации в целом. Цель любой школы, как подчеркнуто в Конвенции, – подготовка ребенка к сознательной жизни в современном обществе в духе терпимости и дружбы между всеми народами, этни-

ческими, национальными и религиозными группами. Более того, в ст. 30 фиксируются права ребенка, принадлежащего к этническому или языковому меньшинству или коренному населению, на то, чтобы пользоваться своей культурой и языком, получать образование на основе этой культуры. Таким образом, Российская Федерация, как и другие государства, подписавшие эти документы, должна гарантировать реализацию названных прав, в том числе создание национальной школы, что предусмотрено ст. 30 «Конвенции о правах ребенка», где ребенок мог бы совместно с другими членами своей этнической группы обучаться на родном языке, изучать национальную историю и культуру.

Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании» в ст. 2 п. б констатирует единство федерального культурного и образовательного пространства, защиту системой образования национальных культур и региональных культурных традиций в условиях многонационального государства; в ст. 14 п. 2 – интеграцию личности в системе мировой и национальной культур через институт образования. Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, нациями, религиями, социальными группами.

Те же аспекты декларируются в Конституции Российской Федерации (ст. 26, ч. 1, 2, ст. 29, ч. 2), где обосновано право гражданина, принадлежащего к любой национальности, пользоваться родным языком, свободно выбирать язык общения, воспитания и творчества, запрещаются действия, разжигающие национальную рознь, пропаганду расового, национального или языкового превосходства²

Кардинальные изменения, происходящие в российском обществе, серьезно коснулись как организационной, так и содержательной сторон образования. Происшедшая в последние годы смена ведущих ценностей образования понуждает педагогов обратиться к базовым ценностям культуры для того, чтобы осознать новые культурные цели и задачи образования в условиях быстро меняющегося общества. И немаловажное значение в этом процессе уделяется народной культуре, которая способствует формированию идеалов, соответствующих лучшим нравственно-этическим образцам нации. Эти процессы нашли отражение и в региональном законодательстве: так, в начале 1990 г. была разработана «Концепция развития образования в Бурятии», ключевыми моментами которой являются создание максимально благоприятных условий для национального подъема и приобщение к национальной культуре. Утверждается приоритет национально-регионального компонента в содержании и структуре предметов познавательного характера, разнообразие типов национальных учебных заведений, возрождение народных промыслов, национальных ремесел, традиционной производственной деятельности и т. д.

Проблема создания и развития национальных школ становится одной из главных проблем 1990-х гг. Актуальные проблемы образования обсуждались на различных конференциях, круглых столах, национальных съездах по всей России. Можно говорить о том, что в многонациональной России с разными этнопедагогическими традициями наметилось много общих теоретических, методологических идей и концепций. При разработке и создании собственной модели национальной школы в различных регионах страны широко использовались исследования и педагогические традиции всех народов России, в этом можно видеть, по нашему мнению, полиэтничный характер Российской Федерации.

На Всебурятском съезде по консолидации и духовному возрождению нации (22–23 февраля 1991 г. в Улан-Удэ) была принята программа реформирования школы, основанная на концепции, разработанной Министерством образования РФ, согласно которой «под национальной школой понимается система образования детей, подростков, строящаяся на принципе включения их в различную этническую традицию с целью становления новых поколений ее носителей и творческих продолжателей на основе полноценного владения родным языком». Среди основных положений этой программы были следующие:

- каждый ребенок имеет право быть воспитанным в своей корневой национальной традиции;
- в содержании образования помимо общероссийского стандарта, «ядра» должен быть весомо представлен национальный компонент – в первую очередь национальный язык, литература, история, спорт, краеведение и т.д.

Развитие такой школы предполагает безусловный отказ от национальной замкнутости. Национальная школа – это система, открытая для интеграции, инокультурных компонентов в контексте развития мировой цивилизации. Это школа диалога культур, формирующая у своих воспитанников национальную и этнокультурную толерантность³

Народность и национальный характер – один из базовых принципов современной образовательной реформы. Народности образования уделено достаточно внимания в истории русской культуры, науки и педагогики (М. В. Ломоносов, Л. Н. Толстой, Н. И. Пирогов, А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, А. Н. Добролюбов, К. Д. Ушинский, Г. Н. Волков, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский). И в современных исследованиях последних лет эта проблема не обойдена вниманием. По мнению Е. П. Белозерцева, ее основными направлениями являются: концепция национальной школы; концепция поликультурного образования с целью развития межкультурной компетентности; соединение

поликультурного воспитания с глобальным; противодействие культурной экспансии Запада; семейная этнопедагогика как диалог национальных культур и педагогических традиций⁴. В данном контексте феномен народности и национального в образовании мы рассматриваем в одной синонимической плоскости. При этом народный, национальный – это относящийся к народу, жизни нации; принадлежащий народу, нации, связанный с ее интересами, выражающий ее характер; свойственный, соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению.

Многими авторами разрабатываются основные положения развития национальных школ, в которых основными являются необходимость возрождения национальных языков, расширение сферы их влияния, развитие национальных культур. Национальная система образования должна дать целостные представления о мире, общечеловеческих ценностях, национальных сокровищах; заложить оптимальный, стандартный объем (уровень знаний) для развития личности как гражданина своей страны и сына своего народа. Изучение национального языка и развитие национальной культуры, создание условий для приобщения молодежи к материальной и духовной культуре народа, формирование у подрастающего поколения гражданского самосознания, человеческого и национального достоинства – все это может обеспечить принципиально новая система образования. Поэтому, как утверждает министр образования Республики Бурятия С. Д. Намсараев, вся система образования должна быть как можно быстрее и решительнее переориентирована на возрождение и удовлетворение национальных запросов бурятского и других народов, населяющих республику⁵.

Осознание необходимости возрождения собственно этнической культуры вызвало интерес к изучению и практическому использованию многовековых этнопедагогических традиций народа. В то же время надо отметить, что этот процесс основной целью ставил не только приобщение детей разных этносов к национальной культуре, традициям, истории, языку, но и соответствие основным целям образовательной системы – получение полноценного общего среднего образования по федеральным стандартам.

Многие исследователи народной педагогики (С. Т. Шацкий, Г. С. Виноградов, Г. Н. Волков, Я. И. Ханбиков, В. Ф. Афанасьев, К. Б. Скалчак и др.) вслед за К. Д. Ушинским справедливо ставили и ставят вопрос о целесообразности взаимопроникновения и взаимообогащения народной и научной педагогики. Исследователи народной педагогики едины в том, что преемственная связь организационно-воспитательной работы с лучшими национальными традициями воспитания и обучения детей придает всей педагогической деятельности, осуществляемой как в школе, так и за ее пределами, необходимую стабильность, целостность, жизненность, обеспечивает ее эффективность. Все это подтверждает вывод К. Д. Ушинского: «Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у других народов»⁶. В современных условиях этот тезис приобретает особую актуальность. Г. Н. Волков развивает эту мысль: «В современном мире, в том числе в многонациональной России, педагогика может эффективно функционировать только в качестве этнопедагогика, которая является не просто педагогикой этноса, а педагогикой этносов, педагогикой единого небезнационального человечества»⁷. Этнизация образования реально отражала устремленность к национально-культурной локализации, обособлению этнической общности. Очевидно, что этот процесс – необходимый этап на пути национально-культурной интеграции, которая должна происходить в цивилизованных демократических рамках и осуществляться ненасильственным путем, поскольку, чтобы с пониманием воспринять другого, необходимо пройти процесс самоидентификации.

Этнопедагогизация учебно-воспитательного процесса сможет помочь глубже почувствовать национальные достоинства, острее пережить привлекательность природы каждого этноса, показать, каким чертам национальных характеров непозволительно исчезнуть из народной памяти. В доказательство обратимся к стандартному определению ЮНЕСКО, согласно которому, функционально грамотным является тот, кто может «принять участие во всех видах деятельности своей группы или общества, для эффективности которой требуется грамотность, а также может успешно применять умение писать, читать и считать для дальнейшего развития общества». Из этого определения следует, что человек может быть функционально грамотным только в том случае, если владеет культурой того сообщества, к которому принадлежит; ведь существуют ситуации, в которых одной грамотности не хватает. А поскольку в структуру культуры любого государства входят этнические культуры проживающих в нем этносов, совершенно очевидно, что для полноценного развития общества необходимо развивать и изучать все этнические культуры⁸.

Этническая культура включает не только этнические, национально-специфические, но и межэтнические, интернациональные компоненты культуры. При этом нередко те или иные компоненты культуры, являясь общими для определенной группы этносов, т. е. будучи межэтническими, одновременно могут отличать отдельные этносы этой группы от не входящих в нее этносов, другими словами непосредственно выполнять этнодифференцирующую роль. Именно культура этноса в целом обеспечивает его функционирование как системы⁹.

Современное человечество представляет собой довольно сложную этническую структуру, включающую несколько тысяч различного рода этнических общностей (наций, народностей, племен, этнических групп и т. п.), отличающихся как численностью, так и уровнем развития. Все этнические общности Земли входят в состав немногим более 200 государств. Поэтому большинство современных государств полиэтнично. Республика Бурятия не исключение: по данным переписи 1989 г. население республики составляет 1 038 252 человека, из них русских 726 165 человек, бурят 249 525 человек, а этническая картина представлена 113 национальностями.

Все это находит отражение в российской национальной политике, где декларируется полное равноправие всех наций, этнических групп. В ней заложена идея непрерывного, свободного развития национальных отношений на основе гармонии интересов всех наций и народностей. Учитывается и то, что людей без национальных особенностей не бывает, национальное органично связано с жизнью и поэтому без практического решения национального вопроса, без совершенствования национальных отношений дальнейшее нормальное развитие России невозможно¹⁰. Это следует иметь в виду в первую очередь для построения грамотной образовательной политики, как в регионах, так и в целом в России. Н. Б. Дашиева, характеризуя ситуацию в Бурятии, отмечает, что идет разделение общества на «мы» и «они». «Мы» – носители одной культуры: «нашей» этнической, и «они» – носители других культур, и между ними больше различий, чем общего. Этот тезис прост. Наша задача – выдвинуть другой тезис – «знание культур сближает людей, а незнание отдаляет их».

Исторически сложилось так, что Бурятия является регионом контактирования разных народов и племен, столкновения и взаимодействия двух систем цивилизаций – Востока и Запада. Поликультурная среда республики в основном определяется слиянием русской и бурятской этнических культур, хотя можно утверждать, что в ней присутствуют и элементы культуры других народов, проживающих на территории Бурятии. Формирование этой среды обеспечивается совокупностью различных элементов. Следует говорить не только о поликультурной, но и полиэтничной среде, истоки которой формируются в ходе длительного взаимодействия разных народов региона. В последнее время к этой проблеме начинают обращаться историки и этнологи, разрабатывая этапы периодизации формирования полиэтнической культуры.

Полиэтническая культура наравне с этнической формируется в раннем возрасте, когда ребенок непосредствен, активен, доброжелателен, психологически готов к принятию всей культурной среды как данности; когда «Я» и «Культура», которая воспринимается как его собственная, необходимая, творчески постигаемая культурная практика, тесно взаимосвязаны и неразрывны, когда происходит непринужденное общение со сверстниками и взрослыми, когда ребенок активно познает мир, когда усваиваются социальные нормы и этническая принадлежность не осознается в полной мере. Этот процесс определяется наличием поликультурной среды, а не целенаправленным педагогическим воздействием родителей или школы. Можно утверждать, что полиэтническая культура саморазвивается и каждый индивид, находящийся в поликультурной среде, неосознанно вносит свой вклад в ее развитие.

Сегодня достаточно много говорят о национальной культуре, тогда как формированию полиэтнической культуры в школе совсем не уделяется внимания, оно происходит стихийно, на бытовом уровне. Целесообразно стремиться сделать его педагогически организованным в школе и учитывать эти моменты наряду с изучением национальной культуры.

Во многих регионах России (Башкортостан, Оренбургская область, Астраханская область, республика Тыва, Хакасия, Якутия, Бурятия и т. д.) большинство образовательных учреждений, учебно-воспитательных институтов имеет полиэтнический состав учащихся, что требует от педагогов этнопедагогической компетенции, знания национально-культурных традиций народов, проживающих на данной территории. Учет национально-культурных особенностей в образовательном процессе благоприятно влияет не только на общение учащихся, но и на успеваемость (что подтвердили американские ученые). Исходя из разных теоретических и эмпирических позиций исследователи пришли к выводу, что невнимание к культурному опыту, непризнанность культурных традиций, в которых рос ребенок, в контексте обучения может подействовать (часто отрицательно) на его отношение к обучению. Ученые также утверждают, что позитивное признание, благожелательное отношение к культурному происхождению ребенка – важный фактор успешности образования для культурных меньшинств, хотя зачастую трудно найти этому объяснение¹¹.

Именно поэтому в последние годы развивается концепция **межкультурного образования** (Intercultural Education), которая основное внимание обращает на создание общекультурного пространства обучения и воспитания, что наиболее актуально для стран со смешанным этническим составом населения.

Карл Шмидт считал, что каждая национальная культура обуславливает развитие своего общества. Поэтому педагогика не только развивает личность и народ, но и человечество в целом, поскольку все народы взаимосвязаны в своем развитии. При этом, как подчеркивал К. Шмидт, научный и художественный, религиозный и государственный строй народа и ступень, занимаемая его членами, обуславливают и ступень его воспитания. Он пишет: «Задача истории педагогики – проследить, насколько

глубоко идея **человечества** (культурной взаимосвязи народов и их общности) отражается в сознании любой эпохи. Следует обратить внимание на такой подход: во-первых, для него характерно описание деталей развития образования в **среде различных национальных культур**, и, во-вторых, его предметом становится не история педагогики, а история образования в системе культур»¹²

Образовательная система на современном этапе находится на стадии реформирования. Этот процесс отражает запросы не только школы, но общества и государства. Парад суверенитетов должен смениться выработкой общенациональной идеи, в которой главный упор будет делаться на гражданское самосознание и идею многонационального разнообразия, уважения национальных культур, объединенных в единое государство. Это еще более усугубляет необходимость глубоких и качественных преобразований в образовании, которые, на наш взгляд, должны строиться с учетом следующих компонентов:

– компонент, обеспечивающий каждому субъекту процесса возможность самоидентифицироваться как представителю того или иного народа, той или иной национальной культуры и традиций, так как именно идентификация выступает одним из механизмов осознания себя через другого;

– компонент, создающий условия для вступления личности в равноправный диалог с этнокультурным окружением, иными культурами России и мира;

– компонент, позволяющий личности, гражданину страны включаться в цивилизационные процессы, основывающиеся на национальных, общероссийских и общечеловеческих ценностях;

– компонент, позволяющий учитывать происходящие в обществе процессы, которые ведут к появлению полиэтнической идентификации (субэтносы, маргинальные группы, так называемые «метисы», «полукровки» и т. д.), когда человек ассоциирует свою культуру не с одной, а с рядом этнических культур, и соответственно это определяет его потребность в адекватном знании различных культур.

Возрождение и восстановление тем или иным народом своей истинно народной образовательно-культурной сущности возможно только в единстве со всеми окружающими народами при условии культурного возрождения каждого из них. Путь возрождения – это «путь из себя к другим с возвратом к себе и во имя себя»¹³

Примечания

¹ Садохин А. П. Этнология. М, 2000. С. 66.

² Васильева М. С. Бурятская школа: методические основы развития. Улан-Удэ, 1998. С. 32–34.

³ Елаев Н. К. Настоящее и будущее бурятской национальной школы // Педагогика. 1995. № 2. С. 46.

⁴ Белозерцев Е. П. О национально-государственном образовании в России // Там же. 1998. № 3. С. 30–35.

⁵ Намсараев С. Д. Национально-культурные проблемы Бурятии и новые подходы в образовании // Проблемы развития национальной школы Бурятии: методологические основы этнопедагогики. Улан-Удэ, 1996. С. 4–7.

⁶ Бурхинов Д. М., Данилов Д. Д., Намсараев С. Д. Народная педагогика и современная национальная школа. Улан-Удэ, 1993. С. 8.

⁷ Дякиева Р. Б. Традиционная культура воспитания и национальная школа // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 169.

⁸ Палаткина Г. В. Основные направления этнопедагогизации учебно-воспитательного процесса // Этнопедагогика на рубеже нового тысячелетия: проблемы и перспективы. Ч. 1. С. 106, 108.

⁹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 22, 23.

¹⁰ Боков Х. О национальной политике России // Жизнь национальностей. 1995. № 2–3. С. 1.

¹¹ Сет Чайклин. Значение культурной идентичности в обучении учащихся, принадлежащих к культурному меньшинству // Новые ценности образования: культурная и мультикультурная среда школ. М., 1996. Вып. 4. С. 27.

¹² Крылова Н. Введение в круг культурологических проблем образования // Там же. С. 142, 143.

¹³ Белозерцев Е. П. О национально-государственном образовании в России // Педагогика. 1998. № 3. С. 30–35.

*В. А. Черных
(г. Барнаул)*

ЭТНОПСИХОТИП КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ В ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. С. ТРУБЕЦКОГО

Особенности переживаемого сегодня Россией исторического периода в очередной раз поставили проблему самоопределения и самопознания российского общества. В этом контексте особое значение имеет обращение к глубокому и всестороннему изучению тех философских, культурно-исторических идей, которые были высказаны и обоснованы в отечественной общественно-политической мысли в конце XIX – начале XX в. Преобладающее значение в связи с этим приобретает не рефлексия вопросов «Кто виноват» и «Что делать», а попытки русских мыслителей нащупать основания культурной идентичности России перед лицом окончательно менявшегося в результате тотальных модернизаций мира. В этом плане наиболее эвристичным является выделение инвариантов, свойственных русской культуре на протяжении ее многовекового развития, в их сопряжении с теми динамичными, быстро эволюционирующими комплексами социокультурной регуляции, при помощи которых осуществляется эффективная адаптация к радикально меняющимся условиям культурного бытия. Данный подход требует не только использования межпредметных связей и форм анализа, но и отказа от мессианских стереотипов, утвердившихся в отечественной культурософской и историософской мысли рубежа XIX–XX вв. Центром становится поиск таких моделей культурного и социального самоопределения, которые в реальности, а не на умозрительном уровне могли бы соответствовать коренным интересам России и, в конечном счете, задачам ее выживания и самосохранения как неповторимой социокультурной целостности.

В связи с этим особый интерес представляют сегодня идеи евразийства, к которым все чаще обращаются современные исследователи различных направлений. Одним из родоначальников евразийства был князь Н. С. Трубецкой.

Потребность разностороннего изучения культурософии Н. С. Трубецкого обусловлена несколькими моментами. Во-первых, в результате переосмысления итогов современной модернизации отечественная гуманитарная наука в очередной раз оказалась перед необходимостью критической рефлексии как либерально-европоцентристских, так и традиционалистских установок общественного сознания и связанных с ними мотивационных и поведенческих стратегий, существенно повлиявших на систему политических ожиданий общества и определенные меры допустимого воздействия на социокультурную систему современной России. Поэтому глубокое и всестороннее осмысление Н. С. Трубецким феномена модернизации и вытекающих из него последствий приобретает острую актуальность, поскольку позволяет выработать объективную точку зрения на идеологию европоцентризма и связанные с ней методы и формы модернизационных процессов, разворачивающихся в современном российском обществе.

Во-вторых, вопросы национально-культурной идентификации всегда были актуальными для русского общества. Дилемма «Запад – Восток» постоянно рассматривалась отечественными мыслителями как фактор национального самоопределения. Решение вопроса о месте, роли и цели исторического бытия России традиционно связывалось с переосмыслением ее национальных традиций, качественной специфики национальной культуры. В этом контексте обоснованный Н. С. Трубецким «исход к Востоку» давал возможность выработать новую модель «третьего пути» России, которая сегодня играет огромную роль в силу того, что подчеркивает принципиально важное значение России как уникального посредника, медиатора между культурно-цивилизированными влияниями Запада и Востока.

В-третьих, евразийская культурологическая мысль в лице Н. С. Трубецкого пыталась осознать феномен мультикультурности не как фактор, нуждающийся в преодолении, а как явление, от которого напрямую зависит социокультурная ситуация в мире. В современных условиях данная установка обретает особое значение, способствуя формированию нового отношения к культурному разнообразию и культурной самобытности как необходимым условиям сохранения человеческой цивилизации. Диалоговая модель межкультурных коммуникаций, активно развиваемая в рамках евразийства Н. С. Трубецким, имеет в настоящее время колоссальное значение, помогая утверждению ценностей так называемого «нового, или третьего гуманизма», все глубже влияющего на общественное сознание во всем мире.

Отсюда понятно, почему идеи Н. С. Трубецкого играют сегодня все большую роль и вызывают устойчивый интерес со стороны философов, культурологов, социологов, антропологов, лингвистов, этнографов.

Однако вплоть до недавнего времени труды Н. С. Трубецкого, как и других евразийцев, были мало доступны отечественным исследователям. Это объясняется, с одной стороны, тем, что большинство

евразийцев резко негативно отнеслись к революции 1917 г. и ее последствиям для русской культуры и русского народа. С другой стороны, евразийцы стояли на позициях умеренного национализма, что вступало в резкое противоречие с ценностями пролетарского интернационализма, господствовавшими в советской России. Наконец, будучи эмигрантами, евразийцы многие свои произведения писали на европейских языках, и их комплексный перевод на русский язык и комментирование не начаты до сих пор.

Вместе с тем рост интереса к евразийству и особая актуальность теоретических концепций представителей этого течения (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Г. В. Флоровского, Л. П. Карсавина и др.), лежащих в основе многих современных публикаций по проблемам самоопределения и самоидентификации русской национальной культуры, требуют более глубокого исследования культурологических идей, выработанных в рамках данного направления. В этом плане приоритет принадлежит Н. С. Трубецкому, многие основополагающие идеи которого определили «лицо» евразийства.

Этнопсихотип народа – один из структурных элементов в рамках культуры как системы в культурологии Н. С. Трубецкого. Отметим, что, учась в Московском университете, Н. С. Трубецкой занимался помимо философии лингвистикой, историей, философией, этнологией, этнографией и этнопсихологией.

В этот период особый интерес имела психология народов, представленная на русской почве прежде всего работами петербургской школы во главе с В. М. Бехтеревым и исследованиями харьковской психологической школы, берущей начало в трудах А. Потебни. С другой стороны, стала развиваться и так называемая концептуальная психология, своеобразие которой заключалось в концентрации внимания на взаимоотношениях сознания и среды.

Традиционно родоначальником «концептуальной психологии» считают И. Канта, который отошел от традиций философии Просвещения и совершенно по-другому стал трактовать природу сознания. Для И. Канта вопрос о развитии сознания не связан с требованиями ясности и отчетливости знания: это прежде всего вопрос развития сознания в процессе его деятельности в мире. Однако, открыв новую парадигму рассмотрения сознания, И. Кант не пошел дальше, работая в рамках старых терминов и парадигм. Сделать следующий шаг попытался И. Ф. Герберт, уточнивший многие кантовские понятия и обосновавший дальнейшие методы изучения сознания в контексте действительности. Большую роль играла и попытка синтеза идей И. Канта и Д. Локка в работах Т. Фихнера, Р. Авенариуса, В. Вундта и Г. Пауля. Ставя своей целью установить, соответствуют ли ментальные операции группы индивидуальным, эти исследователи пытались обнаружить шаблонные правила, используемые сознанием, и для этого изучали культуры, которые наряду со стимулами среды оказывали непосредственное влияние на индивидуальное (или групповое) сознание.

Следует особо отметить важность идей Т. Фихнера, труды которого были включены в университетские программы и которые хорошо знал Н. С. Трубецкой. Т. Фихнер подчеркивал значение признания относительности наблюдаемых данных и необходимость индивидуальных характеристик наблюдателя при изучении социально-психических процессов. Он выявил фундаментальную триаду «концептуальной психологии», которую признавал и Н. С. Трубецкой: ментальные процессы, среда, культурное наследие. В предлагаемой им модели учета индивидуальное сознание рассматривается в сопряжении с групповым, при этом группа выступает не как сумма индивидов, а как их новое качественное состояние, обладающее собственной спецификой.

Опираясь на идеи Т. Фихнера, В. Вундт, в свою очередь, выделял и исследовал те шаблоны, которые управляли мышлением. Он синтезировал групповую и индивидуальную психологию, разрабатывая психологию народов, цель которой – объяснить различные «системы», в которых проявляется индивид: семью, народ, культуру. В. Вундт считал, что тесную связь индивида и группы (народа, культуры) обеспечивает язык. При этом индивид использует язык так, как группа (народ, культура). Он полагал, что простые ментальные процессы таковы у всех членов языкового сообщества, а более сложные – индивидуальны. Той же точки зрения придерживался Г. Пауль. Отметим, что данное положение, которое разделял Н. С. Трубецкой¹, похоже на идею Ф. де Соссюра о различении языка и речи. По мнению Г. Пауля, наука должна изучать не отдельные артефакты культуры, а их системы. Это значит, что в сфере, например, языка, синтаксис, морфология, важнее, чем этимология. Поэтому на первый план при данном подходе выдвигались не изучение генезиса продуктов культуры, а их использование, характер воплощения.

В дальнейшем данное направление развивалось в работах В. Дильтея, на которые также ссылался Н. С. Трубецкой. Он полагал, что само сознание обуславливает те формы, в которых оно исследуется. Способности сознания нельзя объяснить исходя из набора ментальных элементов или «шаблонов». В. Дильтей отмечал, что структуры сознания (ментальность) формируются вокруг души, затем этот структурный континуум развивается, стремясь к внутренней и внешней стабильности. Поскольку такая стабильность возможна, каждая культура имеет свои собственные ценности, идеалы, эталоны.

В дальнейшем эти идеи В. Дильтея рефлексировались в работах Э. Маха, которые наряду с трудами Р. Авенариуса были чрезвычайно популярны в России конца XIX – первой трети XX в. Э. Мах исследовал, каким образом сознание «концептуализируется» внутри культурного контекста. Он полагал, что «концептуализации» относительны, их источником могут оказаться меняющиеся условия природной и социокультурной среды. Их могут направлять и обуславливать меняющиеся цели и интересы: «концептуализации» могут вступать в противоречие с ранее существующими ментальными системами или испытывать кризисы из-за неадекватного анализа данных, наличных условий. Имеющийся континуум «концептуализации» составляет базу психологии народа и становится культурно-историческим явлением. Сама культура, по мысли Э. Маха, устанавливает корреляционные связи между знаниями индивида, его ментальностью, интенциональностью и исторической жизнью культурных институтов.

Следующий этап в развитии «концептуальной психологии» представлен работами З. Фрейда² Одна из самых известных историков психологии К. Арэнс отмечает, что идеи, развиваемые З. Фрейдом, во многом отражаются на работах Э. Маха, В. Вундта, В. Дильтея, Г. Пауля³ При этом она отмечает также, что З. Фрейд, будучи представителем данного направления, много сделал для утверждения психологии как науки о культуре; для описания человеческой индивидуальности, ментальности группы и индивида как продуктов культуры, истории и среды; для доказательства того, что человек, имея дело с культурой и средой одновременно, стремится как к стабилизации, так и к самопознанию, самовыражению⁴

Следует отметить, что сторонники «концептуальной психологии» пытались рассматривать психологию индивида и группы (народа) в динамике, синхронных и диахронных рамках. При этом они подчеркивали не дихотомию субъективного – объективного, а проблему культурно-исторических контекстов. Все это оказало на Н. С. Трубецкого, работающего в схожей парадигме, существенное влияние.

Н. С. Трубецкой полагал, однако, что учение о бессознательном З. Фрейда достаточно непродуктивно, если речь заходит об анализе литературных произведений. Поэтому следует проводить границу между общетеоретическими построениями психоаналитической школы, эффективными при анализе культуры, и собственно психоаналитическим методом, применяемым в рамках литературоведения⁵ Рассматривая проблемы, связанные с постижением сущности культуры, Н. С. Трубецкой отмечал, что создание культуры, отношение к ней, ее познание обусловлено особой психологией, которая, в свою очередь, «окрашивает» культуру того или иного народа, делая ее неповторимой, яркой, узнаваемой.

Ментальность народа – основа самобытности культуры. Ментальность характеризуется системностью, целостностью. Она определяет отношение народа к природе, другим народам, самому себе⁶. Поэтому главная задача любого народа, создающего культуру, особенности которой определяются его психотипом, – самопознание. Н. С. Трубецкой полагал, что самопознание – это «синтез между относительным, субъективным и абсолютным», «столь же дело правильного мышления, сколько и дело нравственной жизни»⁷. Результаты самопознания, которые определяют выбор пути данным народом и средства достижения им самоидентичности, зависят не только от психотипа самого народа, но и от степени и форм познания⁸

Н. С. Трубецкой определяет народ «как психически целое, как известную коллективную личность»⁹, которой кроме специфических форм самопознания (а они могут варьироваться от строго-логических до иррационально-мистических¹⁰) присущи душа, определенный чувственный настрой, миропонимание, мирочувствование. «Личность-народ», или «этнический субъект», меняется исторически, вместе с этим меняются и результаты народного самопознания: они разные на каждом этапе его существования. Народ в своем социокультурном развитии руководствуется двумя принципами: «познай самого себя» и «будь самим собой». Истинное самопознание выражается, по Н. С. Трубецкому, «в гармонически-самобытной жизни и деятельности данной личности. Для народа это – самобытная национальная культура»¹¹ Таким образом, можно сказать, что для Н. С. Трубецкого культура выступает прежде всего результатом самопознания народа-личности в процессе его социально-исторического бытия, воплощением его психотипа.

При этом Н. С. Трубецкой является сторонником так называемого психологического параллелизма. Он полагает, что душевная жизнь индивида включает в себя в обязательном порядке элементы национальной психики, а «духовный облик каждого отдельного представителя данного народа непременно имеет в себе черты национального характера»¹². Поэтому индивидуальное самопознание способствует самобытности национальной культуры, которая является «коррелятом национального самопознания»¹³ Самопознание детерминировано внешними условиями и чертами национального характера. Сам же национальный характер для Н. С. Трубецкого выступает как «слагаемое из отдельных индивидуальных характеров»¹⁴. В истории существует большое количество разнообразных национальных характеров и психологических типов, поэтому для Н. С. Трубецкого очевидна невозмож-

ность общечеловеческой культуры. Он полагает, что, являясь «этнографической особью»¹⁵, он характеризуется не только национальным характером, но и духовными потребностями, формами жизни, из него вытекающими¹⁶. Культура является стабильной только тогда, когда гармонирует с психологическими особенностями своей «этнографической особи». Поэтому «как только культура переносится на народ с чуждым психическим укладом, весь смысл ее самобытности пропадает и сама оценка культуры меняется»¹⁷. Являясь личностью, народ сообщает личностный потенциал и культуре. При этом для Н. С. Трубецкого «наряду с частночеловеческими личностями существуют личности многочеловеческие, как частнонародные, так и многонародные...»¹⁸ Многочеловеческие, или соборные, личности получают у него название «симфонические»¹⁹. Таким образом, он конструирует личностную структуру мира человеческой культуры, называя общую науку о ней «персонологией».

Акцентируя психологический момент в культуре, Н. С. Трубецкой полагает, что в межкультурных коммуникациях необходимо учитывать следующее: «в психологии каждого человека (как и народа. – В. Ч.) нам непосредственно понятны и доступны только те черты, которые общи у него с нами»²⁰. Это объясняет не только причину непонимания, неадекватных интерпретаций и враждебности, но и значение наблюдателя, изучающего культуру, сказывающего о ней, так как «психика народа с культурой, непохожей на нашу, будет всегда казаться элементарнее, чем наша собственная»²¹. Поэтому Н. С. Трубецкой резко критикует европейскую этнологию, антропологию и историю культуры, так как они не учитывают «психокультурной дистанции», подменяя объективность субъективностью, а научность квазинаучностью. Культура, по мнению Н. С. Трубецкого, является в определенной мере отражением и воплощением тех познавательных схем (когнитивных образов), которые обусловлены данным психотипом²². На основе этих схем народ разворачивает свою деятельность, культурную и социальную активность, выстраивает строго определенные формы и содержание различных культурных сфер: философии, этики, искусства, религии, науки. Данные психологические схемы, на базе которых осуществляется духовное творчество, «вовсе не носят характера чего-то нарочито обдуманного. Наоборот, они подсознательны и существуют в психике как неосознанная причина той психической инерции, благодаря которой все элементы психического материала сами собой укладываются именно в таком, а не в ином порядке»²³, – отмечает Н. С. Трубецкой.

Психотип народа, по мнению Н. С. Трубецкого, это то, что не дано, а задано²⁴. Однако он содержит в себе и элементы благоприобретенные. На основе этого исследователь выводит закон, лежащий в основе межкультурного взаимодействия: «Всякую психику можно предоставить себе как некую дробь, в которой числитель есть общая сумма доступных нашему восприятию врожденных черт, а знаменатель – общая сумма благоприобретенных... психика будет казаться (как и культура, с ней связанная. – В. Ч.) тем более элементарной, чем дробь меньше... Дробь будет тем меньше, чем больше отличается культура и социальная среда наблюдаемого от культуры и социальной среды наблюдателя». Народ, понимаемый Н. С. Трубецким как личность, создавая культуру, закладывает фундамент для ее типологизации. Мыслитель выделял микротипы и макротипы культуры в зависимости от характера народа-личности, ее создающего (частнонародные или многонародные личности). В силу того что культура – это всегда творчество ценностей, а творчество не может быть безлично, и сама культура определяется Н. С. Трубецким в качестве личности.

Поэтому в самом общем определении культура для Н. С. Трубецкого – совокупность творческого потенциала личности, понятой чрезвычайно широко. Как и всякая личность, культура проявляется в индивидуации, т. е. в состоянии качественной определенности. В культуре индивидуации существуют в синхронии и диахронии или в их сочетании.

Используя христианскую парадигму, положения теологии культуры, святоотеческую традицию, Н. С. Трубецкой полагает, что каждый народ выступает как индивидуация более общей личности, которая в своем пределе восходит к божественной сущности. «Личность» должна быть определена как наличие абсолютного в конкретном, мера совершенного в несовершенном. Отсюда следует возможность выстроить все личности в иерархию по типу их сопричастности ко всеобщему и по типу их вхождения друг в друга, по типу общей соподчиненности. Каждая личность конкретно существует в контексте этой иерархии личностей. С одной стороны, она является индивидуацией более совершенной личности, а с другой – сама образует нисходящую иерархию индивидуаций²⁵. Данную теорию Н. С. Трубецкого уже после его выхода из евразийства в полной мере развил Л. П. Карсавин²⁶.

Отечественную культуру Н. С. Трубецкой определял как «русскую соборную личность»²⁷ и устанавливал ее иерархическую соподчиненность по отношению к романогерманской, византийской, славянской, туранской.

Следует особо подчеркнуть, что понимание культуры как личности давало Н. С. Трубецкому ряд возможностей. Во-первых, можно было акцентировать психосоциальные детерминанты развития культуры, ее сугубо человеческий характер. Во-вторых, укоренить понимание культуры в соборной христианской традиции. В-третьих, показать культуру с точки зрения творческого потенциала преобразования народа, нации, этноса на основе самопознания. В-четвертых, подчеркнуть ее системный

характер, проанализировать ее в живом движении и развитии, как органическую целостность. Все это дало Н. С. Трубецкому возможность представить живую жизнь культуры в ее динамике, соподчиненных связях и многообразных творческих проявлениях.

Итак, системно-структурный метод анализа культуры, разработанный Н. С. Трубецким, позволил ему выделить инвариантные элементы: «антропogeографический, или культурный», ареал, язык, религию, социально-государственные институты и этнопсихотип, исследование которых в конкретно-исторических контекстах дало мыслителю возможность разработать оригинальную теоретическую модель России – Евразии, обладающую выраженной культурно-исторической спецификацией. Евразийская трактовка русской культуры способствовала новому пониманию проблем самоопределения России в новых социокультурных условиях послеоктябрьского периода. Востребованность идей Н. С. Трубецкого, попытки их развития философами, филологами, этнографами, культурологами, историками – лучшее доказательство их эвристичности и актуальности.

Примечания

- ¹ Трубецкой Н. С. Избранные труды. Киев, 1998. С. 409–411.
- ² См. об этом подробнее: *Arens K. Structure of Knowing: Psychologies of the 19th cent.* Kluwer, 1989 P. 129.
- ³ *Ibid.* P. 131.
- ⁴ *Ibid.* P. 145.
- ⁵ Трубецкой Н. С. О методах изучения Достоевского // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 626.
- ⁶ См.: Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. М., 1997. С. 172–176.
- ⁷ Там же. С. 176.
- ⁸ См.: Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме. С. 177.
- ⁹ Там же. С. 178.
- ¹⁰ Там же. С. 177.
- ¹¹ Там же. С. 179.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме. С. 181.
- ¹⁴ Там же. С. 182.
- ¹⁵ Там же. С. 184.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 188–189.
- ¹⁸ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 105.
- ¹⁹ Там же. С. 105.
- ²⁰ Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 72.
- ²¹ Там же. С. 75.
- ²² Там же. С. 75.
- ²³ Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 149.
- ²⁴ Там же. С. 149, 150.
- ²⁵ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927. С. 3, 4.
- ²⁶ См.: Карсавин Л. П. «О личности» // Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1.
- ²⁷ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самосознания. С. 7.

Т. М. Михайлов
(г. Улан-Удэ)

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

За более чем 70-летний период советской власти и в постсоветское время радикально изменилась этнодемографическая и социокультурная ситуация в стране. Социалистическая система управления и хозяйствования, общее социально-экономическое и культурное развитие, научно-технический прогресс и урбанизация резко изменили облик и жизнедеятельность наций и народов, их взаимоотношения. Диалектика «социалистического строительства» обусловила развитие этносов и этнических обществ, формирование новых наций и народностей, усиление их интеграции и углубление ассимиляционных процессов. Вместе с тем, несмотря на существование общей стратегии и единой национально-культурной политики, формирование и совершенствование нового, социалистического образа жизни, нового сознания и психологии людей в различных регионах страны и у разных народов

происходили неравномерно и по-разному. Данный процесс осуществлялся в целом в декларативно-директивном и весьма противоречивом плане, с большими издержками и неоправданными потерями.

Рассмотрим это на примере Байкальского региона, охватывающего Республику Бурятия, Иркутскую и Читинскую области вместе с двумя бурятскими автономными округами – Усть-Ордынским и Агинским. Суммарно площадь территории региона составляет более 1,5 млн км², численность населения – свыше 5 млн человек (1989 г.), представителей национальностей и народностей, в том числе аборигенных бурятов, эвенков, тофаларов и сойотов.

Этнодемографические и социокультурные процессы, характер общей жизнедеятельности народов Байкальского региона исторически определялись и определяются рядом факторов, в частности:

1) особенностями природно-географической среды – наличием степных и лесостепных просторов, горных и горно-таежных районов, зон вечной мерзлоты, различных геолого-почвенных структур, уникальной гидрологической системы, определяемой величайшим озером мира Байкалом, а также богатством и разнообразием земных недр, флорой и фауной;

2) исторически сложившимися формами и традициями хозяйства, быта и культуры, особенностями религиозных систем – шаманизма, буддизма и христианства;

3) уровнем и характером развития производительных сил, хозяйственным освоением огромной территории региона, крупномасштабными строительными акциями, начиная с проведения восточно-сибирского участка Транссибирской железной дороги и кончая великими стройками социализма, БАМом;

4) уровнем и масштабом охвата научно-техническим прогрессом различных сфер жизни этносов и этнических групп, степенью урбанизации, особенно ростом числа городов и поселков городского типа.

Одним из последствий проявления этих взаимосвязанных и взаимодействующих факторов явились изменения в этнодемографическом состоянии, рост народонаселения и полиэтнизация региона. Численность населения здесь с 1897 по 1980 г. возросла почти в 5 раз – с 1 187 142 до 5 238 512 человек, особенно за счет притока из западных, центральных и южных районов России, Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии. Соответственно увеличилось число русских, украинцев, белорусов, татар, армян и др.

О динамике численности населения и национальном составе в Байкальском регионе за последние сто лет дает представление табл. 1, составленная по данным переписей 1897 и 1989 г.

Таблица 1

Численность населения и национальный состав (1897–1989 гг.)

Национальности	1897 г.	1989 г.			
	Иркутская губерния, Забайкальская обл.	Иркутская обл.	Читинская обл.	Республика Бурятия	Байкальский регион
Все население	1 187 142	2 824 520	1 375 340	1 038 252	5 238 512
В том числе:					
русские	819,03	249 460	1 216 325	726 165	4 441 950
украинцы		97 405	38 208	22 868	158 481
буряты	278,3	77 330	66 625	249 525	393 480
татары	8 979	39 609	12 335	10 496	62 440
белорусы		25 713	9 203	5 338	40 254
чувашаи	65	11 417	2 306	1 307	15 300
немцы	910	7 616	1 986	2 126	11 728
мордва	53	6 781	1 900	1 294	9 975
евреи	15 529	4 796	800	1 100	4 796
башкиры	97	3 893	2 138	920	6 951
узбеки	2		2 514	912	3 426
молдаване	57		2 271		2 271
армяне	135		1 800	2 269	4 069
азербайджанцы			2 000	1 679	3 679
поляки	5 670				
якуты	2 849				
эвенки	36 570	1 369	1 271	1 679	4 319
тофалары	377	630			630
другие национальности		48 472	19 822	17 477	85 771

Вместе с ростом народонаселения и полиэтнизацией региона произошло уменьшение доли аборигенов в общем составе населения в областях, республике и округах, что видно из табл. 2.

Таблица 2

Доля русских и аборигенов в общем составе населения областей, республики и округов по данным переписи 1989 г., %

Этносы	Иркутская обл.	Читинская обл.	Республика Бурятия	Усть-Ордынский округ	Агинский округ
Русские	88,5	88,4	70,0	61,1	40,8
Буряты	2,7	4,8	24,0	36,3	54,9
Эвенки	0,1	0,1	0,2	–	0,2

Сост. по: Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 143–145.

Следует заметить, что такая народность, как сойоты, в переписях 1979 и 1989 г. вообще не отмечена, а численность эвенков за 100 лет уменьшилась в 8 раз.

Современное положение и жизнедеятельность этносов и этнических сообществ в байкальской Сибири далеко не одинаковы. Русские, составляющие более 80 % населения региона, являются основным и определяющим этносом – донором в развитии хозяйства, быта и культуры региона. Характеризуя этнонациональные особенности формирования населения Восточного Забайкалья, читинский исследователь В. М. Булаев заключает, что «Читинская область фактически является русской территорией, лишь номинально соперничая с давними аборигенами края – бурятами»¹. Это положение распространимо и на Иркутскую область, и в какой-то мере на Республику Бурятия.

В целом правомерно утверждать, что интеграционный и общий этнокультурный процессы в Байкальском регионе протекают главным образом в духе русификации, или «россиянизации». Этот факт подтверждает выдвинутое в свое время советским философом А. Г. Агаевым положение о том, что «интернационализация имеет своим результатом превращение образа жизни крупного народа в образ жизни малого народа, всех народов страны»². Образ жизни бурят, эвенков и тофаларов (особенно живущих в городах и поселках городского типа), а также различных этнических пришельцев (украинцев, белорусов, поляков, татар и др.) приобрел и приобретает черты образа жизни и культуры русского народа. В советское время хотя и не сформировался единый советский народ, но все же общие черты в быте, общественной жизни, культуре, сознании и психологии народов России проявились довольно четко и выпукло: единая идеология, советский патриотизм, единая система в хозяйственно-экономической, социально-правовой и других сферах. Тем не менее особенности этнического бытия сохранились почти у всех народов страны, но в разной степени у каждого из них.

Проживающие в Восточной Сибири мигранты разных национальностей являются в принципе носителями своих национально-этнических культур, трансляторами своих традиций и ценностей. Но в условиях Сибири они подвергаются гораздо большему русскому влиянию и общей интернационализации, чем у себя на исторической родине.

Необходимо подчеркнуть, что пришлые этнические сообщества или группы не представляют единой и однообразной массы. Их следует подразделять, как минимум, на три группы: 1) старожилы; 2) мигранты военных и послевоенных лет (1940–1988 гг.); 3) мигранты постсоветского периода.

К старожилам, ставшим уже полнокровными сибиряками, относятся большинство русских, многие украинцы, поляки, евреи, татары и др. Предки многих из них прибывали в Сибирь начиная с XVII в., а также в довоенные десятилетия. Эта группа хорошо адаптировалась в южно-сибирской среде, освоила околбайкальскую экологическую культуру, находится в давних и крепких взаимосвязях с аборигенными народами.

Вторую группу составляют мигранты 1940–1980-х гг. XX в.: большинство из них переселилось в Восточную Сибирь в связи с освоением целинных земель, развертыванием крупных новостроек: Ангарской и Братской ГЭС, десятков промышленных предприятий, БАМа и т. п. Они неплохо адаптировались, пустили корни в южно-сибирские земли, имеют потомков во втором и даже в третьем поколениях. У них немало смешанных семей.

Мигранты третьей группы (1990-х гг. – начало XXI в.) – в основном представители среднеазиатских республик бывшего СССР, Закавказья, Северного Кавказа, Молдавии, Украины, Белоруссии и Поволжья, Урала. Они в абсолютном большинстве являются временными жителями, носителями потребительского сознания, с не очень высоким профессионально-образовательным и культурным уровнем. Их участие в развитии хозяйственно-экономической и социокультурной жизни в регионе номинально, они практически не пополняют местные элитные группы.

Несколько особняком стоят мигранты из Китая и Кореи. Старожилы-корейцы присутствуют почти во всех сферах жизни, вступают в межнациональные браки с бурятами, русскими и другими, ведут в

целом российский образ жизни. В силу своей малочисленности они не оказывают какого-либо существенного влияния на окружающую этносреду. Но в постсоветское время началось китайское «освоение» Байкальской Сибири. Как правило, это временщики, занятые мелкой торговлей, выращиванием овощей, строительным делом и т. п.

Хозяйственно-культурное взаимодействие этносов и этнических сообществ региона по содержанию и масштабам в разных зонах края различно, все зависит от этнической среды местожительства коренных жителей и мигрантов, а также от длительности времени их контактирования. О возникновении и развитии взаимоотношений и взаимовлиянии русского и бурятского народов начали писать еще в XVIII в., и в целом историография по этому вопросу довольно обширная. Не повторяя известных истин, кратко отметим следующее: мигранты-старожилы, в частности русские, украинцы, татары и другие народы, живущие дисперсно в зонах расселения бурят, испытали и продолжают испытывать бурятское влияние. В советское время многие сельские советы, колхозы и совхозы Республики Бурятия, Агинского и Усть-Ордынского автономных округов состояли из бурятских, русских, украинских и польских поселений, и соответственно их жители занимались общим хозяйственным производством, сообща решали социокультурные вопросы, вырабатывали общие взгляды, интересы и традиции. Многое из этой системы сохраняется и в настоящее время, действуя инерционно. Участие не бурят на бурятских сурхарбанах, свадьбах, каких-либо семейных торжествах, даже на шаманских и буддийских праздниках стало обычным явлением. Но в моноэтнических русских, украинских или польских селах (однонациональных сел, деревень практически нет или же их единицы) близость бурятской среды непременно ощущается.

Совсем другое дело в городах и поселках городского типа, особенно в Иркутской и Читинской областях, где русские составляют абсолютное большинство и их влияние на окружающие этнические группы является доминирующими.

Несколько иначе обстоит дело в Республике Бурятия, где проживает более половины всего бурятского этноса. Столица Республики – г. Улан-Удэ, является центром и важнейшим фактором консолидации и возрождения бурятского народа. Здесь сосредоточены все высшие институты бурятской социокультурной жизни: вузы, Бурятский научный центр, театры, музеи, творческие союзы, издательства, радио- и телестудия, ВАРК (Всебурятская ассоциация развития культуры) и Президиум бурятского конгресса.

Кроме того, в г. Улан-Удэ сконцентрированы почти вся высшая интеллигенция, общественно-политическая и культурная элита, около двадцати земляческих образований, охватывающих все этно-территориальные группы бурят, а также национально-культурные центры (русско-казачий, еврейский, татарский, корейский, эвенкийский и др.).

В связи с некоторым перепрофилированием четырех вузов республики (Бурятского госуниверситета, Восточно-Сибирского технологического университета, Бурятской сельхозакадемии и Восточно-Сибирской госакадемии культуры и искусства), с открытием новых факультетов и кафедр, преобразованиями средних специальных заведений значительно возросло число студентов из регионов Восточной Сибири, Дальнего Востока и ряда азиатских стран. В Бурятию все чаще на различные сроки приезжают деловые люди, бизнесмены и коммерсанты из азиатских стран, устанавливая многосторонние связи с местным населением. И все эти процессы сказываются на состоянии этнического ландшафта республики.

Усилившийся процесс внутренней и внешней миграции вызвал заметный рост числа межнациональных браков, расширил географию выбора невест и женихов. По данным Г. Махаровой основными партнерами в смешанных семьях являются русские, буряты, украинцы и татары. Она установила, что за 20 лет (1979–2000 гг.) в г. Улан-Удэ и четырех сельских районах Бурятии вступили в смешанные браки:

Таблица 3

Мужчины		Женщины	
Русские	2 046	Русские	2 934
Буряты	1 190	Бурятки	1 092
Украинцы	851	Украинки	534
Татары	414	Татарки	382
Другие	1 105	Другие	709

Вместе с тем усилилась метисация населения. Например, в Иркутской области число детей от смешанных браков с 1966 по 1980 г. возросло с 12,9 до 16,0 %³. Метисация населения, в свою оче-

редь, ведет к изменениям расовых признаков нового поколения. В байкальской Сибири все большее распространение получают монголоидные и смешанные типы, занимающие промежуточное место между монголоидной и европейской расами. Поколение от смешанных браков теряет чистоту своей этничности и усиливает процесс ассимиляции. Метисация ведет к формированию новой этнической общности.

Общеизвестно, что основной сферой самореализации личности является трудовая деятельность. Хозяйственные традиции и культура производства связаны с этническими аспектами географической среды. В байкальской Сибири этническая дифференциация проявлялась в прошлом в том, что русские занимались преимущественно земледелием, промышленным производством и различными видами ремесла, буряты – скотоводством и земледельческо-скотоводческим хозяйством, эвенки и тофалары – охотой, оленеводством и рыболовством, евреи – торговлей, старательством, ремеслами и частично земледелием.

Традиционные формы хозяйства у аборигенов и русских старожилов-крестьян сохранялись в нарушенном виде вплоть до конца 1950-х гг., хотя в 1930–1950 гг. существовала колхозно-кооперативная система. Большинство бурят и почти все эвенки и тофалары находились в аграрном секторе. В условиях индустриального развития и распространения технологической культуры крупные этносы и этнические сообщества (русские, буряты, украинцы, татары, евреи и др.) продемонстрировали полную конкурентоспособность, быстрое и почти безболезненное адаптивное изменение к изменяющимся условиям, в то время как эвенки и тофалары оказались в ином положении – в состоянии упадка хозяйства, физической и духовно-нравственной деградации.

Безусловно, научно-технический прогресс, урбанизация жизни, распространение массовой индустриальной культуры – явления закономерные. Последствиями всего этого явились рост численности городов, поселков городского типа и городского населения, усиленная миграция. До революции в байкальской Сибири насчитывалось 15 городов, из которых 12 представляли небольшие уездные городки с населением 2–3 тыс. человек. В городах проживали чуть более 100 тыс. человек, или около 10 %. В конце 80-х гг. XX в. городов стало 38, поселков городского типа – около 150. Возникли такие крупные города, как Ангарск, Братск, Шелехово, средние города Байкальск, Тулун, Тайшет, Северобайкальск, Гусиноозерск, Краснокаменск и др. В 5–10 раз выросли старые города Иркутск, Усолье, Улан-Удэ, Чита и др. (табл. 4).

Таблица 4

**Соотношение городского и сельского населения в Байкальском регионе
во второй половине XX в., %**

Регион	Городское население				Сельское население			
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Иркутская область	62,1	73,3	77,5	80,5	37,9	27,7	22,5	19,5
В том числе Усть-Ордын., Бурят. АО	12,7	17,0	18,4	18,7	87,3	83,0	81,6	81,3
Читинская область	54,4	57,5	62,9	65,2	45,6	42,5	37,1	34,8
В том числе Агинский Бурят. АО	–	20,7	25,7	32,7	100	79,3	74,3	67,3
Бурятская АССР	41,1	44,6	56,9	61,5	58,9	55,4	43,1	38,5

Урбанизация повлекла за собой сокращение не только численности сельского населения, но и сельских населенных пунктов. В одной только Республике Бурятия за 24 года, с 1960 по 1984 г., число сельских поселений уменьшилось на 380 единиц⁴. В Иркутской области за годы советской власти (1897–1980-е гг.) общая численность бурятских селений (улусов) сократилась на 50 %, а в отдельных районах на 70–80 %. В Качугском районе (бывшем Верхонском округе) существовало 35 улусов с общим населением около 20 тыс. бурят. В 1987 г. нами учтены 10 улусов, а бурят – всего 1,5 тыс.⁵

Вместе с тем произошли существенные изменения в этническом составе бурятских улусов: в них значительно выросла численность инонациональных групп (данные табл. 5, составленной по материалам историко-культурной экспедиции в Иркутской области в 1987 г.).

Таблица 5

**Национальный состав и численность населения
в улусах Боханского района**

Улус	Общее число населения	Буряты	Русские	Украинцы	Татары	Другие
Укыр	557	284	155	–	106	9
Хоргиллок	196	93	82	2	16	3
Маньково	210	110	92	–	2	6
Дундай	578	367	139	5	10	57
Харагун	184	148	26	–	3	7

Примерно такое же этническое разнообразие зафиксировано нами в конце 1980-х гг. в улусах Бильчир Осинского района и Молька Усть-Удинского района Иркутской области.

В табл. 6 приведен этнический состав населения в тофаларских селах на 1995 г.

Таблица 6

Этнический состав населения в тофаларских селах в 1995 г.*

Этнос	Алыгджер		Нерха		В. Гутара	
	К-во человек	%	К-во человек	%	К-во человек	%
Тофалары	246	46,6	168	70,9	263	65,6
Русские	273	51,7	62	26,2	128	31,9
Другие	9	1,7	7	2,9	10	2,5
Всего	528		237		401	

* Кривоногов В. П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск, 1998. С. 15.

В эвенкийских селах Иркутской и Читинской областей основными пришельцами-мигрантами являются русские, а в Республике Бурятия – буряты и русские. В 1970–1980-х гг. самая высокая доля мигрантов отмечалась в Бурятии, что связывалось с освоением зоны БАМа. Низкая доля аборигенов и русских старожилов была в Иркутской области. Здесь большая часть приезжих выбывала в течение первых двух лет, только 50 % населения представляло постоянных жителей⁶

Аборигенному и старожильческому населению Сибири, на наш взгляд, не нужна такая интернационализация, которая «работает» односторонне, ведет к утрате этнических территорий и границ, традиционных форм хозяйства и культур, создает режим, не благоприятствующий национально-культурному единению. Нельзя не учитывать того, что обычная, стихийная полиэтнизация (механическая, нерегулируемая миграция) усложняет этнокультурную среду, вызывает денационализацию или деэтнизацию местного культурного комплекса, усиливая процесс аккультурации, ассимиляции, так как определенная часть мигрантов является носителями отрицательных человеческих качеств и потребностей. В процессе взаимодействия и взаимовлияния передаются и воспринимаются и эти последние черты, а не только положительные, прогрессивные.

Как установили криминологи, «существует связь миграции с преступностью: чем выше процент новоселов в районе, тем выше преступность»⁷. Данное обстоятельство усугубляется еще тем, что Восточная Сибирь являлась в прошлом и является в настоящее время зоной уголовной ссылки.

В одной только Иркутской области в 1989 г. функционировало 30 исправительно-трудовых лагерей⁸. Здесь же расселяются многие освободившиеся от наказаний преступники – воры, алкоголики, наркоторговцы и т. п. Их негативное влияние на нравственно-психологический климат не подлежит сомнению.

Сказанное явно не согласуется с утверждением некоторых ученых советского периода о том, что «интернационализация в национальном развивает не все, а отбирает в нем жизненно необходимое, обогащает его лучшими национальными достижениями»⁹.

В действительности, интернационализация и интеграция касаются всего в национальном, а вовсе не отбирают в нем только жизненно необходимое. Они одновременно «обогащают» национальное и «достижениями» негативного порядка: у народов Сибири не было в прошлом наркомании, рэкетирства и т. п.

Как показал опыт более чем 70-летнего строительства социализма, при полиэтнизации региона и интенсификации межнациональных отношений меняются экологическая этика и культура как составные образа жизни. Экологический кризис наступает не в результате одной лишь миграции и полиэтнизации. Дело в том, что миграция влечет за собой целую серию последствий: рост народонаселения, расширение коммуникации, увеличение транспорта, отходов сжигания топлива и т. д. Это ведет, в свою очередь, к изменению всей среды, образа жизни, отношений людей: «взаимодействие человека с природой внутри географической среды у каждого народа имеет свои особенности. Это позволяет рассматривать этнос и географическую среду как определенную целостность»¹⁰

Проблема взаимодействия этносов и культур – одна из сложных и многоаспектных. При ее решении необходимо всегда помнить, что сотрудничать могут только равные, только между ними могут возникнуть вполне демократические отношения. Вместе с тем следует учитывать, что полиэтничный вес нации не обязательно определяется ее численностью. Буряты, будучи титульной нацией в трех государственных образованиях (Республика Бурятия и два автономных округа), несмотря на малочисленность по сравнению с русскими, играли и продолжают играть немаловажную роль в социально-экономической и этнокультурной жизни в Южной Сибири. Говоря словами В. М. Булаева, катаклизмы полувекового периода практически не оказали воздействия на «верность» бурят своему языку – увеличив население вдвое, они на своей территории мало пополнили ряды «русифицированных» земляков. Прочно встав на ноги на собственной земле, буряты сохранили свое лицо и влияют на региональные показатели¹¹.

Современные буряты, хотя живут в русскоязычной культурной среде, испытали и испытывают русское влияние, подвергаются конвергенции, дивергенции и частичной ассимиляции, представляют динамичный этнос, сохраняющий в основном свою этническую идентификацию. В постсоветское время у бурят произошла значительная этническая мобилизация, возросло национально-этническое самосознание, обновляется профессиональная культура, формируются новое мировоззрение и новый стереотип поведения.

То же происходит у русского населения. Другими словами, русские старожилы и аборигенные буряты являются, по сути, главными двигателями жизни в байкальской Сибири. Это они занимают ведущие позиции в сферах хозяйства, экономики, административно-государственного управления, юриспруденции, определяют характер социокультурных процессов.

Сказанное вовсе не умаляет места и роли других этнических сообществ в общей жизнедеятельности Байкальского региона. Каждое из них, в зависимости от численного состава, образованности, профессиональной подготовленности, вносит свою лепту в развитие края, общий интеграционный процесс.

Байкальский регион – это зона столкновения и взаимодействия культур и идеологий Востока и Запада, различных религиозных систем: центрально-азиатского шаманизма, тибетско-индийского буддизма и европейского христианства. За период более чем 300-летнего пребывания в составе России здесь сформировался определенный культурный синкрет, состоящий из различных уровней. На наш взгляд, можно выделить три его основных уровня:

- 1) традиционные культуры аборигенных народов и русских старожил;
- 2) советско-российская культура;
- 3) наднациональная, или современная, технологическая культура.

Не останавливаясь на характеристике каждого из этих уровней, в целом можно отметить: в регионе господствующими, или преобладающими, культурами являются русско-христианская, бурятско-национальная (имеющая шаманистско-буддийские основы) и советско-российская. Все они взаимодействуют, выполняют определенные функции, дополняя друг друга. Вместе с тем все шире распространяется наднациональная технологическая культура. Она не признает этнонациональных границ, вытесняет из жизни различные элементы традиционных культур.

Таким образом, общей тенденцией в современном развитии культур в регионе являются, с одной стороны, возрождение и укрепление этнонациональных культур, а с другой – одновременное распространение и восприятие наднациональной культуры. Следует также добавить, что достаточно важным становится фактор религии, в частности православия (вместе со старообрядчеством), буддизма и шаманизма. Эти конфессии, а также католицизм, ислам и другие сохраняют огромный духовно-нравственный потенциал, являются одним из важных источников культуротворчества народных масс, своеобразным индикатором этнической идентификации, т. е. частью этнического самосознания.

Примечания

¹ Булаев В. М. Этно-национальные особенности формирования населения Восточного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1998. С. 74.

² Агаев А. Г. Интернационализация образа жизни и национальное сознание // Диалектика интернационального сознания и национального самосознания в процессе совершенствования социалистического образа жизни. М., 1985. Вып 1. С. 50.

³ Рабецкая З. И., Сверчков В. И. Этнология: Учеб. пособие. Братск, 2000. С. 125.

⁴ Мангатаева Д. Д. Система расселения населения. Новосибирск, 1988. С. 37.

⁵ Михайлов Т. М. Материалы историко-культурной экспедиции БИОНа: Рукопись. 1987 г.

⁶ Макарова Л. А., Морозова П. Ф., Тарасова Н. Д. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М., 1986. С. 39.

⁷ Литвинцева Г. И. Свет и тени прогресса // Социально-демографические проблемы в СССР. М., 1989. С. 212.

⁸ Восточно-Сибирская правда. 1989 г. 15 сент.

⁹ Социалистический образ жизни. М., 1984. С. 255.

¹⁰ Душков Б. А. География и психология. М., 1987. С. 187.

¹¹ Булаев В. М. Указ. соч. С. 73, 74.

И. П. Башаров
(г. Улан-Удэ)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУХАХ-ХОЗЯЕВАХ МЕСТНОСТИ У РУССКОГО ПРОМЫСЛОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИБАЙКАЛЬЯ В СВЕТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ С БУРЯТАМИ И ЭВЕНКАМИ

Культ духов-хозяев местности можно рассматривать как способ сакрального освоения территории, в результате чего определенный регион и отдельные его районы персонифицируются в образе своих духов-хозяев. С такими сакральными образами уже возможна установка коммуникации с целью их задобривания и запрашивания помощи. Кроме того, частично снимаются как страх перед опасностями, так и переживания за успех хозяйственной деятельности в данной местности. Исходя из этого бытование представлений о духах-хозяевах местности можно рассматривать как действие адаптивной функции культуры.

Изучение данных представлений у русского промыслового населения Восточного Прибайкалья уже интересно в силу того, что основные виды его хозяйственной деятельности – рыбная ловля и охота – определяли особое значение культа духов-хозяев местности и способствовали его сохранению. Кроме того, русское население в Восточном Прибайкалье является пришлым, следовательно, на примере его верований можно проследить процесс формирования сакрального образа вновь осваиваемой территории и установления с ней контакта, а также роль традиционных представлений русских о духах-хозяевах в промысловой деятельности. Ситуация осложняется тем, что осваиваемая территория не была необитаемой, поэтому важно выяснить, как отразились на верованиях русских соседство с бурятами и эвенками, знакомство с религиозными представлениями этих коренных народов Сибири.

В основе представлений о духах-хозяевах местности у русских промысловиков лежат образы лешего и водяного. Одним из основных признаков данных хозяев стихий является их принадлежность к нечистой силе¹. Взаимодействие с ними рассматривалось скорее как исключение, чем норма. С лучшим знали пастухи, с водяным – мельники, пасечники, т. е., по определению Т. Б. Щепанской, «неземледельцы», занимавшие в сельской общине обособленное положение². К ним можно добавить охотников и рыбаков в тех областях, где эти занятия не являлись важной отраслью хозяйства. Подобная отчужденность образов лешего и водяного и нежелание с ними контактировать – следствие не только влияния на народные верования православия, в результате воздействия которого произошло вытеснение персонажей языческой мифологии в разряд чертовщины, нечистой силы³, но и той ограниченной зависимости, которую испытывает земледельческое население от леса и водоемов. Последняя в условиях промыслового хозяйства усиливается, что не могло не сказаться и на представлениях о духах-хозяевах. Однако изменения, произошедшие с ними, пошли не по пути отмирания одних черт и усиления других, а по пути раздвоения образа. В одной его части сконцентрировались черты духа-хозяина стихии, а в другой – нечистой силы, обитающей в ней. Дух-хозяин при этом назывался «хозяином», а нечистая сила чаще всего – чертом, иногда – лешим или водяным. Основным разграничивающим моментом между вновь выделяющимся образом духа-хозяина и старыми образами лешего и

водяного можно считать наличие или отсутствие признаков нечистой силы. Так, в первом случае они отсутствуют, во втором – доминируют. Взаимодействие с «хозяином» для охотников и рыбаков является обязательным актом, встреча с нечистой силой – нежелательным злостью. Наиболее ярко это раздвоение заметно в существовании двух правил, которые необходимо было выполнять, зайдя в лес. Согласно первому, переступая границу владений лесного хозяина, нужно было обязательно поздороваться и попросить разрешения войти; по второму, в этой же ситуации для избежания встречи с нечистой силой необходимо было осенять себя крестным знаменем, материться, что, по народным представлениям, ее отпугивало⁴

«Хозяин», по представлению промысловиков, присутствует везде: в лесу, воде, на болоте. Существует дух-хозяин всего леса или водоема, а также отдельных участков. Четко обозначенная граница имела только между владениями лесного и водного хозяина. Внутри одной стихии между территориями отдельных хозяев географически определенных границ нет. Здесь, по всей видимости, действует принцип, согласно которому промысловики одухотворяют ту часть промысловых угодий, с которой они в данный момент взаимодействуют. Когда они просят удачи, отправляясь на промысел, находясь на границе населенного пункта и лесных или водных угодий, то обращаются к хозяину всего леса или водоема, по прибытии же на место промысла – к хозяину данного промыслового района, при остановке на ночлег – к хозяину этого маленького участка леса.

Представления русских промысловиков о духах-хозяевах местности не закрыты и для влияния соседних народов – бурят и эвенков. У русских промысловиков появились представления о существовании духов бурят и эвенков, которые обитали в районах, в прошлом тесно связанных с их промысловой деятельностью, например места их бывших стоянок или поселений. Эти духи не относились к разряду нечистой силы, и поэтому на них не действуют обычные средства борьбы с последней – крест, молитва, мат. Для того чтобы обезопасить себя от их воздействия, необходимо было, по представлениям русских промысловиков, просто следовать правилам обращения с духами-хозяевами: просить разрешения для остановки на отдых, угощать в случае приема пищи на их территории. Поскольку в ведении этих духов обычно находилась небольшая территория, то на весь промысел оказывать влияния они не могли. Как правило, свое недовольство они проявляли, мешая спать во время привала. В качестве примера можно назвать о. Черемуховый, расположенный на р. Баргузин вблизи с. Макарино Баргузинского района Республики Бурятия. Там когда-то стоял балаган, построенный, по преданиям, на месте бывшей стоянки эвенков. В этом балагане ночами сильно «пугало», что население связывало с обитающими там эвенкийскими духами. Чтобы обезопасить себя, необходимо было попросить разрешения у «хозяина» остановиться на ночлег⁵

Имеют место и заимствования. Все они основаны на том, что анимизм является неотъемлемой частью религиозного мировоззрения каждого народа и духи бурят и эвенков являются реально существующими и для русских. В свете рассматриваемой проблемы этот момент усиливается тем, что речь идет не о полном пантеоне божеств того или иного народа, который отражает реалии собственной жизни народа и не будет полностью востребован другим народом, а о духах, олицетворяющих лес и водоемы как промысловые угодья, занимающие одинаково важное место в жизни и русских, и бурят, и эвенков. Таким образом, и русские, и буряты, и эвенки стоят перед единым миром сверхъестественного, при этом каждый народ владеет знаниями, позволяющими контактировать только с определенной его частью. Все остальное ему незнакомо, но от этого оно приобретает только большее значение. В силу этого представитель соседнего этноса рассматривался как носитель знания, позволяющего задабривать незнакомых божеств и просить у них помощи, причем часть заимствованной культовой практики применялась и для умилостивления собственных духов-хозяев местности. Поэтому в современных условиях русские промысловики, с одной стороны, нуждаясь на промысле в нерациональных способах обеспечения удачи и, с другой – утратив часть своих традиционных знаний об этом, используют любую информацию о правилах поведения в угодьях, в том числе полученную от бурят и эвенков. Например, если возлияние духам-хозяевам спиртного является традиционным для русской культуры, то разбрызганье по сторонам (с кончиков пальцев) свидетельствует о заимствовании. Заимствованным является и запрет проливать кровь рыбы на лед во время подледного лова, в противном случае «хозяин» будет недоволен, а рыба будет плохо ловиться. На вопрос о происхождении этого запрета русские рыбаки отвечают, что этому их научили буряты⁶. Еще одним примером заимствования является то, что в язык русских промысловиков прочно вошло слово *бурхан* в значении «дух-хозяин» или «место, где совершают ему подношения».

Результатом контакта русских промысловиков с бурятами и эвенками стало и почитание духов умерших шаманов. Речь не идет о перенимании всей системы представлений о духах, существующей у соседних народов. Русские также видели в шаманах людей, обладающим сверхъестественными способностями, и потому считали сакральными их захоронения, а дух шамана воспринимали как духа-хозяина данной местности. Например, русские промысловики с. Байкальское Северобайкальского района Республики Бурятия, отправляясь на промысел вдоль западного побережья Байкала, всегда

останавливаются напротив одного из мысов, где находится могила бурятской шаманки, как они ее называют, бабушки Харагаихи. Промысловики совершают ей возлияния спиртным, просят хорошей дороги и удачи на промысле⁷

Почитают русские и священные места бурят на дорогах у рек и на горных перевалах. Они воспринимают их как места, где необходимо совершить символическое подношение духу-хозяину местности. В качестве примера приведем почитание перевала через гору Слюдянка, расположенную недалеко от с. Байкальское. Русские промысловики, отправляясь в дальний путь, всегда останавливаются здесь, кладут хозяину перевала подношение – монеты, сигареты, спички, стреляные гильзы и т. д., просят хорошей дороги, помощи. Это место особенно интересно для нас тем, что относительно недавно оно было освящено ламаистской церковью, и данный факт не снизил, а напротив усилил, сакральное значение перевала для местного русского населения⁸

Из сказанного выше видно, что представления русских промысловиков о духах-хозяевах местности сформировались на основе трансформировавшихся в новых условиях традиционных образов лесного и водяного, а также представлений, заимствованных у бурят и эвенков. Являясь одной из частей традиционной культуры, повышающей адаптированность населения к условиям промыслового хозяйства, они и сегодня сохраняют свое функциональное значение.

Примечания

¹ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 50.

² Щепанская Т. Б. Неземледелец в земледельческой деревне: обрядовое поведение (севернорусская зона, XIX – начало XX в.) // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – начала XX в. М., 1990. Вып. 1. С. 5.

³ Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. Ростов-н/Д., 1996. С. 259.

⁴ Кошения В. И., 1946 г. р., с. Макарино, Баргузинский р-н, запись 1997 г.

⁵ Колмакова А. О., 1917 г. р., с. Макарино, Баргузинский р-н, запись 1997 г.

⁶ Зыков А. К., 1936 г. р., пос. Усть-Баргузин, Баргузинский р-н, запись 1999 г.

⁷ Татарникова Н. С., 1954 г. р., с. Байкальское, Северобайкальский р-он, запись 2000 г.

⁸ Варанкина М. А., 1921 г. р., с. Байкальское, Северобайкальский р-он, запись 2000 г.

Т. Д. Скрынникова
(г. Улан-Удэ)

КУЛЬТУРА В ЯЗЫКЕ ДИСКУРСА НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ БУРЯТ

В данной статье будет выявлен тот круг вопросов, который связан с определением места культуры в мобилизации этничности. 90-е гг. XX в. характеризуются отсутствием идеологии, адекватной реалиям сегодняшней жизни, и определяются многими известными исследователями негативно – например, как «вакуум распада официальной идеологии советского строя»¹. Однако, с точки зрения Т. М. Михайлова, и советский период оказал отрицательное влияние на состояние бурятского этноса: «Вопрос о самосознании нации – один из кардинальных. В своем формировании и развитии бурятское самосознание прошло ряд этапов: предоктябрьское десятилетие – середина 30-х гг. – период бурного, небывалого пробуждения и подъема. Вторая половина 30-х – середина 80-х гг. – период паралича, застоя, деструкции, деэтнизации. Именно в эти годы усилился национальный нигилизм, маргинальный статус стал нормой определенной части этноса, зародились и утвердились номенклатурно-бюрократическая, сервилитская и иного рода ментальности, главными итогами этого периода явились утрата национально-государственной целостности, общенациональной идеологии и программы действий, истребление духовной элиты, лидеров и вождей нации, подрыв корневой системы традиционной культуры»². Это мнение Т. М. Михайлова отражает довольно распространенную точку зрения на современную ситуацию и в той или иной форме приветствуется в публикациях последнего десятилетия.

Необходимость выхода из идеологического кризиса при отсутствии моделей, исходящих от центра, по переходу из одного состояния в другое определяет активизацию современного идеологического конструирования в республиках Российской Федерации: кризис идентичности стимулирует формулирование новых политических идеологий в российском обществе. Последнее определяется не только распадом социалистической системы, но и проблемой глобализации, связанной с развитием современных информационных технологий, ускоряющих процесс нивелирования культур человечества. Пессимизм усугубляется осознанием малочисленными этносами уровня своих возможностей (способности) к выживанию в мировом сообществе или в России, поэтому разворачиваются идеи сле-

дования традиционным образцам и практикам. Если формирование общероссийской идеологии («новой общероссийской идеи») – процесс, протекающий достаточно вяло, то в регионах конструирование локальных идеологием происходит более активно. Особый интерес представляет структурирование новой идеологии в таких субъектах РФ, как национальные республики (бывшие автономии), примером чего может служить Бурятия.

Наиболее актуальной и осознанной манифестацией своей идентичности в мире, где определяющими факторами выступают урбанизация (индустриализация) и глобализация (создание единой информационной системы), является *этничность*, которая отвечает коллективной потребности и приобретает особую значимость в полиэтничном обществе, где на фоне образования множественной идентичности ей отдается *приоритет*. Социологические исследования последних лет дают нам возможность увидеть, как актуализируется этничность в постсоветский период и с чем ассоциируется национально-культурное возрождение бурят: «именно этничность превалирует среди этнополитических самоопределений (этническая, гражданская, религиозная и т. д. принадлежности)... С другой стороны, реалии постсоветской жизни практиками всех российских народов наглядно свидетельствуют о том, что этническая мобилизация оказалась не только политическим лозунгом этнических элит, но стала формой повседневной этничности достаточно большого количества людей. В условиях этнической мобилизации возрастает субъективная значимость для людей их этнической принадлежности, соответственно, расширяется представленность категории “национальность” в групповой структуре идентификационных предпочтений. Данное положение подтверждается результатами исследований, проведенных автором в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе. Если в 1990 г. ни один из респондентов не указал этническую принадлежность среди ответов на вопрос “Кто я?”, то в 1997 г. категория “бурят” фигурировала у четверти опрошенных»³

Именно этническая идентичность (чувство принадлежности к определенной этнической группе) становится для бурят одним из каналов солидарности и идентификации, способным смягчить тенденции отчуждения; механизмом, благодаря которому представители этноса сохраняют социальную комфортность через достижение определенных социальных целей. Этому способствует наличие идеологием, содержащих опыт осознания своей этнической и культурной самобытности, к которым и прибегает интеллектуальная национальная элита.

Интеллектуальной элитой делается попытка выработать пути поддержки и сохранения этнической идентичности, создания образа этноса, формирования этнических стереотипов, отношения к определенным феноменам как к этническим. Обращение к культурным традициям становится особенно важным в создании новой (по сравнению с недавним социалистическим прошлым) символической системы. Следует отметить, что процесс поиска еще не завершен, теоретические дискуссии часто определяются политическим дискурсом, исторические факты пересматриваются в соответствии с предполагаемой концепцией. Некоторые факты начинают выступать в качестве знаков, маркирующих границы «своей» общности и служащих для ориентации в пространстве взаимодействий. Важно определить, какие знаки используются для обозначения границ «своей» общности, что может служить катализатором мобилизации этничности.

Социологические исследования подтверждают, что идеи национального возрождения, которые ориентированы прежде всего на самосохранение бурятского народа, выражаются в актуализации идеи национального суверенитета, этнической идентичности, а здесь превалирующую роль наряду с осознанием общего происхождения играет культура. Можно даже сказать, что последняя лидирует. При ответе на вопрос: «Какие условия сейчас более всего необходимы для возрождения Вашего народа?», чуть более половины всех опрошенных выбрали позицию «возрождение и развитие национальной культуры», что свидетельствует о важной роли традиционной/этнической культуры в самоидентификации бурят. Далее следуют ответы: «развитие рыночной экономики, широкая экономическая самостоятельность» – 48 %, «укрепление самостоятельности, суверенитета республики» – 44 %, «контроль за эксплуатацией природных ресурсов» – 44 % и «поддержка языка» – 34 %⁴

При этом национальная интеллигенция достаточно реалистично оценивает проблемы национального возрождения, определяемые состоянием экономики: «На одном полюсе находятся следующие позиции: национальный прогресс недостижим на основе преобразований только в социально-экономической сфере при игнорировании роли духовного возрождения и изменения сознания людей; на другом – процветающая экономика гарантирует и возрождение культуры, и прогрессивное национальное развитие»⁵

Сопряженность политизированной этничности с государственной национальной политикой определяет двойственность современной политической идеологии национальных элит: с одной стороны, признание *нации* как *согражданства*, зафиксированного в начальной формуле Конституций («мы, многонациональный народ»), с другой – в полиэтничном дискурсе приоритет отдается этническому и нация понимается как этнонация, что связано с политизацией этничности и ее этатизацией. Представление о нации как высшем уровне организации этноса, т. е. этнонации, закрепляется, хотя единая

точка зрения на период ее формирования отсутствует. По мнению Т. М. Михайлова, до прихода русских «никакой бурятской народности не существовало», были отдельные «монголоязычные племена Байкальского региона – баргуты, ойраты, баяуты, хори-туматы и другие... сознание о единстве народа (“Мы – буряты”) стало реальным фактом во второй половине XIX века... В советское время этническое самосознание бурят поднялось на новый уровень – оно переросло в национальное»⁶ Другой специалист по проблемам становления, развития и самоопределения бурятского народа – А. А. Елаев – соглашается, с одной стороны, с Т. М. Михайловым в том, что российская колонизация способствовала сложению бурятской народности. С другой – он выдвигает и следующие причины: «Распространение буддизма и усиление влияния русской культуры способствовало появлению в середине XIX века первых учителей и ученых, представителей бурятской национальной интеллигенции... можно констатировать, что буряты с созданием основ этнической культуры, сети учебных заведений, с появлением первых представителей собственной советской интеллигенции к концу XIX века сделали громадный шаг по пути становления социально-этнической общности – *бурятской народности* (выделено нами. – Т. С.). Подводя итог анализу начала “русского” этапа этнической истории бурят с XVII по XIX в., можно сделать следующие выводы: после девятивекового развития бурят в родственной монгольской среде с присоединением к России в XVII в. начался качественно новый этап их этнической истории, в котором за относительно короткий исторический период происходит их консолидация в *нацию* (выделено нами. – Т. С.)»⁷ Следует обратить внимание на то, что, во-первых, автор не строго оперирует терминами, выражающими разные уровни общностей (в парадигмах советской этнографической науки), поскольку в один и тот же период – к концу XIX в., по его утверждению, складывается и *народность*, и *нация*. Во-вторых, культуру он называет этнической и считает, что созданию ее основ способствовали распространение буддизма и влияние русской культуры, так как именно эти два фактора сыграли важную роль в формировании бурятской интеллигенции и системы образования. Ниже автор уточняет характерные черты, которые определяют бурят как нацию: «Изменения в духовно-культурной сфере, обозначившиеся с распространением буддизма, свидетельствуют о складывании этнической культуры, языка на основе монгольской письменности и единой религии. Наличие таких элементов, как этническая территориальная структура, язык, духовная и культурная общность, позволяют сделать вывод о том, что к концу XIX в. завершилась, в общих чертах, консолидация бурят в этносоциальную общность – бурятскую нацию»⁸.

Становление этнической культуры сопрягается с уровнем развития этноса (народность/нация), а также с распространением буддизма. Это отмечается практически всеми, кто занимается теорией и практикой национально-культурного строительства. Какова иерархия парадигм, выступающих в качестве этнических идентификаторов, позволяют увидеть результаты социологических опросов (несмотря на некоторый разброс цифр, обусловленный различиями в постановке вопроса и формулировке ответа исследователями – составителями анкет). По данным А. В. Бильтриковой при ответе на вопрос: «Что в первую очередь связывается у Вас с мыслью о нашем бурятском народе?», выстраивается следующая иерархия: 1) «место, где я родился» – 66 %; 2) «наша земля, территория» – 63,2 %; 3) «язык нашего народа» – 60,4; 4) «наше прошлое, наша история» – 55,2; 5) «наша религия» – 44,4; 6) «душевные качества народа» – 42,5; 7) «государство, в котором я живу» – 22,2 %⁹

В исследовании И. Э. Елаевой при ответе на вопрос: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?», большая часть респондентов как основной этноинтегрирующий фактор указала: 1) «культура, обычаи, обряды» – около 60 %; 2) «родная земля, природа» – чуть меньше; 3) «язык» – около половины респондентов (причем на третьем месте был «внешний облик» (44 %), а «язык» – на четвертом (42 %); тогда как на селе «язык» в качестве компонента этнической идентичности указали 53 %, а «внешний облик» – 25 %); 5) буддизм – 35 %; 6) общие ценности, взгляды на жизнь, мировосприятие – около 30; 7) исторические судьбы, прошлое – 22; 8) черты характера, психология – 20; 9) общая государственность – 14; 10) шаманизм – около 10 %¹⁰.

Посмотрим, как обозначают культуру представители интеллектуальной элиты и какие стороны в ней подчеркивают. Выше приводилась цитата из книги А. А. Елаева, где культуру бурят он называет этнической и подчеркивает роль буддизма в ее формировании, считая его национальной религией: «Буддизм, значительно потеснивший шаманизм, постепенно занял место национальной религии народа и способствовал развитию на общемонгольской духовной основе образования, письменности, языка и культуры бурятского народа»¹¹.

К. М. Герасимова понятия «этническая», или «традиционная», культура предпочитает термин «национальная культура»: «Практическая программа возрождения национальной культуры бурят сосредотачивается на вопросах бурятского языка, строительства храмов, свободы пропаганды религии и развития общественных религиозных организаций, издания культовой литературы и, наконец, популяризации знания традиционной этнической культуры бурят»¹². К. М. Герасимова – единственный исследователь, который пытается осмыслить соотношение понятий «этническая» и «национальная» культура бурят и приходит к выводу, что употребление понятия этническая культура применительно

к общепурятской культуре некорректно, поскольку «этническая культура бурят – “самобытная”, “автохтонная”, она сформировалась в родовом обществе, отражает его базовые социальные связи и отношения внутри семьи, рода, общины, территориальных и политических объединений, родственных и неродственных этнических групп... Родовые религиозные обычаи, несмотря на типологическую однородность, были также этнодифференцирующими, они разграничивали, обособляли этнические общности по признаку кровнородственного, предкового, генеалогического происхождения... Идеология родовой религии не могла обеспечить всебурятского единства, нейтрализовать трайбалистские конфликты и противоречия, которые возникали в процессе территориально-политической консолидации родственных и неродственных этнических групп». Хотя автор констатирует, что «бурятское общество и в начале XX в. оставалось традиционным», она предпочитает называть культуру национальной, а не традиционной, поскольку «наиболее подходящим для нас является лексическое значение слова “нация” в смысле той общности бурятского народа, которая складывалась в новое время – в XIX–XX вв.»¹³

Как видим, говоря о культуре как механизме национального возрождения авторы выделяют прежде всего ее религиозный компонент – буддизм и шаманизм. Причем содержание понятий – традиционная культура, национальная культура, этническая культура – достаточно размыто. Эта расплывчатость обычна для языка дискурса национального возрождения. Значение и буддизма, и шаманизма для национального возрождения в качестве этноинтеграционного фактора подчеркивается многими исследователями – А. А. Елаевым, Т. М. Михайловым и др. Но соединение в парадигме «общая вера» буддизма и шаманизма нетрадиционно для национального движения, предпочтение все-таки отдается буддизму.

К шаманизму в качестве этнического идентификатора и механизма, способствующего национальному возрождению, в рассматриваемом дискурсе отношение двойственное. Если в начале века в бурятском национальном движении шаманизм совершенно исключался как фактор, способствующий возрождению народа, то сейчас он может выступать в качестве такового не только в паре с буддизмом под общим обозначением «религия», но и самостоятельно, причем подчеркиваются его положительные стороны. Но чаще отношение к нему в качестве этноинтегратора и механизма, способствующего возрождению и прогрессу, негативно. Изучение публикаций, связанных с проблемами национального возрождения, позволяет говорить о высокой степени политизации этничности, декларативности высказываний и отсутствии стратегических и тактических программ, что характерно не только для бурятского, но и вообще для российского национальных движений. На наш взгляд, уже пришло время перейти от языка политического дискурса в вопросах национального возрождения бурят к языку науки. Современная идеология национального возрождения, будучи по существу несвоевременной, поскольку, как правило, базируется на традиционных представлениях и обращена к прошлому, является в то же время механизмом модернизации общества (т. е. изменение в соответствии с современными требованиями национального движения), вдохновляющим членов сообщества на «возрождение» (т. е. вос-создание себя). В конструировании современной политической идеологии интеллигентная бурятская элита уделяет заметное внимание таким понятиям, как национальное самосознание, национальная самобытность, что связывается с культурой; единство бурятского этноса, воплощенное в этнониме «буряты» (шире: общемонгольское единство, нашедшее свое выражение в парадигме Бурят-Монголия или бурят-монголы, а также в центральноазиатскую цивилизацию, составной частью которой признается Байкальская Азия); обоснование этого единства через общее происхождение («кровное родство») и общую территорию («родная земля»), известные как тема *Blut und Boden*; общая вера, в которой прежде всего выделяют мировоззрение и связанную с ним культуру.

Если на уровне этнокультурной рефлексии проблем национального возрождения отмечается отсутствие конкретных программ, общей концепции процесса, что определяется еще и общероссийским кризисом гуманитарных наук, то практическая деятельность интеллигентной элиты может быть оценена как достаточно успешная, о чем свидетельствует прежде всего издание книг и учебных пособий по бурятскому языку, литературе, истории, культуре. Кроме того, нельзя не отметить деятельности интеллигентной элиты по конструированию мифосимволической системы, ориентированной в прошлое (связь поколений) и способствующей этнической интеграции, что выражается в создании интертекста культуры, где прослеживается преемственность: кочевые цивилизации Центральной Азии – Монгольская империя и Чингисхан – распространение буддизма – национальное движение начала XX в. – образование БМАССР, воспринимаемые как моменты манифестации этнического.

В этом контексте издания как научного, так и научно-публицистического характера можно называть тестами-символами, отражающими понимание интеллигентной элитой исторических этапов формирования этнического сознания: об этом свидетельствуют переиздание и издание новых биографий Чингисхана, публикации бурятских летописей, персональных биографий (жизнь и деятельность) Агвана Доржиева, Цыбена Жамцарано, Элбек-Доржи Ринчино и др. Заметное место в конструировании пространственных и временных (исторических) границ этнического занимает серия «Выдающиеся

ся бурятские деятели», что не только возвращает бурятскому народу имена его элиты – символа и носителя национальной культуры, но и способствует воссозданию истории и подключению современных поколений к общему историческому контексту.

Примечания

¹ Герасимова К. М. Об исторических формах национальной культуры бурят // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1995. С. 39.

² Михайлов Т. М. Из истории складывания этнического самосознания и менталитета // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития: Мат-лы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 1996. С. 21.

³ Елаева И. Э. Этничность бурят в постсоветский период // Сибирь; этносы и культуры. Традиции и инновации в этнической культуре бурят. Улан-Удэ, 1999. Вып. 5. С. 61.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Елаева И. Э. Бурятская интеллигенция: доминанты этнического самоопределения // Этнографическое обозрение. М., 1998. № 2. С. 128.

⁶ Михайлов Т. М. Указ. соч. С. 18, 19.

⁷ Елаев А. А. Бурятские народ: Становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 97, 98.

⁸ Там же. С. 98.

⁹ Бильтрикова А. В. Национальная интеллигенция в процессах консолидации бурятского народа // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития: Мат-лы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, С. 75.

¹⁰ Елаева И. Э. Указ. соч. С. 62.

¹¹ Елаев А. А. Указ. соч. С. 302.

¹² Герасимова К. М. Указ. соч. С. 39.

¹³ Там же. С. 40, 41.

Т. П. Бажеева
(г. Улан-Удэ)

ДВУАЗЫЧИЕ В БУРЯТСКИХ СЕМЬЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*

Всестороннее и объективное изучение языковой ситуации в полинациональном регионе невозможно без включения в круг обсуждаемых проблем вопроса о распределении функций контактирующих языков в качестве средства общения в таких важных сферах их реализации, как семья и система образования. Именно в них осуществляется процесс формирования раннего национально-русского двуязычия.

В социолингвистике проводятся различные исследования зависимости речевого поведения больших и малых социальных групп от демографических и социальных характеристик индивидов¹

Выбор языка общения внутри семей является результатом воздействия как объективных, так и субъективных факторов. К объективным могут быть отнесены следующие:

а) факторы, влияющие на преимущественное использование языков родителями: статус поселения, место рождения и длительного проживания, уровень образования, изучение национального языка в школе, языковая установка семьи, сфера деятельности;

б) факторы, влияющие на преимущественное использование языков детьми-дошкольниками: статус поселения, место рождения, посещение детского сада, изучение национального языка в детском саду, языковая установка семьи (табл. 1).

Фактор языковой установки семьи является центральным по влиянию и комплексным по структуре, в которую входят такие характеристики, как 1) родной язык членов семьи 1-го, 2-го и 3-го поколений, 2) функциональный язык членов семей всех поколений. В современных бурятских семьях эти характеристики могут совпадать у старшего поколения и соотноситься с двумя системами у родителей и детей. К субъективным относится фактор социальной установки семьи, включающий систему ценностных ориентаций коммуникантов². Влияние факторов на процесс общения может быть проиллюстрировано, во-первых, выявлением языка преимущественного общения членов семей; во-вторых,

* Анкетный опрос проводился в 1998–1999 гг.

выбором языка общения с детьми; в-третьих, определением конкретного объема участия каждого из двух языков в обслуживании семейного общения.

Таблица 1

Язык общения в семьях в зависимости от места рождения родителей и детей, % *

Ситуации общения	Родители						Дети					
	Город			Село			Город			Село		
	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.
Родители с детьми	3,3	57,0	39,7	17,9	14,7	67,4	2,0	49,0	50,0	21,6	10,0	68,4
Дети между собой	1,7	63,8	34,5	16,4	39,7	43,8	1,3	77,1	20,6	17,5	29,6	52,9

* Представлены результаты исследования респондентов, родившихся в Бурятии (84,3 %).

Из социальных факторов, перечисленных выше, нами рассматриваются следующие: место рождения родителей и детей; уровень образования родителей; изучение бурятского языка родителями в школе; изучение бурятского языка детьми в детском саду.

Место рождения. Следует отметить, что расхождения в показателях выбора языка общения происходят как между уроженцами города и села, так и между родителями и детьми (см. табл. 1). Востребованность бурятского языка в семьях респондентов, родившихся в сельской местности, многократно выше, чем в семьях городских с рождения жителей. Дети родом из сел также показывают большую активность общения на бурятском языке в указанных ситуациях. Важно то, что дети разговаривают между собой на родном языке не менее активно, чем с родителями.

По нашему мнению, бурятский язык как родной и функциональный у детей дошкольного возраста в значительной мере сохраняется вследствие их «домашнего» воспитания. Сельские дошкольные дети³ постоянно находятся в естественной языковой среде, общаясь с прародителями и родственниками – носителями языковой традиции. Дети, посещающие детские сады, большую часть времени проводят в двуязычной, чаще русскоязычной, среде. По уровню функционального двуязычия в семьях лидируют уроженцы сельской местности. Родители – горожане с рождения – реже разговаривают с детьми на двух языках, что обусловлено давлением внешней языковой среды, в которой они пребывали с детских лет. Мы предполагаем, что объем использования русского языка в общении детей-горожан мог быть в этой группе семей более высоким, а показатель двуязычного общения с детьми более низким. В целом по нашим данным фактор места рождения является релевантным в выяснении предпочтения членов семей к общению на бурятском, русском и двух языках.

Необходимо внести уточнение. На практике далеко не так однозначно связаны обсуждаемые факторы и варианты ситуаций общения по семьям. Во всех случаях один фактор – *языковая установка семьи* – является постоянно актуализируемым, т. е. действующим, и он может «накладываться» на результаты, приводя к спорадическому повышению или понижению их значений. Например, в Улан-Удэ в отдельных семьях бурятский язык является монопольным в семейном общении всех поколений, несмотря на длительное проживания в городе.

Следующим социальным фактором является *уровень образования родителей*. В данной выборочной совокупности он является очень высоким⁴ (табл. 2).

Таблица 2

Язык общения в семьях в зависимости от уровня образования родителей, %

Ситуации общения	Неполное среднее			Среднее общее			Среднее специальное			Высшее		
	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.
Родители с детьми	30,4	6,5	63,0	26,3	21,3	52,5	10,9	25,7	63,3	5,9	33,0	61,1
Дети между собой	19,4	41,9	38,7	19,3	41,2	39,5	7,9	52,0	40,1	4,3	60,1	37,6

Как видно из табл. 2, прослеживается обратно пропорциональная зависимость между уровнем образования респондентов и степенью использования бурятского языка членами семьи, что отмечалось и другими авторами⁵ Наиболее активно разговаривают по-бурятски с детьми родители с неполным средним и средним образованием. В группе со средним специальным образованием уже очевидно многократное снижение объема бурятского языка в общении. Только 5,9 % респондентов с высшим образованием объясняются на данном языке с детьми. Это не может не вызывать тревогу. Несмотря на образование родителей двуязычное общение с детьми не претерпевает резких изменений. У детей функционально-двуязычное речевое поведение вполнину ниже по объему, но также сохраняет данный уровень во всех образовательных группах. В то же время все дети многократно приращивают объем функций общения между собой на русском языке, что, по нашему мнению, можно отнести только на внешнее влияние, оказываемое на детей социумом. Уровень образования тесно связан с фактором *социальной установки семьи*. В семьях респондентов с высоким уровнем образования социальная установка действует гораздо сильнее, чем в других семьях, что может тормозить и нивелировать влияние фактора языковой установки семьи.

Следующий фактор – *изучение бурятского языка в школе и детском саду* – относится к факторам сознательного, регулирующего воздействия общества на языковые процессы, что является частью языковой политики⁶ (табл. 3).

Таблица 3

Язык общения в семьях в зависимости от изучения бурятского языка членами семей, %

Ситуации общения	Родители						Дети					
	Бурятский язык в школе						Бурятский язык в детском саду					
	изучали			не изучали			изучают			не изучают		
	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.	на бур. яз.	на рус. яз.	на двух яз.
Родители с детьми	–	9,0	69,2	7,7	43,4	52,9	15,0	33,0	52,0	5,9	24,3	69,8
Дети между собой	18,8	31,2	50,0	3,1	69,6	26,7	14,4	49,6	35,9	3,6	67,0	32,4

Необходимо обратить внимание на проявляющуюся отрицательную динамику функций бурятского языка в период получения респондентами образования. До школы почти половина всех респондентов (48,8 %) являлась бурятскоязычными монолингвами и около 30 % билингвами. Как предмет изучали язык 47,4 %, предметы преподавались на языке только у 2,2 %, а на двух языках – у 27,2 % опрошенных, что указывает на резкое снижение использования исконного языка в процессе обучения родителей. Неудивительно, что объем бурятскоязычного общения родителей с детьми так низок. Из табл. 3 можно видеть, что тем не менее родители, изучавшие в школе бурятский язык, намного активнее общаются на нем с детьми, чем остальные. Дети, изучающие в детских садах бурятский язык, также чаще используют его в общении и с родителями, и между собой. Данную ситуацию общения следует считать принципиально важной, так как она отражает устойчивость навыков детей к общению именно на родном им языке. В этих же семьях отмечены высокие значения объема двуязычного общения с детьми и, самое главное, детей между собой. Совершенно иная языковая ситуация в семьях, где и родители не изучали, и их дети не изучают бурятский язык. Поэтому и разговаривают по-бурятски крайне мало. Показатели объема их двуязычной коммуникации также незначительны. Компенсируются данные «лакуны»⁷ доминирующим русскоязычным общением родственников.

Таким образом, фактор изучения бурятского языка членами семей оказывает влияние на укрепление позиций исконного языка, как и билингвального общения в рассматриваемых речевых коллективах.

Изучение функций бурятского и русского языков в процессе жизнедеятельности семей дает информацию о наличии преемственности в использовании двух языков всеми поколениями членов семьи (табл. 4).

Таблица 4

Язык общения в семьях в зависимости от старших членов семьи, %

На каком языке общаются	Язык общения с прародителями			Язык общения родителей		
	бурятский	русский	оба	бурятский	русский	оба
На бурятском	42,3	1,1	3,2	65,1	0,	1,4
На русском	0,9	87,2	18,6	0	90,9	9,5
На двух языках	56,8	11,7	78,2	34,9	9,1	89,1
На бурятском	36,5	0,	1,9	46,6	0,	3,8
На русском	12,9	94,7	55,4	12,9	96,5	47,5
На двух языках	50,6	5,3	42,6	40,5	3,5	48,6

Судя по табл. 4, можно предположить наличие прямой зависимости преимущественного общения членов семей второго и третьего поколений от языковой традиции, передаваемой им от первого поколения. Такая «трансляция» наблюдается в значениях объема использования бурятского, русского и двух языков. Если из других таблиц видно, что дети используют бурятский язык в два и более раз реже в общении между собой, чем с родителями, то здесь их показатели очень близки. Язык, на котором разговаривают родители между собой, в такой же степени предопределяет тип общения детей на том же языке. Бурятскоязычные родители полностью детерминируют речевое поведение дошкольных детей до начала посещения ими детского сада и школы, где начинается активная билингвизация.

Результаты проведенного опроса позволяют осуществить группировку обследованных бурятских семей по функциональному использованию двух языков, бурятского и русского в различных ситуациях общения. По указанным характеристикам все включенные в выборку бурятские семьи были распределены на три группы:

1) преимущественно бурятскоязычные семьи (всего по выборке – 5,2 %; в том числе: город – 1,3 %; село – 7,7 %);

2) двуязычные семьи (84,4 %; город – 82,4 %, село – 85,7 %);

3) преимущественно русскоязычные семьи (10,4 %; город – 16,3 %, село – 6,7 %).

В группировке преимущественно одноязычные семьи расположены «на полюсах» и не являются значительными по удельному весу. Подавляющее большинство семей, как и предполагалось, относятся к двуязычным коллективам. Наличие одноязычных семей обусловлено прежде всего их территориальной принадлежностью. С одной стороны, это семьи жителей поселений с гомогенным бурятским населением, с другой – семьи с рождения городских жителей. Дифференциация «город – село» отражает крайне низкий уровень семейного общения на титульном языке в столице республики. В сельских районах показатель ожидался более высоким. По двуязычному общению городские жители идут почти вровень с сельскими. Очевидно, этот тип общения сложился повсеместно и характеризуется устойчивостью к влиянию внешних факторов.

Полученная информация о функционировании языков в бурятских семьях в городе и сельской местности указывает на изменение соотношения бурятского и русского языков в данной сфере их реализации. В исследованиях общественных функций контактирующих языков, проведенных в 1960–1970-е гг., отмечалось преимущественное использование бурятского языка именно в сфере семейного общения (А. А. Дарбеева, Л. Д. Шагдаров, А. Р. Бадмаев)⁸. Изменение соотношения в пользу русского языка отмечалось с конца 70-х, а на 80-е гг. приходится период наибольшей потери позиций бурятского языка как средства коммуникации родственников (И. Д. Бураев, Г. А. Дырхеева)⁹

Таким образом, нами отмечено значительное снижение уровня востребованности бурятского языка в семьях. В общении старшего поколения со средним и младшим он продолжает функционировать, но в основном звене – «родители – дети», замещается сначала двуязычным, затем – русскоязычным общением. Самое низкое значение бурятскоязычной коммуникации наблюдается у городских детей. Признание бурятского языка в качестве родного для многих респондентов является формальным, поскольку языком, обслуживающим семейное общение, выступает русский язык (это более свойственно горожанам). В сельской местности бурятский язык более востребован, но чаще как компонент субстратного общения на двух языках.

Сдерживающим дальнейшее ухудшение ситуации обстоятельством можно считать достаточно стабильный уровень реализации функционального двуязычия в семьях. Сельские жители более двуязычны, чем городские, их дети также активно разговаривают с родителями, родственниками и между собой на бурятском и русском языках. В городе объем двуязычной коммуникации ниже, чем в сельских поселениях. У городских детей билингвальное общение происходит с прародителями и реже с родителями, но между собой они разговаривают только на русском языке.

Резкий рост участия русского языка в качестве средства семейного общения обусловлен такими причинами, как повышение уровня и изменение содержания образования коммуникантов, смена системы ценностных ориентаций, усиление процесса урбанизации, активность миграции «село – город» и т. п.

Исходя из изложенного выше следует рассматривать сложившуюся ситуацию как проблемную. Для стабилизации положения считаем необходимым:

- 1) принимать меры для повышения функциональной загруженности бурятского языка, используя при этом ресурс, заложенный в самих семьях, – языковая компетенция старшего поколения и самих родителей;
- 2) привлекать имеющийся языковой потенциал семей к сотрудничеству с педагогическими коллективами в детских садах и школах;
- 3) приобщать к процессу изучения бурятского языка детьми родителей, не владеющих им, используя семейный учебник;
- 4) преобразовать форму организации преподавания бурятского литературного языка как государственного из экспериментальной, факультативной в стационарную, учитывая при этом разницу в стартовых возможностях детей к началу преподавания и тип языковой установки в их семьях.

Примечания

¹ Белоусов В. Н., Григорян Э. А. Русский язык в межнациональном общении в Российской Федерации и странах СНГ (по данным социолингвистических опросов 1990–1995 гг.). М., 1996; Исхакова З. А. Функционирование государственных языков в Республике Татарстан среди учащихся-татар // Современные национальные процессы в республике Татарстан. Казань, 1994. Вып. 2; Украинско-русское двуязычие. Киев: Наукова думка, 1988.

² В статье освещаются лишь отдельные факторы. Их влияние показано на ситуациях общения, в которые вовлечены дети.

³ До 40 % детей в селах не посещают детские сады.

⁴ Высшее образование получили 45,9 % (городские респонденты – 60,1 %, сельские – 24,7 %).

⁵ Дырхеева Г. А. Особенности функционирования бурятского и русского языков в Республике Бурятия и бурятских национальных округах // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996; Затеев В. И., Бабушкина Н. С. Двуязычие в современной Бурятии // Социс. 2000. № 10.

⁶ Баскаков А. Н. Социальные факторы и их воздействие на лексико-семантическую систему языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука, 1988.

⁷ Термин У. Вайнрайха. См.: *Языковые контакты*. Киев: Вища школа, 1979.

⁸ Дарбеева А. А. Условия развития бурятско-русского двуязычия // Развитие национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1976; Шагдаров Л. Д. Национальный язык и двуязычие бурят // Великий Октябрь и развитие бурятского народа. Улан-Удэ, 1987.

⁹ Бураев И. Д. Современное состояние бурятского языка и меры его сохранения и совершенствования // Социолингвистические исследования в Бурятии. Улан-Удэ, 1992.; Дырхеева Г. А., Будаев Б. Ж., Бажеева Т. Т. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ, 1999.

Е. Я. Лацук
(г. Москва)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ БУРЯТИИ)

Просвещение как способ трансляции культуры в обществе в современных условиях приобретает первостепенное значение прежде всего в силу того, что является одним из основных факторов сохранения культуры, передачи подрастающим поколениям ее наиболее значимых образцов, норм, ценностей и идеалов. Эффективная система просвещения, использующая новые технические средства, опирающаяся на богатейшие культурно-просветительские традиции России, может и должна обеспечить превращение культурных достижений, норм, ценностей, традиций в реальное, воздействующее на ум и душу каждого человека культурное пространство, которое обеспечит ему наиболее полное и осознанное вхождение в реальность. Большую роль в этом процессе призваны сыграть средства массовой информации, прежде всего телевидение, ставшее в современных условиях одним из важнейших механизмов трансляции ценностей культуры в обществе. Изучение просветительских возможностей

современного отечественного телевидения в целом и регионального в частности представляется важной и актуальной задачей.

Надо отметить, что характерными чертами происходящих сегодня в России процессов являются регионализация и децентрализация социально-культурной жизни. Говоря о тенденциях развития современного телевидения, С. А. Васильев в работе «Отечественный телевизионный рынок: возникновение, становление и тенденции развития» в качестве основной тенденции выделяет регионализацию телевидения, происходящее в последние годы интенсивное появление и развитие местных телевизионных компаний, «рейтинги которых зачастую сопоставимы и даже превышают рейтинги центральных каналов». «Следовательно, растет влияние местных каналов на формирование общественного мнения», – делает вывод автор¹

Действительно, за последние годы влияние регионов на общеполитическую, информационную и культурную ситуацию в стране усилилось и стало очевиднее и определеннее. Активизировались местные средства массовой информации как региональных государственных, так и коммерческих каналов телевизионного вещания.

Местные СМИ стали более независимыми и раскрепощенными, а транслируемая ими информация – доступнее и ближе населению регионов. Во многом это обусловлено возрастанием профессионального и социального самосознания журналистов, представляющих региональные СМИ, ведь в жестко централизованном государстве провинциальному журналисту был традиционно присущ некий комплекс неполноценности, поскольку авторитетность и популярность изданий почти однозначно определялись их близостью к центрам власти.

Исследования рейтингов ведущих СМИ в регионах показали, что сегодня в целом в системе «центральных» и «региональных» СМИ акцент явно сместился в сторону последних. Конечно, местные СМИ не могут конкурировать с центральными в оперативности, широте и масштабности освещения событий в стране и за рубежом. Но региональное телевидение ближе к обыденной человеческой жизни, заботам города, улицы, дома, поликлиники, школы, конкретной семьи, всех тех, чьих проблем в столице просто не видно. Региональное телевидение незаменимо как источник местной информации и именно в этом его особое преимущество перед центральным телевидением.

Трудно переоценить роль регионального телевидения в трансляции ценностей национальной культуры, приобщении жителей региона к местным культурным ценностям и традициям. Однако положение, сложившееся сегодня на всем отечественном телевидении, проецируется и на региональное телевидение – его культурно-просветительские возможности практически не используются, основное содержание эфира составляет легкое развлекательное зрелище.

В октябре 2000 г. нами был проведен социологический опрос жителей г. Улан-Удэ. Всего в опросе приняло участие 170 человек. Целью анкетирования было выяснение телевизионных предпочтений жителей города, а также анализ отношения зрителей к передачам культурно-просветительского направления.

В ходе исследования нас интересовало, какие программы предпочитают смотреть жители Бурятии, что в программе выбранных ими каналов привлекает их больше всего. Абсолютным лидером в проведенном нами опросе стали информационные программы: информация о происходящем в стране (43 % опрошенных) и местные новости (50 %), причем от возраста, доходов и рода занятий респондента степень интереса к информационным передачам практически не зависит. Помимо программ новостей большую аудиторию собирают передачи развлекательного характера, телесериалы и художественные фильмы.

В проводимом исследовании нас интересовало прежде всего то, какое место отводят зрители передачам культурно-просветительского направления? Как и следовало ожидать, аудитория такого рода программ невелика, их, по нашим данным, предпочитает смотреть (на региональном и центральном телевидении) лишь 12 % опрошенных. Однако невысокий процент определяется скорее не спросом на такие программы, а предложением телевизионных каналов. На просьбу назвать две-три передачи культурно-просветительского направления (в этот список мы включили встречи с интересными людьми, культурно-образовательные передачи, дискуссии, обсуждения, познавательные программы и передачи для молодежи) лишь 2,8 % телезрителей смогли вспомнить такие программы на местных каналах. На вопрос о том, какие каналы, центральные или местные, уделяют больше внимания вопросам культуры и просвещения, 56 % респондентов назвали центральные, 1,2 % – местные, остальные затруднились ответить.

Важно отметить тот факт, что потенциальная аудитория просветительских передач оказалась гораздо больше реальной. На вопрос: «Достаточно ли в целом, по Вашему мнению, выходит культурно-просветительских передач?», 57 % опрошенных ответили: «Не достаточно, должно быть больше».

Этот факт свидетельствует прежде всего о том, что при целенаправленной, продуманной политике в области телевидения, просветительские передачи, призванные сыграть наибольшую роль в приобщении зрителей к культурным ценностям своего региона, формировании общей культуры, развитии

гражданской позиции, могли бы привлечь к экрану немалую часть телезрителей, в частности молодежи, оказав тем самым благотворное влияние на процесс ее социализации.

Другим направлением нашего исследования стало рассмотрение того, насколько соответствует предлагаемая региональным телевидением продукция ожиданиям зрителей и какое место занимают просветительские программы в общем объеме вещания.

Анализ программы вещания местных телевизионных каналов привел нас к неожиданному выводу: почти полное отсутствие культурно-просветительских передач на местных коммерческих телевизионных студиях компенсировалось немалой долей художественных и гуманитарных программ на государственном телевидении Бурятии. Однако большинство их выходит в эфир на бурятском языке. Возможность проведения в республике культурной политики, направленной на возрождение национальной культуры в целом и бурятского языка в частности, является, безусловно, большим достижением происходящих сегодня в России процессов демократизации общества. Но необходимо учитывать и тот факт, что русскоязычное население республики, которое, например, в г. Улан-Удэ составляет более половины, в большинстве своем не владеет бурятским языком. Таким образом, в немалой степени происходит искусственное отчуждение русскоязычного населения республики от местной культуры. На наш взгляд, такая ситуация является скорее результатом недопонимания, чем целенаправленной политикой республиканских властей, и именно поэтому на нее стоит обратить особое внимание.

Сегодня, когда национальная проблема во многих республиках стоит как никогда остро, особенно необходима взвешенная, продуманная политика региональных средств массовой информации в этой области. Местные телевизионные компании должны целенаправленно формировать у зрителей уважение к культуре всех народов, населяющих республику. Чем больше, например в Бурятии, будет выходить в эфир передач, в интересной и доступной форме знакомящих телезрителей с культурой и традициями бурят, русских, эвенков и других народов, населяющих республику, тем более здоровой и стабильной будет ситуация в регионе.

Думается, что одной из основных причин того, что просветительские передачи (в том числе так необходимые именно сейчас программы о культуре и традициях народов, населяющих регион) практически не выходят на местных коммерческих телевизионных каналах является то, что финансовое положение последних напрямую зависит от рекламных поступлений. И производство культурно-просветительских и художественных программ им просто не выгодно. Главная задача коммерческого телевидения – собрать у телевизионного экрана как можно больше зрителей и «продать» их рекламодателю: чем выше рейтинг передачи (т. е. чем больше она собирает зрителей), тем больше платит рекламодатель за размещение в ней рекламы. Аудитория просветительских передач невелика по определению. По сложившейся в мире практике передачи об искусстве (и культурно-просветительские вообще) удерживаются в эфире при условии достижения 50 % от среднего рейтинга канала. Правило это неписаное, но оно составляет часть культурной политики. Благодаря ему телевидение и искусство получают возможность просвещения публики. Особенно велика роль таких программ в приобщении к миру культуры и искусства молодого поколения.

В нашей стране пока, к сожалению, говорить о культурной политике региональных коммерческих телекомпаний не приходится. Как правило, местные телестудии развиваются стихийно, без какой-либо научной основы и ориентируются в своей повседневной деятельности на сиюминутные интересы. Стремясь добиться успеха и роста популярности у зрителя, коммерческие телекомпании часто делают ставку не на научно обоснованную стратегию, направленную на обретение собственного имиджа, а на частные и временные факторы.

Анализ программ вещания местных коммерческих каналов показал, что в среднем доля программ собственного производства в общем объеме вещания составляет около 15 %. Казалось бы, не так мало, если не учитывать тот факт, что 75 % этого времени (в которое мы включили и программы платных музыкальных поздравлений, получившие широкое распространение на местном телевидении) занимают чисто рекламные и коммерческие передачи. Оставшееся время в основном отведено программам новостей, репортажам на социальные темы и развлекательные передачи.

Как показывает опыт, выход в эфир гуманитарных, в том числе культурно-просветительских, передач на местных коммерческих каналах возможен, но он всецело зависит от энтузиазма руководства каналов и отдельных журналистов. Например, нами в течение полутора лет на телевизионном канале «Тивиком» регулярно выпускалась культурно-просветительская программа АРТ, которая прекратила свое существование с уходом автора, до сих пор регулярно выходит в эфир «Школьное телевидение». Просветительские программы в том или ином виде существуют и на некоторых других региональных коммерческих каналах, однако они являются скорее исключением из правил.

Какова же ситуация в области просвещения на государственных региональных телевизионных каналах? Так как здесь финансирование в основном государственное, рекламные передачи составляют всего около 10 % от общего времени вещания. Бурятское государственное телевидение транслирует

только программы собственного производства (за исключением мультфильмов). По сути, бурятское телевидение почти не изменилось с советских времен и в немалой степени осталось просветительским. Имея бюджетное финансирование, канал может позволить себе показ концертов симфонической музыки, трансляцию театральных постановок, концертов народной музыки, интервью с местными деятелями искусства и т. д. Эти программы составляют в среднем одну треть от общего числа собственных передач. Такого высокого показателя просветительских передач нет ни на одном центральном телевизионном канале (за исключением канала «Культура»).

Однако большая часть этих передач выходит в эфир на бурятском языке, заранее отторгая таким образом от экрана русскоязычных телезрителей. Кроме того, уровень передач, нежелание вводить новые формы подачи материала приводят к тому, что Бурятское государственное телевидение практически не имеет своего зрителя. По результатам проведенного нами социологического опроса у этого канала оказался самый низкий рейтинг.

Такое положение дел в сфере государственного регионального телевидения, как оказалось, характерно не только для Бурятии. Исследования, проводимые одновременно в восьми регионах России, показали аналогичные результаты. Так, в ходе социологических опросов среди журналистов регионов им было предложено, в частности, оценить по пятибалльной шкале степень популярности, значимости для аудитории региона центральных и местных государственных и коммерческих телевизионных каналов. По результатам исследования было сделано два основных вывода:

независимое (коммерческое) телевидение там, где оно получило развитие, доказывает свою конкурентоспособность с центральным вещанием;

как в целом по зоне опроса, так и почти в каждом из регионов местное государственное телевидение оказывается несостоятельным (несмотря на двойное – бюджетное и коммерческое финансирование) по сравнению с независимым. Вот соотношение по оценке «5» («наибольшая значимость») для некоторых городов: Екатеринбург – 4,5 : 21,0 %; Воронеж – 3,0 : 12,0 %; Ростов – 3,5 : 7,0 %; Нижний Новгород – 14,0 : 25,0 %; Новосибирск – 7,5 : 45,0 %².

Несмотря на то что бюджетное финансирование дает государственному каналу редкую возможность для создания художественно-просветительских программ, способных воспитать и развить художественный вкус телезрителей, заинтересованности журналистов в конечном результате своей работы отнюдь не ощущается. Формы подачи материалов в художественно-просветительских программах Бурятского государственного телевидения не меняются уже много лет, передачи сильно растянуты во времени, маловыразительны и не имеют конкретного адресата – они не достаточно интересны для профессионалов (людей искусства) и мало увлекательны для широкой публики. Все это уже сформировало определенный имидж канала, что приводит к тому, что в большинстве своем зритель просто не переключается на него, независимо от того, насколько, может быть, хороша и удачна та или иная конкретная передача.

Если государство финансирует телевизионный канал и предоставляет таким образом возможность создавать художественно-просветительским программы, необходимо попытаться привлечь к ним как можно больше телезрителей. На наш взгляд, для этого необходимо изначально формировать передачи, ориентированные на конкретный слой потребителей, причем каждый блок, каждая рубрика программы должны подразумевать определенный контингент зрителей. Сегодня подавляющее большинство предложенных рубрик предназначено, по мысли их создателей, для широкой аудитории, т. е. для всех без различия. Программы должны быть как бы нескольких уровней доступности. Например, чтобы привлечь внимание школьников, просветительские передачи должны быть организованы в интересной, нестандартной, увлекательной форме – игры, викторины, соревнования. Тематика таких программ может быть разнообразной – вопросы по истории родного края, природе, литературе, искусству, традициям и обычаям народов, населяющих регион и многое другое. Если подобные передачи-конкурсы будут организованы в живой и яркой форме и начнут выходить в эфир регулярно, если в них будут принимать участие местные школьники и состав участников начнет постепенно расширяться, то вскоре они смогут завоевать немалую молодежную аудиторию.

Чтобы привлечь к каналу внимание высокообразованной части населения, возможно, следует организовать, например, дискуссионные клубы и круглые столы для обсуждения вопросов и проблем, касающихся культуры и искусства региона и наиболее волнующих сегодня местную творческую интеллигенцию. Такие программы должны выходить в прямом эфире. Как показывает опыт, именно интерактивные передачи наиболее живо воспринимаются телезрителями, ибо они сохраняют ощущение живого диалога между автором передачи, ее гостями и зрительской аудиторией.

Надо отметить, что возможности для просветительской деятельности существуют не только на государственных региональных телевизионных каналах, но и на коммерческих. И если государственное телевидение, уже имеющее возможность создавать такие программы, могло бы повысить рейтинг этих передач за счет увеличения их зрелищности, поиска новых, увлекательных форм подачи материала, создания адресных передач, основанных на точном знании своей аудитории, и т. д., то на коммерческом телевидении создание таких передач во многом зависит от финансирования. И хотя практический опыт показал, что создание культурно-просветительских передач при большом желании

руководства канала и отдельных журналистов возможно, необходимы определенные экономические рычаги (например, предоставление налоговых льгот каналам, осуществляющим просветительскую деятельность в регионе) для того, чтобы преодолеть одностороннюю, информационно-развлекательную направленность местного коммерческого телевидения. Этому могло бы способствовать и возрождение меценатства.

В заключение необходимо обозначить те направления в работе регионального телевидения, которые могут способствовать общей гуманизации процесса телевидения, преодолению существующих сегодня негативных тенденций в его развитии и функционировании, улучшению качества культурно-просветительских программ на местных каналах.

1. Расширение взаимодействия с другими регионами. Межрегиональный информационный обмен, обмен достижениями в области культуры и искусства, образования и просвещения должен занимать видное место в структуре вещания региональных компаний.

2. Увеличение адресных передач, основанных на точном знании своей аудитории. Каждый блок, каждая рубрика программы должны подразумевать определенный контингент зрителей.

3. Полноценное использование интерактивных форм работы. Опыт показывает, что именно такого рода передачи наиболее живо воспринимаются телезрителями, поскольку сохраняют ощущение живого диалога между автором передачи, ее гостями и зрительской аудиторией.

4. Необходимость применения разнообразных форм (жанров) телевизионных программ, позволяющих использовать все богатство возможностей телевидения для выражения просветительского содержания: демонстрационная, интервью, круглый стол, конкурс-соревнование, передачи с участием публики, тележурнал, телепанорама.

5. По возможности регулярное проведение социологических исследований аудитории в целях выявления телевизионных предпочтений зрителей и повышения эффективности вещания и наиболее полного удовлетворения потребностей зрителей.

6. Увеличение количества программ для детей. При создании детских программ необходимо ориентироваться на различные возрастные группы. Детское телевидение должно быть:

- интерактивное, т. е. позволяющее детям участвовать в создании передач,
- «детское» (т. е. дети – детям),
- максимально познавательное.

7. Акцент на местные особенности, максимальное использование локального характера местного телевидения для установления наиболее тесного контакта со зрительской аудиторией.

Следует подчеркнуть, что сегодня крайне важно, чтобы развитие просветительской деятельности регионального телевидения стало частью региональной культурной политики. Необходим поиск определенных экономических рычагов для того, чтобы преодолеть одностороннюю, информационно-развлекательную направленность современного местного телевидения, в целом гуманизировать процесс телевидения в регионе.

Реализация программы, направленной на всемерное развитие просвещения, способна явиться основой для духовного развития и возрождения региона и России в целом.

Результатами реализации программы развития просвещения в регионе должны стать:

- развитие средствами телевидения интеллектуально-нравственного потенциала населения региона;
- формирование и развитие эстетических потребностей и вкусов всех социальных и возрастных групп населения, создание на этой основе эстетически развитой и заинтересованной аудитории зрителей;
- сохранение и передача новым поколениям традиций в области культуры;
- приобщение населения региона к шедеврам отечественной и местной художественной культуры, лучшим образцам народного творчества, классического и современного искусства;
- формирование культуры межнационального общения посредством просвещения в области культурных традиций народов, населяющих регион;
- привлечение ресурсов культурного просвещения в целях социально-культурной адаптации детей и подростков.

Телевидение – не просто средство массовой информации, это новый вид человеческого общения. Региональное телевидение, традиционно стоящее ближе к своему зрителю, более понятно ему, так как включено в повседневную жизнь. Сегодня необходимо возродить традиции просветительского телевидения, взяв все лучшее у советского телевидения, но на принципиально новом уровне. Опираясь на лучшие традиции отечественного просвещения и прежде всего их гуманистическую ориентацию, а также учитывая требования нового этапа развития телевидения в стране, важно добиться, чтобы региональное телевидение стало полноценным субъектом культурно-социализирующей деятельности.

Примечания

¹ Васильев С. А. Отечественный телевизионный рынок: возникновение, становление и тенденции развития // Mass media в современной России. М., 2000. С. 29.

² Журналист и журналистика российской провинции: опыт исследования. М.: Начала-Пресс, 1995. С. 45.

Е. А. Ерохина
(г. Новосибирск)

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНОЙ КОНФЛИКТ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА*

Вопрос о перспективах существования коренных малочисленных народов Севера лежит сегодня в плоскости сохранения не только их традиционного хозяйства, но и культурной идентичности представителей этих народов. Проблема экономического, социального и духовного возрождения тем или иным образом отражает разные аспекты этого непростого процесса. Маргинализация, утрата этнической определенности, размывание этнических границ и другие следствия контакта с индустриальной цивилизацией порождают сбои в трансляции культурной традиции.

Причины этого сбоя исследователи правомерно усматривают в унифицирующем воздействии глобализационных процессов. Но при этом нередко игнорируется их противоречивый характер, порождающий тенденции к обособлению региональных и этнических сообществ¹. И уж вовсе уходит из внимания тезис о защитной функции культуры².

В дискуссиях о перспективе спасения культур коренных малочисленных народов Севера довольно редко можно услышать голоса тех, кто видит ее в укреплении самостоятельности и самодостаточности этих этносов³. Необходимость вспоминать о том, что именно культура «спасает» нас в условиях кризиса, предлагая нам выбрать наиболее эффективные из своего набора адаптивных техник, не является особенно актуальной тогда, когда есть расчет на получение особых привилегий от государства. Однако здравый смысл подсказывает, что получение особых прав – лишь отсрочка, но не решение проблемы сохранения культур северных этносов.

Думается, пришло время обсудить возможности культуры, в том числе и культуры народов циркулярного круга, как средства выхода из кризиса, порожденного трансформациями переходного периода. Но оценки этих возможностей учеными, чиновниками, общественными деятелями, журналистами и работниками сферы образования далеко не однозначны. Однако именно она в ближайшее время будет определять политику государства, проводимую в отношении этих народов.

Представители консервативного направления исходят из убеждения, что единственно возможный вариант сохранения культур коренных малочисленных народов – это резервация, занятость их только в традиционных отраслях хозяйства, создание для них таких условий, которые бы минимизировали степень внешних воздействий и позволили «просуществовать» этим этносам как локальным сообществам.

Альтернативный проект ориентирован на самовывживание этих народов в непростых экономических условиях. Таковой была реальная политика органов государственного управления в России 1990-х гг. Теперь международное законодательство не позволяет следовать этой стратегии или, по крайней мере, делать вид, что такой путь может быть управленческой нормой.

Представители умеренной позиции исходят из убеждения, что необходимо создать такие условия для представителей данных народов, при которых они могли бы полноценно осуществлять свой коллективный и индивидуальный выбор. Это убеждение вполне соответствует доктрине либерализма и прав человека, стержневой в построении политико-правового пространства новой российской государственности.

Представляется, что решение по поводу своей судьбы должны принять непосредственно представители коренных и малочисленных народов. С этим вряд ли кто будет спорить. Однако открытым остается вопрос о технологии принятия такого решения. Десятилетний опыт национального движения показал, что национальные элиты не всегда способны справиться с возложенной на них задачей. Жизнь в политизированном обществе научила всех его граждан, независимо от этнической принадлежности, использовать «национальную карту» преимущественно в ситуации борьбы за ограниченный ресурс.

В тех ситуациях, когда не решается вопрос о сиюминутных выгодах, представители коренных и малочисленных этносов остаются один на один с проблемами занятости, доступности средств передвижения, медицинской помощи и образования для своих детей; и эти вопросы они вынуждены решать без участия общественных организаций, действующих от их имени, и органов управления. Уровень образования, зачастую более низкий, чем, например, у представителей русского населения, не

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований РАН № 20 «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

всегда позволяет им ясно и четко сформулировать свои требования к тем, кто по закону ответственен за решение этих проблем. Получается замкнутый круг.

Видимо, поставленная выше проблема может быть адекватно решена в значительной мере сознательными и целенаправленными усилиями, направленными на трансформацию системы социализации представителей коренных малочисленных народов Сибири. Такого рода трансформация требует вклада как представителей этносов, так и чиновников, педагогов, журналистов, образованных людей. Чтобы деятельность в данном направлении была эффективной, необходимы философское осмысление проблемы культурной идентичности и ясная идеология, которая могла бы сплотить всех заинтересованных людей, независимо от их профессиональной и этнической принадлежности, вокруг разработки новой модели социализации молодого поколения малочисленных народов Севера. В настоящей статье для обсуждения предлагаются методологические посылки возможной концепции.

1. Степень приспособления к окружающему миру тем выше, чем выше уровень организации живой системы (каковой является и этнос, и человек). Чем ниже уровень развития животного, тем в большей степени его приспособление и деятельность определяются инстинктами и рефлексам. Но чем выше уровень развития животного, тем более гибким становится его поведение и менее всеохватывающей оказывается врожденная адаптация. Эта тенденция достигает максимальной вершины у человека: при рождении он – самое беспомощное из всех живых существ; его приспособление основано главным образом на обучении⁴

Э. Фромм, автор данного тезиса, под обучением понимал социализацию, освоение культурно приемлемых способов деятельности и поведения. Очевидно, что молодое поколение представителей коренных малочисленных этносов обладает максимальными приспособительными возможностями в сравнении с другими возрастными группами, а потому является наиболее творческим социальным слоем в рамках социальной структуры той или иной этнической группы. Это означает, что в теоретическом и практическом (педагогическом и психологическом) аспектах пересмотра требует сам подход к работе с молодежью этой категории. Такой подход должен предполагать отказ от оценочных суждений образа жизни представителей молодого поколения, упреков в иждивенческих настроениях типа «хотите мало работать и много зарабатывать», что нередко встречается, например, в практике работников социальных служб.

2. Межпоколенный конфликт является нормой современного общества. Это в полной мере относится и к циркумполярным сообществам на рубеже тысячелетий. Суть межпоколенного конфликта в трансмиссии культуры достаточно полно описана М. Мид в работе «Культура и мир детства». Исследовательница строит классификацию культур, разделяя их на префигуративные, конфигуративные и постфигуративные и аргументировано доказывает, что префигуративные культуры (ориентированные на авторитет и опыт старших как безусловный эталон) ушли в прошлое и сохранились только у изолированных этносов⁵

В конфигуративных культурах молодежь ориентируется не столько на старших, сколько на современников, равных по возрасту и опыту. Иными словами, в процессе социализации влияние родителей уравнивается влиянием сверстников. В обществе, где преобладает конфигурация, старые и молодые считают естественными отличия норм поведения у представителей разных поколений. Конфликт конструируется из двух подходов, один из которых предлагает система образования и опыт сверстников, другой – опыт родителей. Наиболее полно применительно к проблеме трансформации культуры коренных и малочисленных народов этот конфликт раскрыт у Э. Эриксона в работе «Детство и общество», где он дает описание детства у двух племен американских индейцев, молодое поколение которых оказалось включенным в систему общего образования США⁶

Конфигуративная модель в простейшей форме имеет один существенный недостаток: это общество, в котором отсутствуют деды и бабки. Однако для представителей коренных малочисленных народов, в рамках культур которых крепость родственных связей является до сих пор существенным связующим звеном, этот недостаток оборачивается достоинством. Представители молодого поколения малочисленных народов Севера оказываются в более выигрышном положении, нежели представители других этносов (например, русского). Они способны воспринимать мир как многомерный, обладая, как минимум, тремя подходами к оценке действительности (собственный, родительский и «дедовский»). Это усиливает их адаптивные возможности в плане приспособляемости к новым социальным условиям. Для работников системы управления, образования и социальных служб перспективной представляется деятельность по актуализации творческого потенциала представителей старшего поколения.

3. Культурная идентичность коренных и малочисленных народов не обязательно будет базироваться только на ценностях традиционной культуры. Стопроцентный американец – не обязательно ковбой. Русский человек, который осознает себя таковым, может быть частью и деревенской, и городской русской культуры. Ненец не обязательно должен быть членом оленеводческой бригады. Сохранение культурной идентичности, а значит этноса (большого или малого), зависит от чувств, кото-

рые человек испытывает, когда осознает принадлежность к своему народу. Такие чувства, как показывает исторический опыт, возникают у народов, которые остро осознают проблемные вопросы своего существования. В этом смысле осознание острых социальных проблем и целенаправленная поисковая деятельность по их разрешению способна скорее сплотить, чем разобщить представителей коренных малочисленных народов Севера.

4. Однако само по себе наличие проблем вовсе не является гарантией выживания. Определяющей в этом процессе должна стать ориентация на собственную значимость как способность быть собой (быть эвенком, быть ненцем и т. д.) независимо от отношений с государством или транснациональными корпорациями. По меткому выражению В. Кимеева, которое он обронил в интервью программе Кузбасского телевидения «Сильная половина», посвященной жизни шорского селения (13 августа 2001 г.), нормальная жизнь для представителя любого этноса существует тогда, когда каждый работает и обеспечивает свою семью, а не рассчитывает на помощь от государства. Это не означает, что государство должно устраниться от тех проблем, которые оно обязано решать. Речь идет лишь о том, что государство может быть, в лучшем случае, помощником в решении социальных проблем жизни коренных и малочисленных народов. В иной ситуации следует полагаться на собственные силы.

Этот взгляд в некоторых отношениях разделяется и зарубежными исследователями. По мнению Д. Андерсона, будущее эвенкийской нации лежит в приобщении к такому типу знания, которое не зависит от привозных товаров и умений. Патерналистская система, конечно, уничтожила голод и дала каждой национальности и каждому коллективу место в сложной сети промышленного производства, однако именно она теперь угрожает воспроизводству тех самых умений и символов, которые институты культурной идентичности призваны были поддерживать⁷

Представляется, что наиболее продуктивная идеология в перспективе возрождения коренных малочисленных народов должна включать главную ценность – ценность родины, земли предков как источника существования в духовном смысле этого слова. Земля, территория традиционного природопользования – это не только экономическое понятие. Необходимо, чтобы оно вновь приобрело былое духовное, системообразующее содержание (особенно для тех людей, которые живут в городах или даже за пределами национальных округов). Это не только земля, например, эвенков, на ней живут и другие народы, но только здесь для эвенка – исток, начало жизненного пути, а возможно, и его конец.

Выбор педагогических и социальных технологий, способных внедрить и отстаивать эту идеологию, – дело профессионалов, педагогов, социальных работников, представителей национальной элиты, радеющих за будущее своих народов. Важно не забывать, что эти технологии эффективны только в том случае, если они будут опираться на союз представителей разных этносов, всех, кто живет на той или иной территории. Интеграция – наиболее надежное средство для малочисленных народов Севера на пути отстаивания ими своих интересов на всех уровнях, начиная с регионального и заканчивая федеральным.

Примечания

¹ Попков Ю. В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск, 2000. С. 173.

² Исакова Н. В. Культура и человек в этническом пространстве. Новосибирск, 2001. С. 110, 111.

³ Удалова И. В. Трудовая занятость как фактор напряженности в межэтнических отношениях в национально-смешанных поселениях Ханты-Мансийского Автономного округа // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск, 2002. С. 221.

⁴ Фромм Э. Бегство от свободы // Догмат о Христе. М., 1998. С. 205.

⁵ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 350.

⁶ Эрикссон Э. Детство и общество. СПб., 2000. С. 116.

⁷ Андерсон Д. Проблемы трансформации этнического сознания у коренных народов Таймыра // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 4. С. 162.

Г. А. Выдрина
(г. Ханты-Мансийск)

КУЛЬТ ЮГРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Важнейшим элементом управления этносоциальными процессами на территории является постановка цели, продвижение к которой контролируется в каждый данный момент времени. Цель деятельности определяется не произвольно, а объективно. Она устойчиво генерируется в системе деятельности территориальной общности и организует ее.

Для жителей Ханты-Мансийского АО главной объединяющей идеей постепенно становится идея исторической и региональной общности людей разных национальностей, проживающих на земле древней Югры¹. Девиз герба Ханты-Мансийского АО – «Югра». Тема Югры бесконечно варьируется в названиях средств массовой информации, организаций, мероприятий.

И. Косиков и Л. Косикова выделяют ряд контекстуальных оппозиций, в которых идея Югры фигурирует и определяет свое содержание. Во-первых, эта идея подчеркивает этнические особенности региона, заселенного угорскими народами. Во-вторых, идея намекает на формирование некоей новой общности людей, проживающей в бассейне Средней Оби. В-третьих, она частично воспринята от демократических национальных движений в округе (ассоциация «Спасение Югры»). В-четвертых, она значительно шире по своему содержанию, чем идея сохранения этнокультурной самобытности коренных народов. В-пятых, она является реакцией на прежнее отношение центральных властей к округу как к сырьевой провинции, где главная ценность – нефть, а все остальное, включая обустройство жизни людей, не так уж важно. И. Косиков и Л. Косикова обращают также внимание на то, что с рядом с официальной идеологией Югры у коренных жителей из числа малочисленных народов Севера популярны идеи сохранения «чистых» земель и особых прав аборигенов на эти земли, которые могут быть реализованы через местное самоуправление².

В изложенной позиции И. Косикова и Л. Косиковой содержится определенное противоречие. С одной стороны, идеология Югры как официальная противопоставляется популярным среди аборигенов идеям этнокультурной самобытности. С другой – указывается, что ее содержание шире, чем сохранение этнокультурной самобытности коренных малочисленных народов Севера. Возникает вопрос о роли и месте задачи сохранения этнокультурной самобытности коренных малочисленных народов Севера согласно идеологии Югры.

Топоним Югра возник как этноним – это коми-зырянское название ханты и манси. «Уг» означает вода, «ра» – народ. Следовательно, Югра – народ воды. Югорская земля буквально погружена в воду. Поверхностные воды составляют 6,6 % территории Югры, 44,3 % территории приходится на болота. По окружающему ландшафту местную аборигенную цивилизацию историки и этнографы часто называют «цивилизацией на болотах». Да и теперь города (в них проживает 91,4 % населения), стойбища, нефтяные вышки расположены островками посреди болот. Заболоченная низменность определяет низкое качество питьевой воды, особенности местного микроклимата и эпидемиологической обстановки, низкую транспортную доступность поселений. В давние времена югорские (угорские) народы были оттеснены наступающими с юга кочевниками на север Сибири. Сегодня термин «Югра» стал для хантов и манси символом родного языка и традиционной культуры, единения двух родственных народов. Так, на I Учредительном съезде коренных народов Севера Ханты-Мансийского АО, состоявшемся в 1989 г., Е. Д. Айпин в докладе «Как выжить коренным народам Югры» призвал к дистанцированию Югры от Тюмени, что должно было означать, на его взгляд, автономию на деле³. Выступая на учредительном съезде межрегионального общественно-политического движения «Югра», президент окружной ассоциации «Спасение Югры» Т. Гоголева подчеркнула, что сохранение коренных народов, нормальной воды и леса должны быть идеями объединяющими, консолидирующими, понятными всем⁴. Идея Югры не просто подчеркивает этнические особенности региона, изначально это идея спасения и сохранения обских утров.

Внимание, уделяемое в округе угорским народам, настолько велико, что возникает мысль о создании своеобразного культа Югры. Так, Е. П. Каргаполов пишет не только о мощной государственной поддержке финно-угорской культурной традиции, но и об искусственном поддержании интереса к ней, что может, на его взгляд, привести в перспективе к острым противоречиям⁵. Один из жителей округа Д. Кирилук в своем письме в газету пишет: «Практически каждый день с телеэкранов и страниц окружных и городских СМИ нам твердят о проблемах коренных народов Севера и предлагают десятки, даже, может быть, сотни способов их решения»⁶. По его мнению, во-первых, для местных политиков поговорить о проблемах ханты и манси считается, по меньшей мере, модно, так как это демонстрирует их как знающих проблемы региона и имеющих набор положительных личных качеств

людей. Во-вторых, это повод лишний раз заявить о себе в обществе. И, в-третьих, возможность попасть в органы городской и окружной власти.

Культ коренных народов Югры вызывает заметное раздражение не только у пришлого населения, но и у отдельных представителей ханты и манси. Ссылаясь на своего знакомого манси, Д. Кирилюк утверждает, что «манси не хочет жить в чуме, а хочет жить в городе Сургуте. Он вообще не понимает, зачем ханты и манси отделяют от остального населения Ханты-Мансийский АО. А наши современные политики хотят именно этого – законсервировать, затормозить развитие коренных народов Севера, чтобы они продолжали жить традиционным укладом и время от времени радовали бы высоких чиновников и их гостей своими песнями и плясками в разукрашенных одеждах (как средневековые шуты) на сценах дворцов культуры округа»⁷

О том, что культ ханты и манси является моральным императивом, говорит губернатор округа А. В. Филипенко. На вопрос журналистки И. Гецевич: «Скажите, а большое количество денег, потраченных на программы поддержки малых народов севера, для Вас категория нравственная или все же экономическая?», губернатор ответил: «Безусловно – это дело чести»⁸ Забота о малочисленных народах Югры рассматривается с позиций не рыночной, а «моральной» экономики⁹

Смысл культа Югры, служения обским уграм А. В. Филипенко объясняет так: «Если мы перед собой будем ставить задачу спасения аборигенов, не решив проблем полутора миллионов людей, которые живут на этой территории, ничего из этого не получится. Совершенно очевидно, что делать надо все одновременно, создавая минимум каких-то необходимых условий для всех людей. Да, в территориальном порядке необходимо искать возможности решать проблемы аборигенов. А от кого спасать Югру? Я думаю, прежде всего от нас самих... Мы вроде заботимся об аборигенах, а в конечном счете думаем о самих себе»¹⁰

За культом Югры в узком смысле слова стоит культ Югры в широком смысле слова. Спасая аборигенов, пришлое население спасет себя. Поскольку спасаемая Югра опосредствует спасение пришлое население, постольку эта же Югра из объекта спасения становится субъектом спасения. Примечательным в этом отношении является мнение председателя Общества русской культуры Сургута Е. Лоншаковой: «Здесь обетованная земля, и сюда едут люди спасаться»¹¹ Югра спасает, и потому культ Югры является залогом спасения.

Прошло время Запада и Востока – наступает время Севера. «Запад и Восток сойдутся на Севере, сольются», – пишет мансийский писатель Ю. Н. Шесталов¹². Время Севера – это «Се – Вера»: «Се есть Вера». Спасение в вере – спасение в Севере¹³

Культ Югры фактически выполняет функции регионального варианта гражданской религии. Под гражданской религией, на наш взгляд, следует понимать ту форму развития религиозной деятельности, которая возникает в процессе ее обмирщения и интеграции с мирской практикой. Повседневное практическое служение близким, обществу, народу и т. п. замещает (и опосредует) служение трансцендентному Богу.

В советском обществе ведущей формой реформации христианства, его интеграции с мирской деятельностью стал культ личности выдающихся людей. Круг культивируемых личностей включал не только конкретных физических лиц, но и профессиональные корпорации. Для Ханты-Мансийского АО наиболее актуальным стал культ нефти, нефтяников и нефтяных промыслов. Округ жил буровой и для буровой. В жертву нефти приносилось все, так как нефть Югры спасала и Россию, и Югру.

Промысловому культу нефти («черного золота») предшествовали культ традиционных промыслов – добычи пушнины («мягкого золота»), рыбы («живого серебра»). Безотносительно к экономической эффективности сегодня культивируются традиционные промыслы. В конфессиональном аспекте экономическое развитие Югры оказывается историей смены и сосуществования различных промысловых культов.

Промысловый культ формирует сходную хозяйственную этику. Отношение к природе промысловика-охотника и промысловика нефтяника может быть неразличимым¹⁴. Элементы хищнического промыслового поведения объективно формировались постоянными миграциями, полукочевым образом жизни.

Со снижением интенсивности миграционных процессов и роста контингента населения, постоянно проживающего в округе, стала формироваться альтернативная промысловым культурам форма идеологии – югорский патриотизм, генетически восходящий к культу предков.

Патриотизм есть любовь к Отечеству, перерастающая в служение. Понятие служения фиксирует религиозные истоки патриотизма, его статус гражданского культа. Местный, территориальный патриотизм формируется и на территории Югры. В одном из интервью А. В. Филипенко говорит: «Нас иногда начинают упрекать в излишнем местном патриотизме»¹⁵. Но сам он оценивает региональный патриотизм положительно и предлагает развивать «идеологию местного патриотизма, чуждую, однако, всякому изоляционизму и враждебности по отношению к соседям»¹⁶.

В своих публикациях А. В. Филипенко обратил внимание на следующие процессы:

1) снижение масштабов миграции: «Уже давно Югра стала местом постоянного жительства большинства проживающих здесь людей, уже много лет у нас нет той миграции, которая ранее ежегодно приводила к смене едва ли не четверти населения округа»¹⁷;

2) появление поколения людей, родившихся и выросших в Югре, собирающихся вырастить здесь своих детей: «Автономный округ уже давно перестал быть своеобразной “перевалочной базой”, ежегодно пропускающей через свои населенные пункты десятки тысяч людей. Сегодня здесь живут люди, для многих из которых Югра является местом, где они родились и где сами планируют вырастить своих детей»;

3) мощным фактором имобилизации населения и его укоренения стало развитие рыночных отношений: «Стабилизация миграционных процессов населения и формирование среднего класса – это во многом взаимосвязанные процессы, присущие представителям этого социального слоя экономические параметры – высокие доходы, дорогостоящая собственность в виде недвижимости и земли, для многих собственное дело, лучше любого “якоря”, удерживающие людей в автономном округе»¹⁸;

4) растущая привлекательность округа как места постоянного проживания: «Прошли те времена, когда жители Югры ощущали себя оторванными от цивилизации, от так называемой “Большой земли” Сегодня “Большая земля” здесь, в Ханты-Мансийске, Сургуте, Когалыме, Урае, Нижневартовске, Белоярском и т. д., и т. д. Об этом нам говорит поток людей, которые едут к нам для того, чтобы реализовать себя, обустроить свою жизнь. Это все мы сделали свою землю “Большой”»¹⁹;

5) заметное изменение отношений к окружающей среде со стороны нефтяников: «У первопроходцев появились здесь уже дети и внуки и мало кто из них собирается уезжать в другие, более комфортные города. А значит, есть понимание того, что нужно создавать экологически безопасную среду и для собственного проживания»²⁰;

По мнению А. В. Филипенко, в последнее время наблюдается процесс консолидации населения Югры в отдельную межэтническую общность. Он заявляет: «Возьму на себя смелость утверждать, что изменился не только внешний облик Югорской земли, но и сформировалась новая духовная общность людей. Да, мы и северяне, и сибиряки, но мы уже и жители Югры – жители Ханты-Мансийского автономного округа»²¹. Население интегрируется в региональную общность, изменяя внешний облик Югорской земли. Изменяя Югорскую землю, люди изменяют и себя. А. В. Филипенко подчеркивает следующее: «Сегодня наш округ – родина сотен тысяч людей, а с миллионами он связан невидимыми духовными связями. Каждый, кто прожил на нашей земле хоть какое-то время, хранит в сердце кусочек этой суровой, прекрасной и древней земли. Сформировался особый югорский характер – на Севере слабый и одинокий не выживет. «Большое значение для формирования современной югорской культуры... имеет и древняя, богатая памятью предков культура коренных народов Севера»²².

Губернатор округа развивает целый комплекс идей, обосновывающих необходимость культивирования Югорской земли, культ Югры в узком смысле – обских угров, и культ Югры в широком смысле – территориального межэтнического сообщества. Культуру обских угров А. В. Филипенко рассматривает как основу интеграции современной Югры.

Оценки исследователей в определенной мере подтверждают наблюдения губернатора округа. Так, Е. Г. Дьякова и А. Д. Трахтенберг полагают, что именно сейчас в Западной Сибири формируется поколение, которое воспринимает ее не «извне» – как место, куда приезжают, а «изнутри» – как место, где они живут²³. Опросы, проведенные в Мегионе и Лангепасе, показали, что у жителей этих городов начало формироваться локальное и региональное самосознание. «Они стали осознавать себя не только “нефтяниками” и “бюджетниками”, но и “горожанами”, а также жителями особого региона, ничем не уступающего, а по некоторым параметрам превосходящего, “большую землю”»²⁴. По данным Б. Ф. Мазурова в поселениях округа преобладает не национальная, а региональная идентичность²⁵. Показательным здесь является следующее заявление сургутской журналистки С. Севастьяновой: «...основная национальность жителей нашего города – сургутяне»²⁶.

Культ Югры в этих обстоятельствах выполняет функцию интеграции населения в масштабе округа. Когда А. В. Филипенко говорил, что для формирования современной югорской культуры большое значение имеет древняя, богатая памятью предков культура коренных народов Севера, то эта оценка указывала на несколько возможностей использования культурного наследия. Во-первых, независимое позиционирование региональной этнической общности в отношениях субъектов федерации. Во-вторых, включение региональной межэтнической общности в мировую цивилизацию в составе финно-угорского мира. В-третьих, консолидация населения округа на основе идентификации с титульными этносами. В-четвертых, наследование и возрождение местной многонациональной старожильческой культуры, по древности лишь в малой степени уступающей югорской культуре. В-пятых, «коренизация» пришлого населения и формирование среди него культа предков.

Администрация Ханты-Мансийского АО активно проводит разнообразные мероприятия по культивированию югорского патриотизма. Воздвигаются мемориалы и памятники. Активная мемориальная деятельность наблюдается на кладбищах, так как население все больше захоранивает родных в округе, не вывозя тела на биологическую родину. В результате создаются условия для персонализации культа Югры. Разнообразие культовых мест позволяет индивидуализировать выбор местной культурной традиции, освоить такой комплекс идей и норм поведения, который способен обеспечить успешную адаптацию к ландшафту, выработать югорский характер.

Формирование этнотерриториальной идентичности, разумеется, еще только начинается. И поэтому важно не замыкать культ Югры на обских уграх, а расширять и обогащать его, использовать для формирования территориального патриотизма всего населения, проживающего на югорской земле.

Примечания

¹ Косиков И., Косикова Л. Ханты-Мансийский автономный округ. Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 121.

² Там же.

³ Айтин Д. Е. Как выжить коренным народам Югры? // Обские угры на пороге III тысячелетия: Сб. докл. I Учредительного съезда коренных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 1999. С. 20.

⁴ Выступление Т. Гоголевой, президент окружной ассоциации «Спасение Югры» // http://www.hmansy.ru/Ugra/opd_Ugra/v06.html.

⁵ Каргополов Е. П. Этнокультура в Ханты-Мансийском автономном округе: состояние, динамика, перспективы // Социокультурная динамика Ханты-Мансийского автономного округа сегодня и в перспективе XXI века: федеральный и региональный аспекты: Сб. тез. к Всероссийск. науч.-практ. конф. Секция 3–4. Сургут, 1998. Ч. 2. С. 86.

⁶ Кирилук Д. Резервация для ханты и манси // Сургутская Трибуна. Сургут, 2002. 14 марта.

⁷ Там же.

⁸ Гецевич И. «Юбилей – хороший повод подумать о завтрашнем дне...». Интервью с А. Филипенко // Югра. 2000. № 9–10.

⁹ Бакулин В. В. Рыночный императив или сохранение северных этносов // Социокультурная динамика Ханты-Мансийского автономного округа сегодня и в перспективе XXI века: федеральный и региональный аспекты: Сб. тез. к Всероссийск. науч.-практ. конф. Секция 1–2. Сургут, 1998. Ч. 1. С. 99, 100.

¹⁰ Салмин В. Дороги Губернатора Александра Филипенко // Возрождение. Тюмень, 1999. 13 авг.

¹¹ Из блага сделали проблему, или как не перешагнуть черту (круглый стол) // Сургутская трибуна. Сургут, 2001. 23 дек.

¹² Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты: Мат-лы Всерос. конгр. СПб., 2000. С. 59.

¹³ Шесталов Ю. Н. От космического сознания к планетарному // Коренные народы. Нефть. Закон: Сб. матер. межд. конф. (23–25 марта 1998 г., г. Ханты-Мансийск). М., 2001. С. 70.

¹⁴ Кучер В. В. Природа в традиционных представлениях аборигенов сибирского Севера // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 67.

¹⁵ Филипенко А. В. Секрет успеха – в соблюдении баланса интересов // Независимая газета. М., 2001. 3 июля.

¹⁶ Послание Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа Думе и населению автономного округа 11 июня 2002 года. Ханты-Мансийск, 2002. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 46.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Гецевич И. Указ. соч.

²¹ Послание губернатора Ханты-Мансийского автономного округа Думе и населению автономного округа 1 июня 2001 года. С. 3.

²² Там же. С. 4.

²³ Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. К проблеме формирования северной идентичности: роль местных СМИ // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сургут, 2000. С. 46.

²⁴ Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Роль средств массовой коммуникации в формировании регионального и локального самосознания в малых городах Ханты-Мансийского автономного округа // Социокультурная динамика Ханты-Мансийского автономного округа... Секция 3–4. Сургут, 1999. Ч. 2. С. 96.

²⁵ Мазуров Б. Ф. Политическая культура и региональная идентификация как фактор оздоровления социокультурной политики Ханты-Мансийского автономного округа // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сургут, 2000. С. 208.

²⁶ Севастьянова С. Магическая тройка нового века // Сургутская трибуна. Сургут, 2001. 4 января.

Г. Нямдаваа, Х. Цэдэв
(г. Улан-Батор, Ховд, Монголия)

РОЛЬ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА МОНГОЛИИ

Западный регион Монголии имеет своеобразную структуру в природно-географическом отношении, располагает огромными природными ресурсами, на севере граничит с республиками Горный Алтай и Тува, на юго-западе с КНР. Люди, населяющие этот край, обладают своеобразной культурой, это регион, где дружно уживаются многие народности.

Западный регион в целом занимает 415 тыс. км², т. е. около четверти территории Монголии. Здесь недостаточно развита мелкая и средняя промышленность, что отрицательно влияет на развитие региона в целом. Однако с 1990-х гг. Западный регион Монголии начал активно заниматься приграничной торговлей с республиками Тува, Горный Алтай РФ, с аймаками Алтай, Цонж, Хами СУАР КНР через пограничные торговые пункты.

Великий Государственный хурал и Правительство Монголии придерживаются концепции регионального развития четырех социально-экономических зон. Это означает, что традиционный кочевой образ жизни народов республики будет сочетаться с современной цивилизацией. Согласно данной концепции, Монголия делится на регионы: Западный (аймаки Баин-Ульгий, Убса, Ховд, Забхан, Гоби-Алтай), Хангайский (аймаки Булган, Архангай, Баинхонгор, Орхон, Увурхангай и Хубсугул), Центральный (аймаки Сэлэнгэ, Тув, Гобисумбур, Дундгоби, Умнугоби, Дархан-ула), Восточный (аймаки Дорнод, Сухбатор, Хэнтий). Настоящая концепция предусматривает в Западном регионе разведение крупного рогатого скота, развитие сельского хозяйства, мелкой и средней промышленности. Центром Западного региона является город Ховд, где в 1979 г. был создан первый периферийный вуз в Монголии – Педагогический институт, с целью подготовки педагогических кадров для общеобразовательных школ Западного региона.

В 1947 г. в регионе был открыт ветеринарный техникум, в 1957 г. он стал сельскохозяйственным, в настоящее время на его базе в г. Ховде работает филиал Монгольского сельскохозяйственного университета.

Попытаемся уточнить содержание понятия «региональное». В круг регионального попадает все, что связано с конкретным географическим (от лат. *regio* – страна, область, округ) и социально-организованным пространством. По мнению ученых, сюда относятся природно-географические, исторические культурологические, социально-демографические, социально-экономические и политические особенности¹

Общеизвестно, что без опоры на науку невозможно решить социально-экономические проблемы на обширной территории Монголии. Роль науки в устойчивом развитии общества – это не политический аргумент и не преувеличение интересов некоторых крупных ученых, а взаимное стимулирование общества и науки, определение наукой будущих тенденций развития человечества. Конечно, при реализации этих идей важную роль играет государственная политика относительно науки и образования.

Вообще, образование является основой социального развития, оно неизменно в культуре и цивилизации становилось первой потребностью человечества. Образование ускоряет темпы развития науки и технологического прогресса, стимулирует национальную и региональную экономику.

В современную эпоху образование стало одной из самых обширных сфер человеческой деятельности. В нем занято более 1 млрд учащихся и почти 50 млн педагогов. Существенно повысилась социальная роль образования: от его направленности и эффективности сегодня во многом зависят перспективы развития человечества. Известно, что в последнее десятилетие мир изменяет свое отношение ко всем видам образования. Образование, особенно высшее, рассматривается как главный, ведущий фактор социального и экономического прогресса. Причина такого внимания, особенно со стороны руководителей государства, заключается в понимании того, что наиважнейшей ценностью и основным капиталом современного общества является человек, способный к поиску и освоению новых знаний и принятию нестандартных решений.

Говоря о науке, обычно не уточняют смысл этого слова. В современном понятии «наука» заложено несколько смыслов. Во-первых, это весь массив научных знаний, накопленных, развиваемых и постоянно пополняемых. Во-вторых, это деятельность по их получению, теоретические и экспериментальные исследования, которые осуществляются профессиональными учеными в поиске научных знаний, их проверки, развитии методов их доказательности, теоретическом и практическом их применении. В-третьих, понятие «наука» часто связывают с научными учреждениями и организациями, структурами, где ученые в своей профессиональной среде проводят исследования, обсуждают научные проблемы, дискутируют и готовят себе смену².

Становление всей научно-исследовательской работы в Западном регионе Монголии, на наш взгляд, можно разделить на следующие три периода:

1) до 1930-х гг. В это время были опубликованы многие труды русских ученых, таких как Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Сапожников, Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, А. Н. Позднеев, А. В. Владимирцов и др.;

2) 1930–1980-е гг. Исследованиями в основном занимались ученые научных организаций, университета и других вузов. Они изучали историю, язык, этнографию, флору и фауну в регионе. Большую роль сыграли русско-монгольские совместные экспедиции по биологии и геологии. Следует назвать профессора, доктора биологических наук Х. Буян-Оршиха, доктора исторических наук Х. Силама, исследователя ясной письменности Г. Жамъяна и др.;

3) с 1980-х гг. и по в настоящее время. Создание Педагогического института в г. Ховде в 1979 г. положило начало интенсивной научно-исследовательской работы в Западном регионе.

Ректорат и ученый совет Ховдского филиала Монгольского национального университета считает основным направлением работы научные исследования и делает все возможное для того, чтобы превратить свой университет в крупный научный центр в Западном регионе Монголии. Уже 5 преподавателей защитили докторские, около 50 – кандидатские диссертации.

Объектом научных исследований преподавателей нашего университета в основном является Западный регион: его природные условия, климат, почва, вода, ресурсы, флора и фауна, их охрана, экология. Мы также уделяем большое внимание изучению истории, культуры, языка и этнографии народностей, населяющих Ховдский и соседние аймаки.

Следует отметить огромный вклад ученых нашего университета в развитие Ховдского аймака и в целом Западного региона страны. Первый ректор Томского университета Н. А. Гезехус не мог представить Сибирь без науки: «Климат не может быть помехой в преуспевании Сибири. Для быстрого развития этой обширной, но мало заселенной страны нужно прежде всего знание, нужно дружное изучение ее, нужны знающие и честные люди»³ Ученые нашей страны также подчеркивают важность создания, развития и формирования целого комплекса по высшему образованию и научным исследованиям в Западном регионе⁴

С целью обобщения результатов исследований ученых и привлечения зарубежных исследователей с 1993 г. через каждые два года наш университет организует Международную научную конференцию «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов». С 1997 г. это авторитетное мероприятие мы проводим совместно с Томским госуниверситетом, который активно и плодотворно сотрудничает с нашим университетом. В III Международной конференции приняли участие около 100 ученых-исследователей из восьми стран мира. Именно эта конференция стала поворотным моментом, позволила поднять научно-исследовательскую работу и внешние научные и другие связи нашего университета на совершенно новую ступень. IV Международная конференция была организована в ТГУ на высоком научном уровне. А V конференцию мы будем организовывать совместно с ТГУ в г. Ховде. Ученые ряда университетов и научных организаций РФ, КНР, Польши, Казахстана, Японии и других стран уже прислали тезисы, по количеству превзошедшие все прежние конференции.

Проректор по учебной работе ТГУ, доктор биологических наук, профессор А. С. Ревушкин дал такую оценку в газете ТГУ *alma mater*: «Наша совместная работа способствует развитию науки и образования именно в Западной Монголии»⁵ Это очень важная оценка сотрудничеству наших двух университетов.

Сегодня наши профессора работают над следующими научными проектами, финансируемыми государством: с 1994 г. «Комплексные исследования Котловины Больших озер», с 1996 г. «Алтай», состоящий из двух подпроектов: «История и этнография», «Диалекты и фольклор». Над этими проектами трудятся преподаватели кафедры биологии, географии, химии, физики, истории, монгольского языка и литературы. Приведем один пример. В результате активной и плодотворной работы над проектом шесть преподавателей кафедры биологии получили ученую степень.

Основные направления научно-исследовательской работы преподавателей нашего университета таковы:

- история и культура Западной Монголии;
- этнография и обряды народностей Западного региона;
- земле- и природопользование кочевниками-скотоводами в горах Монгольского Алтая и Котловине Больших озер;
- исследование по мониторингу природных ресурсов Монгольского Алтая;
- исследование природных сырьевых ресурсов и соединений, выделение их в чистом виде, установление их состава;
- исследование по использованию солнечной и ветряной энергии, созданию технологического режима, соответствующего кочевой цивилизации;
- исследование по установлению естественного радиационного фона и уровня загрязнения среды в г. Ховде и его окрестностях;

- новые технологии в системе образования и сопоставительная лингвистика;
- совершенствование методики обучения по отдельным предметам;
- исследование почвы, состава воды Западного региона;
- изучение природных условий, флоры и фауны региона, проблема их охраны;
- изучение западномонгольских эпосов и диалектов народностей региона;
- изучение культурных сустр и древнемонгольских легенд;
- моделирование различных природных явлений;
- некоторые вопросы теории нестандартного анализа.

Сегодня в нашем университете работают 90 преподавателей, четверть из них имеет ученую степень, 30 аспирантов, около 30 магистров.

С целью согласования и поддержки научно-исследовательской работы, направленной на изучение Западного региона, в 1998 г. создана Ассоциация исследователей Западного региона. Президент Ассоциации – заслуженный работник науки, академик Ч. Далай. Председатель исполнительного совета – ректор Ховдского филиала, доцент Ц. Баасандорж.

Ректорат и Ученый совет уделяют большое внимание научно-исследовательской работе преподавателей. Из года в год увеличиваются расходы на научные исследования. Более 30 преподавателей повысили квалификацию в ТГУ. Наш университет много работает в области обеспечения библиотеки новыми поступлениями на русском и английском языках. Все это будет способствовать решению многих проблем, связанных с социально-экономическим и культурным развитием Западного региона.

В 1996 г. у нас открыта магистратура, где сегодня учатся около 100 магистрантов по естественнанию, филологии, иностранному языку и экологии. Планируется открыть и заочную магистрантуру. Учителям общеобразовательных школ Западного региона предоставляется возможность учиться в ней. Мы можем решить многие проблемы, связанные с обновлением содержания обучения в средних школах, повышением эффективности обучения, инноватикой в области образования. С уверенностью полагаем, что у нас есть все основания для того, чтобы внести определенный вклад в развитие системы образования в Западном регионе.

Около 2 000 учителей вышли из стен Ховдского филиала. Они стали уважаемыми, высококлассными специалистами, учеными, писателями, поэтами, бизнесменами, руководящими работниками. Сотни учителей – выпускников нашего университета плодотворно работают в общеобразовательных школах Западного региона и страны. Было время, когда абитуриентов принимали из 10 аймаков. 10 выпускников уже стали учеными. Нас радуют успехи наших выпускников. Приведем один пример. Обладателями дипломов I, II и III степени на республиканском конкурсе по педагогическому мастерству в 2000 г., состоявшемся в г. Улан-Баторе, стали наши выпускники. Это физик Х. Баттур (аймак Орхон), физик Н. Оюунчимэг (аймак Увс), филолог И. Гульжанар (аймак Ховд). Почти половину профессорско-преподавательского состава университета составляют наши выпускники. Среди них 6 докторов, 15 аспирантов, 14 магистров⁶

Не так давно в г. Ховде создан институт «Западная Монголия», который готовит экономистов и специалистов по иностранным языкам. Осенью 2000 г. открыты два филиала столичных вузов.

Вообще в Западном регионе немало вузов и колледжей. В Баин-Улгийском аймаке функционируют Институт гуманитарных исследований, Педагогический колледж, в аймаке Увса – филиал Института труда, в аймаке Забхан – экономический колледж, филиал частного института «Орхон», в Гоби-Алтайском аймаке – медицинский колледж, филиал частного института «Хэл судлаач» («Филолог»). В этих вузах и колледжах работают немало ученых. Их научно-исследовательская деятельность направлена на решение важных региональных социально-экономических и культурно-образовательных задач.

Изменения, произошедшие в последние годы в области образования и науки, доказывают, что без науки и образования не может быть социального развития, плодотворного решения проблем, связанных с перспективой развития Западного региона и Монголии в целом. В культуре и цивилизации стран Западной Европы и РФ решающую роль сыграли образование и наука. Монголия также идет по проторенной человечеством дороге к цивилизации. Немалую роль в этом играют Ховдский университет, который по праву считается самым значительным, престижным вузом в Западном регионе страны, а также Ассоциации исследователей Западного региона.

Примечания

¹ Загвязинский В. И., Гильманов С. А. О теоретико-методологических основах разработки региональных программ развития образования // Образование в Сибири. 1994. № 1. С. 44.

² Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 488.

³ Там же. С. 437.

⁴ Нямаа Д., Баасанжав Н. и др. Баруун бис нутгийн хөгжил ба боловсрол, шинжлэх ухаан, мэдээллийн тогтолцоо // Бис нутгийн хөгжил, мэдээллийн технологи – 98. Ховд, 1998. С. 23.

⁵ Пенкина О. Центральную Азию мы изучаем вместе // Alma mater. 1999. № 15. С. 8.

⁶ Будням С. Нийгмийн тогтвортой хугжилд шинжлэх ухааны ирэг // Бис нутгийн хөгжил, мэдээллийн технологи – 98...

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

И. А. Кравец
(г. Новосибирск)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПРАВОВЫЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Мультикультурализм конституционного сообщества

В современных демократических государствах состав населения может быть как относительно гомогенным, идентифицирующим себя в рамках сравнительно единой культуры, так и поликультурным сообществом, имеющим этнические, религиозные и иные различия. Исторические условия формирования Российского государства, политика освоения новых земель сделали неизбежным многообразный состав населения. Культурные, языковые, религиозные различия часто питаются разными этническими корнями. Вместе с тем такие различия не должны препятствовать складыванию единого, но многообразного по составу конституционного сообщества граждан.

В контексте данной статьи под *конституционным сообществом* понимается политическое сообщество граждан, объединенных единым гражданством и идентифицирующих себя в рамках общей конституции, которая поддерживает различные правовые и культурные традиции. Конституционное сообщество – продукт нового времени, в отличие от феодального партикуляризма он предполагает наличие конституционного механизма идентификации как отдельной личности, так и относительно устойчивых социальных групп и слоев, объединений граждан по профессиональным, политическим, профессиональным или культурно-этническим признакам.

В современных социальных науках появился термин «мультикультурализм», которым обозначают признание культурного плюрализма и содействие ему. В толковом социологическом словаре, составленном Дэвидом и Джулией Джери, дается следующее толкование этого термина. В нем отмечается, что «в противовес тенденции в современных обществах к культурному объединению и универсализации мультикультурализм прославляет, а также стремится защищать культурное разнообразие (например, языки меньшинств), одновременно сосредоточиваясь на часто неравных отношениях меньшинства к главенствующим культурам»¹.

В современной политической философии мультикультурализм призван исследовать пути и средства справедливого совмещения культурного многообразия². Общественная политика часто имеет различные последствия для членов различных культурных групп. Конституция должна поддерживать гражданское и культурное многообразие, гарантируя гражданам равноправие и свободу выражения. Такие основания равноправия, как язык, национальная принадлежность, отношение к религии требуют постоянного внимания конституционных органов власти, ибо несоблюдение их может подорвать демократическое равноправие и политическое единство граждан. Фундаментальный принцип равноправия может испытывать напряжение из-за многообразия культурного опыта различных социальных слоев и групп, особенно в процессе его перевода на язык конституционных и правовых норм.

Мультикультурализм становится необходимым атрибутом плюралистического общества, т. е. общества, в котором существует формальное деление на различные расовые, языковые, религиозные группы по горизонтали или вертикали.

Мультикультурализм изменяет также взгляд и на демократическую теорию и практику ее применения. Культура может играть важную роль для установления и поддержания тех или иных институтов демократического правления, учитывающих особенности различных по своему составу социальных групп. Различия в культуре могут служить основанием для создания особых механизмов, представляющих интересы меньшинств.

* Работа подготовлена в рамках исследовательской программы при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-03-00-242).

Английский философ Джон Стюарт Милль в «Размышлениях о представительном правлении» писал, что свободные институты едва ли возможны в стране, населенной разными национальностями. Если между народностями нет взаимных симпатий, особенно если они читают и пишут на разных языках, то не может существовать и единства общественного мнения – необходимого условия для действительности представительного правления³. Представленное в этих рассуждениях соотношение культуры, политики и права, характерное для многих государств XIX в. и отражавшее процесс строительства национальных государств, требует существенной модификации в новом тысячелетии.

Демографические и политические изменения XX в. сделали традиционные предположения относительно отношений между культурой, правом и политикой в значительной степени несоответствующими общественной жизни. Российская Федерация принадлежит к числу стран в современном мире, которые имеют значительные меньшинства, представляющие более чем одну культуру. Поэтому существует определенная напряженность между доминирующей культурой русской нации и культурами разнообразных меньшинств. Однако носителей различных культур объединяет единое российское гражданство, позволяющее идентифицировать их в рамках нового, только формирующегося конституционного сообщества. Важно в этом случае, чтобы конституция основывалась на ценностях, которые могли бы интегрировать культурные различия, позволяя множественности культур вносить свой вклад в процесс конституционного строительства.

Современные конституции учреждают и регулируют *два типа* демократических государств, в которых по-разному формируется конституционное сообщество граждан. К первому типу относятся *демократические национальные государства*, в которых относительно высока степень интеграции и однородности (гомогенности) общества. В конституционно-правовой сфере используются преимущественно механизмы мажоритарной демократии: мажоритарная избирательная система; ответственное перед парламентом правительство, формируемое партией, победившей на парламентских выборах; унитарное политико-территориальное устройство и т. п.

Второй тип государств характеризуется как *государства консенсуальной, или общественной, демократии*⁴. Им свойственна многосоставность, множественность, неоднородность политической, этнической и социальной структур общества. В таких государствах наряду с механизмами мажоритарной демократии в качестве субсидиарных используются государственно-правовые инструменты общественной демократии: пропорциональность как основной принцип политического представительства; сочетание пропорциональной и мажоритарной избирательной систем; использование принципа большой коалиции при формировании правительства; поддержание высокой степени автономности структур гражданского общества; развитие и углубление регионалистских и (или) федеративных начал в политико-территориальном устройстве. В таких государствах во второй половине XX в. получили развитие различные формы регионализма и автономий (Италия, Испания), поддерживающие как территориальную децентрализацию, так и культурное многообразие национальных меньшинств⁵.

В России конституция не может не ориентироваться на консенсуальный, или общественный, тип демократии. Такая демократия в большей степени способна поддерживать конституционное и политическое единство и развивать многообразие культурных форм и форм национально-государственного строительства, существующих в различных субъектах Российской Федерации. В политико-правовой сфере мультикультурализм проявляет себя как общественное конструирование демократического государства.

Конституционный мультикультурализм можно определить как программу конституционного и культурного строительства, при которой конституция создает правовые условия для развития языка и культуры национальных меньшинств, гарантирует возможность исповедания различной религии, за исключением экстремистских и сектантских течений, обеспечивает многообразие форм самовыражения граждан и их объединений, включая право отстаивать и распространять разнообразные убеждения и верования, ориентирует государственную политику на поддержку этнического многообразия в стране и создает юридические формы для политической интеграции различных социальных слоев и групп в конституционное сообщество граждан.

Среди важнейших направлений реализации конституционного мультикультурализма особое значение приобретает, во-первых, отношение конституции к идеологии, религии и национальной принадлежности; во-вторых, способность конституции формировать и поддерживать идентичность общества или осуществлять интегративную функцию. В дальнейшем именно этим двум направлениям будет уделено особое внимание.

Конституция, идеология, религия и национальная принадлежность: функциональные связи

Можно ли в условиях перехода к демократии говорить об идеологической функции конституции? Оказывает ли конституция какое-либо идеологическое воздействие? Ответы на эти вопросы часто да-

ются прямо противоположные: от признания в качестве обязательной идеологической функции конституции до отстаивания надидеологической природы конституции и конституционного строя.

Конституция не может быть полностью нейтральной к идеологии, хотя может достаточно свободно или жестко устанавливать отношение государственных органов к той или иной системе идей и взглядов. Поэтому взаимоотношения конституции и идеологии могут основываться на разных принципах.

Принцип идеологического монизма. Принцип конституционного закрепления одной официальной и общеобязательной идеологии был характерен для советских конституций. В советский период конституции партийная и государственная практика не допускали плюрализма в области идеологии и политики. В недрах сталинского режима возникла и получила всеобщее распространение тотальная форма идеологического господства, которая в своих главных чертах находила отражение в нормах советского государственного права. Советские конституции с момента их появления всегда отличались повышенной идеологической насыщенностью. Находясь на вершине конституционного строительства Советского государства, Конституция СССР 1977 г. прямо закрепила господство в различных сферах государственной, общественной и научной жизни одной идеологии, которая официально называлась марксистско-ленинской и применялась для обоснования социалистического и коммунистического строительства.

Роль идеологического манифеста выполняла преамбула Конституции СССР 1977 г. В ней отмечалось руководство коммунистической партии Советского Союза, подчеркивалась высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, провозглашалась взаимосвязь конституционного творчества с научным коммунизмом. Это нашло отражение в том, что народ принимает конституцию, «руководствуясь идеями научного коммунизма».

В самом тексте конституции было много норм и положений, реализация которых тесным образом увязывалась с теми или иными аспектами марксистско-ленинской идеологии. Согласно ст. 6 этой конституции, руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является «вооруженная марксистско-ленинским учением» КПСС, которая определяла генеральную перспективу развития общества, направления внутренней и внешней политики СССР. В ст. 25 закреплялось, что единая система народного образования в СССР служит в том числе «коммунистическому воспитанию... молодежи». Устанавливались целевые ограничения на осуществление ряда важнейших субъективных прав и свобод граждан. В ст. 47 и 51 Конституции провозглашалось, что гражданам гарантируется свобода научного, технического и художественного творчества, предоставляется право объединяться в общественные организации только «в соответствии с целями коммунистического строительства».

В Конституции РСФСР 1978 г. до начала внесения в нее изменений содержались сходные положения идеологического характера. Советские конституции не только не гарантировали возможность распространения различных идей и взглядов, но и молчаливо санкционировали практику идеологического преследования под видом «антисоветской пропаганды и агитации». Преследования, в том числе уголовные, осуществлялись по отношению к представителям «свободных» профессий: деятелям науки, литературы, искусства, если они были сторонниками или выразителями официально не одобряемых направлений в различных сферах культуры. Несмотря на существование больших культурных различий народов и наций, населявших территорию Советского Союза, официальная марксистско-ленинская идеология пронизывала дошкольное, среднее, вузовское и послевузовское образование. С ее помощью правящая элита стремилась создать и поддерживать «монолитный» характер советского общества. Поэтому Конституция не могла регулировать или способствовать развитию культурного многообразия. Хотя в советском государстве получили широкое развитие разнообразные формы национальной государственности больших и малых народов (союзная республика, автономная республика, автономный округ, автономная область), их существование обосновывалось потребностями реализации права народов на самоопределение. Поэтому формы национально-культурной автономии, которые, как правило, способствуют развитию национального языка и культурных традиций, использовались крайне слабо без законодательно оформленных организационно-правовых форм. Четкое законодательное закрепление организационно-правовой формы национально-культурной автономии произошло только в 1996 г.⁶

Принцип идеологического плюрализма. Принципиально иной подход закреплен в Конституции РФ 1993 г. В ч. 1 ст. 13 Конституция признает принцип идеологического многообразия в качестве основы конституционного строя. В российском конституционном праве развернулась дискуссия по вопросу о том, какие достоинства и недостатки несет с собой данный конституционный принцип. Спорные мнения высказываются и по вопросу о мотивах специального конституционного закрепления принципа идеологического многообразия.

Так, по мнению В. О. Лучина, «стремление к деидеологизации Конституции, отчетливо проявившееся в процессе подготовки ее проекта, было продиктовано в значительной степени также идеологическими соображениями – под предлогом преодоления монополии социалистической идеологии

обеспечить переход к идеологии, основанной на принципиально иных ценностях». Идеологический плюрализм, думает он, – удобное прикрытие «неудавшейся попытки запретить коммунистическое движение», после которой «откровенный антикоммунизм не удалось сделать конституционным знаменем “переходного” периода»⁷

Председатель Конституционного Суда РФ М. В. Баглай считает, что государство не должно вмешиваться в идеологическую полемику, разрешать теоретические споры, так как в свободе научной мысли заключается важная гарантия существования гражданского общества. Именно в этом – главная причина признания Конституцией принципа идеологического многообразия⁸

На наш взгляд, конституционные положения о идеологическом многообразии необходимо воспринимать в контексте всей конституционной истории России XX в. Вряд ли будет обоснованным учет только политических событий, непосредственно предшествовавших разработке и принятию новой Конституции России. В странах, давно признавших свободу слова и мнений, отсутствует потребность в специальном закреплении принципа идеологического многообразия. Российская специфика правового и политического развития в течение длительного времени в условиях идеологической монополии требовала создание особых конституционных положений, гарантирующих идеологический плюрализм.

В современных конституционных дебатах о идеологическом многообразии проявились две позиции относительно проблемы соотношения конституции, конституционного строя и идеологии. Первая, представленная в работах государствоведов и юристов, в целом позитивно оценивает конституционное закрепление принципа идеологического и политического многообразия и видит отличительную черту конституционного строя и конституции в том, что они имеют надидеологическую природу⁹ Само закрепление этого принципа должно было обеспечить деидеологизацию конституционного права. Процесс деидеологизации значительно повлиял на выработку нового научного аппарата конституционного права, новой терминологии. Новые конституционные идеи были положены в основу структуры конституции, применялись для разработки понятия и видов основ конституционного строя, что в целом позитивно сказалось на формировании новой теории конституционного права.

Вторая позиция заключается в критическом подходе к закреплению принципа идеологического многообразия или к практике его реализации. Этот принцип, по мнению критиков, направлен против традиционных ценностей населения, сформировавшихся в советский период, против возможности существования общенациональной идеи или государственной идеологии¹⁰

Конституционный принцип *идеологического многообразия* имеет несколько содержательных аспектов.

1. Данный принцип базируется на обширном социальном содержании человеческой деятельности. Многообразие в сфере идеологии предполагает право каждого человека, группы людей, их объединений свободно развивать свои воззрения и научные теории идеологического характера; распространять и защищать их с помощью всех существующих технических средств; активно работать также над практическим осуществлением своих идей путем разработки программных документов, законопроектов, представлять их на рассмотрение общественных и государственных органов, участвовать в поддержке и реализации уже принятых этими органами предложений и т. д.¹¹

2. Юридическое содержание этого принципа тесным образом связано с важнейшими субъективными правами и свободами личности, через которые он и реализуется и которые образуют необходимый фундамент правовой жизни человека. К таким субъективным правам и свободам относятся: свобода совести и вероисповедания (ст. 28 Конституции), свобода выражения мнений и убеждений, свобода информации (ст. 29), право определять и указывать свою национальную принадлежность, право на пользование своим родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26).

3. Устанавливается дополнительная конституционная гарантия против ликвидации на государственном уровне идеологического многообразия. Согласно ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Данное требование – конституционная реакция на советский опыт идеологического монизма. Тем не менее оно не может восприниматься вне контекста других конституционных положений и особенно конституционных провозглашений о ценности прав человека. По мнению В. А. Четвернина, требование ч. 2 ст. 13 является абсолютным для государственного регулирования отношений гражданского общества, но не для государственной службы в конституционном государстве, провозглашающем права человека высшей ценностью. Поэтому идеология естественных и неотчуждаемых прав человека должна быть индикатором допуска граждан к государственной службе¹². На наш взгляд, сфера отношений гражданского общества также базируется на ценностях прав человека, поэтому определенные ограничения идеологического многообразия устанавливаются и существуют по отношению как к обществу, так и к государству.

4. Демократические ценности и права человека должны защищаться государством и Конституцией. Абсолютная реализация принципа идеологического плюрализма может входить в противоречие с потребностями защиты демократии, прав и свобод личности. Такое происходит в случае распростра-

нения фашистской, национал-социалистической или иной идеологии террора, направленной против идеологии прав человека. Поэтому Конституция способствует превращению абсолютного плюрализма в относительный, ограниченный конституционно-правовыми рамками. Конституция РФ закрепляет содержательные ограничения идеологического многообразия в ч. 2 ст. 29. В ней говорится, что не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду. Помимо этого запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Хотя эти ограничения содержатся в статье, регулирующей свободу мысли и слова, они непосредственно касаются проявлений идеологического многообразия.

Конституционный принцип идеологического плюрализма является гарантией от проникновения в сферу публичной власти и институтов гражданского общества тоталитарной идеологии. В своем исследовании Х. Арндт указывала, что все идеологии содержат тоталитарные элементы, однако последние полностью развиваются только при тоталитарных движениях, которые после прихода к власти устанавливают тоталитарный режим¹³. Идеологический плюрализм является объективным следствием существования интеллектуальной, а в широком смысле и социальной свободы. Поэтому тоталитарный режим не только урезает права или отменяет основные свободы, но и стремится вытравить из людских сердец любовь к свободе¹⁴. В этой связи в условиях демократического государства идеологический плюрализм опирается на целый спектр конституционно гарантированных прав и свобод личности, которые в целом обеспечивают человеку свободу и различные формы самовыражения.

Вместе с тем запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной вовсе не означает отсутствие реального доминирования определенной идеологии в государственной и общественной жизни. Из опыта развития современных государств мы знаем, что в одних демократических странах господствует идеология либеральной демократии (США), в других доминирующее значение в государственной политике приобретает социальная рыночная демократия (Швеция), а в третьих смена политических партий у власти приводит к изменению вектора государственной политики, базирующейся то на идеологии либеральной демократии, то на идеологии социальной демократии (Германия, Великобритания).

В России отмеченный выше конституционный запрет окончательно не предопределяет возможность доминирования той или иной идеологии, совместимой с признанием прав и свобод человека высшей ценностью¹⁵. Такое доминирование в реальной жизни будет зависеть от результатов политической борьбы с использованием конституционных и парламентских форм различных партий и движений, носителей либеральной или социально-демократической идеологии. В современных российских условиях социальной дифференциации общества конституционные ограничения политического плюрализма должны применяться судебными и иными государственными органами более эффективно и целенаправленно против распространения национал-социализма, иных версий фашистской идеологии, исламского фундаментализма, который имеет своих сторонников в республиках Северного Кавказа.

В то же время идеологический плюрализм призван гарантировать смену идеологии государственной политики или идеологии правящей партии или коалиции партий, если политические носители такой идеологии перестали пользоваться поддержкой избирателей. В отношении должностных лиц государственной и муниципальной службы принцип идеологического многообразия должен означать признание идеологической нейтральности, но вместе с тем такие лица обязаны всячески содействовать проведению в жизнь через государственные структуры идеологии защиты и обеспечения прав и свобод личности.

Действующая Конституция РФ обладает мощным положительным идеологическим потенциалом, который в полной мере пока не реализован. Она способна воздействовать на воспитание граждан в духе взаимного уважения, взаимной ответственности, распространять принципы гуманизма и справедливости во взаимоотношениях личности, общества, государства. Конституционные нормы ориентируют развитие культуры, науки, образования, искусства на формирование свободной личности. Для этого ст. 44 провозглашает и гарантирует свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, особенно выделяя свободу преподавания. Некоторые разновидности нравственного долга получают конституционное закрепление в качестве прав и обязанностей. Так, согласно ч. 2 и 3 ст. 38 забота о детях, их воспитание – одновременно и право, и обязанность родителей; трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях. В соответствии с ч. 1 ст. 59 Конституции защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина РФ.

Таким образом, принцип идеологического многообразия допускает различные виды идей и взглядов, которые тем не менее должны увязываться с такими направляющими доминантами развития современного конституционного права, как обеспечение прав и свобод личности и демократическое правление. Помимо этого идеологическое многообразие имеет много точек пересечения с конституционно провозглашенной свободой совести и вероисповедания, которая является проводником религиозного плюрализма, в том числе с правом личности определять свою национальную принадлежность.

Интегративная функция конституции: аксиологические аспекты

В демократическом государстве конституция призвана выполнять еще одну важную функцию – обеспечивать интеграцию общества и формировать национальную идентичность. Конституции способствуют интеграции общества, если они олицетворяют цели, чаяния, ценности и основные убеждения, разделяемые его членами и сплачивающие их¹⁶. В революционные эпохи нередко конституции не реализовывали интегративную функцию, тогда государства распадались или вследствие процесса дезинтеграции появлялись новые государства, как правило, на территории бывшей империи. Такая участь постигла Российскую империю, которая распалась под давлением трех русских революций начала XX в. Основные законы 1906 г. не смогли выполнить интегративную функцию и обеспечить поступательное конституционное развитие государства.

Советские социалистические конституции после гражданской войны и политического террора стремились сформировать новую идентичность – «советский народ», которая не укладывалась ни в понятие национального государства, ни в понятие империи. Внешним образом в значительной степени под партийно-политическим давлением произошла интеграция различных народов и наций, которая существовала довольно длительное время благодаря широким межкультурным связям, широкому распространению разнообразных форм национальной государственности и национальному представительству союзных, автономных республик, автономных областей и автономных округов в высшем органе государственной власти – Верховном Совете СССР. Однако новая идентичность не отражала единство культурных традиций, единую правовую, гражданскую и политическую культуру. Понятие «советский народ», как и другие выражения с прилагательным «советский», имело *надэтнический* характер, так как стремилось охватить различные нации и народности одной категорией, отражавшей характер публичной власти и общественно-экономического строя. Такими характеристиками обычно объяснялась возможность единения различных народов в советском государстве.

Следует обратить внимание на то, что процесс формирования современных демократических государств тесным образом связан с национальным строительством, при котором термину «нация» в конституционно-политической сфере придается не этническое, а гражданское и политическое значение. Поэтому в понятие «нация» включаются все граждане данного государства, хотя они могут иметь различные этнические корни и быть представителями различных этносов. Советские конституции, так же как советский народ, не предполагали формирование нации в гражданском и политическом значении этого слова. В отношении единства государства это имело трагические последствия. Дело в том, что национальная идентичность может формироваться только с привязкой к определенной территории государства. Ведь территория – это один из важнейших атрибутов государства. В таких понятиях, как «советское государство», «советская конституция», «советский народ», отсутствовал территориальный фактор, который должен играть важную роль в формировании национальной идентичности. И «советское государство», и «советская конституция», и «советский народ» гипотетически могли существовать где угодно, на любом материке или континенте, на любой планете. Ни в одном из этих названий не упоминалась Россия, территория российского государства. Пролетарский интернационализм, которым была проникнута Октябрьская революция, несомненно, повлиял и на концепцию идентичности, которая стала носить в определенной степени космополитический характер.

Действующая Конституция РФ способна выполнять интегративную функцию при условии формирования в российском государстве нации в политическом и гражданском смысле. Немаловажную роль в этом может сыграть постепенное видение в «россиянах» лиц, обладающих российским гражданством и новой политической и правовой культурой, но продолжающих сохранять свои этнические или религиозные традиции и истоки. С позиций мультикультурализма гражданство становится объективным фактором политической и гражданской интеграции различных в социальном, этническом и религиозном плане лиц, продолжающих сохранять культурные различия.

Роль писаной конституции по-прежнему велика в деле формирования и поддержания идентичности даже в условиях усиливающейся европейской и международной интеграции. Так, оксфордский профессор политологии Л. Зидентоп в работе, посвященной европейской интеграции, обоснованно считает, что «писаная конституция может и должна внести решающий вклад в формирование самосознания каждого общества, организованного в форме государства». По его мнению, «писаная конституция выявляет и узаконивает роль государства в создании общества индивидуумов, обращая внимание на то, как государство воспитывает во всех своих субъектах чувство основополагающего, или морального, равенства»¹⁷. Здесь можно добавить, что конституция должна выявлять еще и чувство сопричастности единому, но многообразному сообществу граждан в процессе общественного и государственного строительства.

Интегративную функцию конституция может выполнять благодаря и тому, что в ней концентрируются, получая особый правовой статус, юридические нормы, питаемые не только правовыми, но и культурными, нравственными, политическими истоками.

Еще в советский период государствоведы отмечали, что конституционные нормы, пожалуй, в наибольшей степени по сравнению с другими юридическими нормами концентрируют правовое, политическое и нравственное начало. Сочетание политических, моральных и правовых начал в конституционных нормах, как считал И. П. Ильинский, способствует установлению гибкой и эффективной системы регулирования общественных отношений¹⁸ У конституционного права неотъемлемо призвание быть реальным воплощением тех политических и нравственных ценностей, уважение к которым общество стремится привить своим членам. Несомненно, что в процессе конституционного развития России политические и нравственные ценности, отражавшиеся в нормах конституционного права, менялись. Действующую Конституцию РФ возможно рассматривать с позиций ценностей нелиберального конституционализма. Основной доминантой конституционного правопонимания должно стать осмысление интеграционной роли Конституции. Конституция призвана интегрировать правовые, политические и нравственные ценности народов, составляющих российское общество и являющихся гуманитарным фактором становления правового государства.

Конституция оказывает непосредственное или опосредованное воздействие на поведение человека, участвуя в формировании его мировоззрений, убеждений, жизненных ориентаций и установок, чувств и эмоций. Конечно, обычные граждане в отличие от юристов, должностных лиц и политиков не слишком часто обращаются к таким документам, как Конституция, и не всегда имеют четкое представление о закрепленных в ней правах. Но вместе с тем, если конституция провозглашает и защищает основные права и свободы личности, гарантирует политическую, экономическую свободу для реализации творческого потенциала личности, она оказывает огромное воздействие на многие стороны жизни граждан и приносит в их самосознание организующее начало. Как справедливо заметил Л. Зидентоп, «конституции структурируют наше сознание»¹⁹

Значительно увеличивается потенциал интегративной функции Конституции, если она содержит программные, целевые положения. Для конституций стран Восточной Европы в целом и для России в частности такие положения становятся характерной чертой, позволяющей определять перспективы демократической консолидации общества, достигать политического и социального консенсуса в процессе трансформации институтов публичной власти и правовой системы. Следовательно, способность конституции формировать идентичность сообщества должна основываться на сочетании потребностей политического и гражданского единства и поддержании культурного и религиозного многообразия.

Примечания

¹ *Большой толковый социологический словарь* (Collins): Пер. с англ. М.: Вече: АСТ, 1999. С. 445. Т. 1 (А–О).

² О современном понимании мультикультурализма в политической философии см.: *Ripstein A. Multiculturalism // Routledge Encyclopedia of Philosophy CD-ROM / General Editor Edward Craig. Version 1.0. L.: Routledge, 1998.*

³ См.: *Милль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении.* СПб., 1863. С. 303.

⁴ Термин «сообщественная демократия» был введен А. Лейпхартом и предназначался для характеристики демократических институтов в многосоставных обществах // *Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах / Пер. с англ.; под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. М.: Аспект Пресс, 1997.*

⁵ Речь идет о государствах-регионах (или регионалистских государствах), вся территория которых делится на автономные образования, благодаря которым усиливается территориальная децентрализация. В Западной Европе к таким государствам относятся Италия в соответствии с Конституцией 1947 г. и Испания после принятия Конституции 1978 г. См.: *Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 1997. С. 176, 177.*

⁶ *Федеральный закон от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2965. О возможностях формирования национально-культурной автономии в России см.: *Кравец И. А. Российский федерализм и возможности национально-культурной автономии // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 7–11.**

⁷ *Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения: Учеб. пособие для вузов. М.: Закон и право; ЮНИТИ, 1997. С. 36.*

⁸ *Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1997. С. 148, 149.*

⁹ В политических и научных дискуссиях 1990–1993 гг. о новом проекте российской конституции некоторые ученые и политики предлагали отказаться от терминов «общественный строй», «государственный строй» в пользу закрепления понятия «конституционный строй» не только по принципиальным, но и по идеологическим соображениям. Два первых термина применялись в советских конституциях и несли определенную идеологическую нагрузку. Считалось, что использование термина «конституционный строй» очистит новую конституцию от старой терминологии и стоявшим за ней содержанием. В отказе от старой конституционной терминологии видели процесс деидеологизации и конституции, и конституционного права. Поэтому О. Г. Румянцев в полемике с А. В. Мицкевичем, В. Т. Кабышевым и О. Н. Смолиным отстаивал надидеологическую природу конституционного строя, обоснованно считая в то же время, что конституция и конституционный строй призваны иметь прочные идейные, духовные основы: выстраданные и выработанные в ходе истории общепризнанные гуманные ценности, нормы, идеалы. См.: *Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М.: Изд-во «Юрист», 1994. С. 20, 21.*

¹⁰ Так, по мнению В. О. Лучина, признающего идеологическое многообразие, несомненное достижение демократии состоит в том, что «в современном российском обществе, особенно в средствах массовой информации, господствует очернение советского периода российской истории, разрушение всего, что связано с социализмом, навязывается западная модель массовой культуры. Происходит это при активном, порой иницирующем участии государственной, прежде всего исполнительной, власти. Да и сама Конституция не содержит надежных гарантий идеологического многообразия»: Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения: Учеб. пособие для вузов. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997. С. 36, 37.

¹¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996. С. 66. (Автор комментария к ст. 13. В. А. Кикоть).

¹² В. А. Четвернин предлагает «имманентное конституционное ограничение равного доступа граждан к государственной службе: в идеале к государственной службе не должны иметь доступ те, кто отрицает идеологию прав человека»: Четвернин В. А. Основы конституционного строя России: доктрина и практика // Становление конституционного государства в посттоталитарной России / Под. ред. В. А. Четвернина. М.: ИГП РАН, 1998. Вып. 2. С. 39.

¹³ См.: Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ., под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: Центр-Ком, 1996. С. 610, 611.

¹⁴ Там же.

¹⁵ По мнению В. О. Лучина, противоречивым является конституционное положение о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ч. 2, ст. 13). «Никакие, даже самые радикальные перемены в общественном строе, – пишет он, – не могут отменить то, что свойственно природе человека – потребности в идеологии как осознанной цели общественной деятельности»: Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения... С. 37. На наш взгляд, противоречие здесь видимое, оно, если признавать таковое, снимается при приведенном выше толковании конституционного принципа.

¹⁶ Пройсс У. Модели конституционного развития и перемены в Восточной Европе // Полис. 1996. № 4. С. 127.

¹⁷ Зидентоп Л. Демократия в Европе / Пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2001. С. 117.

¹⁸ Статья И. П. Ильинского показывает специфику конституционно-правового регулирования общественных отношений в условиях советского общества «реального» социализма. В тот период решающая роль в формировании права как регулятора общественных отношений признавалась за социалистическим государством. См.: Ильинский И. П. Конституционно-правовое регулирование общественных отношений // Общественные науки. 1977. № 6. С. 32–44.

¹⁹ Зидентоп Л. Демократия в Европе... С. 120.

Г. Л. Санжиев, С. П. Будажапов
(г. Улан-Удэ)

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НАРОДОВ СИБИРИ: ОТ АВТОНОМИИ К РЕСПУБЛИКЕ

После победы Октябрьской революции и установления советской власти коренным народам Сибири была предоставлена национальная государственность в форме автономных республик и областей. Для народов Севера Сибири и Дальнего Востока были созданы национальные округа. Якутская АССР была образована в 1922 г., Бурят-Монгольская АССР – в 1923 г., Горно-Алтайская автономная область – в 1922 г., Хакасская – в 1930 г. Тувинская народная республика в 1921–1944 гг. являлась самостоятельным независимым государством со своей конституцией. В 1944 г. она была принята в состав Советского Союза в качестве автономной области РСФСР. В октябре 1961 г. она была преобразована в Тувинскую автономную республику. Автономные республики имели свои конституции и правительства, являлись автономным государством в составе РСФСР. Автономные области имели статус административно-территориальных автономий, их устройство определялось уставом. Автономные республики и области, как национальная государственность, сыграли большую роль в преодолении политической, социально-экономической и культурной отсталости своих районов, ликвидации фактического неравенства коренных народов.

Такие формы автономии просуществовали до начала 1990-х гг. К этому времени они не соответствовали задачам государственного развития территорий и их народов. Кроме того, их права и полномочия, провозглашенные в Конституции РСФСР, значительно ограничивались в пользу центра.

После провозглашения 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР в России начался парад суверенитетов. Включились в это движение и автономные республики Сибири – Бурятия, Якутия и Тыва объявляли о своем государственном суверенитете. Горно-Алтайская и Хакасская автономные области на сессиях своих областных Советов приняли декларации о государ-

ственном суверенитете и провозгласили себя республиками в составе Российской Федерации. В установлении статуса республик и всех субъектов РФ определяющую роль сыграли Федеративный договор, подписанный 31 марта 1922 г., и особенно Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г.

В отличие от других субъектов России (краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов), республика признана государством в составе Российской Федерации, имеет свою конституцию, законодательство, она вправе установить государственный язык, употребляемый наряду с русским.

Конституция России 1993 г.¹ повысила статус бывших автономных республик и областей, значительно расширила их права и полномочия, открыла широкие просторы для демократического развития их государственности. Это отражено в конституциях республик. Государственная власть в республиках строится на основе разделения законодательной, исполнительной и судебной власти. В организации власти в республиках имеются определенные различия, они делятся на президентские, парламентские и смешанные. Республики Саха (Якутия), Тыва и Бурятия избирают своих президентов, которые являются главами республик и их исполнительной власти. Но в Саха (Якутии) назначается также отдельный председатель правительства.

В конституциях республик² отдельные главы посвящены законодательным (представительным) органам власти. Парламент каждой республики имеет свое собственное название. Определенные различия наблюдаются в структурах, составах и полномочиях законодательных органов. В Республике Тыва учрежден Великий Хурал (съезд народа республики) – орган всенародного свободного волеизъявления. Он наделен исключительным правом принимать изменения и дополнения в конституцию республики на основе итогов всенародного референдума, а также согласованных предложений парламента – Верховного Хурала и Президента республики.

Изучение конституций республик Сибири позволяет сделать вывод о том, что они своим содержанием в целом направлены на укрепление федерализма в России. В них закреплены принципиально важные для федеративного устройства России положения Конституции РФ 1993 г. о ее государственной и территориальной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения между органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, равноправии и самоопределении народов, распространении суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию. Признание верховенства Конституции РФ и федеральных законов на территориях республик, закрепление за федеральным уровнем базовых экономических и иных ресурсов, определение федеральных приоритетов являются гарантиями реализации указанных принципов. Республики Сибири подтверждают положение Конституции РФ о равноправии между собой всех субъектов России во взаимоотношениях с федеральными органами власти.

В становлении и развитии федеративных отношений большая роль принадлежит разграничению полномочий и предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами федерации. В конституциях республик Бурятия, Алтай³ и Хакасия приняты положения статьи Конституции РФ о полномочиях, находящихся в ведении органов государственной власти Российской Федерации, подтверждены полномочия, находящиеся в совместном ведении центра и республик. А в конституциях республик Саха (Якутия) и Тыва, принятых до Конституции РФ, часть полномочий передана в ведение Российской Федерации. В них нет специальных статей о предметах совместного ведения. Во всех конституциях республик перечислены полномочия, относящиеся к их исключительному ведению.

В конституциях всех республик Сибири подтверждается фактическое существование республик, как национально-государственных образований. Это согласуется с положениями Конституции РФ о том, что она исходит «из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов», о том, что республики, субъекты РФ, являются государствами, а также с сохранением их исконных исторических названий: Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Алтай и Хакасия. В соответствии с Конституцией РФ языки титульных народов – бурятского, якутского, тувинского и алтайского, объявлены наряду с русским государственными языками республик. Но это не означает, что республика, как было раньше, в советское время, является национальной государственностью лишь титульных наций. Во всех конституциях республик содержится положение о том, что основой государственности и источником власти является проживающий в них народ, состоящий из граждан всех национальностей.

Вместе с тем в конституциях республик Сибири содержится ряд положений, которые не соответствуют установлениям федеральной Конституции. Республики Саха (Якутия), Тыва, Бурятия и Алтай объявили себя суверенными демократическими государствами, что противоречит ст. 5 Конституции РФ. Более того, в конституциях республик Саха (Якутия) и Тыва провозглашено их право самостоятельного участия в международных и внешнеэкономических связях, т. е. стать субъектами международного права. В Конституции Республики Тыва содержится положение о ее праве на самоопределение и выход из состава федерации по итогам всенародного референдума.

Наблюдалось стремление отдельных республик получить большие полномочия при заключении договоров о разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами федера-

ции. Такие договора с центром имеют республики Саха (Якутия) и Бурятия, которые заключены в 1995 г. Республика Саха (Якутия) заключила 14 дополнительных соглашений, республика Бурятия – 5. К совместному ведению Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) вынесены дополнительно 11 предметов ведения. Республика Саха (Якутия) получила больше прав и льгот на расходование средств, собираемых в казну, на нужды своего населения, формирование и использование республиканского фонда драгоценных металлов и камней. К совместному ведению РФ и Бурятии отнесено установление условий экономической деятельности и природопользования на территории, прилегающей к озеру Байкал.

Рассмотрение конституций республик Сибири и заключенных ими с центром соглашений показывает, что наблюдается наличие асимметрии в организации субъектов федерации.

Федеративные отношения в России в целом и ее субъектах в частности, федеративное устройство государства находятся все еще на стадии становления. Реализация принципов федерализма осуществлялась совершенно недостаточно. До недавнего времени не были изданы федеральные законы, которые регулировали бы федеральные отношения.

Становление федеративных отношений – процесс сложный, временами противоречивый⁴ С одной стороны, происходит расширение прав и полномочий субъектов, их самостоятельности и ответственности как за развитие своих субъектов, так и России. Наряду с этим явно проявлялась тенденция усиления власти центра, его роли и влияния на жизнь регионов. Во всех республиках были назначены полномочные представители президента РФ с широкими полномочиями, возникло много представительств федеральных органов и ведомств. Последние практически решали много местных вопросов. Вместе с тем фактически бесхозным оставался региональный уровень федеральных отношений⁵

Разруха в экономике, ухудшение положения народа привели к резкому усилению зависимости субъектов, в том числе сибирских республик, от центра, прежде всего в финансовом отношении.

В последние годы стало обращаться внимание на решение проблем федеральных отношений.

В январе 1999 г. Президентом Российской Федерации был подписан принятый Государственной Думой Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», в котором в соответствии со ст. 72 Конституции РФ устанавливается общий порядок координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Федерации.

В июне 1999 г. вступил в силу Федеральный закон «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». Он установил порядок принятия федеральных законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации, а также основные принципы и порядок разграничения предметов ведения и полномочий при заключении соответствующих договоров и соглашений между ними о передаче друг другу осуществления части полномочий. Безусловно, этот федеральный закон направлен на укрепление Федерации.

15 октября 1999 г. принят важный Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Базовыми принципами деятельности органов власти субъектов Федерации являются:

- а) государственная и территориальная целостность Российской Федерации;
- б) распространение суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию;
- в) верховенство Конституции РФ и федеральных законов на всей территории Российской Федерации;
- г) единство системы государственной власти.

Таким образом, федеральная власть посредством федеральных законов стремится укрепить Федерацию и ее конституционно-правовой статус. Но эти законы, по существу, оставались на бумаге, не находя конкретной реализации.

Президент Российской Федерации В. В. Путин принимает меры по практической реализации потенциала Федерации в деле укрепления целостности государства. Это решения об образовании федеральных округов и назначении полномочных представителей Президента в них, указания о приведении в соответствие с Конституцией РФ и федеральным законодательством положений конституций республик и уставов других субъектов, их законодательных актов, указ об изменении механизма формирования Совета Федерации.

В 2001 г. во всех республиках Сибири проводилась работа по приведению их конституций и законодательств в соответствие с федеральными. Так, в Республике Тыва внесены большие изменения в конституцию, по существу составлена новая ее редакция, соответствующая российской. Много заседаний Народного Хурала Республики Бурятии было посвящено этим вопросам. Такая же работа проводится во всех республиках, но она еще не завершена.

Большое значение для республик Сибири имеет деятельность вновь образованного Сибирского федерального округа, особенно в экономической сфере⁶.

Надо сказать, что продолжают и дискуссии вокруг вопроса об этническом федерализме. Немало политиков и публицистов продолжают придерживаться мнения, что нельзя формировать федерацию

по этническому, национальному признаку и требуют роспуска республик и автономий, превращения всех субъектов федерации в губернии. Они не хотят считаться с тем, что этнокультурное многообразие России формировалось столетиями совместной жизни более ста народов и культур. Национально-территориальные общности сложились исторически, а не являются чьей-то выдумкой или искусственным созданием. Отказаться от этих исторических реалий, ликвидировать национально-территориальные образования будет политически, организационно и психологически очень трудно, а сегодня – невозможно и опасно. Этому не помогут попытки некоторых ученых изменить определение «нации». В. А. Тишков выдвигает «государственническую концепцию» нации, т. е. признает нацией только совокупность граждан государства⁷. Но в книге «Народы и религии мира» он допускает существование этнических наций. А Здравомыслов выдвинул релятивистскую теорию⁸. Можно ли согласиться с категорическим утверждением, что «федерализм не разрешает национального вопроса»? На наш взгляд, федерация создает благоприятные условия для решения национального вопроса.

Россия была и есть великое евразийское государство. Евразийская модель национального и межнационального сосуществования народов России служит базой политического устройства российского общества и Российского государства. Поэтому исключить этнический фактор формирования федеративного государства – это значит не укрепить, а ослабить и разрушить федерацию. Прав Р. Г. Абдулатипов, когда он пишет: «Не следует бояться национально-этнического фактора в государственном строительстве, наоборот, следует достичь его гармоничного вплетения в российскую государственность»⁹.

Федерализм в России обладает большим внутренним потенциалом развития. Преимущества федерации потенциально заключены в большом объеме демократизма на всех уровнях общественных отношений: властных, экономических, культурных, религиозных, этнических и т. д. Задача состоит в том, чтобы найти оптимальный механизм реализации преимуществ федеративного устройства государства на благо всех его народов.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993.

² Конституция республик в составе Российской Федерации. Издание Гос. Думы. М., 1995. Вып. 1; М., 1996. Вып. 2.

³ Конституция Республики Алтай (основной закон). Горно-Алтайск, 1997.

⁴ Сборник договоров и соглашений между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий. Издание Гос. Думы. М., 1997.

⁵ Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

⁶ Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000.

⁷ Аверьянов А. Федерализм в Российском и зарубежном законодательстве // Жизнь национальностей. 2000. № 4. С. 20–26.

⁸ Тишков В. Забыть о нации // Вопр. философии. М., 1998. № 9.

⁹ Здравомыслов А. Релятивистская теория наций // Свободная мысль. М., 1999. № 1. С. 64–78.

А. В. Цихоцкий
(г. Новосибирск)

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОФОРМЛЕНИЯ

Поскольку государственная национальная политика в отношении любой из официально признаваемых 176 наций и народностей, проживающих в России, получает законодательное оформление¹, постольку содержание этой политики, а также ее эффективность могут быть познаны посредством анализа нормативного материала и практики его применения. Если судить по юридическим текстам, то обнаруживается доминанта нормотворческой техники законодательных актов в сфере национальной политики: государство, опираясь на специфику положения этноса в системе общественных отношений, относит его к особой группе народов, вычлняя ее в качестве объекта политико-правового регулирования. Для индивидуализации данного объекта правового воздействия в доктрине и законодательстве используются такие термины и понятия, отражающие политико-правовой статус этносов,

как малочисленные народы, национальные меньшинства, титульные народы, коренные народы, диаспоры, этнические группы и др.

Общезвестен факт социального бытия: естественным субъектом права является человек. Малочисленные народы с этой позиции – правовая фикция, правом же созданная и вне права не существующая. В механизме регулирования национальных отношений она используется в качестве инструмента обеспечения государственного протекционизма определенным этническим группам, сохранения их самобытности и интеграции в мировом сообществе в условиях, когда этносы не обладают собственной государственностью. При этом механизмы этнической/национальной идентификации имеют субъективную и психологическую природу, хотя обуславливающие и поддерживающие ее факторы для каждого индивида существуют объективно (религия, язык, территория, государство, традиции и т. д.). Последние позволяют человеку отделить свою этническую общность «мы» от других «они». Иными словами, принадлежность субъекта к этнической группе наследственна и определяется не гражданством, а культурной идентичностью.

Конструкция «особого статуса малочисленного народа» может использоваться для организации общества при условии, что государство в пределах своих границ признает этнический плюрализм. Если же оно выступает приверженцем иных принципов объединения полиэтничного населения (например, вероисповедания), то политико-правовой статус гражданина не должен ставиться в зависимости от его национальности. Эти постулаты хорошо проявляются на исторической шкале национальной политики российского государства: в дооктябрьский период в основе правового статуса россиян не использовался признак этничности. Однако такой подход к определению положения между государством и гражданином сам по себе не говорит о том, что управленческая потребность власти не учитывала этнический аспект своих подданных. Наоборот, историография жизнедеятельности отдельных народов подтверждает гипотезу о том, что казна тратила значительные средства на организацию научных экспедиций по изучению всех сторон бытия малочисленных народов. В частности, исследование жизни «северных инородцев» проводилось со времен освоения Севера, Сибири и Дальнего Востока. Научное освоение объекта познания характеризуется различной степенью интенсивности: если на первых этапах этнографический материал в донесениях землепроходцев носит описательный характер (можно заметить, что лингвистические и исторические направления исследования преобладают до настоящего времени), то послеоктябрьский период ознаменовался исследованиями политических аспектов жизни малочисленных народов.

Смена вектора исследований имела объективный характер: советское государство декларировало новую национальную политику, базирующуюся на праве народов на самоопределение и их политическое равенство. И хотя реальность была иной: политика в отношении малочисленных народов по-прежнему основывалась на патерналистских ценностях, но уже в 1925 г. государство признает особый статус за 25 малыми народами Севера. Критериями для отнесения этноса к числу малых народов признавались: малая численность этноса, ведение аборигенами традиционных отраслей хозяйства (охота, рыболовство, оленеводство, собирательство), полуоседлый и кочевой образ жизни, низкий уровень социально-экономического развития. Анализ законодательной базы статуса малочисленных народов в годы социализма дает основание для некоторых выводов: а) нормативный массив, относящийся к данной сфере национальной политики, объединял как правило два вида нормативно-правовых актов – совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР; постановления Совета Министров СССР, РСФСР; б) акты государства своим содержанием были направлены в большей степени на развитие соответствующей территории, чем самих малочисленных народов; в) законодательство «цементировало» власть государства над аборигенными народами.

Опираясь на характеристику зависимости социальных явлений, данную еще Сенекой, – *Nullum in se vitium est* (лат. Ни один порок не бывает сам по себе), – можно было строить прогнозную модель последствий политики патернализма в отношении малочисленных народов в условиях рыночной среды, когда государство в силу экономических причин уже не способно обеспечить им привычный уклад жизни и уровень материального благополучия. Сегодня приходится констатировать, что реальное положение аборигенных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока характеризуется следующими показателями: упадок традиционных отраслей хозяйства, нарушение экологического баланса территорий проживания, ухудшение санитарно-бытовых и гигиенических условий, неблагоприятные тенденции в социально-демографической сфере, рост безработицы, падение уровня общего и профессионального образования. В качестве средства преодоления кризиса социальной поддержки коренных малочисленных народов государство называет «создание условий для саморазвития и самообеспечения... в местах компактного проживания» этносов². Для достижения указанной цели постановлением Правительства РФ от 27 июля 2001 г. утверждена Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года», стоимость которой составляет 2 744,32 млн р., из них 979,82 млн р. (35,7%) – средства федерального бюджета, 1 366,56 млн р. (49,8%) – средства бюджетов субъектов РФ и 397,97 млн р. (14,5%) – внебюджетные

источники. В структуре затрат будут преобладать расходы по статье «Капитальные вложения» – 86,5 %, затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы составят 0,5 % и прочие текущие расходы – 13 %³. (На 2002 г. финансирование программы за счет средств федерального бюджета составляет 111,5 млн р.⁴)

Нет необходимости подробно доказывать, насколько важным в постсоветский период является создание правовой базы для урегулирования статуса малочисленных народов. В этой связи приведем два аргумента. Во-первых, власть должна исходить из признания факта существования новой политической реальности – гражданского сознания малочисленных народов, имеющих собственную концепцию развития, приобретающих опыт взаимодействия с государством в условиях радикальных перемен. Во-вторых, в последние годы возрождается апокалипсическая идеология и психология: исследователи (А. Тойнби, К. Шилин, А. Урсул и др.) предполагают, что в случае осуществления термоядерной войны либо иной катастрофы, сотворенной человеком, основу новой жизни и цивилизации могут дать люди, оставшиеся далеко от многомиллионных центров, т. е. коренные народы Земли, наиболее близкие к природе и ведущие традиционный образ жизни, к последним относятся малочисленные народы Севера Евразии.

Надо признать, что создание нормативной модели статуса любого этноса, относящегося к группе малочисленных народов, затруднено в силу слабой проработки проблемы на теоретическом уровне. В качестве иллюстрации сказанного достаточно воспроизвести вопрос, с которым сталкивается научная мысль на начальных этапах познания: должно ли государство создавать какие-либо привилегии тому или иному этносу – вопрос, на который в разные исторические эпохи отвечали по-разному. Доктринальная гипотеза исторически двигалась от ответа «Нет» в сторону твердой убежденности «Да» и впервые получила отражение в конституционной формуле: государство гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69 Конституции РФ). Таким образом, в основе политико-правового статуса коренных малочисленных народов Российской Федерации должны лежать выработанные международным сообществом правовые стандарты⁵ Конституционное положение об обязанности государства следовать международным стандартам закрепляет один из существенных элементов статуса малочисленных народов и важнейшую гарантию того, что этот статус не может быть меньшим по объему, чем это определено международным правом. Одновременно оно свидетельствует о признании возможного разрыва между идеальной моделью статуса этноса и его фактическим положением. Как постулируется наукой, проблема права есть «проблема замирения гармоничных в идеале, но эмпирически противоборствующих реальных “я” и реальной соборности. ...Право рассчитано на человеческое несовершенство, на разъединение между идеалом и действительностью, между которыми оно посредствует, готовя путь для реализации нравственности. Эмпирическое общежитие без права есть всегда насилие, произвол и деспотия. Только общежитие святых может обходиться без права»⁶

В Российской Федерации пока не принят комплексный нормативный акт, который регулировал бы правовое положение коренных малочисленных народов, хотя потребность в таком документе очевидна. Среди причин медлительности законодателя, видимо, не последнее место занимает и отсутствие концепции документа. Разумеется, практика формирования российского федерализма подтверждает гипотезу, что в ближайшей перспективе важнейшее направление реформаторской деятельности – создание кодекса поведения государства в межэтнических отношениях. При этом важно обеспечить преемственность уже проявившихся основных идей: совмещение принципов демократии (подчинение меньшинства политическому решению большинства) и этнофедерализма (равноправие народов независимо от их численности); развитие федерализма на основе укрепления вертикали власти, управления территориями и народами. Отсутствие такого кодифицированного акта обуславливает и деформации федеративных отношений, толкает субъектов РФ на возбуждение судебных процессов в сфере политики. Уместно напомнить, что Конституционный Суд РФ отказался рассматривать запрос Думы Чукотского автономного округа о толковании ст. 69 Конституции РФ, в котором заявитель просил разъяснить, каковы права коренных малочисленных народов Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права; имеют ли коренные малочисленные народы какие-либо исключительные права; имеют ли общепризнанные принципы и нормы международного права, касающиеся коренных малочисленных народов, приоритет по отношению к нормативным актам Российской Федерации и ее субъектов; каков порядок применения общепризнанных принципов и норм международного права в отношении коренных малочисленных народов РФ; имеют ли право субъекты РФ осуществлять собственное правовое регулирование в данной сфере в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права до принятия федерального закона, определяющего правовой статус коренных малочисленных народов Российской Федерации. Иными словами, заявитель ставил перед судебной властью вопрос о существенных основах правового статуса аборигенных этносов. Оставляя запрос субъекта РФ без рассмотрения, суд сослался на то,

что, отвечая на поставленные вопросы, он был бы вынужден, по сути, сформулировать конкретные правовые нормы, которые определяли бы правовой статус коренных малочисленных народов, их права и т. д., что явилось бы вторжением в компетенцию законодателя⁷

Законодатель же избрал иной путь формулирования правового статуса коренных малочисленных народов: его элементы отражаются в отдельных нормативных актах. В качестве примера такой малоэффективной формы нормотворчества можно привести ст. 11 Федерального закона от 30 ноября 2001 г. «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», в соответствии с которой представителям коренных малочисленных народов Севера снижены пенсионный возраст для выплаты социальных пенсий до 50 и 60 лет (женщинам и мужчинам соответственно)⁸. В настоящее время нормативно-правовая база статуса малочисленных народов не представляет собой систему взаимосвязанных и взаимодополняющих законов. Она включает в себя специальные федеральные законы (например, ФЗ от 16 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»⁹, от 6 июля 2000 г. «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»)¹⁰, отдельные статьи федеральных законов по общероссийской тематике (например, ФЗ от 24 мая 1996 г. «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации»¹¹, от 22 мая 1996 г. «О национально-культурной автономии»)¹², ряд указов Президента и постановлений Правительства РФ. В частности, статус коренных малочисленных народов постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации»¹³ на основании предложений субъектов РФ, на территории которых эти народы проживают, распространяется на 45 этносов (23 из них проживают на территории нескольких субъектов РФ); постановлением Правительства РФ от 11 января 1993 г. (с последующими изменениями) утвержден Перечень районов проживания малочисленных народов Севера¹⁴. Следует подчеркнуть, что правительственные акты принимаются в развитие федеральных законов, регулирующих статус отдельных этносов или их группы. Так, определяя Единый перечень коренных малочисленных народов, Правительство РФ руководствовалось критериями, установленными ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»: численность этноса не превышает 50 тыс. человек, он не имеет своей государственности за пределами РФ или вообще не имеет ее (важно акцентировать внимание на том, что в характеристике этноса важную роль играет не столько количественный показатель, сколько социально-политический). Изучение нормативной базы свидетельствует о попытке государства отразить в статусе коренных малочисленных народов их стремление к самоуправлению, традиционному природопользованию, самостоятельному социальному и культурному творчеству, сохранению экологических традиций, а также отсутствие у этих народов частнособственнических тенденций.

Нельзя не заметить и позитивное отношение законодателя к экологическим традициям аборигенов как социальным регуляторам в сфере природопользования, так как эти правила поведения выполняют и функцию стабилизации утвердившихся в социуме общественных отношений, и функцию воспроизводства этих отношений в среде новых поколений в адаптированном состоянии. Они обеспечивают рациональное равновесие природной среды и человека без непосредственного вмешательства государства.

Согласно официальной доктрине, представители коренных малочисленных народов должны иметь правовой статус, содержательно отличающийся от статуса других граждан. Не нарушает ли существование несовпадающих по объему статусов граждан конституционный принцип равенства? На наш взгляд, указанный принцип (ст. 19 Конституции РФ) сам по себе не исключает того, что законом могут устанавливаться определенные правовые преимущества для аборигенных народов, поскольку общество и государство вправе и обязаны обеспечивать дополнительные гарантии самобытного социально-экономического и культурного развития этноса, защиты его исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов. Законодательное оформление подобных преимуществ свидетельствует о защите публичных интересов в сохранении статус-кво жизнедеятельности этносов, отнесенных государством к группе коренных малочисленных народов. В частности, при рассмотрении в судах дел, в которых участвуют представители этих этносов, принимаются во внимание традиции и обычаи аборигенных народов (ст. 14 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»), широкий спектр правомочий предусмотрен Законом в целях сохранения и развития их самобытной культуры и др.

Подытоживая изложенное, можно предложить два резюмирующих вывода:

1. Анализ проблем законодательного оформления правового статуса коренных малочисленных народов Российской Федерации, выполненный в настоящей статье, конечно, краток, фрагментарен и неполон. Статья никоим образом не исчерпывает проблем, выдвигаемых практикой развития российского федерализма и реализации государственной национальной политики. Тем не менее даже такая оценка правового положения малочисленных этносов дает основания для утверждения, что до приня-

тия Федерального закона «О правовом статусе коренных малочисленных народов Российской Федерации» должны быть проведены развернутые научные исследования всего комплекса вопросов, связанных с жизнедеятельностью малочисленных этносов и диктующих необходимость их законодательного нормирования.

2. Конституция РФ, гарантируя права коренных малочисленных народов, исчерпывающим образом не определяет их правовой статус. Это задача законодателя, именно он обязан установить конкретные виды прав и их содержание, находясь при этом в объективных рамках ограничивающих его волю требований: а) стремиться к наиболее полному отражению в национальном законодательстве общепризнанных принципов, норм международного права и международные договоры РФ, относящихся к сфере регулирования статуса коренных малочисленных народов; б) учитывать финансовые возможности государства. Таким образом, законодатель должен действовать в пределах экономической целесообразности, в противном случае он рискует превратить нормы закона в декларации о намерениях государства нарушить зависимость закона от экономики: правовые зерна прорастают и дают обильные колосья, если они высеиваются в хорошо подготовленную экономическую почву социального бытия.

Примечания

¹ См.: *Концепция государственной национальной политики Российской Федерации*, утв. Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 3010.

² См.: *Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера*, утв. постановлением Правительства РФ от 7 марта 2000 г. // Там же. 2000. № 12. Ст. 1286.

³ Там же. 2001. № 32. Ст. 3327.

⁴ См.: *Приложения к Федеральному закону «О федеральном бюджете на 2002 год»* // Российская газета. 2002. 11 янв. С. 10.

⁵ Международные нормативно-правовые акты см. в: *Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы)*. М., 1994.

⁶ *Гурвич Г. Д.* Будущность демократии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С. 39.

⁷ См.: *Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению запроса Думы Чукотского автономного округа о толковании статьи 69 Конституции Российской Федерации от 26 дек. 1996 года № 106-О // Гаджиев Г. А., Пепеляев С. Г.* Предприниматель – налогоплательщик – государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. М., 1998. С. 481, 482. Приложения.

⁸ *Российская газета*. 2001. 20 декабря.

⁹ *Собрание законодательства РФ*. 1999. № 18. Ст. 2208.

¹⁰ Там же. 2000. № 30. Ст. 3122.

¹¹ Там же. 1996. № 26. Ст. 3030; 2000. № 2. Ст. 151.

¹² Там же. 1996. № 25. Ст. 2965.

¹³ Там же. 2000. № 14. Ст. 1493.

¹⁴ Там же.

А. П. Гудыма
(г. Ханты-Мансийск)

ЦЕННОСТИ И СЦЕНАРИИ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И МЕСТО В НЕЙ НАРОДОВ СЕВЕРА

Одной из главных особенностей социальных систем является то, что их устойчивость обеспечивается ценностными основаниями. Самоорганизующиеся живые системы способны аккумулировать и передавать теми или иными способами жизненный опыт, используя его в дальнейшем для адаптации в среде по принципу обратной связи¹

Нами отстаивается тезис о главенствующей роли социокультурных основ, когда нарушение их целостности приводит к потере самоуважения и смысла жизни. Отсутствие перспективы осознается социальной общностью и отдельным человеком как трагедия, потеря смысла бытия. Не случайно периоды национального унижения, острых переживаний бессмысленности наличного бытия – благополучное время для появления всевозможных «спасителей», обещающих простые рецепты счастья.

Ощущение потерянности и бесприютности характерно для современной цивилизации в целом. Ее суть выразил один из идеологов Римского клуба Э. Янч: «В настоящее время мы начинаем осознавать человеческое общество и окружающую среду как единую систему, неконтролируемый рост которой

служит причиной ее нестабильности. Достигнутый ныне абсолютный уровень этого неконтролируемого роста определяет высокую инерционность динамической системы, снижая тем самым ее гибкость и способность изменяться и приспосабливаться. Стало совершенно очевидным, что в этой системе нет никаких внутренних кибернетических механизмов и не осуществляется никакого «автоматического саморегулирования микропроцессов»². Организатор Римского клуба А. Печчеи видит выход в развитии человеческих качеств как главной цели.

К сожалению, нравственный кризис охватил все слои российского общества. По данным социологических исследований только 19 % опрошенных россиян занимают достаточно жесткую позицию полного неприятия отклонений от норм нравственности. От 15 до 37 % опрошенных придерживаются оправдательной позиции по отношению к нарушениям общепринятых нравственных устоев, от 21 до 37 % оказываются в положении нравственной неопределенности даже при выборе вербальных нравственных суждений³. Особенно явно ощущается дефицит интегративных ценностей. Попытка определить, а иногда и угадать компоненты общенациональной идеи (миссии) многочисленны.

Чаще всего формирование общенациональной идеи идет интегрированным путем, когда стремятся сблокировать некие ценности типа «историзм, обустройство, демократия», «рост качества жизни – сплочение народов – патриотизм» и др. Академик-секретарь РАН Д. С. Львов предложил формулу «Солидарность – духовность – занятость»⁴. Это одно из направлений философской активности, которое пока не реализовалось в убедительной форме, получившей общественное признание.

Думается, что отсутствие основополагающей идеи затрудняет и утверждение государственной символики, разработки общенациональной программы выхода из кризиса. По сути, вся страна оказывается в маргинальном переходном состоянии.

Объективная потребность в интегративных ценностях возникает и на субтерриториальном уровне, которые в социально организованном смысле представляют межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия: «Северо-Запад», «Центр», «Нечерноземье», «Большая Волга», «Урал», «Сибирское соглашение» и т. д. Новый подход обозначился с образованием федеральных округов, хотя здесь учтена скорее политическая, чем социокультурная, целесообразность.

В обеспечении устойчивого развития малочисленных народов Севера особое значение имеет управление как целенаправленное воздействие на динамику социальных процессов. Многолетняя полемика о судьбе этих народов позволила создать особое информационное пространство, в котором формируются новые и актуализируются старые подходы, вводится материал о зарубежном опыте, сочетаются искренние мнения и закамouflированные общей риторикой интересы различных социальных групп.

Научные учреждения, ориентированные на социальную политику в Арктике, не организованы в четкую иерархическую структуру. Американская социальная наука определяет «порочные черты» не только современной научной практики, но и «заказчика», субъекта политики в Арктике. По мнению американских исследователей, эти «порочные черты» таковы:

- 1) доминирование исследований, ориентированных на прогнозирование возможных конфликтов. Агентства предпочитают платить за прогнозы, а не за анализ процессов, обуславливающих эти прогнозы. Очень редко удается профинансировать мониторинг таких процессов;
- 2) деформирование прикладных исследований «кризисной ориентацией», когда все они направлены на выработку немедленных управленческих решений. Это приводит к сужению временной базы анализа и препятствует включению результатов прикладных исследований в контекст фундаментальных проблем – во многих случаях значимая информация не извлекается из существующих баз данных даже при инициации нового исследования;
- 3) результаты исследований по инициативе органов управления не достигают академических кругов в форме опубликованных сообщений или наборов данных для последующего анализа, что приводит к расширению объема «серой литературы», находящейся вне сферы внимания научной общественности.

По мнению американских ученых, подобные ограничения формируют определенный «провинциализм» фундаментальных исследований в Арктике и вместе с тем тенденцию к сосредоточению на уникальных особенностях, но не на системообразующих процессах, разворачивающихся в Арктике.

«Актом об исследованиях и политике в Арктике от 1984 г.» правительства США, положившим начало новому этапу научной деятельности в американской Арктике, был учрежден Координационный комитет по политике арктических исследований, сформированный из представителей основных федеральных агентств и служб, обладал правом контролировать все бюджетные запросы на исследования в Арктике, кроме того, был организован Национальный научный фонд. По мнению американских авторов, именно он должен стать ведущим федеральным агентством социальных исследований в Арктике и сформировать научное сообщество.

Американская традиция не допускает существования жестких оргструктур (по крайней мере, в сфере научной деятельности), но предпочитает гибкие и проблемно-ориентированные образования из

элементов разных форм субсидирования и собственности. Так, Комитет по социальным исследованиям в Арктике предлагает, учитывая ограниченность субсидий и программ отдельных научных учреждений, максимизировать продуктивность прикладных и фундаментальных исследований путем создания кооперированных научных подразделений. Как правило, в США такие подразделения объединяются на базе какого-либо университета из нескольких агентств и поддерживают взаимовыгодные связи между академическим сообществом и исследователями прикладных направлений.

На рубеже 1980-х гг. социальные исследования в американской Арктике сосредоточились вокруг проблемы этноцентризма, ключевой для политики интеграции коренных народов и всей территории экспансии на Севере. Все большее внимание уделяется сравнительным, кросс-культурным исследованиям и изучению взаимосвязи процессов выживания сообщества и выживания культуры. В материалах Комитета по социальным исследованиям в Арктике указывается на необходимость для всех проектов на Севере учитывать «дополнительное измерение – приемлемость с точки зрения культурной совместности».

В Канаде процессы освоения, разработки, управления осуществляются через учреждение научно-координационных центров с реальными правами. В стране создано Министерство по делам индейцев и развития Севера. Во многих канадских федеральных ведомствах функционируют рабочие группы по изучению Севера. Работают общественные организации, выполняющие научно-организационные функции в области изучения Севера. В начале 1970-х гг. при Научном совете Канады был создан Комитет по развитию Севера. В 1971 г. образован Канадский комитет арктических ресурсов, главная задача которого состоит в координации усилий по освоению Севера и преодолению межведомственной разобщенности. Для объединения научно-исследовательского потенциала страны создана Канадская ассоциация университетов, которая координирует и направляет усилия ученых по решению проблем Севера.

В 1977 г. Научным советом Канады разработана «Стратегия и научная политика освоения Севера». В том же году были созданы Отдел систем управления и Федеральный департамент регионального экономического развития. При правительствах всех провинций, имеющих территории на Севере Канады, созданы специальные контрольно-координационные ведомства для Северных районов. С 1985 г. существует Канадский Фонд по развитию искусства аборигенов. Он действует как независимая структура во главе с Советом директоров, где большинство составляют представители аборигенов всех регионов Канады.

Комитет по социальным исследованиям в Арктике (США) настойчиво рекомендует привлекать аборигенов к научным изысканиям не только в качестве респондентов или ассистентов, но и как носителей дополнительного знания, уходящего в научные «отвалы» в процессе применения идеологии этноцентризма. Новое «этноизмерение» научной деятельности способствовало восприятию результатов исследований и использованию их в среде аборигенов при принятии жизненно важных решений. В Норт-Слоуп-Боро, например, образован координационный орган – Научно-консультативный комитет, который занимается оценкой предложений научных и исследовательских работ, а также рассматривает проекты индустриального развития и изучает деятельность нефтяной промышленности и местных властей по вопросам окружающей среды. Созданный в 1981 г. комитет заметно улучшил качество представляемых на рассмотрение администрации округа планов по охране окружающей среды, промышленному и социальному развитию, уменьшив вероятность бессмысленной, с позиций интересов округа, компенсационной деятельности.

Трудно не согласиться с тем, что «особенностью российской государственной политики в области этнических отношений всегда было то, что появление одних тенденций вовсе не исключало существования и действенности других»⁵ Сегодня, когда эта неоднозначная сама по себе, выражающая множество противоречий общегосударственная политика дополняется еще и политикой региональной, когда на нее оказывают влияние зарубежные корпорации и международные организации, будущее малочисленных северных народов России может быть представлено только как результат взаимодействия многочисленных и достаточно разнообразных тенденций. Можно выразиться и иначе: у малочисленных народов российского Севера сегодня существует выбор из нескольких вариантов развития. Однако отдать предпочтение только одному из них («в чистом виде») не удастся: за каждым вариантом стоят интересы влиятельных социальных сил, которые отстаивают эти интересы всеми возможными средствами. Речь может идти только о сложном варианте выбора – о выборе *доминирующей* тенденции при признании остальных сопутствующими, но в той же степени необходимыми.

Эти возможные варианты следующие:

1) постепенная ассимиляция в единый российский народ, полная утрата родного языка, превращение этнической культуры в музейный экспонат, более не существующий в реальной жизни;

2) полная изоляция от техногенного мира, сохранение в неизменном виде традиционного образа жизни, способов хозяйствования, языка и культуры, создание при поддержке государства своего рода

заповедных зон наподобие резерваций, ожесточенное неприятие всего, что идет от индустриальной цивилизации;

3) установление тесных и постоянных контактов с финно-угорскими народами, не ограничиваемых только взаимодействием в сфере образования и культуры; напротив, эти контакты могут превратиться в устойчивые экономические связи, а в перспективе привести к интеграции в финно-угорский мир с доминированием Финляндии, непосредственно связанной с Европейским Сообществом;

4) налаживание сложного политического взаимодействия с региональными элитами, большинство представителей которых по своему происхождению не принадлежат к аборигенным народам Севера; при этом малочисленные северные народы получают от них поддержку на пути сохранения своего образа жизни и культуры, которые будут, в свою очередь, использоваться для обоснования перед «центром» особого экономического и политического статуса административных автономных образований.

Факты социальной действительности свидетельствуют о том, что каждый из четырех вариантов имеет своих влиятельных сторонников, а потому будущее северных народов России может оказаться только «равнодействующей», определенной результатом противоборства этих разнонаправленных тенденций.

Первая из тенденций – ассимиляция при безусловном главенстве «центра», определяется тем, что Север обладает огромными природными богатствами, которые рассматриваются как общий ресурс, позволяющий решать актуальные проблемы всей страны. Кроме того, именно на Севере находится абсолютное большинство военно-морских баз, обеспечивающих стратегическую безопасность страны. По экономическим и военно-стратегическим причинам центр никогда не допустит выхода северных территорий из-под своего контроля.

Промышленная элита современной России пытается включить территории народов Севера в сферу своего экономического влияния. Разгорающаяся борьба интересов отдельных банков и финансово-промышленных группировок, отечественного и иностранного капитала, центра и регионов, противостояние внутри самих регионов проявляются на Севере особенно остро. В системе этих противоречий народам Севера трудно сохранить этнокультурную специфику.

Вторая из тенденций – изоляция от техногенных цивилизаций, представляет собой реакцию малочисленных народов Севера на нарушение их традиционного образа жизни, бесконтрольное освоение природных богатств Севера, культурную ассимиляцию. Она поддерживается также алармистски настроенными защитниками окружающей среды, которые с полным основанием обращают внимание на то, что хозяйственная деятельность северных народов является природосохраняющим фактором, важным для поддержания экологического баланса на всей планете.

Традиционные способы природопользования существуют как образ жизни северных этносов, а не просто как отрасли хозяйства. Являясь основой уникальных систем жизнеобеспечения северных этносов, они представляют собой часть общемировой культуры, древний и успешный опыт адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде, принципиально иной, чем опыт европейской цивилизации последних веков. «Человечество делится на две неравные категории. Большинство, т. е. техногенное население, живет по формуле: “человек – техника – ущерб природе” Вторая, меньшая часть, – это аборигенные народы, у которых формула жизни – “природа – человек – природа”. В этой формуле отсутствуют две вещи: техника и ущерб природе», – отмечает В. Чудов⁶

Экологический опыт требует от народов Севера строгой ответственности за природопользование. Особенно велика она у народов, занимающихся оленеводством и промыслами животных в местах их размножения или на путях миграции. Именно такие народы могут из поколения в поколение вести настоящий мониторинг биоресурсов и определять разумность промысловой нагрузки и своего поведения по результатам оценки воспроизводства ресурсов и состоянию пастбищ. Народы выработали основное правило природопользования в северных экосистемах: не брать у природы больше, чем нужно для выживания⁷ Комплекс экологических знаний и правил поведения представлял собой «систему социальной солидарности людей с природой».

«Время показало, – отмечает Л. С. Богословская, – что, с одной стороны, народы Севера не могут сохраниться как самостоятельные этносы вне своих традиционных культур, в основе которых лежит уникальный опыт взаимодействия людей с природой и друг с другом, а, с другой стороны, в большинстве северных регионов до сих пор нет альтернативы экологически сбалансированным традиционным методам использования возобновляемых ресурсов»⁸

Третья из тенденций – тяготение к финно-угорскому миру и через него к мировому сообществу – это результат, с одной стороны, стремления Финляндии и Европейского Союза в целом, а также США распространить свое влияние на российский Север, а, с другой – стремления малочисленных народов финно-угорского происхождения таким образом сохранить свою культуру и этническую идентичность, получив для этого поддержку из-за рубежа.

Россия включилась в сеть международных соглашений и организаций, в которых главенствующую роль играют Канада, Норвегия и особенно США. Политики США открыто ставят вопрос о повыше-

нии роли Америки на Полярном Севере. Летом 1996 г. был создан Арктический совет, куда вошли все восемь северных стран (Россия, США, Канада, Гренландия (Дания), Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия). Его рекомендации в отношении путей и программ исследования и освоения Арктики более жестки, чем в других подобных соглашениях (по региону Баренцева моря, «Северный форум», Азиатско-Тихоокеанские договоры). Западные специалисты не скрывают своего стремления к тому, чтобы в Арктике все меньше проявлялся суверенитет отдельных стран и она напрямую управлялась международным сообществом.

Хотя ослабление позиций России на Севере стремятся использовать все ведущие мировые державы, на особую роль в этом процессе претендует Финляндия. Вплоть до 1960-х гг. она с полным основанием считала себя лидером освоения северных территорий. Ее население в 1959 г. составляло 4 436 тыс. человек, а население российских северных территорий – 3 920 тыс. человек. Только к концу 1970-х гг. население российского Севера превзошло по численности финское (5 246 тыс. человек против 4 436 тыс. человек соответственно).

Финляндия, которая не несла тяжкого бремени военных расходов, сумела достичь высоких жизненных стандартов, которые сегодня приводятся в доказательство того, что она существенно лучше, чем СССР и Россия, способна хозяйствовать на Севере. Она претендует на роль члена Европейского Союза, который будет отвечать за его северную политику и налаживать отношения с Россией. Этому же должно способствовать и то обстоятельство, что ее народ и многие малочисленные народы российского Севера имеют общие исторические и культурные корни.

Эти устремления были обнародованы в речи Президента Финляндии Мартти Ахтисаари сначала в 1994 г. в университете г. Тарту, а также 8 октября 1998 г. на семинаре в Институте исследований Востока – Запада (Institute for East-West Studies) в г. Санкт-Петербурге. Идеи М. Ахтисаари лежат в русле инициативы, которая получила название «Северное измерение Европейского Союза (ЕС)». М. Ахтисаари, в частности, заявил: «Экономический кризис России, вместе с глобальными экономическими проблемами, подтверждает основное предположение инициативы, ставшей известной под названием “Северное измерение ЕС” Это предположение может быть выражено одним словом: взаимозависимость. Даже такое государство, которое имеет масштабы России, уже не является независимым от развития в Азии и Европе. Глобализация не является ни благословением, ни проклятием, а фактом, воздействие которого чувствуется во всех областях жизни... Я поднял идею о перспективе “Северного измерения ЕС” Теперь оно становится одним из элементов политики ЕС. Во время своего председательства во второй половине 1999 г. Финляндия приложит усилия к развитию политики ЕС по отношению к России»⁹ Эта политика будет заходить достаточно далеко: «Финляндия в ЕС хочет эффективно участвовать в развитии регионального и местного управления России»¹⁰

Для того чтобы «децентрализовать» систему управления северными территориями России, т. е. обеспечить прямой – минуя центр – выход северных регионов в Европу, необходимо строить прямые коммуникации. В этом сходится мнение и финских аналитиков, и руководителей северных регионов, стремящихся повысить свою независимость от центра.

Таким образом, разговоры о единой судьбе народов Севера, естественном тяготении финно-угорских народов друг к другу на основе единой исторической судьбы и культуры скрывают конкретные экономические интересы. Едва ли строительство железных дорог, а также нефтегазопроводов на российском Севере будет способствовать улучшению экологической ситуации. Не просматривается и та прямая выгода, которую получают от них малочисленные народы российского Севера. Речь, в сущности, идет о дальнейшей эксплуатации северных территорий индустриальными и постиндустриальными цивилизациями, только уже в расширенном варианте, с участием иностранного капитала.

Поэтому на данный момент наиболее предпочтительным представляется **четвертый сценарий развития событий** – не обособляясь от России, участвуя – в роли донорских регионов – в решении общероссийских проблем, **северные территории должны, опираясь на поддержку государства и свои силы и ресурсы, решать собственные проблемы, включая проблемы сохранения образа жизни малочисленных народов.** В то же время мы не считаем возможным рекомендовать для реализации какой-либо один вариант. Только многообразие подходов поможет решить проблему устойчивого развития малочисленных народов Севера. Речь идет об одновременном применении предложенных вариантов, с решением вопросов адаптации их к конкретным условиям.

Примечания

¹ Маркарян Э. С. Императивы выживания и научно-технический прогресс // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник, 1988. М., 1989. С. 179.

² Печчеи А. Человеческие качества. М., Б. г., С. 123.

³ Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996. С. 168, 169.

⁴ Львов Д. С. Россия на пороге третьего тысячелетия // Маркетинг. 1997. № 6. С. 12.

⁵ *Шерстова Л. И.* Влияние государственной политики на этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX в. // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 4. С. 108.

⁶ *Чудов В.* Кто поможет нашим «могикианам»? // *Эхо планеты*. 1995. С. 8.

⁷ *Богословская Л. С.* Особенности традиционного природопользования народов российского Севера // *Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. Аналитические материалы. Правовые акты*. М.: Издание Гос. Думы, 2000, С. 14.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ *Речь Президента Финляндской Республики Маритти Ахтисаари 8 октября 1998 года в г. Санкт-Петербурге (Institute for East-West Studies) // «Северное измерение» в политике Евросоюза и Российский Север. Мат-лы Междунар. науч. семинара (Республика Коми, г. Сыктывкар, 29–30 октября 1998 г.). Сыктывкар, 1999. С. 122.*

¹⁰ Там же. С. 125.

В. И. Баяндин
(г. Новосибирск)

К ВОПРОСУ О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ЦАРСКОЙ АРМИИ

Уже в XVII и XVIII вв. в истории Сибири можно найти многочисленные примеры нахождения на военной службе у русского царя некоторых представителей коренного населения. Одним из ярких примеров подобного рода является тунгусский князь Гантимур из Забайкалья, который вместе со своими сородичами, покинув пределы китайских владений, перешел на территорию, контролируемую Россией, и участвовал в нескольких военных походах русских войск на территорию Дальнего Востока. Это обстоятельство вызывало крайнее раздражение китайских властей, которые в течение более чем 20 лет неоднократно требовали от русских выдачи этого князя и его улусных людей¹. Но русское правительство категорически отказывалось удовлетворить данное требование официального Китая. В 1689 г. в договоре, который был заключен между тайшами монгольских родов и русскими властями, в первом пункте говорилось: «И если куда повеление Их Царского Величества будет, противно каких-либо ни есть наступающих народов, на подданных Их Царского Величества ходить и улусных людей посылать»².

Во второй половине XVII в. на территории Западной Сибири сложились две группы «выезжих белых калмыков» или «выезжих телеутов», добровольно принявших русское подданство и привлекаемых русскими властями к военной службе. В составе этих групп насчитывалось несколько десятков человек, входивших в состав гарнизонов Томского и Кузнецкого острогов. Как отмечает исследователь сибирских народов А. П. Уманский, большинство их формально не верстанных на службу, сибирские воеводы активно привлекали к отражению набегов на русские территории, военным походам против неприятеля³. Сибирские власти официально принимали на военную службу отдельных представителей из числа «выезжих телеутов», как правило, при наличии вакансий, т. е. на так называемые «выбылые места». При этом сами представители коренного населения были заинтересованы в поверстании их на службу и постоянно выражали это желание как перед сибирскими, так и перед центральным властям. Причина этого состояла в том, что официальное поверстание на военную службу связано было с заметным улучшением их материального положения⁴.

В начале XVIII в. было отдано распоряжение не принимать инородцев в солдаты, но в то же самое время буряты и тунгусы несли обязанности по охране границ Российского государства от внешних вторжений. Граф Владиславич-Рагузинский, осуществлявший инспекционную поездку по пограничным линиям Восточной Сибири, высоко оценил военную службу этих народов. Встречаются указания на то, что уже со второй половины XVIII в. в Забайкальском войске состояло четыре бурятских полка, которые в середине XIX в. были переформированы в два⁵.

Можно было встретить представителей коренного населения Сибири и среди тех, кто обучался в Сибирском (Омском) кадетском корпусе, в частности об однокласснике по кадетскому корпусу – киргизе Чокане Валиханове, пишет в своих воспоминаниях Г. Н. Потанин⁶. Позднее этот офицер входил в состав штаба генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда.

Вопрос о несении военной службы представителями коренного населения Сибири в XIX в. неоднократно поднимался как центральными, так и местными властями. В рекрутском уставе 1862 г. было определено, что «не подлежат рекрутской повинности сибирские киргизы и вообще тамошние инородцы, а также русские жители в некоторых местностях Сибири», но это вовсе не означало, что

правительство совсем не рассматривало коренные народы Сибири как потенциальный резерв призываемого контингента новобранцев русской армии. На наш взгляд, причины такого внимания правительства и военного командования к данному вопросу следует искать вовсе не в недостатке людских ресурсов для императорской армии России – специалистам хорошо известно, что существование так называемых «рекрутских очередей», а затем и применение жеребьевой системы набора в русскую армию (просуществовавшую с середины XIX в. и до Первой мировой войны) означало, что в русскую армию на действительную службу попадало лишь 30–40 % молодых людей, годных по возрасту и состоянию здоровья для военной службы. Скорее всего, речь идет о желании высшей власти устранить существующий недостаток – уравнивать в правах русское и инородческое население Сибири, тем более что в некоторых случаях привлечение к военной службе коренного населения существенным образом сокращало расходы казны и позволяло более эффективно использовать контингент новобранцев в специфических условиях азиатской военной службы.

В своем донесении от 4 августа 1865 г. военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска генерал-майор Дитмар предлагал вообще не брать рекрут из инородцев Забайкальской области, число которых к этому времени составляло 135 тыс. человек обоего пола (из них кочующих и бродячих около 119 тыс. человек), а вместо этого обложить инородцев области денежным оброком. При этом с бурят предлагалось брать по 300 р. за каждого рекрута, а с тунгусов – по 150 р. Подобная мера, как отмечал военный губернатор, не будет обременительна для инородцев и не будет мешать их развитию, но в то же время послужит облегчением населению Империи, выполняющему рекрутскую повинность⁷ Енисейская казенная палата в августе того же года сообщала губернскому начальству, что ревизских душ инородцев на территории губернии насчитывается: оседлых – 1 505 человек, кочевых – 6 948 и бродячих – 3 717 человек. Казенная палата полагала, что оседлых инородцев губернии вполне можно привлечь к рекрутской повинности наравне с русскими крестьянами, тем более что эти инородцы живут вместе с русскими в одних селениях, выполняют одинаковые повинности, пользуются теми же правами и хорошо знают русский язык⁸

В период буржуазных реформ в России летом 1872 г. старший чиновник особых поручений Главного Управления Восточной Сибири Ф. Ф. Буссе сообщал в своем донесении, что специальная комиссия рассматривала вопрос о военной повинности «инородцев» и приняла решение охватить кочевых инородцев милиционной военной службой, возложить на них «так сказать земскую службу: препровождать местных арестантов по проселочным трактам, назначить конных инородцев в помощь пешим этапным командам, сопровождать сельскую почту, назначать нарочными от полицейских управлений и т. п.»⁹ Однако, как свидетельствуют документы, далеко не все представители местных сибирских властей придерживались того же мнения. Енисейское губернское управление в сентябре 1873 г. в докладе генерал-губернатору Восточной Сибири отмечало, что инородцы из племен остяков и тунгусов, проживающие в Енисейском округе, совершенно «не могут быть употреблены к милиционной службе, потому что занимаются исключительно звероловством и ведут жизнь бродячую, находясь в полудиком состоянии»¹⁰

Принятый в январе 1874 г. закон о всеобщей воинской повинности не распространялся на коренное население Сибири и некоторые другие народы европейской части страны. В Уставе о воинской повинности (гл. 5, ст. 40) говорилось следующее: инородческое население всех губерний и областей Сибири (кроме привлеченных к отбыванию сей повинности на общем основании жителей Бухтарминской инородческой волости Змеинногорской округи Томской губернии), в ст. 42 отмечалось и то, что инородческое население областей Акмолинской, Семипалатинской, освобождено, впредь до дальнейших распоряжений, от исполнения воинской повинности. Обе эти области в последней четверти XIX в. входили в состав Западно-Сибирского (позднее Омского) военного округа.

Вскоре после принятия нового закона о воинской повинности населения империи центральные военные власти вновь вернулись к вопросу о том, можно ли вообще и в какой степени привлекать коренное население Сибири к выполнению воинской повинности. В Иркутске была создана особая комиссия под руководством генерал-губернатора Восточной Сибири барона Фредерикса. К началу 1879 г. эта комиссия закончила свою работу и пришла к общему выводу о возможности «отправления воинской повинности бурят и тунгусов, проживающих в Енисейской, Иркутской губерниях и Забайкальской области, а также всех якутов, проживающих в Якутском, Вилюйском и Олекминском округах Якутской области». Что касается «инородцев» Приморской и Амурской областей, то комиссия решила, что преждевременно распространять на них действия Устава по причине «весьма низкой степени их умственного развития и по разбросанности инородческого населения и недостатку путей сообщения»¹¹. Но с этим мнением принципиально не согласился новый генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Анучин, который высказал сомнение в целесообразности привлечения к воинской повинности сибирских инородцев до их перехода к оседлости, что может наступить «лишь лет через пятьдесят»¹².

Главное Управление Восточной Сибири в июле 1879 г. информировало военного губернатора Забайкальской области о том, что по разъяснению Министерства внутренних дел, согласованному с военным министром, «не служащие дворяне и чиновники из инородцев, должны быть привлекаемы к отнесению воинской повинности на общем основании, так как по сословным правам они не могут быть приравнены к прочему инородческому населению Сибири, управляемому по особому положению»¹³

Енисейское губернское присутствие в мае 1879 г. в своем постановлении также настаивало на привлечении к исполнению воинской повинности оседлых инородцев, которые были причислены к крестьянам Минусинского округа, Новоселовской волости¹⁴.

За привлечение аборигенов (всех или выборочно) на военную службу выступали также и некоторые представители сибирского духовенства. Такая позиция нашла своих сторонников на миссионерском съезде, проходившем в Иркутске в 1885 г. Копья оппонентов ломались в острых спорах и дискуссиях относительно военной службы коренного населения Сибири в регулярных воинских частях. В XIX в. в состав Забайкальского казачьего войска входили буряты Забайкальской области, которые служили в составе 5-го и 6-го казачьих полков названного войска¹⁵

В 1895 г. приамурский генерал-губернатор генерал-лейтенант Духовский вновь вернулся к этому вопросу и предложил распространить действие Устава о воинской повинности на аборигенов Забайкальской области. Созданная в 1896 г. специальная комиссия расширила сферу своего влияния на всех «инородцев» Сибири и вынесла следующее решение: привлечь к воинской повинности как оседлые, так и кочевые народы Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области, а также распространить действие этого устава на корейцев, проживавших в Приморской и Амурских областях и принявших русское подданство, но не призывать на военную службу аборигенов из Якутского и Олекминского округов Якутской области. Комиссия также предложила формировать из призываемых «инородцев» особые «инородческие» части. Доклад этой комиссии был представлен царю, но военный министр А. Н. Куропаткин выступил против, он не согласился с предложением формировать особые инородческие части и согласился только призывать на военную службу представителей коренных народов лишь двух сибирских губерний – Томской и Тобольской, к тому же не всех сразу, а по особой разверстке в течение десяти лет и постепенно¹⁶

Весной 1896 г. состоялось несколько заседаний Высочайше утвержденной комиссии по вопросу о привлечении к исполнению воинской повинности населения Приморской и Амурской областей, а также оседлых и кочевых народов Сибири. Работой этой комиссии руководил начальник Главного штаба генерал-лейтенант Обручев¹⁷ Среди прочих вопросов комиссия рассматривала вопрос о создании «инородческого» конного полка шестисотенного состава. В ходе заседания этой комиссии выяснилось, что комиссия решила распространить воинскую повинность только на аборигенов Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области. На заседании комиссии заслушивались доклады и сообщения представителей сибирских властей. Итогом этих обсуждений стало следующее заключение:

- военную службу коренные народы проходят в шестисотенных полках, которых будет создано четыре: по одному в Енисейской и Иркутской губерниях, и два таких полка в Забайкальской области;
- привлекать к исполнению военной службы на своем коне, со своим конским снаряжением и в своем обмундировании;
- принимать их на четырехлетний срок службы, но каждый год службы делится на два полугодия, в течение первого они находятся в войсках, а затем через каждые полгода в кратковременном отпуске;
- довольствие аборигены и их кони получают от казны, но только в период службы¹⁸

Незадолго до начала русско-японской войны военный губернатор Забайкальской области вновь вернулся к обсуждению этого весьма важного и сложного вопроса. Весной 1903 г. при Областном управлении была создана комиссия для обсуждения вопроса о военной службе сибирских инородцев. Перед комиссией были поставлены конкретные вопросы: могут ли быть распространены на инородцев, проживающих на территории Забайкальской области, правила действующего Устава о воинской повинности:

- есть ли необходимость создания новых или особых призывных участков;
- способны ли «инородцы» переносить казарменную обстановку и общаться с прочими народностями;
- какое число новобранцев следует ожидать со стороны аборигенов;
- не вызовет ли такое решение уклонения их от призыва и даже бегство за границу.

Комиссия определила, что в Забайкальской области основная часть коренного населения проживает в Урульгинской «инородческой» волости и Улдургинской «инородческой» управе. Так, было установлено, что в Урульгинской волости вместе с русским населением проживает почти 1 170 человек и обособленно еще 441 человек, а в Улдургинской управе обособленно проживает около 390 человек. В своих выводах комиссия указала, что опасаться бегства «инородцев» за границу не следует, так как территория их проживания не примыкает к границе. Что касается характера их военной службы, то им наиболее подходит кавалерия¹⁹.

В начале XX в. вновь пришлось вернуться к этому вопросу. При Военном министерстве была создана межведомственная комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности, которая приступила к рассмотрению вопроса о привлечении к воинской повинности «инородческого населения Кавказа, Туркестана и Сибири». Комиссии предстояло окончательно решить вопрос о военной повинности этих групп населения страны и, разработав законопроект, вынести его на утверждение правительства. Входящий в состав упомянутой комиссии начальник Генерального штаба генерал от кавалерии Жилинский направил в адрес сибирских губернаторов запрос, в котором содержался перечень вопросов, на которые должны были дать ответ должностные лица:

- численность и размещение,
- на каких основаниях привлекать коренные народы к воинской повинности,
- какие народности можно привлекать к службе в казачьих войсках,
- какие учреждения по воинской повинности следует создать,
- какие это вызовет расходы у казны²⁰

Ответы, присланные из Сибири, достаточно интересны, так как они отражают существующие по этому вопросу позиции разных должностных лиц. Так, из Якутской области сообщали, что привлечение местного коренного населения нежелательно, за исключением проживающего в южной части Вилюйского округа, где развивающаяся золотопромышленность вызвала значительный прилив населения из других мест. Поэтому в этой части Якутской области вполне возможно ввести воинскую повинность среди коренного населения²¹.

Деление коренного населения Сибири на оседлое, кочевое и бродячее было закреплено еще в «Уставе об управлении инородцев» и отражало разный уровень развития сибирских народов. Так, по мнению властей, бродячие «инородцы» вследствие своей невысокой культуры слабосильные и болезненные, представляют для армии «совершенно негодный элемент». Кроме того, отмечалось, что «бродят» эти народы, как правило, в местностях труднодоступных, с суровым климатом и потому привлечение их к воинской повинности по техническим условиям было бы сопряжено с огромными трудностями. Что касается оседлого и кочевого населения, то, по мнению военного ведомства, все оно должно быть привлечено к исполнению воинской повинности на одинаковых условиях.

Наиболее многочисленную группу аборигенного населения представляют киргизы, которые коczą в губерниях и областях Западной Сибири и Средней Азии. Отсрочить для них введение воинской повинности можно было лишь на весьма небольшой срок.

Татары и бухарцы вели в Сибири оседлый образ жизни и «в военном отношении представляют хороший материал»²².

Из вогулов и остяков общей численностью до 12 000 человек, проживавших на территории Тобольской и Томской губерний, для военной службы годились лишь южные остяки и вогулы. Но самодеды, обитавшие в северных уездах тех же губерний, как отмечало военное начальство, численностью до 4 500 человек, к военной службе совершенно непригодны.

Среди аборигенов Восточной Сибири наиболее многочисленную группу составляли буряты, численность их достигала 146 000 душ. По существу их вполне можно отнести к оседлым «инородцам», хотя, как отмечало начальство, «для вида они и поддерживают кочевой быт»²³. В отношении бурят мнения местных сибирских начальников и Военного ведомства полностью совпадали – привлечение бурят к воинской повинности представлялось своевременным и желательным. Следующими по численности были якуты, их число достигает примерно 110 000 человек. По мнению иркутского генерал-губернатора, временно можно было привлечь к воинской повинности только оседлых якутов, а кочевых якутов необходимо облагать военным налогом. «Бродячих» якутов вовсе следовало освободить от этой повинности²⁴. Но Военное ведомство считало, что воинскую повинность на общих основаниях могли нести как оседлые, так и кочевые якуты.

В Восточной Сибири число татар составляло около 29 000 человек, а тунгусов – 2 000 человек. Местная администрация предполагала, что необходимо отсрочить их привлечение к этой повинности на 5–10 лет, чтобы у них успел завершиться процесс землеустройства, прошла реорганизации управления и суда.

Что касается обитавших в Приморской, Амурской, Камчатской и Сахалинской областях якутов, тунгусов, гиляков, орочей, тазов, коряков, ламутов, чукчей, юкагиров, айнов, алеутов и других народов, общей численностью около 22 000 человек, то, по мнению приамурского генерал-губернатора, они относились к вымирающим племенам, а посему привлекать их к воинской повинности представлялось нежелательным. Военное ведомство считало иначе – оседлых и полуоседлых инородцев Приморской области следовало привлечь к исполнению воинской повинности.

Совершенно особо стоял вопрос об «инородцах», проживавших в крайних северных местностях Сибири, а именно: в областях Камчатской и Сахалинской; в округах Верхнеленском, Средне-Колымском Якутской области; в Туруханском и Богучанском отделениях Енисейской губернии; в Тогурском отделении Томской губернии, а также в Березовском и Сургутском отделениях Тобольской губернии. Аборигены этих местностей, как отмечалось в документе, в большинстве своем при-

надлежали к бродячим, но были между ними кочевые и даже оседлые народы. Однако независимо от этих обстоятельств Военное ведомство считало необходимым совершенно освободить эти народы от воинской повинности, как и русское население тех же местностей, в силу крайней отдаленности их от административных центров, бездорожья, суровости климата и невозможности вследствие этих причин проводить прием новобранцев²⁵

В архивных документах изредка фиксируются случаи, когда сами аборигены проявляли заинтересованность в несении военной службы. Так, осенью 1905 г. в войсковое правление Забайкальского казачьего войска было подано два прошения со стороны «инородцев» Чикойской волости с просьбой «перечислить их в казаки». Со своей стороны войсковое правление не видело в этом никаких препятствий²⁶

В декабре 1906 г. иркутский губернатор направил в Якутское областное правление послание, в котором рекомендовал рассмотреть и обсудить вопрос о привлечении аборигенов этой области к исполнению воинской повинности. В ответном послании общее присутствие Якутского областного управления информировало губернатора о том, что еще в мае 1901 г. данный вопрос обсуждался на одном из заседаний управления и было выражено общее мнение о возможности привлечения аборигенов области к воинской повинности, за исключением всех «бродячих инородцев» Якутской области и «инородцев», проживавших на территории двух северных округов области – Колымского и Верхоянского, «ввиду тяжелых экономических условий, сурового климата и крайне редкого населения»²⁷

Проявляя заинтересованность в привлечении коренного населения Сибири к воинской повинности, правительство предусматривало также возможность получения специального военного образования представителям знати этих сибирских народов. В декабре 1907 г. император Николай II дал согласие на то, чтобы выделить особые стипендии для казенного содержания и воспитания сыновей тунгусов Забайкальской области в Омском и Хабаровском кадетских корпусах. Но выделенные вакансии оставались свободными в силу определенных причин. В 1909 г. один из малолеток – абориген Владимир Абинин, при поступлении в Хабаровский кадетский корпус не смог выдержать экзамен по французскому языку и не был принят на имеющуюся вакансию²⁸

Летом 1910 г. в Сибири были проведены особые совещания под руководством тайного советника Куколь-Яснопольского и чиновника особых поручений, действительного статского советника Федорова, эти совещания проводились в городах Оренбурге, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске и Чите с тем, чтобы выработать общее мнение по вопросу о воинской повинности среди коренного населения Сибири и Урала. В ходе совещаний было высказано мнение, что коренное население Томской губернии опасается введения воинской повинности, буряты Иркутской губернии и Забайкальской области относятся к этому «несочувственно», а вот проживающие на территории Ачинского уезда Енисейской губернии мелецкие и кизыльские «инородцы» еще во время существования рекрутской повинности нередко нанимались добровольцами в рекруты за крестьян²⁹

Буквально за несколько недель до начала Первой мировой войны Главный штаб Военного министерства направил в Совет Министров проект Закона «О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденных от нее до настоящего времени», но можно предположить, что из-за начавшихся военных действий этот законопроект оказался нерассмотренным³⁰

Таким образом, как свидетельствуют архивные документы и материалы Военного министерства, центральные и местные власти постоянно проявляли заинтересованность в привлечении на военную службу представителей коренного населения региона. В центре и на местах создавались различные комиссии, которые всесторонне изучали этот вопрос, запрашивали мнения военных и гражданских властей, составляли итоговые записки и доклады, которые подавались в высшие сферы, но как показывает практика, дальше этого дело не шло. Да и сами мнения участников совещаний и должностных лиц нередко носили диаметральный характер. Многое зависело от того, какую позицию займет по этому вопросу высшая власть в лице царя. Скорее всего, на наш взгляд, центральные власти просто опасались принять окончательное решение, так как это заставило бы решать целый комплекс вопросов, связанных с особенностями характера и менталитета представителей коренных народов Сибири.

Примечания

¹ Буссе Ф. Ф. Забайкальское инородческое войско. М., 1897. С. 13, 14, 15.

² Там же. С. 19.

³ Уманский А. П. Выезжие белые калмыки на службе у русского государства (вторая половина XVII – начало XVII веков) // Из истории Западной Сибири: Научные труды НГПИ. Новосибирск, 1971. Вып. 64. С. 3, 5.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Артамонов В., Васильев А. Национальные военные формирования в русской армии XV–XX веков // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1992. № 3. С. 126.

⁶ Литературное наследие Сибири. Воспоминания. Новосибирск, 1983. Т. 6: Григорий Николаевич Потанин. С. 75.

⁷ ГАИО, ф. 24, оп. 12, д. 550, л. 26, 27.

⁸ Там же, л. 30.

⁹ ГАЧО, ф. 212, оп. 3, д. 1, л. 1, 3.

¹⁰ ГАИО, ф. 24, оп. 12, д. 550, л. 36.

¹¹ РГИА ДВ, ф. 8, оп. 1, д. 31, л. 2а.

¹² Там же, л. 26 об.

¹³ ГАЧО, ф. 212, оп. 1, д. 4, л. 78.

¹⁴ Там же, л. 104.

¹⁵ ГАИО, ф. 24, оп. 12, д. 550, л. 26.

¹⁶ РГИА ДВ, ф. 8, оп. 1, д. 31, л. 3.

¹⁷ РГИА, ф. 1292, оп. 5, д. 82, л. 22.

¹⁸ Там же, л. 82 об.

¹⁹ Баяндин В. И. Сибирские инородцы и военная служба в русской армии во второй половине XIX – начале XX в. // Великий подвиг народа. Исторические чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне: Тез. докл. Сургут. 5–6 мая 1995 года. Екатеринбург, 1995. С. 85.

²⁰ РГИА, ф. 1292, оп. 7, д. 532, л. 1 об.

²¹ Там же, л. 10.

²² Там же, л. 13 об.

²³ Там же, л. 14.

²⁴ Там же, л. 14 об.

²⁵ Там же, л. 15 об.

²⁶ ГАЧО, ф. 20, оп. 1, д. 923, л. 6.

²⁷ ЦГА Якутии, ф. 407, оп. 1, д. 170, л. 6-6 об.

²⁸ ГАЧО, ф. 20, оп. 1, д. 1646, л. 202 об.

²⁹ Там же, л. 17 об, 18.

³⁰ РГИА, ф. 1292, оп. 7, д. 532, л. 50.

М. Н. Терентьева
(г. Новосибирск)

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В условиях формирования национальной идеологии в современном обществе важно определить роль и степень влияния национально-культурных и политических институтов, проанализировать достаточно активную в последнее десятилетие деятельность национально-патриотических партий и движений в сфере национальных отношений.

Национальное самосознание, по мнению многих исследователей, во многом формирует род занятий, уровень образования, культурные навыки, степень исторического познания членов общества. Оно является результатом взаимодействия и взаимовлияния множества действующих на человека материальных и духовных факторов, а также взаимодействия самих людей в процессе осуществления коммуникаций на основе общего языка, культурных условий, традиций и т. д.

Не в меньшей степени, на наш взгляд, уровень и степень развития национального самосознания зависят от политической конъюнктуры, государственной идеологии, деятельности государственных и политических институтов, степени развития гражданского общества и вовлеченности населения в процесс принятия государственных решений.

Рассмотрим существующую классификацию национально-политических движений. По мнению западных ученых, следует различать этнические и национальные движения. При этом «этнические движения включают специфические требования, выдвигаемые какой-либо этнической группой, добивающейся своего признания в рамках полностью установившегося политического образования. Их цель – изменить юридические структуры, лежащие в основе этого политического образования, а не уничтожить его»¹. Национальные движения включены в процессы культурной и политической организации, развития и реконструкции, развиваются в оппозиции по отношению к другим самостоятельным нациям или политическим образованиям, через которые национальная группа входит в нацию, обладая при этом такой степенью независимости, которую нельзя считать не удовлетворительной. Первостепенное требование этих движений – перераспределение власти и большая независимость;

они пытаются достичь этих целей, применяя национальную стратегию, которая позволяет создавать национальные символы.

Российские ученые предлагают несколько иную классификацию подобных объединений. З. В. Сивевич выделяет три основных типа национальных движений. Во-первых, движения, ориентированные на этнокультурные цели и характерные для малочисленных народов России. Такие движения, как правило, деполитизированы (национально-культурные центры и организации). Движения второго и особенно третьего типа в своей деятельности делают акцент на этнополитическую проблематику и национальное возрождение, рассматривая последнее не столько в духовном, сколько в идеологическом ключе – борьбе за национальную независимость. Причем если движения второго типа еще только идут к своей цели, выступая в качестве оппозиционной силы, то движения третьего типа, достигнув власти, превращаются в правящую политическую партию, объединяющую под своими лозунгами лишь часть национального электората².

На наш взгляд, сегодня в России достаточно условно можно выделить лишь два типа национальных общественно-политических организаций: национально-культурные автономии и организации, с одной стороны, и политические партии и движения – с другой.

Деятельность национально-культурных автономий, согласно закону «О национально-культурной автономии», направлена на реализацию прав в области сохранения, развития и использования национальных языков, национальной культуры, обычаев и традиций. Это, как правило, деполитизированные организации, не ставящие своей целью достижение власти. Выступая на совещании руководителей территориальных органов Минфедерации в марте 2001 г., министр по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ А. Блохин особо отметил, что национально-культурные автономии не должны нести политической составляющей.

Национально-культурные автономии и организации играют существенную роль в развитии и сохранении национальных культур. Проведение выставок работ художников народного творчества, исторических экспонатов, фестивалей национальных культур, концертов, организация библиотек национальных литератур – вот далеко не полная сфера деятельности указанных организаций.

Достаточно активно ведется работа в сфере образования и сохранения национальных языков народов, проживающих в России. Организуются воскресные школы, курсы по изучению языка при среднеобразовательных учреждениях и вузах. В настоящее время в Новосибирской области функционируют 20 национальных школ, действует «Программа непрерывного образования немецкого населения», получившая одобрение Министерства просвещения РФ. Создана система по изучению немецкого языка «Детский сад – школа – вуз». В Новосибирске работает специализированный еврейский лицей «ОР-АВНЕР». Ведется работа по созданию специализированного вуза. Весьма эффективно при культурно-просветительской организации «Дом Польский» работает воскресная школа, которую посещают и дети, и взрослые. При мечети работают курсы по изучению татарского языка.

Национально-культурные автономии и организации ведут работу по сохранению истории народов. Довольно часто проводятся семинары, научно-практические конференции на исторические темы. Так, «Дом Польский» проводит ставший уже традиционным семинар «Уроки прошлого», организаторами которого выступает секция истории при организации. Татарским общественным центром проводится конференция «Татары в Сибири: вчера, сегодня, завтра». Местная греческая национально-культурная автономия организует традиционный фестиваль «Эхо Эллады», в рамках которого в театрах города идут спектакли о Древней Греции, проходят выставки.

Исходя из составляющих национального самосознания, можно констатировать, что национально-культурные автономии и организации активно влияют на формирование национального самосознания. Ведь национальное самосознание – это прежде всего психологическая и культурологическая идентификация человека с нацией. Культура, традиции и обычаи, национальный язык являются наиболее важными факторами, формирующими национальное самосознание личности. Поэтому деятельность национально-культурных автономий и организаций оказывает в целом благотворное влияние на процесс формирования национального самосознания.

Рассмотрим деятельность политических партий и движений в указанной сфере. В истории современной России, особенно в первые годы перестройки, наблюдалось повышенное внимание к национальной тематике со стороны партий и движений. Причины этих процессов лежат на поверхности, а именно:

1) в России до сих пор четко не определена позиция государства в реализации национальной политики, отсутствует единая государственная идеология, национальная идея, механизм предотвращения межнациональных конфликтов. В последнее десятилетие XX в. эту нишу стали занимать политические партии и движения;

2) с момента образования СНГ и повсеместного использования субъектами СССР права на суверенитет начался беспрецедентный рост национального самосознания в бывших республиках СССР и субъектах РФ. В результате этих процессов образовались и стали активно действовать национально-патриотические партии и движения, пропагандирующие идеи о самоопределении наций;

3) особую роль в обществе играют национальные элиты, и об их значении в процессе развала Союза и в экономическом, политическом состоянии республик говорилось и будет еще сказано многое. Можно выделить и позитивные и негативные стороны их деятельности. Причем инициаторами образования многих национально-патриотических партий и движений выступают именно национальные элиты. Это способствует подъему национального самосознания данного народа, но не всегда ведет к миру и согласию на той или иной территории.

В результате этих и других причин политические партии и движения до момента принятия нового закона о политических партиях активно использовали национальную тематику. Национал-патриотические партии и движения условно можно разделить на три подвиды:

– партии, уставными целями которых является подъем русского национального самосознания и защита интересов русских;

– партии в республиках бывшего СССР и некоторых субъектах РФ, защищающие интересы титульной нации;

– партии и движения, пропагандирующие интернационалистические идеи.

К первому виду можно отнести Национально-патриотический фронт «Память», Русское национальное единство (РНЕ), Русскую национальную партию, Российское общенациональное движение (РОД) и др. Деятельность этих партий сводится к защите прав и интересов русского народа как государствообразующей нации, возрождению русских духовных ценностей, национальных традиций и обычаев. Эти партии ставят вопрос о проблеме разделенности русской нации не только духовно, но и территориально. Многие партии отмечают наличие в странах ближнего зарубежья фактов геноцида русских, намеренной профанации роли русского народа в истории. Ставятся проблемы демографического возрождения русских. Выдвигается мысль, что сегодня важнее поддерживать не абсолютную численность русского народа, а его удельный вес в демографическом составе страны. В этом контексте поднимаются проблемы ассимиляции русских посредством конфессионального многообразия и перехода традиционного православия в нетрадиционные для России конфессии. В целом главная идея деятельности этих партий состоит в том, что необходимо развитие всех коренных наций и народностей, проживающих на территории России, посредством решения проблем ее национального большинства – русских.

Существуют партии, защищающие интересы русских, и в регионах бывшего СССР. Создано Русское движение Украины. Идеология движения – решение проблем русскоязычного и русского населения Украины. Движение выступает против закрытия русских школ, гонений на любые русские культурологические заведения, которые, по мнению руководителей партии, имеют проявление на Украине. Партия ставит задачи придания русскому языку статуса официального, социальной защиты русских, создания дополнительных рабочих мест через укрепление экономических связей с Россией.

Ко второму виду партий можно отнести Тывинский народный фронт, Народную партию суверенной Тывы, общественно-политическое объединение национально-демократических сил Украины «Национальный Украинский Совет» и др. В Декларации о создании «Национального Украинского Совета», в частности, говорится: «Мы, представители политических партий и общественных организаций национально-патриотичного направления, предупреждая, что Украина строится ныне не как в самом деле украинское национальное государство, а как постколониальное государственное образование, которое находится под контролем чужеземного капитала и влиянием денационализированных, космополитических кланов и их средств массовой информации, провозглашаем создание общественно-политического объединения национально-демократических сил “Национальный Украинский Совет”». Целями объединения помимо всего прочего декларируется «активизация и координация деятельности по всем общественным проблемам для полного воплощения в жизнь украинской национальной идеи, которая стала определяющей при обретении украинской Независимости как 82 года так и 10 лет тому назад»³

Подобные тенденции наблюдались и в регионах Российской Федерации. Партии национал-патриотического толка создавались с целью сохранения и достижения политических прав малочисленных народов.

К партиям, пропагандирующим интернациональные идеи единения российского народа, можно отнести недавно созданную Евразийскую партию, которая выступает за интересы народов России, построение «евразийского федерализма». «Это означает сочетание стратегического единства и этнокультурной автономии. Многоукладность на местном уровне и строгий центризм в вопросах, связанных с интересами государства»⁴. Евразийская партия ставит своей задачей достижение гармонии в межнациональных и межконфессиональных отношениях. Евразийская идеология сочетает все традиционные ценности российских религий – православия, ислама, буддизма.

В ключе межнационального согласия выступают практически все крупные российские партии, не заостряя внимания на национальном вопросе. Одна из немногих партий ЛДПР часто поднимает русский вопрос. В уставных документах ЛДПР заявляет: «Русский народ – это основа государства рос-

сийского, источник его стабильности и монолитности». По мнению партии, в будущем едином российском государстве не должно быть национальных привилегий. Для всех народов должны быть созданы равные условия для развития, что обеспечит их реальное равноправие на всей территории страны и тем самым будет достигнуто межнациональное согласие. Кроме того, партия допускает, что «Россия – это страна российской нации, становым хребтом которой является русский народ»⁵

Таким образом, политические партии и движения в той или иной степени оказывают влияние на процесс формирования национального самосознания. На наш взгляд, часто это влияние негативное. Политические партии в процессе своей деятельности, случается, спекулируют национальным самосознанием с целью достижения своих целей. Поэтому важно четко определить позицию государства в национальных вопросах, развитии и закреплении государственной национальной идеологии. В этом направлении уже делаются некоторые шаги. В июле 2001 г. в новом федеральном законе о политических партиях появились новые тенденции в данной сфере. В ст. 9 п. 3 сказано о том, что «не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности (т. е. указание в уставе целей защиты профессиональных, расовых, национальных и религиозных интересов)». В то же время расформировано Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ.

Примечания

¹ Дресслер-Холохан В. Национальные движения: интернационализация протеста, идеология и утопия // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. М., 1995.

² Сикевиц З. В. Национальные движения и молодежь. М., 1998.

³ Декларация о создании общественно-политического объединения национально-демократических сил Украины «Национальный Украинский Совет» // www.liga.kiev.ua

⁴ Дугин А. Евразийство превыше всего. Манифест евразийского движения // Завтра. 2001. № 5.

⁵ Жириновский В. Русский вопрос: пути решения. М., 1997.

М. В. Голубев
(г. Томск)

ОСВЕЩЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМИ СМИ ПРОБЛЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КОРЕННЫМИ ЭТНОСАМИ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Важная черта современной России – ее *полиэтничность* – заставляет по-иному подходить к определению доктрины или озвучиванию любого вида государственной политики и в первую очередь национальной. Известно, что в каждом субъекте Федерации этносоциальные процессы протекают по-разному. В данном случае речь пойдет о государственном управлении на территориях компактного проживания коренных сибирских этносов в Томской области, а также об освещении проблем эффективности данного процесса региональной прессой.

Сегодня трудно переоценить значение СМИ в жизни общества. Следовательно, необходимо выяснить, насколько объективно освещаются этносоциальные процессы в Томской области, оказывается ли должное внимание реально существующим проблемам коренных народов Сибири.

Во второй половине XX в. Север Томской области в числе других регионов Сибири приобретает стратегическое экономическое значение для центральной власти в связи с открытием нефтегазовых месторождений. Одним из последствий этого события стал мощный миграционный поток некоренного населения, направленный вглубь этнических территорий томских селькупов, хантов и др.; возникновение множества городов-новостроек, «нефтяных столиц» России – Нижневартовска и Сургута.

Социально-экономические последствия индустриальной экспансии для коренных этносов региона оказались куда более масштабными и деструктивными, чем результаты прежних методов освоения пространств Сибири. Начало «нефтяной эйфории» приходится на конец 1960-х гг., пик – на конец 1980-х. Но уже с начала 1990-х гг. в противовес экономической государственной политике оформляется и подает голос (пока еще слабый) движение народов Севера в защиту традиционных культур Томской области.

Расширение масштабов деятельности нефтегазодобывающей отрасли привело к изменению привычного уклада жизни коренных народов, существовавшего тысячелетиями, и переходу к новым формам хозяйствования (принятие оседлого образа жизни, работа в нефтяной и газодобывающей отраслях, участие в лесозаготовительной деятельности и т. д.). В результате представители малых на-

циональностей пришли в состояние растерянности и психологического дискомфорта. Это повлекло за собой такие социальные «болезни», как пьянство, тунеядство, суицид, а также ослабление физического здоровья.

Индустриальное «освоение» северных районов области осуществлялось командно-административными методами в их крайней (самой опасной) форме. Объяснение всех действий государства было одно: «Стране нужна нефть!» Развитие нефтедобывающей отрасли гигантскими темпами почиталось в стране, конечно, за абсолютное благо: недра Сибири казались неисчерпаемыми, а ее пространства безграничными. Получение высоких доходов от добычи нефти тогда, как и теперь, настойчиво подчеркивалось областными и центральными органами власти. Поэтому вопрос о восстановлении традиционного хозяйства и культур коренных народов возникнуть просто не мог. Здесь работа и нужный государству стереотип, причислявший все сибирские коренные культуры к разряду «первобытных».

В итоге традиционное хозяйство как целостная саморегулирующаяся система в наши дни не существует. Его возрождению препятствует множество факторов – социальных, экономических, психологических, экологических последствий промышленного освоения области. Несмотря на это, на десятилетия вперед нефтедобывающая отрасль в Томской области определена властями как приоритетная.

Нефтегазодобывающий комплекс (НГДК) является одним из главных факторов, определяющих экологическую ситуацию в Александровском, Каргасокском и Парабельском районах Томской области, занимая около 5,25 % их площади.

В зону влияния НГДК входит более 1/3 территории области. Воздействие его на природные комплексы осуществляется по ряду направлений:

- прямое изъятие ресурсов (нефть, газ, газоконденсат, сеномах, поверхностные и артезианские воды, нерудные строительные материалы, древесина);
- использование ресурсов (водные, земельные, ресурсы наземных и водных животных, растительные);
- поступление загрязнений в окружающую среду (выбросы в атмо- и гидросферу, на рельеф, закачка сточных вод в подземный горизонт, отходы, шум и вибрация, электромагнитное излучение, тепловое и световое загрязнение и т. д.).

Необходимо отметить, что от экологической ситуации в регионе напрямую зависят деятельность и физическое здоровье его населения и в первую очередь представителей коренных этносов. Таким образом, налицо конфликт между экономическими приоритетами государственного управления, учитывающего интересы крупных промышленных групп, и потребностями коренных этнических общностей в нормализации экологической ситуации в регионе.

Для обывателя, не сталкивающегося с проблемами межэтнического взаимодействия в регионе, этот конфликт не очевиден, так как он носит довольно скрытый характер.

Суть противоречий заключается опять-таки в особенностях ведения хозяйства коренными народами или, точнее, в особых правах на земли своих предков, которые государство якобы гарантирует северным этносам. Права эти зафиксированы соответствующим федеральным законом о традиционном землепользовании в регионах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, предусматривающим в качестве механизма реализации прав коренных народов льготы на использование земли, охотничьих и рыболовецких ресурсов.

Но результаты деятельности органов государственного управления таковы, что сами этносы теперь не понимают важности сохранения древних промыслов. Согласно результатам опроса селькупского населения с. Степановка Верхнекетского района, лишь 46 % респондентов подтвердили, что имеющиеся у них льготы, как у представителей коренных малочисленных народов, помогают им в жизни. При этом 28 % ответили отрицательно на вопрос: «Знаете ли Вы, что Вы, как представитель народности Севера, имеете льготы на лов рыбы?» (Материалы исследования О. В. Карначук, Л. П. Лобчак «Оценка населением Томской области риска развития нефтегазодобывающей и лесной промышленности для традиционной экономики селькупов», проведенного в 2000–2001 гг.). Это обстоятельство создает условия для повсеместных правонарушений со стороны промышленных предприятий региона.

В то же время выявляется в целом негативное отношение со стороны некоренного населения к существующим льготам для селькупов, хантов, эвенков и др. По результатам опроса неселькупского населения с. Новосельцеве Парабельского района более 70 % респондентов считают несправедливым предоставление селькупам льгот на рыбную ловлю, преимущества на бесплатное получение квартир. Треть опрошенных выступили за отмену всех льгот для селькупов. Эту оценку можно понять, если поставить себя на место представителей некоренного сибирского населения, которое проживает здесь и ведет свое хозяйство. Русские, украинцы, немцы и представители других национальностей, живущие в сельской местности бок о бок с малочисленными северными этносами, в результате общей экономической неустроенности в стране также оказались в тяжелейших условиях

борьбы за собственное выживание. Поэтому право обладания льготами на использование природных ресурсов могло бы оказать им существенную экономическую поддержку.

Таким образом, существующее законодательство по данному вопросу не только не способно эффективно защищать права коренных этносов, но создает дополнительные условия для усиления межэтнической напряженности в Томской области. Очевидно также другое – разрешить сегодня эти противоречия органам государственного управления самостоятельно практически невозможно, так как общественное мнение не готово воспринимать шаги власти в данном направлении должным образом. Подчеркнуть актуальность проблемы – функция в первую очередь региональных периодических изданий, журналисты которых являются непосредственными наблюдателями всех местных социальных процессов. Речь идет не об областных СМИ, ибо они в большей степени актуализируют свое внимание на проблемах Томска и некоторых промышленных центров региона, в частности Северска и Стрежевого.

Чтобы выяснить заинтересованность региональных изданий в проблемах коренных этносов, было проведено исследование основных тематических направлений их работы. Изучены публикации следующих изданий: «Нарымский вестник» за 2000–2001 гг. (Парабельский р-н); «Северянка» за январь–май 2001 г. (Александровский р-н); «Северная звезда» за январь–май 2001 г. (г. Стрежевой и Александровский р-н); «Томская нефть» за январь–май 2001 г. (г. Стрежевой); «Советский Север» за январь–май 2001 г. (Колпашевский р-н); «В краю кедровом» за 2000–2001 гг. (г. Кедровый).

Общей характеристикой названных СМИ является почти полное отсутствие материалов, посвященных конкретным проблемам коренных этносов. Основное внимание уделяется социально-экономическим трудностям некоренного населения тех районов, где публикуется та или иная газета. Широко освещается культурная жизнь этого населения как в отдельных населенных пунктах, так и в регионах.

Культура коренных этносов Томской области затронута небольшим количеством публикаций в жанре информационной заметки. В рамках этого жанра практически невозможно отразить проблемы сохранения этнических языков, вековых традиций и обычаев коренных народов Сибири. Целью опубликованных материалов было информирование о состоявшихся в том или ином районе культурных мероприятиях, на которых обычно демонстрируются национальные костюмы, танцы, игра на национальных музыкальных инструментах.

Еще меньше внимания было уделено тому обстоятельству, что сохранение традиционных культур сибирских этносов невозможно без возрождения традиционных промыслов. Простая пропаганда различных элементов этнических культур бесполезна, если эти элементы никак не связаны с повседневной деятельностью представителей этноса. Как известно, культура не может существовать без опоры на хозяйственную деятельность человека. Понимания этого аргумента в изученных материалах выявлено не было.

Между тем объективная потребность в информировании всего населения Томской области о проблемах сохранения традиционных видов промыслов и традиционных культур имеется. Только таким образом можно сформировать общественное мнение, способствующее деятельности органов государственного управления всех уровней в этой сфере.

В какой-то степени задачу СМИ облегчает деятельность некоторых общественных организаций. Так, уже несколько лет в Томской области работает Ассоциация коренных малочисленных народов Севера «Колта-куп», которая является территориальным отделением подобной Ассоциации федерального уровня. Цель ее деятельности – защита интересов и законных прав коренных этносов. Поскольку «Колта-куп» – неполитическая организация и в ее задачи не входит борьба за власть в регионе, мониторинг общей ситуации с соблюдением прав может и должен осуществляться через СМИ. В конкретных случаях, конечно, главный и единственно возможный в современных условиях метод достижения этой цели – суд.

Однако, бесплатно предоставляя различным периодическим изданиям области материалы, участники Ассоциации сталкиваются с коммерческой незаинтересованностью редакторов большинства СМИ. Аргумент простой: отсутствие «сенсационности» в предлагаемых материалах. Остается лишь сетовать на то, что «проблемность» нынче не в моде...

Таким образом, можно констатировать парадоксальную ситуацию: при декларируемой гласности общественной жизни все еще существуют «неудобные» для большей части СМИ и власти темы. К числу таковых относятся и проблемы коренных этносов Томской области. Чтобы повлиять на сложившуюся ситуацию сегодня, необходимо объединение усилий всех заинтересованных сторон: специалистов в области экологии, этнологии, социологии, экономики и других смежных наук, общественных организаций, политических деятелей и др.

В. Г. Жалсанова
(г. Улан-Удэ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА БУРЯТИИ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Политические элиты играют немаловажную роль в межнациональных процессах, происходящих в обществе, определяя их течение, масштабы и направление. Значение данной роли усиливается в эпоху социальных перемен, подобных той, какую переживает современное российское государство. Именно в такой исторический период общество наиболее подвержено разного рода политическим расколам и напряженным межнациональным отношениям, ведущим к дестабилизации и социальным кризисам. Политическая элита, будучи наиболее организованным социальным слоем и обладая особым положением в обществе, может способствовать формированию системы общезначимых для большинства социальных ценностей и тем самым преодолевать процессы дезинтеграции общества.

Системный кризис, разрушивший устои советского общества и продемонстрировавший неспособность власти адекватно оценивать создавшееся положение и своевременно решать назревшие проблемы, привел к нарастанию процессов децентрализации и росту политического веса региональных элит. В результате последние, что особо ярко проявилось в таких субъектах Российской Федерации, как национальные республики, приобрели большую самостоятельность в деле управления своими регионами, определяя пути их дальнейшего социально-экономического и политического развития, а также контроля над текущими процессами, в том числе за состоянием межнациональных отношений.

Процесс формирования современной политической элиты Бурятии в основном проходил в том же русле, что и в других регионах России. Тем не менее на ее деятельность оказали влияние экономические, политические и этнокультурные особенности республики.

Для Республики Бурятия, как и для многих других субъектов РФ, характерна полиэтничность населения. По данным переписи 1989 г. в республике проживают представители более 100 национальностей, но большинство в республике составляют русское (926,2 тыс. человек) и бурятское (249,5 тыс. человек) население. Представители этих национальностей и составляют политическую элиту республики. Так, Президентом и одновременно Председателем Правительства республики является Л. В. Потапов, русский по национальности. Законодательный орган республики – Народный Хурал – возглавляет М. И. Семенов, по национальности бурят.

Несмотря на полиэтничность населения, состояние межнациональных отношений в Бурятии всегда характеризовалось как достаточно спокойное. Разрушительные конфликты с широким резонансным действием между представителями разных национальностей в республике не имели места. Это обусловлено разного рода экономическими, этническими и религиозными факторами, истоки которых можно проследить как в недавнем социалистическом прошлом, так и в XVIII–XIX вв.

Экономическая слабость республики, сильная зависимость от поддержки федерального центра, отсутствие значимых производственных предприятий и энергоресурсов, в отличие от Татарстана или Саха (Якутии), не позволяют Бурятии и ее политической элите наращивать сильный политический капитал. Отсутствие подобного капитала, на наш взгляд, не позволяет, в свою очередь, использовать национальный фактор как один из значимых аргументов в отношениях с федеральными органами власти.

Одним из факторов стабильности межнациональных отношений является также терпимость бурятского народа к представителям иноязычной и иноконфессиональной культуры. Кроме того, сами буряты неоднородны по своему составу. Сохраняется деление на западных и восточных бурят, не способствующее достаточной консолидации всего бурятского народа.

Поэтому вызывает интерес отношение политической элиты республики к состоянию межнациональных отношений, а также ее роль в процессах национально-государственного строительства. В 1999 г. нами было проведено социологическое исследование (в ходе исследования были использованы материалы ростовского исследователя А. В. Понеделкова). Было опрошено 111 человек, определенных как представители политической элиты Бурятии. Отбор респондентов проводился методом систематизированной целенаправленной выборки с учетом такого параметра, как принадлежность к определенной социально-функциональной группе (Народный Хурал, Правительство, Администрация Президента, органы местного самоуправления, промышленные и предпринимательские круги, общественно-политические организации). В целом выборка репрезентативна генеральному массиву для обоснования необходимых выводов и обобщений.

Представители политической элиты Бурятии в большинстве своем подтвердили стабильность межнациональных отношений в республике. Причем 78,3 % опрошенных оценили состояние последних как «положительные, в целом взаимотерпимые», а 10,8 % как «хорошие, вполне взаимоуважи-

тельные». Всего 7,2 % респондентов отметили их как «скорее неудовлетворительные, чем хорошие» и лишь 1,8 % – как «плохие, неприязненные, чреватые конфликтами». Наличие негативных оценок свидетельствует о существовании подводных камней, которые могут угрожать стабильности в отношениях между народами.

Несмотря на то что в целом была дана положительная оценка межнациональных отношений, респондентами отмечено наличие негативных явлений. Прежде всего, такое явление, как «назначение на руководящую работу, престижные должности по родственным и земляческим связям» – 63,0 %. На наш взгляд, это обусловлено тем, что буряты, несмотря на влияние современной цивилизации, берегут крепость родственных уз и родоплеменных связей. К тому же большинство представителей политической элиты Бурятии являются выходцами из села. А сельчанам свойственно стремление к сохранению земляческих связей.

47,7 % опрошенных констатировали, что на руководящую работу, престижные должности назначают по национальному признаку. Социолог А. В. Бильтрикова приводит мнение представителя управленческой интеллигенции, согласно которому разногласия на национальной почве присущи только властным структурам, а остальной части населения делить нечего *

Такое явление, как «неуважение к обычаям, традициям, языку других народов», отметили 29,7 % опрошенных. 27,9 % интервьюированных встречались в своей практике с «недружелюбными и неприязненными высказываниями о людях другой национальности»; 21,6 % считают, что для республиканских органов власти характерно «отсутствие или недостаток участия в органах власти представителей коренных национальностей»; 20,7 % респондентов отметили, что у некоторых людей сохраняются предрассудки, мешающие установлению дружеских отношений между лицами разных национальностей. Хулиганские действия и другие нарушения общественного порядка некоторыми людьми на национальной почве отметили 9,9 % опрошенных.

В ходе исследования также был задан вопрос, ориентированный на оценку современных способов «удержания власти» и продвижения по служебной лестнице: «Какие факторы и в какой степени влияют на продвижение работников по службе в органах власти?». Был предложен следующий список факторов: исполнительность и деловитость; самостоятельность и независимость; профессионализм и квалификация; семейно-родственные связи; богатство и деньги; личная преданность начальству; национальность; идеологические убеждения; поддержка богатых людей. К ним прилагались три варианта ответов: «сильно влияют», «влияют частично», «не влияют».

Из полученных ответов видно, что, по мнению большинства респондентов, такой фактор, как «национальность», уступает по степени влияния на продвижение по служебной лестнице «профессионализму и квалификации», «исполнительности и деловитости», «личной преданности начальству», «семейно-родственным связям». В то же время «национальность» играет большую роль по сравнению с «поддержкой богатых людей», «богатством и деньгами», «самостоятельностью и независимостью» и «идеологическими убеждениями». 63,0 % опрошенных считают, что «национальность» влияет частично; 18,9 % выбрали вариант ответа «сильно влияет», а 17,1 % убеждены, что данный фактор не имеет влияния.

Кроме того, был предложен вопрос, ориентированный на будущее: «Какие факторы в ближайшем будущем будут определять прочность пребывания в высших эшелонах власти?». Ответы на него свидетельствуют о том, что современная элита отходит от канонов политического управления, характерных для номенклатурной системы. По мнению большинства респондентов, такие факторы, как «профессионализм» (77,4 %), «престижное образование» (58,5), «умение улавливать, выражать и защищать интересы людей» (51,4), «богатство и деньги» (41,4), «умение поддерживать неформальные отношения» (37,8), «лояльность политическому режиму» (36,9), будут иметь гораздо большее значение, чем «национальность» (19,8 %). Самое слабое значение имеет такой фактор, как «социальное происхождение» (13,5 %). В то же время 48,6 % опрошенных ответили, что «национальность» будет иметь среднее значение, а для 31,5 % данный фактор не будет иметь никакого значения.

Из полученных ответов можно сделать вывод, что представители политической элиты Бурятии считают, что национальность в будущем будет в меньшей степени определять прочность пребывания в высших эшелонах власти. Хотя для нас вывод кажется достаточно спорным. В Бурятии, как в национальном регионе, этот фактор будет играть важную роль в жизнедеятельности политической элиты.

В настоящее время активно идут процессы национально-культурного возрождения народов, населяющих Бурятию. Эти процессы выражаются в возрождении языка, традиций, обычаев, религиозных воззрений. В исследовании была предпринята попытка выявить отношение политической элиты Бурятии к таким фактам и явлениям, как «установление статусов государственного бурятскому и русскому языкам», «появление национальной символики», «открытие православных церквей, моленных домов, старообрядческих приходов», «строительство буддийских дацанов, субурганов», «открытие национально-культурных центров, землячеств и общин» и т. д. Были предложены три варианта ответов: «отношусь положительно», «отношусь отрицательно» и «безразличен».

Полученные результаты свидетельствуют, что большинство опрошенных выбрало первый вариант ответа – «отношусь положительно» – от 73,8 до 89,2 %. Гораздо меньше ответивших «безразличен» – от 8,1 до 19,8 %. Процент выбравших вариант «отношусь отрицательно» еще меньше – от 0,9 до 8,1 %.

Основываясь на полученных ответах, можно прийти к выводу, что политическая элита Бурятии вполне лояльна к процессам национально-культурного возрождения. Хотя, конечно, было бы странно, если бы представители элиты отнеслись отрицательно к данным процессам. Ведь именно органы государственной власти наряду с общественными организациями являются основными проводниками политики национально-культурного возрождения народов. Но не так важна поддержка на словах. Важно, чтобы различные идеи, направленные на возрождение и поддержку национальных культур, находили воплощение в конкретных мероприятиях и должном финансировании.

Таким образом, деятельность политической элиты Бурятии протекает при достаточно благоприятных межнациональных отношениях, если не считать некоторых негативных моментов, выявленных в ходе нашего исследования. Необходимо признать, что данная стабильность в республике отнюдь не является заслугой только современной элиты. К тому же область межнациональных отношений требует большой осторожности при разрешении многих спорных моментов, которые так или иначе возникают и будут возникать в условиях национальной республики. Поэтому одной из задач руководства Бурятии остается проведение разумной национальной политики во избежание возможных негативных эксцессов.

Примечание

* Бильтрикова А. В. Национальная интеллигенция в процессах консолидации бурятского народа (по материалам социологического исследования) // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития. Улан-Удэ, 1996. С. 73.

С. Ю. Даржаев, Д. С. Санжиева
(г. Улан-Удэ)

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В БУРЯТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Трансформация российской государственности, начавшаяся с конца 1980-х гг., дала импульс формированию нового для страны социально-правового института – местного самоуправления. Оно составляет важнейшую часть механизма управления, позволяющего наиболее полно воплотить интересы и права человека. Его становление играет огромную роль для дальнейшего гармоничного развития наций, национальных отношений как во всей России, так и в Бурятии в частности.

Важная роль местных органов власти заключается прежде всего в регулировании современного процесса интернационализации. Направить интернационализацию в русло объединения этносов, сохранения их языков, традиций, культур – важная задача местного самоуправления.

В 1995 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Учитывая многонациональную специфику нашего государства, законодатели преследовали цель не допустить в субъектах федерации прямого или косвенного ограничения прав населения на осуществление местного самоуправления с учетом многообразных местных традиций. Кроме того, закон гарантирует равные права всем гражданам Российской Федерации на реализацию местного самоуправления независимо от расы, национальности, отношения к религии.

Бурятия в том же году вслед за федеральным законом приняла республиканский закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Республике Бурятия» и провела муниципальные выборы. Так была образована система местного самоуправления республики. Ее представляют 23 муниципальных образования на уровне сельских районов и городов Улан-Удэ и Северобайкальска.

Отрадно отметить, что Правительство и местные администрации Республики Бурятия стремятся к деловому взаимодействию. За шесть лет накоплен определенный опыт по формированию муниципальной системы как у органов государственной власти, так и у органов местного самоуправления.

Восстановлению и развитию самостоятельного начала, как основного элемента местного самоуправления, этнического самосознания, а также удовлетворению потребностей и стремлений любой народности в интернациональном единстве способствует как социально-экономическое, так и социально-культурное развитие этнических и межэтнических сообществ.

А это требует структурного реформирования системы местной власти. В 1995 г. Народный Хурал постановил провести выборы в местные представительные органы власти только на уровне сельских

районов и городов Улан-Удэ и Северобайкальска. Постепенное улучшение социально-экономической ситуации в республике располагает к проведению выборов на уровне села, поселка, сомона. Назначение глав сельских администраций сверху порождает иждивенческую позицию, снижает активность населения в управлении территорией, усложняет ликвидацию диспропорций в уровнях социально-экономического и культурного развития этносов Бурятии, делает сложным осуществление контроля жителями муниципальной власти и тем самым значительно затрудняет обеспечение социальной стабильности в республике.

Для более глубокого осмысления путей развития современного местного самоуправления в Бурятии, на наш взгляд, необходим небольшой экскурс в историю. Примером успешной реализации идеи национального самоуправления у бурят в XIX в. можно считать создание аппарата Степных Дум. Существовала трехступенчатая система управления:

1) родовое управление – низшая ступень для отдельных улусов и стойбищ рода, насчитывающих не менее 15 семейств. Во главе управления стоял староста, имевший одного или двух помощников. Письменного делопроизводства не было;

2) инородческая управа – среднее звено, охватывавшее несколько стойбищ и улусов. Руководили управой голова, выборные и письмоводитель. Круг обязанностей инородной управы определялся следующими функциями: а) обнародование и исполнение всех предписаний начальства, б) предупредительные меры против повальных болезней, падежей скота, пожаров, в) подача сведений о происшествиях, г) раскладки и взнос ясака, выполнение повинностей, сбор недоимок, д) развитие хлебопашества в пригодных для этого местах, заведывание хлебными экономическими магазинами, е) «попечение о продовольствии хлебом и солью», ж) судебные функции;

3) Степная Дума – высшая ступень, создававшаяся для всего племени. Она состояла из главного родоначальника, его помощников и голов, подчинялась «во всем» окружным управлениям, т. е. царской администрации. Главный родоначальник утверждался генерал-губернатором, остальные – губернатором¹ Думы имели главным образом хозяйственные функции, к которым причислялись: а) составление статистических сведений о количестве населения и его хозяйстве, б) расклад сборов внутри ведомства, в) учет всех сумм и общественного имущества, г) «распространение земледелия и народной промышленности», д) «ходатайство у высшего начальства о пользе родовичей», е) исполнение его предписаний. В круг обязанностей дум входили функции управления и суда.

Оценивая деятельность Степных Дум, следует отметить положительные стороны. Во-первых, широкий круг прав и полномочий Степных Дум. Во-вторых, достаточно квалифицированный для того времени управленческий состав. И, наконец, – экономические возможности. На свои средства думы строили больницы, приходские училища, содержали стипендиатов, отправляя учиться в гимназии и даже в высшие учебные заведения, проводили вакцинации детей против таких заболеваний, как оспа и корь².

Небезынтересен также опыт земских учреждений, которые были образованы за период с 1865 по 1867 г. и просуществовали вплоть до революции 1917 г. Профессор А. Д. Карнышев определил целый ряд причин эффективности деятельности земств. Во-первых, они сами формировали свои руководящие органы, вырабатывали структуру управления, определяли основные направления своей деятельности, подбирали и обучали специалистов. Во-вторых, земства обладали достаточными финансовыми средствами, которыми они могли самостоятельно распоряжаться. В-третьих, в земских учреждениях постоянно заботились об улучшении кадрового состава специалистов³.

В настоящее время в республике начался процесс восстановления тех социальных образований на селе, которые реализуют свои интересы вне деятельности государства. Иначе говоря, происходит процесс формирования гражданского общества. Общественные силы медленно нарастают снизу, набираются опыта, растут кадры. Сегодня возрождаются такие общественные организации, как товарищеские суды, штабы и координационные советы по охране и правопорядку. Женсоветы, советы ветеранов и пенсионеров и другие стремятся возродить народные промыслы, научить молодых делать предметы домашнего обихода, помогают решать молодым семьям проблемы с жильем. Одновременно молодые обеспечивают дровами одиноких престарелых, осуществляют ремонт объектов соцкультбыта и т. д.

Особая сила такого самоуправления заключается в том, что народ осуществляет демократию непосредственно, а следовательно, по-настоящему эффективно.

Конституция РФ и Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» провозглашают непосредственное осуществление народом своей власти (не только через органы государственной власти и местного самоуправления). Гарантируется право созыва собрания (схода) граждан для решения вопросов местного значения, право внесения населением проектов правовых актов по вопросам местного значения в органы местного самоуправления, которые подлежат обязательному рассмотрению на открытом заседании с участием представителей населения, а результаты рассмотрения – официально опубликованию.

Несмотря на это, население многих территорий остается безучастным к решению местных проблем. Оказывается недостаточным провозглашение перечисленных выше прав, необходима выработка программы по повышению активизации и заинтересованности населения.

Интересно, что до революции сугланы (мирские сходы) бурят играли важную роль в местном управлении. Для того чтобы суглан посещало большинство населения, его обычно собирали во время ярмарок. На ярмарке выбирались особые старосты, которые разбирали возникшие споры⁴

В отличие от ранее функционировавших национальных форм местного самоуправления, в основу формирования современных местных органов самоуправления положен административно-территориальный принцип. Вместе с тем во многих аймаках и районах сохраняются села, сомоны с однонациональным составом населения. В условиях многонациональной Республики Бурятия разработка территориальных основ местного самоуправления, определение оптимальных границ муниципальных образований имеет большое значение и для национально-культурного развития этнических групп населения.

Для того чтобы органы местного самоуправления республики имели возможность видеть реальную картину и перспективу развития национальных отношений, а также принимать действенные меры по их регулированию, на наш взгляд, необходимы:

- разработка долговременных управленческих стратегий для органов местной власти применительно к развитию национальных и межнациональных отношений в Бурятии;
- проведение научных исследований по современным этносоциальным процессам, без которых невозможна разработка государственных стратегий развития этносов;
- установка выборного принципа формирования глав сельских и поселковых администраций;
- создание информационно-консультативной базы о деятельности органов местного самоуправления в социально-культурной области; и др.

Кроме того, хотелось бы порекомендовать государственным и местным органам власти Республики Бурятия в целях рационализации деятельности местного самоуправления в области выявления и решения социальных и культурных проблем в сфере межэтнических отношений провести семинар по национально-культурному развитию народов Бурятии. Муниципальные служащие смогли бы обменяться опытом по следующим вопросам:

- 1) развитие традиционных форм хозяйствования (рыболовство, охота, сбор дикоросов, прикладные промыслы и др.);
- 2) становление новых отраслей хозяйственной деятельности (мясное и молочное животноводство, птицеводство, выращивание овощей и др.);
- 3) определение вида собственности (государственная собственность или собственность местной общины) мест традиционного промыслового природопользования коренных народов Бурятии;
- 4) обустройство национальных поселков и мест традиционной хозяйственной деятельности;
- 5) сохранение природной среды в местах традиционной хозяйственной деятельности; и т. д.

В заключение следует отметить, что в республике на местах уже проявляют себя конструктивные силы по возрождению культурно-исторических традиций, активизации общественной самодеятельности. Необходима выработка эффективных механизмов регулирования национальных и межнациональных отношений как в государственном масштабе, так и в рамках местного самоуправления, причем роль местных органов власти Бурятии в обеспечении равномерного и взаимовыгодного развития этносов поистине огромна.

Примечания

¹ Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. 1929. № 1.

² ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 64 (к-1736), л. 17.

³ Карнышев А. Д. Традиции и актуальные проблемы местного самоуправления в Бурятии. Улан-Удэ, 1995. С. 24.

⁴ Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994. С. 19.

Н. М. Екеева
(г. Горно-Алтайск)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Россия относится к числу многонациональных государств, выработка эффективной политики в национальном вопросе для нее всегда имела особо важное значение. Эта проблема оказалась одной из самых трудных в процессе становления Российской Федерации.

1990-е гг. явились важным шагом в разработке политических принципов и правовых норм в регулировании национального вопроса. Основные принципы национальных отношений были определены в Конституции РФ, Концепции государственной национальной политики РФ, ряде федеральных законов, принятых за последние пять лет. Среди них можно назвать такие законы, как «О национально-культурной автономии», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» и др.

Разработка и принятие данных документов выявили различное понимание национальной политики на современном этапе. С одной стороны, очевидна линия на абсолютизацию республиканской суверенности и в ее рамках – на обеспечение преимущественных прав так называемых коренных (титульных) наций, с другой – предлагается отказ от национального принципа в формировании государственного устройства России. Несомненно, данная проблема требует специального изучения. Однако хотелось бы подчеркнуть, что Якутия, Хакасия, Тува, Бурятия, Алтай возникли исторически как национально-государственные или национально-территориальные формирования. И просто так уйти от этого и перейти к территориальному принципу, как это делается в США, Германии, сегодня не удастся. Тем более идея национальной государственности применительно к отдельным субъектам Федерации обрела политическую легитимность.

Возможно, равноправие всех людей, независимо от территории проживания внутри единого государства, может быть единственным путем, гарантирующим на практике равноправие, в том числе национальностей, во всех областях общественной жизни. Конституция РФ признает равноправие национальностей на всех территориях, многонациональность всей Федерации и каждого ее субъекта. Другое дело, как обеспечить это равноправие, каковы механизмы, способные его гарантировать?

Истекшие после провозглашения независимости РФ годы показали, что федеральные правовые акты в области национальной политики во многом декларативны и практически не действуют. Включенные в Конституцию принципы равенства национальностей не подкрепляются четко разработанным механизмом их реализации. Вместе с тем пришло понимание, что национальная политика в современных условиях – это политика конкретного решения вопросов в конкретном регионе, конкретной республике с учетом самобытности и специфики хозяйства, культуры, быта, социальных отношений всех народов, населяющих их. Во многих регионах РФ (Башкортостан, Бурятия, Марий Эл, Мордовия и др.) были разработаны и начали осуществляться концепции и программы по национальной политике. Концепция национальной политики была принята 18 мая 2001 г. и в Республике Алтай. В чем же заключалась необходимость принятия данного документа? Ведь в нашем регионе традиционно сохраняется стабильность межнациональных отношений, отсутствуют серьезные конфликты на этнической почве.

Действительно, в Республике Алтай объективно сложились благоприятные обстоятельства для консолидации усилий представителей многонациональной общественности по разрешению национальных проблем – это длительность совместного проживания людей разных национальностей, национально-смешанное расселение населения, достаточно высокий процент национально-смешанных браков, благоприятные установки на межнациональное общение. Несмотря на общественно-политические и межнациональные катаклизмы в стране, здесь удалось сохранить традиции мира и взаимопонимания. Огромную роль в этом сыграл менталитет алтайцев, которые не признают правоту силовых методов решения стоящих перед ними проблем. Выше силы и ловкости они почитают ум, мудрость, терпение и доброту.

На 1 января 2001 г. население Республики Алтай составило 204,8 тыс. человек. Здесь проживает более 20 народов, из них численно преобладающие этносы: титульный этнос – алтайцы (32,1 %), русские (59,4), казахи (5,5 %). Национальное согласие народов республики сложилось на позитивном историческом опыте длительного совместного проживания их на территории Горного Алтая. С 1756 г., с момента добровольного перехода алтайцев в подданство Российского государства, алтайский и русский народы жили вместе. В конце XIX в. сюда переселялись и казахи. Алтайская интелли-

генция воспитана на русской культуре, для большинства алтайского и казахского населения русский язык – второй родной язык, а для некоторых – единственный. В регионе практически нет оттока русского населения. Кто-то выезжает, но кто-то и приезжает. Текущая миграция есть и была, однако сокращения численности русского населения не происходит.

Свидетельством единства народов Горного Алтая является и то, что все они поддержали процесс преобразования Горно-Алтайской автономной области в Республику Алтай, которая была образована 3 июля 1991 г. В регионе не было острых дискуссий, бурных митингов, открытого противостояния различных политических группировок и партий, а тем более этнических групп по вопросу будущего государственного устройства республики и выхода ее из состава Алтайского края. Конституция Республики Алтай (1997 г.) закрепила обеспечение прав и свобод гражданина и человека независимо от национальности, защиту интересов каждого народа независимо от его численности.

1990-е гг. характеризуются ростом этнического самосознания и стремлением к этнической самоидентификации коренного народа Республики Алтай – алтайцев. В 1989 г. состоялось собрание представителей сеока (рода) майман, положившее начало праздников сеоков (родов), на которых избираются главы родов – зайсань. Вслед за этим создается совет глав родов – торгоо зайсанов. С 1989 г. традиционными стали всенародные праздники «Эл ойыны», программа которых включает культурно-массовые мероприятия, спортивные состязания в традиционных видах спорта и т. д. В 1990 г. была создана общественная организация «Эне тил» («Родной язык») с целью возрождения алтайского языка и повышения его официального статуса, актуализации традиционных ценностей алтайцев. В 1998–1999 гг. прошли два съезда – курултай, алтайского народа, на последнем из них был сформирован постоянно действующий орган – Тос Торгоо. Все эти события позволяют говорить о том, что на Алтае происходит естественный процесс этнической самоидентификации, самоорганизации народа и его внутренних структур.

В республике также появляются общественно-политические организации, объединившие сторонников возрождения и развития истории, традиций и обычаев русского народа. В мае 1994 г. состоялось Учредительное собрание русских национальных сил Горного Алтая, на котором был создан «Центр возрождения и развития традиционной русской культуры» (Русский центр). Эта организация объединила сторонников Русского Православного союза, Общества ревнителей древней истории, Бикатунской казачьей линии, а также отдельных политических деятелей. Она ставила своей целью поднимать вопросы возрождения и развития русской культуры, православного самосознания и проводить конкретные шаги по реализации планов политической программы и выдвижению своих кандидатов на выборах. А в 1999 г. на более широкой базе создается республиканская общественно-политическая организация «Славянский мир».

Своеобразные процессы происходят и среди казахского населения, компактно проживающего в пределах одного из района республики – Кош-Агачского. К 1990 г. в Горном Алтае казахов проживало около 10,5 тыс. человек. В 1991–1993 гг. в связи с обращением Президента Казахстана Н. Назарбаева ко всем казахам, живущим за пределами Казахстана, вернуться на свою историческую родину, из республики выехало около 500 семей численностью более 2 000 человек. Однако большая их часть (более 70 %) по разным причинам вынуждены были вернуться назад.

В 1999 г. прошел первый съезд казахского народа, на котором обсуждались насущные вопросы жизни казахского населения в Республике Алтай. В Кош-Агачском районе построена мечеть, действует местный краеведческий музей, открыт Дом дружбы народов района. В июле 2001 г. в районе прошел малый курултай казахов России, где основное внимание было уделено проблемам сохранения родного языка, культуры, традиций и обычаев казахского населения.

Таким образом, рост национального самосознания, характерный в последнее десятилетие XX в. для всех народов России, наглядно проявляется и у народов Республики Алтай. В регионе накоплен достаточно богатый и интересный опыт по формированию национальной политики.

Между тем мир и стабильность в республике не означает отсутствия здесь каких-либо проблем в межнациональных отношениях, национально-государственном строительстве или других сферах, затрагивающих национальный вопрос. В Республике Алтай существует ряд противоречий, на основе которых возможно возникновение конфликтов. Это противоречия между необходимостью возрождения и развития традиционных видов хозяйства, национальной культуры и ограниченными материальными возможностями; между необходимостью реформ и угрозой разрушения привычного образа жизни, культуры, системы ценностей; между необходимостью регулировать межнациональные отношения и отсутствием необходимого инструментария; между декларируемыми правами и отсутствием механизма реализации этих прав.

Кроме того, эти противоречия переплетаются с большим числом назревших нерешенных проблем во всех сферах общественной жизни, затрагивающих национальное возрождение и развитие, среди которых определяющими являются социально-экономические проблемы. К ним относятся низкая эффективность материального производства, значительная финансовая зависимость от феде-

рального центра, крайне ограниченные возможности для использования природных богатств, тяжелая экологическая ситуация в связи с проблемой «ракетопада» и Семипалатинского полигона, более низкий (по сравнению с другими регионами Сибири) уровень решения социальных проблем; правовая неурегулированность земельных и других отношений, что создает трудности в осуществлении преобразований.

Снижаются темпы роста населения. В 2000 г. рождаемость на 1 000 человек составила 14. Хотя этот показатель по республике и выше, чем по России в целом на 5,3, с 1990 г. снижается рождаемость в Майминском, Турочакском, Чойском, Чемальском и Усть-Коксинском районах. Идет депопуляция населения.

Ухудшилось здоровье населения, что явилось следствием действия таких негативных факторов, как радиация, загрязнение воды, почвы и воздуха, снижение жизненного уровня, низкий уровень здравоохранения, рост алкоголизма и наркомании.

В настоящее время во многих населенных пунктах республики отсутствуют школы, медпункты, почтовые отделения, телефон, электричество, пригодные для автотранспорта дороги. Массовая безработица населения, возникшая с ликвидацией колхозов и совхозов и развалом других предприятий, отсталость социальной сферы на селе, стремление дать образование детям стали причинами оттока населения, в основном алтайского, из села в столицу республики – г. Горно-Алтайск. Здесь оно сталкивается с проблемами: трудно решить вопрос о прописке и устройстве на работу, получить земельный участок под строительство, определить детей в школу или детский сад, а тем более реализовать право обучения своих детей на родном языке.

Вместе с тем появились тревожные симптомы, свидетельствующие о происходящих изменениях в психологических настроениях горожан, абсолютное большинство которых составляет русское население. На уровне рядовых граждан и органов власти городской администрации стало проявляться открытое недовольство притоком алтайцев в город. Это в какой-то мере связано с тем, что возможности г. Горно-Алтайска ограничены и не соответствуют все увеличивающемуся потоку мигрантов. Отсюда снижение терпимости, ослабление взаимодоверия. Распространяется мнение о материальном и правовом неравенстве этнических групп населения. Неудовлетворенность существующими возможностями реализации своих социальных потребностей воспринимается в национальном аспекте, что может стать, если не принять действенные и своевременные меры, одной из причин подрыва межнационального согласия в регионе. При этом следует иметь в виду, что существуют политические силы, которые при определенных обстоятельствах могут использовать эти процессы.

Поэтому национальная политика сегодня должна быть направлена на реализацию прав, а не на предоставление льгот. Политические, экономические и культурные проблемы народов Республики Алтай должны решаться в соответствии с их правами. В жизни же получается, что если мы ведем речь о национальной политике, следовательно, мы ищем льготы для своего народа, в частности алтайского. Говорят: права человека есть, и уже этого достаточно, чтобы решать все проблемы. Но ведь речь идет о механизмах восполнения того неравенства, которое складывается в объективной жизни. И это неравенство надо устранять.

Для этого необходимо достижение паритета развития каждого народа, культуры, равноправного представительства всех наших народов и культур во всех сферах государственной и общественной жизни Республики Алтай.

Нарушение паритета, равенства в возможностях, представительстве своих интересов имеют у нас сегодня место. Об этом свидетельствуют примеры нарушений паритетности при решении кадрового вопроса, о чем писали СМИ, говорили депутаты законодательного органа – Государственного Собрания – Эл-Курултай Республики Алтай, сообщали представители творческой интеллигенции. Алтайцы, составляющие треть населения республики, не представлены адекватно своей численности в кадровом корпусе высших государственных служащих федеральных, силовых и финансовых структур. Или еще один пример: в Горно-Алтайском государственном университете, который является единственным в республике высшим учебным заведением, ректорат и его службы не имеют ни одного руководителя, владеющего вторым государственным языком – алтайским. Из девяти деканов факультетов только один – представитель алтайского народа.

Выборы в Государственную Думу высветили еще одну проблему: кто должен представлять Республику Алтай в Думе – житель республики независимо от национальности или же «варяг». Все эти факты ведут к дестабилизации общества, порождают недоразумения, противоречия, конфликты и обиды.

Негативно сказывается на единстве и национальных отношениях разделение алтайского этноса на коренные малочисленные народы. Алтайцы, как отмечала в свое время советская наука, перешли к социализму, минуя капитализм, и не прошли ранние этапы капитализации. Действительно, в досоветский период алтайцы, как и некоторые другие народы России, не прошли ранние этапы капитализации. Следовательно, они, в отличие от русской части населения Республики Алтай, не имеют достаточного опыта жизнедеятельности в рыночных условиях, предпринимательской деятельности. Абсолютное

большинство алтайского населения находится вне процесса урбанизации, т. е. до сих пор живет в сельской местности и в значительной степени сохраняет традиционные формы хозяйствования.

За советский период существенным образом изменилась естественная среда обитания народов, особенно у жителей северных районов республики. В результате экстенсивного и нерационального хозяйствования – массовой заготовки древесины, чрезмерного увеличения поголовья скота – природе Алтая нанесен непоправимый ущерб. Это беспощадно вырубленная черневая тайга, обмелевшие реки, вытоптаные горные пастбища, а отсюда неизбежный упадок традиционных занятий и источников благополучия алтайского населения: скотоводства, охоты, кедрового промысла, рыболовства.

В ходе создания леспромхозов, освоения целинных земель и других крупных хозяйственных акций произошли существенные изменения в национальном составе населения Алтая. Так, с 1926 по 1989 г. удельный вес алтайцев снизился с 42 до 31 %. Резко уменьшилась доля северных алтайцев в общей численности алтайского населения. В 1939 г. в Турочакском районе проживало 10,8 % всех алтайцев, а в 1989 г. – только 5,6, в Чойском и Майминском районах соответственно 4,4 и 1,6, 14,6 и 3,2 %. И в 1990-е гг. наиболее незащищенными и малочисленными оказались алтайцы северных районов: кумандинцы, тубалары, чалканцы.

Алтайцы в условиях, когда на законодательном и практическом уровнях своевременно не были выработаны меры по защите населения республики от негативных факторов переходного периода, предпринимают попытки самостоятельно решать свои насущные проблемы. Для объединения усилий в 1992 г. создана Ассоциация северных алтайцев, ныне преобразованная в Ассоциацию коренных малочисленных народов Республики Алтай, прошло три съезда северных алтайских этнических групп (1994, 2000 и 2001 г.). На повестку дня ставится вопрос о признании этнических групп – тубаларов и чалканцев – самостоятельными этносами (народами) и включении их в реестр малочисленных народов России. Такое стремление вызвано надеждой, что их проблемы будут разрешены за счет дополнительного финансирования из федерального и местного бюджетов, разработки и принятия специальных программ развития. По статистическим данным в республике в 1997 г. насчитывалось 536 кумандинцев, 1 689 чалканцев, 2 664 тубалара, т. е. всего 4 889 человек, или 2,4 % от общего числа населения республики.

Государственное Собрание – Эл-Курултай, и Правительство Республики Алтай поддержали данную просьбу, проигнорировав реально свершившиеся процессы. Ведь за советский период у алтайцев сформировалась единая национальная литература, литературный язык и другие важнейшие элементы национальной культуры. Не было осознано, что, несмотря на заманчивость перспектив помощи от г. Москвы, федерального центра, проблему нужно решать у себя дома. Не были проведены научная экспертиза и консультации на месте. Постановлением Правительства Российской Федерации № 255 от 24 марта 2000 г. теленгиты, тубалары, чалканцы отнесены к коренным малочисленным народам России.

Все это требует нового осмысления сложившейся ситуации в Республике Алтай и поисков результативных механизмов разрешения существующих проблем, прогноза и оценки последствий принимаемых решений, учета общественного мнения. Именно поэтому была выработана Концепция национальной политики Республики Алтай. Здесь определены исходя из реалий жизни цели и задачи национальной политики, а также предложены конкретные механизмы ее реализации через постоянный диалог и согласие, координацию деятельности всех органов власти и общественных национально-культурных объединений, теоретической и прикладной науки.

*З. В. Анайбан
(г. Москва)*

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТУВЕ И ХАКАСИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Социально-экономические и политические реформы, проводимые в современной России, затронули все социальные слои, вызвали существенную трансформацию в жизни людей. Социальная поляризация общества и усиление разрыва между имущими и неимущими на фоне затянувшегося кризиса в экономике создают объективную основу роста напряженности и недовольства как сложившимися социальными условиями, так и этнополитической ситуацией. В этой связи уместно вспомнить, что в структурно-функциональной модели Т. Парсонса социальное напряжение, возникшее на почве несовместимости социальных ценностей и дееспособности властных структур в период социальных ре-

форм, является главной причиной насильственного конфликта¹. Таким образом, реалии сегодняшнего дня диктуют необходимость, по крайней мере, анализа и осмысления тех явлений, которые имеют место в современном российском социуме.

В создавшихся условиях большой интерес и ценность представляет, с нашей точки зрения, изучение мнения самого населения на происходящие в обществе те или иные процессы. С этой целью обратимся к результатам социологического опроса, осуществленного Федеральным агентством правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации (ФАПСИ) весной 2001 г. в двенадцати регионах Сибири, в том числе в четырех республиках Сибири – Алтае, Бурятии, Туве и Хакасии, двух краях – Алтайском и Красноярском, шести областях – Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Читинской². Были опрошены жители двух крупных социально-экономических районов Российской Федерации – Западно-Сибирского (52,2 %) и Восточно-Сибирского (47,8 %).

Основной задачей данного исследования было изучение мнений жителей Сибирского федерального округа о деятельности региональных и федеральных властей. Однако в анкету также были включены вопросы, нацеленные на выявление оценок и ориентаций населения на современную социально-экономическую ситуацию в стране, дальнейшую ее перспективу развития. Кроме того, анкета также содержала блок вопросов, определяющих на основе самооценки опрошенных их материальное положение, социально-психологическое самочувствие и т. д. В результате выборки было опрошено 4 832 респондента. Более половины из числа опрошенных были люди активного трудоспособного возраста 18–49 лет (67,6 %). Достаточно высок, на наш взгляд, образовательный уровень респондентов: примерно треть из них имели высшее и незаконченное высшее образование (29,9 %), треть – среднее специальное (33,4), четверть – среднее образование (24,8 %) и относительно невысока доля тех, кто имел неполное среднее и начальное образование (11,7 %). Важно также отметить, что на момент опроса 28,0 % респондентов не имели никакого занятия или затруднились назвать место работы. Удельный вес безработных составил 2,6 %.

Кроме того, в настоящей статье наряду с материалами статистики мы используем некоторые данные экспертного опроса, осуществленного нами в середине 2001 г. среди политиков, журналистов, ученых, лидеров различных общественных движений, а также некоторых работников государственных органов по теме «Социальная стратификация и межэтнические установки в Туве и Хакасии»³. В ходе исследования было опрошено по 50 человек в каждой из названных республик.

Состояние любого общества опосредствуется совокупностью факторов исторического, политического, экономического и этнокультурного порядка. Одна из важных составляющих заключается в том, как население оценивает социально-экономическую обстановку, реальную перспективу своего благосостояния. Это является неким социальным фоном, детерминирующим отдельные особенности того или иного региона. По материалам исследования можно говорить о том, что к настоящему времени все еще довольно существенна доля тех, кто более критично реагирует на все жизненные катаклизмы. Так, на вопрос: «Какова нынешняя экономическая ситуация в Вашей области (республике, крае)?», пятая часть опрошенных ответили «нетерпимая» (21,0 %). С другой стороны, 46,6 % респондентов охарактеризовали обстановку как «терпимая с трудом» и 25,5 % – «терпимая». Последнее обстоятельство свидетельствует об определенном «привыкании» людей к сложившейся ситуации. Еще несколько лет назад многие стороны нашего бедственного социального бытия воспринимались значительно болезненнее и получали достаточно сильный резонанс в массовом сознании. Заметим также, что в характеристике состояния экономического положения региона не наблюдается существенных отличий среди опрошенных как разных социально-профессиональных, так и возрастных групп.

Среди наиболее острых проблем на данном этапе для населения регионов подавляющее большинство опрошенных нами экспертов как в Хакасии, так и в Туве назвали, во-первых, тяжелую ситуацию в экономике, во-вторых, рост преступности (78,3 и 72,5 % соответственно). Отметим также, что в структуре восприятия экспертами причин или основных факторов угрозы безопасности России соседствует ряд обстоятельств. По частоте упоминания их можно ранжировать следующим образом: а) дальнейший развал экономики, рост безработицы; б) борьба различных политических сил за власть; в) расслоение общества на богатых и бедных; г) рост преступности. Как видим, прежде всего в числе главных называются причины социально-политического порядка.

Вместе с тем, несмотря на социальные невзгоды и трудности, значительная часть населения все же настроена оптимистически. Об этом можно судить по оценке, которую дали респонденты относительно сложившейся социально-экономической ситуации в их республике. Примерно 2/3 экспертов в Хакасии и Туве считают, что «наметились признаки экономической стабилизации» (63,1 %).

Вопрос анкеты: «Как Вы оцениваете свое материальное положение, как Вы живете?», ставил задачу, на наш взгляд, определить социальную дистанцию разных групп населения и выявить масштабы и широту распространения среди них таких последствий социально-экономических преобразований, как бедность и нищета. В целом более половины опрошенных в Сибири признали, что живут «бедно»

и «ниже черты бедности» (46,4 и 11,0 % соответственно). К категории «среднеобеспеченных» отнесли себя чуть более трети (39,3 %). Характерно, что эти показатели в обоих случаях по Хакасии несколько выше, а в Туве, наоборот, несколько ниже, чем в целом по округу. Например, в Хакасии живут «бедно» 50,7 %, считают себя «среднеобеспеченными» 47,0 %, в Туве – 62,0 и 35,5 % соответственно. «Богатых» и «очень богатых» среди опрошенных 0,8 %, столько же в Хакасии и Туве (0,7 и 1,0 % соответственно).

Как видим, одной из отличительных особенностей нашего общества сегодня является наличие огромной социальной дистанции между разными социальными группами и несоизмеримое превалирование общей численности неимущих над числом обеспеченных.

Попытаемся проследить, насколько социальное самочувствие сограждан находит выражение в их оценочных ориентациях. Так, на вопрос: «Что Вас лично в наибольшей мере тревожит, беспокоит в настоящее время?», большинство опрошенных указали низкую оплату труда (58,9 %), более трети назвали социальное бесправие, незащищенность. В Хакасии около половины ответивших называют «нездоровую психологическую ситуацию в обществе, бесчеловечность в отношениях» (49,7 %). В Туве еще более тревожные настроения – так считают 70,0 % респондентов. Это еще раз свидетельствует о том, что провалы в социальной политике незамедлительно становятся сильным фактором напряженности в обществе, включая обострение межнациональных и межличностных отношений.

Представляет интерес изучение мнения опрошенных относительно их действий в случае, если наиболее острые проблемы региона не будут решаться. Около 41,0 % респондентов дали ответ, что постараются сами изменить условия своей жизни. Это значит, что в мышлении многих (хотя и не сразу и не вдруг) все же происходит ломка, отход от прежних стереотипов и стандартов, иждивенческих настроений, надежд на то, что проблемы будут решены государством. Вместе с тем почти каждый пятый из числа опрошенных заявил, что не собирается ничего предпринимать. Несколько иное распределение ответов в Хакасии и Туве. Более активную жизненную позицию заняли жители Тувы и менее жители Хакасии. К примеру, не собираются «сидеть сложа руки» и намерены сами действовать 57,0 % опрошенных в Туве, 37,7 % – в Хакасии, намерены ничего не предпринимать 10,0 % – в Туве, 17,3 % – в Хакасии.

На один из основных вопросов анкеты: «Как Вы относитесь к деятельности Президента РФ В. В. Путина?», в целом по Сибири, а также в Хакасии и Туве «положительно» ответили 34,3, 36,0 и 34,0 % соответственно. Но в Туве ответ «очень положительно, активный сторонник» выбрали 18,0 % респондентов, что заметно отличается от 5,3 % в Хакасии и 5,2 % по Сибирскому округу. Очевидно, что в этой республике превалируют ожидания на перемены к лучшему и связывают их в первую очередь с федеральным центром. Доля крайне недовольных (вариант ответа «отрицательно») в рассматриваемых регионах близка к средней по округу, но все-таки ниже ее: 4,7 % – в Хакасии, 3,0 % – в Туве при 5,5 % – по округу.

Уместно в этой связи посмотреть распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к деятельности главы исполнительной власти Вашей области (края)?». При 21,1 % в среднем по округу положительно оценивающих действующих глав регионов, в Хакасии и Туве таковых 19,7 и 14,0 % соответственно. Отрицательная оценка по округу составляет 17,0 %, в Хакасии недовольных – 10,7 %, в Туве их ощутимо больше – 26,5 % из числа участвовавших в опросе.

Несколько слов об ожиданиях опрошенных. На вопрос: «Как Вы считаете, какой будет экономическая ситуация в Вашей области (крае) для Вас лично в 2001 году?», умеренный оптимизм («нормальной, терпимой» и «терпимой с трудом») продемонстрировали 30,0 и 38,7 % опрошенных в Хакасии и 21,5 и 48,5 % – в Туве, что свидетельствует не только о наличии среди населения надежды на «светлое будущее», но и о сохраняющемся среди населения, хотя далеко не в равной мере, кредите доверия к федеральным и региональным органам власти.

В этой связи следует, на наш взгляд, более подробно остановиться на такой проблеме, как безработица, поскольку сегодня она становится все более заметным фактором экономической жизни практически всех регионов Российской Федерации. Известно, что рост безработицы способствует пополнению «класса обездоленных», усиливает социальную напряженность в обществе. Согласно Т. Р. Гуру (представителю известной поведенческой концепции), недовольство и социальный протест могут возникнуть не как результат ухудшающихся условий жизни той или иной группы, а как результат сопоставлений группой своего социально-политического положения с условиями, в которых нуждается, по ее представлениям, данная группа⁴.

В начале 2001 г. уровень безработицы в Хакасии, официально зарегистрированный в Департаменте федеральной государственной службы занятости населения, составил 2,3, в Туве – 2,8 %⁵ Применительно к Хакасии за последние несколько лет исходя из статистики можно говорить о некотором снижении безработицы. Так, за три последних года численность безработных здесь уменьшилась с 8 354 в 1998 г. до 6 466 человек в 2000 г.⁶ Однако по результатам выборочного микрообследования населения регистрируемая в республике безработица в семь раз ниже реальной. Кроме того, несмотря

на отмеченную тенденцию снижения, по прогнозам Министерства финансов и экономики республики, до конца года безработица в регионе будет составлять 3,8–4,0 %.

В Туве же, наоборот, по официальным данным, отряд безработных с каждым годом все более увеличивается. За тот же период – с 1998 по 2000 г. – численность безработных в республике возросла с 3 300 до 4 500 человек⁷ Кроме того, в Туве, в отличие от общероссийского законодательства, по указу Президента республики начиная с 1997 г. республиканским службам запрещено вторично регистрировать безработных, стоявших ранее на учете. В результате официально зарегистрированные через шесть месяцев автоматически снимаются с учета независимо от того, трудоустроены они или нет. Между тем в действительности ситуация с каждым днем все более ухудшается. В Хакасии вторичная регистрация безработных существует, хотя по истечении шести месяцев безработным перестают платить пособие, но с учета они не снимаются. И, как считают в Департаменте занятости этой республики, в противном случае это было бы нарушением действующего закона.

Длительность безработицы является показателем, который также характеризует кризисность ситуации на рынке труда. К регионам с высоким показателем продолжительности безработицы (в расчете на одного безработного по методике ФСЗ) относятся и Республика Хакасия, и Республика Тыва. Средняя продолжительность безработицы составила в этих регионах соответственно восемь и шесть месяцев⁸

Следует сказать, что специфической особенностью рынка труда как в Туве, так и в Хакасии является скрытая безработица, которая наиболее характерна для сельской местности. По данным Департамента занятости уровень скрытой безработицы (от численности экономически активного населения) в Хакасии составляет 13,0 %, в Туве – 5,0 %. На наш взгляд, реально он значительно выше, особенно в Туве⁹ Не случайно в ежегодном отчете Департамента занятости населения Республики Тыва отмечалось, что «не все граждане обращаются в службу занятости. Значительная часть населения, испытывающая проблемы с трудоустройством, либо самостоятельно ищет работу, либо вообще не ищет»¹⁰

Обоснованную тревогу вызывает тот факт, что в числе безработных в Хакасии и Туве достаточно высока доля родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей (45,0 и 33,6 % соответственно). Среди них в Туве, к примеру, 65,8 % – многодетные родители. К сожалению, в данном случае не приходится говорить о тенденции изменения или сокращения этого показателя¹¹. В этих условиях особое внимание хотелось бы обратить на одну из групп безработных, численность которой во все годы составляла подавляющее большинство. По оценке специалистов в обеих республиках, как, впрочем, и во всех других регионах РФ, самой незащищенной группой в условиях безработицы являются женщины. Пожалуй, проблема труда и занятости женщин – одна из самых острых проблем российского общества сегодня. В общем числе безработных удельный вес женщин составлял в последние годы до 70,0 % в Хакасии и до 80,0 % – в Туве¹²

Одной из особенностей безработицы в Туве является доминирование сельской безработицы, а также существенное превышение среди безработных численности тувинского населения (более 80,0 %), что позволяет констатировать, что безработица в Туве имеет «этническое лицо». В Хакасии ситуация иная: из всего числа безработных 61,0 % составляют горожане и 39,0 % – сельские жители¹³ По мнению специалистов республиканского Департамента занятости, национальный состав безработных здесь фактически пропорционален сложившейся численности основных этнических групп республики.

Заметные различия в исследуемых республиках наблюдаются также в основных факторах и причинах безработицы: если в Хакасии население как в городе, так и на селе практически осталось без работы в результате свертывания производств и закрытия предприятий, то в Туве наряду с названной одной из главных причин безработицы является миграция из села в город, что неизбежно сопровождается потерей работы и проблемой трудоустройства на новом месте.

В обеих республиках отмечаются некоторые отличия между зарегистрированными безработными – русскими и представителями титульной национальности. Если среди тувинцев и хакасов преобладает безработица сельской молодежи, то среди русских Тувы и Хакасии, как правило, не имеют работы городские жители средних возрастов. В какой-то мере подобный состав безработных в данных регионах объясняется, во-первых, значительным численным преобладанием титульной национальности на селе, во-вторых, сосредоточением русского населения, главным образом, в городах.

Заметные этнические различия прослеживаются по уровню образования и квалификации безработных. Так, в обеих республиках среди безработных, имеющих высшее образование, абсолютное большинство составляют русские. Среднее специальное и начально-профессиональное образование зачастую имеют безработные из числа представителей титульной национальности.

Итак, сложившееся на сегодняшний день положение в регионах России диктует необходимость принятия серьезных и кардинальных мер по стабилизации прежде всего социально-экономической ситуации и соответственно сокращению столь высокого уровня социально обездоленных людей. В

частности, на наш взгляд, в создавшихся условиях крайне важны разработка и проведение в жизнь стратегии борьбы с высокой безработицей, превышающей естественные и социально-допустимые пределы, а также смягчение ее негативных социальных последствий. Следует также подчеркнуть, что при разработке конкретных мер и решений по сокращению безработицы в республиках Российской Федерации крайне необходим учет этнической специфики каждого региона. Примечательно, что опрошенные нами в обеих республиках эксперты (2001 г.), предлагая меры, способствующие улучшению экономической жизни в регионе, наряду с такими, как возрождение производства, реформирование сельхозпредприятий, создание базы для поддержки фермерства, возрождение традиционных художественных промыслов и т. д., называли и выработку объединяющей национальной или республиканской идеи, возрождение традиций трудолюбия.

Примечания

¹ Parsons T. The Social Systems. Glencoe, 1951; *Idem*. Some Reflections on the Place of Force of in Social Process // Internal War: Problems and Approaches / Ed. by H. Eckstein. N-Y., 1963.

² Материалы получены в Аппарате полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе.

³ Материалы полевой работы автора по теме «Социальная стратификация и межэтнические установки в Туве и Хакасии».

⁴ Gurr T. R. Why Men Rebel. Princeton, 1971. P. 24.

⁵ Основные показатели работы Департамента федеральной государственной службы занятости населения по Республике Хакасия за 1991–2000 гг. // Текущий архив Департамента занятости населения Республики Хакасия; Социально-экономическое положение Республики Тува за январь–декабрь 2000 г. Кызыл, 2001. С. 47.

⁶ Основные показатели работы Департамента федеральной государственной службы занятости населения по Республике Хакасия за 1991–2000 годы...

⁷ Социально-экономическое положение Республики Тува за январь–декабрь 1998 г. Кызыл, 1999. С. 44; Социально-экономическое положение Республики Тува за январь–декабрь 2000 г. С. 47.

⁸ Материалы взяты в Департаменте занятости населения Республики Хакасия.

⁹ Материалы взяты в Департаменте занятости населения Республики Тыва.

¹⁰ Там же.

¹¹ Отчеты о трудоустройстве населения, обратившегося в Департамент занятости населения за 2000 г. // Текущий архив Департамента занятости населения Республики Тува за 2000 г.; Основные показатели работы Департамента федеральной государственной службы занятости населения по Республике Хакасия за 1991–2000 годы...

¹² Отчеты о трудоустройстве и занятости населения Республики Тыва за 1998, 1999 и 2000 г. // Текущий архив Департамента занятости населения Республики Тыва за 2000 г.; Основные показатели работы Департамента федеральной государственной службы занятости населения по Республике Хакасия за 1991–2000 годы...

¹³ Материалы взяты в Департаменте занятости населения Республики Хакасия.

З. Ю. Доржу
(г. Кызыл)

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН ТУВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Развитие тувинского общества привело к тому, что в начале XX в. женщины Тувы, как и России в целом, получили весь комплекс гражданских прав, прав человека. Вопросы равноправия мужчин и женщин нашли отражение уже в законах и нормативных актах Тувинской Народной Республики (ТНР, 1921–1944 гг.). Первая Конституция ТНР, принятая на Всетувинском Учредительном хурале в августе 1921 г., гласила: «Все граждане Танну-Тувы Улус равны перед законом, издаваемом с согласия всего народа»¹; этим декларировалось и общественное равноправие женщин. Социально-экономические и общественно-политические права женщин были законодательно закреплены и в последующих конституциях ТНР, принятых в 1924, 1926, 1930 и 1941 г. 17 сентября 1925 г. Центральный Комитет Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) рассмотрел вопрос о привлечении женщин к работе в государственные учреждения. Важным событием в жизни республики явилось создание специального отдела по работе среди женщин при ЦК ТНРП (1928 г.). Характерно, что первым руководителем женотдела стал молодой мужчина – член ревсомола. Сам факт назначения на такую должность мужчины, а не женщины, свидетельствует о том, что тувинские женщины того времени были пассивны и среди них не нашлось способных возглавить работу даже в своей среде. К тому же сказывалось влияние старых предрассудков по отношению к женщине, как к «херээжок», т. е. «не-

нужной», которые были еще живучи. Осуществление законов о равноправии полов происходило не просто, так как оно требовало ломки феодальных, патриархальных отношений, которые укоренились в вековых традициях и обычаях жизни народа.

С добровольным вступлением Тувы в состав СССР в 1944 г. социальная роль женщин существенно изменилась. Они стали не только объектом политики, но и активными и влиятельными участниками политического процесса и государственного управления. Были созданы юридические предпосылки для участия женщин в политической деятельности, которые впоследствии закрепились подписанием Советским Союзом Конвенции ООН о политических правах женщин от 31 марта 1953 г., а также Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. Существующая правовая база, как на национальном, так и на международном уровне, позволяет женщинам быть активным субъектом политики.

Необходимо отметить, что в Советском Союзе происходили значительные позитивные изменения, касающиеся статуса женщин. Конституция и законы страны провозгласили политическое, экономическое и социальное равенство женщин и мужчин. Усилия, направленные на ликвидацию неграмотности, профессиональную подготовку женщин, вовлечение их в производство и общественно-политическую жизнь, дали свои плоды. Но наряду с достижениями сохранилась и масса проблем, часть которых коренилась в общественной практике. Однако именно эти проблемы замалчивались, игнорировались; государство не желало замечать, а общественное сознание, одурманенное пропагандой об успешном решении женского вопроса в СССР, зачастую их просто не видело. Любые требования изменить положение воспринимались как необоснованные, надуманные. А между тем, если исходить из такого значения слова «демократия», как народовластие, то совершенно очевидно, что речь должна идти не о женщинах-символах, занимающих те или иные высокие посты, а о массовом участии женщин в управлении, причем управлении на всех уровнях и этапах – от обсуждения проблем и принятия решений до их реализации и контроля за исполнением. Составляя более 53 % населения Тувы, женщины представляют собой такую социальную группу, от поведения которой в решающей степени зависит ход политического развития республики.

Как же обстоят дела сейчас? Как и насколько эффективно участвуют женщины в политической жизни общества?

В республике отмечается рост гражданской активности женщин, оформляются многочисленные женские организации, появились женщины-предприниматели. Значительная часть женщин руководили ранее предприятиями торговли, общественного питания, народного образования. Однако позитивных перемен в этой области не происходит: сократилось число женщин-депутатов при выборах в местные органы власти, поредели и без того скромные ряды женщин в республиканском министерстве.

Утверждение вместо номенклатурной системы общедемократических норм и рыночных отношений без обеспечения должных гарантий и механизмов защиты приводит к заметному ухудшению положения женщин во всех сферах общественной жизни.

Реальность указывает на то, что в настоящее время идет процесс вытеснения женщин из политической жизни. Налицо кризис женского политического лидерства. Существующие в настоящее время в республике Союз женщин, федерация «Семья за единство и мир во всем мире», Лига женщин, Ассоциация женщин-писательниц, ассоциация «Семья» и другие общественные организации активно участвуют в политических акциях, но, к сожалению, не представляют единого влиятельного общественного движения. Приходится констатировать, что в современной Туве женщины разобщены и деполитизированы. Причины такого положения видятся в следующем:

Во-первых, психологические особенности поведения женщин, их преимущественная ориентация на детей и семью.

Во-вторых, тяжелейшие условия социально-политической жизни, подавленность материальными проблемами и трудностями повседневной жизни. В частности, только в Кызыле 30 % семей живут без мужа, отца.

В-третьих, своего рода аллергию вызывают воспоминания о прежних годах, когда большинство женщин играли роль лишь своеобразных декораций на арене общественно-политической жизни. «Более половины граждан – 56 % – не верят ни в какие партии, ни в выборы или затрудняются ответить, за какую партию они стали бы голосовать»². Не являются исключением и женщины Тувы, у которых даже на личностном уровне отрицается всякая политика.

В-четвертых, сказывается неизбежное в современных условиях расслоение женщин по политическим, профессиональным, социальным признакам, что способствует появлению новых проблем в жизни женщин.

Эти явления, безусловно, осложняют жизнь женщин, но именно они, на наш взгляд, и должны подтолкнуть женщин к борьбе за облегчение, улучшение своей жизни и жизни своих детей. Главная причина, как нам представляется, в другом – в недостатке осознания женщинами своей общественной

роли, в отсутствии инициативы, неуверенности в своих силах. Слишком живучи в сознании многих людей стереотипы патриархальной идеологии, рецидивы которой проявляются иногда даже в речах общественных деятелей и действиях руководителей предприятий. Недаром в первую очередь увольняют с работы женщин, имеющих малолетних детей.

Цель женского движения на современном этапе – помочь женщинам обрести свободу выбора жизненного пути, самореализоваться как личность, добиться нормальных условий жизни, в этих целях создаются союзы социальной защиты, клубы деловых женщин, объединения по профессиям и интересам, женсоветы и т. д. Но этот новый этап в женском движении может осуществиться не как коллективный прорыв, а только как индивидуальный, через осознание каждой женщины себя как личности и своих возможностей что-то изменить.

Переход к рынку сопровождается интенсификацией труда и ростом безработицы. Чтобы не допустить ухудшения положения женщин в сфере труда, инфляции ценности семьи и детей в общественном сознании, женщины должны взять судьбу в свои руки, а не ждать, когда мужской по своему составу и образу мышления парламент примет (или не примет) специальную программу по этим вопросам.

Программа по проблемам женского труда и семьи должна строиться на основе следующих принципов: расширение представительства женщин в управленческих структурах и различных комиссиях; совершенствование законодательства в пользу женщин и семьи; изживание в общественном сознании и управленческой практике пережитков патриархальной идеологии.

Женщины Тувы разобщены, каждая борется со своими трудностями в одиночку. И совсем не каждая желает состоять в какой-либо политической партии. Кроме того, чтобы правильно ориентироваться в политических событиях, нужно обладать достаточной политической культурой, хотя бы читать прессу. Но сегодня это доступно не каждой женщине. Вот почему необходимо движение женщин, стоящее вне политики, вне партий. Это должно быть движение, объединяющее различные женские ассоциации, клубы, комитеты, не имеющие прямой политической направленности – от религиозных до предпринимательских. Женщины создают организации чисто женские по составу, тем не менее отстаивающие широкую гамму социальных интересов.

Своеобразным экзаменом для женского самосознания стали выборы в местные представительные органы власти в 1998 г., в Государственную Думу РФ в 1999 г. и довыборы в Государственную Думу РФ в 2001 г. Так, по данным Центризбиркома Республики Тыва среди избранных депутатов местных хуралов женщины составляют 46 %, среди 27 избранных депутатов Верховного Хурала (в 5 округах не был преодолен 50 % рубеж явки избирателей и выборы не состоялись) женщин-депутатов только 3, что составляет 11 %. Вместе с тем 51 % всех работающих в народном хозяйстве республики – женщины.

По такой же убывающей представлены женщины и в числе председателей городских, сумонных и кожуунных администраций. Если из 110 председателей сумонных администраций женщин – 21, то из 19 избранных в 1998 г. председателей кожуунных и городских администраций женщин только 2 (Тандинского – О. С. Куулар и г. О. Д. Чадана-Салчак)³

Таким образом, очевидно, что женщины весьма неохотно выбирают в высшие органы власти города, сумона, кожууна и государства. А женщин-избирательниц в Туве на 3,5 тыс. больше, чем избирателей мужчин, и, при желании, им было бы очень легко сформировать женскую секцию в парламенте. Но этого не случилось. Причины видятся в исторических, психологических, политических и экономических обстоятельствах.

Эта тема требует специального анализа, однако в рамках данной публикации следует отметить, что Тува, как и Россия, не является исключением в плане слабого представительства женщин в парламенте.

Сказывается отсутствие демократических традиций, не приобретенных и за годы советской власти, и за годы перестройки. На возможность избрания женщин в представительные органы власти серьезнейшим образом влияет и позиция мужчин. Большинство мужчин настороженно относятся к выдвижению женщин, опасаясь наступления «матриархата». Да и женское общественное мнение зачастую не поддерживает пока выдвижение женщин на высокие посты. «Пусть мужчины все решают, оставьте политику мужчинам», «Голосовать за женщин не буду, ибо политика не женское дело». Женская терпимость, мягкость, стремление сглаживать острые углы, избегать конфликтных ситуаций – все эти природные женские качества нещадно эксплуатируются и на политическом поприще. Женщин почти не выбирают в парламент. А если женщины становятся депутатами, то возникают новые трудности, они либо принимают мужской стиль поведения, забывают об интересах женщин, либо становятся «невидимыми политиками», их мнение по различным вопросам не освещают средства массовой информации, тем самым создается общественное мнение о меньшей ценности женщины-политика, нежели мужчины – политического деятеля.

Женские общественные организации не получили права выдвигать своих кандидатов в депутаты. Женские секции в политических партиях отсутствуют. В настоящее время по данным Министерства

юстиции Республики Тыва зарегистрированы 123 общественных объединения, в том числе 22 политических⁴. В основном это региональные отделения российских партий и движений, деятельность которых оживляется только в период избирательных кампаний. К числу наиболее активных относятся региональные отделения – «Единство», «Отечество», «Яблоко», СПС, КПРФ, а также республиканские «Солидарность», «Хостуг Тыва».

Многопартийность расширяет возможность политического выбора для всех групп населения, в том числе женщин. Но ни одна из новых партий, ни одно политическое движение либо не спешат раскрыть свою социальную базу, либо просто ее не знают. В то же время ее важно знать, в чем помогают результаты исследований. Данные подтверждают, что значительная часть женщин старшего поколения не потеряла доверия к КПРФ, хотя, безусловно, оно ослаблено.

Женщины по-прежнему верят в профсоюзы. Практически треть является их членами, что значительно больше, чем число женщин, вступающих в новые политические партии. К новым политическим организациям и движениям женщины присматриваются, оценивают, изучают, но вступать не спешат. Исключение составляет региональное отделение ОПОО – партия «Единство», в котором половину его членов составляют женщины. Оказывают поддержку новым партиям 18 % опрошенных, тогда как 73 % ничего о них не знают. Процесс политического самоопределения женщин, их выбора еще далеко не завершен.

На наш взгляд, совершенно реально создание женских фракций не только в партиях, государственных органах всех ступеней, различных общественных объединениях, ассоциациях, клубах. Женщины могут объединяться во фракции не от политических и идейных расхождений, а для защиты своих специфических интересов, прежде всего интересов семьи, материнства и детства. Фракции могли бы выдвигать своих кандидатов на замещение руководящих должностей во всех звеньях государственного и общественного управления. Этот принцип вполне совместим с принятием квот женского представительства, утверждаемых общесоюзными и республиканскими законами. Но осуществление этой идеи – дело сложное, ибо она не находит в республике своих сторонников. Возможно, сказывается и то, что на протяжении нескольких десятилетий государственное и партийное руководство официально рассматривало в качестве лидера женского движения Комитет советских женщин (включая его республиканские и местные комитеты).

При таком подходе и в доперестроечный период желаемое выдавалось за действительное. Не следует переоценивать влияние Союза женщин Тувы на женское движение в наши дни. Важно отметить, что значительная часть респонденток (до 60 %) уклонялась от ответа на вопрос о деятельности женских организаций, так как ничего о них не знают. Напрашивается вывод, что, к сожалению, женское движение в его существующих ныне формах поддержкой большинства не пользуется. Одной из главных причин этого, как видно из результатов опроса, является отсутствие гласности в работе женских организаций. 58 % однозначно ответили: «Ничего о деятельности республиканского Союза женщин не знаю».

На местах женщины не ощущают деятельности своих организаций, имеют слабые контакты с их руководителями. Наиболее близки к интересам людей, повседневным нуждам женские советы на производстве. Но они слишком «приземлены», занимаются вопросами досуга и далеки от политики.

Между тем женщины Тувы предпочитают, чтобы их интересы были представлены и защищены на самых высоких уровнях политической власти. Более того, чтобы это делали их лучшие представительницы – инициативные, самостоятельные, творчески мыслящие, компетентные. Речь идет не только о Верховном Хурале (парламенте) Республики Тыва. Женщины считают необходимым быть представленными и в других властных институтах: от правительства до администрации трудовых коллективов. Они выступают за свое представительство именно там, где решаются конкретные политические, социально-экономические, производственные, культурно-просветительные задачи, затрагивающие непосредственно их интересы.

Утверждение политического и идеологического плюрализма в обществе привело не только к политизации женщин, но и к определению ими своих политических симпатий и антипатий. В этом контексте представляет интерес поддержка женским общественным мнением новых партий и движений, рейтинга политических лидеров в женской среде.

Продолжает неуклонно падать рейтинг политических лидеров в женской среде: М. Горбачева, Г. Зюганова, Г. Явлинского, В. Черномырдина, А. Лебеда и особенно В. Жириновского. Лишь 9 % опрошенных ответили, что В. Жириновский и его партия вызывает симпатии против 44 %, у которых он вызывает неприязнь. Самый высокий рейтинг среди женщин у С. Шойгу, которому доверяют как лидеру партии «Единство» и его деловым качествам 68 % опрошенных. Создает впечатление честного человека (64 %), обладает политической волей, способностью принимать и проводить в жизнь государственные решения (51,2 %), обладает чувством юмора, удачно шутит (38,9%) – такие оценки качеств дали эксперты В. В. Путину.

Женщины – политические лидеры в истории Тувы – явление несравненно более редкое, чем мужчины-лидеры. Однако эти женщины широко известны: Б. Ш. Долчанмаа, Х. А. Анчимаа, Т. Ч. Норбу,

сыгравшие историческую роль и оказавшие глубокое воздействие на эволюцию политических процессов. Но в Туве в 1980–1990-е гг. женское политическое лидерство не получило широкого признания и распространения. Наоборот, отчетливо проявилась тенденция к его свертыванию и сокращению. Анализ общественного мнения женщин свидетельствует о том, что подготовка и выдвижение на авансцену общественной жизни женщин-лидеров встречает на своем пути все возрастающие трудности.

Одним из последствий политического и социально-экономического кризиса в нашей стране явилось уменьшение числа женщин во всех властных структурах и институтах, сверху донизу, в государственном аппарате, руководящих органах политических партий и общественных организаций. На выборах президента и вице-президента Республики Тыва в 1997 г. и в довыборах в Государственную Думу РФ в 2001 г. не было ни одной женской кандидатуры. И тем не менее решение этих задач является одним из необходимых условий подлинной демократизации общественной жизни.

В современных условиях женское политическое лидерство является одним из основных критериев демократизма государственного и общественного строя. Позитивный опыт накоплен во многих развитых странах. Например, в США, Англии, Германии, Грузии женщины-лидеры занимают руководящие посты в государственном аппарате, общественных организациях, сфере образования, здравоохранения, культуры, науки. А в Исландии создана и прочно удерживает позиции женская фракция в парламенте. Во многих странах действует система квотного представительства женщин в выборных органах, признанная законом. Интересны данные проведенного нами опроса о необходимости установления квоты для женщин-тувинок в органы власти. Русские это проигнорировали и с ними были солидарны мужчины-тувинцы, из которых ни один не высказался в пользу установления квоты для женщин-тувинок. И среди женщин-тувинок из 80 экспертов за введение такой квоты высказалось лишь пятеро. Объяснение этому может быть различным, отсутствие проблемы представительства женщин (хотя среди тувинских экспертов из пяти депутатов Верховного Хурала четверо мужчин и одна женщина, при том, что мужчины среди экспертов составили лишь одну треть), сохранение традиции, по которой руководитель должен быть мужчиной, и наконец было высказано мнение, что руководители должны назначаться по деловым качествам. Таким образом, мера о квоте для женщин не проявила своей актуальности⁵

Такая поразительная пассивность объясняется, по нашему мнению, недоверием женщин к лидерам, их политическому курсу, а потому нежеланием заниматься государственными делами.

В чем же причины слабого вовлечения женщин Тувы в политическую деятельность? Заметим, что 40 % респондентов положительно относятся к женщинам, занимающимся политической деятельностью. Но среди причин, мешающих активному участию женщин в общественно-политической жизни, они назвали прежде всего ущерб семье, воспитанию детей (42 %), нехватку у женщин свободного времени (22), неуважение к женщине (20 %). В связи с этим есть основание отметить отсутствие целенаправленной работы по формированию благоприятного общественного мнения вокруг женщины-политика. Здесь немало могли бы сделать средства массовой информации: газеты, радио, телевидение. Положительные примеры, конечно, есть: республиканские газета «Эне-с=з» и журнал «Кадын». Однако эти издания популярны только среди женщин. Это – «женская» печать и среди их читателей мужчин мало.

К тому же установка на карьеру как важный элемент самоутверждения и морального удовлетворения больше развита у мужчин. В женском общественном мнении служебная карьера не оценивается так высоко. На вопрос: «Что наиболее важно для современной женщины?», 86,6 % поставили на первое место семью, 80,7 % ответили, что очень важно иметь детей, на третьем месте – хороший заработок (78,5 %), на четвертом – любимая работа, профессия. Важным быть лидером в обществе (участие в политике, властных структурах) считают лишь 19,1 % опрошенных⁶

Сегодня многие женщины сознательно уходят от политики потому, что приходят к выводу о бессилии законодательной политики. Зачастую степень развития общественного сознания не соответствует тем или иным законам, поэтому возникает проблема изменения сознания как на уровне личности, так и на уровне общества. Этот процесс требует длительного времени, поколений, людей. «В подобной ситуации наиболее перспективными оказываются объединения и ассоциации, идеологически противопоставляющие себя как недавнему прошлому, так и “смутному” настоящему, составляющие основу формирующегося гражданского общества новой России»⁷

Примечания

¹ См.: *Ученые записки ТНИИЯЛИ*. Кызыл, 1957. Вып. 5. С. 295.

² Михайлов Б. В. *Гражданское общество и перспективы демократии в России*. М., 1994. С. 66.

³ Доржу З. Ю. Женщины как субъект политического процесса в Туве // 55 лет в составе России: Мат-лы науч. конф., посв. 55-й годовщине со дня вступления Тувы в состав России. Кызыл, 1999. С. 33.

⁴ См.: *Текущий архив* отдела регистрации общественных и религиозных объединений Министерства юстиции РТ.

⁵ *Проблемы развития тувинского этноса в условиях российских реформ 1990-х годов (результаты социологического опроса экспертов, проводимого под руководством Ю. В. Попкова, З. Ю. Доржу). Новосибирск; Кызыл. 2000. С. 10, 11.*

⁶ См.: *Результаты опроса по анкете «Семья-брак-родители-дети», проводимого под руководством Ю. В. Попкова. Кызыл, 2000. С. 15, 16.*

⁷ *Михайлов Б. В. Указ. соч. С. 77.*

С. А. Комиссаров
(г. Новосибирск)

ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В 2000 г. исполнилось 50 лет с того момента, когда Народно-освободительная армия Китая (НОАК) осуществила так называемое мирное освобождение Тибета (хотя и началось оно с многодневного сражения за Чамдо) в соответствии с подписанными соглашениями. В связи с юбилеем как в прессе КНР, так и в оппозиционных изданиях появились многочисленные публикации, посвященные непростой истории Тибета и судьбам его оригинальной цивилизации ¹.

Если обратиться к истокам культуры, то следует отметить, что предки современных тибетцев продемонстрировали высокую способность к адаптации своих хозяйственных, социальных, культурных обычаев к экстремальным условиям новой родины. Ведь тибетцы не всегда жили в Тибете. Точнее говоря, основой тибетского этноса была одна из ветвей древних цянских племен, пришедших на плато с севера, которые в своем постепенном продвижении на юг и восток подчинили и ассимилировали немногочисленные местные племена. О последних нам пока известно немного. Археологические памятники на территории Тибетского автономного района (ТАР) сравнительно немногочисленны, их содержание не позволяет сделать уверенных выводов о культурной и этнолингвистической характеристиках прототибетцев.

Гораздо больше сведений дошло о цянах – как благодаря упоминаниям в древнекитайских сочинениях, так и последним археологическим раскопкам. Народ этот в течение многих веков проживал в верхнем и среднем течении Хуанхэ. К протоцянским принято относить такие культуры бронзового и раннего железного веков, как цицзя, каяо, номухун, синьдянь. Некоторые исследователи видят истоки цянской общности в позднелеолитической (или энеолитической) культуре мацзяяо ².

Китайский иероглиф, соответствующий этнониму, состоит из двух частей: человек и овца, – и, очевидно, указывает на главный вид хозяйственной деятельности цянов. Этот знак встречается уже в составе самых ранних письменных памятников Китая. В гадательных надписях на лопатках баранов и панцирях черепах отразились непростые отношения цянов с создателями первого китайского государства Шан-Инь. В основном иньские правители-ваны вопрошали Верховное божество (Шан-ди) об успехе многочисленных военных экспедиций против цянов. Они использовали пленников на различных работах: при загонной охоте, выпасе скота, обработке земли, а также десятками и сотнями приносили в жертву своим предкам.

Не удивительно, что цяны оказались в составе антииньской коалиции, которую в конце XI в. до н. э. составили родственные им (как по культуре, так и по брачным связям) чжоусцы. Цянские воины участвовали в большом сражении при Муе, где чжоусцы одержали решающую победу. За эту помощь представители цянской знати из рода Цзян получили от новых правителей несколько крупных уделов в различных частях прежних иньских владений. Однако большая часть цянов осталась вне пределов новой державы. На протяжении последующего тысячелетия чжоуские, циньские, а затем и ханьские властители вели непрестанную борьбу за полное подчинение своих воинственных соседей. В результате значительная часть западных цянов вынуждена была откочевать на запад, в район современных провинций Ганьсу – Цинхай. Первое такое масштабное переселение произошло еще в начале IV в. до н. э. под руководством вождя Ин Бяня ³. А в ханьскую эпоху цянские племена (фацян, танмао) были вытеснены в более южные гористые районы, однако не только смогли выжить в тех суровых условиях, но и, смешавшись с местными племенами, положили начало новому могучему этносу ⁴. Именно в Южном Тибете, в долине р. Ярлунг, правители «племени шести яков» предприняют первую попытку создания собственной правящей династии ⁵.

Необходимо подчеркнуть, что процесс этногенеза народа Бод (как называют себя сами тибетцы) и формирование национального государства осуществлялись с исторически сжатые сроки. Уже в ис-

точниках первой половины V в. н. э. упоминается предводитель Фаньни, ушедший за Хуанхэ и основавший «государство среди цянов, территория которого простиралась на тысячу ли. Фаньни властвовал милосердно, и потому его полюбили все цяны. Он привел их всех под свою власть». Предположительно, Фаньни китайской летописи соответствует легендарному государю (по-тибетски – цэнпо) Ньятри, который правил в Южном Тибете. По преданию Ньятри-цэнпо обладал необычными внешними данными, в том числе между пальцами рук и ног у него имелись перепонки, как у гуся⁶ По мнению исследователей, такая черта указывала на тотем клана, из которого происходил правитель (например, клан Бья из южной области Ярлунг имел своим тотемом птицу).

Развитие Тибета в историческое время изобиловало многочисленными драматическими событиями⁷ Из числа ранних правителей самым знаменитым был Сонгцэн Гампо (Сронцзан-гамбо) (613–649 гг.). При нем не только укрепилась центральная власть и расширились границы государства, но и произошло первое официальное знакомство с буддизмом. Ко времени его правления относятся также и разработка собственной письменности; для этого Тхонми Самбхота в 632 г. специально отправился в Кашмир, где и создал тибетский алфавит на основе индийского письма нагари. Собственная письменность позволила тибетцам создать развитую литературную традицию⁸

Большое значение имела женитьба Сонгцэна Гампо на китайской принцессе. Это событие не только вошло во все китайские и тибетские летописи⁹, но стало достоянием фольклора. Легенда дошла до наших дней в многочисленных житийных и сказочных вариантах¹⁰ Но реальная действительность имела значительные отличия от сказочного сюжета. Первое сватовство состоялось в 634 г., но встретило отказ, поскольку танский двор не считал «диких» тибетцев ровней себе и поначалу не стремился строить с ними «отношения, основанные на родстве». Тогда цэнпо посылает большую армию, которая сначала захватывает вассальное Китаю государство Тогон, а затем вступает в бой с имперскими войсками в Сычуани. После этого танскому владыке волей-неволей приходится согласиться на брак и принцесса Вэнь-чэн отправляется в далекую Лхасу. С собой она везет священные книги буддийского канона и большую статую Будды. Ей удалось обратить в истинную веру мужа и его приближенных, а те, в свою очередь, распространили власть Закона на всю страну¹¹

Через несколько столетий подобная история почти в точности повторилась на другом конце материка, где также энергичный правитель недавно еще отсталой, по сути, варварской страны, опираясь на военную мощь, потребовал от соседней великой империи равноправных отношений, подтверждением чему должна была стать его женитьба на принцессе императорского дома. Речь идет о князе Владимире, впоследствии канонизированном Русской православной церковью и названного Равноапостольным. Захватив крымские владения Византии, он потребовал в жены Анну, сестру тогдашних императоров-соправителей. С этим браком началось массовое распространение на Руси христианства.

При всех несомненных различиях в этих ключевых эпизодах из истории двух народов их объединяет главное: молодое, растущее государство выходит на международную арену, а для самоопределения обращается к новой религии, более глубокой и совершенной, чем местные культы.

При приемниках Сонгцэна Гампо тибетская конница вырывается на равнину. Период примерно в двести лет (с середины VII по середину IX в.) можно назвать эпохой «тибетского великодержавия». Несмотря на внутренние распри, тибетцы смогли взять под контроль так называемый Ганьсуский коридор и тем самым отрезать Китай от Западного края, взяв под контроль «Великий Шелковый путь». Во всех городах Восточного Туркестана стояли тибетские гарнизоны. Их военные успехи (а тибетцы ходили походами вплоть до Самарканда) обеспокоили даже багдадских халифов. Успешные войны велись против южного государства Наньчжао, некоторых индийских государств, тюркских племен. В 763 г., воспользовавшись мятежом Ань Лушаня, тибетцы захватили и дотла разграбили Чанъань, столицу Танской империи¹² По мирному договору с Китаем от 822 г. границы Тибета простирались на огромное пространство – от пустыни Гоби на севере до Гималаев на юге, от Семиречья на западе до среднего течения Хуанхэ на востоке. Столь же успешными вплоть до середины IX в. были войны с уйгурскими правителями¹³

Однако со второй половины IX в. все усиливающийся натиск со стороны противников заставляет тибетцев постепенно оставить захваченные земли и укрыться за горными цепями. В стране вспыхивают кровавые распри между кланами. Она распадается на отдельные княжества.

Начиная с XIII в. большую роль для Тибета играют контакты с Монголией. Вновь молодое, растущее государство (в данном случае – Монгольское) проявляет интерес к обретению более совершенной религии. Еще Потрясатель Вселенной Чингис-хан направил настоятелю одного из ведущих монастырей Сакья следующее письмо, написанное в свойственном ему энергичном стиле: «Святой! Я очень хотел тебя пригласить; но я не сделал этого, так как мои мирские дела еще не закончены. Отсюда доверяюсь тебе – от себя храни меня!» В северные степи устремляются тибетские проповедники. Им приходится доказывать совершенство своей религии не только в диспутах с мусульманскими, несторианскими и католическими миссионерами, но и в соревновании с местными шаманами в применении медицинских познаний и различных магических приемов. Однако наследники великого гуру

Падмасамбхавы, создавшего буддийский тантризм, оказались на высоте. Их деятельность увенчалась успехом, и после 1260 г. великий хан Хубилай предоставил буддизму исключительное положение в созданной им гигантской империи Юань, а своему наставнику Пхагпа-ламе даровал власть над всем Тибетом. Так с помощью монгольских солдат началось формирование тибетской теократии. Важным этапом в ее развитии стала религиозная реформа, проведенная на рубеже XIV–XV вв. вероучителем Цзонхавой (1357–1419 гг.). Он учил тому, что буддизм уже разделялся на три «потока» (хинаяну, махаяну и ваджраяну) после вхождения в нирвану Шакьямуни. Затем их объединил воедино Атиша, проповедовавший в Тибете в XI в., но после смерти наставника традиция передачи Закона вновь распалась. И задача истинного буддиста – добиться их нового и окончательного слияния.

Цзонхава прославился и как мыслитель – автор многочисленных сочинений, и как проповедник, а также устроитель монастырей¹⁴. Он глубоко разбирался в буддийской метафизике, но на первый план сознательно выдвигал более простые толкования и символы. Он оперировал не такими сложными для простых людей понятиями, как сансара и нирвана, а более простыми (ад и рай), в которых каждый человек получал поощрение или наказание в соответствии с поведением при жизни. Таким образом, сформировавшееся представление о загробной жизни фактически признавало существование души, что противоречило положениям раннего буддизма.

Вероучитель отвергал грубые формы магии, но считал возможным с помощью особых магических средств ускорить обретение истинного знания. Особая роль отводилась духовному наставнику – ламе, который приравнивался к живому воплощению бога. К «трем драгоценностям» классического буддизма (Будда, Учение, община монахов) была добавлена четвертая. В результате «символ веры» последователей Цзонхавы обрел следующую форму: «Преклоняюсь перед Буддой, преклоняюсь перед Учением (Законом), преклоняюсь перед общиной и преклоняюсь перед своим духовным учителем» («Намо Буддая, намо Дармая, намо сангая, намо лама»).

Новое направление получило название Гелугпа, или Школа добродетели, а также Шасэр («Желтая шапка», поскольку цвет головного убора отличал приверженцев школы от «красношапочников» – тантристов). Ее отличала не только теоретическая глубина, но и внешняя сторона: строгий, почти аскетический монастырский устав, пышные обряды и ритуалы, активное использование произведений искусства. Рассчитанная на все слои населения (всего выделялись три категории мудрости, которая вела к спасению), Гелугпа завоевывала все больше сторонников. Постепенно она не только заняла господствующее положение в Тибете и распространилась на всю Монголию, но и проникла далее на север, в Бурятию, и на восток, в Джунгарию. Именно иерархи Гелугпы упрочили связи с монгольскими правителями и, опираясь на их поддержку, сумели объединить в своих руках духовную и светскую власть¹⁵.

В 1578 г. предводитель монголов-тумэгов Алтын-хан впервые даровал настоятелю Школы добродетели Соднаму Джамцо титул Далай-ламы, что означает «лама безбрежный [в своей мудрости, учености, добродетели, святости и т. п.] как океан». Внук Алтын-хана стал четвертым Далай-ламой, и он впервые даровал своему наставнику титул Панчен-ламы («Великого Учителя»). Опираясь на монгольскую кавалерию, Далай-ламы преодолели ожесточенное сопротивление других сект и отдельных феодалов, постепенно сосредоточив в своих руках высшую духовную и светскую власть.

Политику активного вмешательства в тибетские дела пытались продолжить императоры маньчжурской династии Цин. В конце концов, путем сложных интриг и прямых военных действий им удалось разместить в главных городах горной страны свои гарнизоны, а в Лхасу направить эмиссаров-амбаней, которые имели широкие полномочия, вмешиваясь даже в выборы Далай-лам. Цинские войска не смогли защитить Тибет от набегов непальских гурков и тем более от английского вторжения 1903–1904 гг.¹⁶, однако вполне эффективно подавляли выступления местных вождей против маньчжурского засилья. Одновременно осуществлялась политика отторжения от Тибета его северных и восточных окраин, в результате чего такие исторические области, как Амдо¹⁷ и значительная часть Кхама, вошли в состав китайских провинций.

Под влиянием Синьхайской революции 1911–1912 гг., свергнувшей в Китае господство цинских правителей, в Тибете поднялось восстание, китайские гарнизоны были эвакуированы. В 1913 г. Далай-лама XIII впервые официально декларировал независимость своего государства. При этом тибетские лидеры использовали и чисто формальную ситуацию, поскольку после революции «...исчезла сама основа, определявшая статус Тибета в составе империи», т. е. личные вассальные отношения Далай-лам по отношению к маньчжурским династиям, «или, как считали в самом Тибете, система “чход-йон”, понимаемая как принятие главы суверенного государства (императора) в ученики и милостынедатели теократического иерарха»¹⁸. В 1917–1918 гг. тибетские войска смогли даже отвоевать часть Кама и вновь занять г. Чамдо. В целом правительство Далай-лам в течение первой половины XX в. пыталось проводить независимую политику, используя для этого противоречия между державами. Стремясь к полной независимости, тибетское руководство отказалось от участия в войне против японских милитаристов и даже отказалось предоставить свою территорию для транзита военных грузов союзников к местам сражений в Бирме и Южном Китае.

После завершения в 1949 г. Народной революции и свержения гоминьдановского правительства политическая элита тибетского общества попыталась воспользоваться ситуацией временной неразберихи и 4 ноября 1949 г. вновь провозгласила независимость страны. Однако коммунистическое правительство практически в самые первые дни своего существования заявило о неделимости всех китайских земель. Используя определенные трения между высшими ламаистскими иерархами, Пекин хотел «освободить» Тибет. Преодолев слабое сопротивление, части НОАК вступили на плато¹⁹. С высшими иерархами после непростых переговоров было заключено соглашение из 17 пунктов, подписанное 23 мая 1951 г. в Пекине и определявшее национальную автономию Тибета в составе КНР, но при сохранении местных органов власти и всей религиозно-культурной специфики²⁰. В разработке этого документа активное участие принимал Дэн Сяопин. По мнению тибетского историка Церинга Шакья, по своим главным идеям он предвосхищает будущую концепцию «одна страна, две системы», на основе которой к материковому Китаю были присоединены Гонконг и Макао²¹.

В первые несколько лет после этого события сотрудничество старых и новых властей имело прогрессивный характер и позволило начать ликвидацию наиболее одиозных феодальных пережитков (таких как рабство и основанное на крепостничестве монастырское и помещичье землевладение)²². Однако при этом не учитывалась специфика организации монастырской жизни, связь с церковью значительного числа населения²³. Грубое вмешательство китайских чиновников во внутренние дела тибетцев, «утеснение» ламаистской веры вызвало противодействие со стороны местного населения, которое переросло в вооруженное восстание. После беспримерных жестокостей, проявленных с обеих сторон, восстание было подавлено, и в 1959 г. Далай-ламе вместе с тысячами других изгнанников пришлось бежать в Индию. Тем самым, по мнению китайского руководства, он потерял моральное и юридическое право возглавлять тибетскую администрацию. В итоге 1 сентября 1965 г. на правах национально-территориальной автономии был образован ТАР.

В настоящее время правительство Его Святейшества, сформированное в изгнании, требует предоставления Тибету государственной независимости, находя в этом поддержку у значительной части международного сообщества. В качестве первого этапа сформулирован «мирный план из пяти пунктов», предусматривающий: 1) превращение всего Тибета, включая восточные области Кхам и Амдо, в Зону ахимсы (ненасилия); 2) отказ от китайской миграционной политики; 3) уважение основных прав и демократических свобод тибетского народа; 4) восстановление и охрана окружающей среды в Тибете; 5) начало переговоров о будущем статусе Тибета и об отношениях между тибетским и китайским населением²⁴. Для такого подхода имеются, как мы пытались показать в предшествующем кратком обзоре, весомые исторические и культурные основания. Однако реальность нынешней геополитической ситуации состоит в жестком контроле над Тибетом со стороны руководства КНР, которое отнюдь не собирается от него отказываться. Во-первых, правители Китая на протяжении всей истории страны исходили из априорного принципа концентрации, а не раздачи контроля над территориями (другое дело, как удавалось реализовывать этот императив на практике). Во-вторых, гипотетическая утрата Тибета могла бы серьезно усложнить геостратегическое положение КНР на юго-западном направлении, поставить под угрозу важнейшее Каракорумское шоссе, обеспечивающее (через Пакистан) выход к Индийскому океану. В-третьих, это создало бы нежелательный пример для других сепаратистских движений национального толка (в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Внутренней Монголии, среди ряда народов Юго-Востока). Поэтому рассчитывать на какие-то подвиги в данном вопросе с китайской стороны не приходится.

Следует также отметить и несомненно положительные черты в современной жизни тибетского народа. Если в годы недоброй памяти «культурной революции» пострадали многие монастыри и храмы (впрочем, как и во всем Китае), то теперь верующим предоставлена возможность практически свободно исповедовать свою религию и исполнять необходимые обряды. С началом экономических реформ были достигнуты определенные успехи (при всех оговорках) в повышении производства сельскохозяйственной продукции²⁵. Всего за прошедшие 50 лет ВВП Тибета увеличился в 30 раз, средняя продолжительность жизни возросла с 36 до 67 лет. После визита в 1980 г. Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана, призвавшего решительно покончить с нищетой, и особенно после принятия под руководством нынешнего Председателя КПК и КНР Цзян Цзяминя «плана по ускоренному развитию западных районов» Пекин уделяет большое внимание комплексному подъему народного хозяйства ТАР и направляет туда значительные инвестиции. Темпы прироста производства стабильно превышают общекитайский уровень, достигая 12–13 % в год. В качестве крупнейшего народнохозяйственного проекта следует отметить план постройки первой в истории горной страны Цинхай-Тибетской железной дороги от Голмуда к Лхасе, протяженностью около 1 100 км, которая будет сооружена в течение ближайших шести лет и окончательно откроет край для всего мира. Затраты составят 13 млрд юаней, что примерно равно годовому ВВП автономного района. Выступая на Всекитайском совещании по развитию Тибета председатель Госсовета Чжу Жунцзи назвал следующие цифры: центральное правительство приняло решение о финансировании на территории ТАР 117 строительных

объектов с общей суммой инвестиций 31,2 млрд юаней (3,8 млрд американских долларов); кроме того, правительства других провинций КНР финансируют еще 70 проектов на сумму 1,06 млрд юаней (130 млн долларов)²⁶ Причем, зная динамику развития китайской экономики последних лет, можно быть уверенным в том, что эти грандиозные задачи будут выполнены.

Но и в резиденции Далай-ламы разрабатываются планы преобразования социально-экономической и политической жизни страны на демократических основах, с учетом интересов всех слоев населения²⁷ Таким образом, вопрос о статусе «Страны гор и снегов» отнюдь не однозначен и требует большой осторожности. Необходимо, чтобы в решении этой проблемы был неукоснительно соблюден главный принцип буддийской религии – принцип ненасилия.

Сложность ситуации вокруг тибетско-китайских отношений необходимо учитывать и на региональном уровне при осуществлении соответствующих международных связей. Не секрет, что все визиты Его Святейшества Далай-ламы XIV в другие страны проходят под пристальным вниманием со стороны Пекина. Любая вольная или невольная попытка придать этим визитам официальный статус может вызвать достаточно резкую, даже не всегда адекватную реакцию с китайской стороны, которая рассматривает подобные действия как вмешательство во внутренние дела КНР. Поэтому при контактах с Его Святейшеством, а также с его представителями и посланниками необходимо проявлять максимальную осторожность и тщательность в вопросах протокола. Российским руководителям всех рангов (в том числе тех регионов, где преобладает ламаистская конфессия) следует в таких случаях специально подчеркивать, что они выступают как частные, а не как официальные лица, чтобы не усложнять и без того непростую ситуацию вокруг Тибета.

Примечания

¹ *China Today*. 2001. Vol. 50, № 5. P. 6–18; *TIN special report* // <http://www.tibetinfo.net/news-updates/nu200501.htm>

² *Гай Шаньлинь*. Сычоу чжи лу цаюань миньцзу вэньхуа [Культура степных народов на Шелковом пути]. Урумчи, 1996. С. 57, 58.

³ *Лю Гуанчжэао*. Цяны // Чжунго да байкэ цюаньшу: Миньцзу [Большая китайская энциклопедия: Этносы]. Пекин; Шанхай, 1986. С. 369, 370.

⁴ См.: *Гумилев Л. Н.* Древний Тибет. М., 1996. С. 215–256, 318–321. Потомками древних цянских племен считают также и небольшую этническую группу сычуаньских цянов (*Кычанов Е. И.* Сычуаньские цяны // Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972. С. 56–59).

⁵ *Чан Фэнсюань*. Тибетцы // Чжунго да байкэ цюаньшу: Миньцзу [Большая китайская энциклопедия: Этносы]. Пекин-Шанхай, 1986. С. 527.

⁶ См.: *Ньатри Цампо* // Волшебное сокровище: Сказки и легенды Тибета / Сост. С. А. Комиссаров. Новосибирск, 1997. С. 30.

⁷ Труды по истории Тибета на русском языке писали еще классики отечественного востоковедения Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев, Г. Ц. Цыбиков, а также Н. В. Кюннер и Л. Н. Гумилев. Из числа обобщающих работ современных исследователей следует назвать книги: *Богословский В. А.* Очерк истории тибетского народа: (Становление классового общества). М., 1962; *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. М., 1975; *Богословский В. А.* Тибетский район КНР (1949–1976). М., 1978; *Беспрозванных Е. Л.* Буддизм и политика: Лидеры Тибета в XVII–XVIII веках. Волгоград, 1998.

⁸ См.: *Востриков А. И.* Тибетская историческая литература. М., 1962.

⁹ *Дугаров Р. Н.* Повествование о женитьбе Сонцэнгампо в «Дэбтэр-чжамцо» // 16-я науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М., 1985. Ч. 2.

¹⁰ См., например: *Женитьба Сонгцэна Гампо* // Волшебное сокровище. С. 31–34.

¹¹ Этому помогала и вторая жена Цэмпо – непальская княжна Бхрикути. В последующей традиции обе замечательные женщины почитались как земные воплощения Белой и Зеленой Тары соответственно.

¹² *Малаякин А. Г.* Борьба Тибета с Танским государством за Кашгария. Новосибирск, 1992.

¹³ *Малаякин А. Г.* Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 136–146.

¹⁴ *Цыбиков Г. Ц.* Цзонхава и его сочинение «Лам-рим чэн-по» // *Цыбиков Г. Ц.* Избр. труды: В 2 т. Новосибирск, 1991. Т. 2.

¹⁵ См.: *Кочетов А. Н.* Ламаизм. М., 1973.

¹⁶ После кратковременной оккупации страны англичане предпочли использовать «тибетскую карту» для достижения наиболее выгодного для себя договора с Россией 1907 г. (по размежеванию интересов во всей территории Дальнего и Среднего Востока). О международных интригах вокруг Тибета см.: *Леонтьев В. П.* Иностранная экспансия в Тибете в 1888–1919 гг. М., 1956; *Кулешов Н. С.* Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992.

¹⁷ На территории Амдо, где сейчас расположена китайская провинция Цинхай, вплоть до последнего времени абсолютно преобладало тибетское население. См.: *Дугаров Р. Н.* Очерки истории и культуры Амдо (VII–XIX вв.). Улан-Удэ, 1995.

¹⁸ *Богословский В. А., Москалев А. А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 39.

¹⁹ *Гуревич Б. П.* Освобождение Тибета. М., 1958.

²⁰ *Yuan Shan*. The Dalai Lama and the Seventeen-Article Agreement. Beijing, 1991.

²¹ *Tsering Shakya*. The Dragon in the Land of Snows. L., 1999 (Цит. по: *TIN special report*...).

²² *Social History of Tibet, China. Documented and Illustrated* / Ed. by Jin Hui, Ren Yinong, Ma Naihui. Beijing, 1995. P. 56–93; см. также: *Carrasco P.* Land and Polity in Tibet. Seattle; L., 1959.

²³ *Богословский В. А.* Буддийская церковь в Тибете и ее современное положение // Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972.

²⁴ *Лекция при получении Нобелевской премии мира 11 декабря 1989 года // Далай-лама XIV. Буддизм Тибета.* М.; Рига, 1991. С. 96–101.

²⁵ См.: *Богословский В. А.* Тибет после Мао Цзэдуна: (Социально-экономическая политика в сельских районах Тибета в 1977–1987 годах). М., 1996.

²⁶ *Chinese Leaders Holds Meeting on Tibet (CCTV)* // http://www.tibetinform.com/tibet50-en/reports/doc/re_26.htm. Следует отметить, что с заглавной речью на совещании выступил Председатель Цзян Цзэминь; среди присутствующих также были Ли Пэн и Ли Жуйхань.

²⁷ Так, создана Конституция, предусматривающая создание правительства, ответственного перед парламентом и т. д. См.: *Тибет: Правда, основанная на фактах* (Издание Департамента информации и международных отношений Центральной тибетской администрации Его Святейшества Далай-ламы). Дхармасала; М., 1993–1994. С. 51, 52.

Ю. С. Ангаева
(г. Улан-Удэ)

«КИТАЙСКИЙ ФАКТОР» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ВОСТОЧНОСИБИРСКОГО РЕГИОНА

Сибирь, как часть российского государства, как известно, на востоке граничит с таким экономическим гигантом, как Китай. Экономические успехи КНР действительно поражают: страна, которая еще два десятилетия назад отличалась низким уровнем развития экономики и всеобщей бедностью населения, в настоящее время выходит в лидеры экономического роста.

Существуют прогнозы, что Китай до 2020 г. обгонит Японию и США и станет самой мощной в экономическом отношении страной мира. Некоторые сянганские финансисты полагают, что в XXI в. Китай станет главным двигателем экономического роста АТР¹

З. Бзежинский, который в 1991 г. одним из первых сформулировал основные этапы будущего развития Китая, предсказал этому государству самые высокие в мире темпы экономического роста в конце XX в., вследствие чего к 2010 г. Китай наряду с США, Японией и ЕС образуют экономический и финансовый четырехполюсник, потенциально не имеющей конкурентов на мировых товарных и финансовых рынках. Он предположил, что к 2020 г. Китай по уровню экономического развития выйдет на третье место в мире, а к 2090 г. превратится в крупнейшую сверхдержаву².

В современном Китае существует множество глубоких противоречий и исторически сложившихся проблем: гигантская перенаселенность; дефицит пахотной земли, воды, многих видов сырьевых ресурсов; разрушение окружающей среды и отсутствие мер по ее защите; все более усиливающаяся неравномерность развития регионов; усиление имущественной поляризации и социальной дифференциации населения; переориентация моральных ценностей в сторону открытого стремления к обогащению и свободы рыночных отношений; некоторое несоответствие официальной социалистической идеологии социально-экономическим процессам, происходящим в обществе. Как следствие этого, в стране возникает некоторый идеологический вакуум, который попытались заполнить некоторые предприимчивые люди типа Ли Хунчжи – лидера религиозного движения (секты) Фалуныгунь.

Но несмотря на отмеченные проблемы, потенциал экономики КНР велик и правительство достаточно успешно справляется с задачами экономического развития страны. Фактор демографического давления в КНР играет огромную роль. Для сравнения, в настоящее время численность российских граждан, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке, составляет 32 млн человек, в то время как население приграничных провинций Китая насчитывает 100 млн человек³. Причем численность российских граждан, проживающих в регионе, неуклонно сокращается. Точное число китайцев, живущих и работающих в Сибири и на российском Дальнем Востоке, неизвестно, а приводимые в печати оценки разноречивы: от нескольких тысяч до 2 млн человек⁴. Поэтому в силу демографического давления в КНР миграция китайского населения в приграничные и редконаселенные районы Сибири и Дальнего Востока будет только нарастать.

В последнее время регион стал активно привлекать китайских рабочих, главным образом в сельском хозяйстве и строительстве. Набор иностранных рабочих осуществляется по двум каналам: на

основе межправительственных соглашений и договоров между предприятиями. Китайские рабочие ввозятся в Россию главным образом по соображениям дешевизны их труда. В отличие от негативного образа китайских работников, сложившегося в общественном мнении россиян, руководители предприятий отзываются о них положительно, отмечая высокую производительность и их дисциплинированность. Хотя оплата труда российских и китайских рабочих различается незначительно, привлечение последних позволяет предприятиям экономить на дополнительных выплатах, в частности на строительстве жилья. Кроме того, китайские рабочие помогают решать проблему нехватки рабочей силы, особенно в сельском хозяйстве, а в строительстве они демонстрируют лучшую подготовку и дисциплину, что позволяет сокращать сроки строительства. Они способны выполнять все виды строительных работ, за исключением возведения фундаментов. В настоящее время в Сибири и на Дальнем Востоке официальные лица признают необходимость привлечения иностранных рабочих.

Активизация внешнеэкономической деятельности России и в особенности ее регионов является характерной чертой развития современной экономики. Особое место в этом процессе занимают регионы Сибири и Дальнего Востока. Они играют ключевую роль в развитии внешнеэкономических связей между Российской Федерацией и КНР. В табл. 1 приведена внешняя торговля Республики Бурятия с КНР в 1995–1999 гг. (в тыс. дол. США):

Таблица 1

	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Экспорт товаров в Китай	22 743	41 171	50 207	35 300	58 501
Импорт товаров из Китая	12 659	9 413	10 033	9 255	3 218

В 1999 г. в общем объеме экспорта товаров Республики Бурятия на долю Китая приходилось 64,6 %, Монголии – 22,3, Японии – 9, США – 0,07 %. В импорте преобладали поставки из Монголии – 37,1 %, Китая – 25,2, США – 16,7, Японии – 9,9 %. Как видно из статистических данных, Китай является одним из самых крупных торгово-экономических партнеров Республики Бурятия по внешнеэкономическим связям.

Товарная структура экспорта Республики Бурятия в Китай в основном включает: шкуры крупного рогатого скота, лесо- и пиломатериалы, бумагу и картон, цветные и черные металлы. Табл. 2 отражает экспорт и импорт Республики Бурятия в Китай (в фактически действовавших ценах, тыс. дол. США).

Таблица 2

	2000 г.	1999 г.	2000 г. (в % к 1999 г.)	Удельн. вес товара в общем объеме экспорта (импорта) страны-партнера, %
Экспорт Республики Бурятия в Китай				
Шкуры крупного рогатого скота	604	214	в 3 р.	1
Лесоматериалы необработанные	3 2458	33 156	116	55
Пиломатериалы	2 546	1 842	138	4
Бумага и картон	2 274	1 852	123	3
Отходы и лом черных металлов	6 445	2 568	в 2,5 р.	9
Рельсы использованные	1 473	1 848	80	2
Импорт республики Бурятия из Китая (тыс. дол. США)				
Мясо и мясные субпродукты	204	360	57	7
Фрукты	1 294	1 349	96	43
Овощи	189	507	37	6
Продукция мукомольно-крупяной промышленности	262	324	81	9

Из общего объема всех внешнеторговых сделок около 7 % явились бартерными (в 1998 г. такие сделки составили 23 %, в 1999 г. – 13 %). Товарная структура экспорта в 2000 г. не отличалась от предыдущих периодов и характеризовалась преобладанием древесины и изделий из нее и продукции топливно-энергетического комплекса (71 %). Лидирующую позицию в экспортных поставках в республике занимали древесина и изделия из нее. Так, вывоз лесоматериалов в общем объеме экспортируемых республикой товаров составил свыше 37 %. Основным потребителем древесины является Китай.

По данным, опубликованным в российской печати, с 1998 г. в Сибири ежегодно наблюдается рост объемов вывозимого леса. В 2000 г. Бурятия экспортировала 680 тыс. м³ древесины, что на 2,5 % выше показателей 1999 г. Иркутская область за это время увеличила поставки почти в 1,5 раза: с 2,5 до 4 млн м³. Многие предприниматели – экспортеры леса и металла РБ, отмечают наличие множества бюрократических препон и преград, с которыми приходится сталкиваться в процессе работы, что, по их мнению, создает дополнительную почву для расцвета коррупции и взяточничества. Нерациональность некоторых ведомственных органов, в функции которых входит государственное экономическое регулирование и контроль на макроуровне, приводит к децентрализации управления. Это серьезно сказывается на экономической эффективности приграничной торговли, отрицательно воздействует на торговлю региона, инвестиционную активность. В таких областях, как установление цен, информационное обслуживание, таможенные правила, товарная экспертиза, технический контроль, транспортировка, не хватает согласованности и единства между ведомствами, в чьи функции входит осуществление государственного экономического регулирования и контроля на макроуровне.

Более тесной формой сотрудничества Китая и Сибири является совместное предпринимательство. По данным Госкомстата Республики Бурятия, наибольшее количество предприятий создано с Китаем – 79, с Монголией – 28, со странами СНГ – 22 предприятия. В 1997 г. совместных предприятий с Китаем зарегистрировано – 77, в 1998 г. – 16, в 1999 г. – 12, из них в промышленности – 4, в легкой промышленности – 2, в пищевой – 1, в других видах промышленности – 1, сельском хозяйстве – 1, торговле и общественном питании – 3. В 2000 г. совместных предприятий с Китаем зарегистрировано 10. Однако совместное предпринимательство в республике не получило должного развития, большинство зарегистрированных предприятий не действует. После регистрации не все предприятия сразу же приступают к активной деятельности. Многие занимают позицию «выжидания». Кроме того, часть предприятий, фактически прекратив деятельность, не оформляет свою ликвидацию. Поэтому все же хотелось бы отметить, что уровень развитости торгово-экономических отношений Бурятии с КНР находится не на должном уровне. Сибирь, в частности Бурятия, могла бы более выгодным образом воспользоваться своим географическим приграничным положением, следовало бы создавать более благоприятные условия для притока иностранных инвестиций в регион, что, в свою очередь, дало бы новые рабочие места и приносило бы дополнительные доходы в местный бюджет.

Примечания

¹ *Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10: Китаеведение. 1994. № 3. С. 3–25.*

² *Малевиц И. А. Внимание, Китай. Минск, 2000.*

³ *Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10: Китаеведение. 1996. № 2. С. 3–7.*

⁴ Там же.

⁵ *Московский комсомолец. 2001 г. 19–26 июля.*

Ю. А. Азаренко
(г. Новосибирск)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В УПРАВЛЕНИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ НА ТАЙВАНЕ

Речь является одним из самых очевидных маркеров принадлежности индивида к определенному народу, поэтому власти для эффективности управления стремятся соответствовать общераспространенному языку. Заинтересованные в сближении с широкими народными массами деятели в духе популизма выбирают для общения нелитературную языковую форму: используют сленг, местные говоры, диалектные словечки, нарочито грубую лексику. Иногда политические группировки, представляющие разные части страны, допустим, интересы неравномерно развитых юга и севера, используют различные диалекты и языки. В многонациональном государстве проблема государственного языка нередко стоит весьма остро, и от ее решения зависит благополучие общества в целом. Может сложиться ситуация, при которой язык политической элиты не совпадет с общенародным, например если к власти приходят религиозные круги, говорящие на языке, отличном от национального, националисты-представители малочисленного этноса страны или иноплеменные, иностранные завоеватели. Как правило, изменения в языковой политике без внешнего вмешательства в дела государства наступают в тесной связи с приходом к власти новых политических сил, сыгравших на этническом самосознании. Национальная оппозиция часто пользуется местным языком, подчеркивая противостояние «свои—чужие». Придя к власти, новые национальные правительства, руководствуясь положением о том, что «государственный язык – основа независимости», с одной стороны, принимают все меры к его укреплению и популяризации, а с другой – используют репрессивный аппарат для его «защиты», в том числе административные наказания за его умышленное и неправомерное ограничение в использовании, квотирование радио- и телепередач на ненациональных языках. В ряде стран постсоветского пространства русские подвергаются дискриминации по национальному признаку, несмотря на то что составляют значительную часть населения и их вклад в экономику и культуру очевиден. Но именно сохранение ориентации на Россию способствует признанию вторым официальным языком русского, например, в Киргизии. По отношению к русскому языку легко видеть, что свое будущее Украина или страны Балтии прочно связывают с Западом. Кроме того, сегодня законодатели, руководствуясь внешнеполитическими интересами, могут сделать одним из официальных языков иностранный. Например, в Якутии рабочим языком объявлен английский.

В случаях изменения статуса территории вследствие ее захвата в результате военных действий языковая политика также часто становится объектом пристального внимания. Расширяя территорию с долговременными планами, агрессор, как правило, стремится подвергнуть население ассимиляции. Так, японский милитаризм придавал большое значение политике «японизации» захваченных областей. В свое время китайская культурная экспансия способствовала сложению ареала иероглифической письменности, включавшего в себя Корею, Вьетнам, Японию. Примером другого рода может стать КНР, где во время культурной революции активная политика распространения общекитайского языка *путунхуа* значительно ущемляла права неханьцев.

Результатом изменения языковой политики в большинстве случаев оказывается недовольство некоторой части населения, оказавшейся заложником реформы. В зависимости от количества и политической активности пострадавших и степени компромиссности режима может развиваться внутренний конфликт той или иной степени тяжести. В целом можно выделить две ситуации, в которых актуализируется вопрос о языке: 1) внутри разнородного в языковом отношении, но культурно и исторически единого социума при переходе власти к новым силам, представляющим ранее притесняемое население и 2) в обществе, где власть перешла к чуждому этносу.

Для предметного рассмотрения проблемы используем пример небольшой китайской территории – Тайваня накануне и после Второй мировой войны, где за относительно небольшой исторический отрезок произошли изменения двух выделенных типов.

До 1945 г. остров с преобладанием китаеязычного населения в течение полувека находился под японской оккупацией и наблюдался второй тип ситуации, когда на колонию был распространен государственный язык метрополии – японский. Затем Тайвань вернулся под юрисдикцию Китая, представленного гоминьдановским правительством. Новый государственный язык также в определенном смысле оказался для острова привнесенным: на Тайване существовали южные диалекты китайского (южно-миньский, или хэло, и хакка), разительно отличающиеся от китайского общепринятого языка, базирующегося на северных диалектах. Администрация прилагала все усилия, чтобы родные языки тайваньцев уступили свое место государственному не только в официально-деловой сфере, но и на

бытовом уровне. Несколько десятилетий совместного государственного строительства способствовали тому, что резкая грань между коренным и прибывшим в 1949 г. населением постепенно исчезла, о чем говорит выдвинутая президентом Ли Дэнхуем концепция «новых тайваньцев» – граждан единого общества, в котором нет прежних различий между местным и пришлым населением¹. С 1970-х гг. в ряды активных функционеров Гоминьдана начинают принимать «коренных» тайваньцев². Тем не менее продолжала существовать оппозиция правящей партии, и именно политики местного происхождения составили ядро неформального объединения «Данвай», преобразованного в 1986 г. в Демократическую прогрессивную партию (ДПП). В результате демократизации 1990-х гг., роста популярности ДПП и ее прихода к власти положение хэло – диалекта большинства населения, функционально сравнялось с государственным языком *гоюем*. Изменения 1990-х гг. в языковой сфере мы рассматриваем как события, соответствующие primero из выделенных типов ситуаций.

Языковой фактор был важной составляющей государственной политики при японской ассимиляции, гоминьдановской «китаезации» и возглавленной ДПП «тайванизации», что указывает на осознаваемую властями роль языка в культурном и национальном строительстве. Два первых правительства проявляли жесткость в пропагандистско-административных методах проведения линии на языковую унификацию, что объяснимо тоталитарной сущностью режимов, их отношением к тайваньцам как к «чужим», которых необходимо любым способом «обратить в свою веру». Поскольку в руках пришлых японцев или гоминьдановцев находились все рычаги власти, поскольку главным каналом распространения государственного языка стала система образования, охватывавшая подавляющее большинство населения сетью школ, вузов, профессиональных учебных заведений и специализированных курсов повышения квалификации и языковой подготовки. И японские оккупанты, и сменившее их китайское правительство на всех уровнях госуправления вели кадровую политику, при служебном продвижении работников акцентируя внимание не только на профессиональных качествах, но и на знании ими государственного языка. Японцы успешно реализовывали программу «образцовых японских семей», члены которых (тайваньцы), имея стимул в виде получения ряда привилегий, придерживались в быту только японского языка и даже принимали японские фамилии. Контроль над прессой и радиовещанием также создавал благоприятные условия для внедрения государственного языка. Успех оккупантов был очевиден: к 1945 г. японский язык потеснил китайские диалекты даже в бытовой сфере, дети и молодежь в большинстве не знали языка дедов и прадедов (вплоть до полного непонимания между членами семей разных поколений); в письменной речи господствовал японский язык, он стал и средством межплеменного общения аборигенов острова³.

В работе над включением Тайваня в систему общекитайских связей и восстановлением экономики провинции первоочередной задачей властей Китайской Республики стало воспитание китайского национального сознания и искоренение японизмов из общественной и культурной жизни. Между прибывшими материковыми китайцами и тайваньцами сразу наметился психологический барьер, вызванный установкой новых властей: не знающие китайского языка тайваньцы определялись как неполноценные граждане, адепты Японии, которых надо направить «на путь истинный». Это привело к тому, что специалисты и чиновники из других провинций начали смотреть на местных граждан сверху вниз и даже презирать их. Хотя часть китайского населения приветствовала «Славное Освобождение» (*Гуанфу*) и с энтузиазмом принялась изучать новый государственный язык, далеко не все горели желанием вновь сесть за парту. Они были недовольны тем, что административный начальник Чэнь И прямо связал политическую дееспособность тайваньцев с их знанием государственного языка. Уже в 1946 г. власти санкционировали запрет на издание японоязычной периодики, ограничив доступ к информации для рядовых граждан и интеллигенции. Несколько позже было объявлено о том, что, несмотря на введение в действие Конституции Китайской Республики на территории Тайваня, муниципальные выборы откладываются до 1949 г. в связи с гражданской незрелостью населения, показателем которой является незнание государственного языка. Когда же 28 февраля 1947 г. вспыхнуло массовое недовольство тайваньского населения, вызванное рядом причин, в том числе экономическим порядком, коррупцией, правительство оправдало кровавое подавление восстания его «прояпонским» характером. Действительно, среди вышедших на улицу были и желающие вернуть привилегии, достигнутые при оккупантах, звучали песни на японском, который естественным образом стал языком агитации как понятный для наибольшего числа тайваньцев. После восстановления порядка (погибли тысячи людей)^{*} японский язык оказался полностью «вне закона», диалекты более не приветствовались⁴. Причина утери диалектами поддержки национального правительства состояла в том, что они могли также стать орудием объединения тайваньцев против «пришлых», подчеркивали местную специфику и, следовательно, способствуя сепаратизму, не соответствовали идее объединения всего китайского народа.

* В 1950 г. на основе «Временных правил национальной мобилизации на период мятежа» 1948 г. издан «Декрет о чрезвычайном положении».

После 1949 г., когда Тайвань стал не просто одной из частей Китая, а основной территорией Китайской Республики, политика китаезации приобрела определяющий смысл⁵, что обуславливало предельное внимание правительства к культурной и языковой сфере. Президент Чан Кайши отмечал, что серьезное внимание следует уделять жизненному образованию и воспитанию духа, чтобы каждый ученик смог «состояться как человек», «как китаец»; при этом важнейшее место занимает обучение государственному языку⁶. Следует помнить, что национальное строительство периода 1949–1987 г. велось в условиях чрезвычайного положения и это способствовало развитию и закреплению унитаристских тенденций во многих сферах жизни Китайской Республики. При этом в языковой политике правительство имело цель сформировать такое положение в обществе, при котором государственный язык стал бы единственным средством общения для всех слоев населения. Подчеркивалось, что грамотность и повышение уровня знаний граждан нужны для проведения демократии, реализации прав и обязанностей народа, а долг каждого китайца – способствовать возрождению своей страны, ослабшей и обедневшей за годы угнетения иностранными державами. Модернизация требовала множества условий, но первейшим из них называлась грамотность населения⁷. В то же время Министерство образования предпринимало шаги и для ограничения возможного распространения английского языка. Преподавание его начиналось только среди старшеклассников, подвергались критике просветительские мероприятия и демонстрация фильмов с использованием иностранных языков. С учетом немаловажного места религиозного культа в жизни общества, языковая политика регламентировала и дела церкви. Так, постановления 1955 и 1957 г. запретили ведение миссионерской деятельности с помощью латинской транскрипции и рекомендовали миссионерам западных религий применять письмо на государственном языке с добавлением национальной транскрипции *чжунинь фухао*. В 1958 г. введен запрет на проповедь на японском языке⁸. Начавшееся зимой 1956 г. «Движение за устную речь на гоюе» (*Шо гоюй юньдун*) подкреплялось постановлением об обязательном использовании государственного языка во всех организациях, учебных заведениях и общественных местах. Одновременно популяризировались такие тезисы, как «отсутствие единства в языке вредит единению нации», «разноречие губительно для государства», основания которым находили в исторических примерах. Подтверждением справедливости утверждений считалась позиция некоторых зарубежных сторонников «независимости Тайваня», которые, опасаясь силового включения Тайваня в состав КНР, считали, что этого можно избежать, сохраняя хэло как главный язык республики.

Язык (по Сунь Ятсену) – один из главных признаков государственности и нации, следовательно, создав письменность для южно-миньского диалекта, Тайвань обретет твердую опору для независимости. Но руководство партии Гоминьдан не намеревалось отказаться от претензий на легитимность своей власти над всем Китаем, поэтому такие идеи считались провокационными и антигосударственными. Наступление на диалекты велось постепенно: в 1955 г. вступило в действие «Положение о награждении и наказании» в школах, в соответствии с которым говорящие на диалекте получали устный или письменный выговор, победители конкурсов сочинений, декламации на *гоюе* поощрялись. В 1966 г. все учебные заведения получили от провинциального правительства «Планы по усилению внедрения гоюя». Отныне преподаватели и учащиеся обязывались везде и всюду говорить на *гоюе*, нарушители наказывались. При разъяснительной работе среди населения, во время проведения спортивных соревнований, показа кинофильмов также запрещалось использовать диалекты и иностранные языки или делать на них перевод. С 1970 г. в связи с констатацией факта ухудшения подготовки выпускников школ в государственном языке решением центрального правительства увеличивается дотация фондов организаций по распространению *гоюя* и определяются основные направления их работы: усиление обучения *гоюю* в школах и устройство курсов ликвидации неграмотности для взрослых, занятых в производстве, сельских жителей и аборигенов-горцев, а также воспитание преподавательских кадров; коррекция радиовещания в сторону роста передач на *гоюе*; подготовка программ на государственном языке и их реализация среди *хуацяо*. Кроме того, рекомендовалось использовать только государственный язык народным представителям на совещаниях и государственным служащим⁹.

Тем не менее южно-миньский диалект, переживший возрождение после «Славного Освобождения», на протяжении всего времени наряду с государственным служил языком межэтнического общения. Он сохранял свои позиции как просторечье, язык низов и даже среднего класса (в значительной мере представленного мелким бизнесом и, следовательно, свободного от директив правительства относительно средства общения). Верхи общества, политическая и экономическая элита к середине 1980-х гг. главным образом были представлены «пришлыми» тайваньцами и сторонниками партии Гоминьдан. С отменой чрезвычайного положения ДПП совместила заявление о себе как о партии всех тайваньцев с лозунгом придания местным языкам, в первую очередь южно-миньскому диалекту, равных прав с государственным. В уездах, где в результате выборов 1989 г. к власти пришли члены ДПП, всемерно поощрялась разработка учебных планов по родным языкам и их реализация в форме дополнительных занятий при школах¹⁰. В движение за родной язык включились и граждане-хакка по происхождению. Они оказались ущемленными в правах еще более, чем хэло: к 1989 г. вообще не было

телепередач на хакка, существовало только несколько радиопрограмм. Кроме того, хакка, составляющие 15 % населения Тайваня ощущали процесс ассимиляции другими этническими группами и в связи с этим утрату своего языка. ДПП избрала своим рабочим языком хэло в силу численного преобладания его носителей, а диалекту хакка внимания уделялось значительно меньше. В результате была предпринята неудачная попытка создания «Партии хакка», целью которой провозглашалась борьба против южно-миньского шовинизма и достижение равного положения диалектов¹¹. Постепенно к работе по подготовке преподавателей, изданию учебных материалов подключилось и центральное правительство. С 1996 г. в школьную программу официально вошел курс краеведения, включающий в себя изучение родного языка (диалекта)¹². Сегодня на Тайване практически преодолено воспитанное пропагандой негативное отношение к диалектам как к явлению вульгаризации языка. Политики активно пользуются знанием того или иного диалекта в предвыборной борьбе, местное наречие все чаще звучит в госучреждениях; растет число аудиопroduкции, кинофильмов, теле- и радиопрограмм на диалектах; в учебных заведениях дети свободны в общении на родном языке; выпускается литература (в основном художественная) и даже журналы на южно-миньском и хакка. Избрание президентом лидера ДПП Чэнь Шуйбяня способствует достижению фактически равноправного положения хэло и государственного языка. Однако юридическое изменение статуса южно-миньского диалекта может иметь нежелательные последствия – в форме общественного протеста части населения и создать напряжение в отношениях с Пекином.

Таким образом, на примере Тайваня мы видим, как проблема государственного языка актуализировалась в связи со сменой у руля власти разных политических сил. Как японская, так и гоминьдановская администрация, закрепляя за островом статус части Японии или Китая, осуществляли популяризацию государственного языка в целях легитимизации своей привнесенной власти и последующей ассимиляции населения. Пришедшая к власти «партия тайваньцев» постепенно готовит почву для изменений в законодательной сфере относительно статуса диалектов. На наш взгляд, описанные процессы являются характерными для выделенных ситуаций внутриполитических изменений в многоязычном обществе и доминирования пришлого элемента над местным.

Примечания

¹ Чжун О. Ни «батат» ни «таро» // Свободный Китай. 1999. № 2. С. 9.

² Гудошников Л., Кокарев К. Политическая система Тайваня. М., 1999. С. 147–149.

³ Сюй Сюэцзи. Вопрос о языке в начальный период после освобождения Тайваня // Сы юй янь (Тайбэй). 1991. Т. 29. Вып. 4. С. 157, 158.

⁴ Там же. С. 174–181.

⁵ Чэнь Мэйжу. Тайвань Гуанфу хоу юйянь цзяюй чжэнцэ яньцзю (Исследование о политике языкового образования после освобождения Тайваня): Канд. дис. Тайбэй, 1996. С. 62.

⁶ Указания Президента Государственному совещанию образования // Чжунго юйвэнь. 1962. Т. 10. Вып. 4. С. 4.

⁷ Ван Шоукан. Почему надо внедрять транскрипцию «чжунинь»? // Чжунго юйвэнь. 1959. Т. 4. Вып. 3. С. 34.

⁸ Чэнь Мэйжу. Указ. соч. С. 199, 200, 204.

⁹ Великое дело со дня установления Китайской Республики – движение за гоюй // Чжунго юйвэнь. 1971. Т. 28. Вып. 1. С. 16.

¹⁰ Инь Ляньжун. Планирование и проверка обучения местным языкам // Хуавэнь шицзе (Тайбэй). 1995. № 77 (сент.). С. 59.

¹¹ Чжао Лоцзинь. Гнев хакка – три требования журнала к выборам этого года // Кэцзя фэнюнь (Тайбэй). 1989. № 21. С. 2–4.

¹² Цзян Вэньюй. Рассуждение о современном положении обучения родным языкам на Тайване // Хуавэнь шицзе. 1995. № 75 (март). С. 60.

**ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ
VI МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА
«ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ: ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ»**

г. Улан-Удэ, 13–15 сентября 2001 г.

Организаторы семинара: Правительство Республики Бурятия, Министерство по делам федерации, национальной и региональной политики РФ, Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение», Институт философии и права Сибирского отделения РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, администрация Усть-Ордынского Бурятского национально-го округа, администрация Агинского Бурятского автономного округа, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Участники семинара: этносоциологи, этнографы, экономисты, философы, историки, демографы, культурологи, филологи, политологи, праведы, экологи, педагоги, генетики, психологи, работники органов управления, руководители национально-культурных и религиозных объединений, преподаватели и аспиранты вузов.

На семинаре представлено 115 докладов из Российской Федерации (г. Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Иркутска, Красноярска, Омска, Барнаула, Читы, Екатеринбургa, Томска, Тюмени, республик Бурятия, Тыва, Хакасия, Саха, Алтай, Ханты-Мансийского и Таймырского автономных округов), Казахстана, Узбекистана, Монголии, Великобритании, Канады.

Всего в работе семинара приняли участие около 130 человек.

Принято решение опубликовать материалы семинара в виде очередного пятого выпуска тематического сборника «Этносоциальные процессы в Сибири».

На пленарном и секционных заседаниях рассмотрены узловые проблемы:

- теории этноса и этносоциальных процессов в условиях усиления межнациональных взаимодействий, глобализации и интернационализации, а также теории цивилизаций (в том числе кочевой, евразийской) и диалога Восток-Запад;
- евразийства (евразийское сознание и концепция, взаимодействие христианства, ислама и буддизма, славяно-тюркский диалог, трансформация системы ценностей этносов);
- социальных последствий модернизаций и рыночных реформ для народов Сибири (экология, экономика, уровень и качество жизни, миграция, урбанизация); соотношение традиций и инноваций у народов Сибири в сферах труда, культуры, быта в современный период;
- этнодемографических процессов (проблемы семьи, брака, генетико-демографические аспекты метисации, влияние социально-экономических условий на продолжительность жизни и др.);
- социальных процессов (изменения в социальной структуре; межэтнические отношения в экстремальных условиях; проблемы национальных отношений; социальная политика государства);
- этнокультурных процессов (взаимодействие традиционных и массовых современных культур; диалог религий, религиозных верований и течений; этническое самосознание, этнические стереотипы, этнолингвистические аспекты межкультурных взаимодействий; молодежная субкультура; деятельность национально-культурных организаций; роль науки и образования);
- этнополитических процессов (развитие государственности и самоуправления; совершенствование федеративных отношений; представительство этносов в органах власти и самоуправления; суверенизация; политические элиты; роль женщин в политике; геополитические процессы в Центральной Азии);
- правового регулирования этносоциальных процессов (сравнительный анализ российского и зарубежного аборигенного права; теория, методология и технология правового регулирования этносоциальных процессов; правовые основы национальной политики);
- управления этносоциальными процессами (опыт реализации концепции государственной национальной политики; демографическая политика, регулирование процессов взаимодействия народов Севера с хозяйствующими субъектами; роль средств массовой информации в регулировании этносоциальных процессов);
- методологии, методики и техники этносоциальных исследований (системный подход к разработке целевых программ развития народов, сравнительные международные исследования; методика сравнительного исследования традиций и инноваций).

Доклады иностранных участников конференции позволили прояснить некоторые общие тенденции и особенности трансформации традиционных обществ и динамики этносоциальных процессов в Сибири и Центральной Азии. Проведен «круглый стол» по этносоциальным аспектам ценностей молодежи Бурятии и Шотландии (обмен опытом и методиками исследований).

На основе докладов и состоявшейся дискуссии сформулированы выводы и предложения по регулированию и дальнейшему исследованию проблем этносоциального развития народов Сибири.

Основные выводы

Для многонациональной и поликонфессиональной России – евразийской державы – характер социальных процессов в таком важном с экономической, культурной и геополитической точек зрения регионе, как Сибирь, является условием устойчивого развития, сохранения целостности.

Этносоциальные процессы в Сибири в период нынешних российских реформ носят сложный, противоречивый характер, соответствующий общемировым процессам в эпоху глобализации. Позитивные тенденции проявляются в определенной демократизации общественной жизни, в росте национального самосознания и оживлении интереса к национальным культурам и верованиям, языку, традиционным формам организации хозяйства и быта, в сохранении высокого уровня этнической толерантности, в расширении таких новаций, как экономическая предприимчивость и политический плюрализм. Этническая консолидация в Сибири в целом не ведет к усилению межнациональной напряженности, и регион остается стабильно устойчивым в политическом отношении, что в немалой степени определяется менталитетом веками взаимодействующих здесь евразийских этносов – представителей славян, тюрко-монголов, народов Севера и др.

В последние годы наблюдается определенный положительный сдвиг в уровне финансирования из местных бюджетов программ, направленных на удовлетворение материальных и культурных нужд населения из числа народов Севера (Тюменский Север, Таймырский АО и др.), в первую очередь в регионах добычи нефти, газа и других полезных ископаемых.

Активизировалась работа государственных органов и национально-культурных организаций во многих регионах Сибири в сферах культурной и языковой политики. Позитивный опыт реализации Концепции государственной национальной политики имеется в республиках Бурятия, Саха (Якутия), Хакасия, в Таймырском, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Иркутской, Читинской, Кемеровской и Томской областях. Создаются отделы, центры, лаборатории по проблемам развития народов Сибири. Проводятся мероприятия по диспансеризации населения, развитию традиционных ремесел, создаются творческие коллективы, проводятся национальные фестивали, праздники. Расширяется выпуск учебников и литературы на родных языках многих народов, обучение родному языку в детских садах и школах.

Сложнее решаются проблемы в других сферах жизни – экономической, социальной, политической, где в целом доминируют пока негативные тенденции. Экономические реформы, проводимые без учета региональной и этнической специфики, негативно влияют на состояние традиционных и индустриальных отраслей хозяйства и жизнеобеспечение народов Сибири, ведут к ослаблению семейных, хозяйственных, социальных связей как внутри этносов, так и между ними, социальному расслоению, снижению квалификации работников, деградации отраслевой и профессиональной структур населения, депопуляции, росту девиантного поведения, углублению недоверия к властям всех уровней.

Определенные позитивные тенденции отмечены в регионах добычи нефти и газа, где большие финансовые отчисления в местный бюджет позволяют использовать часть этих отчислений на нужды проживающих здесь народов, прежде всего народов Севера. Однако при этом происходит разрушение среды обитания и деградация традиционных отраслей хозяйства.

Наиболее остро стоят проблемы депопуляции, сокращения численности многих национальных групп, в том числе коренного населения. В результате нерегулируемого притока в Сибирь большого числа мигрантов из стран ближнего зарубежья произошло расширение теневого рынка труда и усиление криминализации общества. Формирование новых диаспор усложнило этническую структуру населения, обострило проблемы межнационального языкового общения. Увеличилось число внебрачных детей и неполных семей, произошло ослабление роли семьи в обществе. Снижение уровня и качества жизни основной массы населения и распространение бедности привели к существенному ухудшению физического, психического и социального здоровья, расширению алкоголизации и наркомании. Особенно сильно эти тревожные тенденции проявляются в молодежной среде, для которой характерными стали также рост иждивенческих настроений, индивидуализма и преобладание материальных ценностей над всеми другими; все это идет в ущерб духовно-нравственному потенциалу народов Евразии.

Остро стоят проблемы самоуправления и представительства разных этносов во властных структурах. Статус того направления государственной политики, которое касается регулирования национальных отношений и этносоциального развития отдельных народов, не соответствует реальным по-

требностям. Данное обстоятельство при отсутствии достаточных средств на реализацию полноценной государственной национальной политики стимулирует центробежные тенденции и ориентацию на регионализацию в среде значительной части национальных элит. Ситуация усугубляется тем, что органы управления не обладают точными знаниями о том, что происходит в области внутри- и межнациональных отношений в силу несовершенства механизма соответствующего информационного обеспечения.

Несмотря на то что гуманитарные науки по-прежнему продолжают исследования этносоциальных процессов без должного интереса и поддержки со стороны федеральных и местных органов власти, в ряде регионов Сибири наметились позитивные сдвиги в этом плане. Различные аспекты современных этносоциальных процессов изучаются в Бурятии и Якутии. Исследования по проблемам семьи, брака, развития государственности и самоуправления проводятся в Республике Алтай. Системный подход к разработке целевых программ развития народов Севера, взаимодействие этих народов с хозяйствующими субъектами используют исследователи Тюмени и Ханты-Мансийского автономного округа.

Евразийский аспект этносоциальных процессов активно разрабатывают исследователи Москвы, Барнаула, Иркутска, Улан-Удэ, Новосибирска. Важную роль в координации этносоциальных исследований в Сибири и Центральной Азии играет настоящий международный семинар, поддерживаемый Российским гуманитарным научным фондом. Однако вследствие финансовых затруднений кооперация и координация этносоциальных исследований в Сибири существенно затруднена.

Рекомендации

Участники семинара приняли решение довести до сведения органов управления разного уровня свои предложения о целесообразности рассмотрения этими органами совместно с заинтересованными организациями следующих актуальных вопросов.

Для Правительства РФ и Сибирского федерального округа:

- формулировки государственного заказа на разработку для Сибири общерегиональной концепции национальной политики с проработкой ее правовых аспектов, в том числе вопросов представительства этносов в органах законодательной власти;

- определения более четкого, чем в настоящее время, статуса структур, ответственных за реализацию национальной политики в органах власти субъектов Федерации, обеспечения их надлежащим кадровым и ресурсным потенциалом;

- рассмотрения вопроса о создании научно-исследовательского центра по изучению социально-экономических и правовых аспектов формирования единого экономического и социального пространства, углубления экономической, культурной и политической интеграции регионов Сибири и Центральной Азии;

- совершенствования миграционного законодательства и организации системы мониторинга миграционных процессов в Сибири;

- содействия экономической, культурной и политической интеграции стран Евразийского экономического Союза (ЕвразЭС), включая республики, края и области Сибири, а также интеграции этносоциальных исследований современных проблем народов Евразии;

- образования при Сибирском федеральном округе специальной структуры для разработки концепции и реализации национальной политики в Сибири.

Для законодательных и исполнительных органов государственной власти в регионах Сибири:

- обеспечения возможности ежегодного сбора статистических данных по демографическим, экономическим, культурным и социальным аспектам развития разных этносов и этнических групп Сибири, повышения квалификации муниципальных служащих по проблемам национальной политики;

- содействия обобщению опыта работы национально-культурных обществ и объединений;

- содействия расширению применения методов этнопедагогики, этнопсихологии, этноэкологии в образовательном процессе в школе и системе специального образования;

- содействия организации и проведению регулярных научных семинаров и конференций по различным аспектам межнациональных отношений, научной экспертизы программ, направленных на решение этносоциальных проблем;

- реализации этносоциального мониторинга с целью регулярного отслеживания и регулирования ситуации в сфере этносоциального развития и межнациональных отношений, создания информативно-консультативной базы органов местного самоуправления по данным вопросам.

Для научно-исследовательских учреждений и отдельных исследователей наименее изученными, но весьма актуальными, можно назвать следующие проблемы:

- философско-социологические исследования цивилизаций, в первую очередь евразийской;

- Россия как синтез славянской, тюрко-монгольской и циркумполярной (северной) цивилизаций;

- этносы Сибири в межкультурных взаимодействиях;

- традиционное хозяйство в разных моделях реформирования;
- трансформация ценностей традиционной этнической культуры в условиях современных российских реформ;
- современные этномиграционные и демографические процессы в Сибири;
- трансформация семейно-брачных отношений;
- динамика физического, психического и социального здоровья сибирских этносов;
- социальная мобильность; изменения в структуре основных социальных групп;
- культурные и политические ориентации национальных элит;
- трансформация содержания и системы ценностей молодежи;
- политические и правовые аспекты самоопределения этносов Сибири;
- соотношение коллективных прав и прав индивидов;
- социальная патология, девиантное поведение населения народов Сибири;
- изменение социальных функций языков народов Сибири;
- проблемы этнопсихологии и этнопедагогики;
- проблемы экологии и экологического сознания;
- проблемы культуры межнационального общения.

Оптимальной в условиях ограниченных ресурсов представляется кооперация исследовательских усилий ученых различных регионов Сибири, а также России и зарубежья и проведение комплексных исследований по согласованным программам и методикам, в том числе путем их презентации и анализа на семинарах такого рода.

Ю. В. Попков,
руководитель семинара,
д-р филос. наук, профессор
e-mail: popkov@philosophy.nsc.ru
тел.: (383-2) 30-22-40

Раздел I

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

<i>Тюгашев Е. А. (Новосибирск)</i> . Национальный вопрос в эпоху глобальных проблем: дискурс права.....	4
<i>Широкова М. А. (Барнаул)</i> . Восток и Запад в философско-политических концепциях ранних славянофилов.....	8
<i>Иванов А. В. (Барнаул)</i> . Евразийство и псевдоевразийство.....	13
<i>Костюк В. Г. (Новосибирск)</i> . Славяно-тюрко-монгольский синтез в евразийской цивилизации.....	18
<i>Рожанский М. Я. (Иркутск)</i> . Цивилизационные альтернативы в Сибири: трудности и предпосылки взаимодействия.....	23
<i>Дашибалов Б. Б. (Улан-Удэ)</i> . История бурят (евразийский взгляд).....	27
<i>Абаев Н. В. (Кызыл), Дондоков Б. Д. (Улан-Удэ)</i> . Буддизм, христианство и национальная идея бурят: «евразийские» аспекты.....	30
<i>Фельдман В. Р. (Кызыл)</i> . Кочевая цивилизация: критерии выделения и генетическая структура.....	34
<i>Фурсова Е. Ф. (Новосибирск)</i> . Этнографические и этнические группы: проблемы их идентификации и методов исследования.....	37
<i>Еремин С. Н., Попков Ю. В. (Новосибирск)</i> . Взаимодействие народов и культур Евразии в современных условиях: состояние, тенденции, перспективы (этносоциальный аспект) (исследовательский проект).....	40

Раздел II

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Посух О. Л., Осипова Л. П., Кашинская Ю. О., Губина М. А., Табиханова Л. Э. (Новосибирск)</i> . Генетические аспекты сохранности этноса.....	43
<i>Логинов В. Г. (Екатеринбург)</i> . Социально-демографические процессы в среде малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа.....	50
<i>Нимаев Д. Д. (Улан-Удэ)</i> . Современные проблемы и возможные пути развития бурятского этноса.....	55
<i>Гончарова Г. С. (Новосибирск)</i> . Ценности семейно-брачных отношений в современных условиях у народов Тувы и Хакасии.....	58
<i>Толубаева Л. Т., Вяткина Г. В. (Горно-Алтайск)</i> . Семья в условиях реформ (социологический анализ на примере жителей Горно-Алтайска).....	70
<i>Топчина А. П. (Новосибирск)</i> . Трансформация семейной структуры населения Горного Алтая во второй половине XX века.....	74
<i>Дятлов В. И. (Иркутск)</i> . Внешние миграции и переселенческий характер сибирского общества в XXI веке.....	79
<i>Аблажей Н. Н. (Новосибирск)</i> . Реэмиграция из Китая на территорию России и Казахстана во второй половине XX века.....	82
<i>Рафиков Р. Г., Крюков В. А. (Красноярск)</i> . Миграционные процессы в Енисейском регионе в 1990-е годы.....	87
<i>Стороженко А. А. (Кызыл)</i> . Участие старообрядцев в формировании поселенческой структуры Урянхайского края в начале XX века.....	96

Раздел III

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Андреев Ч. Г. (Улан-Удэ). Воспроизводство материальных условий жизни народов Сибири на рубеже XIX–XX веков.....</i>	103
<i>Доржинкевич С. И. (Москва). Технология социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера в условиях современных рыночных отношений.....</i>	108
<i>Мархинин В. В. (Сургут), Удалова И. В. (Новосибирск). Проблемы взаимоотношений традиционного хозяйства народов Севера и нефтегазового комплекса.....</i>	112
<i>Пахомов В. П., Игнатъева М. Н., Беляев В. Н., Логинов В. Г., Литвинова А. А. (Екатеринбург), Райшев А.И. (Ханты-Мансийск). Методические основы социально-экономического взаимодействия коренных малочисленных народов с хозяйствующими субъектами.....</i>	118
<i>Мартынова Е. П. (Тула), Пивнева Е. А. (Москва). Традиционное хозяйство обских угров и рынок: возможности сосуществования.....</i>	122
<i>Кривоногов В. П. (Красноярск). Кеты: десять лет спустя.....</i>	127
<i>Рассадин И. В. (Улан-Удэ). Современная социально-экономическая ситуация у тофаларов.....</i>	130
<i>Аблажей А. М. (Новосибирск). Основные проблемы жизни эвенков и способы их разрешения: мнение национальной элиты.....</i>	134
<i>Колмаков Г. В. (Кызыл). Уровень и качество жизни населения Республики Тыва (1991–2001 годы)...</i>	136
<i>Раднаева Ц. В. (Удан-Удэ). Региональные связи между Бурятией и Монголией в 1991–2000 годы.....</i>	139
<i>Митупов К. Б. (Улан-Удэ). Социально-экономическая ситуация и межнациональные отношения в Бурятии (1990-е годы).....</i>	143
<i>Балданов А. Л. (Усть-Ордынск). К проблеме единства бурятского этноса.....</i>	147
<i>Костюк В. Г., Попков Ю. В., Ушаков Д. В. (Новосибирск), Екеева Н. М. (Горно-Алтайск) Политическая и научная элита Республики Алтай о современных рыночных реформах в республике.....</i>	151
<i>Глендиннинг Э. (Абердин, Великобритания). Сельские сообщества, миграция и благополучие: насколько актуален анализ жизни молодых людей из Северной Шотландии для молодежи Сибири.....</i>	154

Раздел IV

ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В РАЗВИТИИ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА

<i>Харитонова С. А. (Улан-Удэ). Образовательные аспекты формирования полиэтнической культуры.....</i>	160
<i>Черных В. А. (Барнаул). Этнопсихотип как один из факторов культурно-исторического самоопределения России в евразийской концепции Н. С. Трубецкого.....</i>	165
<i>Михайлов Т. М. (Улан-Удэ). Народы и культуры Байкальского региона: проблемы взаимодействия.....</i>	169
<i>Башаров И. П. (Улан-Удэ). Современные представления о духах-хозяевах местности у русского промыслового населения Восточного Прибайкалья в свете этнокультурных контактов с бурятами и эвенками.....</i>	176
<i>Скрынникова Т. Д. (Улан-Удэ). Культура в языке дискурса национального возрождения бурят....</i>	178
<i>Бажеева Т. П. (Улан-Удэ). Двужычие в бурятских семьях (по материалам социологического исследования).....</i>	182
<i>Лашук Е. Я. (Москва). Региональное телевидение как механизм общекультурного просвещения и социализации (на примере деятельности регионального телевидения Бурятии).....</i>	186
<i>Ерохина Е. А. (Новосибирск). Культурная идентичность и социально-возрастной конфликт у представителей коренных малочисленных народов Севера.....</i>	191
<i>Выдрина Г. А. (Ханты-Мансийск). Культ Югры и формирование регионального межэтнического сообщества.....</i>	194
<i>Нямдаваа Г., Цэдэв Х. (Улан-Батор, Ховд, Монголия). Роль науки и образования в развитии западного региона Монголии.....</i>	198

<i>Кравец И. А. (Новосибирск)</i> . Конституционный мультикультурализм: правовые, этнические, социокультурные и идеологические аспекты.....	201
<i>Санжиев Г. Л., Будажапов С. П. (Улан-Удэ)</i> . Государственность народов Сибири: от автономии к республике.....	208
<i>Цихоцкий А. В. (Новосибирск)</i> . Правовой статус коренных малочисленных народов: проблемы теории и практики оформления.....	211
<i>Гудыма А. П. (Ханты-Мансийск)</i> . Ценности и сценарии арктической политики и место в ней народов Севера.....	215
<i>Баяндин В. И. (Новосибирск)</i> . К вопросу о военной службе коренных народов Сибири в царской армии.....	220
<i>Терентьева М. Н. (Новосибирск)</i> . Роль национально-культурных и политических организаций в формировании национального самосознания.....	225
<i>Голубев М. В. (Томск)</i> . Освещение региональными СМИ проблем государственного управления развитием коренных этносов (на примере Томской области).....	228
<i>Жалсанова В. Г. (Улан-Удэ)</i> . Политическая элита Бурятии в межнациональных процессах.....	231
<i>Даржаев С. Ю., Санжиева Г. Л. (Улан-Удэ)</i> . Местное самоуправление в Бурятии: история и современность.....	233
<i>Екеева Н. М. (Горно-Алтайск)</i> . Современное состояние национальных отношений в Республике Алтай.....	236
<i>Анайбан З. В. (Москва)</i> Современная социально-политическая ситуация в Туве и Хакасии (по результатам этносоциологических исследований).....	239
<i>Доржу З. Ю. (Кызыл)</i> . Участие женщин Тувы в политической жизни общества.....	243
<i>Комиссаров С. А. (Новосибирск)</i> . Тибетский вопрос: историческо-культурные и геополитические аспекты.....	248
<i>Ангаева Ю. С. (Улан-Удэ)</i> . «Китайский» фактор во внешнеэкономических связях Восточносибирского региона.....	253
<i>Азаренко Ю. А. (Новосибирск)</i> . Использование языковой политики в управлении этносоциальными процессами на Тайване.....	256

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выводы и рекомендации VI Международного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири: евразийский аспект» (Улан-Удэ, 13–15 сентября 2001 год).....	260
--	-----

Научное издание

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СИБИРИ**

Тематический сборник
Выпуск 5

Ответственный редактор
Ю. В. Попков

Редактор
В. И. Смирнова

Корректоры
В. И. Смирнова, Н. В. Козлова

Подписано в печать 05.03.2003. Формат 60x84 1/8. Офсетная печать.
Уч.-изд. л. 33,5. Тираж 500 экз. Заказ №349

Лицензия ЛР № 021285 от 6 мая 1998 г.
Редакционно-издательский центр НГУ 630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.